

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

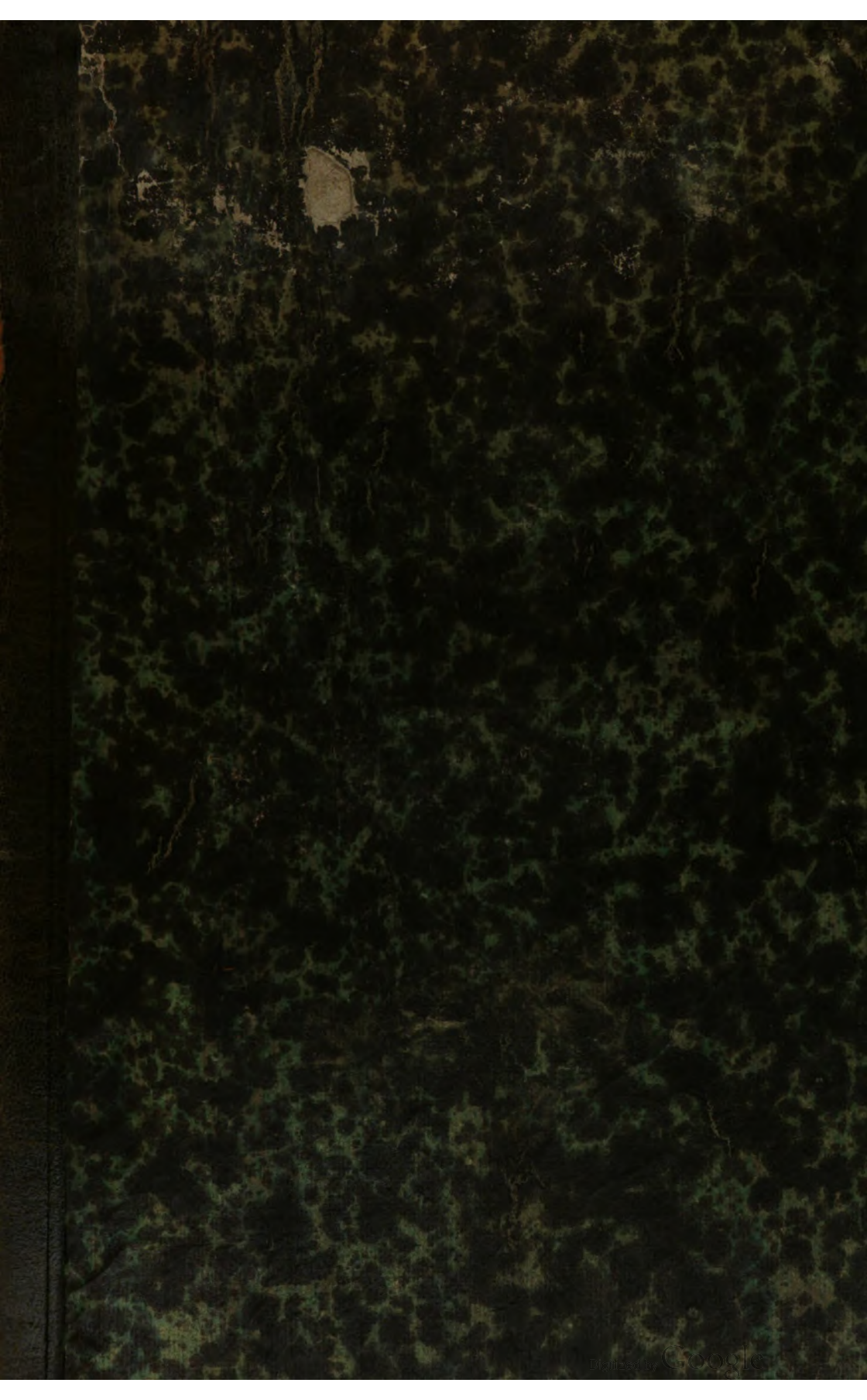
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Р. 200-233.4 (1815)
1947

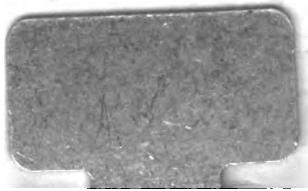
ПРОВЕРЕНО
1940 г.

ИЮН 1947

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЮЛЬ.

1875.

ДѢЛО

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ПЕРЕКАТОВЪ. (Очеркъ изъ жизни русскихъ празднующающихся за-границей.) (Окончаніе.) . Л. УРБАНА.
- II. ИСПОВѢДЪ СТАРИКА. Романъ. (Гл. VIII—IX.) ИПОЛИТА ПЬЕВО.
- III. СТАРЫЙ САДОВНИКЪ. Стихотвореніе. (Съ нѣмецкаго.) М. П.
- IV. НА ПУТИ ВЪ ПЕРСІЮ. I. На-лету и астраханскіе калмыки. П. ОГОРОДНИКОВА.
- V. ОСЕНЬЮ. Стихотвореніе. И. СУРИКОВА.
- VI. КРАСАВЕЦЪ. Романъ. (Гл. V—VIII.) ЖЮЛЯ КЛАРЕТИ.
- VII. ОТЕЦЪ. Стихотвореніе. (Изъ Ф. Коппе.) М. П.
- VIII. Н. А. ПОЛЕВОЙ И „МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“. (Окончаніе.) С. СТАВРИНА.
- IX. МОЯ ПѢСНЯ. Стихотвореніе. И. СУРИКОВА.
- X. СЪ СѢВЕРА НА ЮГЪ. Романъ. (Книга II, часть 2-я, гл. XIX—XXX.) И. Н. КАРАЗИНА.
- XI. ПОГРЕВЕНІЕ НИЩЕЙ СТАРУХИ. Стихотвореніе. (Изъ Н. Ленау.) П. БЫКОВА.
- XII. ЭПОХА ПРЕОБРАЗОВАНІЙ ВЪ НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ. А. МИХАЙЛОВА.
- XIII. ВЪ ЛѢСУ. Стихотвореніе. И. СУРИКОВА.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XIV. НЕХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РОМАНЪ. П. РАДОКНИНА.

(„Въ Новомъ Свѣтѣ“, русскій романъ изъ американской жизни. Выпускъ 1. Соч. Н. Муромскаго. Спб., 1875 г.)

XV. БЕЛЕТРИСТЫ-ЭМПИРИКИ И БЕЛЕТРИСТЫ-МЕТАФИЗИКИ. (Ст. вторая.) П. НИКИТИНА.

XVI. ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. АНОНИМА.

XVII. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. П. Н. ГРАЧЮЛИ.

Нѣчто о конгрессахъ и ихъ значеніи для науки и для практической жизни.—Конгрессы прошлаго 1874 года.—Конгрессъ „Общества развитія наукъ“ въ Лиллѣ.—Конгрессы мира въ Женевѣ.—„Общество международного права“.—„Общество реформы и кодификаціи международного права“.—„Лига мира и свободы“.—Конгрессъ нѣмецкихъ экономистовъ.—Конгрессъ въ Грегфилдѣ.— Конгрессъ въ Эйзенахѣ.— Санитарная конференція въ Вѣнѣ.— Съѣздъ германскаго гигиеническаго общества въ Данцигѣ.— Конгрессъ членовъ „Social Science Association“ въ Глазговѣ.

XVIII. СПИРИТИЗМЪ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ. (Письмо изъ Парижа.)

XIX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. Салонъ и общество во Франціи. М. ТРИГО.

Ростъ большихъ городовъ.—Значеніе ихъ въ наше время.—Характеристическое отличіе Парижа.—„Весь Парижъ“.—Управляющіе классы во Франціи.—Элементы, входящіе въ составъ управляющихъ классовъ.—Ихъ численность.—Причины упадка салона.—Масса расходуемой энергіи.—Упадокъ драматическаго искусства.—Раутъ.—Стремленіе къ наживѣ, овладѣвшее французскою буржуазіей.—Искусство развлекаться.—Исчезновеніе обжорства.—Стремленіе возстановить его.—Современная молодежь.—Ководсы.—Непомѣрная роскошь туалетовъ свѣтскихъ дамъ.—Г-жа Монсэ.—Великій маэстро портного искусства Вортъ.—Экстренный поѣздъ желѣзной дороги для бальнаго платья.—Графиня Рапъ.—Герцогиня Кастильоне.—Описаніе баловъ въ парижскихъ газетахъ.—Блескъ и роскошь баловъ во время второй имперіи.—Костюмированный балъ у графа Валевскаго.—Маленькій Фаустъ.—Гравюра: путь маленькаго Фауста чрезъ Шарантонъ.

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Одинъ изъ экономическихъ вопросовъ, стоящихъ на первой очереди. Д. МОРДОВЦЕВА.

Приглашеніе прибрежныхъ жителей, а особенно крестьянъ-рыбаковъ и промышленниковъ, взятыя за дѣло русскаго мореплаванія. Изд. Х. Вальдемаръ, М. 1868.—Уставъ общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, 1873.—Докладная записка по дѣлу высочайше утвержден. общества для сод. рус. тор. мор., М., 1874.—Предварительныя извѣщенія по дѣлу о

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Книж. № 24489

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

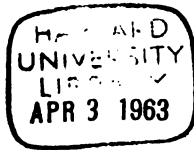
ТИПОГРАФІЯ В. ТИШОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1875.

P. 16498

2
Рис. 331.11 (1875)
✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 іюля 1875 г.

ПЕРЕКАТОВЪ.

Очеркъ изъ жизни русскихъ празднующихся за-границей.

(Окончаніе.)

Анна Семеновна провела цѣлыя сутки въ большой нерѣшительности, какъ ей слѣдуетъ поступить: написать-ли Перекатову дерзкое письмо и просто-на-просто сказать ему, что онъ подлець, или пойти къ нему и спокойно потребовать у него объясненія? Она то злилась на Баянова и называла его лгуномъ и клеветникомъ; но тутъ опять въ воображеніи ея вставала голова Баянова, и Анна Семеновна даже раза два громко воскликнула: „Нѣтъ, онъ не можетъ лгать!“ Въ порывѣ негодованія она рѣшила ни за что не ѣхать на вечеръ къ Софьѣ Михайловнѣ, и въ первый разъ, какъ встрѣтитъ ее, непремѣнно наговорить ей дерзостей.

Анна Семеновна вообще была особа порывистая, и не всегда знала сегодня, что сдѣлаетъ завтра. Ей, напримѣръ, иногда цѣлую недѣлю кажется, что вотъ того-то она ни за что на свѣтѣ не сдѣлаетъ, а глядишь, въ самую послѣднюю минуту вдругъ взгляды ея переменяются. Что заставитъ ихъ перемениться? Собственно говоря, ничего, а просто она посмотритъ на вещь съ другой точки зрѣнія.

Такъ случилось и въ настоящемъ случаѣ. Анна Семеновна до послѣдней минуты твердила себѣ, что ни за какія деньги не поѣдетъ къ Софьѣ Михайловнѣ, и вдругъ, ужъ часовъ въ девять вечера, стала одѣваться, причешиваться и послала дѣвушку за каретой. Какая метаморфоза свершилась въ умѣ ея? Ей только пришло въ голову: „что-жь, боюсь я, что-ли, Софью Михайловну?“

Анна Семеновна накинула пальто и поѣхала.

Когда она вошла въ гостиную, она увидѣла въ ней только хозяйку и Перекатова. Они сидѣли рядомъ на диванѣ; Софья Михайловна какъ-то уходила въ его мягкія подушки, Матвѣй Ивановичъ крутилъ вѣчную папироску, безцеремонно просыпая свой грошовый табакъ на дорогую скатерть стола.

Софья Михайловна была ужь женщина немолодая и время оставило-таки порядочный слѣдъ на ея наружности; но она старалась увѣрить своихъ друзей, что не время согнало румянецъ съ ея щекъ и избородило ея лобъ морщинами, а душевныя страданія. Она говорила со вздохомъ, что молодость ея была цѣлымъ рядомъ испытаній и огорченій. Въ чемъ именно заключались всѣ эти злосчастія, друзья ея не домогались узнать. Софья Михайловна принимала ихъ любезно, и они этимъ довольствовались. Имѣя высочій титулъ и вращавшись въ Петербургѣ въ высшихъ общественныхъ сферахъ, въ Мюнхенѣ Софья Михайловна положительно не хотѣла, чтобъ ее величали титуломъ, и никого не принимала изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Она заперлась съ своими дѣтьми въ прекрасной дачѣ, на полчаса разстоянія отъ города, и никуда оттуда не выѣзжала. Ея новыя друзья, большею частью мужчины, ѣздили къ ней; немногія знакомыя дамы, въ числѣ которыхъ была и Анна Семеновна, не считались визитами.

Увидя Анну Семеновну, Софья Михайловна любезно поднялась съ дивана и протянула ей свою крошечную ручку. Въ ея немножко шепелявомъ: „здравствуйте, Анна Семеновна“, прозвучало что-то болѣзненное; во фразѣ Анны Семеновны: „добраго вечера, Софья Михайловна, какъ поживаете?“ — что-то недружелюбное, даже презрительное. Софья Михайловна вся покраснѣла и слегка вздрогнула; ротъ Анны Семеновны покривился. Сильно не любили другъ друга эти двѣ женщины!

Ихъ раздѣляло „несходство убѣжденій“, какъ каждая изъ нихъ говорила, но вѣроятнѣе, что ихъ раздѣляло соревнованіе. Каждой хотѣлось быть первымъ другомъ Перекатова, а онъ не отдавалъ ни одной изъ нихъ явнаго предпочтенія.

— Пойдите, найдите! дружески махая рукой, положилъ Перекатовъ конецъ любезному здорованію, — намъ васъ не нужно; мы здѣсь секретничаемъ!

Анна Семеновна кивнула ему головой и улыбнулась на секреты Перекатова, который говорилъ ихъ такъ осторожно, что она слы-

пала каждое слово еще изъ передней, и направилась въ ярко-освѣщенной двери столовой, изъ которой вылеталъ пріятный запахъ дорогихъ винъ и дорогихъ сигаръ. Ее окликнулъ голосъ Зинаиды Романовны.

Зинаида Романовна поѣщалась въ самомъ темномъ углу гостиной, на маленькой отоманкѣ. Съ нею рядомъ сидѣлъ мужчина, вполне ей незнакомый. При ея приближеніи онъ тотчасъ-же вскочилъ.

— Ха, ха, вы меня не замѣтили! смѣялась Зинаида Романовна.

— Здѣсь такъ темно....

— Да, я ушла отъ шума столовой! тамъ жарко и накурено; не ходите туда, сядьте къ намъ... Маркъ Осиповичъ Джигитай, русскій художникъ, другъ Матвѣя.

Анна Семеновна бросила одинъ взглядъ на Джигитая, другой на Зинаиду Романовну—и все поняла. Зинаида Романовна была въ своемъ новомъ платьѣ; голубой бантикъ съ розаномъ кокетливо красовался въ ея свѣтлыхъ волосахъ. На лицѣ ея было какое-то юное, веселое выраженіе. Она такъ мало походила на вѣчно-задумчивую, часто надутую Зинаиду Романовну.

Анна Семеновна уже кое-что слышала о Джигитай. Сама Зинаида Романовна не разъ говорила ей о немъ, а Матвѣй Ивановичъ по секрету сообщилъ ей, „что Зиночка, кажется, чувствуетъ къ нему нѣжность“.

— Присядьте къ намъ, сказала Зинаида Романовна, указывая на мѣсто, оставленное Джигитаемъ.—У насъ нѣтъ тайнъ.—И она вскользь взглянула на Джигитая.

Анна Семеновна, по природѣ дочь Евы, т. е. особа любопытная, воспользовалась приглашеніемъ. Ей хотѣлось разсмотрѣть Джигитая. Во время довольно пустого разговора, въ продолженіи котораго Джигитай стоялъ передъ дамами, Анна Семеновна не разъ взглянула на него. Онъ былъ средняго роста и соединялъ въ себѣ два, повидимому, несоединимыя свойства: важность и вертлявость. Всѣ черты его худого лица были отточены рѣзкими углами; высокій лобъ, горбатый носъ, правильный ротъ,—все было отчетливо, закончено, и только темно-сѣрые глаза блистали неопредѣленнымъ блескомъ, а вертлявая важность движеній придавала всей наружности Джигитая что-то двойственное, лукавое.

Онъ вертѣлся и разводилъ руками, бесѣдуя съ дамами, а чернѣйшій силуэтъ его рѣзко выступалъ на яркомъ фонѣ двери столовой. Анна Семеновна не могла не замѣтить, что плечи его слишкомъ высоки, а ноги несоразмѣрно длинны. Торсъ его былъ такъ миниатюрень, что куцая модная визитка точно охватывала станъ двѣнадцатилѣтняго мальчика.

— Маркъ Осиповичъ не русскій? спросила она, обращаясь къ Зинаидѣ Романовнѣ.

— Да-съ и нѣтъ-съ, скороговоркой и съ сильнымъ удареніемъ на *p* заговорилъ Джигитай: — отецъ мой былъ уроженецъ Кавказа... О! онъ былъ славный парень, хотя и не чистый горецъ! Онъ былъ сынъ знаменитаго Джигитая, который когда-то наводилъ страхъ и трепетъ на нашъ крещенный народъ. У меня хранится сабля дѣда, вонзившаяся не въ одну православную грудь! Дѣдъ былъ на Кавказѣ чѣмъ-то въ родѣ французскаго Ролана. Про него сложилось множество легендъ и пѣсенъ. Но и онъ погибъ, наконецъ, въ бою, а семья его была разметана по лицу земли. Отецъ мой попалъ въ Одессу и завелъ торговлю съ Персіей и съ Турціей. Однажды онъ спасъ на свое торговое судно часть пассажировъ съ погибающаго турецкаго корабля. Корабль оказался контрабандистскій и шелъ изъ Италіи. Между прочей контрабандой была, проданная въ гаремъ, венеціанская дѣвица замѣчательной красоты. Она прельстила отца и онъ женился на ней. Вашъ покорнѣйшій слуга — плодъ ихъ любви.

— Да это цѣлый романъ! замѣтила Анна Семеновна. Но почему-то при словахъ „венеціанская дѣвица“ ей живо припомнился Шейлокъ. Да, положительно передъ ней стоялъ не дикій горецъ, не венеціанецъ, — передъ ней стоялъ Шейлокъ! Юный, смѣлый, образованный, въ модной визиткѣ, бѣгло говорящій на многихъ языкахъ, но все-же Шейлокъ, съ его безконечной алчностью къ золоту и безконечной жестокостью въ людямъ.

— О, это больше, чѣмъ романъ, это сказка изъ „Тысячи и одной ночи“! говорилъ между тѣмъ Джигитай; — но жаль, что сказка не для всѣхъ кончилась радостно...

— Ваши родители еще живы?

— Нѣтъ-съ, въ томъ-то и горе, что они седьмой годъ какъ скончались! Они погибли въ морѣ и вмѣстѣ съ ними погибло все наше богатство... Согласитесь, что это фатально!..

— На что вамъ богатство, прервала его Зинаида Романовна со взглядомъ восторга, — когда у васъ такой огромный талантъ!

— О, моя дражайшая Зинаида Романовна! не то съ насмѣшкой, не то съ досадою произнесъ Джигитай и еще выше поднялъ свои высокія плечи, — что значить въ нашъ вѣкъ *огромный талантъ*! Это понятіе такое-же отвлеченное, какъ, напримеръ, послѣднее благословеніе честныхъ, но бѣдныхъ родителей.

И Джигитай прервалъ свою рѣчь легкой трелью отрывистаго смѣха.

Изъ столовой послышался дружный залпъ звонкаго хохота. Анна Семеновна оставила своихъ собесѣдниковъ и отправилась туда.

Въ столовой, за длиннымъ столомъ, уставленнымъ всякимъ десертомъ и винами, сидѣло человѣкъ десять. Почетное мѣсто занималъ молодой человѣкъ съ полной, румяной фізіономіей и нѣсколько тяжеловатый тѣломъ, впрочемъ, рослый, съ красивымъ и пріятнымъ выраженіемъ лица. Это былъ Левъ Филиповичъ Вейдель, въ нѣкоторомъ родѣ хозяинъ дома, т. е. — какъ-бы это сказать? — онъ былъ хозяинъ хозяйки, но хозяйка любила, чтобы гости считали его хозяиномъ. Впрочемъ, это было не трудно. Левъ Филиповичъ прелестно держалъ себя: онъ встрѣчалъ, угощалъ и провожалъ гостей съ ловкостью любезнаго кавалера и съ пріятливостью добраго малаго. Его любезность и тактъ искушали его не совсѣмъ ловкое положеніе и даже друзья Софьи Михайловны, начиная съ Перекатова, увѣряли другъ друга, что во *всемъ этомъ дѣлѣ*, какъ они выражались, она играла роль жены Пентефріа, а онъ погрѣшилъ только тѣмъ, что не обладалъ добродѣтелью Іосифа прекраснаго.

Левъ Филиповичъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ и рукой, украшенной перстнями, побрякивалъ вилкой по ножкѣ бокала, въ которомъ пѣнилось шампанское. На другомъ концѣ стола какое-то необыкновенное безобразіе въ юбкѣ, зовущееся Катюшей, разливало чай. По обѣимъ сторонамъ, между хозяиномъ и экономкой, помѣщалось нѣсколько дѣтей, длинная, тонкая дѣвица съ рѣзкими манерами, Горицынъ да кое-кто изъ кабардинцевъ.

— Прохвость! кричалъ Горицынъ, когда вошла Анна Семеновна, неистово жестикулируя по направленію къ Вейделю, — что ты рассказываешь про своихъ какихъ-то геніевъ! Скажите,

пожалуйста, свѣтъ удивилъ, что нарисовалъ бабу въ лохмотьяхъ! Америку открылъ, новость великую міру повѣдалъ, что у насъ народъ въ лохмотьяхъ ходитъ!.. А-а, Анна Семеновна, мое вамъ почтеніе.

— О чемъ это вы горячитесь?

— Постойте, не мѣшайте, мнѣ нужно ему хорошенько отвѣтить!.. Такъ ты воображаешь, что твой Баяновъ—великій гений? съ новымъ азартомъ обратился онъ къ Вейделю, который тѣмъ временемъ усаживалъ Анну Семеновну, и даже не слушалъ Горицына, а приготовлялся, по случаю ея прихода, пустить въ потолокъ новую пробку,—ты воображаешь, что твой художникъ семи пядей во лбу, а я тебѣ скажу, что я, да, я, Иванъ Горицынъ, въ бытность мою еще на школьной скамьѣ, изображалъ ужъ на бумагѣ то, до чего твой знаменитый жанристъ додумался только чуть-ли не у гробовой доски...

— Да отстань ты отъ меня, Христа ради! выпьемъ лучше за здоровье нашей милой гостьи, Анны Семеновны.

Горицынъ подошелъ къ Аннѣ Семеновнѣ и чокнулся съ нею.

— Выпьемъ за безсмертную славу нашего друга, Перекатова, произнесъ онъ, обращаясь къ Вейделю, и однимъ залпомъ осушилъ весь бокалъ. — Да, вотъ это человѣкъ!.. Это не твой знаменитый жанристъ!.. Ты вотъ только умѣешь усаживать да подбивать, а ты-бы послушалъ Перекатова!.. Онъ теперь старикъ, а чего онъ въ жизни-то своей не извѣдалъ?.. Не то, что мы съ тобой...

— Да знаю я, знаю, съ небрежнымъ нетерпѣніемъ отозвался Вейдель;—кажется, я познакомилъ тебя съ нимъ, а не ты его со мной.

— Иванъ Денисовичъ, обратилась къ Горицыну длинная дѣвица,—вы давеча сказали мнѣ, что хотите браниться со мной при первомъ удобномъ случаѣ. Чего-жь еще ждать? бранитесь!

— Очень вамъ пойдетъ впрокъ моя брань! Какая вы есть, такую и останетесь! махнулъ онъ рукой.—Вотъ вы теперь ищите какой-то дѣятельности, какихъ-то занятій, хотите читать что-то или чѣмъ-то заниматься... Но вѣдь все это одна блажь. Ничего вы не сдѣлаете, ничему не научитесь, пользы никому никакой не принесете, а будете вѣчно скакать амазонкой!.. Да что тутъ и говорить!..

— А вы что-же сдѣлали полезнаго, позвольте спросить? раздраженно отозвалась барышня.

— Я что сдѣлалъ?.. Гмъ... вамъ это интересно знать? А я то сдѣлалъ, что на рысакахъ не скакалъ и скакать не буду, и конфеты ѣсть цѣлыми днями тоже не буду. Вѣдь вотъ какая вы, вы на все смотрите съ точки зрѣнія удовольствія. У васъ кровинки въ лицѣ нѣтъ, вамъ надо ѣсть мясо, а вы и слышать объ этомъ не хотите—не вкусно, конфеты вкуснѣе!.. Вамъ надо пѣшкомъ ходить, а вы все въ кабриолетѣ да на лошади ѣздите—ходить скучно, долго. Что вы дѣлали въ Россіи? Читали что-нибудь, образовывались? Сами вы говорите, что держали цѣлый полкъ офицеровъ у своихъ ногъ!.. Надоѣли вамъ теперь ваши офицеры, вотъ вы и прискакали сюда и блажите, что вамъ надо чѣмъ-нибудь заняться... А чѣмъ вы займетесь, если у васъ тутъ пустая квартира!—И онъ хлопнулъ себя по лбу.—А, впрочемъ, не обижайтесь, вы милая дѣвица, позвольте ручку!

Дѣти разразились дружнымъ хохотомъ; барышня обиженно что-то протараторила и не давала руки. Горицынъ ловилъ ее и увѣрялъ, что вовсе не хотѣлъ обидѣть милую дѣвицу, Настасью Андреевну.

— Нѣтъ, вы мнѣ прежде скажите, что вы такое сдѣлали? настаивала раздосадованная Наталья Андреевна.

— Ну-ка, ну-ка, Горицынъ, говорите, кричали дѣти, хлопая въ ладоши.

— Я-то что сдѣлалъ?

— Да, да, вы!

— Извольте, я скажу вамъ, что я сдѣлалъ, если вамъ это интересно знать,—я у васъ крестьянъ отнялъ, тѣхъ самыхъ крестьянъ, на денежки которыхъ вы конфеты подѣдали!.. Тѣхъ самыхъ, которыхъ вы, до пріѣзда сюда, заставляли тридцать верстъ пѣшкомъ пройти, чтобъ спину имъ показать!.. Да-съ, вотъ что я сдѣлалъ!.. Я освободилъ людей, понимаете-ли, *людей* отъ вашихъ капризовъ!.. Можете мнѣ за это въ ножки поклониться!..

— Такъ это вы составляли проектъ освобожденія? съ истерическимъ хохотомъ замѣтила Настасья Андреевна.

— Да-съ, я-съ! съ азартомъ воскликнулъ Горицынъ.—Братъ

мой былъ тогда при комисіи, мы съ нимъ вмѣстѣ и составляли проектъ... Вамъ это смѣшно?...

— А расскажите-ка Настасья Андреевичъ, какъ вы за турецкими кораблями гнались! кричали дѣти, подпрыгивая на стульяхъ.

— Желаете послушать? Извольте, расскажу. Мой закадычный другъ служилъ лѣтъ пять тому назадъ чиновникомъ особыхъ порученій при одесскомъ губернаторѣ. Я пріѣхалъ къ нему погостить; только до насъ доходятъ слухи, что жида воруютъ на Кавказѣ грузинскихъ дѣвушекъ и перевозятъ ихъ на корабляхъ въ Турцію. Мы сейчасъ къ тому, къ сему; составили цѣлую компанію. Человекъ двадцать поѣхало насъ въ катеръ въ погоню за турецкими кораблями. Отплыли мы верстъ тридцать въ море, когда поднялась страшная буря. Ну, думаю, конечно, никогда не увидѣть намъ больше твердой земли. Я, однако, не растерялся; сейчасъ скомандовалъ раздѣлиться на двѣ группы: одни гребутъ, другіе отдыхаютъ...

— Горицынъ, а Горицынъ! звалъ его уже въ десятый разъ Левъ Филиповичъ.

— Такимъ-то образомъ...

— Горицынъ! эй! слышь! Горицынъ!

— Да что тебѣ?

— Сегодня я читалъ въ газетахъ, что въ южной Америкѣ спустился воздушный шаръ на шалаши туземныхъ дикарей. Они нашли въ лодкѣ живого человека и тотчасъ-же сварили его и съѣли. Это былъ не ты?

Раздался опять дружный залпъ хохота. Настасья Андреевна такъ и заливалась. Она уже не сердилась на Горицына — онъ развлекалъ ее.

— Прохвость! снова кричалъ Горицынъ, неистово тараща глаза и откидывая длинные волосы отъ своего мертвенно-блѣднаго лица, — прохвость твой Баяновъ!.. Я съ тобой и говорить не хочу!..

Горицынъ вертѣлся, размахивалъ руками, говорилъ то докторально, ударяя большимъ пальцемъ по столу, какъ часто говорить учителя, то подбоченясь и покачиваясь фертонъ, къ большой потѣхѣ всѣхъ присутствующихъ. Одной только Аннѣ Семеновнѣ онъ былъ жалокъ; она незамѣтно встала изъ-за стола и подошла къ окну. Блѣдный лобъ ея плотно прижался къ стеклу;

изъ черныхъ глазъ выкатились двѣ крупныхъ слезы и упали на подоконникъ. Ужасную тоску навѣяло ей на душу все это общество. Она уже раскаялась, что пріѣхала, и рѣшилась вызвать Перекатова на разговоръ, объясниться съ нимъ и уѣхать. Она устремила глаза на окрестность. Ночь была весенняя, лунная. Природа только-что одѣлась въ роскошную, свѣжую зелень. Анну Семеновну манило въ этотъ миръ и покой тихой ночи. Ей не терѣлось оставить знойную комнату съ компаніей, потѣшающейся, въ лицѣ Горичина, надъ своею собственной глупостью. Ей хотѣлось приложить къ своимъ разгорѣвшимся щекамъ свѣжую траву, увлажненную ночной росой; ей хотѣлось безмолвія, одиночества, чтобы она могла выплывать то гнетущее чувство, которое легло ей на душу, но чтобы этого никто не видѣлъ и не слышалъ.

Кто-то окликнулъ ее; она обернулась. За дружеской, добродушной фізіономіей Льва Филиповича какъ изъ земли выросло насмѣшливое лицо Джигитая. Лучъ висячей лампы ярко освѣщаль его. Отъ контраста свѣта и тѣни и безъ того рѣзкіе углы этого лица отчеканились еще рѣзче. Анна Семеновна не могла вынести пронизывающаго холодомъ взгляда этихъ сѣрыхъ глазъ и отвернулась. Когда она снова посмотрѣла на то мѣсто, гдѣ стоялъ Джигитай, его уже не было. Воспользовавшись общимъ смѣхомъ и шумомъ, Зинаида Романовна подмигнула ему и скользнула на балконъ, а оттуда спустилась въ садъ. Джигитай повертѣлся около Вейделя, отпустилъ ему двѣ-три ѣдкія шутки, выпилъ за его здоровье и преуспѣваніе бокаль шампанскаго и, уловивъ удобную минуту, юркнулъ туда-же. Софья Михайловна вышла изъ гостиной, любовно посмотрѣла на Вейделя, спросила его: „тебѣ весело, Леоп?“ — отерла его влажный лобъ своимъ платкомъ и сѣла съ нимъ рядомъ.

— Анна Семеновна, теперь ваша очередь, пожалуйста-ка, весело гаркнудъ Перекатовъ, вытанувъ свою высокую фигуру чуть-ли не во всю длину двери.

Анна Семеновна вошла въ гостиную, сильно взволнованная,

— Ну что, были?

— Была.

— Рассказывайте!...

Анна Семеновна молчала, то смотря на Перекатова, то опуская глаза въ полъ.

— Ну, ну, валайте все, кабысть есть, безъ всякихъ утаекъ и деликатничаній!...

Анна Семеновна еще разъ поглядѣла на Перекатова и живо вспомнила гордую, холодную фигуру Баянова. Ей вдругъ ужасно захотѣлось быть такою-же гордой и холодной, и, стараясь подражать Баянову въ интонаціи и выраженіяхъ, она передала Перекатову почти весь вчерашній разговоръ. Онъ слушалъ, слушалъ и не выдержалъ:

— Довольно! вскричалъ онъ, — довольно! и вы всему этому повѣрили, Анна Семеновна?

— Я не знаю...

— А-а, вы не знаете!.. вы не знаете...—Перекатовъ искалъ въ умѣ аргумента, которымъ-бы разомъ могъ разбить всѣ сомнѣнія Анны Семеновны. Наконецъ глаза его радостно свергнули и онъ наклонился къ ней.—Хотите, я дамъ вамъ ключъ къ этой загадкѣ? Да нѣтъ, вы усомнились во мнѣ, васъ нужно помучить....

— Говорите, ради Христа говорите; со вчерашняго дня я сама не своя!

— Зачѣмъ-же вы не пришли ко мнѣ вчера прямо отъ Баянова?

— Я была поражена, взволнована, уничтожена... Я проплакала весь вечеръ и половину ночи...

— Ну, ну, бѣдная, пусть это вамъ и будетъ наказаніемъ, ужъ я, такъ и быть, прошу васъ.

— Матвѣй Ивановичъ, пожалуйста, говорите скорѣй...

— Баяновъ хотѣлъ купить, понимаете-ли, *купить* у меня Зину... А-а, ну, теперь поняли...

— Что за мерзость! съ отвращеніемъ произнесла Анна Семеновна и схватилась за голову.

— Да-съ, мерзость, вы совершенно правы. Тѣмъ болѣе, что у него уже есть своя Форнарина. Вы вчера ее не видѣли?

— Нѣтъ.

— Я покажу вамъ ее, она часто проходитъ мимо моихъ оконъ. Только это не скромная булочница, а кабая-то содержанка старика, которая, въ свою очередь, содержитъ „будущаго великаго художника“.

— Нѣтъ, Матвѣй Ивановичъ, прощайте! Я не могу дольше выносить всего этого, не могу, не могу!

— Не волнуйтесь, милая Анна Семеновна; что-жъ, вы все еще преклоняетесь предъ „этой гордой личностью“?

— О, я его презираю! кто-бы могъ подумать, чтобъ подъ этой благороднѣйшей наружностью...

— Вы не первая, не послѣдняя... Онъ кружить головы всѣмъ женщинамъ...

— И эта женщина, съ которой онъ живетъ...

— Продажная...

Анна Семеновна нервно стиснула руку Перекатову и выбѣжала изъ комнаты. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и думалъ:

„Ужъ не ты-ли, матушка, собиралась записаться въ Форнарины Баянова? Э-эхъ, бабенка, бѣленн обѣдлась!.. Славно-жъ я ее прокатилъ!..“

Дѣло въ томъ, что вся исторія Форнарины была внезапною импровизаціей Матвѣя Ивановича, и онъ никакъ не могъ придти въ себя отъ изумленія, что Анна Семеновна приняла ее такъ близко къ сердцу.

Когда, на знакъ Зинаиды Романовны, Джигитай спустился въ садъ, она ожидала его въ первой алеѣ. Опираясь на его руку, она повлекла его въ самую глубь сада, думая изъ послѣдней калитки свернуть на большую дорогу, ведущую въ городъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать ей, но она остановила его движеніемъ руки, — свѣтъ оконъ былъ еще видѣнъ. Эти предосторожности, и въ особенности это ночное бѣгство, были совершенно не нужны. Зинаида Романовна могла-бы преспокойно проститься и уйти въ сопровожденіи Джигитая, и никто-бы не нашелъ это страннымъ. Но Зинаида Романовна любила романтическую обстановку. Просто проститься и уйти казалось ей слишкомъ обыкновеннымъ.

Подходя къ концу сада, Джигитай прошепталъ:

— Куда ведешь ты меня, моя Зинаида? и скоро-ли кончится наше странствованіе?

— Мы идемъ домой.

— Дожой?.. но Софья Михайловна?.. но вся компанія?.. но, наконецъ, Матвѣй Ивановичъ?

— Ха, ха! Они не подозрѣваютъ теперь, что мы бродимъ рука объ руку на берегу этого прудка!..

— Это все прелестно, перебилъ Джигитай,—но мы сдѣлали невѣжливость: мы убѣжали, ни съ кѣмъ не простясь. Я предполагалъ, что ты зовешь меня только на прогулку.

— Оставь ихъ, Маркъ!.. Они всё такъ опротивѣли мнѣ... Въ тому-же я приучила ихъ къ своимъ странностямъ... То ухажу ночью домой, одна, ни съ кѣмъ не простясь, то пропадаю на нѣсколько часовъ, то запираюсь на цѣлый день въ свою комнату... Ну, да что тебѣ все это рассказывать!.. Теперь ты со мной, я такъ счастлива! а безъ тебя дни тянутся точно годы и нѣтъ имъ конца!..

— Бѣдная! бѣдная Зинаида!—И Джигитай нѣжно склонился къ ней.

— Мнѣ такъ тяжело, такъ страшно, такъ горько жить безъ тебя!.. произнесла она и улыбнулась сквозь слезы. — Маркъ! неужели ты пріѣхалъ только на одинъ день, а потомъ снова начнется эта ужасная, томительная разлука?

— Дорогая моя, я-бы всю жизнь хотѣлъ остаться у ногъ твоихъ, но ты знаешь — проза жизни, дѣла, вѣчныя, несносныя дразги, которые ты такъ ненавидишь, — все это держитъ меня въ какомъ-то круговоротѣ, изъ котораго я могу вырваться только на нѣсколько часовъ. Но даю тебѣ слово: если большая картина, которую я везу теперь въ Петербургъ, продастся, если въ этой рукѣ—(и онъ сжалъ тонкіе пальцы своей вострятой руки)—будетъ тотъ талисманъ, который даетъ покой, любовь и счастье, то, на обратномъ пути въ Римъ, я останусь съ тобой цѣлую недѣлю, даже больше, если пожелаешь и прикажешь!.. Но не плачь въ эту ночь — въ эту свѣтлую ночь! пусть она будетъ и для насъ такъ-же свѣтла, какъ для всей природы...

Глаза Джигитая дрожали еще больше обыкновеннаго; руки его судорожно обвивали станъ Зинаиды Романовны; то онъ игралъ ея свѣтлыми локонами, то склонялся къ ней, а она стояла передъ нимъ съ опущенными глазами, безмолвная, неподвижная, съ какою-то потерянной улыбкой.

— Скажи мнѣ, Зинаида, внезапно спросилъ Джигитай, откидываясь на спинку скамейки,—какъ относятся все здѣшніе друзья твои къ очень замѣтной округленности твоего обыкновенно тонкаго стана?

— Никакъ, отозвалась она едва внятно.

— Однако, душа моя, ты не хочешь увѣрить меня, что живешь въ царствѣ слѣпыхъ?

— И семь мѣсяцевъ тому назадъ я была такая-же...

— Позволь, семь мѣсяцевъ тому назадъ я видѣлъ тебя еще въ Римѣ... Среда, четвергъ, пятница... да, такъ, семь мѣсяцевъ и четырнадцать дней. Но тогда ты была тонка и стройна, какъ пальма...

— Да, но на дорогѣ изъ Рима въ Дрезденъ я захворала и пролежала на какой-то грязной итальянской станціи пять дней, а когда, наконецъ, въ состояніи была продолжать путь, талія моя имѣла такой-же видъ, какой имѣетъ теперь!..

— Ха, ха! Зинаида, ты геній!.. Я превлоняюсь предъ твоей изобрѣтательностью!.. Прележать на станціи пять дней въ виду будущаго; стать вдругъ изъ тонкой нимфы весьма объемистой матроной, тоже въ виду будущаго; опять, по всей вѣроятности, прибѣгнуть къ той-же водевильной шуткѣ смертельнаго полипа — все это, по-истинѣ, достойно восхищенія! Но нѣкоторыя желтыя пятна на твоемъ обыкновенно рѣзкомъ лицѣ,—и это, ты думаешь, не наводитъ *никого* на мысль, что именно такое твой знаменитый полипъ?..

— Нѣтъ.

— Ты въ этомъ увѣрена? — Глаза Джигитая съ инквизиторской пытливостью впились въ глаза Зинаиды Романовны.

— Увѣрена, отвѣтила она, краснѣя.

— Я тебѣ вѣрю, произнесъ онъ съ насмѣшливой задумчивостью,—вѣдь ты никогда не лгала мнѣ, не правда-ли? Ты всехъ проводила за носъ, начиная съ своего Дон-Кихота, но для меня одного дѣлаешь исключеніе, не правда-ли, моя Зинаида, моя жена, моя *сърная* жена?

— А ты, робко спросила Зинаида Романовна послѣ короткаго молчанія, не сознавая всей злой ироніи словъ Джигитая,—былъ-ли ты мнѣ вѣренъ во время нашей долгой разлуки?

Джигитай отбросилъ ее руку и скрестилъ свои на груди.

— Вѣренъ... вѣренъ... произнесъ онъ, какъ-будто ища чего-то въ умѣ,—что значить это глупое слово? Я говорю: *стырная жена* потому, что думаю, что мыслью ты принадлежала мнѣ, но почему я знаю, кто цѣловалъ, въ мое отсутствіе, эти алны губы...

— Маркъ!.. съ упрекомъ воскликнула Зинаида Романовна.

— Да, почему я знаю? произнесъ онъ, качая головой.

La donna è mobile,
Qual ruina al vento...

сталъ онъ напѣвать звучнымъ баритономъ...—Все мракъ, мракъ и мракъ!.. Даже, живя подъ одной кровлей, часто даешь имя сыну своего друга или недруга; а насъ, Зинаида, раздѣляло въ Римѣ много улицъ, площадей и садовъ. Я взялъ твоего перваго полипа, ха, ха! прелестнаго херувима, котораго ты подарила мнѣ, и я *хочу* думать, что я отецъ его. Но развѣ я могу сказать, что онъ дѣйствительно мой? почему я знаю!.. Вы, женщины, ухитряетесь очень искусно обманывать отцовъ вашихъ для мужей, мужей для первыхъ любовниковъ, первыхъ любовниковъ для вторыхъ и такъ до безконечности.

Зинаида Романовна сидѣла безмолвно; языкъ ея точно присохъ къ нѣбу. Она знала, что съ тѣхъ поръ, какъ она полюбила Джигитая, она днями и ночами мечтала о немъ, сердце ея болѣзненно билось въ разлукѣ съ нимъ и вся надежда ея долгихъ, скучныхъ дней была—снова увидѣть его! Она знала, какъ всецѣло отдалась ему и мыслью, и чувствомъ,—и теперь она не могла найти словъ, чтобы опровергнуть всю ложь его жестокой рѣчи! Сердце ея сжалось, глупая улыбка опять заиграла на губахъ, а глаза не могли оторваться отъ этихъ пронзительныхъ, жестокихъ и вѣстѣ съ тѣмъ ласкающихъ глазъ. Онъ тоже ничего не говорилъ; онъ сидѣлъ, развалился на скамейкѣ, играя ея рукой, то насмѣшливо, то страстно смотря на нее.

И вдругъ, среди какого-то моральнаго оупѣнія, Зинаида Романовна была потрясена мыслью, которая никогда прежде не приходила ей въ голову.

— Маркъ, тихо спросила она, — скажи мнѣ, что сдѣлаемъ мы съ нашимъ будущимъ ребенкомъ?

— Ты сама объ этомъ должна позаботиться.

— Ты его не возьмешь?

— Другъ мой, ты знаешь, что я недостаточно богатъ, чтобы окружать себя всей семьей твоихъ маленькихъ полиповъ, которые, дѣйствительно, имѣютъ даръ высасывать много жизненныхъ соковъ, то-есть рублей.

Опять водворилось молчаніе. Зинаида Романовна не могла придти въ себя отъ небывалаго, строгаго обращенія Джигитая. Слова его, при кошачьей ласковости обращенія, казались ей до такой степени невѣроятными, что она принимала ихъ за шутку, сказанную серьезнымъ тономъ, какъ часто любилъ шутить Джигитай. Шутки эти каждый разъ тревожили ее, пока она не слышала отъ него самого, что онъ шутитъ. Онъ любилъ помучить ее, видѣть иногда ея безпокойство, иногда ея гнѣвъ, и часто признавался ей, наконецъ, въ правдѣ, только вполнѣ насладившись ея волненіемъ.

— Такъ-то, жестокій человѣкъ, сказала она наконецъ, стараясь улыбнуться, — если ты отречаешься отъ *этого* ребенка, то, дѣйствительно, и перваго можешь не признавать своимъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Повторяю тебѣ: почему я знаю, мой-ли онъ или нѣтъ! Дай мнѣ твои ручки, обѣ ручки, вотъ такъ... Видишь, съ какимъ почтеніемъ и съ какой любовью я цѣлую ихъ. Я цѣлую ихъ какъ всегда, какъ прежде, какъ въ самый первый разъ, когда я прикоснулся къ нимъ губами...

— Ну?

— Ну, а съ тѣхъ поръ, наканунѣ нашего послѣдняго прощанья, между двѣнадцатю и двумя часами ночи, я случайно узналъ о тебѣ что-то страшное, что ты впродолженіи трехъ лѣтъ тщательно скрывала отъ меня и, вѣроятно, не прочь была-бы скрыть на вѣки...

— Между двѣнадцатю и двумя?.. Ты былъ въ это время у Матвѣя... Что ты могъ узнать? Скажи, Маркъ...

— Ты приказываешь?.. Повинуюсь тебѣ. Твой шестидесятилѣтній новорожденный объявилъ мнѣ, что онъ подозрѣваетъ твою любовь ко мнѣ... Я, конечно, сдѣлалъ удивленную мину — неужели? какъ? съ какихъ поръ?... Онъ долго объяснялъ мнѣ, какъ онъ тебя любитъ, какъ желаетъ тебѣ счастья... Это все влилось къ тому, чтобы вывѣдать: люблю-ли я тебя; но онъ на-

прасно терялъ время и пускалъ въ ходъ хитрости; онъ былъ такъ-же ловокъ въ своихъ хитростяхъ, какъ слонъ, желающій удержать въ лапѣ угря... Впрочемъ, это мимоходомъ. Видя, что впродолженіи двухъ часовъ я ускользаю отъ него, онъ попросилъ у меня взаимн тысячу рублей, а потомъ опять сталъ говорить о тебѣ.

Зинаида Романовна была уничтожена. Гнѣвъ, горе душили ее.

— Ты все лжешь! воскликнула она, — прежде тебя я никого не любила!

— О-го-го-го! о-го-го-го! залился смѣхомъ Джигитай, — и меня ты, кажется, считаешь младенцемъ! Не сверкай на меня такъ глазами, котенокъ мой, а лучше дослушай мою сказку. У меня въ тѣ поры, какъ тебѣ извѣстно, не было денегъ и я не могъ признаться твоему старому шуту, что обожаю тебя.

— Какъ это зло!..

— Что слова?—пустые звуки, не придирайся къ нимъ! Если-бы у меня были тогда деньги, я-бы, конечно, открылъ ему мое сердце, получилъ-бы твою руку, поселилъ-бы тебя въ прелестной хижинѣ и даже даль-бы тебѣ клятву не бодать тебя тѣми рогами, которыми ты украсила-бы меня... Все это ложь! ха, ха, какъ это мило!

Между каждымъ восклицаніемъ Джигитай цѣловалъ ей руки, и Зинаида Романовна была не только уничтожена, — она была раздавлена. Она и въ мысляхъ больше не имѣла защищаться; она думала только о томъ, что роковая минута близка, а у нея нѣтъ ни средствъ, ни друзей!..

— Но что-же это... что-же я буду дѣлать? наконецъ растерянно воскликнула она.

— У тебя, можетъ быть, нѣтъ денегъ? торопливо говорилъ Джигитай, вынимая бумажникъ, — вотъ сто талеровъ, вотъ двѣсти, довольно-ли?... Я дамъ еще... Отчего ты давно не сказала мнѣ, что ты нуждаешься?.. Бери-же, бери, Зинаида...

Она робко взяла деньги, молча спрятала ихъ и, рыдая, упала ему на грудь.

— Будетъ о житейскихъ дразгахъ!.. Я не устоялъ противъ искушенія прижать тебя еще разъ къ сердцу! Что-же мы сидимъ

тутъ среди ночи, одни, почти въ лѣсу! Пойдемъ, минутная жена моя. Сегодня ты моя!..

Перекатовъ ночевалъ на дачѣ у Софьи Михайловны, какъ всегда, когда онъ долго засиживался. Было болѣе часу, когда онъ на слѣдующій день подѣзжалъ въ своему дому; около его подѣзда стояла коляска, у окна сидѣлъ Джигитай.

— Я жду васъ, чтобъ проститься—я ѣду!

— Какъ ѣду?.. я не пушу васъ!..

— Повѣрьте, я самъ-бы не уѣхалъ, если-бы не крайняя необходимость. Прощайте, мой дорогой другъ, и позвольте мнѣ поцѣловать ручку Зинаиды Романовны. Надѣюсь, что она уже встала?

— Вы ее не видали?

— Нѣтъ, она не выходила, а я не смѣлъ ее тревожить.

— Зиночка! Зина! Джигитай уѣзжаетъ!

Въ дверяхъ показалась Зинаида Романовна, блѣдная, разстроенная.

— А-а, вы здѣсь? удивленно сказала она;— что вы не вошли ко мнѣ?

— Зина, ты больна?

— Я выпила вчера бокаль шампанскаго и мнѣ всю ночь было дурно...

— Ахъ, ты, бѣдняжка! ты, вѣрно, опять боялась одна... А я-то, старый чортъ, храпѣлъ тамъ до полудня!..

— Прощайте, Марья Осиповичъ. Когда вы думаете снова посѣтить насъ?

— Надѣлъ черезъ шесть, самое раннее; надѣюсь застать васъ всѣхъ въ добромъ здоровьи и въ веселомъ расположеніи...

Зинаида Романовна дѣлала Джигитая отчаянные знаки глазами, чтобы онъ нашелъ предлогъ пройти въ ея комнату, но Джигитай этого намѣренно не замѣчалъ. Почтительно поцѣловавъ ея руку, крѣпко обнявшись съ Перекатовымъ, онъ вбѣжалъ на крыльцо, легко прыгнувъ въ коляску, бичъ щелкнулъ, коляска понеслась. Джигитай съ веселой улыбкой привсталъ и махнулъ нѣсколько разъ шляпой.

— Смотрите-же, возвращайтесь скорѣй! крикнулъ ему вслѣдъ Перекатовъ.

— Непремѣнно...— Остатокъ фразы потерялся въ шумъ колесъ. Боляска поворочила за уголь.

Бѣдная Зинаида Романовна все еще стояла на подъѣздѣ рядомъ съ своимъ мужемъ. Она уже не улыбалась, глаза ея были мутны, волосы прямыми прядями спускались на плечи. Куда дѣвался тотъ юный, праздничный видъ, который наканунѣ такъ поразилъ Анну Семеновну? Она была опять будничная Зинаида Романовна, въ своемъ старенькомъ капотѣ, съ своимъ грустно-удивленнымъ взглядомъ и тихими, вкрадчивыми манерами.

— Бѣдная Зинаида, произнесъ Перекатовъ, — онъ уѣхалъ.

— Такъ что-жь? отозвалась она, взглянувъ мужу прямо въ глаза.

— Я думалъ, что ты вчера обрадовалась его пріѣзду.

— Да, я очень обрадовалась. Я люблю Джигитая, мнѣ съ нимъ пріятно, онъ веселый, онъ меня развлекаетъ...

— Тебѣ жаль, что онъ такъ скоро уѣхалъ?

— Да, очень жаль, мнѣ опять будетъ скучно!.. Вы всѣ такіе серьезные... Пойдемъ, Матвѣй, что мы стоимъ на улицѣ!

— Да, славный этотъ Джигитай, говорилъ Перекатовъ, — умный твой, талантливый, просто чудо-человѣкъ!..

— Прощай, Матвѣй, я спать хочу, прервала Зинаида Романовна масляниа похвалы мужа и, даже не взглянувъ на него, ушла къ себѣ и заперлась на ключъ.

„Бѣдная Зиночка!.. вѣрно, она будетъ плакать!.. Странный этотъ Джигитай!..“ размышлялъ Перекатовъ, освобождаясь отъ своего параднаго костюма и облекаясь въ домашній. А Джигитай мчался уже по желѣзной дорогѣ, оставя далеко за собой черту города.

„Какъ-бы не такъ, думалъ онъ въ свою очередь, — вернусь я сюда, чтобъ этотъ хитрецъ навязалъ мнѣ свою бабенку. Ха, ха, Зинаида, подрѣзалъ я всѣ твои бѣлыя ниточки, такъ ловко переплетенныя! Поняла ты, наконецъ, что просчитала, когда думала возложить на алтарь любви новый плодъ. При всей твоей проницательности ты не догадалась, что если первый долженъ былъ связать меня съ тобой, то второй долженъ будетъ развязать!.. Пора съ Зиной покончить, она отцвѣтаетъ!

моя римская Анжелика — цвѣточекъ въ сравненіи съ ней... Три года тому назадъ и Зина была недурна, а теперь...“

Джигитай сидѣлъ нѣкоторое время, язвительно улыбаясь.

„Да, любовь моя къ Зинѣ кончена, остается только поставить надъ нею крестъ... и это самое неприятное. Нужно будетъ установить его такъ прочно, чтобы Зина не могла пошатнуть фундамента... Это дѣло будетъ сдѣлано изъ Петербурга. О, глупая Зина! вообразила, что можетъ дарить мнѣ каждые два года сладкое бремя... Ха, ха, вотъ было-бы мило, если-бы всѣ мои возлюбленныя понимали такъ наши отношенія!...“

Джигитай нѣкоторое время тѣшилъ себя перечнемъ всѣхъ своихъ любовныхъ интрижекъ. Передъ нимъ проходило много женскихъ образовъ, и свѣтлыхъ, и черноглазыхъ, и самыхъ молодыхъ, и уже пожившихъ... Онъ считалъ, считалъ, перебиралъ имена и, наконецъ, махнулъ рукой. „Однакожь, подумалъ онъ, — какое у меня помѣстительное сердце!.. вѣдь оно положительно любовно билось для каждой изъ этихъ избранницъ... и большая часть изъ нихъ были женщины честныя. Ха, ха, такія честныя, какъ Зинаида, въ которой ни разу не возмутилась гордость отъ моего обращенія съ нею!“

Джигитай ошибался: гордость Зинаиды Романовны возмутилась. Униженіе звучало въ каждомъ словѣ его, презрѣніе проглядывало въ каждой его шуткѣ. До этого короткаго пріѣзда Зинаида Романовна тосковала по немъ, ожидала, какъ большого праздника, счастливаго дня свиданія. Это свиданіе было и прошло. Но къ ней пріѣзжалъ не тотъ человекъ, который еще пол-года тому назадъ бархатной рукой гладилъ ее по сердцу! Гдѣ онъ? Куда онъ дѣвался? Этотъ нравственно уничтожилъ ее. Гнѣвъ и упреки не были-бы для нея такъ оскорбительны, какъ его ласковые укусы... а кусалъ онъ ее на каждомъ словѣ—и бросилъ ей деньги, какъ продажной женщинѣ.

Зинаида Романовна зарыдала. Она-бы готова была бѣжать къ Перекатову, наговорить ему самыхъ жестокихъ вещей, а между тѣмъ она не должна была показать и вида. Ссориться съ нимъ ей было теперь не съ руки: она сознавала, что положеніе ея слишкомъ шатко и что дверь Джигитая на вѣки захлопнулась-бы для нея, если-бы она сдѣлала малѣйшую опрометчивость. А она все еще надѣялась.

Растерянная и разозленная, не могла она ничего сообразить послѣдовательно; она лежала, рыдая, спрятавъ лицо въ подушку. Бантики ея валялись на полу, ея нарядное платье такъ и оставалось неприбраннымъ. Зинаидѣ Романовѣ было не до платьевъ! Ей даже было не до Анны Семеновны, голосъ которой она слышала въ мастерской Перекатова. Ей не хотѣлось познаться даровой комедіей тайной ненависти, которую ей, для потѣхи, удалось завязать между двумя богатыми барынями. Зинаида Романовна съ давнихъ лѣтъ доставляла себѣ забаву ссорить людей, но теперь и это не оживило ея и не могло доставить ей даже минутнаго развлечения.

Настала желанная суббота. Весь планъ атаки противъ Баянова былъ составленъ. Приблизительно черезъ пол-часа послѣ его прихода въ садъ ресторана Zum Goldenen Storch Ковровъ брался подойти къ нему и затѣять съ нимъ ссору. Что бы онъ ни отвѣтилъ, остальные начнутъ свистать, шумѣть, бить палками по столу. Среди общей суматохи и кутерьмы ближайшіе отъ Баянова воспользуются удобной минутой, схватятъ его и быстро выбросятъ за калитку сада. А тутъ Перекатовъ встанетъ на столъ и скажетъ нѣсколько словъ въ его защиту. Молодые-же люди распустятъ слухъ, что онъ струсилъ и убѣжалъ домой. Въ это время Анна Семеновна поѣдетъ въ Мюнхенъ и отвезетъ въ типографію заранее приготовленную статейку, въ которой будетъ сказано, что на такомъ-то загородномъ собраніи художникъ Баяновъ былъ единодушно выгнанъ изъ общества русскихъ художниковъ.

Вечерѣло. Садикъ рестораціи сталъ наполняться народомъ. Всѣ столики были заняты. Гулъ громкой бесѣды стоялъ въ воздухѣ. Въ павильонѣ играла музыка. Перекатовъ помѣщался въ самомъ центрѣ сада, въ компаніи Горицына, Софьи Михайловны, Вейделя и Анны Семеновны. Уже зажгли разноцвѣтные фонари. У всѣхъ трехъ входовъ поставили по юношѣ, чтобъ не проглядѣть Баянова. Перекатовъ безпрестанно посылалъ то того, то другого узнать, не просмотрѣли-ли его. Обошли всѣ столики, заглянули въ самые темные углы, а Баянова не оказывалось.

— Ахъ, трусишка! говорилъ Перекатовъ съ худо-сдержанной

досадой, какъ-будто Баяновъ не явился на заранѣе назначенное свиданіе, — вѣрно, онъ что-нибудь проиухалъ! Ну, ничего, отложимъ бенефисъ до болѣе удобнаго времени, а теперь, господа, по домамъ.

Время шло; Баяновъ былъ въ Мюнхенѣ, чуть-ли не каждый день заходилъ въ галерею, писалъ большую картину, навѣщалъ своихъ знакомыхъ, а въ загородный ресторанъ не являлся. Уже нѣсколько субботъ прошло, а всѣ приготовленія и ожиданія были напрасны. Перекатовъ-же былъ въ постоянной тревогѣ; онъ никакъ не могъ допустить мысли, что Баяновъ оставитъ его въ покоѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему не хотѣлось въ этотъ разъ уѣзжать изъ Мюнхена, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ уѣхалъ изъ Рима. Ему было жаль оставить свой теперешній тепленькій уголокъ. Скоро-ли онъ найдетъ такой-же, гдѣ людей и искать не надо, а они сами приходятъ гурьбами, и вмѣстѣ съ ними приходятъ достатокъ и пріятное щекотаніе самолюбія въ сознаніи своего превосходства. И съ новой энергіей ораторствовалъ Перекатовъ противъ Баянова.

— Поймите, что Баяновъ только позоритъ искусство, опять и опять повторялъ онъ, угощая рейнскимъ виномъ своихъ прозелитовъ.— У него однѣ только яркія краски! Не нужно намъ яркихъ красокъ! Долой ихъ! Будемъ бороться противъ безмысленной живописи до послѣдней капли крови, взявъ девизомъ: торжество идеи въ искусствѣ или его погибель!

— Ура! да здравствуетъ идея! раздавалось дружное восклицаніе и затѣмъ чоканье бокаловъ.

Обыкновенно такъ долго и такъ много пили за торжество идеи, что, наконецъ, ея ужъ вовсе не оставалось въ слабыхъ головахъ ея поклонниковъ.

Прошло уже болѣе мѣсяца со времени отъѣзда Джигитая. Знойный, удушливый день стоялъ на дворѣ. Зинаида Романовна съ утра была въ волненіи; ночь она провела дурно; она чувствовала, что подходит роковая минута. Съ утра она собрала въ мѣшечекъ необходимыя вещи и около полудня пошла проститься съ мужемъ.

— Куда ты въ эдакій зной?

— Къ Софьѣ Михайловнѣ.

— Ты съума сошла, идти за городъ въ палящее солнце!...

— Не отговаривай меня, мнѣ нужно.

— Экая непосѣда! такъ у ней все и загорѣлось! Будто нельзя отложить до вечера...

— Нѣтъ, нельзя. Развѣ ты меня не знаешь: когда мнѣ чего-нибудь хочется и меня отговариваютъ, такъ еще хуже.

— Знаю, знаю!.. Ну, Богъ съ тобой!

Перекатовъ поднялъ вуаль, закрывавшій лицо Зинаиды Романовны, чтобъ поцѣловать ее, и испугался ея страдальческаго вида.

— Зиночка, останься, прошу тебя! на тебѣ лица нѣтъ.

— Ахъ, какъ это скучно! съ досадою отозвалась она и, быстро опустивъ вуаль, вышла.

День подходилъ уже къ концу, а Зинаида Романовна не возвращалась. Перекатовъ все больше и больше тревожился. Послалъ сперва за Горицынымъ, потомъ за Анной Семеновной.

Всѣ трое рѣшили, что Зинаида Романовна вѣрно у Софьи Михайловны. Горицынъ поѣхалъ къ Софьѣ Михайловнѣ и скоро вернулся съ Вейделемъ, который утверждалъ, что ея тамъ нѣтъ и не было.

Перекатовъ поникъ головой. Озабоченно-мрачное выраженіе отразилось на его лицѣ; тяжелое дыханіе нарушало мертвую тишину комнаты. Всѣ сидѣли молча. Анна Семеновна не знала, что и думать. Горицынъ имѣлъ привычку всегда молчать, когда случайно попадалъ въ семейныя передраги.

— Ты не безпокойся, все обойдется и кончится благополучно, нарушилъ, наконецъ, молчаніе Вейдель, который никогда не вѣрилъ выдумкамъ Зинаиды Романовны и теперь очень хорошо догадывался, въ чемъ дѣло;—развѣ тебѣ привыкать къ сумасброднымъ выходкамъ Зинаиды!

— Ужасная причудница! сквозь зубы процѣдилъ Перекатовъ,—какія ни съ чѣмъ несообразныя прихоти приходятъ ей въ голову! Вѣрите-ли, съ нѣкоторыхъ поръ стала гулять по утрамъ: встанетъ въ пять часовъ и гуляетъ до полудня, а потомъ придетъ измученная, усталая...

— Ты ей слишкомъ потакаешь, Матвѣй, началъ было Вейдель.

— Не сажать-же мнѣ ее на цѣпь, нетерпѣливо перебилъ его Перекатовъ.—Помни нашъ уговоръ, Вейдель, — Зяночки не касайся. Это единственная святиня моя, до которой я не позволю коснуться даже лучшему другу.

Онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ. Солнце уже садилось. Долго шелъ Перекатовъ по пыльной, все еще знойной дорогѣ, ведущей къ дачѣ Софьи Михайловны. Онъ напрягалъ все свое зрѣніе, чтобы издали замѣтить шляпку съ толубой вуалью; но дорога была пустынна, изрѣдка только на ней показывался утомленный пѣшеходъ. Перекатовъ присѣлъ на камень; потъ градомъ катился съ его лица. Онъ угрюмо смотрѣлъ на все окружающее, не замѣчалъ капризныхъ переливовъ солнца съ ихъ фантастическими оттѣнками, хотя глаза его блуждали по окрестности, постоянно возвращаясь къ самому дальнему пупку дороги. Мысли его тоже блуждали, постоянно возвращаясь къ Зинаидѣ. Онъ думалъ о ея скучной молодости, неуукрашенной ни любовью, ни роскошью. Шестидесятилѣтній старикъ и двадцати-двухлѣтняя женщина—что могло быть между ними общаго? День шелъ для нея уныло, тоскливо. Его интересовалъ чисто-художественный міръ, къ которому она никогда не чувствовала особенной симпатіи.

Ему вспомнилась дождливая, бурная ночь въ Петербургѣ; кто-то постучалъ въ его дверь. Онъ отворилъ. Сѣрая шаль, вся промокшая, откинулась со свѣтлой головки Зинаиды.

— Матвѣй Ивановичъ, спасите меня!.. съ испугомъ, съ мольбой, съ отчаяніемъ простонала она и упала къ его ногамъ.

„Спасъ ее, чтобъ закабалить, съ горечью подумалъ Перекатовъ; — для нея кабала дѣлать мою сентальческую жизнь... сегодня здѣсь... завтра тамъ... и все бѣдность и бѣдность... Несчастное дитя! Если-бы она была хоть сколько-нибудь счастлива, она не выдумывала-бы такихъ странныхъ проказъ...“

Солнце сѣло; только верхушки деревъ еще отсвѣчивали золотомъ, между тѣмъ какъ вдали уже ложились прозрачныя тѣни синеватаго тумана. Перекатовъ все сидѣлъ на камнѣ. Друзья подошли къ нему.

— Пріѣхала? спросилъ онъ съ живостью.

— Нѣтъ еще.

— Нужно дать знать въ полицію; она, вѣрно, забиблась, упала, можетъ быть, оступилась, входя въ вагонъ.

— Ну, ну, ну, ужъ и оступилась! перебилъ его Вейдель, — просто гдѣ-нибудь прогуливается.

— Если нужно идти въ полицію, я готовъ, вызвался Горичинъ.

— Ничего не нужно; двадцати четырехъ часовъ не прошло, какъ можно поднимать скандалъ. Тебѣ за это Зинаида спасибо не скажетъ... Пойдите домой, я велѣлъ принести ужинъ изъ ресторана.

Быль двѣнадцатый часъ ночи. Волненіе Перекатова дошло до крайнихъ предѣловъ. Задыхаясь, бѣгалъ онъ взадъ и впередъ по мастерской, и даже не отвѣчалъ на вопросы своихъ огорченныхъ друзей. Изрѣдка только онъ вдругъ останавливался и прислушивался; потомъ съ новымъ усердіемъ принимался за свой утомительный бѣгъ. Наконецъ, онъ остановился; не было сомнѣнія — стукъ экипажа раздавался все ближе и ближе; на минуту онъ какъ-будто замолкъ, потомъ снова раздалось дребезжанье.

Въ одно мгновеніе Перекатовъ сбѣжалъ уже съ лѣстницы, выпрыгнулъ на крыльцо и очутился чуть-ли не подъ мордой оставившейся лошади.

— Зиночка, ты?

— Я.

— Ты больна?

— Да.

— Что съ тобой было?

— У насъ никого нѣтъ?

— Наши всѣ тутъ.

— Можете ѣхать назадъ, обратилась Зинаида Романовна къ кучеру; тотъ повернулъ лошадь, и прежде, чѣмъ друзья подошли къ ней, коляска уже была на порядочномъ разстояніи.

— Вотъ она, вотъ наша бѣгланка! съ восторгомъ кричалъ Перекатовъ, — пріѣхала, жива...

— Но, вѣроятно, не совсѣмъ здорова, перебилъ ядовито Вейдель.

Сѣни были освѣщены. Лицо Зинаиды Романовны озадачило всѣхъ: багровыя пятна выступали на мертвенно-блѣдныхъ ще-

кахъ. Широко-открытыя вѣки не мигали, зубъ стучалъ о зубъ.

Перекатовъ схватилъ жену на руки, какъ ребенка, понесъ ее въ комнату и бережно положилъ на постель. Возвратясь къ друзьямъ, онъ объявилъ, что Зиночка больна, благодарить всѣхъ за вниманіе, но выйти больше не можетъ.

— Тутъ какіе-то *мистеры*, вымолвила Анна Семеновна, обращаясь къ Горицыну, идя домой;—вы видѣли ея страшную фізіономію? теряешься въ догадкахъ, понять ничего не можешь.

— Ну, скажите пожалуйста, что вамъ тутъ непремѣнно нужно понимать? У всякаго есть свои дѣла, и оставьте людей въ покоѣ. Отъ вашего пониманья и до сплетень одинъ шагъ.

Горицынъ говорилъ долго и рѣзко, изъ чего Анна Семеновна заключила, что онъ хлебнулъ за ужиномъ лишній стаканчикъ.

Зинаида Романовна прохворала довольно долго, но съ возвращеніемъ здоровья возвратилась и прежняя страсть ея гулять по утрамъ. Все въ городѣ еще спало, когда Зинаида Романовна уже пробиралась по большой дорогѣ за городъ. Ей предстоялъ далекій путь. Часа полтора должна она была идти прежде, чѣмъ постучать въ низенькую дверь крестьянскаго домика. Торопливымъ, порывистымъ движеніемъ брала она изъ рукъ кормилицы грудного ребенка. Она цѣловала его, качала, разсматривала, не похудѣлъ-ли онъ въ сутки? Плачь его успокивала пѣсней. Въ тѣ два-три часа, которые она проводила въ бѣдной избушкѣ, она была счастлива, и только когда подходила минута разлуки, страшная тоска ложилась тѣнью на ея черты. У нея не находилось больше ни пѣсни, ни смѣха. Быстро шла она назадъ, сопровождаемая цѣлымъ роемъ печальныхъ мыслей.

„Что будетъ со мной, съ сыномъ? думала она; — приметъ-ли его Маркъ, бездушный Маркъ, котораго я такъ люблю?..“

Она заходила на почту узнать: разрѣшится-ли ея сомнѣнія, ея страхъ?

— Есть письмо? предлагала она обычный вопросъ.

— Нѣтъ, получала она обычный отвѣтъ.

— Ты опять все утро гуляла, Зиночка! Это слишкомъ много для тебя, ты совсѣмъ изведешь себя, встрѣчалъ ее Перекатовъ.

— Ахъ, полно, Матвѣй, это мнѣ здорово! Теперь лѣто, нужно гулять утромъ и спать послѣ обѣда.

— Да спишь-ли ты послѣ обѣда? Смотри, на что ты похожа? Ты совсѣмъ измучена!

— Ну, полно; это скучно, каждый день то-же самое!—И Зинаида Романовна проходила въ свою комнату.

Наконецъ, оно-таки пришло, желанное, давно ожидаемое письмо!

„Любозная Зинаида Романовна, писалъ Джигитай,—вы очень обстоятельно объяснили мнѣ дѣло вашей подруги, и я постараюсь такъ-же обстоятельно отвѣтить вамъ. Жаль, что не могу изложить вамъ всего на словахъ, но такъ-какъ я перемѣнилъ прежнее рѣшеніе ѣхать за-границу, то и долженъ ограничиться письмомъ.

„Передайте вашей подругѣ, что разстояніе, раздѣляющее ее отъ извѣстнаго лица, само собою и естественно порываетъ всякія отношенія между ними. Развѣ можно любить *письменно*? Вы, какъ женщина умная, поймете, что со стороны вашей подруги ребячество требовать вздоховъ и поцѣлуевъ, посланныхъ по почтѣ. О прїѣздѣ-же ея сюда не можетъ быть и рѣчи, почему—она пойметъ это безъ труда. Боюсь огорчить васъ такими рѣшительными словами, но въ важныхъ дѣлахъ нужна ясность, а для женщины, обремененной ребенкомъ, очень важно знать, на что она можетъ рассчитывать. Скажите-же ей, что рассчитывать она должна только на себя самое. Выставьте ей, однако, на видъ, что положеніе ея вовсе не печально. Она имѣетъ самаго любящаго отца въ своемъ мужѣ, который не только проститъ ей все прошлое, но и наилучшимъ образомъ устроитъ ея будущее. Если она послѣдуетъ моему совѣту, забудетъ на время ложное самолюбіе, покается въ своихъ прегрѣшеніяхъ передъ мужемъ и попроситъ его помощи—будьте увѣрены, что дальнѣйшая жизнь ея сложится очень счастливо.

„Скажите ей отъ меня, что ей нечего огорчаться: съ нею не случилось ничего необыкновеннаго: она заставила человѣка заболѣть любовной горячкой; пациентъ подвергся всѣмъ обычнымъ ея фазисамъ, перенесъ ихъ благополучно и теперь выздоровѣлъ.

Не въ порядкѣ-ли это вещей? Судьбу-же дѣтей она имѣетъ полную возможность устроить превосходно. Сама она, молодая и прекрасная, конечно, можетъ заставить снова заболѣть всякаго, кого только пожелаетъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ цѣлуя ваши ручки, остаюсь всегда преданный вамъ Д.“

Читатель, испытали-ли вы когда-нибудь отчаяніе? Испытали-ли вы то безумное состояніе души, когда самыя разнородныя чувства безобразнымъ наплывомъ вторгаются во все существо ваше, а мозгъ вашъ совершенно парализованъ и за одно только цѣпляется съ болѣзненной силой—за желаніе во что-бы то ни стало покончить съ жизнью, чтобъ не быть свидѣтелемъ собственнаго позора?

Прочтя письмо Джигитая, Зинаида Романовна испытывала нѣчто подобное. Отецъ ея дѣтей, человѣкъ, который вовлекъ ее во всю запутанность ея положенія, хладнокровно совѣтовалъ ей теперь добровольно обвинить себя передъ мужемъ, называя это „самымъ счастливымъ исходомъ“!

Ужасомъ обдало ее, когда она представляла себя передъ лицомъ Перекатова. Сердце ея упало; ей казалось, что она не въ силахъ будетъ пережить этой минуты!.. Но тутъ она вспомнила, что еще вчера продала маленькій медальонъ и цѣпочку отъ крестика, послѣднія и самыя дорогія вещицы свои. Съ ихъ продажей прекращались всѣ ея дальнѣйшіе денежныя ресурсы.

Смутно думала Зинаида Романовна еще разъ написать отчаянное письмо Джигитая, но инстинктъ подсказалъ ей, что это будетъ напрасно. Пройдетъ опять много недѣль прежде, чѣмъ онъ отвѣтитъ ей, а между тѣмъ расходы на ребенка съ каждымъ днемъ все растутъ и растутъ. Уже вечеромъ Зинаида Романовна вернулась домой. Перекатова не было дома. Зинаида Романовна взяла листъ бумаги и нацарапала на немъ что-то безсвязное; потомъ выбѣжала изъ дому, чтобъ съ моста броситься въ рѣку. Но день былъ праздничный, на мосту толпился народъ. Въ полусознаніи вернулась она домой, чтобъ еще во время уничтожить свою записку. Она вбѣжала въ комнату—и вскрикнула. У ея стола во весь свой длинный ростъ неподвижно стоялъ Перекатовъ и какъ-то тупо глядѣлъ на безсвязныя фразы записки.

— Зяночка, Зяночка! звалъ Перекатовъ Зинаиду Романовну, освѣжая ей лицо холодной водой, — ты страдала, ты была въ горѣ, а я, старый дуракъ, ничего и не замѣчалъ!..

Зинаида Романовна поняла, что Перекатовъ спасаетъ ее еще разъ, безъ всякихъ условій, безъ всякихъ распросовъ.

— Матвѣй, Матвѣй! какимъ-то дребезжащимъ голосомъ закричала она и протянула къ нему свои руки.

Между друзьями Матвѣя Ивановича велись странные разговоры. Любовная исторія Зинаиды Романовны не долго оставалась подъ спудомъ. О ней судили-рядили, ее толковали на десятки разныхъ ладовъ. Удивлялись хитрости изворотливой бабенки, приходили въ негодованіе отъ ея нравственной испорченности, и всѣ единогласно порицали ее за спиной Матвѣя Ивановича, въ глаза же ему никто не рѣшался высказать порицанія. Напротивъ, всѣ хлопотали о ея скорѣйшемъ отъѣздѣ въ Россію. Передъ друзьями Перекатовъ держалъ себя развязно, весело, молодецкато и даже подсмѣивался надъ тѣмъ, что Зинаида Романовна такъ славно провела всѣхъ за носъ.

Зинаида Романовна скоро снарядилась къ отъѣзду. Перекатовъ проводилъ ее и двухъ дѣтей до Вѣны, гдѣ они и разстались. Она поѣхала къ роднымъ, онъ вернулся въ свою мастерскую, къ своему кيسету съ табакомъ. На первыхъ порахъ, по наружности, онъ остался тѣмъ-же живымъ, занятымъ всевозможными соображеніями старикомъ, но онъ чувствовалъ, что съ отъѣздомъ Зинаиды Романовны въ сердцѣ его что-то сломалось. Страшна стала казаться ему приближающаяся одинокая старость; сонъ его часто былъ тревоженъ. Тяжелый вздохъ выдавалъ гнетущее душевное состояніе.

Внутренно-страдающій, одинокій, обманутый, онъ все болѣе и болѣе тяготился обществомъ праздной молодежи. Онъ принималъ этихъ людей по необходимости, разсѣянно и машинально повторяя свои прежнія рѣчи. Что ни день, то сильнѣе стало въ немъ прошибать какое-то утомленіе, какая-то молчаливая грусть. Прежній задоръ замѣнился нетерпѣливой досадой.

Нѣсколько времени спустя послѣ отъѣзда Зинаиды Романовны онъ сидѣлъ одинъ, поздно вечеромъ, въ своей мастерской, едва освѣщенной одной свѣчкой.

— Матвѣй Ивановичъ, Матвѣй Ивановичъ! внезапно вывели

его изъ полузабытѣя влетѣвшіе къ нему двое юношей, — вышла ужасная исторія! Мы подкараулили Баянова, когда онъ шелъ домой съ какимъ-то господиномъ. Мы подошли къ нему и Ковровъ ударилъ его. Вышла кутерьма, драка... Явилась полиція... нашихъ арестовали за ночное буйство!..

Пораженный Перекатовъ не могъ еще опомниться, какъ дверь опять съ шумомъ отворилась и влетѣла разъяренная Анна Семеновна.

— Прекрасно-съ вы изводите поступать, г-нъ Перекатовъ! запальчиво закричала она:—впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ вы подбиваете невинныхъ людей на мерзости, а сами прячетесь за уголъ! Я слышу шумъ на улицѣ, выглядываю изъ своего окошка, — около ближайшаго дома идетъ переполохъ. Я выбѣгаю узнать, что такое, и наткнуаюсь подъ первымъ фонаремъ на избитаго человѣка. Что такое? — Баяновъ. Нашихъ ловить полиція, даетъ имъ пеньки и толчки, а вы, какъ Юпитеръ на Олимпѣ, спокойно возсѣдаете въ своей мастерской! Это подло, низко, омерзительно!

И Анна Семеновна убѣжала, опять съ силой хлопнувъ дверью.

Волненіе Перекатова переходило всякую мѣру, его трясло, какъ въ лихорадкѣ; голова кружилась, онъ чувствовалъ, что падаетъ...

На слѣдующее утро весь Мюнхенъ зналъ, что между русскими дѣло дошло до рукопашной расправы. Ничего серьезнаго не вышло и никто особенно не пострадалъ. Съ молодыхъ людей взяли штрафъ и велѣли имъ убираться изъ Мюнхена; Баяновъ отдѣлался синяками, шрамами и легкимъ вывихомъ ноги. Нѣмецкіе друзья пропѣли ему серенаду подъ окнами его спальни. Общая молва жалѣла его и негодовала на Перекатова, вина его, и только его одного, въ дикой выходеъ молодежи. Горицынъ ругалъ его больше всѣхъ и поносилъ на всѣхъ перекресткахъ, хотя осталось неразъясненнымъ вопросомъ, кто первый ударилъ Баянова: Горицынъ или Ковровъ?

Самъ Перекатовъ сидѣлъ подъ арестомъ уличныхъ мальчишекъ; они караулили его подъѣздъ и бѣжали за нимъ цѣлой гурьбой,

только-что онъ выходилъ на улицу. Шалуны задавали ему „кошачій концертъ“, бросали въ него камнями и кричали на всѣ голоса: „Wildes Thier!“

Съ утра и до ночи онъ былъ одинъ и мысли его дѣлались все мрачнѣе и мрачнѣе.

Наконецъ, онъ не выдержалъ. Въ поздній вечеръ отправился онъ къ Софьѣ Михайловнѣ. Темнота спасала его отъ людского глаза и отъ его мучителей и онъ благополучно дошелъ до ея дачи. Вся кровь бросилась Софьѣ Михайловнѣ въ голову, когда она его увидѣла.

— Что-жъ вы не заглянули ко мнѣ въ эти дни, это не дружески, началъ-было Перекатовъ своимъ обычнымъ тономъ, но Софья Михайловна перебила его;

— Вамъ, вѣрно, опять нужны деньги? спросила она,—но въ настоящую минуту я ничего не могу одолжить вамъ.

Перекатовъ поблѣднѣлъ.

— Да, мнѣ нужны деньги, чтобъ бѣжать отсюда, чтобъ меня, старика, не позорили на всѣхъ перекресткахъ... началъ онъ жалобнымъ, надломленнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ-же вы затѣваете такія скверныя исторіи?

Отъ этого укора Перекатовъ воспрянулъ, какъ раненый звѣрь.

— Развѣ я виноватъ, закричалъ онъ,—что нѣсколько идіотовъ сдѣлали изъ скота — мученика!.. Посмотрите, какъ чувствуетъ Бялова весь Мюнхень! Впрочемъ, не вамъ это говорить, не мнѣ слушать!.. вы всегда должны помнить, чѣмъ обязаны мнѣ...

— Я, кажется, заплатила вамъ за все сторицею... — Léon, обратилась она къ вошедшему Вейделю,—Перекатовъ опять просить денегъ.

— Дай ему, душа моя, это будетъ уже въ послѣдній разъ. Перекатовъ зарыдалъ, какъ дитя, и безпомощно упалъ Вейделю на грудь.

— Ты одинъ, одинъ изъ всѣхъ хоть сжалился надо мной!..

Раннимъ утромъ, чуть брезжилъ свѣтъ, выѣзжалъ Перекатовъ изъ Мюнхена. Куда онъ ѣхалъ? гдѣ преклонить онъ свою без-

покойную, съдую голову? Какіе новые люди встрѣтятся ему на пути и поддадутся ли его обаянію? Долго-ли сохранится въ немъ сила, энергія, умѣнье хоть на нѣкоторый срокъ привлекать къ себѣ людей? Встрѣтятся-ли ему еще во время богатенькій дурачекъ и очаруется-ли имъ на-столько, чтобъ обезпечить его на весь остатокъ жизни? или раньше того его пристукнетъ болѣзнь, разобьетъ старость, и, нищій, онъ угаснетъ въ лишенияхъ на жесткой постели какого-нибудь благотворительнаго госпиталя?

А. Урбакъ.

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

РОМАНЪ

ИПОЛИТА НЬЕВО.

(Переводъ съ итальянскаго.)

ГЛАВА VIII.

ПАДУАНСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО. МОИ ВАКАЦИИ ВО ФРАТЬ И
ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ПАДУЮ ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО АДВОКАТА
ОРМЕНТЫ.

Во Франціи была уничтожена монархія. Изверженіе революціоннаго вулкана дѣлалось все сильнѣе и потому громъ его раздавался все дальше и дальше. Правительства другихъ странъ Европы увидѣли себя въ затруднительномъ положеніи. Теперь имъ приходилось вести борьбу уже не на защиту прежнихъ порядковъ во Франціи, а заботиться о томъ, чтобы пламя пожара не распространилось на сосѣднія съ Франціею страны. Молодня, только-что набранныя, но возбужденныя энтузіазмомъ французскія войска отразили на всѣхъ пунктахъ непріятельское вторженіе въ ихъ отечество; на обоихъ западныхъ вратахъ Италія, Ниццѣ и Савойѣ, уже развѣвалось трехцвѣтное французское знамя. Всѣ европейскія правительства готовились къ отчаянной борьбѣ и тѣснѣе сближались между собой. Одна свѣтлѣйшая республика венеціанская оставалась чужда всему, что дѣлается на свѣтѣ, и въ этомъ отчужденіи видѣла свое единственное спасеніе. Нейтралитетомъ и покорностью думала она предупредить грозу, надвигавшуюся все ближе къ ней. Жанъ Жакъ, агентъ крайней революціонной партіи, 26 января 1793 года былъ при-

знанъ Синьеріей французскимъ посланникомъ въ Венеціи. Онъ былъ центромъ, къ которому обращались всѣ надежды итальянскихъ новаторовъ, въ то самое время, какъ другіе агенты, бывшіе съ нимъ въ тѣсной связи, подстрекали Порту противъ германской имперіи и Венеціи, чтобы отвлечь силы Россіи и Германіи. Весной 1794 года Франція нарушила безсильный нейтралитетъ Генуи и стала грозить Пьемонту и Ломбардіи. Тогда только патриотъ Франческо Пезаро настоялъ въ Синьеріи на необходимости приготовиться къ предстоящей борьбѣ и вооружиться. Рѣшено было нанять новые полки въ Истріи и Далмаціи, возстановить укрѣпленія, запастись артилеріей. Но мудрый Совѣтъ Десяти, несогласный съ Синьеріей, постарался ограничить всѣ приготовленія наймомъ жалкихъ семи тысячъ кроватовъ, которые и были поставлены въ венеціанской Ломбардіи. Такимъ образомъ, я вступалъ въ жизнь въ то самое время, какъ отечество мое умирало. Могъ-ли я любить его? Трупъ можно оплакивать, но не любить. Давно уже въ венеціанской республикѣ не было мѣста никакимъ возвышеннымъ чувствамъ патриота и гражданина. Откуда было имъ взяться въ моментъ ея смерти?

Я жилъ въ Падуѣ какъ всѣ бѣдные студенты. Съ виду я походилъ на семинариста и скромно носилъ кокарду итальянской націи, потому-что между студентами были еще въ ходу національные цвѣта, какъ въ славныя времена Галилея, когда греки, испанцы, англичане, нѣмцы, поляки и норвежцы стекались въ падуанскій университетъ. Говорятъ, что здѣсь учился Густавъ-Адольфъ, пожелавшій слушать курсъ у великаго астронома. Правда-ли это было или нѣтъ, во всякомъ случаѣ это обстоятельство очень мало вліяетъ на исторію ихъ обоихъ. Нынѣшніе-же студенты, мои товарищи, были большею частью грубые горцы, грязные, неотесанные, невѣжественные. Это былъ разсадникъ правителей канцеляріи для надменныхъ феодаловъ и нотаріусовъ-взятчиковъ для уголовныхъ судовъ. Они проводили жизнь въ вѣчныхъ передрагахъ съ полицейскими, большею частью изъ-за того, что имѣли обыкновеніе уходить изъ тавернъ, не расплатившись. Ссоры разрѣшались передъ привилегированнымъ студенческимъ судомъ, который всегда оправдывалъ студентовъ, во избѣжаніе ихъ мести. Студенты изъ патриціевъ держались особ-

никакъ отъ этихъ буяновъ. Наконецъ, былъ и средній классъ, состоящій изъ тѣхъ, которые во время изобилія первыхъ чиселъ мѣсяца проводили время съ патриціями, а въ оскудѣніи послѣднихъ чиселъ обращались къ буйной толпѣ, насмѣхаясь между собой и надъ аристократіей и надъ демократіей; это были истинные представители средняго класса вообще, вѣчно лавирующаго и готоваго ради своего интереса находиться въ хорошихъ отношеніяхъ съ кѣмъ угодно. Событія французской революціи производили различное дѣйствіе въ средѣ падуанскаго студенчества. Большинство, съ дѣтства находившееся подъ вліяніемъ клерикаловъ, съ ужасомъ говорило о событіяхъ во Франціи. Но между студентами были и такіе, которые рассчитывали, что французскія событія встряхнутъ апатичныхъ венеціанцевъ и Венеція возродится къ новой жизни. Они большею частью питали, впрочемъ, эти надежды про себя. Только нѣкоторые неосторожные крикуны превозносили главныхъ дѣятелей французской революціи и выражали громко свои чувства. Инвизиторы, конечно, подслушивали, сколько ушей хватало, и отъ времени до времени какой-нибудь крикунъ исчезалъ; его отправляли въ Венецію съ рекомендательнымъ письмомъ, а тамъ уже только Мостъ Вздоховъ зналъ о его дальнѣйшей участи. Этими средствами инвизиція думала спастись отъ гибели.

Я былъ слишкомъ занятъ своими собственными чувствами и слишкомъ мало еще развитъ для пониманія общественныхъ интересовъ, чтобы живо интересоваться французскими событіями. Они казались мнѣ дикими, нелѣпыми и происходящими гдѣ-то такъ далеко, что мнѣ не было до нихъ никакого дѣла. Въ концѣ перваго года моего курса, осенью 1793 г., я отправился во Фрату на вакаціи, и тамъ тревоженія любви и ревности и разныя домашнія событія окончательно заставили меня забыть о политикѣ.

Пизана стала еще красивѣе, и ея капризы, странности, причуды и легкомысліе дошли до крайности. Симпатіи и антипатіи ея не знали ни причины, ни объясненія, ни мѣры, ни срока. Повидимому, безъ всякой побудительной причины, она вдругъ привязывалась къ старому приходскому священнику, одѣвалась въ черное и ходила, потупивъ глаза; терпѣливо выслушивала его наставленія и хотѣла слѣдовать примѣру истинныхъ монахинь. Но

такъ-же внезапно ея настроеніе мѣнялось и она превращалась въ дикарку, находила удовольствіе только въ обществѣ конюшаго Маркетто, училась у него ѣздить верхомъ, скакала по полямъ и оврагамъ и возвращалась домой растрепанная и испаранная; а то заводила дружбу съ крестьянами, гуляла подъ руку съ Сандро мельникомъ, считая даже аптекарскаго сына Донато слишкомъ аристократичнымъ. Затѣмъ слѣдовала новая переменна. Она безпрестанно ѣздила въ Портогруаро, приказывая везти себя всю дорогу вскачь; хотѣла затмить туалетомъ женъ подесты и кореджителя, кокетничала съ Джуліо дель-Понте, который былъ безъ памяти влюбленъ въ нее, и всячески корчила изъ себя свѣтскую дѣвушку. При этомъ она была всегда внутренне недовольна собой, постоянно мучилась неопредѣленными желаніями, непомѣрной потребностью всемъ нравиться. Даже съ Фульдженціо она иногда просиживала цѣлые вечера передъ очагомъ, смотря, какъ варится полента, хотя всегда терпѣть не могла этого лицемѣрнаго и подобострастнаго плута. Надо еще сказать, что она никакъ не могла устоять противъ лести. Вероника, жена капитана, на попеченіи которой она находилась, воспользовалась этимъ, чтобы измѣнить ея отвращеніе къ себѣ на привязанность и почти дружбу. Не довольствуясь лестью, она всячески угождала ей, даже въ такихъ дѣлахъ, которыя могли кончиться весьма плачевно. Она приводила заднимъ ходомъ въ замокъ Джуліо дель-Понте, стояла на стражѣ, пока онъ бесѣдовалъ съ Пизаной, и прикрывала его отступленіе въ томъ случаѣ, если приближался графъ или монсиньеръ. Въ этомъ ей содѣйствовала Фаустина, и обѣ онѣ, заручившись сообщничествомъ Пизаны, были полновластными хозяйками въ домѣ. Кухня была постоянно наполнена разными ихъ знакомыми, и вообще по отъѣздѣ графини авторитетъ графа и монсиньера значительно уменьшился въ ихъ собственномъ домѣ. Даже кошки стали смѣлѣе и ручнѣе, а старая дворовая собака Марокко завоевала себѣ мѣсто у очага, гдѣ свела тѣсную дружбу съ однимъ старымъ, жирнымъ котомъ.

Живя при такихъ условіяхъ, Пизана только чудомъ избѣжала какой-нибудь скандальной исторіи. Впрочемъ, можетъ быть, страстность ея въ то время была скорѣе головная. Ее больше занимала обстановка любви, кокетничаніе, тайныя свиданія, ревность, ссоры и примиренія, чѣмъ самая любовь. Но я въ то время былъ

расположенъ предполагать самое худшее и страдалъ невыносимо. Занимаясь по-прежнему въ канцеляріи, составляя протоколы и переписывая рѣшенія, я былъ цѣлый день самъ не свой. Едва раздавались чьи-нибудь шаги на дворѣ, я бѣжалъ къ окошку посмотрѣть, не идетъ-ли Пизана. Мнѣ вездѣ слышался ея голосъ, вездѣ я видѣлъ ее, и мнѣ постоянно казалось, что она избѣгаетъ встрѣчаться со мной. Наконецъ, не выдержавъ, я бѣжалъ искать ее и часто, къ своему отчаянію, находилъ ее въ обществѣ Джуліо. О, какъ я его ненавидѣлъ и какъ завидовалъ ему! Его фізіономія, полная огня, ума, жизни, его глаза, сверкавшіе любовью и радостью, его усмѣшка, вызывающая и насмѣшливая, какъ лицо греческаго Фавна, его рѣчь, скорая, живая, полная воображенія и нѣжности,—все это казалось мнѣ недостижимымъ идеаломъ. Правда, онъ былъ кривобогъ, малъ ростомъ, худъ, болѣзненъ, подверженъ судорожнымъ подергиваніямъ, но съ какимъ-бы удовольствіемъ помѣнялся я съ нимъ въ то время на мои широкія плечи и цвѣтущее здоровье!

И не я одинъ имѣлъ противъ него подозрѣніе: сенаторъ Фруміеръ началъ поглядывать на него косо, опасаясь, чтобы не вышло второго изданія исторіи Клары и Лючилио или даже чего-нибудь худшаго. Онъ сообщил свои подозрѣнія графу, который, сложивъ свои родительскія обязанности на Веронику, обратился за разъясненіемъ къ капитану:

— Ну что ваша жена говоритъ о Пизанѣ? Довольна-ли она ея поведеніемъ, манерами, работами? Приучается-ли она къ хозяйству?

Капитанъ повторилъ ему отвѣтъ, заранѣе подсказанный ему женой, немилосердно крутя усы, которые уже совсѣмъ пожелтѣли и сдѣлались одного цвѣта съ хвостомъ Мароко. Я возненавидѣлъ Веронику за ея дурное вліяніе на Пизану и за потворство Джуліо. Она, конечно, угадала мои чувства и доставляла себѣ удовольствіе дразнить меня, рассказывая мнѣ, какія побѣды Пизана одерживаетъ въ Портогруаро, какъ Джуліо дель-Понте влюбленъ въ нее не на животъ, а на смерть, и какъ Раймондо Венквередо, не имѣя возможности видѣть ее во Фратъ и у Фруміеровъ, дожидается ее по дорогамъ и въ мѣстахъ ея прогулокъ. Я скрежеталъ зубами и убѣгалъ, куда глаза глядятъ. Иногда я доходилъ до бастіона Аттилы и смотрѣлъ тамъ заходъ солнца; но

это зрѣлище, такъ сильно потрясшее меня въ дѣтствѣ, не производило теперь на меня такого впечатлѣнія, и среди великолѣпія природы я не переставалъ думать о фратскихъ дрязгахъ.

Иногда я уходилъ въ Кордовадо къ Проведони, и находилъ нѣкоторое душевное успокоеніе въ обществѣ этихъ добрыхъ людей. Младшіе братья Леопардо—Бруто, Гриффоне и Мастино,—были славные и работающіе юноши, тихіе, какъ овцы, и сильные, какъ быки. Сестры, Брадаманта и Аввилина, нравились мнѣ своею грубостью наивностью и веселымъ нравомъ. Аввилина была еще дѣвочка, лѣтъ десяти не болѣе, серьезная и дѣятельная, какъ домовитая хозяйка, смуглая, какъ цыганка, небольшого роста, но крѣпкаго сложенія, съ густыми черными бровями, съ большими сѣрыми глубокими глазами и огромными вьющимися черными волосами. Брадаманта была взрослая дѣвушка лѣтъ двадцати, веселая и живая, такъ что по своему характеру скорѣе походила на ребенка, чѣмъ ея маленькая сестра.

Миръ этого добраго семейства былъ постоянно возмущаемъ Дореттой. Надменная, капризная, всѣмъ недовольная, она не давала никому покоя. Мужъ ея, влюбленный въ нее до безумія, при всей своей добротѣ, бывалъ часто несправедливъ и жестокъ къ своимъ роднымъ. Но и этимъ онъ не могъ задобрить жену. Она громко жаловалась, что имѣетъ несчастье называться его женой. Она часто бранила своего отца за то, что онъ допустилъ ее до этого брака, а если докторъ Наталино возражалъ, что она сама хотѣла его, она съ озлобленіемъ кричала, что на то и отцы, чтобы вразумлять неопытныхъ дочерей, и что если-бы ей вздумалось броситься въ колодезь, то ея добрый отецъ навѣрно подтолкнулъ-бы ее. Несмотря на эти ссоры съ отцомъ, она безпрестанно ходила къ нему въ Венквередо, и когда Леопардо спрашивалъ ее, гдѣ она была, она только пожимала плечами.

Время моихъ вакацій проходило для меня тоскливо и заунывно, и я никакъ не могъ поговорить съ Пизаной по-прежнему, дружески. Наконецъ, я твердо рѣшился объясниться съ нею, и разъ, увидавъ, что она,—въ этотъ день обращавшаяся со мной благосклоннѣе обыкновеннаго,—вышла гулять, я пошелъ за нею и, догнавъ ее, взялъ ее подъ руку; я предложилъ ей идти гулять вмѣстѣ. Правда, это былъ первый разъ, что я осмѣлился предложить ей руку. Пизана посмотрѣла на меня глазами, свер-

кашпими негодованіемъ, и хотѣла что-то сказать, но слова замерли у нея въ горлѣ.

— Пизана, сказалъ я, — ради Бога, Пизана, не смотри на меня такъ грозно.

Она вырвала у меня свою руку и заговорила съ яростью:

— Что вы дѣлаете? Мы, кажется, ужь не дѣти! Теперь пора всякому знать свое мѣсто, и я удивляюсь, что вы не напоминаете мнѣ объ этомъ, когда, по излишней добротѣ, я иногда забываю, что насъ раздѣляетъ большое разстояніе. Вы знаете, что я по своему характеру часто поступаю необдуманно, стало быть, вамъ, по природѣ холодному и разсудительному, слѣдуетъ всегда помнить, кто вы и кто я!

Съ этими словами она отвернулась отъ меня и направилась въ тѣнь нѣсколькихъ ивъ, подъ которыми Джуліе дель-Понте ожидалъ ее съ ружьемъ на плечѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что у нихъ было назначено тамъ свиданіе и что вспышка Пизаны была вызвана подозрѣніемъ, что я шпию за нею. Я былъ сражонъ. Не помню, какъ вернулся я въ замокъ, гдѣ бродилъ какъ шальной, и не знаю, какъ очутился въ комнатѣ покойнаго Мартино. Его комната оставалась нетронутой, какъ она была при его жизни. На полу валялось еще нѣсколько гвоздей, оставшихся отъ заколачиванія крышки его гроба. Стелянка съ какимъ-то засохшимъ питьемъ стояла на столѣ. На стѣнѣ еще оставалась оливковая вѣтвь, которую онъ здѣсь повѣсилъ въ послѣднее вербное воскресенье своей жизни. Я бросился на кровать, горько плача и вспоминая моего вѣрнаго и до сихъ поръ единственнаго друга. Долго пролежалъ я такъ, погруженный въ смутныя мысли о смерти, о мракѣ, о забвеніи. Вдругъ дрожь охватила меня; я почувствовалъ потребность воздуха, свѣта, жизни. Я вскочилъ съ кровати и направился къ балкону; проходя мимо стола, я увидѣлъ на немъ какую-то книжку. Машинально я взялъ ее. Это былъ молитвенникъ старика; одно мѣсто было еще заложено очками вмѣсто закладки. Кое-гдѣ между страницами лежали картинки съ изображеніями святыхъ и свидѣтельства о причастіи съ обозначеніемъ годовъ въ заголовкахъ. Среди всего этого мнѣ попалась на глаза бумага, исписанная мелкимъ и неправильнымъ почеркомъ, въ которомъ нѣкоторыя буквы были написаны попечатному. Я узналъ почеркъ моего стараго друга и принялся чи-

тать; въ моемъ настроеніи мнѣ показалось, что я не даромъ нашелъ эту бумагу, что въ ней я найду совѣтъ, съ которымъ какъ-бы изъ-за могилы обратится ко мнѣ тотъ, въ чьей памяти я взываю въ моемъ горѣ. Это были какія-то замѣтки и сентенціи, плодъ долголѣтней житейской опытности и одиночныхъ размышлений старика. Между прочимъ я прочелъ слѣдующее:

„Если ты вполнѣ несчастливъ, это знакъ, что на душѣ твоей лежатъ какой-нибудь грѣхъ, потому что спокойствіе совѣсти приготовило-бы отдыхъ твоей скорби. Ищи и найдешь, что ты нарушилъ какой-нибудь долгъ или кого-нибудь обидѣлъ; какъ скоро долгъ будетъ исполненъ и обида заглажена, спокойствіе вернется въ твою душу, потому что Іисусъ Христосъ сказалъ: блаженны гонимые...

„Тайна, которую ты узнаешь случайно, священнѣе, чѣмъ тайна, довѣренная тебѣ. Ибо вторая вѣрена тебѣ человѣкомъ, а первая Богомъ. Удовольствіе вѣрно сохранить ее стоитъ больше, чѣмъ милости или деньги, которыя тебѣ дали-бы за предательство. Душевный миръ дороже денегъ; я всегда это думалъ и нахожу теперь, что думалъ справедливо...

„Если, исполняя свои обязанности, ты все-таки не находишь душевнаго спокойствія—это знакъ, что ты еще не знаешь всѣхъ твоихъ обязанностей. Ищи ихъ, угадывай ихъ и исполняй, и будешь успокоенъ, на-сколько это возможно человѣку“.

Я былъ пораженъ. Мой покойный другъ являлся теперь передо мной въ совершенно новомъ свѣтѣ. Какъ? Этотъ старый Мартино, котораго я, правда, любилъ, но считалъ всегда простымъ, глуповатымъ старичкомъ, занятымъ только своей мелочной лакейской службой,—этотъ Мартино открывалъ мнѣ глаза, указывалъ мнѣ путь въ жизни; этотъ Мартино жилъ духовной жизнью, быть можетъ, больше всѣхъ прочихъ обитателей замка! О, онъ правъ! думалъ я. Мнѣ восемнадцать лѣтъ, я почти совсѣмъ взрослый человѣкъ, а какія обязанности до сихъ поръ я исполнилъ, какія цѣли ставилъ себѣ въ жизни? Эта глупая, безнадежная любовь одна до сихъ поръ наполняла все мое существованіе, не давая мнѣ покоя. Вонъ ее! Вѣжать отсюда! „Ищи своихъ обязанностей, которыхъ еще не знаешь“, говорилъ мнѣ Мартино. Да, да, онъ правъ! И не даромъ въ эту минуту отчаянія я услышалъ его спасительный голосъ!

Первымъ результатомъ моего рѣшенія было то, что я по возможности часто сталъ уходить изъ Фраты, чтобы держаться подалше отъ Пизаны. Между прочимъ, я бывалъ нерѣдко и въ Портогруаро у сенатора. Однажды въ октябрѣ, когда я уже подумывалъ объ отъѣздѣ въ Падую, я отправился къ нему и неожиданно попалъ на празднество. Были имянины сенаторши, и у нихъ въ домѣ собралось многочисленное общество, въ томъ числѣ Пизана, Джуліо дель-Понте, падре Пендола, монсиньеръ ди-Сант-Андреа и вся академія сенатора. Сенаторъ принялъ меня какъ приглашеннаго гостя, изъ чего я догадался, что Пизана скрыла отъ меня присланное мнѣ наканунѣ приглашеніе. Дѣйствительно, по взглядамъ и минамъ ея и Джуліо я видѣлъ, что я для нихъ лишній. Впрочемъ, помѣхи для Пизаны я не составлялъ, потому-что она при мнѣ не церемонилась. Она была совершенно лишена того чувства деликатности, которое если иногда близко граничитъ съ притворствомъ и лицемеріемъ, то, съ другой стороны, свидѣтельствуетъ о нѣкотораго рода совѣстливости.

Я сидѣлъ подлѣ падре Пендола, ѣлъ мало, говорилъ еще меньше, наблюдалъ и терзался злобой и ревностью. Джуліо дель-Понте блисталъ въ разговорѣ, какъ нѣкогда Лючилю. Пизана улыбалась ему, краснѣла, вздыхала и млѣла. Падре Пендола взглядывалъ то на нее, то на Джуліо, то на меня, и всякій разъ, какъ взоры его обращались на меня, я чувствовалъ, какъ они пронизываютъ меня насквозь. Прочіе гости болтали, пили здоровье сенаторши, смѣялись остроумамъ Джуліо, а главное—ѣли. По окончаніи обѣда все общество вышло на терасу пить кофе. Я хотѣлъ послѣдовать за нимъ, какъ вдругъ падре Пендола взялъ меня любезно за руку и попросилъ остаться. Лицо его дышало такимъ участіемъ, что я, хотя до сихъ поръ мало зналъ его и не питалъ къ нему никакой симпатіи, вдругъ почувствовалъ къ нему сильнѣйшее расположеніе.

— Карлино, сказалъ онъ, принимаясь рассказывать со мной взадъ и впередъ по залѣ, пока слуги убирали со стола, — вы скоро возвращаетесь въ Падую?

— Да, падре, отвѣчалъ я съ неумѣстнымъ, но искреннимъ вздохомъ.

— И прекрасно, Карлино. Сознаться, что здѣсь вы недовольны своимъ положеніемъ, что васъ точить праздность и не-

опредѣленность положенія и вы даромъ тратите лучшее время молодости?

— Это правда, падре; я началъ тяготиться жизнью.

— Хорошо, хорошо; вы еще десять, двадцать разъ оцѣните этотъ драгоценный даръ. Все дѣло въ томъ, чтобы умѣть честно посвятить себя своему долгу.

Эти слова поразили меня; никакъ я не ожидалъ услышать отъ падре Пендолы тѣ самые совѣты, какіе давалъ Мартино, и это согласованіе внушило мнѣ довѣріе къ преподобному отцу.

— Дѣйствительно, сказалъ я, — съ нѣкотораго времени я ищу въ исполненіи долга средства противъ... противъ скуки.

— И нашли?

— Нѣтъ; переписка бумагъ въ канцеляріи — трудъ слишкомъ матеріальный, и синьеръ канцеліере не такой человекъ, чтобы могъ придать этому занятію интересъ. Руки, правда, заняты, но голова бродитъ Богъ-вѣсть гдѣ, а время скуки мѣряется головой, а не пальцами.

— Совершенно справедливо, Карлино, но вы сами знаете, что первое условіе для выздоровленія есть твердое желаніе выздороувѣть. Здѣсь, Карлино, ваша душа болѣетъ; если хотите ее вылечить, уѣзжайте. Вы скажете, что болѣзнь сопутствуетъ больному. Нѣтъ, нѣтъ, Карлино, это неосновательно! Отдаленная причина дѣйствуетъ слабѣе, чѣмъ близкая. О, не краснѣйте! Я ничего не скажу; я только совѣтую вамъ, какъ другъ, какъ отецъ, и больше ничего. У васъ нѣтъ семьи, нѣтъ никого, кто любилъ-бы васъ, руководилъ-бы вами; я хочу усновить васъ и помочь вамъ тѣмъ свѣтомъ сознанія, которымъ надѣлилъ меня Господь. Довѣрьтесь мнѣ и испробуйте; больше я васъ ни о чемъ не прошу. Вамъ надо уѣхать отсюда, уѣхать не только тѣломъ, но и душой. И вы сами нашли истинное средство увлечь отсюда свою душу. Подчините ее совѣсти и строгому исполненію долга. Вы прекрасно сказали: скорбь мѣряется головой; я прибавлю и сердцемъ, а не пальцами. Стало быть, надо, чтобы кромѣ рукъ были также заняты голова и сердце.

— Падре, отвѣчалъ я, совершенно разчувствовавшись, — говорите; я слушаю васъ съ истинной вѣрою и постараюсь понять ваши совѣты и послѣдовать имъ.

— Послушайте, сказалъ онъ, — у васъ нѣтъ семейныхъ обя-

занностей, а долгъ благодарности благодѣтелямъ легко уплатить тому, кто ничѣмъ не можетъ расплатиться кромѣ признательности и преданности. Вы исполните свой долгъ, если прилежаніемъ и трудолюбіемъ поможете осуществленію намѣреній въ отношеніи васъ вашихъ благодѣтелей. Но этого недостаточно. Это дастъ занятіе только головѣ; сердце останется въ праздности, тѣмъ болѣе, что вскормившее васъ семейство не сумѣло воспитать его въ свою пользу. Не стыдитесь, Карлино; стыдиться тутъ нечему. Очевидно, вы не можете питать сыновней любви къ графу и къ графинѣ, которые и собственнымъ дѣтамъ не умѣли внушить истинной любви. Обязываютъ не столько благодѣанія, сколько способъ оказывать ихъ. Стало быть, стыдиться вамъ нечего. Это такъ вышло потому, что иначе не могло выйти. Если-бы вы теперь стали усиливаться полюбить графа и графиню, это были-бы усилія честныя, достойныя доброй и благодарной души, но напрасныя. Любовь развивается сама собой, а не прививается искусственно. Карлино, сердце ваше лишено семейныхъ привязанностей. Это великое несчастіе, извиняющее много заблужденій... но поймите меня, сынъ мой,—извиняющее только, но не освобождающее отъ обязанности очищаться отъ нихъ, не дающее права утверждаться въ нихъ! Въ первые года человекъ инстинктивно ищетъ спасенія отъ этого несчастія. Но иногда злая судьба и дѣтское легкомысліе вмѣсто спасенія находятъ гибель, вмѣсто лекарства—ядъ. Тогда, Карлино, достигнувъ пониманія, надо поскорѣе покинуть этотъ путь, бросить это вредное леченіе и искать дѣйствительнаго. Вамъ восемнадцать лѣтъ, сынъ мой; вы уже юноша, уже мужчина. Вы не имѣете и не можете имѣть вѣрной, святой, законной привязанности ни къ кому, потому-что никто васъ ей до сихъ поръ не научилъ, никто не указалъ вамъ ея необходимости. Я первый теперь, можетъ быть, заговорилъ вамъ о долгѣ, и не знаю...

— Продолжайте, продолжайте, падре. Ваши слова отвѣчаютъ на мысли, которыми я былъ занятъ въ послѣднее время. Повѣрьте, у меня хватить мужества не отвратить глазъ отъ свѣта.

— Прекрасно, Карлино! Думали-ли вы когда-нибудь, что вы не только человекъ, но сверхъ того гражданинъ и христианинъ?

Этотъ вопросъ, заданный тономъ строгимъ и торжественнымъ,

смутилъ меня; я понятіа не имѣлъ о томъ, что значить и къ чему обязываетъ званіе гражданина; насчетъ же того, что я христіанинъ, я не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія, потому-что изъ катехизиса зналъ, что на этотъ вопросъ долженъ отвѣчать утвердительно. Я всталъ втупикъ и, подумавъ, отвѣчалъ нерѣшительно:

— Да, падре, я знаю, что, по милости Божіей, я христіанинъ.

— Такъ научилъ васъ отвѣчать вашъ священникъ, сказалъ падре,—и я увѣренъ, что вы говорите искренно. До сихъ поръ, Карлино, всё были христіанами, и вопросъ, который я задалъ вамъ, былъ излишенъ. Религія стояла внѣ сомнѣній и споровъ и если не служила руководствомъ нравовъ, какъ въ первые вѣка благочестія, то, по крайней мѣрѣ, служила связью вѣры для всѣхъ въ великой семьѣ церкви. Теперь, сынъ мой, времена измѣнились; чтобы быть истиннымъ христіаниномъ, не слѣдуетъ подражать другимъ, а, напротивъ, надо дѣйствовать наперекоръ многимъ другимъ. Вражда многихъ пользуется равнодушіемъ большинства, и немногіе истинно-вѣрующіе должны бороться противъ этихъ многихъ, бороться всякимъ оружіемъ, чтобы не дать имъ восторжествовать. Они должны бороться не изъ личной гордости, понятно, а для того, чтобы не дать погибнуть религіи, внѣ которой нѣтъ спасенія. Карлино, повторяю вамъ, вы молоды, вы христіанинъ, вы живете въ тяжкія времена, а впереди вамъ предстоятъ еще болѣе тяжкія; но самая трудность этихъ временъ, будучи общимъ бѣдствіемъ, для вашего минутнаго интереса, для украшенія вашей теперешней жизни является истиннымъ счастіемъ. Подумайте, сынъ мой; хотите-ли вы коснѣть въ безучастіи, безъ мысли и безъ чести, или вступить въ бой поборникомъ вѣчности противъ времени, духа противъ плоти? Знайте, что вы не избѣгнете этой дилеммы. У васъ честное и великодушное сердце, и вы должны сдѣлаться поборникомъ добраго дѣла. Съ религіей—идеалъ, вѣра въ бессмертную справедливость и въ торжество добродѣтели, словомъ, жизнь разумная и побѣда духа; съ невѣрующими—матеріализмъ, эпикурейскій скептицизмъ, отрицаніе совѣсти, анархія страстей, жизнь скотская со всѣми ея гнусными послѣдствіями. Выбирайте, Карлино, выбирайте!

— О, я христіанинъ! воскликнулъ я съ одушевленіемъ. — Я вѣрю въ добро и желаю его торжества!

— Недостаточно желать, сказали падре грустнымъ голосомъ, — надо искать добра, надо содѣйствовать его торжеству. Для этого необходимо душой и тѣломъ предаться тому, кто трудится и борется за него, необходимо пользоваться самыми ухищреніями враговъ, чтобы обращать ихъ имъ во зло; надо укрѣпиться духомъ, вооружиться силой и благоразуміемъ, ничего не страшиться и всегда бодрствовать на своемъ посту; надо съ терпѣніемъ выдерживать неудачи, переносить презрѣніе, срывать свои помыслы, чтобы вѣрнѣе побѣдить; въ случаѣ необходимости умѣть побориться, но для того только, чтобы воспрянуть; идти на сдѣлки, но для того, чтобы выиграть время. А главное, надо вѣрить въ безсмертіе духа, чтобы быть способнымъ пожертвовать земною и преходящую жизнь ради будущей лучшей вѣчности.

— Да, падре. Горизонтъ, который вы мнѣ открываете, такъ обширенъ, что у меня нѣтъ смѣлости оплакивать мои жалкія маленькія огорченія. Въ этомъ обширномъ кругозорѣ расплываются мелочи, которыя до сихъ поръ занимали меня. Теперь я полечу вмѣсто того, чтобы пресмыкаться.

— Хорошо, Карлино; это очень хорошо; но одного энтузіазма недостаточно; нужна добрая доза разсудка и терпѣнія. Я показалъ вамъ высшій и благороднѣйшій долгъ, требующій вашей дѣятельности, и вы увлечены его величественной шириной. Но на практикѣ дѣло покажется вамъ гораздо уже и мизернѣе, вамъ покажется, что вы опять сошли на мелочныя человѣческія дрязги. Но не пугайтесь этого, Карлино. Тому, кто идетъ въ Римъ, приходится прежде, чѣмъ достигнуть цѣли, переночевать во многихъ грязныхъ трактирахъ и идти въ обществѣ извозчиковъ и носильщиковъ. Терпите; не останавливайтесь по пути на мелочахъ; имѣйте всегда въ виду высокую конечную цѣль!

Я и понималъ, и не понималъ. Торжественныя слова падре сильно дѣйствовали на меня, возбуждая въ моемъ умѣ высокія идеи человѣчества, религіи, самопожертвованія, вѣры. Я чувствовалъ, что вступаю въ новую сферу, гдѣ я не болѣе, какъ разумный атомъ, участвующій въ высокому и таинственному дѣлу, средства и цѣли котораго для меня непостижимы. Падре взывалъ во мнѣ къ христіанину, но на его слова во мнѣ просы-

пался членъ человѣчества, и я чувствовалъ, какъ расту и мужаю въ этомъ сознаніи.

— Таковы ваши обязанности относительно религіи, продолжалъ падре.— Положеніе ваше, какъ гражданина, почти таково же. Пока во всѣхъ было ненарушимо уваженіе къ отечественнымъ учрежденіямъ, объ этомъ положеніи не приходилось думать и всякое частное дѣло было на своемъ мѣстѣ въ великомъ общественномъ механизмѣ. Отечество, сынъ мой,—религія гражданина; законы — его символъ вѣры; горе тому, кто посягаетъ на нихъ! Надо защищать словомъ, перомъ, примѣромъ, кровью неприкосновенность его декретовъ, наслѣдіе мудрости двадцати, тридцати поколѣній. Вотъ именно теперь тайная и неуловимая фаланга разрушителей стремится подвергнуть сомнѣнію то, что признавалось истиннымъ, святымъ, ненарушимымъ въ продолженіи многихъ вѣковъ. Надо противиться, сынъ мой, этому варварству; надо помѣшать врагамъ совершить до конца зло, которое они наносятъ намъ, сѣя между нами порчу и раздоръ. Какъ хирурги, мы должны противодействовать злу зломъ. Иначе мы будемъ побѣждены и попадемъ подъ власть злодѣевъ, которые проповѣдуютъ безумную свободу, чтобы наложить на насъ истинное рабство,—рабство законамъ безнравственнымъ, дерзкимъ, тираническимъ; рабство своимъ и чужимъ страстямъ; рабство души въ пользу преходящихъ земныхъ наслажденій. Будемъ сильны противъ гордыни, сынъ мой. Для этого нужно смирять себя: послушаніе, послушаніе, послушаніе! Пусть повелѣваетъ законъ Божій, законъ, который былъ, есть и будетъ, а не прихоть самозванныхъ законодателей, будто-бы желающихъ обновленія, но въ сущности стремящихся пожираты! Вы меня понимаете, сынъ мой? Такимъ образомъ, религія и отечество стоятъ за одно и готовятъ вамъ боевое поприще, гораздо болѣе достойное жертвы, чѣмъ грѣховное идолопоклонство страсти и частному интересу.

— Я готовъ, отвѣчалъ я.—Надѣюсь загладить погрѣшности первой половины моей жизни самоотверженіемъ второй. Постараюсь забыть о себѣ, если не могу переимѣниться; буду искать обязанностей болѣе святыхъ, любви болѣе высокой...

— Оставьте любовь! прервалъ меня падре;—не употребляйте одинаковыхъ словъ въ столь различныхъ вещахъ. Любовь—ми-

молетный метеоръ. А въ вашей новой жизни нужны вѣра и рвеніе—осмысленныя и постоянныя силы. Крестъ жертвы и мечъ убѣжденія—вотъ наши символы; они далеко превосходятъ миртовый вѣнокъ и цѣлующихся голубковъ.

— Падре, сказалъ я,—надѣюсь, что я лучше пойму все это, когда умъ мой очистится отъ помрачающаго его тумана. Буду мыслить, и надѣюсь побѣдить.

— Вы уже побѣдили-бы, если-бы попробовали бороться, отвѣчалъ патеръ,—но вы, Карлино, влѣзли въ свою скорлупу и не искали помощи людей болѣе опытныхъ. Идеи не рождаются, а передаются, сынъ мой; и вы поступили дурно, сосредоточившись въ своей страстишгѣ, вмѣсто того, чтобы довѣриться людямъ достойнымъ довѣрія, которые давно навели-бы васъ на путь, указанный теперь мною. Напримѣръ, прошлаго года я рекомендовалъ вамъ посѣщать въ Падуѣ адвоката Орменту, человека праведнаго, честнаго и великодушнаго, который направилъ-бы вашъ умъ къ его истинному долгу и указалъ-бы вамъ настоящую цѣль жизни. Такихъ людей молодежь должна уважать и брать себѣ въ примѣръ.

— Падре, по вашей рекомендаціи я нѣсколько разъ видался съ адвокатомъ Орментой, но мысли мои были заняты другимъ. Притомъ меня испугала его холодность и нѣкоторая презрительность въ обращеніи. Не знаю, показался-ли онъ мнѣ слишкомъ высокъ или слишкомъ непохожъ на меня; но во всякомъ случаѣ, мнѣ было неловко въ его присутствіи, и комната, въ которой онъ принималъ меня, была такъ мрачна, такъ холодна...

— Все это признаки жизни суровой и высокой, сынъ мой. То, что теперь пугаетъ васъ, со временемъ понравится вамъ и покажется привлекательнымъ. Высокое кажется холоднымъ, и снѣга покрываютъ вершины горъ; но солнце первое лобзаетъ ихъ и ихъ послѣднихъ покидаетъ. Нынче пойдите снова къ адвокату, сойдитесь съ нимъ, и я надѣюсь, что вы найдете въ немъ вѣрнаго руководителя на пути, которымъ вамъ предназначено идти. Я бросилъ въ вашу душу зернышко. Будемъ надѣяться, что оно прозябнетъ. Добрый адвокатъ, найдя васъ въ лучшемъ настроеніи, приметъ васъ довѣрчивѣе. И я мѣсяцевъ десять тому назадъ мало ожидалъ отъ васъ; сознаюсь вамъ въ этомъ

чистосердечно и тѣмъ охотнѣе, что теперь жду отъ васъ многого.

— О, падре! Вы слишкомъ добры! Какъ можно ждать отъ меня многого?

— Какъ, Карлино, какъ? Вы себя не знаете, и я не хочу внушать вамъ гордости, но хочу научить васъ читать въ своей душѣ. Въ васъ страсть сильна, и если вознести ее въ высшую сферу, гдѣ страсть обращается въ боготвореніе, она можетъ воспылатъ огнемъ благодѣтельнымъ и божественнымъ. Рѣшились-ли вы выйти изъ грязи, искать счастья въ томъ, въ чемъ оно дѣйствительно заключается,—въ исполненіи священнѣйшихъ обязанностей, налагаемыхъ въ наши времена совѣстью на человѣка?

— Да, падре; я сдѣлаю все изъ любви къ справедливости.

— Въ такомъ случаѣ довѣрьтесь намъ, Карлино; мы вамъ поможемъ, мы васъ просвѣтимъ. Вы будете благодарить насъ, а мы будемъ благодарны вамъ.

— О, падре, что вы говорите!

— Да, мы будемъ благодарны вамъ за великія услуги, которыя вы окажете дѣлу религіи и отечества,—дѣлу, которое мы защищаемъ изъ состраданія къ людямъ и во славу Божию. Вы щедро одарены отъ природы; пользуйтесь-же достойно этими дарами—и найдете благодарность, почетъ и довольство. Я вамъ общаю. Будь вы священникъ, я сказалъ-бы вамъ: будьте со мной; давайте вмѣстѣ бороться, молиться, побуждать; но вы призваны къ другой жизни, также полезной и благородной. Адвокатъ Ормента замѣнитъ меня; я подробно напишу ему о васъ; вы будете ему какъ родной сынъ, и, быть можетъ, въ мірѣ найдете больше случаевъ сдѣлать добро, чѣмъ я могу надѣяться найти среди духовенства скромной епархіи. Итакъ, рѣшено, Карлино; я ничего не прошу у васъ, кромѣ того, чтобы вы повѣрили мнѣ и испробовали. Главное-же, я не хочу, чтобы вы глупѣли въ ребяческихъ грѣзахъ. Пренебрегите тѣми, кто пренебрегаетъ вами; разорвите цѣпь привычекъ; подумайте, что человѣкъ созданъ для людей. Будьте великодушны, потому что обладаете силой.

Я прослезился, взявъ руку патера, осыпалъ ее поцѣлуями, облилъ слезами, общалъ быть человѣкомъ, посвятить себя благу

ближнихъ, повиноваться ему, адвокату Ормента и всѣмъ, кому угодно, кромѣ своихъ страстей. Я былъ внѣ себя, воображалъ себя апостоломъ, хотя не зналъ хорошенько, чего. Прежнюю жизнь свою я глубоко презиралъ. Падре подтвердилъ меня въ этихъ чувствахъ и далъ въ видѣ перваго совѣта наставленіе соблюдать всѣ религіозные обряды, которымъ меня учили въ дѣтствѣ. Свѣтъ придетъ впослѣдствіи и свѣточемъ будетъ адвокатъ Ормента. Мы вышли въ садъ. Я былъ полонъ благоговѣнія. Садъ показался мнѣ храмомъ. Вдругъ я увидѣлъ Пизану, весело болтавшую съ Джуліо; мгновенно крылья моего энтузіазма стали таять, какъ у Икара, но гордость поддержала меня. Я подумалъ, на-сколько я выше ихъ, храбро взглянулъ на Пизану и улыбнулся изъ состраданія; но сердце ныло во мнѣ, и улыбка не долго продержалась на лицѣ.

Падре Пендола говорилъ со мною, наставлялъ и поучалъ меня еще нѣсколько разъ въ послѣдніе дни моего пребыванія во Фратѣ. Священникъ изъ Тельо поддерживалъ его, и я ѣхалъ точно въ крестовый походъ. Приѣхавъ въ Падую, я тотчасъ отправился къ адвокату Ормента, которому падре Пендола уже писалъ обо мнѣ и который принялъ меня, какъ настоятель монастыря принимаетъ новопоступающаго. Этотъ достойный адвокатъ, показавшійся мнѣ въ прошломъ году подозрительнымъ, холоднымъ, сдержаннымъ, былъ теперь сладокъ, какъ медъ. Взоры его выражали экстазъ, всякій жестъ былъ лаской, всякое слово шло прямо въ сердце. Онъ былъ всѣмъ доволенъ, почти счастливъ: собой, падре Пендой, а главное—драгоценнымъ даромъ, который получилъ отъ падре въ моей особѣ. Онъ говорилъ мнѣ о довѣрїи, покорности судьбѣ, терпѣнїи, и пригласилъ меня обѣдать у него каждый день, кромѣ среды, когда онъ имѣетъ обыкновеніе постничать, что, вѣроятно, было-бы неудобно для моего молодого желудка. Онъ говорилъ, что молодость моя даетъ мнѣ возможность дѣлать много добра, что я долженъ вывѣдывать образъ мыслей и намѣренія моихъ товарищей и совѣтоваться съ нимъ. чтобы исправлять ихъ, обращать ихъ на лучшій путь, если они заблуждаются; такимъ образомъ, я буду служить проводникомъ, черезъ который его опытность будетъ переходить въ эти молодые души и умѣрять ихъ пылъ. О, если-бы у него было много такихъ помощниковъ, какъ я! Но нѣкоторые уже имѣются, и

плоды ихъ дѣятельности уже умножаются и обнаруживаются среди лучшей части молодежи. Благодаря моему свѣтлому уму, моей прекрасной и симпатичной наружности, моему горячему краснорѣчію, я буду однимъ изъ самыхъ полезныхъ. Наградой мнѣ будутъ какъ удовлетвореніе совѣсти (а это, конечно, главное), такъ и мірской почетъ и спасеніе въ будущей жизни. Государству нужны служители усердные, искусные, дѣятельные, и во мнѣ оно найдетъ именно такого. Отказываться отъ возвышенія не слѣдуетъ, потому что любовь къ ближнимъ и благо отечества и религіи должны побуждать скромность. Всѣ люди—братья, но братъ болѣе способный не долженъ допускать, чтобы менѣе способный бралъ надъ нимъ перевѣсъ по прихоти слѣплого случая. Любовь должна быть всегда бдительна и иногда даже строга. Рука можетъ иногда карать, причѣмъ, разумѣется, сердце должно оставаться любящимъ, снисходительнымъ, должно скорбѣть о печальной необходимости наказывать съ цѣлью исправленія. О, сердце, сердце! У адвоката Орменты оно было такъ широко, такъ нѣжно, такъ пылко, что могло заблуждаться по излишку любви, но никакъ не по недостатку ея.

Однакожь, многое въ обстановкѣ адвоката непріятно поражаело меня. Во-первыхъ, его домъ, сырой, темный, мрачный и грязный, какъ змѣиное гнѣздо. Затѣмъ, во время моего визита къ нему вошла зачѣмъ-то его жена, маленькая, худенькая, болѣзненная женщина. Адвокатъ обратился къ ней голосомъ рѣзкимъ и раздраженнымъ, тономъ скорѣе господина, чѣмъ мужа, и она вышла изъ комнаты испуганная, кусая губы, но не смѣя возражать. Выходило, что адвокатовъ Ормента какъ-будто два: одинъ, котораго я видѣлъ въ прошломъ году и теперь съ женой, а другой, который бесѣдовалъ со мной. Въ углу прихожей сидѣлъ желтый, грязный, тощій мальчикъ, одѣтый въ лохмотья. Адвокатъ представилъ мнѣ его, какъ своего единственного сына, прибавивъ, что это маленький феноменъ ума и святости, самъ, по собственному желанію, отказавшійся отъ модной одежды. Бритая голова, бессмысленные глаза, грязныя руки и засаленное рубище маленькаго феномена представляли странный контрастъ съ похвалами, которыя расточалъ ему взволнованнымъ голосомъ его отецъ. На видъ мальчику было лѣтъ четырнадцать, на самомъ-же дѣлѣ, какъ я послѣ узналъ, шестнадцать, и мнѣ онъ пока-

зался чѣмъ-то въ родѣ идіота. Затворивъ за собой дверь, я услышалъ его голосъ, напѣвавшій такъ раздрачительно, что я предпочелъ-бы лай собаки.

Начавъ слѣдовать наставленіямъ падре Пендолы и адвоката Орменты, я старался разузнавать религіозныя мнѣнія моихъ товарищей. Согласно тому, что мнѣ предсказывалъ падре, я не замедлил открыть въ нихъ глубокое и общее равнодушіе къ религіи; нѣкоторые позволяли себѣ даже насмѣшки и шутки надъ обрядами католичества и зло острили насчетъ почтенныхъ патеровъ. Въ моемъ усердіи, я оскорблялся этими шутками и вступалъ въ ожесточенные споры. Не ограничиваясь спорами, я сообщалъ видѣнное мною адвокату, который поощрялъ меня къ дальнѣйшимъ наблюденіямъ, просилъ обращать вниманіе на то, въ какой связи находятся эти религіозныя мнѣнія съ политическими, разузнавать, кто коноводы этой партіи, сходиться съ ними, разговаривать съ ними такъ, чтобы вызывать ихъ на откровенность, для того, чтобы знать, съ какой стороны взяться за ихъ исправленіе. Онъ убѣждалъ меня, главнымъ образомъ, не высказывать своихъ взглядовъ до-поры до-времени, не выставляться, говорить мало, а больше выпрашивать и слушать.

— Заблудшихъ овецъ надо привлекать лаской, говорилъ онъ:— надо сначала обманывать ихъ, дѣлая видъ, будто слѣдуешь за ними, чтобы онѣ потомъ охотнѣе послѣдовали за нами.

Онъ часто звалъ меня къ себѣ и приглашалъ обѣдать. Я ходилъ къ нему, но обѣдовъ его избѣгалъ. Однажды въ воскресенье, когда онъ заставилъ меня непремѣнно остаться обѣдать, я очутился въ такомъ обществѣ, что лишился аппетита. Тутъ были: дряхлая и противная старуха, которую величали синьерой маркизой; старый адвокатъ; полусбирь и полупатеръ, который постоянно пилъ и смотрѣлъ на меня сквозъ стаканъ; двое грубыхъ, грязныхъ и жирныхъ молодыхъ людей съ спившимися фізіономіями, которые за одно съ сыномъ хозяина и съ слезливой хозяйкой дома, напоминавшей привидѣніе, нагоняли на меня невыразимую меланхолію. Адвокатъ Ормента былъ, напротивъ того, видимо, въ восторгѣ отъ такого избраннаго общества, хотя я замѣтилъ, что онъ ни разу не поподчивалъ старика виномъ, а молодыхъ людей кушаньями. Всѣ его подчиванія обращались къ маркизѣ, которая не могла ни пить, ни ѣсть по причинѣ мучившаго

ее кашля. Адвокатъ поражалъ меня искусствомъ рѣзать кушанья, доходившимъ до математической точности; жаренаго цыпленка онъ разрѣзывалъ на восемь кусковъ, что, по-моему, труднѣе рѣшенія задачи квадратуры круга. По окончаніи обѣда, взявъ меня въ сторону, онъ сообщилъ мнѣ біографическія свѣденія о своихъ гостяхъ. Маркиза была благодѣтельница всѣхъ богоугодныхъ заведеній въ городѣ, имѣла 80 тысячъ пехиновъ состоянія, и онъ, адвокатъ, былъ ея довѣреннымъ совѣтникомъ. Старикъ былъ венеціанскій адвокатъ, большой другъ подесты, и потому его приходилось задобривать. Молодые люди были студенты, родомъ изъ Вероны, предавшіе себя, подобно мнѣ, въ распоряженіе добраго дѣла; къ сожалѣнію, у нихъ не было ни моихъ способностей, ни моихъ манеръ; но Богъ и камни обратилъ въ хлѣбъ, и при доброй волѣ можно всего достигнуть! Я, съ своей стороны, думалъ, что если они во всѣ свои занятія вносятъ такое усердіе, какъ въ ѣду, то ихъ нужно скорѣе сдерживать, чѣмъ поощрять. Я вспомнилъ также, что встрѣчалъ ихъ подъ портикомъ университета и что поведеніе ихъ тамъ было не особенно назидательно. „Впрочемъ, подумалъ я,—можетъ быть, они дѣлаютъ это нарочно, чтобы слѣдовать за заблудшими овцами и этимъ заставлять ихъ слѣдовать за собой“. Тѣмъ не менѣе я не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія сходиться съ ними; равнымъ образомъ, я отвѣтилъ очень холоднымъ поклономъ на приглашеніе маркизы бывать у нея, съ ручательствомъ, что я найду у нея общество людей вѣрныхъ и богобоязненныхъ. Адвокатъ успѣшилъ отвѣтить за меня, что я очень благодаренъ за любезность маркизы и постараюсь посѣщать ее на-столько часто, на-сколько позволятъ мнѣ мои занятія. Это внимательство очень мнѣ не понравилось и я готовъ былъ сказать что-нибудь не встать, но адвокатъ удержалъ меня, шепнувъ мнѣ на ухо: „Маркиза очень любитъ молодыхъ людей, и надо снисходить къ ея слабостямъ, потому что она можетъ сдѣлать много добра“.

Я ушелъ, давая себѣ слово больше не бывать на воскресныхъ обѣдахъ адвоката и не показывать носа къ маркизѣ. Черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ двухъ веронскихъ студентовъ въ коридорѣ университета; но они, повидимому, имѣли такъ-же мало охоты сходиться со мной, какъ и я съ ними. Я освѣдомился о нихъ и узналъ, что это два самые лѣнливые бездѣльники во всемъ

студенчествѣ. Они учились медицинѣ по семи лѣтъ каждый, не имѣли гроша за душой и жили плутовствомъ, на чужой счетъ. Я пожалѣлъ адвоката Орменту, котораго они такъ нагло обманываютъ, и вознамѣрился открыть ему глаза. Но онъ принялъ мои предостереженія очень дурно, сказавъ, что все это клеветы, что онъ удивляется, какъ я могъ имъ повѣрить, и что обязанность моя—раскрывать и исправлять пороки злыхъ, а не преувеличивать недостатки добрыхъ. Я былъ озадаченъ и началъ думать, что вѣра адвоката сильнѣе его сообразительности; видя его снисходительность къ такимъ негодяямъ, я недоумѣвалъ, какого-же рода пороки предназначенъ я искоренять.

ГЛАВА IX.

Другъ Амилькаръ убѣждаетъ меня измѣнить мой взглядъ на вещи. Мой провѣздъ черезъ Венецію. Превываніе во Фратъ. Геройское отреченіе въ пользу Джулио. Смерть графа Фраты.

Въ числѣ студентовъ, которыхъ мнѣ слѣдовало обращать, были личности, на мой взглядъ, очень симпатичныя. Въ моихъ экскурсіяхъ въ непріятельскій лагерь, предпринимаемыхъ мною по порученію адвоката, я открылъ, что эти враги вовсе не такъ дурны, какъ ихъ изображали мнѣ, и началъ сомнѣваться и въ добросовѣстности адвоката, и въ достоинствѣ ввѣренной мнѣ миссіи. Прекрасно искать исцѣленія отъ скорби въ исполненіи долга; прекрасно трудиться на благо человѣчества; но то служеніе долгу и человѣчеству, которое я исполнялъ по указанію адвоката, сводилось на вѣчное притворство, на позорное шпіонство. Да, это было просто-на-просто шпіонство! Я долженъ былъ, наконецъ, понять это. Одинъ студентъ изъ Тревизы, по имени Амилькаръ Досси, сошелся со мною очень близко. Это былъ человѣкъ ума сильнаго и пылкаго, сердца неопѣннаго. Я часто пускался съ нимъ въ метафизическія и философскія разсужденія, потому что залѣзъ въ эти облака и не могъ уже высвободить изъ нихъ свою голову. Амилькаръ давно изучалъ философію и могъ быть моимъ наставникомъ въ ней. Вскорѣ я нашелъ, что онъ—истинный типъ тѣхъ, кого падре Пендола описывалъ мнѣ, какъ враговъ всякаго

идеала и всякаго благороднаго энтузіазма. Онъ все подвергалъ сомнѣнію, обо всемъ разсуждалъ, все критиковалъ. И при этомъ я съ удивленіемъ находилъ въ немъ идеальную страсть къ наукѣ, огонь любви къ людямъ, которые никакъ не могъ согласить съ холодной сухостью его убѣжденій. Когда я, наконецъ, выразилъ ему это удивленіе, онъ разсмѣялся.

— Бѣдный Карлино! сказалъ онъ, — какъ тебя засосало болото, въ которое ты погружаешься; ты удивляешься, что я такъ страстно люблю науку, которая, по-твоему, суха, какъ анатомія. Знай, другъ мой, что любовь къ истинѣ чище и выше всякой другой. Истина, какъ-бы ни была бѣдна и нага, святѣе и прекраснѣе самыхъ разукрашенныхъ и торжественныхъ лжей. Вотъ почему всякій разъ, какъ мнѣ удастся освободить твой умъ отъ какого-нибудь предразсудка, отъ какой-нибудь выдумки, сердце мое трепещетъ отъ восторга и умъ увѣнчивается торжествомъ. Вотъ моя страсть, Карлино, моя постоянная, повседневная, повсечасная мысль. Истина, во что-бы то ни стало, одинаковая справедливость для всѣхъ, любовь между людьми, свобода мнѣній и совѣсти! Можетъ-ли быть что-нибудь выше и блаженнѣе жизни, посвященной на то, чтобы сдѣлать изъ человѣчества одну едиனுшную, мыслящую, сознательную личность? Можно-ли быть счастливѣе меня теперь, когда идеи эти растутъ гигантскимъ ростомъ, тяготѣютъ страшной силой на колеблющейся сферѣ фактовъ, — теперь, когда на моихъ глазахъ съ каждымъ днемъ разсѣвается скрывавшій ихъ туманъ? Вотъ что даетъ истинное удовлетвореніе душѣ. Разъ возвышусь я до этой свободной и рациональной вѣры, тогда никакія непріятности не возмутятъ ясности моего духа. Я силенъ, потому что вѣрю въ себя и въ людей.

Я слушалъ молча, такъ-что Амилькаръ могъ подумать, что я ничего не понялъ. Но въ мысляхъ моихъ совершился полный переворотъ. Адвокатъ Ормента и указанная имъ мнѣ дѣятельность претили мнѣ. Послѣ этого разговора съ Амилькаромъ я увидѣлся съ адвокатомъ въ враждебномъ ему настроеніи. Онъ первый началъ упрекать меня за то, что я не былъ у маркизы, которой я очень понравился. Я отвѣчалъ ему не особенно смиренно, и мы разстались холодно; онъ проворчалъ, что доброе дѣло не нуждается въ слугахъ, разсуждающихъ и ставящихъ условія. Отъ него я побѣжалъ прямо къ Амилькару и въ первый разъ разсказалъ ему о

моемъ знакомствѣ съ адвокатомъ и вообще всѣ мои дѣла, отъ перваго разговора съ падре Пендола до сегодняшней стычки съ Орментой. Онъ слушалъ меня, разинувъ ротъ и поглядывая на меня съ недоувѣріемъ и изумленіемъ. Замѣтивъ это, я сконфузился и покаялся про себя, что рѣшился на подобную исповѣдь. Но подозрѣніе было въ немъ непродолжительно; онъ былъ изъ числа тѣхъ истинно-честныхъ людей, которые всегда склонны предполагать въ другихъ скорѣе доброе, чѣмъ дурное. Онъ сказалъ мнѣ, что адвокатъ Ормента извѣстенъ въ городѣ за одного изъ бдительнѣйшихъ агентовъ инквизиціи.

— Ахъ, плутъ, какъ онъ меня проведъ! воскликнулъ я.

— Расскажи мнѣ все, что у васъ съ нимъ было, сказалъ Амилькаръ.

Но у меня не хватило духу сознаться ему, какую роль заставлялъ меня играть адвокатъ, и я окончательно упалъ духомъ, когда Амилькаръ сообщилъ мнѣ, что послѣдніе аресты, произведенные по приказанію инквизиціи, приписываются всѣми указаніямъ синьера Орменты.

— Твой падре Пендола, должно быть, какой-нибудь переодѣтый инквизиторъ, изъ всѣхъ силъ старающійся упечь насъ, продолжалъ Амилькаръ.— Въ Венеціи воображаютъ, что мы живемъ въ 1400 году и страшно боятся приближающагося 1800 года. Наши правители забываютъ, что теперь всякій хочеть самъ за себя думать, а всякій, кто думаетъ, имѣеть право трудиться на свою и общую пользу. Довольно ходили мы на помочахъ, хотимъ теперь ходить сами.

Амилькаръ воодушевился и заговорилъ съ пыломъ.

— Греки и римляне были могущественны, потому что были добродѣтельны; мы должны слѣдовать ихъ примѣру. Что сдѣлалъ Ликуръ, чтобы возстановить могущество Спарты? Законами онъ далъ ей добрые нравы. Итакъ, намъ нужны новые законы, добрые законы, законы общіе для всѣхъ, ясные, строгіе, недопускающіе лазеекъ, нетерпящіе привилегій. Вспомнимъ предковъ нашихъ — Брутовъ, Корнеліевъ, Сципіоновъ! Исторія повторяется, только все въ болѣе и болѣе обширныхъ размѣрахъ. Изъ прежняго безпорядка рождается новый порядокъ. Настало время для истины и добродѣтели.

Рѣчи Амилькара сильно дѣйствовали на меня, внушая мнѣ

страсть къ его идеаламъ — справедливости, истинѣ, добродѣтели. Но я уже не увлекался такъ слѣпо, какъ прежде. Первое разочарованіе возбудило во мнѣ духъ критики. Справедливость, истина, добродѣтель, думалъ я, — прекрасныя вещи; три слова, три идеи, въ которыя душа можетъ влюбиться до безумія; но, говоря словами Сократа, кто перенесетъ ихъ съ неба на землю? Новыя учрежденія, новые законы, говоритъ Амилькаръ, но хотя-бы и такъ: кто-же дастъ намъ эти совершенныя учрежденія, эти высокіе законы? Не нынѣшніе-же правители. Кто-же? Новые люди, справедливые, добродѣтельные, мудрые? Гдѣ они? Откуда взять ихъ? Если они и существуютъ, какъ поставить ихъ во главѣ народа? Всѣ эти сомнѣнія грызли мнѣ душу. Я любилъ идеалы Амилькара, но какъ-бы любилъ женщину, видѣнную только во снѣ. Я удивлялся Амилькару, но не могъ раздѣлять его увѣренности въ осуществленіе этихъ идеаловъ, не могъ подражать ему. Между тѣмъ французскія дѣла, очищенныя разстояніемъ и преображаемыя юношескимъ воображеніемъ моихъ товарищей, казалось, оправдывали увѣренность Амилькара. Я принялся ждать за одно съ прочими, пожирая тѣмъ временемъ лучшія французскія сочиненія; съ особеннымъ наслажденіемъ я перечитывалъ „Общественный договоръ“ и „Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія“, Руссо. Въ мнѣніяхъ жителей венеціанской республики произошелъ значительный переворотъ. Умы зашевелились; всѣ чего-то ждали, на что-то надѣялись; мало-по-малу твердая вѣра Амилькара проникала и въ мою душу. Пизана представлялась мнѣ микроскопически-малымъ существомъ, какъ-будто я смотрѣлъ на нее съ вершины высочайшей горы. Воспоминаніе о падре Пендола и адвокатѣ Ормента заставляло меня краснѣть за свою тупость. Словомъ, перерожденіе совершилось полное.

Адвокатъ, котораго я почти пересталъ посѣщать, замѣтилъ во мнѣ перемѣну, сталъ слѣдить за мной, узналъ о моей дружбѣ съ тревизскимъ студентомъ и догадался, въ чемъ дѣло. У него хлопотъ былъ полонъ ротъ, и по его фizioноміи было видно, что дѣла сего міра идутъ не такъ, какъ желало-бы почтенное общество, къ которому онъ принадлежалъ. Для меня его фizioномія служила въ нѣкоторомъ родѣ барометромъ. Находя ее очень вытянутой, я сообщалъ друзьямъ, что, повидимому, дѣло идетъ хорошо, что враги наши въ затрудненіи. Однажды адвокатъ заговорилъ со мной о моей дружбѣ съ однимъ тревизцемъ, съ видомъ

участія, совѣтуя мнѣ избѣгать его общества. Въ тотъ-же вечеръ Амилькаръ и еще нѣсколько студентовъ были арестованы и отправлены въ Венецію по распоряженію превосходительныхъ инвизиторовъ. Я полагаю, что меня оставили въ покоѣ оттого, что надѣялись страхомъ обратить на истинный путь. Но благодаря небесамъ, изъ всѣхъ человѣческихъ слабостей трусость была всегда менѣе всего сродни моему характеру. Арестъ моихъ друзей не произвелъ на меня другого впечатлѣнія, кромѣ глубокой грусти; наши общія надежды еще болѣе оживились въ моемъ сердцѣ, когда отъ осуществленія ихъ стало зависѣть спасеніе друзей, и мной овладѣло страстное нетерпѣніе.

Но приходилось терпѣть. Насталъ періодъ застоя и тишины. Венеціанское правительство усмѣхалось, думая, что гроза миновала, и собиралось выместить свой страхъ на несчастныхъ, попавшихъ въ его когти. Надѣялись, что покровительство французскаго посольства спасетъ ихъ, но содрогались при мысли о томъ, что будетъ, если слѣдующая кампанія кончится неудачно для французовъ.

Въ это время я получилъ письмо съ черной печатью. Графъ Фрата извѣщалъ меня о кончинѣ своего правителя канцеляріи, прибавляя, что послѣ двухлѣтняго курса я, вѣроятно, могу выдержать экзамень, когда захочу, а пока долженъ пріѣхать въ замокъ и принять управленіе канцеляріей. Я обрадовался этому письму; радость эта была, во-первыхъ, возбуждена необходимостью увидѣть Пизану; во-вторыхъ, въ послѣднее время Падуа казалась мнѣ скучной, какъ могила. Наконецъ я рѣшилъ заѣхать по пути въ Венецію и постараться черезъ графиню хлопотать въ пользу Амилькара. Выдержавъ второкурсный экзамень, я поспѣшно собрался въ путь. Передъ отъѣздомъ я зашелъ къ адвокату, у котораго давно не былъ, потому-что не могъ видѣть его торжествующей рожи.

— А, добрый путь, милый мой! сказалъ онъ мнѣ. — Жаль, что вы на цѣлый годъ не остаетесь съ нами; вы благоразумны, и вѣрно начали-бы по-прежнему посѣщать меня и побывали-бы, наконецъ и, у синьеры маркизы. Поклонитесь отцу Пендола, дружockъ, и довѣряйтесь людямъ пожилымъ. Молодежь легкомысленна и можетъ подвергнуть васъ неприятностямъ.

Въ Венеціи я прямо явился во дворецъ Фруміеровъ, зайдя только въ гостиницу, чтобы оставить вещи. Боже мой, какую пе-

режѣну нашелъ я въ графинѣ! Она очень постарѣла; носъ ея вытянулся крючкомъ; не было уже ни розовыхъ лентъ, ни кружевъ; сѣдые волосы были въ беспорядкѣ и въ одеждѣ замѣчалась небрежность, доходящая до неопрятности. Она приняла меня такъ сухо, что я не посмѣлъ и заикнуться объ Амилькарѣ и поспѣшилъ уйти. Въ прихожей я вспомнилъ о Кларѣ и пожелалъ повидаться съ нею. Пока я искалъ кого-нибудь изъ слугъ, чтобы попросить проводить меня къ ней, она сама выбѣжала ко мнѣ, узнавъ о моемъ приходѣ. Бѣдная контесина очень похудѣла и поблѣднѣла, но была все та-же, какой я зналъ ее во Фратѣ. Мы съ ней разговорились по душѣ, и я сказалъ ей о моемъ бѣдномъ другѣ. Она, сильно покрасивъ, сказала мнѣ, что есть въ Венеціи человекъ, который, вѣроятно, знаетъ это дѣло лучше всѣхъ, и что человекъ этотъ—докторъ Лючилио Вianелло; она только просила меня не говорить, что она дала мнѣ совѣтъ обратиться къ нему; на вопросъ мой, гдѣ я могу найти его, она отвѣчала, что всего легче встрѣтить его на площади, гдѣ собирается вся Венеція.

Я поблагодарилъ ее и, выйдя изъ дворца, водворился на площади въ чаши встрѣтить Лючилио. Дѣйствительно, вскорѣ я наткнулся на него лицомъ къ лицу. Онъ какъ-будто удивился узнавъ меня, сталъ спрашивать меня очень сдержанно о моихъ занятіяхъ и спросилъ, видѣлъ-ли я графиню и ея дочь. Я рассказалъ ему мое свиданіе съ ними. Онъ объяснилъ мнѣ, что графиня предана страсти къ игрѣ, проигрываетъ ежедневно крупныя суммы, осаждена кредиторами и помышляетъ только о томъ, чтобы отыгратъ. Характеръ ея очень испортился; она тиранитъ дочь до такой степени, что въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ бѣдняжку выпускаютъ изъ дому только разъ въ недѣлю въ церковь, гдѣ онъ видитъ ее. Кромѣ того графиня ведетъ переговоры съ монастыремъ св. Терезы о принятіи Клары въ послушницы, и дѣло давно-бы сладилось, но встало изъ-за приданаго, потому что графиня даетъ только половину суммы впередъ, а монахини требуютъ всю. Все это Лючилио говорилъ мнѣ съ видимой досадою и злостью, но въ лицѣ его была такая самоувѣренность, что я видѣлъ ясно, что онъ не потерялъ надежды и не упалъ духомъ. Я сообщилъ ему, что Клара сама посоветовала мнѣ обратиться къ нему; онъ задумался, ничего мнѣ на это не отвѣтилъ, а спросилъ только:

— Давно-ли вы имѣли извѣстіе отъ падре Пендола?

— О, давно! отвѣчалъ я, удивленный вопросомъ.— Я полагаю, что мы теперь не сойдемся и что онъ, по крайней мѣрѣ, недоволенъ мной.

— Не давалъ-ли онъ вамъ какихъ-нибудь рекомендацій въ Падуу?

— Да, давалъ, къ нѣкому адвокату Ормента; но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я узналъ, что это агентъ инквизиціи.

— Да, да; только не говорите о такихъ вещахъ такъ громко въ Венеціи; вашъ другъ вѣрно оттого и попался въ бѣду.

— О, да! Онъ выражалъ во всеуслышаніе свои мнѣнія.

— Ну, видите, какъ его поблагодарили за откровенность; впрочемъ, будьте покойны: онъ и его товарищи находятся подъ покровительствомъ французскаго посольства, и имъ ничего не будетъ.

Лючилио смотрѣлъ на меня такъ строго, что я невольно потупилъ глаза. Но онъ сжалился надо мной и протянулъ мнѣ руку помощи.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцатый годъ.

— Только? Ну, значить, ничего; вы были мальчигъ, и васъ хотѣли водить на помочахъ; но, надѣюсь, вы не дадите помыкать собой и образумитесь во время. А теперь сознайтесь, что ваша дружба къ Амилькару и вашъ интересъ къ нему внушены вамъ не собственнымъ чувствомъ, а чужими наставленіями?

— Чьими-же?

— Чьими! Падре Пендолой, напримѣръ, или адвокатомъ Ормента!

— Что вы! Совсѣмъ нѣтъ; я думаю, они очень недовольны мной за эту дружбу, да и мнѣ опротивѣли ихъ низкія и глупыя интриги.

— Глупыя? Ну, нѣтъ, дитя мое. Низкія—такъ; но вовсе не глупыя. Какъ вы думаете: если-бы подулъ желанный для насъ вѣтеръ, остались-ли-бы патеръ и адвокатъ вліятельными и уважаемыми личностями? Стало быть, они хлопочутъ о своей пользѣ, какъ и всѣ, и правы!

Такой взглядъ на вещи крайне удивилъ меня; по-моему, мой Амилькаръ рассуждалъ вѣрнѣе; я упустилъ изъ виду, что въ докторѣ юношескій пылъ окрѣпъ въ глубокое убѣжденіе.

— Но поговоримъ о васъ, продолжалъ Лючилио:— я вѣрю, что

вась послала ко мнѣ контесина Клара, а не адвокатъ Ормента. Если такъ, будьте покойны. Вашъ другъ Амилькаръ болѣе обезпеченъ отъ опасности въ своей тюрьмѣ, чѣмъ мы съ вами здѣсь на площади. Вы-же не давайте падре Пендола власти надъ собой. Прошу вась, Карлино, поберегите себя. Вы были мальчиغъ смышленный и храбрый. Не портите себя. Ну, прощайте, мнѣ пора къ больному. Если вамъ случится надобность видѣть меня, приходите въ госпиталь; я всякое утро тамъ до десяти.

— Благодарю вась; но если вы увѣряете, что Амилькаръ...

— Да, да, увѣряю вась, съ нимъ ничего дурного не случится.

— Въ такомъ случаѣ благодарю вась; я ѣду сегодня-же.

— Кланяйтесь графу, контесинѣ, Фрумьерамъ и моему отцу. Поклонитесь также отъ меня Фратѣ и Фоссальтѣ. Богъ вѣсть, увижу ли я ихъ когда-нибудь!

Онъ обнялъ меня и простился со мной, кажется, съ лучшимъ обо мнѣ мнѣніемъ, чѣмъ встрѣтился. Вѣроятно, ему сказали обо мнѣ что-нибудь очень нелестное, и онъ считалъ меня если не прямо шпіономъ, то на пути къ шпіонству и орудіемъ его. Но наивность моихъ признаній убѣдила его въ противномъ, а молодость моя не допускала его думать, чтобы эта наивность была притворствомъ.

Въ тотъ-же день я сѣлъ съ своими пожитками на барку и отправился въ путь. Чѣмъ ближе подѣзжалъ я къ Портогруаро, тѣмъ сильнѣе и ярче вставалъ въ моей памяти и сердцѣ любимый образъ Пизаны. Подъ конецъ пути я былъ влюбленъ въ нее, кажется, по-прежнему.

Въ Портогруаро любви этой былъ нанесенъ на первыхъ-же порахъ жестокой ударъ. Здѣсь только и разговору было, что о странностяхъ Пизаны. Тетка ея просила даже меня попробовать взять ее въ руки, такъ-какъ графъ рѣшительно неспособенъ сдерживать дочь, которая водить его за носъ, куда хочетъ.

— Послушайте, Карлино, сказала сенаторша: — тутъ надо ждать всего худшаго. Раймондо Венквередо открыто ухаживаетъ за ней и она безстыдно кокетничаетъ съ нимъ; но когда онъ, наконецъ, серьезно посватался за нее, она торжественно объявила, что ни за что не выйдетъ за него. А вѣдь ей уже восемнадцатый годъ! Говорятъ, тутъ еще старая любвишка съ Джуліо дель-Понте замѣшана, хотя я не понимаю этого, потому что она ужасно мучить этого юношу и, повидимому, увлечена тѣмъ, кому отказала. При-

томъ Джуліо бѣденъ и такъ слабъ здоровьемъ, что едва-ли переживетъ будущую весну.

— Какъ? Джуліо такъ болѣнъ? воскликнулъ я.

— Да, бѣдняжка, да и сказать по правдѣ, было-бы лучше, если-бы онъ отправился на тотъ свѣтъ, а то, чего добраго, будетъ препятствіемъ къ выходу замужъ Пизаны, какъ Лючіліо въ отношеніи Клары. Но Клара, по крайней мѣрѣ, тихая и благоразумная дѣвушка, и ее легко было удержать отъ глупостей. Ну, а съ этой ничего не подѣлаешь, и я боюсь, что она будетъ позоромъ для семьи.

Меня очень огорчило извѣстіе о болѣзни Джуліо. Дѣйствительно, еще въ прошломъ году я замѣчалъ его худобу, блѣдность и одышку, но приписывалъ все это тревоженіямъ его любви къ Пизанѣ. Въ тотъ-же вечеръ я имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости словъ сенаторши. Пизана явилась къ теткѣ въ сопровожденіи Раймондо Венквередо и Джуліо. Со мной она была любящая, скромная, молчаливая, какъ-бы выпрашивала у меня любви и состраданія, съ Раймондо была весела и кокетлива, съ Джуліо равнодушна и рѣзка. Венквередо торжествовалъ; отказъ Пизаны на его сватовство не огорчилъ его, потому что, несмотря на это, она выказывала ему больше, чѣмъ расположеніе, и онъ надѣялся получить контрабандно то, въ чемъ ему отказывали на законномъ основаніи. Пизана вся была занята имъ и мѣла передъ нимъ, какъ нѣкогда, еще дѣвочкой, передъ Лючіліо. Джуліо поразилъ меня своимъ болѣзненнымъ видомъ. Я почувствовалъ къ нему глубочайшее состраданіе, потому что отчаяніе и невыносимое душевное страданіе сказывались въ каждомъ его взглядѣ, въ звукѣ cadaго слова. Странное дѣло! Я почувствовалъ сильнѣйшее отвращеніе къ ликующему Венквередо, злобу къ Пизанѣ, но не за себя, а за несчастнаго Джуліо. Да, на этотъ разъ я ревновалъ Пизану не за себя, а за этого несчастнаго, котораго она убивала своимъ кокетствомъ и своей холодностью. Читатель, можетъ быть, удивится такому благодушію, но я не ставлю его себѣ въ заслугу; это чувство явилось у меня богъ-вѣсть какъ и откуда; оно не было плодомъ размышленій; я такъ чувствовалъ, самъ не знаю, почему.

Я былъ такъ взбѣшенъ обращеніемъ Пизаны съ Венквередо и Джуліо, что отказался сопровождать ее въ этотъ вечеръ во Фрату. Она, вѣроятно, приписала это ревности и попыталась задоб-

рить меня нѣжнымъ взоромъ; но я предоставилъ Венквередо сопровождать ее до кареты и, взявъ Джуліо подъ руку, вышелъ съ нимъ изъ дома Фруміеровъ. Онъ послѣдовалъ за мной безсознательно и молча.

— Джуліо, сказалъ я ему по дорогѣ, тряся его за руку, — что съ тобой? Очнись! Обними меня! Вѣдь мы съ тобой еще не поздоровались!

Онъ обнялъ меня, но не отвѣчалъ.

— Джуліо, продолжалъ я, — ты хочешь заболѣть — и заболѣешь, если будешь такъ мучить себя.

— Хочу заболѣть? Нѣтъ, нѣтъ, Карло, отвѣчалъ онъ тихимъ и задыхающимся голосомъ, — я хочу выздороветь, жить! Это будетъ чудомъ, торжествомъ! Кто обладаетъ только физической силой, тому, разъ потерявъ ее, трудно оправиться; но если красота состоитъ въ яркомъ пламени духа, то пламя это, хотя-бы померкшее, можетъ запылать опять прежнимъ огнемъ. Душу нельзя лечить діетой, и страсть не идетъ медленнымъ и вялымъ ходомъ тѣлесной болѣзни; она отравляетъ и сама-же восстанавливаетъ, убиваетъ и воскрешаетъ. Это и ядъ, и противоядіе вмѣстѣ.

Онъ говорилъ голосомъ слабымъ, но съ лихорадочнымъ одушевленіемъ; рѣчь его походила на бредъ горячечнаго больного.

— Успокойся, Джуліо, сказалъ я въ испугѣ; — ты видишь, что тебѣ пора покончить эту жизнь, приняться за новую. Болѣзнь твоя мнѣ знакома, знакомо и лекарство. Я знаю, что ты отчаянно любишь эту женщину и что любовь эта наполнила твое воображеніе самыми сладкими мечтами, какія могутъ внушать самолюбіе и сладострастіе. Но когда эта любовь превращается въ мученіе, надо что-нибудь сдѣлать, чтобы исцѣлиться отъ нея. Это было заблужденіе, былъ угаръ. Страхни-же съ себя эту слабость, убѣгай отъ этой отравы!

— Понимаю, другъ мой, чего тебѣ хочется, отвѣчалъ онъ съ горечью. — Неужели ты думаешь, что я не знаю тебя? Я знаю, что ты тоже влюбленъ въ Пизану. До сихъ поръ ты былъ почти ребенокъ. Теперь ты выросъ, сталъ мужчиной, хочешь предъявить свои права и предпочитаешь имѣть дѣло противъ одного соперника, чѣмъ противъ двухъ. Вотъ ты мнѣ и совѣтуешь: убирайся, молю, по-доброму, по-здорову! Вѣдь такъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, неправда! вселикнулъ я въ отчаяніи отъ

этихъ подозрѣній.—Неправда, Джуліо; ты знаешь, что я неспособенъ на обманъ и не унижусь до того, чтобы упрашивать соперника. Да, я любилъ Пизану еще ребенкомъ и люблю ее до сихъ поръ; оттого-то мнѣ такъ и тяжело видѣть ее такой жестокой къ тебѣ!

— Жесточкой? Ты находишь? сказалъ онъ, сильно сжимая мнѣ руку.

— Забывчивой, ослѣпленной, прибавилъ я.

— Да что-же ты мнѣ толкуешь? воскликнулъ онъ,—въ чемъ хочешь ты увѣрить меня? Какъ? Тебѣ непріятно видѣть, что женщина, которую ты любишь, жестока къ другому? Ахъ, безсовѣстный лгунъ! Что выдумалъ! Впрочемъ, я дѣлаю тебѣ еще честь, считая тебя лгуномъ. Иначе я сталъ-бы презирать тебя еще хуже и твое подлое состраданіе было-бы мнѣ противно, какъ продажная ласка.

— Молчи, Джуліо, молчи, крикнулъ я, сдерживая порывъ ярости и зажимая ему ротъ;—да, я говорю тебѣ: мнѣ ужасно видѣть, что дѣвушка, которую я люблю больше жизни, бессмысленно мучить и убиваетъ такую душу, какъ твоя; я хотѣлъ-бы очистить ее отъ этого пятна, избавить ее отъ этого преступленія! Знай, Джуліо, я говорю искренно. Я чувствую, что буду любить ее вѣчно, и для меня было-бы невыносимо тяжело любить не вѣтреницу, не безразсудную кокетку, не сирену, а фурію и убійцу.

— Люби-же ее, люби! отвѣчалъ онъ голосомъ, заглушеннымъ рыданіями;—развѣ ты не видишь, что я призракъ? Ты поздно спохватился; она убила меня, и губы ея красны отъ крови, которую она высосала изъ меня. Иногда я еще предаюсь иллюзіямъ отъ гордости, отъ надежды на месть. Но потомъ у меня хватаетъ мужества видѣть правду, и мнѣ почти доставляетъ наслажденіе вызывать пожирающую меня фурію. Я наслаждаюсь заранѣе мыслью о томъ, что ожидаетъ тебя и всѣхъ, кто привяжется когда-нибудь къ ней. Люби ее, если хочешь любить тварь гнусную, подлую, развратную, безъ сердца, безъ души и безъ смысла, одурѣвшую отъ опьяненія чувственности и гордости! Тварь, которая родилась взрослой женщиной по жестокости и развращенности и останется вѣчнымъ ребенкомъ во всемъ остальномъ. Права твои несомнѣнны, вы вѣстѣ родились въ пороки и можете, не стыдясь,

любить другъ друга на вашъ ладъ, какъ жабы въ лужѣ, какъ черви въ трупѣ.

Голосъ его оживился; онъ говорилъ и ходилъ какъ безумный, скрежеща зубами. Я далъ пройти этому взрыву отчаянія, выжидая, пока онъ замолкнетъ отъ усталости. Тогда я сдѣлалъ еще попытку, надѣясь на честность своихъ намѣреній, которыя были какъ нельзя чище и безкорыстнѣе.

— Джуліо, сказалъ я, — ты сказалъ свое мнѣніе о Пизанѣ. Если ты знаешь, что она такова, какъ-же гордость твоя допускаетъ тебя любить ее?

— Ты-же любишь? отвѣчалъ онъ съ горькой усмѣшкой.

— Да, люблю; но я—другое дѣло; я привыкъ любить ее отъ самаго рожденія; эта любовь во мнѣ не чувство, а часть моей души; она родилась во мнѣ раньше разсудка, раньше самолюбія.

— А я? возразилъ онъ. — Повѣрь, что въ два года любовь эта пустила во мнѣ такіе-же глубокіе корни, какъ въ тебѣ въ двѣнадцать лѣтъ. Ты думаешь, это для меня шутка? Посмотри: я умираю оттого, что эта любовь отнята у меня! Гордость, говоришь ты, самолюбіе! Да, я самолюбивъ, для меня ужасно уступать другому то, что было моимъ, ужасно быть не въ состояніи ничего сдѣлать, чтобы не допустить этого. О, если-бы ты зналъ, цѣной какихъ мученій, какихъ униженій я купилъ-бы теперь одинъ лучъ моей прежней красоты, одну искру моего прежняго ума, одинъ день моей прежней жизни! Если-бы ты зналъ, что я чувствую, когда смотрю на себя въ зеркало, рассматривая съ бессильной яростью это желтое, худое лицо, эти впавшіе, померкшіе глаза! Я ужасенъ, Карло, право, ужасенъ! Я самъ себѣ противенъ; уличная женщина не продала-бы поцѣлуя человѣку, похожему на меня. Я свелеть, еще держащійся на ногахъ, но безжизненный.

Состраданіе мое къ нему не имѣло границъ. Не знаю, происходило-ли это оттого, что я такъ любилъ Пизану, что чувствовалъ угрызеніе совѣсти за причиняемое ею зло, какъ-бы за зло, которое самъ дѣлалъ; или оттого, что Джуліо былъ передо мной живымъ примѣромъ того, до чего я самъ могъ дойти, и состраданіе возбуждалось во мнѣ страхомъ; какъ-бы то ни было, вспомнивъ, что въ сенаторскомъ кружкѣ Джуліо спорилъ иногда противъ насмѣшливаго невѣрія Лючилио, я сдѣлалъ еще попытку съ этой стороны.

— Джуліо, ты христiанинъ? сказалъ я послѣ краткаго молчанiя. — Если такъ, то ищи утѣшенiя и поддерѣвленiя въ религiи.

— Да, я христiанинъ, отвѣчалъ онъ: — и доказательство этому, что я до сихъ поръ не лишилъ себя жизни.

— Нѣтъ, этого недостаточно; надо на практикѣ слѣдовать христiанскимъ добродѣтелямъ; надо быть добрымъ къ себѣ и другимъ.

— Я и то слишкомъ добръ; я до сихъ поръ не разбилъ морду этому нахальному аристократу; развѣ этого мало?

— Видишь, какъ страсть дѣлаетъ тебя несправедливымъ, Джуліо. Чѣмъ-же виноватъ Венквередо?..

— Ахъ, не говори мнѣ о немъ!.. Ради Бога, не говори мнѣ о немъ!

— Ну, я скажу о себѣ. вмѣсто того, чтобы благодарить меня, ты меня оскорбилъ.

— Я оскорбилъ тебя потому, что все твое сегодняшнее поведенiе по-моему очень странно; но хорошо, я тебѣ вѣрю и благодарю тебя за доброе намѣренiе. Доволенъ ты?

— Я былъ-бы болѣе доволенъ, если-бы ты согласился воспользоваться моими совѣтами, чтобы жить менѣе несчастливымъ.

— Лучше помоги мнѣ умереть. Я христiанинъ, вѣрю въ рай, и смертью все будетъ кончено. Сомнѣваюсь, чтобы передъ смертью я могъ простить; о, да, сомнѣваюсь! А впрочемъ, болѣзнь будетъ долгая, и если не другое, то, можетъ быть, слабость внушить мнѣ примиренiе.

— Ради Бога, Джуліо, оставь эти черныя мысли.

— Ты видишь, я теперь повоенъ; мнѣ лучше; я точно выздоровѣлъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ о Богѣ. Нынче ночью я, можетъ быть, усну, а такого счастья со мной уже два мѣсяца не случалось. Мнѣ прiятно, что я тебѣ этимъ обязанъ. Видишь, я теперь отдаю тебѣ справедливость. Ты прощаешь мнѣ, Карло, не правда-ли?

Я обнялъ его и поцѣловалъ его въ лицо, увлажненное холоднымъ потомъ. Я видѣлъ, какъ онъ вошелъ къ себѣ, слышалъ его кашель на лѣстницѣ, и вернулся къ себѣ недовольный собой, какъ человѣкъ, сдѣлавшій доброе, но бесполезное дѣло.

На другое утро на зарѣ я отправился во Фрату и все утро провозился съ бумагами въ канцелярiи съ помощью стараго проходимца Фульдженціо. Потомъ я увидѣлся съ графомъ и монсиньеромъ; послѣдній былъ толстъ и свѣжъ, какъ всегда, а первый со-

гнулся въ три погибели какъ пергаментъ на жаровнѣ. Наконецъ освободившись отъ всего этого, я пошелъ поговорить съ Пизаной. Я встрѣтилъ ее въ саду; Фаустина и Вероника, бывшія съ ней, перемигнулись и ушли въ кухню, съ очевидной цѣлью оставить насъ наединѣ. Это возмутило меня, и я посмотрѣлъ на дѣвушку съ состраданіемъ.

— Наконецъ-то я тебя увидѣла! начала она.

— Какъ наконецъ? Мы вчера вечеромъ видѣлись, отвѣчалъ я.

— Да, но вчера мы были не одни, было столько народу, а, сказать правду, люди начинаютъ беспокоить меня.

— Ты права; вчера было много народу; между прочимъ Раймондо Венквередо и Джуліо дель-Понте.

Я произнесъ эти имена съ цѣлью завести рѣчь о предметѣ, интересовавшемъ меня; но она приняла это за упрекъ ревности, и, повидимому, это ей очень понравилось.

— Синьеръ Джуліо дель-Понте и синьеръ Раймондо Венквередо, сказала она,—меня не интересуютъ; но и они люди, какъ другіе, а я вовсе не хочу показывать людямъ зрѣлище моихъ чувствъ.

— Это было-бы очень хорошо, Пизана; но въ дѣйствительности ты не исполняешь этого. Вчера, напримѣръ, ты очень ясно выражала свои чувства къ синьеру Раймондо, и Джуліо прекрасно понималъ ихъ.

— О, синьеръ Джуліо порядочно надоѣлъ мнѣ; я для него довольно сдѣлала и довольно натерпѣлась изъ-за него.

— Какъ такъ?

— Представь себѣ! Я была къ нему расположена, а онъ вообразилъ себѣ богъ-вѣсть что, такъ что, наконецъ, забралъ себѣ въ голову мысль жениться на мнѣ. Но ты знаешь, какъ я принимаю всѣ эти сватовства. Это было-бы повтореніе глупой комедіи Клары съ Лючилио; я сочла нужнымъ образумить его, старалась разумить его и для этого стала любезничать съ Раймондо. Повѣришь-ли, что синьеру Джуліо мое благоразуміе не понравилось, тогда какъ если-бы онъ дѣйствительно желалъ мнѣ добра, то долженъ-бы былъ поощрять меня. Онъ принялся воздыхать, ревновать, и сознаюсь, что мнѣ иногда дѣлалось жаль его; но что-же мнѣ было дѣлать? Обманывать его и завлекать, подавая надежды? Я предпочла истребить зло съ корнемъ, прервала съ нимъ всякія отношенія, и прощай! Тутъ Раймондо сталъ серьезно ухаживать за

шой, и, сказать откровенно, я не прочь была-бы выйти за него замужъ; стали поговаривать, что онъ скоро посватается за меня; вдругъ дель-Понте набрасывается на меня какъ бѣшенный, грозить, что убьетъ себя, если я выйду за Раймондо, и богъ-вѣсть что! Быть можетъ, я была слишкомъ довѣрчива—не знаю; словомъ, мнѣ стало жаль его и я дала ему слово не выходить за Раймондо. И въ самомъ дѣлѣ я отказала ему, хотя, клянусь тебѣ, онъ мнѣ нравился, и это была съ моей стороны большая жертва. Кажется, я доказала свою дружбу. Чего-же еще онъ хочетъ?

— О, чортъ! промолвилъ я; — Джуліо ничего этого мнѣ не сказалъ.

— Развѣ ты съ нимъ говорилъ? воскликнула Пизана.

— Да, говорилъ вчера вечеромъ, потому что мнѣ стало жаль его, видя его отчаяніе отъ твоего дурного обращенія съ нимъ.

— Отъ моего дурного обращенія?

— Конечно! Ты на него ни-разу не взглянула.

— Такъ что-же! Онъ долженъ быть за это благодаренъ. Если-бы я продолжала обманывать его, все равно приплось-бы, наконецъ, разочаровать его; лучше разойтись дружески, пока зло излечимо.

— Въ томъ-то и дѣло, что оно не такъ-то излечимо. Ты не замѣчаешь, можетъ быть, какъ онъ страдаетъ, видя тебя увлеченной Венквередо и холодной къ нему. Здоровье его съ каждымъ днемъ портится, и я думаю, что страсть изнуриетъ его.

— Что-же ты мнѣ посоветуешь?

— Гмъ! Совѣтовать трудно, но мнѣ кажется, что тебѣ слѣдовало-бы разорвать и съ Венквередо, тѣмъ болѣе, что ты уже отказала ему.

— И опять сойтись съ Джуліо? спросила она съ лукавой усмѣшкой.

— Да, если ты къ нему расположена, сказалъ я, сдѣлавъ надъ собой геройское усиліе.— Во всякомъ случаѣ, онъ будетъ менѣе отчаяваться, когда ты прекратишь отношенія съ Венквередо, и, можетъ быть, этого будетъ достаточно, чтобы вылечить его.

Пизана, улыбаясь, приглаживала свою прическу. Она была увѣрена, что съ моей стороны это хитрости съ цѣлью избавиться разомъ отъ обоихъ соперниковъ.

— Попробуемъ, сказала она; — только ты помоги мнѣ.

— Какъ я могу тутъ помочь? возразилъ я. — Вчера ты и безъ меня умѣла любезничать съ Венквередо и привѣтствовала мое возвращеніе изъ Падуи только легкимъ поклономъ.

— Вотъ хорошо! А можетъ быть я хотѣла отмстить тебѣ за твою-же холодность?

— Молчи, молчи, лгунья! А въ прочіе вечера кому-же ты мстила? Ты думаешь, я не знаю, съ какихъ поръ ты дѣлаешь глазки Раймондо?

— Повторяю тебѣ, я дѣлала это, чтобы отвести Джуліо. Неужели ты думаешь, что у меня хватило-бы духу отказать Венквередо, если-бы онъ серьезно нравился мнѣ?

— Видишь, какъ ты сама себѣ противорѣчишь! Только-что ты хвасталась этимъ отказомъ, какъ большой жертвой.

Дѣвушка была смущена. Въ первый разъ я не поддался на ея обманъ, что озадачило ее, но въ то-же время внушило ей рѣшимость во что-бы то ни стало доказать справедливость своихъ словъ. Она вдругъ охладѣла къ Раймондо и сдѣлалась ласкова къ Джуліо; но больше всего дружбы и расположенія оказывала она мнѣ. Я былъ счастливъ этимъ и иногда рассуждалъ про себя, что я съ своей стороны сдѣлалъ для Джуліо все, что могъ, что не моя вина, если больше нельзя для него сдѣлать, и что глупо было-бы мнѣ отталкивать отъ себя счастье. Но голосъ совѣсти говорилъ во мнѣ громче этихъ софизмовъ. Я со стыдомъ заставлялъ себя на этихъ недостойныхъ разсужденіяхъ, напоминавшихъ мнѣ софизмы адвоката Ормента, и говорилъ себѣ: нѣтъ, если ты требовалъ, чтобы для спасенія Джуліо Пизана пожертвовала Венквередо, то пожертвуй теперь и собой, а иначе будешь подлецъ!

Подъ вліяніемъ этого голоса совѣсти я сталъ рѣшительно чуждаться Пизаны. Чтобы облегчить себѣ этотъ подвигъ, я весь углубился въ дѣла по канцеляріи, которыхъ было притомъ множество. Полагаю, что со временъ римлянъ правосудіе во фратскоумъ округѣ никогда не отправлялось такъ быстро и безпристрастно, какъ при мнѣ. Всѣ подвѣдомственные канцеляріи обыватели восхваляли доброту, справедливость и терпѣніе синьера вице-канцеляере. Старый Андреини умеръ незадолго передъ тѣмъ, и сынъ его, наследовавшій его должность, былъ мнѣ отличнымъ помощникомъ. Въ округѣ водворился миръ, и Спаккафумо, прекративъ свое рыцарское служеніе угнетенной невинности, предался пьян-

ству. Его пріятельница Мартинелла недавно умерла, и этотъ безпокойный человѣкъ видимо начиналъ старѣться. Капеланъ, бывшій съ нимъ въ прежней дружбѣ, передавалъ мнѣ, что онъ отзывается обо мнѣ съ большими похвалами и съ удовольствіемъ вспоминаетъ, какъ привезъ меня мальчикомъ въ замокъ и какъ я не выдалъ его. Похвалы Спаеккафумо были для меня болѣе пріятны и лестны, чѣмъ были бы похвалы многихъ людей съ болѣе опредѣленнымъ положеніемъ въ обществѣ. Также радовали меня и похвальные отзывы приходскаго священника, который гордился мной, какъ своимъ бывшимъ ученикомъ. Одинъ Фульдженціо былъ недоволенъ мной, потому что я старался прекращать всѣ дѣла миромъ и этимъ лишалъ его доходовъ. Дель-Понте предупредалъ меня, что этотъ шпионъ можетъ повредить мнѣ, и дѣйствительно, притѣръ стараго Венквередо былъ памятенъ; но я не обращалъ на это вниманія. Закадычными друзьями моими сдѣлались сынъ аптекаря, Донато, и мельникъ Сандро.

Подъ вліяніемъ ласковаго обращенія Пизаны здоровье Джуліо стало быстро поправляться. Пережѣну въ Пизанѣ онъ, конечно, приписывалъ собственнымъ достоинствамъ, и тѣло его оживало по мѣрѣ того, какъ оживали надежды. Раймондо былъ сначала непріятно удивленъ этой пережѣной, но вскорѣ повернулъ въ другую сторону. Отецъ Доретты, старый докторъ Наталино, дряхлѣлъ совершенно и уговорилъ Леопардо Проведони поселиться въ замкѣ Венквередо, чтобы помогать ему въ его обязанностяхъ. Такимъ образомъ, Доретта очутилась подъ однимъ кровомъ съ владѣтелемъ замка и утѣшила его за пережѣну къ нему Пизаны. Что касается Пизаны, то она совершенно измѣнилась, бросила свои причуды, стала тиха и серьезна, ко мнѣ относилась съ дружескимъ довѣріемъ, съ Джуліо была ласкова, хотя держала себя такъ, что о любви не могло быть и рѣчи, и большую часть дня проводила въ комнатѣ бабушки, но старуха окончателно впала въ дѣтство и не могла оцѣнить ея попеченій, что, впрочемъ, тѣмъ болѣе увеличивало ихъ заслугу.

Такимъ образомъ дожили мы до весны 1795 г. Венеціанская республика торжественно признала новое правленіе Франціи; ея посланникъ, Альвизе Кверини, приподнесъ ей признаніе Директоріи, и въ доказательство новой дружбы она выслала изъ Веронны претендента, графа Прованскаго. У насъ во Фратѣ шли безконечныя

разсужденія о политикѣ, и большинство склонялось къ тому мнѣнію, что самыя трудныя и опасныя времена прошли и что республика своимъ благоразумнымъ поведеніемъ выпутала себя счастливо изъ опасности. Эти толки были прерваны важнымъ извѣстіемъ изъ Венеціи, касавшимся семейныхъ дѣлъ. Клара поступила, наконецъ, въ монастырь св. Терезы, и графиня требовала денегъ, чтобы внести въ монастырь ея приданое; въ ожиданіи высылки ихъ она заняла ихъ у ростовщика, но на самый короткій срокъ. Графъ повздыхалъ, однако собралъ деньги и выслалъ. Я видѣлъ очень хорошо, что дѣла семьи идутъ къ разоренію, но ничего не могъ сдѣлать. Съ графомъ и каноникомъ говорить было бесполезно, а Пизана, когда я заговорилъ съ ней объ этомъ, пожала плечами и отвѣчала, что дѣла всегда шли такъ, что мать вольна дѣлать что ей угодно, а ей рѣшительно все равно, потому что она увѣрена, что, худо или хорошо, она какъ-нибудь проживетъ свой вѣкъ. Извѣстіе о поступленіи Клары въ монастырь больше всѣхъ взволновало Партистаньо, который рассказывалъ всѣмъ, что жестокіе родители заперли Клару за любовь ея къ нему. Покричавъ, онъ, наконецъ, уѣхалъ въ Венецію, о чемъ изъ Фраты извѣстили графиню; но она отвѣчала, что о немъ не слышно, и всѣ успокоились, надѣясь, что онъ укротится.

Между тѣмъ здоровье графа быстро разрушалось. Наконецъ онъ серьезно занемогъ, и прежде, чѣмъ мы успѣли предупредить графиню объ опасности, скончался мирно на рукахъ вапелана, монсиньера Орландо и Пизаны. Докторъ Сперандіо выпустилъ ему несмѣтное количество фунтовъ крови и потомъ процитировалъ такое-же количество латинскихъ изрѣченій въ доказательство, что смерть послѣдовала законнымъ образомъ. Если-бы покойникъ могъ чувствовать въ гробу, то графъ, вѣроятно, порадовался-бы, что умеръ, — такъ торжественна была церемонія похоронъ. Монсиньеръ Орландо, поплакавъ умѣренно, пѣлъ гимны, гнуса только немножко больше обыкновеннаго. Пизана первые дни была въ отчаяніи; но когда пріѣхали Фруміеры и объявили, что, по распоряженію матери, она отправится въ Венецію, она такъ обрадовалась, что тотчасъ утѣшилась. Черезъ двѣ недѣли она уѣхала и при разставаніи со мной выказала искреннее горе, за которое я былъ ей очень благодаренъ и сталъ снова думать, что сердце у нея въ сущности доброе.

Мое пребываніе во Фратѣ было необходимо. Ростовщики, кредиторы посыпались дождемъ. Управляющій сбѣжалъ, сжегши записныя книги. Изъ Венеціи вѣсто распоряженій приходили только требованія денегъ. Фруміеры никакой помощи не оказывали, да къ тому-же падре Пендола возстановлялъ ихъ, кажется, противъ меня. Тѣмъ не менѣе я принялся работать изо всѣхъ силъ, желая быть полезнымъ Пизанѣ и отблагодарить это семейство за то небольшое, что оно для меня сдѣлало. Благодаря моимъ стараніямъ дѣла были приведены въ порядокъ; когда молодой графъ Ринальдо принялъ, наконецъ, бразды правленія, 8,000 дукатовъ приданого контесинѣ были обезпечены, кредиторы удовлетворены, доходъ получался спошна, и имѣніе, хотя значительно уменьшенное, составляло еще богатую собственность. Въ то-же время я выдержалъ экзамень и сдѣлался канцеліере по всѣмъ формамъ. Джуліо дель-Понте, не выдержавъ разлуки, уѣхалъ за Пизаной въ Венецію, и я остался почти совершенно одинокъ.

(Продолженіе будетъ.)

СТАРЫЙ САДОВНИКЪ.

(Съ нѣмецкаго.)

Въ саду опустѣвшемъ, угрюмъ и суровъ,
Проходить садовникъ-старикъ;
Подъ вѣтромъ осеннимъ не стало цвѣтовъ,
Стоить опустѣвшимъ цвѣтникъ.

Не слышится пѣнія птицъ въ вышинѣ,
Весь садъ обнаженный уныль,—
Старикъ обрываетъ цвѣты въ тишинѣ,
Которыхъ морозъ не сгубилъ.

Сплетаетъ вѣнокъ онъ дрожащей рукой,
И взоръ его мутенъ отъ слезъ:
„Затѣмъ-ли вы здѣсь распцѣтали весной,
Чтобъ сыну на гробъ я васъ снесъ?

„Какъ вы по веснѣ, онъ роскошно распцѣлъ,
Какъ вы, въ непогоду поблекъ
И жизнью цвѣтущей своей приобрѣлъ
Одинъ этотъ жалкій вѣнокъ.

„Теперь для меня вамъ, цвѣты, не цвѣсти,
Не тѣшить вамъ взоровъ моихъ:
Надъ трупомъ моимъ вамъ придется взойти—
Цвѣсти, отцвѣтать для другихъ!“

Н. М.

НА ПУТИ ВЪ ПЕРСІЮ

I.

НА-ЛЕТУ И АСТРАХАНСКІЕ КАЛМЫКИ.

Въ одинъ изъ ненастныхъ вечеровъ начала апрѣля, когда петербуржецъ желчно томится безъисходною хандрой, насморкомъ и т. п., а воображеніе уноситъ его куда-то вдаль, гдѣ ласкающее дыханіе весны уже вызвало къ жизни и траву на лугахъ, и душистые цвѣты на деревьяхъ, и пѣсню соловья, — я получилъ письменное предложеніе принять участіе въ занятіяхъ экспедиціи, снаряжаемой въ Персію, Афганистанъ и далѣе вглубь Азіи, а спустя двѣ-три недѣли послѣ того вопросъ о моей роли въ ней уже выяснился. Русское географическое общество, при посредничествѣ котораго я отправлялся въ эти отдаленные, еще туманные для Европы края, снабдило меня возможнымъ матеріальнымъ пособіемъ, а членъ общества, миліонеръ А. И. Г — й, которому принадлежалъ починъ въ этомъ предпріятіи, обязательно принялъ на себя доставить мнѣ всѣ удобства во время пути, снабжать меня деньгами по мѣрѣ надобности и предложилъ въ помощь переводчика, топографа и фельдшера.

Но въ короткое время подыскать себѣ сподручныхъ помощниковъ довольно трудно, и мнѣ оставалось самому изучить практическіе приемы леченія господствующихъ въ тѣхъ странахъ болѣзней, къ чему и было приступлено, при содѣйствіи достопочтеннаго доктора Борейши, уважаемаго всею Коломною и прославляемаго бѣдныядами, ибо онъ, сдѣлавшись извѣстнымъ докторомъ, остался прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Потративши свое здоровье на служеніе ближнему, онъ уже умеръ, но память объ немъ надолго сохранится...

Узнавъ о цѣли моего посѣщенія, онъ, несмотря на мучительную болѣзнь, принялъ меня, незнакомаго ему, какъ близкаго себѣ человѣка,—какъ, впрочемъ, онъ принималъ всю Колонну. Отъ его высохшаго тѣла уже вѣяло смертью, но въ тихихъ, умныхъ глазахъ глубоко свѣтилась жизнь и любовь къ человѣку. Бесѣдуя о трудностяхъ предстоящаго мнѣ путешествія по дикимъ странамъ Азіи, о господствующихъ тамъ болѣзняхъ и способахъ ихъ леченія, онъ составилъ для меня краткій дорожный лечебникъ, и при его-же участіи знакомый ему аптекаръ приготовилъ мнѣ дорожную аптеку. То и другое принесло въ свое время не мало пользы.

Вотъ еще контрастъ. Ни одинъ изъ фотографовъ, слитыхъ душою съ вновь народившеюся „великою нѣмецкою націей“, не соглашался взять съ меня за урокъ менѣе десяти рублей, а англичанинъ Карривъ, безвозмездно потратившій на то 15 часовъ, былъ еще сердечно радъ успѣхамъ ученика, снявшаго удачно портретъ съ учителя!..

Остальное время, съ 1-го по 15-е мая—день моего выѣзда изъ Петербурга,—незамѣтно улетѣло на знакомство съ литературою о Востокѣ и приготовленіе двухъ объемистыхъ сундуковъ съ инструментами и разными матеріалами для себя и бездѣлками да механическими игрушками для подарковъ большимъ дѣтямъ, держащимъ въ своихъ рукахъ тощія судьбы Персіи, Афганистана, Туркменіи, Хивы и Бухары.

Всѣ эти вещи пойдутъ съ товарами до г. Астрабада,—условнаго пункта моего соединенія съ повѣреннымъ при торговомъ караванѣ Г.,—а теперь я ѣду одинъ и налегкѣ, потому что по просьбѣ Г. приходится свернуть съ прямого пути въ Уфу по его личнымъ дѣламъ.

— Не покупайте себѣ дорогихъ халатовъ; чѣмъ бѣднѣе костюмъ, тѣмъ безопаснѣе, напутствовалъ онъ меня послѣднимъ словомъ въ петербургско-московскомъ вокзалѣ, сообщивъ при этомъ, что экспедиціи придется ограничиться только предѣлами северо-восточной Персіи... Вотъ и первое разочарованіе!

Раздался третій звонокъ, поѣздъ тронулся...

Въ полдень другого дня въ открытое окно вагона дунуло ладаномъ, щами и овчиной,—это Москва!

Запрыгали дрожки по ухабамъ длиннаго-длиннаго переѣзда,

стоящаго отъ московско-петербургскаго до московско-нижегородскаго вокзала рубль, а соединительная вѣтвь тутъ-же, и въ бездѣйствіи. Но говорить, будто-бы она построена не для одного только украшенія первопрестольной столицы, а и для удобства пассажировъ, ѣдущихъ съ Питера прямо въ Нижній? Можетъ быть, это правда, — не испыталъ.

На нижегородской станціи толпится много народу. Тотъ суетится, тотъ спрашиваетъ, а третій проситъ высокаго господина въ погончикахъ полковничьяго ранга, вѣроятно, начальника станціи:

— Позвольте мнѣ взять вотъ этотъ маленькій сакъ съ книгами съ собою въ вагонъ... Сторожъ не пропускаетъ...

— Никакъ-съ нельзя. Желѣзнодорожныя правила и моя обязанность... вы понимаете?...

— Но сакъ не займетъ лишняго мѣста, да притомъ мнѣ крайне нужно просмотрѣть книги дорогою...

— Обязанность...

— Ахъ, ш-г... Я рассчитываю на вашу любезность, перебиваетъ дама въ кружевныхъ оборкахъ, запыляющая отъ носу и до пятокъ саломъ. — Я увѣрена, что вы не разлучите меня съ милою Амишкой и вотъ эту шалунью Биби...

М-г военнаго покроя, изгибаясь, прицелкнувъ шпорами, и двѣ собачки съ барыней отправились въ вагонъ, а маленькій сакъ съ книгами швырнули въ багажъ.

Но сцена этимъ не кончилась. Когда пассажиры усѣлись по мѣстамъ, къ начальнику станціи приблизился злосчастный любитель книгъ и, приподнявъ шляпу, тихо проговорилъ:

— Благодарю, очень, очень благодарю...

Тотъ, не понявъ ироніи, сіялъ, любезно раскланиваясь въ отвѣтъ.

— Вы собакъ предпочитаете книгамъ?! крикнулъ взбѣшенный пассажиръ. — Это тоже входитъ въ кругъ вашихъ обязанностей?...

— Труби, милый, сколько влѣзетъ, — не поможетъ; за таковой фундаментъ онъ еще благоволеніе получить отъ начальства, съострилъ кто-то изъ толпы, но сконфуженный полковникъ не устоялъ: на этотъ разъ онъ отправилъ поѣздъ цѣлою минутою раньше.

Съ Нижняго до Казани и оттуда дальше на 6 дней пути по широко-разлившейся Камѣ и Бѣлой, до г. Уфы, пришлось мнѣ ѣхать на пароходъ общества „Самолетъ“. Несмотря на 17-е мая, вѣтеръ дулъ такой зимній, что многіе палубные пассажиры схватили „жабы“, а въ каютѣ 2 класса — тѣснота и облака дыму. Народъ здѣсь больше комерческій и прикащики; пробавлялись сперва чайкомъ да селянками, даже одурь ихъ взяла, и вотъ одни сѣли за карты, прочіе — глазѣютъ на нихъ.

— Не въ Бирскѣ-ли изволите ѣхать? справилась одна бородака у другой, а тамъ — завязалась общая бесѣда...

Городъ Бирскъ, красиво расположенный по легкому скату рѣки Бѣлой, приобрѣлъ историческую извѣстность на нашей памяти. Въ началѣ текущаго десятилѣтія мѣстный исправникъ окреставилъ мѣстнаго именитаго купца, — вотъ и все тутъ, за что этотъ до сихъ поръ незамѣтный городишка былъ сопричисленъ къ замѣчательнымъ городамъ російской имперіи. Теперь идутъ толки между пассажирами о деталяхъ этой кровавой расправы.

Съ исправника рассказы перешли къ другимъ властямъ уфимской губерніи, къ башкирскимъ землямъ и ловкимъ людямъ:

— ...Много богатятся теперь отъ башкирскихъ земель... Знаешь Данилку-то?.. Ну, Данило Пет... — Расскажишь шепнуть что-то на ухо сосѣду.

— Какъ не знать! Еще по пятаку-то купилъ сколько тысячъ десятиныхъ! отвѣтилъ тотъ, глубоко вздохнувъ.

— Онъ, онъ и есть! Ну, вотъ онъ и говоритъ: мое дѣло чистое и новыхъ тамъ порядковъ не боюсь, потому — у меня душа невозмутимая и я человекъ съ обличковкою... Вотъ только эти каналы башкиры, говоритъ, дорого мнѣ обошлись! Приѣзжаю, говоритъ, въ степь къ самому важнѣющему, — а мнѣ съ нимъ уже давно дѣла важивали, — прежде всего, говоритъ, насчетъ клоповъ, потому что башкиръ безъ клоповъ не можетъ... Злющіе такіе!.. „Кандала баръ?“ т.-е. есть-ли клопы? спрашиваетъ. „Мала, мала есть, самой смиренный“. Ну, думаю, говорить, смиренные, это ничего. Сейчасъ послали къ подручнымъ людямъ, — все пріятеля. Ну, кому головку сахару, кому плитку чаю или тамъ что другое, и всѣмъ — угощеніе на нашъ счетъ... Больно эта татарва чай любить — двѣ недѣли поилъ, деньжищъ пропасть ушло, да не задаромъ!..

— Значить, кругомъ по пятаку за десятину?

— По пятаку. А теперь вонъ за полтину не купишь, давай дѣльковый.

— Слышалъ я, вмѣшался почтенный старикъ, — что нонѣ и рубля мало будетъ, потому у башкиръ земель хоть и много, да они, какъ малыя дѣти, больно неразумны; говорятъ, указъ такой вышель, чтобы въ обиду ихъ не давать.

— Указъ-то есть, а онъ, башкиръ-то, вотъ что говоритъ: моя тубетейка (ермолка)! Кому хочу, тому дарю!..

Пока длилась эта бесѣда, облака табачнаго дыма и разнородныхъ испареній успѣли раствориться въ каютной сырости и отравить атмосферу ѣдкимъ зловоніемъ, что прогнало меня въ каюту 1-го класса. Здѣсь воздухъ былъ почище, но отъ рѣчей сильно несло..

Плотный атлетъ съ рыжею, окладистою бородой и рѣшителными манерами, разжигался передъ маленькимъ господиномъ суровой наружности:

— Да-съ, я піонеръ здѣсь, какъ американцы на дальнемъ западѣ!.. Я пришелъ сюда съ пустыми руками, а теперь обладаю землями и лѣсами, завелъ фермы, примѣнилъ къ земледѣлію всѣ усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія... Я прокладываю здѣсь дорогу цивилизаціи!.. Вы говорите, что къ этимъ скотамъ, башкирамъ, нужно относиться гуманнѣе и водворять цивилизацію не слѣдуетъ кулакомъ? Попробуйте! Тогда они васъ не пощадятъ: оборуютъ-съ, убьютъ!.. Здѣсь нужна физическая сила.

И массивный ораторъ потрясъ въ воздухъ объемистымъ кулачищемъ.

— А если вашъ кулакъ выставятъ въ печати? перебилъ его слушатель.

— Тому морду побью! Честное слово благороднаго человѣка — изможжу!.. отрѣзалъ цивилизаторъ и продолжалъ: — Здѣсь нуженъ практическій умъ — (и онъ щелкнулъ себя по усьянному веснушками лбу), — умъ, чтобы дѣйствовать на воображеніе этого дикаря въ свою пользу и заставить его видѣть въ васъ преимущество надъ собою во всѣхъ отношеніяхъ; тогда онъ смирится и будетъ вашимъ покорнымъ рабомъ! Ко мнѣ они питаютъ страхъ и даже считаютъ меня чуть не за пророка, и я гарантированъ; ни одна пылинка моего добра не пропадетъ!

Долго съ пафосомъ изрыгалъ сей уфимецъ передъ удивленнымъ слушателемъ свою систему водворенія цивилизаціи въ башкирскихъ деляхъ и степяхъ, т.-е. средства къ легкой наживѣ на счетъ непроглядной тьмы дикаго кочевника. Чего-чего только тутъ не было! И переодѣванья при электрическомъ освѣщеніи и вызываніе тѣней умершихъ, и фугасы, ошеломляющіе башкира, плети, полосующія ему спину, револьверъ, кулакъ и даже микроскопъ!.. Да, микроскопъ!..

Какъ ни интересенъ этотъ приуральскій „піонеръ“ въ уголовномъ и психологическомъ отношеніи, однакожь, показала Уфа и мы оставимъ этого хищнаго героя...

Губернскій городъ Уфа, до котораго съ пристани нужно тащиться по довольно крутому подъему добрыхъ три версты на какомъ-то длинномъ и опасномъ инструментѣ, называемомъ здѣсь линейкою, достопримѣчателенъ, какъ плавающій городъ. Дѣйствительно, онъ по временамъ буквально плаваетъ, однакожь, никакихъ мѣръ къ устраненію этого неудобства не предпринимается, а стоитъ только прорыть простыя водоотводныя канавки, чему самая мѣстность благопріятствуетъ, и неудобство будетъ устранено; тогда и обыватели путешествовали-бы по улицамъ прилично, а не пробирались-бы, какъ лунатики, по стѣнамъ домовъ въ наклонномъ положеніи.

Кажется, сама природа, заливая періодически улицы и базарную площадь города лужами, предназначила жителямъ заниматься исключительно уженіемъ, но выходитъ не такъ. Заправскихъ удильщиковъ, вылавливающихъ однимъ неводомъ по сотнямъ десятинъ башкирскаго чернозема, немного, а прочіе—или милюзга, довольствующаяся снѣтками, либо подначальный, какъ извѣстно, завистливый людъ. „Нашъ-то опять тыщу десятинъ благопріобрѣлъ!“ говоритъ мелкая сошка другой такой-же сошкѣ, и обѣ начинаютъ мечтать: „Богъ продлитъ вѣку—и на насъ хватить“. Наконецъ, остальное населеніе сплошь лашти плететъ и только обѣ одною молитъ: „Лишь-бы на хлѣбушко хватило, а тамъ благодареніе Создателю!“ Впрочемъ, на базарной площади единственный башкиръ продаетъ кумысъ, а

въ какомъ-то учебномъ заведеніи есть даже микроскопъ съ надписью въ подобномъ родѣ: „Отъ такого-то благотворителя питомцамъ такого-то заведенія. Да сохранится память обо мнѣ отнынѣ и до вѣка!“ Мнѣ извѣстно даже, отъ какого именно пионера, кому именно изъ благотворительныхъ рыбаковъ былъ приподнесенъ этотъ микроскопъ.

— Такой безкорыстный и ученый человекъ—не повѣрите! Никогда не ѣздитъ въ своемъ экипажѣ, а все на дрожкахъ и съ женою. Я и подпись придумалъ въ микроскопу, чтобы только увѣковѣчить имя его, говорилъ мнѣ, съ легкимъ дрожаніемъ въ голосъ, благодарный пионеръ.

На обратномъ пути изъ „плавающего города“ въ Базань, не смотря на послѣдніе дни мая, сѣверо-восточный вѣтеръ до самой богородской пристани мѣшалъ маевкѣ, справить которую условились два-три пассажира 1-го класса съ добрякомъ-капитаномъ парохода.

— Батюшка, прими насъ на пароходъ по четвертаку съ души, пятьдесятъ слишкомъ будетъ, просятъ его бурлаки на одной пристани.

— Мѣстовъ-то у тебя свободныхъ больно много, убѣждаютъ они его.

— По полтинѣ съ рыла—садись всѣ!

Бурлаки загалдѣли, замахали руками, а пароходъ удалился.

— По пятаку накинемъ, право возьми! кричатъ съ пристани.

— По полтинѣ! отвѣчаютъ имъ.

Долго шелъ торгъ, а пароходъ заманчиво лавируетъ вдали. Наконецъ сошлись на 49 конейкахъ, и мокрые лапти сумрачныхъ бурлаковъ въ изодранныхъ зипунишкахъ зашлепали по палубѣ. Пароходъ идетъ противъ вѣтра, а вѣтеръ дуетъ студеныи; то-то раздолье ему между бурлаками, которые, пожевывая свой черствый хлѣбъ, ежатся и дрожать!

На другой день май явился въ первый разъ въ этомъ году во всей своей дѣвственной прелести. Въ воздухѣ тишь и нѣга, запахъ луговъ, лѣсовъ и легкая свѣжесть рѣки. Мы приближаемся къ богородской пристани, съ живописною мѣстностью. Одинъ берегъ

круто возвышается въ гору, убранную въ зелень деревьевъ и кустовъ, другой-же, низменный, затопленъ далеко водою, въ которой отражаются разбросанныя кое-гдѣ кучи деревьевъ, а ясное солнышко то искрится въ ней, то широко ложится нестерпимымъ для глазъ блескомъ между темными, непривѣтливими ея полосами, гдѣ, какъ кажется вамъ, и холодно, и глубоко. А тамъ вдали, на синемъ горизонтѣ, темнѣются лѣса.

Два пассажира и пассажирка 1-го класса уже давно любятъ съ рубки картиною весенней природы.

— Славную маевку мы справимъ вонъ на той горкѣ, говоритъ мировой судья статной дамѣ, выразительное лицо которой отгнѣялось грустью, что еще болѣе возвышало ея красоту.

— Господа, не распорядиться-ли мнѣ насчетъ коньяку и... какъ его называютъ?.. Да, да, газезъ! широко улыбается съ праздничнымъ видомъ капитанъ парохода, обращаясь преимущественно къ третьему пассажиру, неотнимающему отъ глазъ подозрительной трубы.

— Предложеніе удачно, проговорилъ тотъ: — коньякъ — для насъ, а лимонадъ для нашей спутницы.

— А коньякъ съ лимонадомъ замѣнитъ шампанское, для всѣхъ! замѣтилъ мировой. — Да скажите намъ, крикнулъ онъ вслѣдъ уходящему капитану, — сколько часовъ мы простоишь здѣсь?

— По положенію — два, а мы можемъ съ удовольствіемъ — четыре. Ха, ха, ха! Эдакая прекрасная погода — погуляемъ!..

Пароходъ остановился.

Пассажирка, въ сопровожденіи своихъ двухъ спутниковъ, вышла на берегъ. Было жарко; она сняла шляпку и черныя косы тяжело упали ей на плечи.

Всѣ поднялись на самый верхъ горы и усѣлись на лужайкѣ, скрытой кустами.

— Пусть поищетъ насъ капитанъ, проговорила дама.

А онъ, съ бутылками въ рукахъ и по карманамъ, тяжело поднимался въ гору, потѣлъ, пыхтѣлъ и кряхтѣлъ, отыскивая насъ глазами, и пошелъ путаться по сторонамъ.

— А-у!! А-у, капитанъ! Сюда, сюда! высовываясь изъ-за куста, махалъ ему руками мировой, мучимый жаждою.

— Ага! Bravo, bravo!.. Вижу таинственный гротъ!..

И, помахивая бутылкою надъ головою, капитанъ затянулъ: „Многія лѣта!“

— Кому? спросилъ мировой.

— Бѣльскимъ пароходамъ. Хозяева—больно хорошіе люди; многія имъ лѣта, многія...

— Слышалъ, банкроты, объявившіе себя несостоятельными, а между тѣмъ...

— Почтенные люди, перебилъ капитанъ, — я давно у нихъ служу, и слава-богу.

— А если слава-богу, наливайте себѣ коньяку, а намъ того-же съ лимонадомъ.

— Коньякъ—питье моряковъ, уважаю его... Многія лѣта!.. воодушевлялся красный капитанъ, между тѣмъ какъ сумрачное лицо пассажирки подергивалось легкими судорогами. Мировой, подмѣтивъ въ ней внутреннюю борьбу, задушить которую она не была въ силахъ, перемѣнилъ разговоръ.

— Какое здѣсь раздолье! Луга, лѣса, горы и вода! восторгался онъ.

— Только людей не видно, замѣтилъ молчаливый пассажиръ съ подозрною трубой.

— Потому, что намъ недостаетъ... начала дама.

— Коньяку и стерлядки! Сейчасъ бѣгу, прикажу... перебилъ ее капитанъ и, спотыкаясь, направился къ пароходу.

— Коньяку и стерлядей для этихъ слугителей злостныхъ банкротовъ хватить; но дайте намъ

— Возьмите съ бою, иначе не уступлю! Буфетчикъ вляется, что послѣдняя! Ха, ха, ха! ревѣлъ запыхавшійся капитанъ, размахивая бутылкою коньяку. Всѣ молчали.

— Что приуныли? Затянемъ пѣсенку, и все будетъ ладно... Я крикну помощника—прекраснѣйшій запѣвало.

И онъ, изобразивъ ладонями рупоръ, зоралъ по направленію парохода: „Михайло Ильичъ! Михайлушко, скорѣе къ намъ!..“

Михайлушко явился, но оказался застѣнчивымъ и пѣть отказался. Этотъ пробѣлъ маевки пополнили двое мальчугановъ, пришедшихъ сюда изъ ближайшей деревни собрать хворосту.

— Давай, баринъ, на орѣхи, — пропоетъ!

— Катай!

Робятишки, приплясывая, заголосили о томъ, сколько горя и печали достается на долю человѣка....

Зажгли костры. Пассажирка тревожно смотрѣла вдаль, а мировой сталъ разсказывать молчаливому пассажиру о разныхъ приволжскихъ исторiяхъ...

— Пора въ путь, господа, — нагулялись! закончилъ маевку посоловѣвшій капитанъ, и мы вернулись на пароходъ.

Буфетчикъ подалъ намъ счетъ. Одинъ изъ пассажировъ читаетъ вслухъ:

— Мм-мм... пробка—рубль, рюмка коньяку — 50 к. Какая пробка? обращается онъ къ развязному слугѣ.

— Изволили въ обѣдъ свое вино кушать, по положенiю — рупь, а коньякъ-съ подавъ Го—полтина за рюмку.

— Въ бутылкѣ оставалась съ города всего рюмка рублевого сотерну, и никакой тамъ пробки не было—я ее заткнулъ бумажкою, протестуетъ пассажиръ.— Да гдѣ у васъ такса? Ея не видно... Вездѣ на пароходахъ за пробку 25 — 30 к., а здѣсь — рубль! сердится онъ, требуя у явившагося буфетчика таксу. Тотъ суетливо зашарилъ сперва у себя въ карманъ, потомъ подъ тюфякомъ, откуда и вытащилъ „правила“, нивѣмъ неподписанныя, но въ которыхъ дѣйствительно заключалось: „съ каждой бутылки своего вина взимается по рублю“. Анонимное правило еще болѣе взорвало пассажира и обончательно смутило буфетчика, который отстался отъ платы и за пробку, и за „Го“, но на лицѣ развязнаго слуги играла самая ядовитая иронiя: „Какой-же ты есть теперича баринъ, коли, примѣрно сказать, провѣряешь счета и споришь за рупь? Э-э-эхъ ты!..“

Простившись въ Казани съ „бѣльскимъ“ капитаномъ, мировой съ молчаливымъ пассажиромъ пересѣли на „самолетскiй“ пароходъ, идущiй внизъ по Волгѣ, а дама поѣхала въ Москву. Въ добрый часъ!..

Виды весенней Волги здѣсь скучны. Погода опять вѣтряная. Впереди насъ летятъ два парохода чуть-ли не на всѣхъ парахъ, что возбуждаетъ любопытство и замѣчанiя палубныхъ пассажировъ:

— Ишь какъ улепетывается „Кавказъ“! Гдѣ самолетскому догнать его!

— Промежь нихъ всегда идетъ гонка...

— Гонка — имъ шалость, а упаси Богъ — машину разорветъ, тогда...

— Эво-о!

— Чего эво?.. Дѣло мастера боится, а не то подбавишь пару — угоришь. Глянь-во сюда! — (Старикъ показалъ на своемъ лицѣ и рукахъ слѣды сильного обжога.) — Вотъ те гонка чѣмъ закончилась!

— Отчего у тебя это, дядя?

— Говорю, отъ гонки... Вотъ такъ-то вѣхали мы, какъ теперь, а хозяинъ парохода, сильно подвыпившій, захотѣлъ летѣть шибче вѣтра. „Валий пару!“ заоралъ онъ. Машиниста опаска взяла: „Больше, говорить, не могу, потому — котель лопнетъ“. „А ты моему ндраву не препятствуй, потому кто здѣсь голова? — Все я-же!..“ И ну валять дрова въ печь... Котель-то и впрямъ лопнулъ!.. Насъ шарахнуло — попадали, и-и-и стра-а-асти, что было!.. Всѣмъ досталось: кто убить, кто искалѣченъ, — вонъ какъ паромъ обдало многихъ, — а самого-то хозяина, почитай, и слѣдовъ не нашли. Вотъ те и гонка!..

— Тутъ видѣнъ персть Божій... со вздохомъ замѣтила старушонка: — больно крутенежь былъ хозяинъ-то...

— Эво-о!

— Чего ты, парнишко, эво?.. Говорю тебѣ — персть...

— А дядю за что-жь опалило?

— Мнимоходомъ, паренежь, мнимоходомъ...

На другомъ концѣ парохода сидѣли на узлахъ двѣ женщины не первой молодости, въ платьяхъ городского покроя, и, какъ видно, давнишнія пріятельницы. Та изъ нихъ, что все плачетъ и сморкается, рассказываетъ другой, съ участіемъ покачивающей головою:

— ...Онъ былъ судебнымъ слѣдователемъ, а теперь его смотрителемъ сдѣлали въ департаментъ.

— Это, значить, въ чиновники произвели?

— Съ судебнаго да въ чиновники, что ты, глупая? Онъ смотритель, а чиновникъ будетъ ниже чиномъ смотрителя... осерчала та.

— Чего бранишься-то? Видно не задаромъ вытурилъ.

— Врешь ты, ехидна! Не вытурилъ, а ему отъ начальства указъ вышелъ жениться, я и осталась безъ дѣловъ,—вотъ что!..

Двѣ собесѣдницы повздорили, не на шутку и разошлись по разнымъ угламъ.

На площадеѣ у багажнаго люба нѣсколько развеселнхъ молодыхъ грѣются трепакомъ подъ звуки гармоника и свои припѣвы...

Вонъ виднѣется Спасскій затонъ, расположенный въ 90 верстахъ отъ Казани. Общество „Кавказъ и Меркурій“ располагаетъ здѣсь 502 десятинами земли, съ пристанью на сваяхъ, плотинами и мостами, жилыми зданіями и механическимъ заводомъ.

Подъѣзжаемъ къ Самарѣ. Судя по бесѣдѣ сельчанъ на рубкѣ, здѣсь ждутъ обильнаго урожая, но большая часть изъ нихъ ждетъ его съ безотраднмъ чувствомъ.

— Урожай?! съ горечью говорить сквозной зипунъ; — знамо дѣло пѣна на хлѣбъ упадетъ,—на чорта-жь намъ урожай!

На это размашистая чуйка въ лакированныхъ сапогахъ и съ серебряною цѣпочкою толково замѣтила, что можно сдѣлать запасъ на три года.

— Эв-во, запасъ! Долговъ по горло съ голодныхъ годовъ, а онъ про запасъ толкуетъ! Не запасать, продавать нужно, а кулаки тоже знаютъ свое дѣло,—во-отъ что-о!

Въ Саратовѣ пыль стоитъ облакомъ: вездѣ строятся, бѣлится, красится; по главной улицѣ ходить невозможно...

Направляемся къ Царицыну.

Въ вагтъ-компани 2-го класса откормленный и тщательно одѣтый господинъ съ бѣленькимъ значкомъ „путейца“ сѣдетъ самодовольствіемъ и полнымъ счастіемъ передъ тремя пассажирами, изъ коихъ одинъ слушаетъ его съ сладострастіемъ и даже облизывается, другой—съ тонкою иронією, зѣваетъ, а третій, лежа на диванѣ, полудремлетъ.

— На послѣднемъ экзаменѣ, рассказывалъ маленькій бѣленькій значекъ, — онъ взялъ меня подъ руку и представилъ двумъ важнымъ генераламъ: „Вотъ столпъ нашъ!“ Такъ и сказалъ: „Капитанъ Ф...ій — украшеніе наше, столпъ нашъ!“ Генералы пожимали мнѣ руки съ высокимъ чувствомъ... Билетъ попался мнѣ счастливый, — очень, очень интересный! — Тамъ разныя вычисленія... Напримѣръ, солнце... Да, я вамъ скажу, высшая геодезія — это все!.. это... это корона, это щить!

Пассажиръ съ ироніею взглянулъ на разсказчика вопросительно, а другой отъ наслажденія даже высморкался со слезами.

— Не знакомы-ли вы съ Семисовымъ? спросилъ послѣдній у „столпа“. — Хотѣлось-бы къ нему на работы попасть.

— Вѣроятно, знакомъ; ему весь Петербургъ знакомъ, замѣтилъ лежащій на диванѣ съ легкой улыбкой.

— Я съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ. Славный господинъ! Хорошо, хорошо, я напишу ему объ васъ...

— Не о томъ-ли Семисовъ идетъ рѣчь, о которомъ всѣ говорятъ, что онъ какъ человекъ — дрянъ, а какъ инженеръ — ничего не смыслить? заинтересовался ироничный господинъ.

— Что вы?! Между моими знакомыми такихъ не бываетъ... Этотъ очень порядочный господинъ, одѣтъ всегда отлично, очень любезный и необыкновенно уменъ!.. Онъ строитъ теперь желѣзную дорогу, кажется — на Кавказѣ...

— Тотъ тоже одѣтъ всегда съ иголки, и когда выгодно ему — любезенъ до подлости, но непоколебимо глупъ — всегда!

— Потому что въ головѣ у него вмѣсто мозгу гнѣздо *семи совъ*, вало проговорилъ полусонный пассажиръ.

— Слышь, говорятъ, у инженера въ башкѣ семь совъ, — страсти! Чугунку строить, — беда!.. слышался шопотъ въ углу каюты, гдѣ четверо не изъ „благородныхъ“ баловались чайкомъ и рыбой.

— А вы хорошо знакомы съ техникою желѣзныхъ дорогъ? обратился „ироничный“ господинъ къ желающему познакомиться съ Семисовымъ.

— Да-съ, у меня есть атестатъ отъ инженера Малзона, — отлично-хорошій человекъ!

— Слышалъ, слышалъ объ немъ и знакомъ съ его братомъ. Замѣчательная противоположность: одинъ честный человекъ и по-

лезный земский дѣятель, а другой, вашъ-то патронъ, хоть съ виду джентльменъ, но на душу—больно грязень. Онъ тратится на кофоты и летаетъ на рысакахъ, купленныхъ цѣною чужого горя и несчастій. Читайте въ газетахъ рубрику „происшествій на желѣзныхъ дорогахъ“—и вы увидите, что самый значительный процентъ ихъ выпадаетъ на долю вашей дороги, потому что Малзонъ наполняетъ свой карманъ въ ущербъ добровачественности постройки ея съ рѣдкимъ тактомъ и остался въ мнѣніи простакъ и такихъ-же шутковъ, какъ самъ, „отлично-хорошимъ человѣкомъ“. Въ нашихъ мѣстахъ онъ былъ управляющимъ дорогою и прослылъ, кромѣ того, сокрушителемъ женскихъ сердець...

— А тебѣ не бойсь завидно! перебилъ его сонный пріятель;—нужно, братъ, родиться въ сорочкѣ и нижнихъ, какъ Малзонъ, чтобы безъ мозговъ благообрѣсть девизъ: „сокрушителя костей пассажировъ, кармановъ акціонеровъ и сердець легкомысленнаго пола“...

У „стопа“ съ серебрянымъ значкомъ даже глаза закатились отъ сладострастной мечты упрочиться на такомъ-же фундаментѣ,—и онъ упрочится, непременно упрочится...

Пароходъ остановился у Царицына и желѣзники вышли; въ каютѣ остался одинъ длинный, блѣдно-лицый господинъ въ измятомъ костюмѣ и съ подвязанною рукою; онъ досталъ изъ дорожного мѣшечка стеклянку съ водкою и копченую колбасу московскаго приготовления.

— Чудее-ее-сная! проговорилъ онъ, и, пережевывая ее, мурлыкалъ подъ носъ себѣ пѣсенку:

„И этотъ инженерикъ,
Какъ Грека подкузьмилъ,

(А не выпить-ли еще?)

Предъ всѣми лицемѣрилъ,
Что вѣчно нищимъ былъ,
А самъ-то втихомолку
Карманы набивалъ...

.....

— Фу - ты, куда дѣвался рубль? зашарилъ онъ въ карманахъ у себя. — Тутъ, тутъ... Вотъ онъ! А то, пожалуй, не доѣдешь...

Да, самъ-то втихомолку 300 тысячъ въ банкъ положилъ, при морскомъ каналѣ упрочился, молодыхъ инженеровъ ругаетъ, за то, что не хотятъ вынимать изъ жару своими руками каштаны для него; а насъ, техниковъ дѣйствительно цѣнить. — вотъ и я остался безъ рукъ!...

Но оставимъ его и выйдемъ на рубку освѣжиться.

На берегу идетъ споръ между матросами изъ сельчанъ, окружившими какого-то бульдога нѣмецкаго склада, съ запахомъ пива и брильянтовымъ колечкомъ на жирномъ мизинцѣ.

— Я вамъ говорю, мои друзья, что всѣхъ васъ слѣдуетъ засадить въ Сибирю... А пашпортовъ не отдамъ, потому что вы — должники наши...

— Будутъ деньги — отдадимъ, а пашпорты подай, потому куда дѣваться безъ нихъ...

— Вы занимались на всю навигацію: управляющій прочелъ вамъ условіе и печать приложилъ, — правду я говорю?

— Мы не понимаемъ, что онъ такое читалъ; не можемъ работать, больны, вотъ те и скажь, а ты пашпорты подай, потому законъ повелѣваетъ...

Долго спорилъ капитанъ съ матросами, между тѣмъ на пристани нескладно суетился господинъ еврейскаго происхожденія, въ бѣлой фуражкѣ военного покроя, въ мѣшковой визиткѣ, съ болтающимися руками, пенсне и двумя массивными цѣпочками, украшенными дудочками, печатками и многими другими полезными вещами изъ галантерейнаго магазина. Отъ всей его фигуры несло безотчетнымъ счастьемъ вновь почуянной власти: его тускло-черные глаза пныряли, горбатый носъ, съ сплюнутыми ноздрями, обнюхивалъ, тонкія губы ловили невидимую добычу въ воздухѣ, а его жидкими баками и усами игралъ вѣтеръ...

Онъ то здоровался, улыбался, разговаривалъ со всѣми встрѣчными, то закуривалъ, тушилъ и снова закуривалъ папиросу, а за полчаса до нашего отъѣзда торопливо вошелъ съ бѣлобрысымъ нѣмецкимъ толстячкомъ, капитаномъ парохода, въ каюту 2-го класса, расшаркался и надѣлъ пенсне.

— Вотъ здѣсь можно занавѣсить, а господина пассажира я покорнѣйше прошу потѣсниться...

— Для кого? спросилъ угромо тотъ, мѣсто котораго затѣвали загородить.

— Честь имѣю рекомендоваться: я агентъ общества „С*“. Изволите видѣть: дамская переполнена, и мы хотимъ помѣстить здѣсь одно почтенное семейство. Вы, безъ сомнѣнія, не откажете мнѣ въ просьбѣ уступить свое мѣсто дамѣ и ея супругу, — очень прекрасные люди. — И онъ фамиллярно протянулъ руку пассажиру, но тотъ ея не принялъ, а на уступку согласился, ибо мать агента такъ обворожительна, а отецъ его съ такимъ запасомъ благотворительныхъ цѣлей, что было-бы непростительно не уступить, тѣмъ болѣе, что три-четыре свободныхъ мѣста въ углубленіи каюты представляли еще болѣе удобствъ. Почтенное семейство ѣхало въ Астрахань съ намѣреніемъ открыть тамъ кассу ссудъ.

— А все-таки, г. агентъ, рискованно помѣщать къ намъ прекрасныхъ дамъ, хотя-бы и старухъ. Если контроль слабъ, то вонъ на того перса положиться нельзя, шепнулъ пассажиръ агенту, передъ отходомъ парохода, на что тотъ съ младенческой улыбкой устремился ловить его руку для пожатій...

Отсюда Волга ширится болѣе и болѣе множествомъ островковъ, то песчаныхъ и низменныхъ, какъ мель, то усѣянныхъ кустами и камышомъ; а проѣхавъ Саренту съ ея горчицею, бальзамами и замѣчательною коллекціею древнихъ сосудовъ и черепа мамонта, принадлежащую одному нѣмецкому обывателю, оба ея берега затоплены на далекомъ пространствѣ весенними водами, превышающими обыкновенный уровень на 10 футовъ, несмотря на начало іюня; за этою водною гладью желтѣются волны сыпучихъ песковъ и только изрѣдка попадаетъ деревцо, рошица, затопленная зимовка рыбпромышленника или двѣ-три калмыцкихъ кибитки. Далѣе въ глубь пойдутъ ихъ безжизненные улусы съ тощими пастбищами, солончаково-глинистою почвой, изобилующей полянью, сплошными массами переноснаго песку и соляными озерами. Этими естественными условіями мѣстности опредѣляется общее экономическое положеніе астраханской губерніи, занимающей площадь въ

163,000 кв. верстѣ, съ 349,000 осѣдлаго и около 70,000 кочегого населенія. Земледѣліе здѣсь ограничено скромными размѣрами; среднимъ числомъ ежегодно заѣвается хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ: озимыхъ 28,000 четвертей, яровыхъ—76,000, картофелю—12,000 четв.; а калмыками—до 200 четв. озимаго и до 400 четв. ярового, при урожаѣ около самъ 4. Кромѣ того, красноярскій уѣздъ производитъ до 400 пуд. махорки (простой табакъ), астраханскій уѣздъ занимается огородничествомъ, садоводствомъ и разведеніемъ виноградниковъ, и только посѣвы горчицы на нѣкоторыхъ мѣстахъ Эргени и въ царевскомъ съ красноярскимъ уѣздахъ даютъ баснословные урожаи, нерѣдко доходящіе до полутораста пудовъ на одинъ пудъ посѣянныхъ сѣмянъ.

Вы замѣчаете, что изъ 163,000 квадратныхъ верстѣ извлекается немного.

— Но, перебываетъ моего почтеннаго собесѣдника упитанный джентльменъ съ фізіономією въ дамскомъ вкусѣ, съ порывами римскихъ меценатовъ и тщеславіемъ модной камеліи съ Невскаго проспекта. Въ его карманѣ болтается миліонъ, въ черепѣ—пустота, въ петличкѣ—сомнительная храбрость,—увы, фортуна своеправна!..—Но, говорить сей мужъ,—если изъ земли извлекается мало, какъ выражаетесь вы, по недостатку знанія, энергіи и рукъ, какъ слѣдствія злокачественныхъ условій жизни,—условія, предрасполагающихъ гражданъ—повторяю ваше неумѣстное выраженіе—къ выпивкѣ и апатіи,—то какъ-же вы объясните отрадное явленіе того, что по водамъ нашей Волги плаваютъ теперь до 1,600 парусныхъ судовъ и баржъ, ходятъ слишкомъ 80 пароходовъ? Неужели вы не порадуетесь 12 миліонамъ пудовъ соли, извлекаемой изъ нашихъ неисчерпаемыхъ озеръ, только потому, что акцизъ—для народнаго-же блага—нѣсколько великъ на нее, или, говоря вашимъ языкомъ, скотинѣ не удастся даже понюхать ея, а скупо просоленная рыба портится и отравляетъ желудки людей, будущаго постоу?.. Неужели ваше черствое сердце не согрѣется высокимъ чувствомъ истиннаго патріота, глядя на обширныя наши пастбища, съ 2,300,000 головъ разнаго скота, изъ которыхъ до 816,000 приходится на долю калмыковъ, этихъ „дивныхъ сыновъ раздольныхъ степей“, этихъ монголовъ, уже почувствовавшихъ вѣяніе нашей цивилизаціи?! Неужели...

— Стойте, стойте!.. Бога ради остановитесь... умоляетъ подгрѣтаго оратора прошибленный потоми строптивый пассажиръ;— ваше краснорѣчіе въ силахъ выжать слезы умиленія въ мертвецахъ и испарину—въ живыхъ. Завидная доля! Но вы не упомянули о томъ, что скотина этихъ сыновъ,—какъ вы назвали-то ихъ?—да, этихъ „дикихъ сыновъ полыннаго раздолья“ быстро исчезаетъ по карманамъ разныхъ бюстителей и насадителей да сильно мретъ отъ непогоды, недостатка воды и корма; и сами-то сыны замѣтно вымирають...

— Ха, ха, ха! Да вѣдь тутъ дѣйствуетъ общій неизбѣжный законъ: дикарь отъ прикосновенія цивилизаціи гибнетъ...

— Пионеръ! сказалъ желчный господинъ и отошелъ къ группѣ пассажировъ, бесѣдовавшихъ на рубкѣ съ изжелта-смуглымъ калмыкомъ, изысканно одѣтымъ въ европейскій костюмъ. Нѣсколько выдающихся скулы, плосковатый носъ и узкіе глаза далеко не безобразили добродушныя черты его выразительнаго лица, а рядъ бѣлыхъ зубовъ, черныя, густыя волосы и мускульная сила его коренастой фигуры могли-бы зародить грѣховныя помыслы даже въ такой разборчивой и добродѣтельной дамѣ, какъ Амалія Карловна.

Онъ учился въ гимназіи—рѣдкая случайность!—и сынъ нойона или владѣльца,—слѣдовательно, при опредѣленія на службу пользуется правами дворянина, а его папаша взимаетъ въ свою пользу по 7 р. 14 к. съ каждой кибитки подвластныхъ ему калмыковъ.

Съ необыкновеннымъ спокойствіемъ духа — врожденною чертою безпечнаго калмыка—разсказывалъ онъ о горемыканѣхъ своихъ земляковъ по астраханской губерніи, а такъ-какъ его разсказы достаточно характеризуютъ прошлое и настоящее положеніе этихъ бродячихъ язычниковъ, то мы, приправивъ ихъ свѣденіями, почерпнутыми изъ трудовъ астраханскаго статистическаго комитета и другихъ источниковъ, даемъ имъ мѣсто здѣсь.

Монгольскія поколѣнія: Чорось, Хойтъ, Хошоть и Торгоуть, кочевавшія на равнинахъ Алтая, въ мѣстности, составляющей нынѣ китайскую провинцію Зюнгарию, образовали между собою въ XV столѣтіи сильный союзъ „Дербень-Ойратовъ“ (четырехъ-союзіе), управляемый *тайшами* и находящимися къ нимъ въ вассальныхъ отношеніяхъ *нойонами*.

Вслѣдствіе недовольства стѣснительными нововведеніями тайши

Хара-Хула, нѣсколько нойоновъ, съ частью подвластнаго имъ народа, отпали отъ союза и въ началѣ XVII столѣтія откочевали, съ позволенія русскаго правительства, къ азіатскимъ предѣламъ Россіи, къ берегамъ Оби, Иртыша и Тобола; но тѣснимые здѣсь киргизъ-кайсаками, давшими имъ прозвище *калманз* („отдѣлившійся“, отсюда — калмыкъ), и прежними своими союзниками, они ринулись въ 1630 г. въ бесплодныя тогда степи между Ураломъ, Волгою и Дономъ. Не прекращая своихъ сношеній съ Зюнгарию, они неоднократно нарушали торжественную клятву быть въ подданствѣ русскому царю, грабили и разоряли русскіе села и города, что, безъ сомнѣнія, влекло за собой возмездіе съ нашей стороны. Тайша Аюка, получившій отъ Далай-Ламы въ 1696 г. титулъ хана, подтвердилъ присягу своихъ предѣстниковъ въ вѣрности царю, съ тѣми-же церемоніями: облизывая и прикладывая свой ножъ къ горлу, онъ призывалъ за нарушеніе клятвы гнѣвъ небесъ и огненный мечъ. По смерти его начались смуты между претендентами на ханскій титулъ, который доставался обыкновенно искателямъ, поддерживаемымъ со стороны русскаго правительства; въ свою очередь, благодарные ханы содѣйствовали ему стѣснять права ихъ намѣстниковъ, что вмѣстѣ съ распространившимися по кочевьямъ слухамъ о намѣреніи русскаго правительства принудить калмыковъ къ осѣдлой жизни, побудило послѣднихъ составить планъ общаго бѣгства въ Зюнгарию, который и былъ выполненъ въ 1771 г. Изъ 80,000 кибитокъ остались въ предѣлахъ Россіи только 13,000 к., лишенныхъ возможности своевременно присоединиться къ бѣжавшимъ по отдаленности кочевья и неимѣнію переправъ на лѣвый берегъ Волги. Русское правительство, подѣливъ ихъ между оставшимися нойонами, повелѣло послѣднимъ управлять каждому своимъ улусомъ отдѣльно, а званіе хановъ и ихъ намѣстниковъ было уничтожено, мѣста кочевовъ опредѣлены и надзоръ усиленъ.

Въ настоящее время опека надъ калмыками астраханской губерніи возложена на управляющаго государственными имуществами въ Астрахани, съ званіемъ: *главнаго попечителя ихъ*, а административными единицами служатъ семь *улусовъ*, на которые разбита отведенная для кочевья имъ степь, въ размѣрѣ 7,732,451 десятины.

Образовавшись изъ *родовъ* и *аймаковъ*, состоящихъ изъ *хото-*

новъ или группѣ близко родственныхъ и нераздѣльно кочующихъ семей, каждый улусъ имѣетъ свое мѣстное управленіе, называемое *ставкою улуса*, которое кочуетъ вмѣстѣ съ народомъ и состоитъ изъ *попечителя*—русскаго чиновника, и *правителя*, избираемаго въ казенныхъ улусахъ изъ *зайсановъ*, а во владѣльческихъ—изъ *нойоновъ*. Тутъ-же находится канцелярія, улусный *зарю-судъ*, школа, команда казаковъ и другія служащія лица, а по близости его кочуетъ базаръ, т. е. торгующіе разными товарами, и главный *хурулъ* (походное вапиче) съ духовенствомъ.

Калмыки принадлежатъ къ сектѣ ламайской вѣры *желтоша-поиниковъ* (названныхъ такъ, кажется, по цвѣту верховъ ихъ шапокъ, напоминающихъ своею формою конфедератки; этотъ головной уборъ, оттопыривая съ дѣтства уши, служитъ причиною вислоухости калмыка), основанной въ концѣ XIV столѣтія реформаторомъ въ Тибетѣ Тсунъ-Хова.

Лама завѣдуетъ ихъ духовными дѣлами, подъ наблюденіемъ главнаго попечителя, а духовенство, доходившее въ 1867 году до полуторы тысячи человекъ, кромѣ своихъ церковныхъ требъ и издѣлій разныхъ принадлежностей хурула, какъ-то: изображеній бурхановъ, картинъ священнаго содержанія, и т. п., занимается еще медициною, въ которой лучшими средствами отъ всѣхъ болѣзней считается растопленное курдючье сало или коровье масло,—по нѣсколько большихъ чашекъ въ день,—теплая вода и сыворотка въ меньшихъ пріемахъ, но при этомъ пици совсѣмъ не полагается. Самое-же видное мѣсто между новѣйшими лекарствами занимаетъ *сулема*, какъ отъ сифилиса, пустившаго глубокіе корни въ степи, такъ и отъ многихъ другихъ болѣзней. Въ каждомъ хурулѣ найдется такихъ докторовъ (эмчи) 1—2 человекъ; впрочемъ, кромѣ нихъ до 30 человекъ изъ низшаго духовенства (манджия) знакомы и съ оспопрививаніемъ.

Недѣльный отдыхъ или воскресный день калмыками празднуется по четвергамъ разными играми: въ бабки, чехарду, фанты, единоборствомъ и т. п. Побѣдители прославляются по всѣмъ улусамъ.

Духовныя лица назначаютъ браки, избирая для того счастливые дни, но бѣдняки избѣгаютъ брачныхъ формальностей, ограничиваясь похищеніемъ дѣвъ, иногда съ согласія родителей послѣднихъ, съ которыми и живутъ. Совершеннолѣтіе юноши составляетъ самый торжественный день въ семьѣ, причемъ герою семейнаго празд-

ника вручается съ особенною обрядностью нагайка. Не вдаваясь въ подробности домашняго быта ихъ, перейдемъ къ остальнымъ тремъ сословіямъ, изъ коихъ:

1) *Нойоны* или владѣльцы пользуются 7 р. 14 к. съ каждой кибитки подвластныхъ имъ калмыковъ, а на государственной службѣ—правами дворянъ. По переписи 1867 г. считалось ихъ съ семействами: 18 мужск. и 23 женск. пола.

2) *Зайсаны*—съ правами почетныхъ потомственныхъ гражданъ, если они управляютъ наследственными аймаками по первородству; въ противномъ случаѣ они признаются только личными почетными гражданами. Тѣхъ и другихъ по переписи 1867 г. считалось: 1,693 муж. и 1,420 жен. пола.

3) *Простолюдины*, которые, кромѣ натуральной повинности, въ родѣ доставки дровъ и кибитокъ служащимъ и т. д., обложены еще податью въ размѣрѣ 8 р. 15 к. съ каждой семьи или кибитки. Изъ этой цифры во владѣльческихъ улусахъ поступаетъ албанъ (подать)—7 р. 14 к. въ пользу нойоновъ, а 44 к., точно также, какъ въ казенныхъ улусахъ 7 р. 58 к., идутъ на содержаніе управленій, учебныя, хозяйственныя и проч. потребности народа. Затѣмъ, во всѣхъ безъ исключенія улусахъ, остальные 57 к. поступаютъ въ пользу аймачныхъ зайсанговъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—въ общественный капиталъ калмыцкаго народа.

По переписи 1867 г., это сословіе составляло 63,778 чел. муж. и 51,645 ч. женск. пола, т. е. послѣднихъ слишкомъ на 12,000 меньше первыхъ. Это несоразмѣрное численное отношеніе половъ, составляющее одну изъ причинъ уменьшенія съ году на годъ нашихъ калмыковъ, объясняется большою смертностью между ихъ женщинами.

Жизнь подъ открытымъ небомъ, привычка съ малыхъ лѣтъ быть на конѣ, страсть къ охотѣ за сайгаками и вообще къ играмъ, развивающимъ мускульную силу, какъ, напр., къ борьбѣ,—выработали въ кочевомъ калмыкѣ атлетическое тѣлосложеніе, а взглядъ его на жену, какъ на рабыню, обязанную безъ усталы работать на семью, развилъ въ немъ безпечность. Такимъ образомъ на долю женщины выпала большая часть труда: она шьетъ тулупы, обувь, платья, кожаныя ведра и бутылки, дѣлаетъ войлоки (вошмы) и плететъ тесьму для кибитокъ; она должна накормить всю семью, питающуюся исключительно молокомъ, кирпичнымъ чаемъ и из-

рѣдка мясомъ и мукою, служащею только приправою къ кушаньямъ; она заготовляетъ топливо и даже присматриваетъ за скотомъ въ то время, какъ мужъ праздно шатается по гостямъ. Придетъ ненастная осень и зимнія вьюги—въ кибиткѣ холодно и сквозитъ, и болѣе слабое здоровье калмычки окончательно разрушается; настанетъ время родовъ—и мѣстная повитуха звѣрски вытряхиваетъ бѣднаго калмыченка на свѣтъ Божій, а мать, въ ужасныхъ страданіяхъ, нерѣдко прощается съ нимъ навсегда.

Кромѣ изложенныхъ здѣсь и тому подобныхъ причинъ ненормальности численнаго отношенія половъ, нужно сказать, что общія условія жизни нашихъ калмыковъ благоприятствуютъ развѣ только превышенію смертности между ними надъ рожденіемъ, т. е. *вымиранию* ихъ.

Этотъ грустный фактъ, служащій краснорѣчивымъ укоромъ намъ, нѣсколько выяснится при знакомствѣ съ ихъ безпомощною, бродячею жизнью по бесплоднымъ степямъ съ своими стадами или по цѣлой губерніи, съ цѣлью наняться въ батраки къ другимъ. Къ первому разряду принадлежатъ люди, сколько-нибудь состоятельные, но во второму—перекатная голь, цифра которыхъ въ настоящее время доходитъ до 20,000 человекъ, что составитъ двѣ трети всего количества рабочей силы. Разсмотримъ бѣгло бытъ тѣхъ и другихъ.

Для кочевьевъ калмыковъ отмежевано 7,008,346 десятинъ на нагорной и 724,105 десятинъ на луговой сторонѣ Волги, омывающей астраханскую губернію.

Нагорная степь разбита на шесть улусовъ, а на луговой расположенъ одинъ только хошутовскій улусъ, на которомъ, однако, предоставлено право первымъ пользоваться очереднымъ кочевьемъ. На этихъ земляхъ они, дикари, незнакомые даже съ употребленіемъ мыла, могутъ возводить фабрики, разводить сады и заниматься хлѣбопашествомъ, но относительно рыбной ловли, лѣсовъ и соляныхъ промысловъ—стѣснены. Ограничившись постройкою на мѣстахъ зимнихъ кочевовъ нѣсколькихъ вапищъ (молитвенныхъ домовъ), загоновъ и домовъ для себя и своихъ нойоновъ и зайсанговъ, имъ остается только одно—или идти въ батраки къ осѣдлому населенію губерніи, или, если есть скотъ, бродить съ нимъ по песчанымъ степямъ. Лучшую часть изъ нихъ по правую сторону Волги, безъ сомнѣнія, составляетъ возвышенная степь *Эрени*, по

ложбинамъ и балкамъ которой есть вода, а слѣдовательно и кормовыя травы, что благоприятствуетъ разведенію скота. Кроме того, калмыки занимаются здѣсь въ скромныхъ размѣрахъ земледѣіемъ, разводятъ для собственнаго употребленія махорку и сѣютъ горчицу, которую везутъ для продажи въ Сарепту на заводы Глича и Кноблоха, обрабатывающіе ежегодно слишкомъ 40,000 пудовъ горчичнаго сѣмени.

Прочія мѣста Эргени, какъ и остальная калмыцкая степь, не представляютъ никакихъ удобствъ даже для кочевой жизни. Такъ, въ южной ея окраинѣ травъ нѣтъ, вода для питья непригодная, а потому сюда рѣдко кто заглядываетъ. Далѣе, съ подножія Эргени и отъ сѣверо-западнаго побережья Каспійскаго моря, называемаго „Мочагами“, вплоть до праваго берега Волги идетъ низменная площадь, составлявшая въ поздній геологическій періодъ дно моря. Она покрыта множествомъ соляныхъ озеръ, болотъ, и усѣяна песчаными буграми и солончаками; растительный слой земли здѣсь, производящій исключительно молынь и пропитанную солью тощую растительность, до того еще не окрѣпъ, что при малѣйшемъ разрыхленіи его скотомъ онъ обращается въ бугры сыпучаго песку, переносимаго вѣтромъ съ одного мѣста на другое.

На западной и южной частяхъ этой степи разбросаны кое-гдѣ котловины, наполняемыя при сильныхъ снѣгахъ водою, получающей отъ солонцеватой почвы, отъ камыша и въ особенности растенія чакана или куга, горьковато-соленый вкусъ; при всемъ томъ эти котловины, если только засуха не уничтожаетъ воды и растительности ихъ, представляютъ для бѣднаго кочевника громадный интересъ; лѣтомъ онъ находитъ здѣсь кормъ для своего скота, а зимою — скрываетъ свои войлочные кибитки отъ стужи и вьюгъ.

Остальное-же пространство этой низменности совершенно безводно, и этотъ ощутительный для кочевника недостатокъ нѣсколько устраняется вырываемыми ими воронкообразными колодцами, называемыми худуками или копанями, которые наполняются почвенною водою, нерѣдко дурного качества. Такіе колодцы разсыпаны по бесплодной степи группами, на 10—70-верстномъ разстояніи одна отъ другой, что позволяетъ калмыкамъ дѣлать перекочевки, необходимые для прокормленія скота; но зимою, когда вода въ нихъ

и въ озерахъ замерзають, безпомощный кочевникъ вынужденъ употреблять снѣгъ, а въ осеннее время—дождевую лужу, настоящую всевозможными нечистотами, что развиваетъ между ними разнаго рода болѣзни и преимущественно назожную сыпь и тифъ.

Третью часть калмыцкихъ кочевьевъ по правую сторону Волги составляетъ „Мочаги“, мѣстность которой изрѣзана широкими разливами и покрыта порослями камыша и буграми сыпучаго песку.

Происхожденіе названія „Мочаги“ толкуется двояко: отъ русскаго слова *мочажина*, т. е. сырое мѣсто, и отъ калмыцкаго: *моцань*, что значитъ—постъ. То и другое вѣрно, ибо „воды много, а ѣсть нечего“. Здѣсь-то горемыкають слишкомъ 2,000 кибитокъ обнищавшихъ калмыковъ со всѣхъ улусовъ! Разъ калмыкъ обѣднѣлъ, т. е. остался безъ скота, онъ идетъ въ Мочаги, и уже не въ силахъ подняться на ноги, чтобы вернуться въ свой улусъ, а нанимается въ батраки къ разнымъ промышленникамъ за ничтожную плату.

По изобилію своихъ густыхъ камышей Мочаги служатъ также убѣжищемъ отъ зимнихъ непогодъ кибиткамъ и скоту почти со всѣхъ улусовъ, лѣтомъ-же остаются здѣсь нищія да семейства батраковъ.

Калмыцкая степь на лѣвой, луговой сторонѣ Волги такъ-же непригодна, такъ-же бесплодна, какъ и по правую ея сторону, только-что охарактеризованную нами; почва тамъ, при первомъ прикосновеніи къ ней, такъ-же быстро обращается въ сыпучіе пески, какъ и здѣсь, и только по займищамъ, т. е. по мѣстамъ, покрываемымъ весенними разливами рѣки, изрѣдка попадаются клочки годной земли.

Но если общій характеръ калмыцкаго кочевья безжизненъ, за то полоса земли, сопутствующая правому берегу Волги, представляетъ не мало удобствъ ея осѣдлому населенію. По ней расположены города Черный Яръ и Енотаевскъ, многолюдныя деревни и 10 станицъ астраханскаго казачьяго войска, которымъ предоставлено еще право пользоваться калмыцкими землями на 10—15-верстномъ разстояніи отъ границъ ихъ дачъ, для хлѣбонашества и выгона скота. Взамѣнъ того кочевникамъ разрѣшено гонять свои стада и табуны на водоной черезъ ихъ земли и даже кочевать зимою въ нѣкоторыхъ береговыхъ мѣстахъ.

Мы еще не успѣли развить въ калмыкахъ потребностей осѣдлой жизни, а недостатокъ кормовъ, воды и зимня не погоды заставляютъ ихъ перекочевывать съ своими стадами съ мѣста на мѣсто.

Для зимнихъ и лѣтнихъ кочевовъ всѣ улусы имѣютъ свои постоянныя мѣста, распределение которыхъ между ними зависитъ отъ главнаго попечителя.

Придетъ суровая зима съ бурей и мятелю (шурганъ), съ глубокими снѣгами или гололедицею—и большая часть кочевниковъ уходитъ въ Мочаги, къ берегамъ озеръ или по займищамъ; гдѣ камыши укрываютъ ихъ отъ стужи; немногіе-же владѣльцы большихъ стадъ остаются въ открытой степи для прокормленія ихъ на подножномъ корму. Но налетитъ стремительный шурганъ—и гонитъ онъ вихремъ стада и табуны по снѣжной глади до тѣхъ поръ, пока они въ изнеможеніи силъ не падутъ за-мертво; или выпадетъ глубокой снѣгъ, случится гололедица, скотъ не въ силахъ пробить копытомъ снѣжный пластъ или ледяную кору, и, оставаясь безъ корма, гибнетъ цѣлыми стадами.

Такъ погибло у калмыковъ въ суровую зиму 1798 г. до полумиліона головъ, а въ тридцатыхъ годахъ они снова потеряли на половину своихъ стадъ; вообще рѣдко проходитъ зима безъ того, чтобы нѣсколько зажиточныхъ скотоводовъ не сдѣлались-бы нищими. Въ 1867 г. числилось у калмыковъ 1,008,821 головъ разнаго скота, а въ 1872 г. число его уменьшилось до 816,000 головъ; вмѣстѣ съ тѣмъ вымираетъ и населеніе, составлявшее по переписи 67 года—120 т. душъ, а теперь—всего 70 т.

Но вотъ прошла зима, въ концѣ февраля или въ началѣ марта настаетъ весна, и калмыки готовятся съ зимнихъ кочевьевъ на лѣтнія; отпраздновавъ начало весны, цаганъ-саръ (бѣлый мѣсяцъ), они складываютъ свои кибитки и хурду-мурду (домашній скарбъ) на лошадей, быковъ и верблюдовъ и переходятъ къ ближайшему настоищу или худуку, гдѣ остаются до окончательнаго вытравленія скотомъ окрестностей его; затѣмъ, переходя съ мѣста на мѣсто, они къ началу мая уже находятся на своихъ лѣтнихъ кочевьяхъ, а въ концѣ августа или началѣ сентября возвращаются въ зимня убѣжища, гдѣ снова находятъ кормъ на мѣстахъ, потравленныхъ весною. Однако, нерѣдко случается, что кормъ уже съѣденъ и песокъ обнажился; тогда, чтобы перекочевать, калмыку при-

ходится жертвовать частью своей скотинки для сохраненія другой, иначе она вымретъ съ голоду, что разорить его и погонить въ „Мочаги“.

При общинномъ владѣніи калмыками степью право сильнаго изъ нихъ чувствуется слабѣйшимъ на каждомъ шагу, что также вводитъ послѣдняго въ нищету; вообще скотоводство при вышеизложенныхъ условіяхъ далеко не обезпечиваетъ нашихъ „меньшихъ братьевъ монгольской крови, хотя мы ихъ отечески любимъ“...

Съ цѣлью улучшить стеное хозяйство калмыковъ и приучить ихъ мало-по-малу къ осѣдлой жизни, необходимо нужно „измыслить мѣропріятіе“, и, дѣйствительно, правительство разрѣшило отводить имъ участки земли, въ размѣрѣ: нойонамъ — по 1,500 десятинъ, аймачнымъ зайсангамъ—400 дес., безъаймачнымъ—200 д. на семью, а простолюдинамъ на каждую мужскую душу — 30—60 десят., смотря по удобству мѣстности; причѣмъ они обязываются находиться въ одномъ районѣ или мѣстѣ съ своими зайсангами и приступить къ устройству хозяйственныхъ заведеній, какъ-то базовъ или загоновъ втеченіи перваго-же года, а иначе участокъ отбирается и передается другимъ, но сами калмыки лишены права передавать или продавать его.

На этихъ условіяхъ было роздано до 1868 года: 6,680 простолюдинамъ—284,000 десят. удобной и 369,000 дес. неудобной земли, на которой уже построено изъ глины и дерева нѣсколько клѣтушекъ и загоновъ, на зиму заготавливается кормъ скоту и топливо, а худуки содержатся относительно чисто. Такимъ образомъ, шагъ сдѣланъ къ той системѣ развитія у калмыковъ сознанія преимущества осѣдлой жизни надъ кочевой, примѣненіе которой въ широкихъ размѣрахъ и на раціональныхъ началахъ прямо лежитъ на обязанности ихъ дядеѣ и |янеѣ, но у послѣднихъ, кромѣ аппетита, никакихъ иныхъ задачъ въ жизни не имѣется...

Вотъ почему характеристика кочевьевъ „меньшихъ братьевъ монгольской крови“, какъ выражается одинъ изъ столповъ, вышла печальна, вотъ почему они вымираютъ, вотъ почему обучается свудной грамотѣ одинъ человекъ изъ 4,000 калмыковъ.

На весь-же калмыцкій народъ приходится 18 школъ, съ 182 учениками и 111 ученицами, въ этомъ числѣ: 1) въ улусныхъ мужскихъ школахъ—по 30 штатныхъ учениковъ, съ однимъ воспитателемъ, обучающимъ ихъ за 100 руб. въ годъ читать и

писать по-русски и калмыцки и четыремъ правиламъ арифметики; нѣкоторые изъ окончившихъ здѣсь азы, по выбору начальства, поступаютъ отсюда въ астраханское калмыцкое училище, откуда рѣдкіе баловни счастья попадаютъ въ гимназію и даже выше; содержаніе каждаго ученика въ улусной школѣ обходится въ 40 р. въ годъ.

2) Въ женскихъ улусныхъ школахъ дѣти учатся подъ руководствомъ дѣвушекъ, окончившихъ воспитаніе въ калмыцкомъ женскомъ училищѣ въ Астрахани, гдѣ также находится школа на 10 человекъ, для приготовленія фельдшеровъ, — вотъ и все.

Для медицинскаго пособія калмыкамъ и ихъ скотинѣ, по послѣднимъ статистическимъ свѣденіямъ, находились при нихъ: одинъ врачъ, 8 фельдшеровъ, 36 оспопрививателей изъ калмыковъ, 3 повивальныхъ бабки-калмычки и 1 ветеринарный врачъ съ помощникомъ и 3 калмыками, обученными этому искусству, а въ Мочагахъ устроена больница на 25 кроватей (18 мужскихъ и 7 женскихъ), съ врачомъ и фельдшеромъ при ней. Цифры убѣдительно словъ, но все-таки не излишне будетъ упомянуть здѣсь, что калмыки, оставаясь безъ медицинской помощи, сильно мрутъ отъ разныхъ болѣзней, въ особенности отъ оспы, къ которой они питаютъ особенный ужасъ и заболѣвшаго ею бросаютъ въ степи на произволь судьбы; одно слово: „оспа“, производящее на калмыка безотчетную, потрясающую панику, можетъ свалить его съ ногъ; въ послѣднемъ случаѣ родные и пріятели стараются „развлечь“ несчастнаго больного, т. е. немилосердно бьютъ его нагайками.

Калмыкъ честенъ, трудолюбивъ, терпѣливъ, переничивъ и вообще со способностями, но условія его жизни такъ неблагоприятны, что онъ не можетъ самъ удовлетворять даже своимъ очень ограниченнымъ потребностямъ; его знанія, искусство и торговля ограничиваются продажей верблюжьей и овечьей шерсти, козьяго пуху, и издѣліями изъ нихъ войлоковъ, валяныхъ чулокъ, кожаныхъ ведеръ и бутылей; продажей скота на ярмаркахъ, базарахъ и пріѣзжающимъ въ степь гуртовщикамъ; но такъ-какъ между калмыками цѣнится количество, а не качество скота, то онъ плохъ и цѣны на него низкія, какъ-то: порядочная лошадь стоитъ 20 руб., верблюдъ — 35 р., рогатый скотъ — 10 р., простыя овцы — 2 р., тонкорунныя — 4 р., козы и свиньи — 1 р. 50 к.

Для облегченія кредита имѣются нѣсколько вспомогательныхъ

касъ, по 1,000 рублей каждая, но кредитомъ изъ нихъ очень рѣдко пользуются сами калмыки...

Мы уже говорили, что скотоводствомъ занимаются болѣе зажиточные изъ нихъ, но разъ обѣднѣвъ по вышеизложеннымъ причинамъ, калмыкъ уже навсегда остается батракомъ, контингентъ которыхъ возросъ въ настоящее время до 22,000 чел., что составляетъ болѣе $\frac{2}{3}$ всего количества рабочихъ силъ калмыцкаго населенія астраханской губерніи. Эта безпомощная голытьба разбросана по селамъ и городамъ, станицамъ и рыбнымъ ватагамъ, солянымъ промысламъ и прочимъ уголкамъ губерніи, гдѣ только за 15—25 к. поденной платы и дрянной кормъ можно работать до отвалу. За „необѣнненныя качества“, по выраженію солиднаго піонера, калмыковъ, за смиреніе, неприхотливость и привычку ко всѣмъ возможнымъ лишениямъ во время ихъ неугомимаго труда, астраханскіе дѣльцы всѣхъ отѣнковъ и размѣровъ до того возлюбили ихъ, что предпочитаютъ ихъ русскимъ. Иначе и быть не можетъ, говорятъ они,—ибо русскій рабочій не простоятъ за мѣдный пятакъ въ зной и стужу по поясъ въ водѣ, а калмыкъ безотвѣтно идетъ туда и осенью, и весною, когда въ этомъ краѣ свирѣпствуютъ простудныя болѣзни и лихорадки; при выломѣ соли на его же долю выпадаетъ самая трудная работа: разбить соляной пласть и промыть его, и т. д.

— Кучка дикарей, замкнутая пароходами, желѣзными дорогами и прочими атрибутами нашей цивилизациі, остается до сихъ поръ безпомощною,—грустная аномалія!

— Вы говорите: аномалія? съ упрекомъ покачивая головой „піонеръ“, подошедшій въ упоръ къ разсѣщику;—не аномалія-съ, а неизбежный законъ борьбы за существованіе,—всѣмъ извѣстный законъ, по которому болѣе сильный тѣснитъ слабого...

— Вы хотите сказать: пожираетъ? Въ такомъ случаѣ онъ относится къ хищникамъ, а мы съ вами вѣдь цивилизаторы, перебилъ его одинъ изъ слушателей.

— Да-съ, мы цивилизаторы, и я горжусь, трогательно ударяя піонеръ по персямъ своимъ,—да-съ, горжусь, что имѣю честь принадлежать къ націи, на которую Провидѣнію угодно было возложить великую задачу „просвѣщать азіатскую сволочь!“ Но въ своимъ умничаньемъ можете только повредить дѣлу!.. Впрочемъ, васъ и слушать нието не станеть.

— Не потому-ли, что вамъ, цивилизаторамъ *горе отъ ума?* жолчно проговорилъ слушатель, отходя въ сторону, а голосъ пионера еще долго разносился на палубѣ, только на болѣе насущный мотивъ.

— Какъ поживаетъ вашъ *чертенокъ?* справился у него какой-то неприступный господинъ съ пенсне поверхъ очковъ.

— Пом-ми-и-дуйте, по-прежнему брыкается; на время укротилась было, когда я подарилъ ей женину мастерскую и... Да, вы слышали о постигшемъ меня горѣ? Я только-что потерялъ своего друга—свою жену... Похороны обошлись въ 800 р. Рѣдкая жена, рѣдкая мать!.. Помилуйте, помилуйте, за что постигло меня это несчастіе! ломалъ пионеръ свои руки, съ искаженнымъ выраженіемъ на лицѣ желудочныхъ спазмовъ.

— Чертенокъ утѣшить.

— Гдѣ тамъ? Настаиваетъ омеблировать ей квартиру а ля Бисмаркъ, и вотъ я ломаю-ломаю себѣ голову, у всѣхъ разспрашиваю, что и какъ; помилуйте, не могу добиться, какой вкусъ у Бисмарка насчетъ мебели.

— Доложу вамъ: самый разнообразный.

— Ей-богу, не понимаю.

— У дипломатовъ, какъ и у насъ съ вами, вкусы мѣняются сообразно обстоятельствамъ.

— Пон-нимаю, понимаю! Но, помилуйте, это накладно для бармана.

— Не вамъ-бы печалиться! Однакожь, спустимся въ буфетъ, потребуемъ *флаконъ* и справимъ тризну по добродѣтельной женѣ...

Прочіе пассажиры тоже разошлись по каютамъ: кто принялся за стерляжью уху, кто—за солянку, и на рубкѣ остался только сухой персъ съ неподвижно-устреленнымъ въ пространство, обезсмысленнымъ взглядомъ и желтыми, жесткими руками съ темно-оранжевыми ногтями, да пассажиръ въ широкополой шляпѣ, только-что подошедшій къ нему съ вопросомъ: говорить-ли онъ по-русски?

— Мала-мала знаетъ! отвѣчаетъ иранецъ, знанія котораго въ этомъ отношеніи оказались гораздо ниже, чѣмъ „мала-мала“, но все-же изъ его словъ можно было уразумѣть, что онъ одобряетъ Россію и Волгу, ибо „такой хорошей равнины, какъ Россія, и такой хорошей рѣки, какъ Волга, въ Иранѣ нѣтъ“; кромѣ того,

послѣдняя приноситъ свою рыбу и парходами много-много большихъ барышей.

Прерывая бесѣду съ нимъ, пассажиръ поинтересовался знать какъ поживаютъ друзья персовъ — туркмены?

— Туркманъ? — у-у-у, каменное сердце! проговорилъ тотъ и ни одинъ мускулъ не шелохнулся на его безстрастномъ лицѣ...

Приближаемся къ Астрахани, до которой остается еще ровно семь верстъ. Говорятъ, что въ этомъ разстояніи отъ города, на обрывѣ праваго берега Волги, образовавшемся размытіемъ бугра, называемаго „жаренымъ“, замѣтны слѣды существовавшихъ здѣсь въ V—VIII вѣкѣ хозарскихъ городовъ Ателя и Баланджара; въ этихъ мѣстахъ нерѣдко находятъ древнія монеты татарскаго чекана и разные ископаемые предметы, а нѣсколько выше отсюда два-три года тому назадъ найденъ на размытомъ водою берегу черепъ мамонта.

Миновавъ длинный островъ, усыянный камышемъ и кустами, парходъ вошелъ въ открытое мѣсто рѣки, откуда виднѣется Астрахань съ своимъ облѣгающимъ кремлемъ на „Заячьемъ бугрѣ“, а черезъ десять минутъ ѣзды уже можно разобрать въ подзорную трубу появленіе двухъ-трехъ дымящихся парходовъ у пристани, расположенной въ „Селеніи“, — такъ-называется та часть города, гдѣ помѣщаются пристани, принадлежащія обществамъ „Самолетъ“, „Лебедь“ и прочимъ, за исключеніемъ: „Кавказъ и Меркурій“, расположенной на мѣстѣ бывшаго порта, переведеннаго въ 1868 г. въ Баку.

При приближеніи къ городу пассажиры обычно суетятся съ багажомъ или справляются о томъ, гдѣ лучше пріютиться.

— Елнева гостинница на губернаторской площади, превосходная-сь, а Касаткина на Косѣ — будетъ получше, обязательно объясняютъ каютный.

— На Косѣ, братъ, не хочу, моя баба заѣстъ! Вотъ какъ! А

ты говори толкомъ, шутить брюхатенькій рыбопромышленникъ, покатывался со смѣху отъ своей остроты.

— Мы-съ не объ дамской, защищается тотъ...

Пароходъ остановился у пристани, запруженной толпою азіятскихъ типовъ и костюмовъ, между которыми мелькають 2 — 3 наши дамскія шляпки, нѣсколько поношенныхъ сюртуковъ, цилиндровъ, и полицейскій съ озабоченнымъ видомъ.

— Какъ васъ зовутъ? грубо обратился онъ къ пассажиру въ широкополой шляпѣ, на котораго накинулись извозчики, съ гвалтомъ предлагая свои услуги.

Тотъ отвѣтилъ и даже не удивился безцеремонности астраханской полиціи.

И я, вслѣдъ за прочими, протискался съ своимъ дорожнымъ мѣшкомъ къ шумнымъ извозчикамъ и распорядился везти себя въ лучшую гостиницу.

— Значить въ Касаткину; осмѣлюсь доложить вашему сіятельству—первый сортъ!

Потянулись заборы и деревянныя домишки; кругомъ безлюдно, хоть-бы курица попалась на глаза; но вотъ показались каменные постройки, вырвалась разудалая пѣсня изъ кабака, а дальше замелькали бороды правовѣрныхъ и бляхи армянъ; вонь зѣваютъ отставной воинъ и мѣщанка, куда-то торопится еврей.

Миновавъ губернаторскій домикъ съ двумя будками и часовымъ, маленькій скверъ и большой Кремль, извозчикъ свернулъ на Косу, такъ-называется юная часть города на образовавшейся отмели Волги, протекавшей еще въ концѣ прошлаго вѣка почти подъ самими стѣнами Кремля; благодаря своему удобному положенію для пристаней, она быстро заселилась, людна и шумна; здѣсь собираются рабочіе для найма на рыбные промыслы, здѣсь сгруппированы кузницы, пекарни, трактиры, — это мѣсто широкаго разгула и центр преступленій.

— Приѣхали, ваше сіятельство; на чай-бы... почесывалъ себя затылокъ извозчикъ. На крыльцо гостиницы вышелъ заспанный нумерной.

— Вамъ въ рупь?

— Рублевый номеръ и безъ клоповъ. (Съ этимъ первымъ условіемъ

я всегда нанимаю себѣ комнату въ Петербургѣ и останавливаюсь въ россійскихъ гостинницахъ.)

— У насъ этого нельзя, даже въ заведеніи нѣтъ: *самъ* съ наблюдаетъ за чистотой, обидчиво скривилъ онъ носъ и повелъ меня въ верхній этажъ по лѣстницѣ съ запахомъ солдатской казармы ночью, пополамъ съ ждановскою кислотой, и еще чего-то невыразимаго, безъ чего, однако, немислимы наши провинціальныя *отели*.

II. Огородниковъ.

О С Е Н Ь Ю.

Въ телѣгѣ тряской и убогой
Ташусь я грязною дорогой...
Лѣнливо пара тощихъ влячъ
Плетется, топчетъ грязь ногами...
Вотъ запоздалый крикнулъ грачъ
И пролетѣлъ стрѣлой надъ нами,
И снова тихо... Облава
На землю сѣютъ дождь досадный...
Кругомъ все пусто, безотраднo...
Въ душѣ тяжелая тоска...
Какъ тѣнью, скувою покрыто
Все въ этой мѣстности пустой,
И небо сѣрое сердито
Виситъ надъ мокрою землей.
Все будто плачетъ и горюетъ,
Чернѣютъ голыя поля,
Надъ ними вѣтеръ сонный дуетъ,
Травой поблекшей шевеля.
Кусты и тощія березы
Стоять, какъ грустный рядъ тѣней,
И капли крупныя, какъ слезы,
Роняютъ медленно съ вѣтвей.
Порой вдали печальный гдѣ-то
Раздастся звукъ—и пропадетъ...
И сердце грусть сильнѣй сожметъ...
Безъ свѣта жизнь! не ты-ли это?

И. Суриковъ.

КРАСАВЕЦЪ.

РОМАНЪ

ЖЮЛЯ КЛАРЕТИ.

V.

Маркиза Ригоди.

Красавецъ Солиньякъ, согласно своему обѣщанію, вскорѣ составилъ планъ дѣйствія. Счастье, вѣчно ему покровительствовавшее, и въ этомъ случаѣ его не покинуло.

Домъ маркизы Ригоди находился вблизи Тампльской тюрьмы, и во время революціи, когда королевское семейство, а впоследствии одинъ Людовикъ XVII, были заточены въ Тамплѣ, парижская община поставила тутъ караулъ, чтобъ помѣшать друзьямъ заключенныхъ имѣть съ ними сношенія черезъ посредство этого жилища. Маркиза Ригоди, жившая большую часть года въ своемъ замкѣ, близъ мѣстечка Солиньяка, съ неудовольствіемъ видѣла, что въ ея парижскомъ домѣ стояли національные гвардейцы.

Этого неудовольствія она ни мало не скрывала и оно могло повлечь за собою роковыя послѣдствія. Однако, маркиза во время своихъ путешествій въ Парижъ и постоянного пребыванія въ Лимузенѣ не испытала никакого безпокойства въ самые страшные годы революціи, быть можетъ, благодаря ея твердости и рѣшительности.

Маркиза купила домъ, которому она дала свое имя, въ 1787 году, когда Ганри Солиньяку было семь лѣтъ, и въ каждый свой при-

ѣздъ въ Парижъ она постоянно требовала его къ себѣ и читала ему правоученія.

— Я надѣюсь, что вы работаете, сорванецъ? говорила она; — не думайте, что вы рождены, чтобъ ничего не дѣлать. Одни дворяне имѣютъ это право, и то они такъ злоупотребляютъ имъ, что вскорѣ совершенно пропадутъ. Вы родились (это вамъ часто будутъ повторять, когда вы вырастаете) случайно, какъ родятся грибы. Имя, которое вы носите, не принадлежитъ вамъ, — это имя селенія, гдѣ живетъ много честныхъ людей. Вотъ причина, обязывающая васъ, между прочимъ, быть достойнымъ вашего имени. Вы ни отъ кого не приходите и вашъ родъ начинается съ васъ самихъ. Судьба вамъ отказала въ предкахъ; будьте-же сами родоначальникомъ многочисленнаго поколѣнія честныхъ людей и нравственныхъ женщинъ. Вы поймете эти слова только впоследствии, но надо привыкать съ дѣтства къ размышленію. Вы во мнѣ найдете всегда преданнаго друга; ваша мать, принадлежавшая къ благородному семейству, была мнѣ очень близка и просила меня наблюдать за правильнымъ употребленіемъ состоянія, которое она вамъ завѣщала. Вы богаты и будете красавцемъ, если Господь продлитъ вамъ жизнь! Идите-же по прямому пути и помните всегда, что найденныши — аристократы по рожденію, такъ-какъ въ каждомъ изъ нихъ, можетъ быть, течетъ королевская кровь.

Часто Солиньякъ слышалъ эти наставленія изъ устъ маркизы Ригоди. Съ теченіемъ времени они мало измѣнялись, и хорошо извѣстныя, вѣчно повторяющіяся слова маркизы вселили, наконецъ, въ сердце молодого человѣка какумъ-то таинственную грусть. При внимательномъ наблюденіи нельзя было не замѣтить на лицѣ красавца Солиньяка, надъ самымъ носомъ, глубокую морщину, проведенную, конечно, не временемъ, а горькими размышленіями. Быть можетъ, онъ внутренно страдалъ отъ того, что его имя не принадлежало какому-нибудь отдѣльному семейству, а цѣлому селенію; во всякомъ случаѣ, было-бы неосторожно напоминать ему въ глаза объ этомъ обстоятельстве.

Впрочемъ, полковникъ не слишкомъ заботился о своемъ происхожденіи. Онъ принадлежалъ къ тому разряду людей, которые, твердо надѣясь на себя, выступаютъ на жизненное поприще съ открытой грудью и яснымъ взоромъ. Наставленія маркизы Ри-

годи принесли достойный плодъ. Если красавецъ Солиньякъ иногда грустно задумывался о своемъ происхожденіи, онъ не столько проклиналъ судьбу, сколько сожалѣлъ, что не зналъ своихъ родителей, которыхъ могъ-бы любить и уважать.

Маркиза строго сохраняла тайну происхожденія Солиньяка, и всякій разъ, когда молодой человѣкъ спрашивалъ ее о прошедшемъ, она отвѣчала рѣзкимъ тономъ, недопуская никакихъ возраженій:

— Эта тайна не моя. Не настаивайте, вы ничего не узнаете.

Солиньякъ въ сущности былъ не найденный, какъ говорила маркиза, а подкидышъ. Однажды какой-то неизвѣстный человѣкъ, въ маскѣ, принесъ въ убогое жилище ткача въ Солиньякѣ младенца, завернутаго въ пеленки, и положилъ его на ткацкій станокъ во время отсутствія работника и его жены, только-что потерявшей своего собственного ребенка. Возвратясь домой, они нашли рядомъ съ таинственнымъ младенцемъ иѣшокъ съ золотыми, цѣлое состояніе для этихъ бѣдняковъ.

Ребенокъ выросъ въ Лимузенѣ вмѣстѣ съ Марціаломъ Кастаре, сыномъ лимужскаго мясника, воспитывавшимся въ Солиньякѣ, и еще въ колыбели ему дали имя того селенія, въ которомъ его бросилъ незнакомецъ въ маскѣ.

Объ этой романтической личности ничего болѣе не было извѣстно. Въ околоткѣ разсказывали, что это былъ знатный, женатый аристократъ изъ Парижа, который, не имѣя возможности признать ребенка любви, поручилъ его попеченіямъ честныхъ бѣдняковъ.

Этотъ слухъ еще болѣе усилился послѣ смерти молодой дѣвушки, по имени Бертамонъ, въ окрестностяхъ Бюжера, которая была послѣдней представительницей своего рода и умерла отъ странной, изнурительной болѣзни, оставивъ значительное состояніе своей родственницѣ, маркизѣ Розѣ Ригоди. Утверждали даже, что все состояніе г-жи Бертамонъ было передано маркизою Солиньяку, и только онъ одинъ не зналъ своего происхожденія, хотя, конечно, ничто не давало очевиднаго повода считать этотъ разсказъ достовернымъ.

Объ отцѣ красавца-полковника не имѣли ни малѣйшаго понятія даже самые любознательные и проникательные люди, такъ какъ г-жа Бертамонъ, несмотря на разсказываемый про нее романъ, жила всегда, повидимому, въ совершенномъ уединеніи.

Къ тому-же Солиньякъ покинулъ Лимузенъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, а патеръ, воспитывавшій его, давно умеръ. Только два или три возвращался онъ на свою родину, и въ эти рѣдкія, кратковременныя посѣщенія онъ съ жадностью дышалъ роднымъ воздухомъ. Онъ охотился подъ тѣнистыми каштановыми деревьями или на открытыхъ, залитыхъ солнцемъ лугахъ; съ неизъяснимымъ счастьемъ скакалъ онъ по знакомымъ, дорогимъ мѣстамъ или ходилъ пѣшкомъ рано утромъ по сырой еще травѣ, устывавшей бриллиантовыми каплями росы его толстые башмаки. Послѣ нѣсколькихъ дней свободной сельской жизни онъ возвращался въ Парижъ или въ армию и вскорѣ забывалъ Солиньякъ съ его деревенскими прелестями.

Въ послѣдніе годы маркиза Ригоди принимала Солиньяка только въ Парижѣ, гдѣ она была гораздо любезнѣе, чѣмъ въ Лимузенѣ, и какъ-бы измѣняла своему постоянно холодному, брюзгливому обращенію.

Такимъ образомъ Солиньякъ хорошо зналъ домъ маркизы, садъ котораго казался продолженіемъ громадныхъ садовъ древняго жилища храмовниковъ. Поэтому, не успѣлъ выйти изъ комнаты Жанъ Ривьеръ, какъ онъ громко воскликнулъ, хотя и не имѣлъ передъ собой ни одного собесѣдника:

— Герцогъ Отрантскій какъ-бы изъ любезности къ намъ переводитъ капитана въ Тампльскую тюрьму.

Послѣ смерти дофина, въ іюнѣ 1795 года, и освобожденія сестры Людовика XVII, въ декабрѣ того-же года, Тампль не переставалъ быть государственной тюрьмой. Директорія, консульство и имперія поочередно населяли его своими врагами. Тутъ нашли себѣ мрачное жилище роялисты, Гренельскаго лагеря, Жоржъ Кадудаль, Моро, Тусенъ Лувертюръ, генераль Пингерю, повѣсившійся въ своей вельѣ, и многіе другіе. Въ 1809 году этой тюрьмѣ суждено было существовать недолго, не болѣе двухъ лѣтъ. Уже поговаривали объ ея уничтоженіи, обѣщавшемъ придать всему кварталу новый видъ и новую жизнь. Тампльскій рынокъ уже строился, а улицы, окружавшія тюрьму, были точно также обречены на жертву землеопамъ и каменщицамъ.

Не было сомнѣнія, что Клодъ Ривьеръ будетъ однимъ изъ послѣднихъ узниковъ, заключенныхъ въ этой древней твердынѣ,

нѣкогда служившей мѣстомъ убѣжища, а впоследствии превратившейся въ ядоль плача.

Онъ съ искренней радостью узналъ о своемъ переходѣ изъ Консьержери въ Тампль. Ему казалось, что, въ виду поддержки Солиньяка, это перемѣщеніе вело его прямо къ свободѣ. Его отвезли въ новую тюрьму ночью, въ закрытомъ экипажѣ, подъ конвоемъ жандармовъ. До самаго Тампля онъ надѣялся, что Солиньякъ сдѣлаетъ смѣлую попытку насильственно его освободить. Его вѣра въ отвагу полковника была безгранична. „Конечно, думалъ потомъ Блодь, — Солиньякъ не могъ напасть на вооруженныхъ людей на улицахъ Парижа, но онъ меня освободитъ другимъ путемъ“. Капитанъ былъ теперь спокоенъ и терпѣливъ. Местъ, казалось ему, была лишь отложена на нѣсколько часовъ. Онъ слѣпо вѣрилъ въ энергію и успѣхъ Солиньяка, какъ другіе вѣрятъ въ судьбу.

Дѣйствительно, Солиньякъ дѣлалъ всѣ необходимыя приготовления. Странно сказать, что этотъ дѣятельный, предпріимчивый человѣкъ, обыкновенно незнавшій ни въ чемъ неудачи и смотрѣвшій на жизнь, какъ на вѣчную битву, находился въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ стараго торговца сукномъ. Навивныя слова Жана Ривьера: „его надо спасти“, побудили полковника принять это смѣлое дѣло.

Солиньякъ зналъ очень хорошо, чѣмъ онъ рисковалъ. Но на другой день послѣ стычки, въ которой эскадронъ Ривьера спасъ гусаръ Солиньяка, молодые люди, соединенные уже непоколебимой дружбой, поклялись никогда не покидать другъ друга въ опасности, хотя-бы освобожденіе одного стоило жизни другому. Въ тѣ времена геройской храбрости, слѣды которой мы видимъ въ *Межуарахъ* Сегюра и въ *Воспоминаніяхъ* полковника Гоневилля, бывали примѣры такой гомерической дружбы, рождавшейся на полѣ брани, подобно цвѣтку, распускающемуся въ лужѣ крови.

Братья по оружію въ древней Галліи, соединенные желѣзными цѣпями, не были болѣе скованы между собою, чѣмъ эти храбрецы, соединенные только честнымъ словомъ и пожатиемъ руки.

Хорошо зная, что бесполезно просить милости, и боясь, чтобы правосудіе не покончило слишкомъ быстро съ Ривьеромъ, котораго до сихъ поръ жалѣли, въ надеждѣ вывѣдать отъ него име-

на сообщниковъ, Солиньякъ рѣшился употребить для спасенія капитана свободные дни, которыми онъ могъ располагать благодаря перемирію, заключенному на Дунаѣ между Наполеономъ и австрійскими императоромъ.

Ничто не удерживало его въ это время въ Парижѣ, ни страсть, ни любовная интрига, а потому онъ всецѣло предался дѣлу освобожденія Ривьера, считая это исполненіемъ своего внутреннего долга.

— Полковникъ, сказалъ ему однажды съ комичною важностью Марціалъ Кастаре, предчувствуя по необычайно серьезному тону Солиньяка, что его дорогой товарищъ находился въ затруднительномъ, опасномъ положеніи,—берегитесь: мы избѣгли австрійскихъ пуль,—это наше счастье, хотя не очень вѣроятное; не будемъ-же въ Парижѣ подвергать себя добровольно риску отъ французскихъ пуль.

Сержантъ Кастаре, товарищъ дѣтства полковника, былъ скорѣе его другомъ, чѣмъ деньщикомъ и ординарцемъ, а потому онъ позволялъ себѣ иногда давать ему фамиллярные совѣты. Случалось даже солдатамъ слышать, какъ Марціалъ во время сраженія, защищая своего полковника отъ сабельныхъ ударовъ непріятеля, кричалъ ему: „Берегись, тебя убьютъ“. Никого не удивляло подобное обращеніе въ эпоху, когда нѣкоторые упорные республиканцы изъ числа маршаловъ имперіи позволяли себѣ по временамъ говорить *ты* даже императору.

Что-же касается до Солиньяка, то онъ обращался съ Кастаре не какъ съ подчиненнымъ, а какъ съ товарищемъ, и говорилъ ему всегда ты, какъ въ дѣтствѣ.

— Кто тебѣ сказалъ, что мы рискуемъ познакомиться съ французскими пулями? спросилъ онъ съ улыбкою.

— Полковникъ, отвѣчалъ Кастаре съ таинственнымъ выраженіемъ лица,—вы знаете, что я не трусъ.

— Еще-бы! Ты храбрый малый. Всему полку это извѣстно, а еще лучше кроатамъ.

— И однако, полковникъ, я преданъ суевѣріямъ, какъ вы выражаетесь; я вѣрю въ роковое вліяніе пятницы и опрокинутой солонки, въ домовыхъ и вѣдьмъ, прогуливающихъ подъ нашими каштановыми деревьями.

— Будь суевѣренъ, сколько хочешь; ты не даромъ лимузенецъ. Но къ чему ты это говоришь?

— А вотъ что, полковникъ. Я ходилъ къ гадальщицѣ.

— Ну?

— Карты не говорятъ ничего хорошаго—ни про меня, ни про васъ.

— Что ты врешь! восхлибнулъ съ громкимъ смѣхомъ Солиньякъ.—Какъ, солдатъ 1-го гусарскаго полка вѣрить въ такія бредни! Какой чортъ научилъ тебя этому?

— Вотъ видите, полковникъ, у всякаго свои мысли. Я встрѣтилъ въ Парижѣ нашу землячку,—извините, полковникъ, мою землячку,—Екатерину Моніагъ, маленькую Катису, племянницу патера, если вы помните. Эта хорошенькая блондиночка...

— Понимаю, продолжай!

— Нѣтъ, полковникъ, вы ничего не понимаете. Катису—самая нравственная дѣвушка въ свѣтѣ. Она служитъ горничной у одной знатной дамы, и я отдамъ голову, что нѣтъ честнѣе дѣвушки во всемъ Парижѣ. Вотъ она-то мнѣ и дала адресъ гадальщицы, которая, увѣряю васъ, полковникъ, читаетъ карты, какъ въ книгу. Императрица Жозефина знаетъ г-жу Ленорманъ и прибѣгаетъ къ ея искусству.

— Ты былъ у г-жи Ленорманъ?

— Да, полковникъ, въ улицѣ Турнонъ.

— Что-жъ ты у нея спрашивалъ?

— Что будетъ со мной и съ вами.

— Ну, и что-жъ вышло?

— Она мнѣ сказала, полковникъ, самыя удивительныя вещи: прежде всего, что мы съ вами родились въ одинъ день... Я это зналъ безъ нея, но потомъ она прибавила, съ вашего позволенія, что наши жизни такъ сплетены между собою, что въ тотъ день, когда вы будете убиты, полковникъ, я, Марціалъ Кастаре, вашъ товарищъ дѣтства и ординарецъ, также умру.

— Что-же тутъ страшнаго? спросилъ Солиньякъ съ усмѣшкою.—Ты не боишься смерти?

— Я, полковникъ? Да я съ радостью отдамъ жизнь за васъ. Но что-жъ дѣлать, на свѣтѣ есть люди и минуты, для которыхъ хочется жить.

— А, понимаю... Катису?

— Батису или кто другая, полковникъ!

— Чортъ возьми! Ты настоящій гусарь, донъ-Жуанъ.

— Нѣтъ, полковникъ, клянусь, нѣтъ. Чортъ-бы ихъ побралъ, всѣхъ женщинъ! Вотъ видите, намъ обоимъ опасность предстоитъ отъ женщины.

— Отъ женщины?

— Отъ брюнетки, — такъ и говорятъ карты г-жи Ленорманъ.

— По крайней мѣрѣ, она хорошенькая?

— Очень хорошенькая.

— А какихъ лѣтъ?

— Карты объ этомъ умалчиваютъ. „Черноокая красавица, прибывая съ юга, подвергнетъ опасности васъ и вашего друга“. Вотъ что сказала г-жа Ленорманъ. Прошу извиненія, полковникъ, что она назвала васъ моимъ другомъ.

— Напрасно! воскликнулъ Солиньякъ, протягивая руку Бастаре. — Это единственная правда, которую сказала твоя колдунья.

— Однако, промолвилъ гусарскій сержантъ, — она много сказала правды императрицѣ Жозефинѣ и все исполнилось слово въ слово.

— Стыдись! Императрица — женщина, а ты — ваграмскій герой. Неужели ты будешь себя сравнивать съ нею?

— Можетъ быть, и глупо вѣрить въ предсказанія, полковникъ, но вѣдь отъ этого не страдаютъ ни моя храбрость, ни моя преданность вамъ. Какъ-бы то ни было, но эти проклятыя карты меня тревожатъ. Я увѣренъ, что онѣ говорятъ правду. Я вижу, что вы, всегда энергичный, всегда готовый броситься въ огонь, затѣваете что-то недоброе, и это меня беспокоитъ.

— Чего-жь ты отъ меня хочешь?

— Чтобъ вы были осторожны, полковникъ, — болѣе ничего. Пожалуйте хоть меня, если не себя, такъ-какъ намъ суждено умереть въ одинъ день. Кажется, полковникъ, вы обязаны себя побересть ради меня.

Бастаре произнесъ послѣднія слова полусутоливо, полусерьезно, и красавецъ Солиньякъ, тронутый его привязанностью, по-братски обнялъ солдата и взялъ его за ухо, какъ Наполеонъ обыкновенно дѣлалъ съ своимъ любимымъ камердинеромъ Констаномъ.

— Ну, ну! суевѣрный лимузенецъ, сказалъ онъ, — не думай болѣе о колдуньяхъ и предсказаніяхъ. Ухаживай себѣ за бѣловурой Катису, а мнѣ позволѣ имѣть дѣло съ черноокой вѣжанкой, которая должна причинить столько безпокойствъ. Если у нея красивые глаза, маленькая ножка и хорошенькая ручка, то я ей все прощаю, хотя-бы сбылись слова г-жи Ленорманъ. Но теперь дѣло идетъ, Кастаре, не о брюнеткахъ и блондинкахъ! Намъ надо побороть непреодолимныя преграды, избѣгнуть дѣйствительной опасности и спасти честнаго воина отъ позорной казни. Ты мнѣ поможешь въ этомъ, добрый Марціаль, и если мнѣ грозитъ французская пуля, то, кажется, естественно, чтобы ты рисковалъ тѣмъ-же.

— Приказывай, ты мой полковникъ, отвѣчалъ Марціаль, устремляя на Солиньяка взглядъ, полный любви и восторга.

— Твой полковникъ — иногда, твой товарищ — часто и твой другъ — всегда, отвѣчалъ красавецъ, снова пожимая грубую, честную руку солдата.

Для спасенія капитана Ривьера Солиньякъ не имѣлъ другого средства, какъ послѣдовать примѣру роялистовъ, которые, говорятъ, не разъ пытались спасти изъ Тампля Людовика XVI, Марію Антуанету и Людовика XVII посредствомъ подземныхъ ходовъ. Подобные подземные ходы между тюрьмою и сосѣдними зданіями существовали еще со временъ знаменитаго настоятеля обители храмовниковъ Жака Сувре, и Солиньякъ былъ убѣжденъ, что домъ маркизы Ригоди долженъ былъ имѣть сообщеніе съ таинственнымъ лабиринтомъ, распространявшимся нѣкогда подъ всѣмъ этимъ древнимъ кварталомъ, слѣдовъ котораго уже теперь не осталось. Такимъ образомъ, нужно было удостовѣриться въ существованіи подземной галереи, ведущей изъ дома маркизы, и соединить ее съ однимъ изъ подземелій Тампля.

Солиньякъ не терялъ времени. Онъ назначилъ черезъ два дня слѣдующее свиданіе Жану Ривьеру и рѣшилъ въ этотъ срокъ окончить всѣ приготовленія. Въ тотъ-же вечеръ онъ положительно узналъ, что въ саду маркизы находился старинный погребъ, который соединялся подземнымъ ходомъ съ коридорами Тампля. Садовникъ засвидѣтельствовалъ этотъ фактъ и прибавилъ, что онъ самъ бывалъ въ подземельѣ. На другое утро Солиньякъ послалъ за Жаномъ Ривьеромъ и тотъ немедленно явился.

— Я, кажется, нашелъ средство спасти капитана, сказалъ онъ;— поѣдьте со мною и вы увидите.

Старикъ раскраснѣлся отъ радости и во всю дорогу болталъ, какъ пьяный.

Карета остановилась передъ домомъ маркизы Ригоди, и Солиньякъ попросилъ Ривьера не выходить, пока его не позовутъ.

— Потерпите, прибавилъ онъ, — я скоро за вами пришло.

— О! Я подожду сколько угодно, только-бы мнѣ возвратили моего Клода.

— Постараюсь исполнить ваше желаніе.

Солиньякъ вошелъ въ домъ, и слуги, привышіе къ его посѣщеніямъ, прямо провели его къ маркизѣ, хотя она по болѣзни никого не принимала. Старый мажордомъ, Фурнье, въ бѣломъ галстухѣ, короткихъ шелковыхъ брюкахъ и въ пудрѣ, зналъ, что полковникъ имѣлъ всегда доступъ къ маркизѣ.

Старуха полулежала въ большомъ, вышитомъ креслѣ; спина ея покоилась на подушкахъ, а ноги на маленькой скамеечкѣ, обитой голубымъ атласомъ, съ фамильнымъ гербомъ. Она находилась одна въ большой гостиной, украшенной морскими видами Жозефа Вернье и прелестной мебелью рококо, составляющей художественный капризъ самаго изящнаго вѣка французской исторіи. Маркизу прикрывала коричневая шелковая мантилья, а подлѣ нея на полу рѣзвилась маленькая черная обезьяна съ красивыми сѣрыми глазами, на довольно длинной желѣзной цѣпочкѣ. Общество этой обезьяны, казалось, въ послѣднее время вполнѣ удовлетворяло старую дѣву и она не искала другихъ, не столь безмолвныхъ собесѣдниковъ.

Однако, увидавъ красавца Солиньяка, который, войдя въ комнату, поклонился съ почтеніемъ и любовью, маркиза, повидимому, обрадовалась. Она не могла удержаться отъ улыбки и, не вставая съ мѣста, протянула ему украшенную кольцами руку, которая въ юности, вѣроятно, была очень красива, но уже давно покрылась синими жилами.

Маркизъ Ригоди было не далеко отъ пятидесяти лѣтъ, но, несмотря на ея года, она могла-бы при извѣстномъ кокетствѣ произвести нѣкоторое впечатлѣніе въ гостиной, — конечно, вечеромъ, при искусственномъ освѣщеніи. Но привыкнувъ, впродолженіи многихъ лѣтъ, проводить большую часть года въ Лимузенѣ и лично

заниматься хозяйствомъ, наблюдая за рубкой лѣса, скотнымъ дворомъ, птичникомъ и т. д., она совершенно потеряла охоту къ воекетству и никогда болѣе не освѣдомлялась въ зеркалѣ, остались-ли какіе-нибудь слѣды отъ ея прежней красоты. Она уже давно примирилась съ мыслью о старости и даже ея грація ступевалась передъ временемъ, какъ нѣжные цвѣта передъ солнцемъ. Ея нѣкогда прелестныя русые волосы теперь поблекли, пожелтѣли, а загорѣвшее лицо, профиль котораго и теперь сохранилъ чисто-скульптурныя очертанія, было усѣяно, также, какъ руки, многочисленными веснушками—слѣдствіемъ деревенскаго воздуха. При этомъ она была высокаго роста, очень худая и костлявая, такъ-что вообще имѣла довольно комичный видъ; ея рѣшительная походка и гордая осанка производили-бы отталкивающее впечатлѣніе, если-бъ онѣ не умѣрялись почти постоянной улыбкой и привычкой часто пожимать плечами, какъ-бы говоря: не вѣрьте моему рѣзкому тону.

— Ну, полковникъ, сказала маркиза, когда Солиньякъ поцѣловалъ ея руку,—надо сознаться, что вы хорошо выбираете время для своихъ посѣщеній. Я теперь въ самомъ дурномъ настроеніи. Я получила сегодня письмо отъ управляющаго изъ Солиньяка. Проклятые фермеры упускаютъ золотое время для сѣнокоса и на моемъ скотномъ дворѣ открылся падежъ. Я готова сегодня утверждать, что весь міръ состоитъ изъ дураковъ и мошенниковъ. Я рѣшительно никого не люблю, кромѣ этой обезьяны, которая, по крайней мѣрѣ, лижетъ мнѣ руки, когда я дамъ ей лакомства!

Съ этими словами маркиза обратилась къ обезьянѣ, оскалившей зубы на полковника, и, взявъ съ блюда двѣ вишни, бросила ихъ товарищу своего уединенія, который на-лету поймалъ ихъ лапами.

— Не правда-ли, что Жакъ прелестенъ, полковникъ? прибавила маркиза.

— Конечно, онъ прелестенъ, отвѣчалъ Солиньякъ; — но есть на свѣтѣ существа, которыя не менѣе его заслуживаютъ вашего добраго вниманія.

— Ага! произнесла маркиза;—я вижу, въ чемъ дѣло, полковникъ; вы хотите чего-то у меня просить.

— Да, маркиза, потому-что я увѣренъ, что вы мнѣ не откажете.

— Вы просите за себя?

— Нѣтъ, за моего друга и товарища, который гораздо лучше меня.

— Гдѣ-же вы нашли такого Ролана? воскликнула невольно маркиза; — а по-моему, никакой воинъ не можетъ сравниться съ вами.

Солиньякъ не отвѣчалъ на эту любезность, а прямо приступилъ къ цѣли своего посѣщенія.

— Въ настоящее время въ одной изъ тюремъ Парижа томится человекъ, котораго необходимо спасти отъ заточенія и смерти.

— И для этого вы рассчитываете на меня?

— На васъ, маркиза, потому-что вы лучшая и мужественнѣйшая изъ женщинъ.

— Онъ хочетъ взять меня лестью, сорванецъ, произнесла маркиза, какъ-бы про себя; — а кто вамъ сказалъ, что я добра? Добра, добра! Скажите лучше прямо, что я дура и меня можно легко обмануть.

— Если на то пошло, то лучше быть обманутой по своей добротѣ, чѣмъ обманывать другихъ. Но вы дѣйствительно добры, маркиза, и поможете мнѣ спасти изъ Тампля несчастнаго узника.

— Изъ Тампля? Вашъ другъ въ Тамплѣ?

— Да, вы видите, маркиза, что это почти вашъ знакомый, вашъ сосѣдъ.

— Чертенюкъ! промолвила маркиза; — онъ всегда шутить и съ усмѣшкой, вѣрно, встрѣтитъ даже смерть.

— Это единственное средство еѣ отогнать, маркиза. Но поговорите серьезно; вы должны мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ. Съ вашимъ садомъ имѣетъ сообщеніе одно изъ подземелій Тампля и этимъ путемъ надо спасти узника. Увѣрены-ли вы въ вашихъ людяхъ?

— Вполнѣ. Но что это за чушь вы несете! Я должна помочь бѣгству арестанта! За кого вы меня принимаете? Я люблю спокойствіе и въ мои года не занимаюсь такими романтическими предпріятіями. Чортъ возьми! Если моимъ погребамъ было суждено когда-нибудь оказать услугу бѣглымъ узникамъ, то, конечно, это произошло-бы въ то время, когда проклятые члены Конвента

держали въ Тамплѣ ихъ величества. Но судьбѣ этого было не-угодно... Жакъ, Жакъ! воскликнула вдругъ маркиза, въ голосѣ которой полковникъ замѣтилъ неподдѣльное чувство,—проклятое животное, не грызи косточекъ. Ты сломаешь себѣ зубы. Брось, Жакъ!

— Маркиза, произнесъ серьезно Солиньякъ,—прошу васъ, отвѣйте прямо, согласны-ли вы помочь мнѣ въ освобожденіи этого человѣка?

— Этого человѣка, этого человѣка! Да развѣ я его знаю?

— Вы правы. Будьте такъ любезны, маркиза, позвоните.

— Мнѣ позвонить?

— Да, маркиза.

— Хорошо, а потомъ?

Маркиза медленно дернула шелковый суорокъ, висѣвшій подлѣ зеркала, и черезъ минуту въ дверяхъ показался лакей.

— Вы позволите мнѣ, маркиза, отдать приказаніе въ вашемъ домѣ?

— Пусть будетъ по-вашему, отвѣчала старая дѣва, посадивъ къ себѣ на колѣни обезьяну и манинально ее лаская.

— У дверей этого дома дожидается въ каретѣ одна особа, сказалъ полковникъ лакею;—попросите ее сюда.

Лакей посмотрѣлъ на маркизу и по мановенію ея руки вышелъ изъ комнаты.

— Кто-же эта особа? спросила она; — вѣроятно, женщина, жена вашего друга? Конечно, это одна изъ вашихъ жертвъ, мой красавецъ! Но зачѣмъ вы явились ко мнѣ не въ полной формѣ? Къ вамъ нейдетъ статское платье. Ну, посмотримъ на вашу красавицу!

— Пожалуйте, сударь, произнесъ въ эту минуту лакей съ видимымъ неудовольствіемъ, такъ-какъ онъ привыкъ докладывать громкія имена, а этотъ гость былъ простой буржуа.

Маркиза внимательно осмотрѣла въ лорнетъ бѣднаго Жана Ривьера, который вошелъ въ комнату блѣдный, какъ полотно, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, низко кланялся.

— Маркиза, сказалъ полковникъ,—позвольте вамъ представить отца несчастнаго узника.

— А! Вы...

— Жанъ Ривьеръ, маркиза, отвѣчалъ старикъ;—бывшій тор-

говецъ сукномъ, подъ вывѣской „Великій Титъ“. Теперь все измѣнено. Это дѣло революціи. Да, маркиза, я поставлялъ сукно герцогу Коньи и могу сказать, что никогда на меня никто не жаловался... Но я не для этого пришелъ... Полковникъ вѣдь, вѣроятно, сказалъ...

— Онъ мнѣ ничего не сказалъ. Я знаю только, что вашъ сынъ сидитъ въ Тамплѣ.

— И по-вашему это ничего! воскликнулъ Ривьеръ, взглянувъ съ изумленіемъ на маркизу;—но вѣдь дѣло идетъ о жизни моего сына.

— Маркизъ Ригоди это извѣстно, произнесъ Солиньякъ, — и она намъ поможетъ спасти вашего сына.

— Вы очень ловко распорядитесь мною, сказала маркиза съ неудовольствіемъ,—но вѣдь бѣгство изъ тюрьмы дѣло не шуточное и можетъ повести къ грустнымъ послѣдствіямъ. Съ какой стати приму я участіе въ этомъ дѣлѣ? Неужели потому только, что изъ моего дома есть потайной ходъ въ подземелье Тампла? Нечего сказать, хорошая причина! Вѣдь на другой день послѣ такой продѣлки меня первую арестуютъ.

— Никто не вздумаетъ подозрѣвать маркизу Ригоди въ помощи къ бѣгству неизвѣстнаго ей человѣка.

— Хорошо, хорошо! Нечего сказать, добрые вы даете совѣты, полковникъ. Вы просто бунтовщикъ и больше ничего. Я не боюсь никакихъ подозрѣній и не посмотрѣла-бы ни на что, если-бы я питала какой-нибудь интересъ или хоть тѣнь дружбы въ этому незнакомцу. Еще часъ тому назадъ я не знала даже объ его существованіи и теперь не знаю его имени.

— Узникъ—Блодъ Ривьеръ, капитанъ 2-го драгунскаго полка, съ гордостью произнесъ бывший торговецъ сукномъ.

— Я понимаю, что вы, сударь, его отецъ, готовы сдѣлать все для спасенія капитана. Но я? Вѣдь мнѣ нѣтъ до него никакого дѣла. Я не понимаю даже вашихъ родительскихъ чувствъ. Я эгоистичная старая дѣва и не знаю, что такое дѣти. Оставьте меня въ покоѣ, прошу васъ, и не будете болѣе говорить о подобныхъ глупостяхъ.

Говоря это, маркиза машинально, сама того не замѣчая, приподнимала рукою голову обезьяны и приближала ее къ своему лицу, а маленькій Жакъ, опираясь своими черными лапами на

руки старой дѣвы, задумчиво и съ глубокой привязанностью смотрѣлъ на свою госпожу.

Бѣдный Жанъ Ривьеръ, испуганный послѣдними словами маркизы, взглянулъ вопросительно на Солиньяка, который молчалъ, блѣдный, спокойный, зная, что старая дѣва подѣ конецъ измѣнить своему напускному хладнокровію.

— Я понимаю, маркиза, сказалъ вдругъ старикъ съ отчаяніемъ, подходя къ ней:—у васъ нѣтъ дѣтей и вы не знаете, что такое родительская любовь, какъ она гложетъ и терзаетъ сердце... Вамъ никогда не чувствовать того, что я испытываю теперь... По ночамъ я вдругъ просыпаюсь и въ ужасѣ протираю глаза... Мнѣ мерещится страшное зрѣлище, мнѣ слышатся страшные звуки. Я дрожу всѣмъ тѣломъ, холодный потъ выступаетъ на лбу. Мнѣ все кажется, что моего сына, человѣка честнаго, благороднаго, разстрѣливаютъ, какъ преступника... Ахъ! если-бы вы только знали, какъ родители любятъ своихъ дѣтей, все равно, маленькія-ли они или большія. Теряя ихъ въ младенчествѣ, родители хоронятъ свое будущее... Я это, увы! испыталъ! А потерять взрослого сына—значитъ лишиться всего прошедшаго... О! Господи, неужели у меня отнимется это прошлое...

Маркиза грубо оттолкнула бѣдную обезьяну, спрятавшуюся въ испугѣ подѣ кресло, и смотрѣла на добраго старика своими блѣдно-голубыми, какъ-бы полнявшими глазами, въ которыхъ, помимо ея воли, дрожали крупныя слезы.

— Вы честный человѣкъ, сказала она рѣзко; — дайте мнѣ руку.

— Я, маркиза?

— Да.

И сухая рука старой дѣвы крѣпко, судорожно сжала грубую руку торговца сукномъ.

— Такъ вы его спасете! воскликнулъ Ривьеръ.

— Я сдѣлаю все, что могу. Чортъ васъ возьми! Очень нужно было меня такъ волновать.

— Доброта и самоотверженіе уже давно олицетворились въ лицѣ маркизы Ригоди, медленно произнесъ Солиньякъ.

— Бросьте комплименты, я и такъ выхожу изъ себя, что должна оказать вамъ содѣйствіе. Скажите лучше, что вы намѣрены дѣлать?

— Необходимо прежде всего соединить подземныя галереи Тампля съ тѣмъ тайнымъ проходомъ, который выходитъ въ вашъ садъ.

— Хорошо, но для этого надо имѣть знакомыхъ въ тюрьмѣ.

— У насъ есть тамъ рука. Потому нужно удалить изъ сада въ одну изъ будущихъ ночей всѣхъ вашихъ слугъ, такъ, чтобы они ничего не подозрѣвали.

— Это будетъ сдѣлано.

— Наконецъ, придется очистить подземный ходъ, выходящій изъ вашего сада, отъ загромождающаго его мусора. За это дѣло я самъ возьмусь и мнѣ поможетъ Кастаре.

— А потомъ?

— Потомъ остается только посадить освобожденнаго узника въ приготовленную у вашего подвѣзда карету и возблагодарить Бога, вотъ и все.

— Дай Господи! Дай Господи! произнесъ старикъ, плача отъ радости.

— На Бога надѣйся, а самъ не плошай, прибавилъ Солиньякъ.

— На ту ночь мой мажордомъ Фурнье превратится въ кучера и самъ отвезетъ въ каретѣ вашего друга въ вѣрное убѣжище. Фурнье хорошій человѣкъ, на него можно положиться.

— О, маркиза! маркиза! Какая вы женщина! Нѣтъ на свѣтѣ подобной вамъ.

— По счастью для васъ, мои обольстители.

— Вы рождены, чтобы быть матерью, произнесъ Жанъ Ривьеръ съ пламенной благодарностью, и его слова, повидимому, глубоко тронули маркизу, потому что ея загорѣлое лицо поблѣднѣло и она ничего не отвѣчала.

Черезъ минуту она протянула обѣ руки Солиньяку и промолвила, качая головой:

— Вы видите, красавецъ полковникъ, что женщины ни въ чемъ не могутъ вамъ отказать.

Простившись съ своими неожиданными гостями и проводивъ Солиньяка, увѣреннаго въ побѣдѣ, и Жана Ривьера, обезумѣвшаго отъ надежды, старая дѣва снова растянута въ своемъ креслѣ и подозвала маленькаго Жака, который подбѣжалъ къ ней, все еще не оправившись отъ испуга.

— Дѣлать нечего, думала она,—надо еще разъ пожертвовать собою для другихъ. Чортъ-бы побралъ людей, преданныхъ тѣмъ, кого они любятъ. Они невольно увлекаютъ, Богъ знаетъ куда! Жакъ, Жакъ! Хочешь вишню? Ты мнѣ стоишь дешевле другихъ! Бѣдняжка, изъ-за тебя мнѣ прольютъ слезъ, чѣмъ изъ-за ребенка! Ребенокъ, ребенокъ! Этотъ старый добрякъ повернулъ всю мою внутренность! Точно мнѣ пристало нѣжничать! Поцѣлуй меня, мой добрый Жакъ. Ты не глупѣе и не уродливѣе другихъ существъ, а по крайней мѣрѣ, ты не просишь никакихъ услугъ. Видано-ли что-нибудь подобное! Я рождена, чтобъ быть матерью! Вы почему это знаете, добрякъ? Нечего сказать, хорошее дѣло я затѣяла вмѣстѣ съ старымъ лавочникомъ! Вотъ глупость-то! У меня вечеромъ непременно будетъ мигрень.

— Будьте увѣрены, сказалъ Жанъ Ривьеръ, садясь съ Солиньякомъ въ карету,—что моя Сюзета и малютка молятся на небесахъ за маркизу Ригоди.

VI.

Букетъ розъ.

Красавецъ Солиньякъ былъ очень доволенъ согласіемъ маркизы оказать ему содѣйствіе для спасенія Клода Ривьера. Если бы она отказала ему въ помощи, то онъ не обратилъ-бы на это никакого вниманія и продолжалъ-бы дѣйствовать безъ нея, а если нужно, противъ нея, но для дѣла было очень полезно, чтобы маркиза отвлекла вниманіе своихъ слугъ отъ того, что должно было произойти въ саду ея дома.

Полковникъ приказалъ Кастаре добыть лопаты и ломы, а также довести до свѣденія Клода Ривьера о предпринимаемыхъ мѣрахъ, чтобы онъ, съ своей стороны, работалъ соответственно вѣшнимъ усиліямъ его друзей. Все дѣло состояло въ томъ, чтобы онъ съ одной стороны, а они съ другой попали въ назначенное время въ подземелье, которое долженъ былъ очистить Солиньякъ. Дворъ, на которомъ Ривьеръ гулялъ каждый день въ продолженіи часа, сообщался посредствомъ небольшого коридора съ дверью въ погребъ, долженствовавшей, по убѣжденію Солиньяка, выходить въ подземелья, оканчивавшіяся въ саду маркизы. Клодъ

Ривьеръ съ перваго дня своего пребыванія въ Тамплѣ замѣтилъ этотъ коридоръ съ удивительнымъ чутьемъ узника, который сразу угадываетъ путь, могущій привести его къ свободѣ.

По несчастію, сторожа постоянно стояли на часахъ у дверей тюрьмы и не спускали глазъ съ коридора, столь привлекавшаго капитана. Но онъ такъ слѣпо вѣрилъ въ Солиньяка, что не сомнѣвался въ своемъ скоромъ освобожденіи.

„Для полковника не существуетъ слова „невозможно“, думалъ Ривьеръ;—и, конечно, онъ уже теперь дѣйствуетъ“.

Однажды, около полудня, Клодъ вышелъ погулять на этотъ, измѣренный его шагами, дворъ, и, къ величайшему удивленію, не засталъ тамъ сторожа, жѣлавшаго ему подойти къ двери погреба. Видя, что онъ одинъ, Ривьеръ быстро вбѣжалъ въ коридоръ и, очутившись передъ дверью, слегка толкнулъ ее, чтобъ убѣдиться, вѣривка-ли она. Отъ сырости доски въ двери распались и севозъ щели проникалъ сырой, холодный воздухъ погреба.

— Это подземелье, сказалъ себѣ Ривьеръ; — этимъ путемъ можно спастись.

Онъ ошущю сталъ искать замка, такъ-какъ въ коридорѣ пріила темнота, и убѣдился, что замокъ было легко сломать, а самую дверь снять съ петель и бросить на землю.

„Вотъ гдѣ спасеніе“, подумалъ онъ, какъ-бы предчувствуя планъ Солиньяка, и послѣшно возвратился во дворъ.

На другой день, снова выходя на прогулку, Ривьеръ встрѣтилъ какого-то рабочаго, который намѣренно его толкнулъ и молча указалъ на комокъ земли у его ногъ. Капитанъ поднялъ комокъ и, пройдя во дворъ, растеръ его руками. Внутри оказался маленькій лоскутокъ бумаги, на которомъ Солиньякъ описалъ свой планъ дѣйствій. Догадки Ривьера оказались справедливыми. Онъ долженъ былъ спастись черезъ маленькій коридоръ и подземелье. Прочитавъ записку, онъ немедленно ее проглотилъ, и почти въ ту-же минуту въ дверяхъ показался сторожъ, который съ низкими поклонами пропустилъ во дворъ человѣка, хорошо известнаго капитану.

Это былъ полковникъ Бернаръ Тевено, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ филадельфовъ, подъ названіемъ *Варъ*. Высокаго роста, худощавый, мускулистый, съ жесткими усами и черными глазами, сверкавшими изъ-подъ густыхъ бровей, полковникъ Тевено ка-

зался какимъ-то Донъ-Бихотомъ и, съ перваго взгляда, производилъ впечатлѣніе грубаго, жестокосердаго дикаря. Но подъ этой вѣшной оболочкой скрывались золотое сердце, неподкупная честность и желѣзная воля. Несмотря на его строгость, всѣ его любили и солдаты называли его справедливымъ.

Увидавъ съ ужасомъ Тевено во дворѣ тюрьмы, Блодъ подумалъ, что онъ также былъ арестованъ.

— Что съ вами случилось, полковникъ? спросилъ онъ, поспѣшно подходя къ неожиданному гостю.

— Ничего. Не выражайте никакого удивленія. Я здѣсь подъ предлогомъ ревизіи тюрьмы.

— Такъ вы не арестованы! произнесъ Ривьеръ, переводя дыханіе.

— Я могу сказать одно слово капитану Ривьеру? сказалъ полковникъ, обращаясь къ сторожу.

— Я не смѣю вамъ ни въ чемъ отказывать, полковникъ, отвѣчалъ тюремщикъ, поднося руку къ козырьку.

Тевено сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по двору, какъ-бы ни въ чемъ не бывало, и, очутившись довольно далеко отъ сторожа, который почтительно стоялъ у двери, продолжалъ разговоръ.

— Ну, бѣдный Ривьеръ, во-время взяли у васъ векселя. Мы совсѣмъ-бы пропали, если-бы ихъ захватили.

— По нимъ получены уже деньги?

— Нѣтъ, намъ достаточно на текущіе расходы наличныхъ пятидесяти тысячъ франковъ.

— Вы правы; эти векселя безсрочны и все равно, что наличныя деньги. Когда захотите, вы всегда можете получить свой капиталъ.

— Но какая счастливая мысль вошла въ голову Уде отослать эти бумаги въ Бордо. Увы! это было его послѣднее распоряженіе. Вы, вѣроятно, не знаете, что онъ умеръ?

— Герцогъ Отрантскій мнѣ объ этомъ сказалъ.

— Онъ убить.

— Убить?

— Надругой день послѣ ваграмскаго сраженія его заманили въ засаду и изрубили въ куски. Меня выбрали на его мѣсто, продолжалъ Тевено; — полиція Савари и Фуше не подозрѣваютъ меня

и потому я могу оказать большія услуги нашему дѣлу. Вотъ мнѣ удалось и приготовить средство для вашего бѣгства.

— Вамъ, полковникъ?

— Въ хлѣбѣ, который вамъ подадутъ сегодня, вы найдете клещи и напилокъ. Черезъ три дня въ караулъ въ Тамплъ вступить взводъ подъ начальствомъ одного изъ нашихъ товарищей. Вамъ только надо будетъ, подъ предлогомъ нездоровья, попроситься вечеромъ погулять. Вамъ принесутъ одежду простого рабочаго и, замаскированный, вы легко пройдете мимо часовыхъ, которые примутъ васъ за одного изъ каменщиковъ, работающихъ теперь во дворѣ Тампля.

— Благодарю васъ, полковникъ; я вижу, что вы не забываете преданныхъ слугъ дорогого вамъ дѣла.

— Меня руководитъ столько-же дружба, сколько эгоизмъ. Люди, подобные вамъ, рѣдкость. Васъ еще никѣмъ не замѣнили въ качествѣ казначея комитета. Такимъ образомъ...

— Я воспользуюсь съ благодарностью инструментами, которые вы пришлете, но прошу позволенія не замаскировываться; я жду помощи преданнаго друга, который въ эту самую минуту готовится мое спасеніе.

— Помощи друга? Какого? Одного изъ нашихъ?

— Нѣтъ. Но это храбрѣйшій изъ храбрецовъ, — Гаяри Солиньякъ.

— Безъ сомнѣнія, онъ герой, отвѣчалъ полковникъ Тевено, — но у него въ головѣ вѣтеръ. Неужели вы ему довѣряете болѣе, чѣмъ мнѣ?

— Я убѣжденъ, что выйду на свободу, потому что полковникъ Солиньякъ повялся меня спасти.

— А когда? Прежде назначеннаго мною срока?

— Завтра.

— Въ добрый часъ. Какими-бы средствами ни спастись, все равно. Помните только, что вы не должны разламывать хлѣба при сторожѣ.

— Благодарю васъ, полковникъ. До свиданія.

— Помогите вамъ Господь, сказалъ Тевено и поспѣшно пошелъ къ сторожу, который, стоя на почтительномъ разстояніи, ничего не слышалъ изъ ихъ разговора.

Въ тотъ-же вечеръ Клодъ Ривьеръ нашелъ въ принесенномъ

ему хлѣбъ обѣщанны полковникомъ Тевено напидокъ и вѣщи. Онъ спряталъ ихъ подъ рубашку, въ ожиданіи той минуты, когда они помогутъ ему открыть дверь темницы. Въ нѣсколько прыжковъ онъ могъ достигнуть до двора, который ночью всегда былъ пустой; наружная дверь, конечно, не представляла большой преграды, также какъ и третья дверь, въ подземелье, гдѣ его ожидали Солиньякъ и свобода.

Ривьера была лихорадка при мысли, что онъ скоро увидитъ Терезу, такъ гнусно ему измѣнившую, и человѣка, который презрѣнно его обманулъ.

Онъ считалъ теперь часы и минуты, и когда ночью раздавался глухой бой тампльскихъ часовъ, ему казалось, что каждый ударъ возвѣщалъ радостную вѣсть объ его свободѣ, о возможности отомстить за всѣ претерѣнные страданія.

Солиньякъ также, посматривая на часы, говорилъ себѣ:

— Завтра въ это время Клодъ Ривьеръ будетъ свободенъ.

Онъ не ощущалъ, однако, никакого нетерпѣнья и ни мало не колебался. Онъ шелъ твердо къ своей цѣли и былъ увѣренъ въ успѣхъ. Къ тому-же день, предшествовавшій ночи, назначенной для бѣгства, былъ такъ переполненъ странными, неожиданными обстоятельствами, что Солиньяку не было и времени сомнѣваться.

Фуше, исполнявшій въ то время роль вице-императора, убѣдилъ военнаго министра Кларка, герцога Фельтрскаго, сдѣлать парадъ на Барусельной площади, съ цѣлью представить парижскому населенію, нѣсколько успокоенному ваграмской побѣдой, но все еще тревожно смотрѣвшему на сѣверную границу, одно изъ тѣхъ блестящихъ зрѣлищъ, которыя, развертывая передъ толпою военныя силы, поддерживаютъ миражъ славы. Именно этими словами Фуше, самъ въ половину имъ невѣрившій, поборолъ сопротивленіе герцога Фельтрскаго, который хотѣлъ предоставить императору исключительную привилегію подобныхъ военныхъ торжествъ.

Въ ту эпоху парады были любимымъ увлеченіемъ парижанъ, и особенно парижанокъ. На нихъ была такая-же мода, какъ на представленія оперы-буффъ и на прогулки въ Лоншанъ. Стройные ряды солдатъ въ бѣлыхъ полотняныхъ штиблетахъ, въ тяжелыхъ киверахъ съ гигантскими султанами, развѣвавшимися подъ триумфальными арками въ главнѣйшихъ столицахъ Европы, или

въ высокихъ мохнатыхъ шапкахъ, порывъвшихъ отъ дождя и опаленныхъ порохомъ, съ разорванными знаменами, колыхавшими свои славныя лохмотья надъ лѣсомъ штыковъ и уланскихъ значковъ, — ослѣпляли своимъ опьяняющимъ блескомъ толпу, которой оставалось только восхищаться этими апофеозами силы, заглушавшей всякую свободную мысль при кровавомъ бенгальскомъ освѣщеніи, пока не наступила минута горько оплакивать столь дорого стоющую славу.

На этотъ разъ парадъ не общалъ, по малочисленности войска, очень блестящаго зрѣлища, но обстоятельства придавали ему патриотическое значеніе. Парижское населеніе, очевидно, желало воспользоваться этимъ военнымъ торжествомъ, чтобъ выразить радость, возбужденную ваграмскою побѣдой.

— Къ тому-же, говорилъ Фуше, — переговоры о мирѣ, повидному, затягиваются надолго. Надо чѣмъ-нибудь занять безпкойные умы. Толпѣ нужны хлѣбъ и зрѣлища.

Солнцѣкъ получилъ приказаніе присутствовать на парадѣ. Его полкъ, стоявшій въ это время въ окрестностяхъ Шенбруна, конечно, не могъ явиться на Карусельную площадь, но полковникъ прямо прибылъ съ ваграмскаго поля сраженія и въ лицѣ его толпа могла привѣтствовать всю дунайскую армію. Съ утра по улицамъ Парижа раздавались глухіе раскаты барабановъ и металлическіе, веселые звуки трубъ. Солдаты шли стройными рядами, блестящіе, великолѣпные, и тѣ изъ парижанъ, которые не могли слѣдовать за ними на Карусельную площадь, провожали ихъ завистливыми взорами.

Всѣ окна, выходяція на площадь, были усеяны зрителями, а войска составляли каре, открытое лишь для проѣзда военному министру съ его штабомъ, со стороны триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ три года передъ тѣмъ архитекторомъ Фонтеномъ по рисунку арки Септимія Севера. Въ дали, въ окнахъ Тюльерійскаго дворца, видѣлись дамскіе туалеты и золотые мундиры.

Всѣ окрестныя улицы, чрезвычайно узкія, извистыя и темныя, кишѣли народомъ, который немилосердно толкался, желая хоть издали увидать солдатскій султанъ или услышать звуки ослиной кожи, почернѣвшей подъ ударами барабанныхъ палокъ. Погода была прекрасная, не очень жаркая, но ясная.

Самая большая давка была въ Императорской улицѣ, только

что проведенной и еще находившейся въ полной власти каменщиковъ, вторые, уничтожая древній кварталъ, соединяли Тюльери съ Лувромъ. Толпа тутъ шумѣла и волновалась, какъ разъяренное море; по временамъ проходившій мимо полкъ разрѣзалъ эти человѣческія волны, разбрасывая по сторонамъ звѣзды. Кареты съ нарядными дамами, въ бальныхъ туалетахъ самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ и съ перьями на головахъ, изящныя ландо, голубыя, зеленныя и малиновыя коляски не могли проложить себѣ дорогу чрезъ толпу и неподвижно стояли вдоль тротуаровъ, представляя искусственные берега, между которыми бурливо лился человѣческій потокъ. Даже легенькіе экипажи—кабриолеты, фаэтоны не могли двигаться. Бываютъ минуты, когда толпа является верховнымъ властителемъ и своей численностью можетъ подавить самую лучшую армію.

Поэтому неудивительно, что толпа была озлоблена неожиданнымъ появленіемъ въ самой срединѣ улицы, гдѣ была величайшая давка, красиваго фаэтона, обитаго желтымъ сукномъ и извѣстнаго въ то время подъ названіемъ *корика*. Въ этомъ модномъ экипажѣ стояла, вытянувшись во весь ростъ и отдавая приказанія смущенному кучеру, молодая женщина поразительной красоты и въ довольно странномъ или, лучше сказать, иностранномъ костюмѣ. Ея бѣлое платье, украшенное настоящими розами, придавало ей видъ неземнаго призрака. Вся ея фигура дышала непреодолимой граціей и могучей силой. Ея большіе, сѣро-зеленые глаза, метавшіе сильныя и безпокойныя взгляды, матовый лобъ, ослѣненный, вопреки тогдашней модѣ, двумя прядями черныхъ блестящихъ волосъ, ея прелестно очерченныя блѣдныя щеки, ея тонкій, гибкій станъ—все въ ней выражало пламенную энергію, полускрытую ея чарующими прелестями. Эта двадцатилѣтняя красавица смотрѣла на толпу, какъ царица, съ высоты своего величія, и лѣвой рукой указывала кучеру дорогу; въ правой рукѣ она держала букетъ розъ необычайнаго цвѣта и блеска. Этотъ букетъ, опьяняющее благоуханіе котораго можно было отгадать издали, поражалъ живостью своихъ красокъ и придавалъ блѣдной молодой женщинѣ видъ мраморной статуи. Но статуя была живая; въ этомъ нѣжномъ созданіи съ изящными маленькими ручками и тонкой таліей жизнь выпѣла ключемъ, а ея станъ, ху-

дожественныя формы котораго обрисовывались ея предестинныи костюмомъ, напоминалъ своей гибкостью пантеру.

— Пошелъ! Пошелъ! Надо попасть на площадь! восклицала молодая женщина съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ.

Кучеръ молча указалъ на грозно шумѣвшую вокругъ экипажа толпу, какъ-бы говоря: „вы требуете невозможнаго“.

Но молодая женщина, не обращая вниманія на безмолвный отвѣтъ кучера, продолжала повелительнымъ тономъ:

— Пошелъ! Пошелъ!

— Вы хотите, чтобъ васъ толпа разорвала на клочки, произнесите кучеръ, выведенный изъ терпѣнiя.

— Я хочу попасть на площадь. Что мнѣ толпа! Если вы ея боитесь, то дайте мнѣ бичъ, я сама проложу себѣ дорогу.

Кучеръ имѣлъ своего рода самолюбіе и, оскорбленный этими словами, такъ сильно ударилъ бичемъ лошадь, что она взвилась на дыбы и бросилась впередъ, въ толпу, которая, испуганная и разсерженная такимъ нахальствомъ, поневолѣ разступилась, но осыпала молодую женщину бранью и угрозами. Она теперь гордо сидѣла въ своемъ желтомъ фаятонѣ и, припавъ тонкими ноздрями къ букету розъ, смотрѣла холодно и презрительно на разъяренную толпу. Какъ-бы то ни было, экипажъ подвигался. Въ концѣ одной изъ поперечныхъ улицъ уже видѣлись блестящiе на солнцѣ штыки и долетали звуки военной музыки.

— Пошелъ! Пошелъ! восклицала молодая женщина, нетерпѣливо топая своими маленькими ножками.

Наконецъ, несмотря на всѣ препятствiя, кучеръ успѣлъ настолько приблизиться къ площади, что красавица, вставъ въ экипажъ, могла обнять однимъ взоромъ все блестящее зрѣлище—войско, стоявшее въ каре вокругъ триумфальной арки, и герцога Фельтрскаго съ его штабомъ.

Национальные гвардейцы стояли шпалерою вокругъ площади въ своихъ бѣлыхъ брюкахъ и лацканахъ. Среди площади видѣлись немногочисленные резервные батальоны линейныхъ полковъ, оставшіеся въ Парижѣ, съ ихъ голубыми мундирами, которые съ 1807 года замѣнили бѣлые, данные сначала Наполеономъ, потому что, по его собственному выраженiю, *кровь слишкомъ видна на бѣломъ сукнѣ*.

Зрители съ любопытствомъ показывали другъ другу только-что созданную, молодую гвардію изъ гренадеръ, егерей и флорентійскихъ ратниковъ. Польскіе уланы въ синихъ курткахъ съ малиновыми отворотами, въ малиновыхъ брюкахъ съ синими лампасами, въ такихъ-же малиновыхъ, четырехугольныхъ киверахъ съ мѣдными солпаками; съ пиками, украшенными бѣлыми и красными значками, скакали въ качествѣ ординарцевъ вокругъ герцога Фельтрскаго, который, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ, прежде всего подѣхалъ къ единственному кавалерійскому полку конныхъ егерей, стоявшему гарнизономъ въ Парижѣ. Всѣ офицеры этого полка были выстроены въ рядъ по старшинству, а солдаты, спѣшившись, держали лошадей подъ уздцы.

Герцогъ сошелъ съ лошади и пѣшкомъ, какъ всегда дѣлалъ императоръ, обошелъ войска, стоявшія безмолвно, неподвижно; потомъ онъ возвратился къ триумфальнымъ воротамъ—и начался собственно парадъ. Батальоны шли торжественнымъ шагомъ подъ звуки духовой музыки и при громкихъ крикахъ зрителей, которые какъ-бы благодарили отъ имени всей страны бѣдныхъ людей, проливавшихъ за нее свою кровь.

Въ то время, какъ батальоны проходили за батальонами передъ герцогомъ, молодая женщина, стоя въ своемъ фэтонѣ съ букетомъ розъ въ рукахъ, устремляла жадные и безпокойные взгляды въ массу военныхъ мундировъ, то простыхъ до бѣдности, то черезчуръ блестящихъ; она, повидному, пламенно искала кого-то.

Вдругъ она вздрогнула, услыжавъ, какъ мальчишка, взобравшійся на колеса ея экипажа, произнесъ имя человека, котораго она не знала, но страстно хотѣла увидать.

— Вонъ Солиньякъ! воскликнулъ мальчикъ, настоящій ^е дитя Парижа, знавшій все и всѣхъ по какому-то странному практическому чутью.

— Полковникъ Солиньякъ, произнесла молодая женщина, быстро оборачиваясь къ мальчику:—гдѣ онъ?

Мальчикъ указалъ рукою на всадника, который, на великолѣпномъ конѣ и съ саблею на-голо, связалъ подлѣ свиты герцога Фельтрскаго.

Это былъ дѣйствительно Солиньякъ. Онъ былъ великолѣпнѣе въ своемъ синемъ доманѣ съ блестящимъ шитьемъ, въ голубомъ „Дѣло“, № 7.

нѣховомъ ментикѣ, красномъ жилетѣ, свѣтло-голубыхъ чикчирахъ, венгерскихъ сапогахъ, обрисовывавшихъ его могучія икры, и въ нѣховой шапкѣ съ бѣлымъ султанчикомъ. Съ модными, кверху загнутыми усами, веселый, улыбающійся, полковникъ казался олицетвореніемъ геройской кавалеріи, такъ славно рубившей нѣмецкихъ гусаръ подъ начальствомъ эпическихъ вождей: Мюрата, Лассала и Сентеля.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Солиньяка слѣдовалъ за нимъ Кастаре, въ полной парадной формѣ и въ такомъ-же мундирѣ, какъ полковникъ, но съ бѣлымъ, а не золотымъ шитьемъ.

Найдя человѣка, котораго она такъ жадно искала, молодая женщина впиалась въ него своими зелеными глазами. Въ головѣ ея, по всей вѣроятности, происходило что-то странное, необыкновенное; ея лицо, всегда блѣдное, теперь еще болѣе побѣлѣло, и она съ какимъ-то упоеніемъ вдыхала въ себя благоуханіе розъ, къ которымъ ея губы машинально прикасались, словно къ живому существу.

Она не спускала глазъ съ Солиньяка и какъ-то лихорадочно изучала каждую его черту. Между тѣмъ, окружавшая ее толпа какъ-бы отвѣчала на ея тайныя мысли.

- Онъ привезъ австрійскія знамена.
- Онъ командовалъ кавалерійской атакой при Эслингѣ.
- Красавецъ Солиньякъ, герой!
- Это мыслящій Мюратъ.
- Онъ самый блестящій кавалеристъ во всей арміи.
- Это идеалъ воина: добрый и храбрый!
- Какой красавецъ!
- Упоительно красивъ! промолвила молодая женщина, какъ-бы отвѣчая на говоръ толпы.

Въ эту минуту парадъ кончился; національные гвардейцы, образовавъ колонну, стали медленно удаляться съ площади; штабъ герцога Фельтрскаго ускакалъ по направленію къ набережной, а Солиньякъ, въ сопровожденіи Кастаре, приблизился къ тому мѣсту, гдѣ молодая чернокудрая женщина стояла въ своемъ фактонѣ.

- Вотъ онъ! Вотъ онъ! воскликнула толпа.
- Да здравствуетъ Солиньякъ! Да здравствуетъ полковникъ!

Солиньякъ улыбался и его полуоткрытыя губы ясно выражали, что онъ не скрываетъ своего удовольствія. Бѣжавшій позади него Кастаре видимо торжествовалъ, радуясь оваціи, сдѣланной товарищу его дѣтства.

Солиньякъ только-что хотѣлъ вложить саблю въ ножны, какъ вдругъ замѣтилъ надъ толпою и штыками расходившихся солдатъ очаровательное лицо молодой женщины и ея большіе, глубокіе, какъ озеро, глаза, пристально устремленные на него изъ-за великолѣпнаго букета розъ. Онъ инстинктивно остановилъ лошадей, чтобъ полюбоваться прелестнымъ видѣніемъ, и въ ту-же минуту красавица бросила сильнымъ, изящнымъ движеніемъ руки букетъ, на которомъ покоились за минуту передъ тѣмъ ея пылающія губы. Букетъ описалъ параболу надъ штыками и Солиньякъ ловко поймалъ его остриемъ своей сабли. Потомъ, взявъ цвѣты лѣвой рукой, онъ поднесъ ихъ къ своимъ губамъ и съ улыбкой посмотрѣлъ на молодую женщину. Наконецъ, онъ всунулъ саблю въ ножны и продолжалъ свой путь, держа въ рукахъ букетъ и не сводя глазъ съ молодой, прелестной, странной женщины, провожавшей его своими смѣлыми, пламенными взорами.

— Какая хорошенькая! сказалъ Солиньякъ, обращаясь къ Кастаре. — Что-же ты ничего не говоришь? Развѣ ты ея не видалъ?

Кастаре продолжалъ молчать.

— Ты онѣмѣлъ? спросилъ Солиньякъ.

— Нѣтъ, полковникъ, отвѣчалъ гусаръ, — но вы сами не замѣтили...

— Что?

— Что женщина эта — брюнетка; понимаете?

— Такъ что-жь?

— Для меня очень важно, если она брюнетка, да еще съ юга. Вы развѣ забыли, полковникъ, предсказаніе г-жи Ленорманъ?

— Чортъ-бы побралъ ея предсказанія! Мнѣ все равно, откуда-бы она ни пріѣхала, съ сѣвера или съ юга, а если я ее опять увижу..... Однако, какое странное, прелестное видѣніе! Она какъ-бы ослѣпила меня своимъ блескомъ.

— Берегитесь, полковникъ, отвѣчалъ Кастаре. — Родившись въ одинъ день, мы должны съ вами и умереть вмѣстѣ. Я вамъ

прежде это говорилъ и теперь повторяю. Гадальщица императрицы никогда не ошибается. Быть можетъ, въ этомъ букетъ розъ скрывается опасность для насъ обоихъ. Бросьте его, я увѣренъ, что подъ цвѣтами змѣя.

VII.

АНДРЕЙНА.

Солиньякъ не обращалъ вниманія на слова своего товарища. Взоры незнакомки его волновали и не мало ему льстили, хотя онъ уже привыкъ къ этой инстинктивной дачи, оказываемой женщинами красавцу-вонну. Онъ уже такъ много видѣлъ на своихъ вѣку хорошенькихъ лицъ, привѣтливо улыбавшихся изъ окна или съ балкона! Онъ столько ловилъ бросаемыхъ букетовъ при проходѣ его гусарь черезъ различные города! Всѣ эти романы оканчивались такъ-же скоро, какъ и начинались. Любовь война случайна, скоротечна. Солиньякъ не посылалъ своего сердца на дорогъ славы, а всѣ его любовныя походы были только минутными капризами. Но, быть можетъ, онъ никогда не былъ такъ заинтересованъ и прельщенъ, какъ этой неизвѣстной красавицей. Мысль о ней не покидала его даже въ ту минуту, когда онъ отдавалъ приказанія Кастаре о предстоящемъ въ эту ночь освобожденіи капитана Ривьера изъ Тампля. Гусарь долженъ былъ въ опредѣленный часъ явиться въ домъ маркизы Ригоди. Фурнье, почтенный мажордомъ старой дѣвы, удалилъ, по ея приказанію, всѣхъ слугъ подъ предлогомъ празднованія какого-то семейнаго торжества, и самъ, обыкновенно столъ блестящій и нарядный, приготовлялся надѣть кучерскую одежду.

Солиньякъ вышелъ изъ своего дома въ статскомъ платьѣ и безъ оружія. Въ предпринятомъ имъ дѣлѣ освобожденія товарища онъ готовъ былъ жертвовать своей жизнью, но не хотѣлъ убивать другихъ. Онъ взялъ съ собою только нѣсколько розъ изъ букета незнакомки. Къ тому-же онъ былъ увѣжденъ, что бѣгство Ривьера не представитъ большихъ затрудненій. Подвалы въ домъ маркизы были очищены отъ мусора и только одна стѣна отдѣляла ихъ отъ подземелій Тампля, такъ что Кастаре не трудно было пробить лохою отверстие, достаточно большое, чтобъ пролѣзть человѣку.

Веселый, какъ въ день сраженія, полковникъ отправился обѣдать въ Пале-Рояль. Садъ и галерея этого знаменитаго зданія не представляли уже того зрѣлища, которое ихъ прославило въ революцію и директорію. Политическое движеніе теперь замѣнилось оживленнымъ говоромъ толпы, собиравшейся сюда не для обсужденія общественныхъ вопросовъ, а для собственнаго удовольствія. Бряцаніе шпоръ и сабель, шумное эхо биржи, собиравшейся тутъ въ ожиданіи постройки новаго зданія, раздавались въ историческихъ галереяхъ вмѣсто криковъ продавцевъ газетъ и ежедневныхъ ссоръ между якобинцами и роялистами. Впрочемъ, жизнь кипѣла такъ-же пламенно, какъ и прежде. Этотъ уголокъ Парижа былъ во всѣ эпохи посвященъ спекуляціи, модѣ, игрѣ, любви и гастрономіи. По выраженію того времени, всѣ боги Олимпя тутъ сходились. Вакхъ подавалъ руку Меркурію, Плутонъ улыбался Венерѣ; не доставало только одной богини мудрости.

Магазины, кажушіяся намъ очень скромными, но въ ту эпоху поразившіе великолѣпиемъ: золотныхъ дѣлъ мастера, портные, оптики, модистки, торговцы хрусталемъ и галантерейными товарами, трактиры и кофейни—привлекали военныхъ и статскихъ празднующихся парижанъ и пріѣзжихъ провинціаловъ, зѣвакъ и веселыхъ женщинъ. Въ нѣкоторыхъ изъ кофейныхъ давались даромъ представленія чревовѣщателей, а въ ресторанахъ давали обѣдъ въ 30 сантимовъ съ музыкой. Кофейная Фуа славилась мороженымъ, Сабатино—римскимъ пуншемъ, Лемблинъ—прекраснымъ кофе, а Ротонда—прелестной лимонадницей и великолѣпной мебелью. Модные франты завтракали въ кофейной Шартръ, играли въ шахматы въ ресторанѣ Валуа и обѣдали у Вери.

Вери, Вильотъ и Братья-Провансальцы деспотически царили въ Пале-Рояль, подобно тому, какъ Бовилье въ улицѣ Ришелье, Валуенъ въ улицѣ Монторгель, Николь на Итальянскомъ бульварѣ и Гардивилье на Тампльскомъ. Никакой гастрономическій желудокъ не могъ питаться иначе, какъ въ этихъ знаменитыхъ ресторанахъ. Недаромъ только-что исчезнувшій XVIII и вновь народившійся XIX вѣка придали важную роль апетиту. Во время директоріи люди шибко жили, благодаря сознанію, что вышли изъ опасности; въ эпоху имперіи продолжалась та-же веселая, лихорадочная жизнь, потому что никто не зналъ, будетъ-

ли онъ живъ на другой день. Это вѣчное безпокойство, эту вѣчную неизвѣстность о завтрашнемъ днѣ старались ступовать искусственной веселостью: великолѣпными банкетами, шумными попойками, соблазнительными пѣснями, любовными похождениями.

Подобно всѣмъ, Солиньякъ вдыхалъ въ себя веселую жизнь всѣми порази своего существованія, съ тою послѣдностью, съ какою опустошаешь бутылку, которую грубая рука можетъ отнять у васъ каждую минуту. Въ опьяняющей атмосферѣ Пале-Рояля онъ весело любовался, съ одной стороны, выставленными въ окнахъ Вери страсбургскими паштетами, амьенскими пирогами и арденскими окороками; а съ другой—гулявшими въ галереяхъ и садахъ красивыми женщинами, которыя смѣло выставляли на показъ свои полуобнаженные руки и плечи, едва прикрытыя прозрачными тканями.

Быть можетъ, полковникъ думалъ въ это время и о той женщинѣ, которая бросила ему букетъ розъ; онъ раздѣлилъ этотъ букетъ на двѣ части; одну оставилъ дома въ вазѣ съ водой, а другую вложилъ въ петлицу. Эти прелестные цвѣты какъ-бы жгли ему сердце, а ихъ обаятельное благоуханіе волновало и опьяняло Солиньяка.

Однако, несмотря на свои романческія качества, достойныя героевъ г-жи Жанлисъ, полковникъ былъ человѣкомъ своего времени. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ усѣлся за одинъ изъ столиковъ въ ресторанѣ Вери и внимательно прочиталъ *меню*, съ видомъ человѣка, аппетитъ котораго не страдаетъ отъ любви. Сервировка была блестящая, вина старыя, блюда изысканныя. Солиньякъ отлично пообѣдалъ, по-прежнему вдыхая въ себя благоуханіе рѣзъ, которое, казалось, пропитало все его существо.

Онъ только-что кончилъ обѣдъ, не обращая вниманія на веселый смѣхъ и болтовню сосѣдей, пившихъ шампанское, какъ въ залу вошелъ человѣкъ, одѣтый по послѣдней модѣ, но, очевидно, лакей. Поклонившись всему обществу, онъ подошелъ прямо къ Солиньяку и, отвѣсивъ почтительный поклонъ, спросилъ:

— Вы полковникъ Солиньякъ?

— Да.

Лакей снова поклонился и, доставъ изъ кармана письмо, подалъ его Солиньяку.

Полковникъ взглянулъ на письмо, не распечатывая, и ему показалось, что оно издаетъ такое-же благоуханіе, какъ букетъ.

— Отъ кого? спросилъ онъ, какъ-бы жедая долѣе понитриговать себя этой интересной тайной.

Посланный ничего не отвѣчалъ, а его улыбка ясно доказывала, что полковнику стоило только прочесть письмо, чтобъ все понять. Солиньякъ такъ и сдѣлалъ. Пробрѣжавъ записку, онъ покраснѣлъ, а въ голубыхъ, смѣлыхъ глазахъ засвѣтилась дѣтская радость.

— Хорошо, сказалъ онъ.

— Отвѣтъ будетъ?

— Я прїѣду.

Лакей почтительно поклонился и вышелъ изъ ресторана медленно, серьезно, какъ дипломатъ, приведшій къ счастливому окончанію политическіе переговоры.

„Это начало романа“, подумалъ Солиньякъ, перечитывая письмо.

Оно было безъ подписи и въ немъ говорилось, что женщина, бросившая утромъ во время парада букетъ розъ, будетъ ждать Солиньяка въ коляскѣ, въ сумерки, у входа въ главную аллею Елисейскихъ полей, близъ площади Согласія.

— Мнѣ суждено не скучать сегодня, даже до минуты, назначенной для освобожденія Клода Ривьера, сказалъ себѣ Солиньякъ.

Игнѣ два часа свободныхъ, онъ всталъ, расплатился и вышелъ на улицу. Пройдя черезъ Пале-Рояль, кинѣвшій гуляющими, оглашавшими воздухъ громкимъ смѣхомъ и веселымъ говоромъ, онъ направился къ Елисейскимъ полямъ. Ему казалось страннымъ, что незнакомка назначила свиданіе въ такой мрачной, уединенной мѣстности. Въ Елисейскихъ поляхъ въ то время можно было встрѣтить только больныхъ, влюбленныхъ и любителей игры въ мячъ.

„Она не хочетъ, чтобъ ее видѣли“, подумалъ онъ.

При этомъ онъ невольно спросилъ себя, какъ эта-же самая женщина утромъ, при многочисленной толпѣ, рѣшилась бросить ему букетъ, въ которому за минуту передъ тѣмъ она прикасалась губами? Въ какому классу общества принадлежала она? Не видалъ-ли онъ ее когда-нибудь прежде? Нѣтъ, какъ онъ ни думалъ,

ни вспоминалъ, это прелестное, блѣдное лицо было ему рѣшительно незнакомо.

Солнце садилось за деревьями Елисейскихъ полей въ ту минуту, какъ Солиньякъ проходилъ черезъ площадь Согласія и съ любопытствомъ отыскивалъ глазами коляску. Дѣйствительно, она стояла у входа въ пустынную алею. Бучеръ сидѣлъ неподвижно на козлахъ, а лакей ходилъ взадъ и впередъ передъ лошадыми. Подойдя ближе, Солиньякъ увидалъ, что въ коляскѣ оливковаго цвѣта, украшенной гербомъ, полулежала чернокудрая красавица, укутанная въ шаль. Онъ тотчасъ ее узналъ и поспѣшно подошелъ къ экипажу. Молодая женщина съ улыбкою, небрежно приподнялась и сказала съ легкимъ итальянскимъ акцентомъ, который Байронъ называлъ „атласнымъ потокомъ, изливающимся изъ женскихъ устъ“:

— А! вы пришли, полковникъ! Благодарю васъ.

Съ этими словами она устремила на него пламенный взглядъ. Красавецъ Солиньякъ безмолвно смотрѣлъ на нее, изумленный, очарованный, прельщенный этой двадцати-лѣтней женщиной, глаза которой горѣли зеленоватымъ пламенемъ, напоминавшимъ мрачное мерцаніе факеловъ на похоронномъ шествіи.

Эти два созданія, одинаково сіявшія красотой, но совершенно различной, — онъ — откровенный, благородный, добродушный, она — сосредоточенная, пожираемая внутреннимъ пламенемъ и непреодолимо-соблазнительная, — казалось, изучали другъ друга прежде, чѣмъ выдать себя хоть однимъ словомъ. Они какъ-бы измѣряли другъ друга съ головы до ногъ, подобно соперникамъ передъ дуэлью, и Солиньякъ инстинктивно вспомнилъ суевѣрные предостереженія Марціала Кастаре.

Черезъ минуту, чувствуя всю неловкость молчанія, полковникъ сказалъ:

— Я рѣшительно въ первый разъ нибу честь и счастье видѣть васъ, сударыня. А вы развѣ меня знаете?

— Кто же не знаетъ, полковникъ, отвѣчала она съ улыбкою; — впрочемъ, я также въ первый разъ васъ вижу... то-есть, извините, во второй; я уже видѣла васъ сегодня на парадѣ, куда я отправилась только для того, чтобъ васъ увидать.

— Неужели? съ любопытствомъ спросилъ Солиньякъ.

— Да, мы, женщины, очень романтичны и смѣлы до безумія.

Мнѣ столько говорили о васъ, полковникъ, что я хотѣла увидать героя, имя котораго на устахъ всѣхъ въ моей родинѣ—Италіи. Я знала, что вы въ Парижѣ, гдѣ я должна провести нѣсколько мѣсяцевъ, и что вы составите одно изъ блестящихъ украшеній сегодняшняго парада; вотъ почему я поѣхала на Карусельную площадь, а увидавъ васъ издали съвозъ лѣсъ штнковъ и среди шумной толпы, я пожелала поближе съ вами познакомиться, съ глазу на глазъ, для чего приказала за вами слѣдить, какъ до подъѣзда вашего дома, такъ и въ ресторанъ, гдѣ вы обѣдали.

Она умоляла и устремила на красавца Солиньяка свои прекрасные, зеленоватые глаза, переливавшіеся изъ одного оттѣнка въ другой такъ-же быстро, какъ волны, на которыя они такъ походили.

Смущенный Солиньякъ взглянулъ на кучера, какъ-бы не желая, чтобы постороннее лицо слышало ихъ разговоръ.

Незнакомка поняла его взглядъ.

— Онъ не знаетъ по-французски, сказала она,—и говорить только на неаполитанскомъ нарѣчій.

Полковникъ улыбнулся.

— Что-же, вы довольны тѣмъ, что видѣли? спросилъ онъ небрежно, но дрожащимъ голосомъ.

Онъ хотѣлъ улыбнуться для приданія себѣ силы, но впечатлѣніе, произведенное на него этой женщиной, вѣстѣ съ одуряющимъ благоуханіемъ розъ, привело его въ какое-то странное, взволнованное состояніе.

— Я не только довольна, но счастлива, отвѣчала она нѣжно.

Солиньякъ пристально взглянулъ на нее.

— Да, я вижу, что не всѣ химеры неосуществимы, не всѣ сновидѣнія несбыточны. Вы не понимаете меня, продолжала она, впиваясь своимъ взоромъ въ голубые, ясные глаза Солиньяка;— вы не признаете, чтобъ можно было влюбиться въ призракъ, въ имя! Однако, это такъ. Я видѣла вокругъ себя столько жестокихъ и низкихъ людей, что я спрашивала всѣхъ, неужели нѣтъ на свѣтѣ человѣка истинно-благороднаго, какъ нѣкогда были рыцари. На мой вопросъ мнѣ вѣчно отвѣчали, что такой человѣкъ существуетъ и зовутъ его Солиньякъ. Тогда я сказала себѣ, что если этотъ человѣкъ дѣйствительно такой прекрасный, гордый и благородный, какимъ его описывали, то я его люблю,

а если я его буду любить, то заставлю и себя любить. Ну, посмотрите на меня: я молода, хороша собою, сердце мое растерзано, жизнь мнѣ опостылѣла, такъ-какъ я видѣла въ ней только ложь и измѣну; я ни отъ кого не завишу и вполне принадлежу себѣ. Если вы хотите, чтобъ женщина, способная отдать свою жизнь любимому человѣку, была вашей рабой, вашей собакой, то дозвольте мнѣ васъ любить. Скажите прямо, боитесь-ли вы такой любви?

Эти слова были такъ неожиданны, странны и дикі, что Солиньякъ съ минуту ничего не отвѣчалъ и молча смотрѣлъ на юную, пламенную незнакомку.

— А почему-же мнѣ бояться такой любви? спросилъ онъ тихимъ, ласкающимъ голосомъ.

— Потому, что моя любовь уже убила одного человѣка. Конечно, онъ былъ дуракъ, съумасшедшій, произнесла незнакомка презрительно.—Мнѣ надоѣло видѣть передъ собою куклу вмѣсто человѣка, котораго я добровольно назвала своимъ повелителемъ, и я его прогнала. Онъ, дуракъ, застрѣлился.

Она произнесла эти слова холодно, небрежно, какъ-бы говорила о самомъ простомъ предметѣ. Солиньяку казалось, что онъ все еще слышитъ рассказъ Кастаре о предсказаніяхъ г-жи Ленорманъ. Но онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ опасность плѣняетъ. Онъ, быть можетъ, съ улыбкою отвернулся-бы отъ обыкновенной любовной интриги, но эта женщина привлекала его къ себѣ очаровательной граціей, соблазнительной и красотой и угрозой опасности.

— Вы, по крайней мѣрѣ, не застрѣлитесь ради женщины, сказала она, не спуская глазъ съ красавца-полковника.

— Однако, есть женщины, за которыхъ отрадно умереть, произнесъ Солиньякъ медленно своимъ полнымъ, мужественнымъ голосомъ.

Онъ, очевидно, поддавался чарующему вліянію юности и красоты.

Онъ стоялъ, облокотясь на бортъ коляски, и, перегнувшись, почти прикасался къ красавицѣ, точно онъ былъ съ нею наединѣ (лакей, впрочемъ, находился далеко); она также нагнулась къ нему, опираясь обнаженной рукою на подушку, такъ-что ея пламенные взоры сожгали его глаза, а ея дыханіе опьяняло его. Вдали слышались звуки музыки, нарушавшіе безмолвную тишину,

которая окружала этихъ двухъ существъ, потерянныхъ для остальнаго міра въ мрачномъ уединеніи пустынной, темной алек. Эти веселые звуки доносились изъ многолюдныхъ ресторановъ улицы Звѣзды, въ которыхъ танцовали по воскресеньямъ, праздникамъ и торжественнымъ днямъ.

— Я не ошиблась, сказала молодая женщина: — васъ мнѣ именно такъ и описывали. Я могу слѣпо положиться на вашу преданность и мужество.

— Понимаю, сказалъ Солиньякъ шутливымъ тономъ, который къ нему такъ шелъ; — у васъ есть врагъ, нежелающій наложить на себя руки, и вы ищете...

— Убийцу, перебила его незнакомка, презрительно надувая губки; — во всѣхъ странахъ много продажныхъ убійцъ, и если бы мнѣ нужно было отомстить кому-нибудь, то я не обратилась бы за этимъ къ герою. У меня нѣтъ враговъ, кромѣ меня самой, и мстить мнѣ некому, кромѣ судьбы. Рожденная для любви, я до сихъ поръ была окружена лжецами и трусами. Но я ихъ только презираю. Васъ-же я люблю.

— Меня? произнесъ Солиньякъ.

— Да. Вашъ взглядъ, голосъ, походка, — все выражаетъ повелителя, котораго мы, женщины, жаждемъ имѣть. О! сладострастное чувство сознавать себя слабой, ползать у ногъ господина и съ трепетомъ смотрѣть на него! Какое блаженство чувствовать надъ собою твердую волю, а не самой поддерживать мужество въ низкихъ трусахъ! Мнѣ двадцать два года, а я уже претерпѣла столько страданій, сколько не вынесла бы другая въ сто лѣтъ. Съ малолѣтства меня преслѣдуютъ всевозможныя испытанія; вмѣсто матери меня воспитывала старая гувернантка, одна изъ тѣхъ презрѣнныхъ женщинъ, которыя продаютъ своихъ дѣтей и развращаютъ чужихъ. Въ пятнадцать лѣтъ я, благодаря своему происхожденію, поступила къ неаполитанскому двору. Тамъ-то, среди льстецовъ, среди развратнаго двора, я впервые узнала, что такое любовь. Но нѣтъ, это не любовь, это ужасный призракъ желанной, жадно призываемой любви. Меня выставляли почти обнаженною въ живыхъ картинахъ, которыми тѣшится этотъ развратный дворъ. Фу! противно вспомнить! Понимаете вы теперь, почему я, несчастная жертва подобнаго воспитанія, подобной среды, гдѣ развратъ проникаетъ во всѣ поры, какъ malaria

въ итальянскихъ болотахъ, — чувствую страшную жажду мужества и смѣлости, почему я способна отдаться всецѣло чело-вѣку съ гордой душою, если таковой найдется? Вы, вѣроятно, принимаете меня за сумасшедшую. Я васъ вижу въ первый разъ и рассказываю вамъ свою жизнь. Но о насъ, итальянкахъ, нельзя судить по другимъ женщинамъ. Вообразите, что мы встрѣтились на маскарадѣ въ Сан-Карло или въ Большой Оперѣ. Къ тому-же нѣтъ времени на предисловія, когда смерть грозитъ всякому ежечасно, ежеминутно. Кто знаетъ, что я завтра не буду изгнана изъ Парижа, а вы не отправитесь на встрѣчу непріятельскими пулями?

Дѣйствительно, въ ту лихорадочную, пламенную эпоху изъ жизненной комедіи было изгнано все, что называется въ театрѣ *длинными*. Во времена революціи и имперіи все дѣлалось быстро, развязка слѣдовала тотчасъ за завязкою; влюбленные достигали своихъ цѣлей бѣглыми шагами и сердца брались приступомъ во время вальса или кадрили. Но, несмотря на это, красавецъ Солиньякъ былъ пораженъ неожиданной встрѣчей съ незнакомкой, которая по своей таинственности и окружавшей обстановкѣ не имѣла ничего будничнаго, избитаго, а, напротивъ, возбуждала тревожныя мысли и соблазнительныя надежды. Очарованный, пораженный Солиньякъ смутно видѣлъ передъ собою въ сумеркахъ прелестныя очертанія шеи, плечъ и талии красавицы, глаза которой такъ и впивались въ него; поддаваясь ей соблазнительному вліянію, онъ забывалъ узника, который въ это самое время тревожно, лихорадочно считалъ каждую секунду.

— Вы прощаете мое безуміе, инстинктивно влекущее меня къ вамъ, какъ къ существу высшему, смѣльчѣйшему? спросила незнакомка.

— Не все-ли равно, какая причина насъ свела. Вы прелестны и я васъ люблю. Кто-бы вы ни были, я принадлежу вамъ всецѣло.

— Вы вскорѣ узнаете, кто я такая.

— Вскорѣ?

— Да, быть можетъ, завтра.

— Завтра! Отчего не сегодня? Отчего не сейчасъ?

— Потому что я хочу, чтобъ вы думали обо мнѣ, чтобъ вы

спрашивали себя: кто она? Неизвѣстность играетъ большую, иногда преобладающую роль въ любви.

— Впрочемъ, что скажете новаго мнѣ ваше имя? Я знаю всё ваши имена: васъ зовутъ красота, грація, молодость и упоеніе.

— И говорятъ, что итальянцы одни умѣютъ сочинять мадригалы, сказала незнакомецъ, смѣясь,—но хотя иностранка, я вамъ нѣсколько сродни, полковникъ, и могу оцѣнить ваши геройскіе подвиги. Мой братъ такой-же солдатъ, какъ вы, если только онъ не умеръ.

— Солдатъ!

— Да, офицеръ въ вашей арміи.

— Солдатъ! повторилъ машинально Солиньякъ.

Это слово заставило его очнуться и вспомнить о Тампльской тюрьмѣ. Онъ гордо поднялъ голову, взглянулъ на небо, на которомъ уже царила ночь, какъ-бы желая узнать, поздно-ли, и произнесъ съ необычайнымъ для него волненіемъ:

— Эта минута одна изъ лучшихъ въ моей жизни, но счастье преходяще и мнѣ надо идти. По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ унести съ собою на сердцѣ обѣщаніе новаго свиданія и ваше имя,—не фамилію, мнѣ ея не надо,—а то нѣжное, уютельное имя, которое шепчешь, прильнувъ устами къ устами, сердцемъ къ сердцу.

Итальянка улыбнулась, польщенная словами полковника, но воскликнула съ удивленіемъ:

— Вы уходите?

— Да.

— Зачѣмъ?

— Нужно.

— Неужели? А если я васъ попрошу остаться? Если мы никогда болѣе не увидимся?

— Я скажу, тяжело вздыхая, прощайте: или до свиданія, но все-же уйду.

— Вы не шутите? сказала она, схвативъ его за руку, и прибавила бархатнымъ, соблазнительнымъ шопотомъ:—развѣ вы не понимаете, что женщины, подобныя мнѣ, отдають всю свою душу вѣстѣ съ букетомъ или улыбкой.

— Розы ваши при мнѣ, сказалъ Солиньякъ,—и ихъ благо-

уханіе жжетъ мое сердце, ваша улыбка не изгладится изъ моей памяти, пока я живъ, но если-бъ эти розы никогда не завяли и эта улыбка никогда не исчезла, то я все-же бросилъ-бы цвѣты и отвернулся-бы отъ улыбки, чтобъ исполнить свой долгъ.

— *Santa Maria!* воскликнула итальянка;—я отгадала. Вотъ человекъ! Ну, хорошо, ступайте, куда хотите. Если судьбѣ будетъ угодно, то мы когда-нибудь увидимся.

— Отчего-же мы увидимся, когда судьбѣ будетъ угодно, а не вамъ? спросилъ Солиньякъ.

— Потому что... потому что... Быть можетъ, намъ лучше болѣе не видаться.

И она вздохнула.

— Вы только-что спрашивали, боюсь-ли я вашей любви, а неужели теперь вы сами ея боятесь?

— Я? Пустяки.

Она завернулась въ свою шаль и, протянувъ руку полковнику, промолвила:

— *Addio.*

Солиньякъ поцѣловалъ эту маленькую, сухую ручку и взглянулъ прямо въ глаза незнакомкѣ.

— *No, non addio, a reverder ci,* произнесъ онъ съ улыбкой, но тономъ вѣжливой мольбы;— фен, не столь прелестныя, какъ вы, соединяли влюбленныхъ. Неужели вы будете жестокосердѣе ихъ?

Итальянка ничего не отвѣчала.

— По крайней мѣрѣ, продолжалъ Солиньякъ, — скажите мнѣ ваше имя.

— Для чего вамъ имя?

— Для того, чтобъ знать, передъ кѣмъ падать ницъ.

— Вы непремѣнно хотите? отвѣчала незнакомка;—но помните, что вы узнаете имя женщины, которую, быть можетъ, никогда не увидите.

— Тѣмъ болѣе причины мечтать о ней.

Эти слова были почти-что дерзостью, но Солиньякъ произнесъ ихъ почтительнымъ, страстнымъ тономъ.

— Тотъ, кто умеръ, называлъ меня Андреевой, сказала незнакомка, — а при неаполитанскомъ дворѣ я — маркиза Олона. Но для васъ, если-бы надо было прискаты мнѣ имя, я — любовь переходящая, которую, быть можетъ, вы упустили навсегда.

Она подозвала лакея и сказала по-итальянски, повелительнымъ тономъ:

— Домой!

Солиньякъ взглянулъ на нее въ послѣдній разъ. Черезъ минуту коляска понеслась по направленію къ церкви св. Магдалины, которую Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать храмомъ славы, и эта странная, необыкновенная женщина исчезла во мракѣ ночи.

Онъ сохранилъ только одно имя отъ этой первой главы романа, которому, быть можетъ, суждено было никогда не кончиться.

„Андреина, думалъ онъ: — имя звучное, а женщина прелестная. Неужели она серьезно сказала: Addio? Но какъ ни упорно счастье и любовь, а исполненіе долга еще выше. Fга-rисо Andreina! Идемъ спасать капитана Ривьера!“

ГЛАВА VIII.

Освобожденіе.

Въ восемь часовъ вечера Клодъ Ривьеръ услышалъ, какъ тюремщикъ снаружи задвинулъ засовъ у двери его кельи, и этотъ роковой звукъ, всегда болѣзненно отзывавшійся въ сердцѣ заключеннаго, показался ему теперь особенно ужаснымъ. Этотъ ежедневный процессъ запиранія двери носилъ грубое названіе заклепки. Самое выраженіе пахнетъ казнью.

Клодъ могъ клещами сорвать замокъ съ двери; но чтобъ подпилить засовъ, требовалось болѣе времени, чѣмъ оставалось въ его распоряженіи до 10 часовъ, когда Солиньякъ долженъ былъ ждать его въ подвалѣ дома Ригоди.

Капитанъ былъ увѣдомленъ объ этомъ письмомъ, которое Ка-старе нашелъ средство передать ему. Конечно, живая, человѣчская почта, доставившая это извѣстіе, стоила довольно дорого Солиньяку.

„Черезъ полтора часа полковникъ будетъ на своемъ посту, думалъ Клодъ;—но успѣю-ли я добраться до него?“

Онъ посмотрѣлъ на часы; стрѣлки летѣли съ неизмовѣрной быстротой. Не колеблясь ни секунды, онъ принялся за работу.

Замокъ былъ вдланъ съ обѣихъ сторонъ двери, и Ривьеръ, благодаря переданнымъ ему инструментамъ, вскорѣ справился съ нимъ. Но самое трудное, главное препятствіе заключалось въ засовѣ.

Клодъ просунулъ напилькъ въ узкую скважину между филенкой и наличникомъ; засовъ заскрипѣлъ подъ желѣзными зубьями, но капитанъ чувствовалъ, какъ огромный и твердъ этотъ роковой засовъ, который становился преградой между заключеннымъ и свободой.

— Ничего, сказалъ про себя Ривьеръ;—попробуемъ!

Мало-по-малу сумерки овладѣвали его обнаженной кельей, и послѣдніе, мерцающіе лучи дня, проникая чрезъ узкое окно, замирали на несчастномъ тюфякѣ, съ сѣрымъ тюремнымъ одѣяломъ.

Приложивъ ухо къ двери и прислушиваясь къ малѣйшему звуку въ коридорѣ, Клодъ Ривьеръ продолжалъ водить напилькомъ по засову и уже зарубка стала значительная, какъ вдругъ онъ остановился и поблѣднѣлъ; потъ выступилъ у него на лбу; за дверью стоялъ кто-то и наблюдалъ за узникомъ.

— Чортъ возьми! промолвилъ Ривьеръ сквозь зубы;—неужели мои надежды улетучатся?

Онъ молча выдернулъ напилькъ, спряталъ его подъ сюртукъ и сталъ ждать.

Очевидно, тутъ былъ кто-то: Клодъ слышалъ неясные шаги и даже полусдержанный кашель. Но никто не шевелился, никто не удалялся. Вѣтъ можетъ, за нимъ наблюдали въ замочную скважину? Тогда все погибло.

Узникъ ждалъ, объятый ужасомъ и сдерживая дыханіе; эти немногія минуты показались ему цѣлымъ вѣкомъ; какая-то желѣзная рука словно сдавливала его грудь.

Онъ инстинктивно отскочилъ, когда явственно послышался скрипъ засова, и былъ увѣренъ, что человекъ, который за нимъ слѣдилъ, тотчасъ войдетъ.

Дикая мысль блеснула въ его головѣ—броситься на этого врага, повалить его на полъ и бѣжать, куда глаза глядятъ. Тюрьма его душила. Онъ готовъ былъ рисковать жизнью, чтобъ увидать Терезу.

Но черезъ секунду онъ остолебѣлъ отъ изумленія и сталь прислушиваться. Невидимая рука, державшая засовъ по ту сторону двери, отодвигала его съ неизвѣрной осторожностью, тихо, медленно, какъ-бы опасаясь шума. Какъ только засовъ начиналъ скрипѣть, рука останавливалась и снова принималась за дѣло только нѣсколько минутъ спустя.

„Что это значить?“ подумалъ капитанъ.

Мало-по-малу шумъ прекратился. Ривьеръ взглянулъ въ замочную скважину. Засова вовсе не было видно, и, однакожь, дверь не отворялась, никто не входилъ.

Ривьеръ снова приложилъ ухо къ двери и ясно услышалъ звукъ удалившихся шаговъ, несмотря на очевидное стараніе заглушить ихъ. Въ то-же время онъ замѣтилъ, что изъ-подъ двери не просвѣчивалъ мерцающій свѣтъ; очевидно, въ коридорѣ потушили лампу, которая зажигалась обыкновенно по ночамъ.

На этотъ разъ вниманіе Ривьера было возбуждено и онъ спрашивалъ себя, не былъ-ли человекъ, отодвинувшій засовъ, другомъ его, а не врагомъ?

Онъ немного подождать, чтобъ дать неизвѣстному время удалиться, и потомъ потихоньку потянулъ на себя дверь. Она была отперта и засовъ отдернутъ. Клодъ могъ свободно выйти; къ его благополучію, коридоръ, ведущій на маленькій дворъ, былъ погруженъ во мракъ.

Нечего было теперь бояться встрѣчи.

„Конечно, сторожь, только-что прошедшій по коридору, былъ подеушленъ Солиньякомъ“,—это была первая мысль, блеснувшая въ его головѣ, но тотчасъ ее замѣнила другая:

„А если я ошибаюсь? Если этотъ свободный выходъ ничто иное, какъ ловушка? Если за мною слѣдили, чтобъ арестовать лицъ, помогающихъ моему бѣгству?“

Въ секунду онъ вѣрилъ второму предположенію, а потомъ военная отвага взяла верхъ и онъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ сталь ждать минуты, назначенной Солиньякомъ.

Всѣ мысли путались въ его головѣ, но два ясные образа постоянно вертѣлись передъ его глазами: Тереза и маркизь Олона, при воспоминаніи о которыхъ у него навертывались слезы и сжимались кулаки.

Когда пробило половину десятаго, Ривьеръ сталъ считать минуты, менѣе по стуку своихъ часовъ, чѣмъ по бѣненію сердца, и, наконецъ, рассчитывая, что время настало, онъ отворилъ дверь и пошелъ по коридору, пробираясь осторожно, медленно, безъ шума. Припомнивъ, какъ онъ нѣкогда безопасно проѣхалъ ночью подъ пушками форта Иврѣ, обвязавъ соломою ноги лошади, онъ разорвалъ носовой платокъ на-двое и обмоталъ подошвы и каблуки своихъ сапогъ. Благодаря этому онъ скользилъ по коридору, какъ привидѣніе.

Пройдя шаговъ шестьдесятъ, онъ остановился. Отправляясь ежедневно на прогулки, онъ постоянно измѣрялъ разстояніе отъ своей кельи до коридорной двери и зналъ наизусть, сколько тутъ было шаговъ. Дверь, которую онъ сталъ теперь ощупывать, была толстая, обитая большими желѣзными гвоздями. Отыскавъ замокъ, онъ намѣревался клещами вырвать его, но ему не пришлось трудиться: эта дверь отворилась такъ-же свободно, какъ тюремная. Одна и та-же рука устранила оба препятствія.

Очутившись на маленькомъ дворѣ, узникъ почувствовалъ себя счастливымъ и свободнымъ. Его обдало ночнымъ воздухомъ и онъ свободно вздохнулъ. Но эта свѣтлая іюльская ночь могла его погубить. Пройти черезъ дворъ до входа въ подземелье, которое онъ недавно осмотрѣлъ, — вотъ гдѣ заключалась главная опасность. Его могли замѣтить. Сколько оконъ выходило во дворъ, а за этими окнами, быть можетъ, стояли часовые. Ривьеру даже послышались невдалекѣ шаги дозора и звяканье ружей по землѣ.

„Съ Божьей помощью!“ сказалъ онъ про себя.

Онъ пробрался почти ползкомъ вдоль стѣнъ, до входа въ подземелье, проклиная свѣтлую, лѣтнюю, звѣздную ночь, и бросился въ него сломя голову, какъ-будто онъ уже былъ свободенъ.

Тамъ ему пришлось пробираться ощупью; нравъ былъ совершенный, и чѣмъ далѣе онъ подвигался, тѣмъ становилось темнѣе. Онъ достигъ, наконецъ, двери. Она не была отворена; но старая, полусгнившая, она поддавалась прикосновенію клещей, которые разомъ оторвали замокъ. Но Клодъ Ривьеръ, прежде, чѣмъ углубиться въ подземелье, обернулся къ его отверстію. Онъ невольно вздрогнулъ. Дѣйствительно-ли или въ воображеніи, но

онъ увидалъ въ двери человѣческую фигуру, по всей вѣроятности, солдата.

— Если онъ выстрѣлитъ въ меня и не попадетъ, то все-же причинитъ тревогу и погубитъ меня.

Но мгновенно видѣніе исчезло, и такъ быстро, что въ головѣ Клода мелькнула мысль:

„Ужь не ошибся-ли я?“

Однако, онъ поспѣшно отворилъ дверь и пошелъ зря, прямо передъ собою, спотыкаясь о валявшіеся камни и придерживаясь о мокрая стѣны, по которымъ струились крупныя капли сырости, словно слезы. Могильный холодъ спиралъ дыханіе, но онъ ускорялъ шаги, стремясь къ свободѣ и мести.

Ему чудилось, что по временамъ за нимъ раздавались шаги. Неужели его преслѣдовали? Нѣтъ, этотъ шумъ происходилъ отъ капель, падавшихъ со сводовъ въ стоячія лужи. Онъ снова продолжалъ идти въ темнотѣ, изрѣдка высѣкая огонь кремнемъ, чтобъ убѣдиться, не сбился-ли онъ съ дороги. Но подземный путь былъ прямой и Клодъ Ривьеръ не встрѣтилъ ни одного развѣтвленія, столь пагубнаго для лицъ, углубляющихся въ невѣдомый лабиринтъ.

Вдругъ онъ остановился; уже не за нимъ, а впереди слышался глухой стукъ заступа.

„Это что? подумалъ Ривьеръ, и тотчасъ прибавилъ: — это, вѣрно, другъ, это Солиньякъ“.

Дѣйствительно, Солиньякъ, забравшись въ подвалъ дома Ригоди, дошелъ до земляной и кирпичной стѣны, которая пересѣкала сообщеніе съ Тамплемъ. Не думая долго, онъ снялъ съ себя сюртукъ, засучилъ рукава, какъ землекопъ, и принялся за дѣло вмѣстѣ съ Марціаломъ Бастаре.

Работа у нихъ кипѣла и уже выходъ изъ подземелья заслонялся только небольшимъ слоемъ земли, когда Ривьеръ очутился по другую сторону преграды. Сначала онъ слышалъ глухой стукъ заступовъ, а потомъ сталъ различать голоса.

— Конечно, онъ! Я былъ въ этомъ убѣжденъ! громко произнесъ узникъ, узнавъ голосъ Солиньяка.

Ему хотѣлось-бы собственными руками уничтожить препятствіе и обнять этого человѣка, который работалъ въ двухъ шагахъ отъ него. Жгучее желаніе прижать къ сердцу своего избавителя

такъ-же волновало его, какъ опасеніе услыхать за собою погоню тюремныхъ сторожей.

— Слѣдѣе, другъ! кричалъ онъ Солиньяку.—Я здѣсь! Слѣдѣе!..

— Потерпи немного, отвѣчалъ Солиньякъ.

Удары заступа становились чаще, лихорадочнѣе; Клодъ различалъ глухой шумъ отъ падающихъ комьевъ земли, стукъ желѣза о камни, тяжелое дыханіе людей, находившихся отъ него очень близко, такъ-какъ ихъ отдѣляла только тонкая преграда.

Тогда онъ бросился на землю, рылъ ее ногтями, топталъ и громко повторялъ: „Слѣдѣе! Спасибо!“ Онъ восхищался Солиньякомъ, который здѣсь, копая землю во мракѣ, былъ такъ-же безстрашенъ, какъ атакуя непріятеля во главѣ своихъ гусаръ, среди бѣлаго дня.

— Побѣда! закричалъ вдругъ красавецъ Солиньякъ и его мужественный голосъ отозвался ясно, чисто въ ухахъ капитана.

Врешь была готова, работа окончена. Клодъ Ривьеръ проползъ въ это отверстіе, какъ дикій звѣрь пробирается въ свое логовище, и съ грязными руками, съ засыпанными землею волосами, онъ бросился, задыхаясь отъ волненія, въ широко раскрытыя объятія Солиньяка. Марціалъ Кастаре, усталый, измученный, вытирая потъ со лба и опираясь на заступъ, при мерцающемъ свѣтѣ фонаря, поставленнаго на землю, любовался этой безмолвной, великоблгнной сценой, этимъ мужественнымъ лобызаніемъ двухъ героевъ, готовыхъ умереть другъ за друга и теперь свидѣвшихся, несмотря на всѣ опасности.

— Ну, сказалъ Солиньякъ, высвобождаясь изъ объятій Ривьера,—въ дорогу!

Онъ поднялъ суртузь, надѣлъ его и потащилъ за собою Клода Ривьера, тогда какъ Кастаре, неся заступъ, освѣщаль путь.

— Пока вы не выйдете отсюда, вы не будете въ безопасности.

— А вы, Солиньякъ?

— Я? Никакой сыщикъ Фуше не догадается, какимъ ремесломъ занимался сегодня ночью полковникъ Солиньякъ...

Онъ ускорилъ шагъ; каждая минута была дорога.

— А если въ Тамплѣ тотчасъ примѣтятъ мое бѣгство? сказалъ Ривьеръ.

— Невозможно. Это откроется только завтра. Въ настоящую

минуту ваша дверь и выходная крѣпко заперты и всѣ полагаютъ, что вы спите на тюремной кровати.

— Ага! сказала капитанъ;—я былъ увѣренъ, что вы подкупили сторожа, отдернувшаго засовъ у моей двери.

— По правилу, что надо обо всемъ подуматъ, возразилъ Солиньякъ.

Между тѣмъ они достигли выхода изъ подземелья въ саду дома Ригоди.

— Теперь, сказалъ полковникъ,—вы поѣдете съ человѣкомъ, который васъ ждетъ, и останетесь тамъ, куда онъ васъ отвезетъ, до моего новаго распоряженія. Дайте мнѣ въ этомъ слово.

— Зачѣмъ вамъ мое слово?

— Потому что вы способны рисковать своей жизнью за ваше дѣло, а я вамъ это запрещаю! Вы должны признать, любезный капитанъ, что я имѣю нѣкоторое право такъ говорить.

— Я вамъ принадлежу и тѣломъ, и душою, отвѣтилъ Ривьеръ.

— Итакъ, вы будете ждать моихъ распоряженій? Помните, что неосторожность съ вашей стороны можетъ все погубить. Вы даете слово?

— Даю.

— Впрочемъ, будьте спокойны, вы завтра меня увидите.

— Такъ до завтра, сказалъ Клодъ Ривьеръ.

Солиньякъ еще разъ его обнялъ и они вышли изъ подвала.

Въ саду видѣлись двѣ тѣни: одна неподвижная, мужская, другая женская, быстро двигавшаяся взадъ и впередъ.

— Кто здѣсь? спросилъ Солиньякъ вслухъ;—Фурья долженъ былъ ждать насъ одинъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Кастаре.

Женская тѣнь приблизилась, и Ривьеръ услышалъ неизвѣстный ему голосъ, говорившій Солиньяку тономъ упрека, нелипеннаго, однако, страха:

— Ну, кончили вы? Я не могла васъ дожидаться... Я такъ глупа, что боялась, не случилось-ли съ вами несчастья, хотя вы, конечно, сто разъ его заслуживали! Какое милое ремесло! Г. Латюдъ, бывший злодѣемъ, что ни говори, не поступилъ-бы иначе! Но гдѣ-же вашъ капитанъ?

Солиньякъ указалъ на Ривьера и сказалъ ему поспѣшно:

— Благодарите маркизу Ригоди, мой милый Ривьеръ: вы ей обязаны вашимъ спасеніемъ!

— О, Боже мой! итѣ, итѣ! сказала она. — Если-бъ только меня послушались!.. Впрочемъ, вы на свободѣ и не надо снова попадаться. Увѣжайте скорѣе. Мой мажордомъ васъ отвезетъ, прибавила она, указывая на Фурнье, передѣлаго кучеромъ. — Во всякомъ случаѣ, я очень рада, что съ вами не случилось никакого несчастья, капитанъ.

Она протянула руку Ривьеру.

— Сударыня... началъ-было Ривьеръ, низко кланаясь.

— Ну, ну, хорошо; увѣжайте поскорѣе. А я пойду домой. При такой росѣ не трудно простудиться. Фурнье, доведите капитана осторожно.

Ривьеръ послѣдовалъ за Фурнье, который молча прошелъ черезъ садъ и отворилъ калитку на улицу, гдѣ стояло ландо. Какой-то человѣкъ небольшого роста, въ плащѣ, держалъ подъ уздцы лошадей. Увидавъ Клода Ривьера, онъ вздрогнулъ, но не выпустилъ поводьевъ.

— Садитесь, сударь, сказалъ Фурнье.

Капитанъ влѣзъ въ ландо и не успѣлъ въ немъ помѣститься, какъ дверца снова отворилась и человѣкъ въ плащѣ бросился къ Ривьеру, повторяя со слезами одно слово:

— Клодъ, Клодъ!

— Батюшка! проговорилъ капитанъ, крѣпко сжимая въ своихъ объятіяхъ старика и невольно упрекая себя за то, что въ торжмѣ такъ мало думалъ о немъ. — Бѣдный батюшка!

— Да, твой бѣдный отецъ, который теперь совершенно счастливъ. Ты, ты здѣсь! Я тебя вижу! Я тебя обнимаю! Ты мой, Ты спасень! Ахъ, тотъ полковникъ не человѣкъ, а божество! Поцѣлуй меня! Еще разъ! Еще разъ! Вѣдь они тебя навѣрно разстрѣляли-бы! Какъ ты исхудалъ! У тебя руки—однѣ кости! Но это ничего, ты скоро поправишься! Ты живъ, и я никогда болѣе не отпущу тебя отъ себя! Надѣюсь, ты бросишь свою политику! Ты видишь, до чего она доводитъ! Она губить молодыхъ людей и приводитъ въ отчаяніе стариковъ! Сколько разъ я тебѣ это повторялъ, а ты не хотѣлъ меня слушать. Но все это ничего, я тебя не упрекаю. Поцѣлуй меня, мой милый Клодъ, мой

добрый Клодъ, мой храбрый капитанъ! А ужъ за твоего Солиньяка я отдамъ все на свѣтъ, обѣ руки и голову!

Говоря это, старикъ безумно дѣловалъ сына, смѣялся и плакалъ. Капитанъ чувствовалъ на своемъ лицѣ, омраченномъ заботами, эти родительскія слезы; для его наболѣвшаго сердца эта глубокая, истинная, преданная и возвышенная любовь была лучшимъ бальзамомъ.

Между тѣмъ Солиньякъ прощался съ маркизой Ригоди.

— Доброй ночи, маркиза, сказалъ онъ; — спите спокойно и когда завтра явится полиція, встрѣтите ее съ свѣжими глазами и вашей обычной, милой улыбкой. Хотя при одномъ взглядѣ на васъ никто не усомнится въ вашей добротѣ, но трудно повѣрить, чтобъ вы, преданная сторонница Бурбоновъ, повровительствовали офицерамъ имперіи и имѣли сношенія съ тайными обществами.

Маркиза пожала плечами.

— Знаете, что я скажу вамъ, произнесла она: — вы меня подвели-бы подъ гильотину во время революціи, сорванецъ. А глупѣе всего, что я добровольно положила-бы голову на плаху, такъ-какъ вы можете заставить меня сдѣлать все, что угодно. Ну, чертъ возьми! Убирайтесь отсюда и сами усните хорошенько. Кажется, вамъ это не лишнее.

Почтительно поцѣловавъ руку старой дѣвы, Солиньякъ удался.

— Ну, Кастаре, сказалъ онъ своему товарищу, идя по пустыннымъ улицамъ, окружавшимъ Тампль; — въ одинъ день: парадъ, встрѣча съ красавицей и освобожденіе друга! Нечего сказать, мнѣ время не теряемъ.

— Конечно, промолвилъ Кастаре, — но есть кое-что и лишнее.

— Что такое?

— Вотъ что.

И солдатъ подалъ полковнику букетъ розъ.

— Мои розы! воскликнулъ Солиньякъ, быстро схвативъ букетъ.

— Вы уронили букетъ, работая въ подземельѣ, сказалъ Марціаль; — я его поднялъ и знаете, что при этомъ случилось?

— Что?

— Я укололся, а уколъ цвѣтовъ — дурное предзнаменованіе.

— Гдѣ-жь ты видѣлъ, Марціалъ, розы безъ шиповъ и красавицъ безъ жала? Благодарю за букетъ, а съ совѣтами убирайся къ чорту!

— Во всякомъ случаѣ, отвѣчалъ Кастаре, — если съ вами случится несчастье, то не пеняйте на меня: я васъ предупредалъ. Въ женщинахъ много прелести, я согласенъ; но ни одна изъ нихъ не стоитъ, чтобъ храбрый солдатъ пожертвовалъ для нея ногтемъ.

Солиньякъ разсмѣялся, а Кастаре подумалъ, что даже Катису, сама Екатерина Маньякъ, которую онъ такъ пламенно любилъ, не могла-бы заставить его пойти направо, если онъ хотѣлъ идти налѣво.

Они вскорѣ благополучно возвратились домой и легли спать: Солиньякъ, мечтая о благоухающихъ розахъ, объ итальянской музыкѣ, о подземельяхъ, превращавшихся въ роскошныя будуары, а Кастаре, думая о предсказаніи г-жи Ленорманъ и слыша во снѣ голосъ Катису, нашептывавшій ему на ухо:

— Будь эгоистомъ, Марціалъ. Заботься о безопасности полковника. Ты знаешь, что твоя жизнь зависитъ отъ его жизни. На этомъ свѣтѣ надо придерживатьса одного правила: каждый за себя, а Богъ за всѣхъ!

(Продолженіе будетъ.)

О Т Е Ц Ъ.

(Изъ Ф. Коппе.)

Бываль онъ вѣчно пьянъ и не было пощады
Его любовницѣ. Двѣ мрачныхъ силы ада—
Порокъ и нищета—сковали ихъ вдвоемъ.
Ужасно, но она укрылась въ этотъ домъ
Изъ страха ночевать безъ крова подъ заборомъ.
Пьянчуга каждый день встрѣчаемъ былъ укоромъ
И билъ ее. Подъ звукъ ругательства площадныхъ
Угадывать часы могли сосѣди ихъ.
Потомъ смѣняло шумъ зловѣщее молчанье.

И вотъ когда у нихъ усилились страданья
Отъ голода, отъ стужъ и отъ упадка силъ,—
У нихъ родился сынъ. Незваный гость онъ былъ.
Холодный поцѣлуй пришлецъ несчастный встрѣтилъ
И не былъ тотъ привѣтъ—увы!—ни чистъ, ни свѣтелъ!
Мужъ на другой-же день вернулся пьянымъ въ домъ,
Но онъ предсталъ въ дверяхъ не съ сжатымъ кулакомъ:
Здѣсь не любовница, а мать предъ нимъ стояла.
Въ ея глазахъ былъ гнѣвъ и желчью рѣчь дышала,
Когда въ дверяхъ глядѣлъ онъ, не смотря на хмѣль,
Какъ съ бѣшенствомъ она качаетъ колыбель.
Какъ вызовъ, глянулъ крикъ:

„Ну бей-же, бей-же снова!

Чего задумался? Гость жданный! Я готова!
Хлѣбъ вздешевѣлъ? Сноснѣй студеная пора?
Иль ты не такъ-же пьянъ сегодня, какъ вчера?“

Но, кажется, бѣднякъ былъ глухъ къ ея укорамъ.
Смотрѣлъ на сына онъ тупымъ и нѣжнымъ взоромъ
И робко, точно онъ оправдывалъ себя,
Пробормоталъ:

„Боюсь, пробудится дитя!“

И. Н.

Н. А. ПОЛЕВОЙ

и

«МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ».

(Окончаніе.)

Изображеніе житейской грязи, картины протонародной жизни во всей ея наготѣ, „тривіальныя“ выраженія и т. п. были рѣшительно не во вкусѣ такихъ романтиковъ, какъ Полевой, и онъ вооружался противъ нихъ въ продолженіи всей своей дѣятельности. Въ „Горѣ отъ ума“, напр., онъ отыскалъ нѣсколько тривіальныхъ выраженій, въ родѣ *черномазенькій* („Моск. Тел.“, т. I, стр. 168); признавая талантъ въ Нарѣжнѣ, онъ укорялъ его за выборъ „низкихъ“ сюжетовъ; восхваляя Пушкина за Онѣгина, онъ писалъ: „онъ не сходитъ въ толпу черни: выбравъ героя изъ высшаго званія общества, онъ рисуетъ“ и т. д. (т. II, стр. 48). Этому правилу Полевой строго держался въ своихъ повѣстяхъ и романахъ, которые онъ печаталъ въ „Телеграфѣ“ или издавалъ отдѣльно. Одни изъ этихъ произведеній, какъ новѣсть „Симеонъ Кирдяпа“ и романъ „Клятва при Гробѣ Господнемъ“, посвящены изображенію древнерусской жизни à la Вальтеръ-Скоттъ. Въ нихъ и русская жизнь, и языкъ „облагорожены“ до того, что повѣсти кажутся передѣланными съ какого-нибудь европейскаго подлинника. Но все-таки онѣ написаны не безъ таланта и въ свое время находили много читателей и почитателей. Другія повѣсти, „Влаженство безумія“, „Эмиа“, „Дурочка“, „Аббадонна“, „Мечты и дѣйствительность“, писаны подъ вліяніемъ Шиллера и Гофмана. Полевой проводилъ въ нихъ тѣ-же воззрѣнія на жизнь и

искусство, какъ и въ своихъ критическихъ статьяхъ. Чтобы познакомить читателя съ характеромъ этихъ произведеній, мы приведемъ коротенькій разборъ лучшаго изъ нихъ, „Аббадонна“.

„Г. Полевой хотѣлъ выразить въ своемъ романѣ идею противорѣчія поэзіи съ прозою жизни. Для этого онъ представилъ молодого поэта въ борьбѣ съ сухимъ, эгонистическимъ и прозаическимъ обществомъ. Но... во-первыхъ, его поэтъ, этотъ Рейхенбахъ, есть то, что нѣмцы называютъ „прекрасная душа“ (schöne Seele). Слова „прекрасная душа“ имѣли у нѣмцевъ то благородное значеніе, которое имѣютъ они до сихъ поръ у насъ. Но теперь они у нѣмцевъ употребляются какъ выраженіе чего-то комическаго, смѣшнаго. Такъ точно еще недавно слова „чувствительность“ и „чувствительный“ употреблялись у насъ для отличія людей съ чувствомъ и душою отъ людей грубыхъ, животныхъ, лишенныхъ души и чувства; а теперь употребляются для выраженія слабаго, расплывающагося, растлѣннаго и притворнаго чувства. Выраженіе „прекрасная душа“ получило теперь у нѣмцевъ значеніе чего-то добраго, теплаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтскаго, безсильнаго, фразерскаго и смѣшнаго. Рейхенбахъ г. Полевого есть полный представитель такой „прекрасной души“,—и онъ тѣмъ смѣшнѣе, что почтенный сочинитель нисколько не думалъ издѣваться надъ нимъ, но отъ чистаго сердца убѣжденъ, что представилъ намъ въ своемъ Рейхенбахѣ истиннаго поэта, душу глубокую, пламенную, могучую. И потому его Рейхенбахъ есть что-то уродливое, смѣшное, не образъ и не фигура, а какая-то каракуля, начерченная на сѣрой и толстой бумагѣ дурно очиненнымъ перомъ. Въ немъ нѣтъ ничего поэтическаго: онъ просто добрый малый, и весьма недалекій малый, а между тѣмъ авторъ поставилъ его на весьма высокія ходули. Люди оскорбляютъ его не истинными своими недостатками, а тѣмъ, что не мечтаютъ, когда надо работать, и не восхищаются вечернею зарею, когда надо ужинать. Авторъ даже и не намекнулъ на истинныя противорѣчія поэзіи съ прозою жизни, поэта съ толпою. Рейхенбахъ любилъ Генриетту, простую дѣвушку безъ образованія, безъ эстетическаго чувства, но хорошенькую, добренькую и молоденькую. Кто не былъ мальчикомъ и не влюблялся такимъ образомъ и въ кузину, и въ сосѣдку, и въ подругу по дѣтскимъ играмъ? Но у кого-же такая любовь и продолжалась за ту эпоху.

когда воротнички à l'enfant мѣняются на галстухъ? Рейхенбахъ думаетъ объ этомъ иначе и во что-бы то ни стало хочетъ обожать Генриетту до гробовой доски. Она тоже не прочь отъ этого. Но въ ихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего поэтического, невыговариваемаго авторомъ, но понятнаго для читателей. Вся любовь ихъ испаряется въ словахъ, въ дерзкихъ поцѣлуяхъ со стороны поэта, и въ „ахъ, что вы это?“ со стороны хорошенькой мѣщаночки. Вдругъ Рейхенбаху предстаетъ Леонора. Это актриса, — femme émançipée нашего времени, жрица искусства и любви. Любовница министра, дряхлаго, развратнаго старика, она томится жаждою любви глубокой и возвышенной. Въ Рейхенбахѣ находитъ она свой идеаль. И вотъ, вы думаете, что она перерождается, какъ баядерка Гёте,—ничего не бывало! Она только говоритъ о перерожденіи, о возстаніи, о пламени любви своей. Вы думаете, что Рейхенбахъ оставляетъ для этой сильной, пламенной и страстной души, столь обаятельной для юношей,—оставляетъ для нея свою ребяческую любовишку къ добренькой кухарочкѣ,—ничего не бывало! Онъ только колеблется между тою и другою, и въ этомъ колебаніи выказывается вся слабость его слабенькой натуры. Наконецъ Генриетта рѣшительно побѣждаетъ, особенно потому, что Леонора впадаетъ въ бѣшенство и неистовствуетъ, какъ пьяная гетера, вмѣсто того, чтобъ представлять изъ себя плачущую слезами любви и раскаянія падшую пери. И чѣмъ-же оканчивается любовь нашего великаго поэта? а вотъ чѣмъ, послушайте: „Генриетта ни за что не хотѣла соглашаться съ Вильгельмомъ, который увѣрялъ, что съ этихъ поръ онъ перестанетъ писать стихи. На усиленные просьбы Генриетты не оставлять стиховъ, онъ отвѣчалъ, смѣясь, что готовъ писать, но только коллѣбельныя пѣсни для своихъ дѣтей. Тутъ нескромному Вильгельму зажали ротъ маленькою ручкою, краснѣли и не знали, куда дѣваться, пока другіе собесѣдники смѣялись громко...“ О, честное компанство добрыхъ мѣщанъ! О, великій поэтъ, вышедшій изъ маленькой фантазіи! Видите-ли, какъ ложная, натянутая идеальность сходится, наконецъ, съ пошлою прозою жизни, мирится съ нею на конфетныхъ страстишкахъ, картофельныхъ нѣжностяхъ и плоскихъ шуткахъ? Это не то, что на человѣческомъ языкѣ называется „любить“, а то, что на мѣщанскомъ языкѣ называется „амуриться“... Вообще, многое въ романѣ г. Полевого можетъ быть

прочтено не безъ удовольствія, а иное и съ удовольствіемъ, но цѣлое странно: теперь оно развѣ усыпить сладко и ужь никого не развлочеть“.

Но въ то время повѣсти Полевого, вѣсть съ повѣстями Марлинскаго, производили просто фуроръ, особенно среди молодежи, которая готова была лѣзть на стѣну за романтиковъ, хотя и смутно понимала значеніе романтизма. „Я, рассказываетъ, напр., Панаевъ,—сталъ подъ знамена романтизма, представителями котораго у насъ считалъ Полевого, Пушкина и его школу, и торжествовалъ побѣду романтиковъ, ижѣя, впрочемъ, очень слабое понятіе о томъ, что за звѣри классики. Подъ словомъ классицизмъ я неопредѣленно разумѣлъ вообще все отжившее, старое, обветшалое, и, наоборотъ, подъ словомъ романтизмъ — все живое и новое, къ которому начиналъ чувствовать инстинктивное, неопредѣленное влеченіе. Почему возникла эта борьба? Какой смыслъ заключался въ этомъ явленіи? Я не могъ понимать этого... Въ торжествѣ романтизма я праздновалъ побѣненіе Толмачовыхъ, Роговыхъ, Кайдановыхъ, Зябловскихъ, всѣхъ нашихъ тупыхъ наставниковъ, упорно державшихся за свои узкія и гнилыя понятія и за свою пошлую мораль. Всѣ наши учителя, за исключеніемъ К—ова, всѣ инспектора, всѣ гувернеры съ презрѣніемъ и ожесточеніемъ отзывались о новомъ литературномъ движеніи и считали его глубоко-безнравственнымъ. Мы считали ихъ классиками. Этого одного уже было довольно, чтобы мы сдѣлались самими отчаянными романтиками. Литературная революція, какъ извѣстно, совпала во Франціи съ политической революціею... И въ литературѣ, и въ политикѣ новыя идеи торжествовали; но я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о значеніи политическихъ движеній... Июльская революція не произвела на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Я слышалъ мелькомъ, что Карлъ X сверженъ и что вмѣсто него взошелъ на престолъ Людовикъ-Филиппъ... За что сверженъ одинъ и сдѣланъ королемъ другой,—это меня нисколько не интересовало. Кромѣ литературы, ничто не трогало меня и я не имѣлъ ни о чемъ понятія. Послѣ появленія „Notre Dame de Paris“ я почти готовъ былъ идти на плаху за романтизмъ“. Романами Полевого увлекались даже его противники-классики. „Разъ, во время лѣтнихъ вакацій, рассказываетъ другой современникъ,—Баченовскій просилъ Снигирева, который тогда

былъ цензоромъ, дать ему почитать что-нибудь новенькое и интересное... Лукавый Снигиревъ далъ ему первую огромную тетрадь повѣстей „Мечты и жизнь“, не сказавъ, что это сочиненіе Полевого... Дня черезъ два, возвращая тетрадь Снигиреву, Каченовскій говорилъ: „Иванъ Михайловичъ, что вы это мнѣ дали?.. Что это за рукопись, кто сочинилъ ее? Какоѣ знаніе людей, человѣческаго сердца, какое перо! Это талантъ, талантъ! Бога ради, дайте мнѣ продолженіе и окончаніе. Давно я не читывалъ такого сочиненія“. Снигиревъ все молчалъ, и только когда Каченовскій истощилъ свои похвалы, сказалъ, что это сочиненіе Полевого. Какъ только Снигиревъ выговорилъ это, Каченовскій, вскричавъ „мошенникъ!“, вскочилъ съ мѣста, бросилъ тетрадь на столъ и началъ ходить широкими шагами по комнатѣ. Лишь черезъ нѣсколько минутъ простыла кровь въ немъ. Немного успокоившись, онъ сказалъ: „но все-таки дайте продолженіе; такъ и быть, прочитаю до конца“. Въ то время въ публикѣ появился сильный запресъ на романы, и романы Сигова, Атрѣшекова, Федорова и т. д. начали наводнять собою книжный рынокъ. Но вся эта „сиговоподобная сволочь“, по выраженію Марлинскаго, не могла удовлетворять даже невзыскательному вкусу тогдашней публики, почти всѣ эти романисты были не только бездарны, но даже и безграмотны. Среди этихъ романистовъ Полевой былъ великаномъ. Но чувствуя свое превосходство передъ ними, онъ въ то-же время сознавалъ и то, что его романы могутъ имѣть значеніе только для его переходнаго времени. „Наше поколѣніе романистовъ, писалъ онъ,—осуждено быть жертвою мысли великой, новой, но требующей для полнаго проявленія своего многихъ жертвъ. Такъ бываетъ при всѣхъ переворотахъ... Счастливо поколѣніе романистовъ грядущихъ: оно пойдетъ путемъ, утлаженнымъ нашими незрѣлыми романами, улитнымъ нашими чернилами, истраченными на практическое доказательство, что романъ, подобно всѣмъ другимъ произведеніямъ поэзіи, есть дитя воображенія, и что вдохновеніе романиста должно обитать въ душѣ его, а не въ романахъ какого-нибудь заморскаго старика“ *) (М. Т., 1832 г., т. XLIII, с. 401).

*) Т. е. Вальтеръ-Скотта.

Юмористическіе и бытовые очерки Полевого, которые онъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ, въ свое время очень нравились читателямъ; это были первые русскіе фельетоны, имѣющіе непосредственную связь съ фельетономъ позднѣйшаго времени. Въ нихъ Полевой часто пускался въ обличительство, на-сколько это было возможно въ то время. Приемы этого обличительства были старые, и Полевой въ этомъ отношеніи не далеко ушелъ отъ журналовъ новиковскаго времени. Вотъ, напр., очеркъ „Гостя послѣ бала“ (1826 г., т. VII). Къ откупщику является г-жа *Совѣсть* и начинаетъ обличать его, но онъ гонитъ ее вонъ, а авторъ обращается къ нему по этому поводу съ патетическимъ правоученіемъ. Кромѣ этихъ отдѣльныхъ очерковъ Полевой завелъ въ журналѣ особый юмористическій отдѣлъ, „Новый живописецъ общества и литературы“, переименованный въ 1832 г. въ „Камеръ-обскуру“. Указывая на узкія рамки русской сатиры, онъ говорилъ, что у насъ „всякому предоставлено пространное поле писать свои статьи о нравахъ, но съ условіемъ, чтобы онъ не падалъ на пристрастіе къ французскому языку, брюзгливость старыхъ дѣвушекъ, учителей приходской школы, охоту ѣздить въ магазины на Кузнецкій мостъ или Невскій проспектъ, молодыхъ франтиковъ, псовыхъ охотниковъ, и все это приправлялъ нравственными послылками. Подобная *классическая* сатира никогда не трогаетъ; но *романтическая*, если позволено такъ сказать, сатира, гдѣ будетъ эпиграфомъ:

Могучему пороку брань,

Безсильному—презрѣнье,

гдѣ смѣло высказываютъ истину глупости вельможи, бессмысленности, разврату и низости знатнаго филантропа, гордости профессора университетскаго и невѣжеству академика, украшеннаго титуломъ превосходительства, поэтамъ, которыхъ друзья прокричали великими,—о, такая сатира много найдетъ противниковъ!“ (1829 г., т. XXIX, стр. 425). Но расширяя такимъ образомъ рамки сатиры, Полевой все-таки не выходилъ, да и не могъ выйти, на попріице сатиры въ современномъ смыслѣ, и его „Новый живописецъ“ во многихъ отношеніяхъ былъ похожъ на старшій, новиковскій „Живописецъ“. Въ немъ осмѣивались и обличались, напр., плутовство управителей помѣщичьихъ имѣній (ib., 432—438), моды и страсть къ проектамъ (т. XXX, стр. 119—126),

подрядчики — эти пьяницы, сосущія кровь общественнаго тѣла (ib., 401), желаніе бездарностей казаться гениями (ib., 486), погоня за приданымъ и т. д. Впрочемъ, всѣ эти очерки, написанные живо и забавно, приходились по вкусу читателямъ, равно какъ каламбуры и анекдоты въ такомъ родѣ: „Гомеопатія входитъ въ Москвѣ въ большую моду. Недавно князь **, издавна страдавшій глупостью, рѣшился пить ослиное молоко. Онъ при-иѣтно поправился, и нѣсколько дней тому, на вечерѣ у князя Сидора, съострилъ даже нѣсколько каламбуровъ“. Нѣкоторые очерки можно читать съ удовольствіемъ даже въ настоящее время, какъ, напр., характеристику дѣятельности того городничаго, который застроилъ городъ чудовищными тротуарами, возводилъ два обелиска, соорудилъ на 1,000 р. пантеонъ, опрокинутый первой-же бурей, и т. д. (ч. XXIX, стр. 281—7). Въ такомъ-же тонѣ обличались капитанъ-исправники (ч. XXX, стр. 395) и т. д. Это былъ самый щекотливый отдѣлъ въ журналѣ и вести его было очень трудно. Сплошь и рядомъ приходилось наполнять его такими статьями, какъ „Лондонъ, Парижъ и Эдинбургъ“ (1832 г., т. XLVII), „Парижскіе шарлатаны“ (т. XLV), а изъ русскихъ сюжетовъ можно было затрогивать такіе, какъ „Мелкая промышленность, шарлатанство и диковинки московскія“ (т. XLVI). Болѣе простора представляла сатира литературная сфера, и Полевой очень ѣдко осмѣивалъ все, что было въ литературѣ глупаго и фальшиваго. Интересны его пародіи на разныхъ писателей. Вотъ, напр., стихи à la Языковъ:

По сердцу братъ, шалунъ съ умомъ,
 Алмазъ, въ ворѣ неограниченный,
 Бесѣдъ разгульныхъ дикій громъ,
 Какъ я, студентъ недоученный;
 Скажи, товарищъ удалой,
 Гдѣ дѣлись ночи гулевья,
 Бесѣды вольности лихой
 И дни похмѣлья золотые?
 Они прошли: я помню ихъ,
 Когда, съ предлинными усами,
 Мы чухновъ, рыжихъ и смѣшныхъ,
 Гоняли сотни чубуками
 Изъ тѣхъ пріютовъ, гдѣ поэтъ,

Въ кругу друзей безпечной лѣни,
И цѣль, и пѣль, и цѣлый свѣтъ

Позабывалъ въ укромной сѣни, и т. д. (ч. XXIX, с. 139).

„Сѣверной Пчелѣ“ была посвящена пародія „Трудолюбивый муравей, историческо-политическо-литературная газета, издаваемая Яковомъ Рогозѣвымъ и Ѳомою Низкопоклоннымъ“ (1832 г., т. XLIV). Вотъ какъ Полевой пародировалъ болгаринскую манеру писанья: „*Политическія новости*. Англія. Говорятъ, что лордъ Норфолькъ вчера обѣдалъ у лорда Пальмерстона; но другіе увѣряютъ, что его свѣтлость только позавтракала, а обѣдать изволилъ у себя дома. — Бельгія. Вчера проѣхалъ черезъ Брюссель курьеръ съ важными депешами. — *Новости неполитическія*. Одинъ лонскій фабрикантъ завелъ машину, замѣняющую руки для нюханья табаку. Недавно выдана тамъ привилегія на вѣтряную мельницу, которая, особенно устроенными на крыльяхъ ея бритвами, брѣетъ весьма чисто и ловко въ двѣ минуты. Стоитъ только подойти къ крылу и подставить рыло“. Гораздо лучше этой пародіи статья, посвященная юмористической характеристикѣ „Общества любителей россійской словесности“, которое онъ назвалъ „*Обществомъ беззубыхъ литераторовъ*“. „Общество составляетъ изъ неопредѣленнаго числа *дѣйствительныхъ членовъ*. Во избѣжаніе того, чтобы молодежь не вздумала кутить и мутить, дѣйствительный членъ долженъ быть такихъ лѣтъ, чтобы отъ старости вывалился у него хотя одинъ зубъ... Зубатые литераторы принимаются только въ *сотрудники* и поступаютъ въ дѣйствительные члены только съ потерей зубовъ. Общество имѣетъ *почетныхъ членовъ*, принимая въ число ихъ такихъ людей, которые достойны его уваженія, хотя-бы они ни читать, ни писать не умѣли“ (т. XLIII, стр. 70). Вотъ какъ происходило первое торжественное собраніе общества. Получивъ извѣстіе о прибытіи покровителя общества, городничаго (дѣйствіе происходитъ будто-бы въ уѣздномъ городѣ), члены встрѣтили его на крыльцѣ и ввели въ залу, гдѣ его шривѣтствовали музыкантъ и кантъ —

О, музы! вознесите гласъ —

Грядеть, грядеть вашъ покровитель,

Грядеть обрадовать онъ насъ

Въ сію ученія обитель! и проч.

Началось угощеніе чаемъ и т. д. Потомъ секретарь прочелъ протоколъ предыдущаго засѣданія. „18.... года,дня общество беззубныхъ литераторовъ имѣло засѣданіе, въ которомъ: 1) Былъ прочитанъ и подписанъ членами уставъ общества. 2) Членъ А. Ѳ. Подляковъ предложилъ изъяснить Гуру Филиатовичу Стиходушину и Афету Носоновичу Грамоѣдову ва труды, подыятне или при составленіи устава. Положено: секретарю приготовить проектъ сей благодарности и рассмотреть оный въ особомъ комитетѣ. 3) Избранъ балотированіемъ въ президенты Л. Г. Стиходушинъ. 4) Президентъ общества предложилъ, что покровительство просвѣщенію и любовь къ наукамъ почтеннаго г. городничаго обязываютъ общество покорнѣйше просить его благородіе принять на себя званіе почетнаго члена. Положено: предоставить президенту заготовить бумагу по сему дѣлу и войти въ надлежащія сношенія съ его благородіемъ“. Послѣ прочтенія протокола и торжественнаго принятія городничимъ званія почетнаго члена президентъ обратился къ обществу съ рѣчью: „Нѣтъ сомнѣнія, что великое отечество или, лучше сказать, отчизна, т. е. городъ нашъ, цвѣтетъ, благоденствуетъ, красуется славою и просвѣщеніемъ. Кто сталь-бы въ этомъ сомнѣваться, того да причислить общій гласъ къ измѣнникамъ, отчизно-ненавистникамъ и злодѣямъ. Только отвергнувшій правы благіе и добродѣтели праотческихъ, осмѣлится сказать, что мы не перегнали, не опередили всѣхъ народовъ въ мірѣ; что есть народы просвѣщеннѣе, богатѣе, добродѣтельнѣе, славнѣе насъ; что европейскіе народы, въ сравненіи съ нами, не нищіе, не буяны, не безбожники, не невѣжды. Я даже сомнѣваюсь, явятъ-ли будущіе вѣка что-нибудь намъ подобное! Раскроютъ-ли лѣтописи минувшаго — мы съ незапамятуемыхъ временъ блистали славою, богатствомъ и просвѣщеніемъ. Доказано, что языкъ славянскій былъ тотъ самый языкъ, коимъ говорилъ Адамъ. Прежде наши, копьемъ и мечемъ вписавшіе имя свое въ исторію, какъ говоритъ г. Татищевъ, переписывались съ побѣдителемъ свѣта, Александромъ Македонскимъ, и, вѣроятно, тогда уже обладали литературою богатою и великою. Въ Холмоградѣ, гдѣ нынѣ почтовая станція Бронницы, на петербургской дорогѣ, находилась главная бібліотека или книгохранилище славянское. При Владимірѣ были уже академіи; при Ярославѣ не доставало мѣста для книгъ въ княжескихъ тере-

махъ. Возьмемъ-ли послѣ того нашу литературу, — чего не находимъ? Исчислимъ-ли цитовъ, ораторовъ, историковъ, любославовъ, любомудрцевъ нашихъ, отъ Симеона Полоцкаго до Трилуннаго, отъ Лазаря Барановича до Толмачева, отъ Поликарпова до Руссова, отъ Лылова до Вознесенскаго, отъ Епифанія Славинцоваго до Меморскаго — koliko именъ великихъ, koliko сянiе витiйства, любознанiя, мудровѣднiя!“ и т. д. По окончанiи рѣчи и чтенiя разными членами одъ и басней городничiй съ городничихой встали, чтобы отправиться домой. „Гуръ Филатичъ со всѣмъ обществомъ спѣшилъ провожать знаменитыхъ гостей. Въ самыхъ лестныхъ выраженiяхъ было извѣвлено отъ г. городничаго и другихъ почетныхъ посѣтителей ихъ удовольствiе. На другой день Гуръ Филатичъ съ нѣсколькими членами ѣздилъ ихъ всѣхъ благодарить и сѣдлалъ у себя обѣдъ, гдѣ пито было здоровье общества“ (т. XLIV, стр. 82—97).

„Общество любителей россiйской словесности“ даже въ настоящее время очень походитъ на это общество *беззубыхъ мiтераторовъ*, въ то-же время сходство между ними было полное, до самыхъ мелкихъ частныхъ. Вотъ что рассказываетъ, напр., членъ общества, М. Дмитрiевъ: „При Писаревѣ пошли одни парадъ въ обществѣ. Въ послѣднiй годъ существованiя общества было даже одно торжественное засѣданiе съ музыкѣ ой, съ пѣнiемъ. Кончилось тѣмъ, что на свѣчи и на угощенiе истратили всѣ деньги!..“

Сатира Полевого поднимала противъ него бурю негодованiя не только въ средѣ освистанныхъ имъ литераторовъ, но и въ тѣхъ читателяхъ, которыхъ возмущало „дерзновенiе купчишки...“ Въ нашемъ экземплярѣ „Телеграфа“ его рецензiи и сатирическiе очерки испещрены карандашными замѣтками такого злобнаго читателя. Въ одномъ очеркѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ подсмѣивается надъ другимъ, называя его *ученымъ*. „На языкѣ многихъ, замѣчаетъ подъ чертой Полевой, — это совсѣмъ не комплиментъ“. Озлобленный читатель приписалъ карандашомъ: „А если этотъ комплиментъ скажутъ и Полевому, то онъ верно (sic!) не обидится (sic!), а особливо въ разлитiи водки и задѣлыванiи полушубковъ!..“ Многие литераторы, впрочемъ, нападали на Полевого съ тѣмъ-же оружиемъ, какъ и этотъ озлобленный читатель...

Въ исторической критикѣ Полевой проводилъ совершенно новыя въ нашей литературѣ принципы, выработанныя нѣмецкой критикой. „Люди, не понимая важности исторіи, не знаютъ исторической критики, и что говорило имъ легковѣріе предковъ, повторяютъ они съ неуступчивою важною, поставляя народную гордость оскорбленною, любовь къ отечеству нарушенною, если происхожденіе и дѣла предковъ не гремятъ въ пышномъ разсказѣ, если предки ихъ не дѣлаютъ чудеса храбрости, не разбиваютъ тѣхъ враговъ и не отличаются вездѣ рыцарскими качествами. Оттого происходятъ нелѣпные разказы лѣтописей всѣхъ народовъ; оттого Олегъ на колесахъ ѣдетъ въ Царьградъ, Ольга сжигаетъ Коростень голубями, Бѣлгородъ спасается киселемъ, Святославъ разбиваетъ Цимискія и проч., и проч... Русская исторія, только ознакомясь съ германскою критикою, перешла за періодъ младенчества исторической литературы. Наши Татищевы, Щербатовы, Болѣины, Нехачины, Эмины не умѣли и не знали писать исторію. Къ сожалѣнію, это незнаніе видимъ еще въ нѣкоторыхъ современныхъ литераторахъ; видимъ, что въ сочиненіяхъ, которыя называютъ они *историческими*, древняя исторія является у нихъ со всѣми разказами лѣтописей, что Геродотъ и Несторъ, Страбонъ и Стриковскій, Рутбекъ и Плиній, Тацитъ и Гизель идутъ у нихъ рядомъ. Что касается до новой исторіи, то ее обыкновенно ограничиваютъ они сборомъ реляцій, указовъ, кой-какихъ анекдотовъ и громкими восклицаніями“ (1826, IX, 307). Учебники и руководства всеобщей исторіи, какіе были тогда на русскомъ, „начиная, напр., съ книги Волякова *„Шляхетныхъ дѣтей исторіи да отчасти генеалогіи обучающей Говфмейстеръ, сиречь дядька“*, до всеобщей исторіи какого-нибудь Клауса, Шрекеа, и т. д.“,—Полевой считалъ положительной ерундой (1826, т. X, стр., 249). „У насъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—переводятъ нѣмецкую дрянъ прошлаго вѣка подъ именемъ исторій, географій, юридическихъ книгъ, и въ голову не придетъ переводчикамъ ни Нибуръ, ни Риттеръ, ни Савиньи“. Познакомивъ своихъ читателей съ Нибуромъ и другими представителями тогдашней европейской науки, Полевой смѣло взялся за критику карамзинской исторіи. Объяснивъ всѣ достоинства Карамзина, какъ литератора и журналиста, Полевой доказывалъ, что это человѣкъ XVIII в., что всѣ его труды, вромѣ исторіи, „имѣ-

ютъ теперь достоинство историческое; Карамзинъ уже не можетъ быть образцомъ ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика русскаго“. Для тогдашнихъ литературныхъ фетишистовъ подобное мнѣніе было равнозначуще богохульству. Переходя къ „Исторіи государства російскаго“, Полевой съ восторгомъ отозвался о громадномъ количествѣ труда, потраченнаго Карамзинымъ, объ его языкѣ, художественномъ изложеніи, но при этомъ объяснялъ, что „Исторія“ — „произведеніе не нашего времени“. Изложивъ современное понятіе объ исторіи, онъ нашелъ, что Карамзинъ рѣшительно не удовлетворяетъ требованіямъ науки. Въ его опредѣленіи исторіи Полевой видитъ только наборъ фразъ. „Все это сказано прекрасно, но такъ-ли долженъ смотрѣть на исторію философъ? Сдѣлавши сначала опредѣленіе риторическое, намъ говорятъ, что *исторія полезна*, ибо — 1) правители народовъ справляются съ нею, какъ судьи съ старымъ архивомъ, дабы рѣшать дѣла такъ, какъ ихъ прежде рѣшали. Совершенная несправедливость! 2) Граждане видятъ, что *зло всегда было*, что *люди всегда терпѣли*, почему и *имъ надобно терпѣть*... Послѣ такого ограниченаго взгляда на *пользу*, авторъ переходитъ къ *удовольствію* исторіи... Авторъ видитъ одно *любопытство*, оно составляетъ для него все; онъ старается доказать, что ничуть не любопытнѣе и не занимательнѣе исторіи русской исторіи другихъ народовъ... Прочитайте всѣ 12 томовъ „Исторіи государства російскаго“, и вы совершенно убѣдитесь, что въ цѣломъ объемѣ оной нѣтъ одного общаго начала, изъ котораго истекали-бы всѣ событія русской исторіи; вы не видите, какъ исторія Россіи примыкаетъ къ исторіи человѣчества; всѣ части оной отдѣляются одна отъ другой, всѣ несоразмѣрны, и жизнь Россіи остается для читателя неизвѣстною... Вы видите стройную, продолжительную галерею портретовъ, поставленныхъ въ одинакія рамки, нарисованныхъ не съ натуры, а по волѣ художника и одѣтыхъ также по его волѣ. Это лѣтопись, написанная мастерски, художникомъ таланта превосходнаго, а не *исторія*“... „Послѣ всего этого удивительно-ли, что европейскіе ученые, ожидавшіе „Исторію“ Карамзина съ нетерпѣніемъ, приняли сіе твореніе холодно, не даютъ ему мѣста между знаменитыми исторіями новѣйшими, Нибуромъ, Тьерри, Гизо, Барантомъ и др. Карамзинъ не выдерживаетъ сравненія и съ великими историками прошедшаго вѣка, Робертсономъ,

Юномъ, Гиббономъ, ибо, имѣя всѣ ихъ недостатки, онъ не выкупаетъ ихъ тѣмъ обширнымъ взглядомъ, тою глубокою изыскательностью причинъ и слѣдствій, какія видимъ въ ихъ безсмертныхъ твореніяхъ“ (1829 г., т. XXVII, стр. 467—500).

Вскорѣ послѣ этой критики Полевой объявилъ подписку на свою „Исторію русскаго народа“. Фетишисты, преклонявшіеся передъ Карамзинимъ и встрѣтившіе критику Полевого, какъ возмутительное богохульство, начали теперь на разные лады утверждать, что критика была внушена однимъ коммерческимъ расчетомъ Полевого, желавшаго унизить „святое имя Карамзинъ“, чтобы тѣмъ проложить путь успѣшной распродажѣ своей „Исторіи“. Эти нападки были такъ грубы и недобросовѣстны, что вывели Полевого изъ себя и онъ въ своей „Исторіи“ открылъ ожесточенную полемику противъ взглядовъ и выводовъ Карамзина. „Исторія“ Полевого не имѣла успѣха и осталась неоконченной. Принявшись за составленіе ея, Полевой слишкомъ понадѣялся на свои силы, и эта самонадѣянность обнаруживается и въ самой мысли написать исторію *народа*, и во многихъ его выводахъ, и въ самомъ посвященіи книги „Нибуру, первому историку нашего вѣка“. Но все-таки трудъ Полевого былъ замѣчательнымъ явленіемъ для того времени. Онъ первый заявилъ о необходимости имѣть *философскую* исторію *народа*, первый приложилъ къ разработкѣ русской исторіи правила исторической критики Нибура и др., первый послѣ Каченовскаго отвергъ историческую справедливость лѣтописныхъ легендъ, и т. д. Выполненіе не соответствовало задачѣ, но послѣдняя была опредѣлена совершенно вѣрно.

Нападки на Полевого его литературныхъ враговъ возбуждали въ массѣ публики такое негодованіе, что иногда оно доходило до разрывовъ, опасныхъ для ихъ авторовъ. Однажды Писаревъ поставилъ на сцену водевилъ, въ одномъ изъ куплетовъ котораго были стихи —

Всѣмъ миль цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ *полевой*.

Но едва успѣла актриса пропѣть эти стихи, говоритъ очевидецъ, какъ „шванье, крикъ, шумъ, свистъ до такой степени оглушили актрису, что она, зажавъ уши, бросилась бѣжать со сцены. Всѣ расхохотались, и защитники Полевого уже думали

торжествовать побѣду, когда раздались крики: „автора!“ Не смотря на шиканье и крики противниковъ, Писаревъ явился въ директорской ложѣ но успѣлъ поклониться публикѣ раза два-три, потому-что шиканье и шумъ усилились въ эти мгновенія еще больше, заглушили немногія „браво“ пріятелей Писарева и сопровождались такими знаками, которые заставили автора поскорѣе скрыться. Нѣкоторые грозили ему кулаками!.. И все это происходило съ такою запальчивостью, неожиданностью, что я не помню ничего подобнаго въ театрѣ и не думаю, чтобы въ русскомъ театрѣ бывало что-нибудь подобное“.

Но при всей любви публики, положеніе Полевого и „Телеграфа“ было небезопасно. Всѣ обиженные имъ не переставали кричать объ его „космополитизмѣ“ (!!), неблагонамѣренности, презрѣніи къ авторитетамъ, и мы уже видѣли, что результаты подобныхъ инсинуацій бывали иногда очень чувствительны для журнала. Но этимъ враги не ограничились и ждали только благопріятнаго случая, чтобы окончательно погубить опаснаго противника.

Несмотря на строгости, слѣдовавшія за французскими событиями 1830 г., „Телеграфъ“ по-прежнему умѣлъ оставаться живымъ и интереснымъ, давая читателямъ превосходныя и вполне современныя статьи „О природѣ и исторіи“, Кинне, „Исслѣдованія Гершеля о звукѣ“, „О Магометѣ“, Шталя, „О романахъ В. Гюго“, Полевого (1832 г., т. XLIII), переводъ Вронченки „Короля Лира“, о Жуковскомъ и Державинѣ (т. XLVII), „О климатахъ Азіи“, Гумбольдта (т. XLVI), „О молоканахъ и духовборцахъ“, „О затмѣніяхъ солнца и луны въ 1833 г.“, „О путешествіи Беллинсгаузена“, (т. XLVIII), „О системѣ наукъ, приличной дѣтскому возрасту“, О Гееренѣ, эскимосахъ, парижскомъ училищѣ глухонѣмыхъ, (т. XLV), „Взглядъ на римскую исторію Мишле“ (т. XLIV).

Но дни „Телеграфа“ были уже сочтены...

Литературные враги Полевого, особенно Булгаринъ, и раньше создавали ему много затрудненій своими инсинуаціями, указывая на его мнимую неблагонадежность, на его вражду къ „патріотизму“. Послѣ 1830 г., когда почва для развитія подобныхъ подозрѣній сдѣлалась особенно благопріятною, Булгаринъ и К^о начали ждать только благопріятнаго случая, чтобы нанести оконча-

тельный ударъ опасному сопернику. Случай скоро представился. Въ началѣ 1834 г. на александринскомъ театрѣ была поставлена драма Кузольника: „Рука Всевышняго отечество спасла“. Высшимъ сферамъ она очень понравилась, но въ Москвѣ объ этомъ не знали, и Ксенофонтъ Полевой написалъ разборъ этой драмы, въ которомъ были указаны недостатки этой напыщенной пьесы. Лишь только появился этотъ разборъ въ „Телеграфѣ“, какъ враги Полевого забили тревогу, выставляя дѣло въ такомъ видѣ, будто-бы Полевой тутъ издѣвается надъ патриотизмомъ, проводить революціонныя идеи и т. д. Тотчасъ-же было рѣшено журналъ прекратить, а относительно благонадежности автора произвести дознаніе. Какой-то острякъ пустилъ по этому поводу быстро распространившуюся эпиграму —

„Рука Всевышняго“ три чуда совершила:

Отечество спасла,

Поэту ходъ дала

И Полевого погубила.

Въ то время, какъ надъ головой Полевого собиралась эта гроза, онъ былъ въ Петербургѣ и писалъ женѣ: „меня здѣсь удивительно ласкаютъ и принимаютъ. Молодые литераторы здѣшніе такъ были обрадованы мною, что уговариваютъ меня списать портретъ, для чего сложили подпискою деньги, чтобы гравировать его. Но я отказался отъ этого, также отказался и отъ обѣда, который хотѣли мнѣ дать здѣшніе многіе купцы“. При всемъ томъ Полевой скучалъ въ Петербургѣ по „Телеграфѣ“ и по своей семьѣ. Въ половинѣ марта онъ вернулся въ Москву, но не успѣлъ еще отдохнуть отъ дороги, какъ былъ потребованъ въ Петербургъ. Лично для Полевого дѣло кончилось пустяками, но „Телеграфъ“ погибъ безвозвратно.

Впрочемъ, и безъ запрещенія „Телеграфъ“ неизбѣжно долженъ былъ пасть. Страстный романтикъ и послѣдователь Кузена, Полевой не могъ сочувствовать новымъ литературнымъ движеніямъ, школѣ Гоголя и критикѣ Бѣлинскаго, опиравшейся на принципы непонятнаго и враждебнаго ему гегельянства. Сдѣлавшись редакторомъ „Русскаго Вѣстника“ и начиная свои критическія статьи въ немъ, Полевой прямо заявлялъ, что онъ не можетъ быть солидаренъ съ „Отечественными Записками“ именно изъ-за гегелевской философіи. „Въ одномъ изъ журналовъ нашихъ предлагали

намъ жалкіе, уродливые обломки гегелевской схоластики, излагая ее языкомъ, едва-ли даже для самихъ издателей журнала понятнымъ. Все еще устремляясь уничтожить прежнее, вслѣдствіе спутанныхъ и перебитыхъ теорій своихъ, но чувствуя необходимость какихъ-нибудь авторитетовъ, дико вопили о Шекспирѣ, создавали себѣ крошечныя идеальчики и преклоняли колѣни передъ дѣтскою игрою бѣдной самодѣльности, а вмѣсто сужденій употребляли брань, какъ-будто брань — доказательство. Это несогласіе изъ-за принциповъ естественно вело къ полемикѣ, противники горячились, доходили до рѣзкостей и колкостей, но все-таки Полевой дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи такъ-же искренно и добросовѣстно, какъ и Бѣлинскій, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдній былъ правъ, а первый ошибался. То-же самое было и относительно Гоголя. Первые повѣсти Гоголя, „Вечера на хуторѣ“, „Носъ“, „Коляска“, Полевой призналъ произведеніями замѣчательнаго таланта. Но „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“ были совершенно непонятны ему при его эстетической теоріи; и чѣмъ больше хвалили Гоголя, приравнивая его даже къ Гомеру, чѣмъ больше издѣвались надъ непониманіемъ Полевого, тѣмъ рѣзче становились его нападки на новую школу. „Никто не сомнѣвается въ дарованіи Гоголя, писалъ онъ по поводу „Ревизора“. — Въ шуткѣ своего рода, въ добродушномъ разсказѣ о Малороссіи, въ хитрой простотѣ взгляда на міръ и людей г. Гоголь превосходенъ, неподражаемъ. Какая прелесть его описаніе ссоры Ивана Ивановича, его „Старосвѣтскіе помѣщики“, его изображеніе запорожскаго казацкаго быта въ Тарасѣ Бульбѣ (исключая тѣ мѣста, гдѣ запорожцы являются героями и смѣшать карикатурой на Донъ-Кихота), его исторія о носѣ, о продажѣ коляски!

„Такъ и „Ревизоръ“ его — фарсъ, который нравится именно тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни развязки, ни опредѣленныхъ характеровъ. Языкъ въ немъ неправильный, лица — уродливые гротески, характеры — китайскія тѣни, происшествіе несбыточное и нелѣпое, но все вмѣстѣ уморительно-смѣшно, какъ русская сказка о тѣжбѣ ерша съ леопомъ, какъ повѣсть о Дурнѣ, какъ малороссійская пѣсня:

Танцовала рыба съ ракомъ,
А петрушка съ пастернакомъ,
А дыбуля съ чеснокомъ...

Не подумайте, чтобы такія созданія было легко писать, чтобы всякій могъ писать ихъ. Для нихъ надобно дарованіе особенное, надобно родиться для нихъ, и притомъ: еще часто то, что вамъ кажется произведеніемъ досуга, дѣлаетъ минуты, слѣдствіемъ веселаго расположенія духа, бываетъ трудомъ тяжелымъ, долговременнымъ, слѣдствіемъ грустнаго расположенія души, борьбою рѣзкихъ противоположностей.

„Съ „Ревизоромъ“ обошлись у насъ весьма несправедливо. Справедливо поступила только публика вообще, которая увлекается впечатлѣніемъ общимъ, безотчетнымъ, и почти никогда въ немъ не ошибается; но несправедливы были всѣ наши судьи и записные критики. Одни вздумали разбирать „Ревизора“ по правиламъ драмы, чопорно оскорбились его шутками и языкомъ и сравнивали его съ грязью. Другіе, напротивъ, мнимые друзья автора, увидѣли въ „Ревизорѣ“ что-то шекспировское, превознесли его, прославили, и вышла та-же исторія, каковая была съ Озеровымъ. Досадно вспомнить, какія были притомъ побужденія къ неумѣреннымъ похваламъ. Но если они и были искренни, за то шибочны; и посмотрите, какое зло они причинили: видя осужденіе однихъ и похвалы другихъ, авторъ почелъ себя неузнаннымъ гениемъ, не понялъ направленія своего дарованія, и вмѣсто того, чтобы не браться за то, что ему не дано, усилить дѣятельность въ томъ направленіи, которое приобрѣло ему общее уваженіе и славу, вспомнить слова Сумарокова:

Слагай къ чему тебя влечетъ твоя природа,

Лишь просвѣщеніе, писатель, дай уму,—

началъ писать исторію, разсужденія о теоріи изящнаго, о художествахъ, принялся за фантастическіе, патетическіе предметы“ („Русскій Вѣстникъ“, 1842 г., № 1). Въ послѣднихъ строкахъ и въ отзывѣхъ Полевого о нѣкоторыхъ квазі-философскихъ статьяхъ Гоголя много правды. Называя статьи въ родѣ „Рима“ *калиматъей*, Полевой былъ недалекъ отъ истины, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда онъ указывалъ фальшивыя ноты въ лирическихъ выходкахъ Гоголя о „взгѣ вдохновенія“ и т. п. Будучи вполне послѣдовательнымъ, Полевой отвергалъ не только Гоголя, но и Диккенса, и Ж.-Занда, и т. д. Вотъ что писалъ онъ по поводу „Мертвыхъ душъ“:

„Начнемъ съ содержанія—какая бѣдность! Не помнимъ, чи-

тали или слышали мы, что кто-то назвал „Мертвыя души“ *старой погудкой на новый ладъ*. Дѣйствительно, „Мертвыя души“ сколокъ съ „Ревизора“: опять какой-то мошенникъ прѣзжаетъ въ городъ, населенный плутами и дураками, мошенничаетъ съ ними, обманываетъ ихъ, боясь преслѣдованія уѣзжаетъ тихонько, и — „конецъ поэмѣ“! — Надобно-ли говорить, что шутка, въ другой разъ повторенная, становится скучна, а еще болѣе, если она растянута на 475 страницъ? Но если мы къ тому прибавимъ, что „Мертвыя души“, составляя грубую карикатуру, держатся на небывалыхъ и несбыточныхъ подробностяхъ; что лица въ нихъ всё до одного небывалаго преувеличенія, отвратительные мерзавцы или пошлые дураки, — всё до одного, повторяемъ; что подробности разсказа наполнены такими выраженіями, что иногда бросаете книгу невольно; и, наконецъ, что языкъ разсказа, какъ языкъ г. Гоголя въ „Ригѣ“ и „Ревизорѣ“, можно назвать собраніемъ ошибокъ противъ логики и грамматики, — спрашиваемъ, что сказать о такомъ созданіи? Не должно ли съ грустнымъ чувствомъ видѣть въ немъ упадокъ дарованія прекраснаго и пожалѣть еще объ одной изъ утраченныхъ надеждъ нашихъ, пожалѣть тѣмъ болѣе, что паденіе автора умншленно и добровольно? — Карикатура, конечно, принадлежитъ къ области искусства, но карикатура, неперешедшая за предѣлы изящнаго. Русская повѣсть объ Еремущѣ и повивальной бабушкѣ, какъ русская сказка о дьячкѣ Савушкѣ, романы Диккенса, неистовые романы новѣйшей французской словесности — исключаются изъ области изящнаго, если и допустимъ въ низшіи отдѣлы искусства грубые фарсы, итальянскія буфонады, эпическія поэмы на *изнанку* (travesti), поэмы въ родѣ „Елисея“. Можно-ли не пожалѣть, что прекрасное дарованіе г. Гоголя тратится на подобныя созданія!“ Съ своимъ романтическимъ стремленіемъ къ „высокому“, съ отвращеніемъ къ „пошлomu“ и „тривіальному“, о чемъ мы уже говорили выше, Полевой не могъ понять не только гоголевскаго реализма, но даже романтизма въ той формѣ, въ какой онъ явился у Лермонтова.

„Вы говорите, что ошибка прежняго искусства состояла именно въ томъ, что оно румянило природу и становило жизнь на ходули. Пусть такъ; но, избирая изъ природы и жизни только темную сторону, выбирая изъ нихъ грязи, навозъ развратъ и по-

рокъ, не впадаете-ли въ другую крайность и изображаете-ли вѣрно природу и жизнь? Природа и жизнь, такъ, какъ онѣ есть, представляютъ намъ рядомъ жизнь и смерть, добро и зло, свѣтъ и тѣнь, небо и землю. Избирая въ картину свою только смерть, зло, тѣнь, землю, вѣрно-ли списываете вы природу и жизнь? Вамъ скучны прежніе герои искусства, но покажите-же намъ человѣка и людей, да, человѣка, а не мерзавца, не чудовище, людей, а не толпу мошенниковъ и негодяевъ. Иначе лучше при-мемся мы за прежнихъ героевъ, которые иногда скучны, но не возмущаютъ, по крайней мѣрѣ, нашей души, не оскорбляютъ нашего чувства. Изобразить человѣка съ его добромъ и зломъ, мыслью неба и жизнью земли, примирить для насъ видимый раздоръ дѣйствительности изящною идеею искусства, постигшаго тайну жизни,—вотъ цѣль художника; но къ ней-ли устремлены *Герои нашего времени* и *Мертвые души*? Напрасно будете вы ссылаться на Шекспира, на Виктора Гюго, на Гете. Кромѣ того, что худое и Шекспира худо, Шекспиръ не тѣмъ великъ, что Офелія поетъ у него неблагопристойную пѣсню, Фальстафъ ругается и нянька Юліи говоритъ двусмысленности,—но похожи-ли ваши грязныя карикатуры на созданія высокаго гумора Шекспирова, на исполнскіе образы Виктора Гюго (мы говоримъ объ его *Notre Dame de Paris*), на многостороннія созданія Гете?“.

Его особенно возмущала „грязь“ *Мертвыхъ душъ*.

„Не будемъ болѣе говорить о слогѣ, объ образѣ выраженія, но скажемъ въ заключеніе: каково понятіе автора объ искусствѣ и цѣли его, если онъ думаетъ, что художникъ можетъ быть уголовнымъ судьей современнаго общества? Да если и положимъ, что такова дѣйствительно обязанность писателя, такъ развѣ выдумками на современное общество, развѣ небывальшии карикатурами уважать онъ на зло и предупредить его? Беремъ на себя кажущееся смѣшнымъ автору названіе патриотовъ, даже „такъ-называемыхъ патриотовъ“, пусть назовутъ насъ Кидами Мокіевичами,—но мы спрашиваемъ его: почему, въ самомъ дѣлѣ, современность представляется ему въ такомъ непріязненномъ видѣ, въ какомъ изображаетъ онъ ее въ своихъ „Мертвыхъ душахъ“, въ своемъ „Ревизорѣ“,—и для чего не спросить: почему думаетъ онъ, что каждый русскій человѣкъ носить въ глубинѣ души

своей зародыши Чичиковыхъ и Хлестаковыхъ? Предвидимъ негодованіе и оскорбленіе защитниковъ автора: они представляютъ насъ поддѣльными патриотами, лицейбрами, быть можетъ, чѣмъ-нибудь еще хуже—вѣдь за такими бездѣлками у многихъ дѣло не станеть!.. Ихъ воля, но мы скажемъ прямо и утвердительно, что приписывая предубѣжденіе автора доброму намеренію, нельзя не замѣтить какого-то превратнаго взгляда его на многое. Вы скажете, что Чичиковъ и городъ, гдѣ онъ является, не изображенія цѣлой страны, но посмотрите на множество мѣстъ въ „Мертвыхъ душахъ“: Чичиковъ, выѣхавши отъ Ноздрева, ругаетъ его *нехорошими словами*—„что дѣлать, прибавляетъ авторъ,—русскій человѣкъ, да еще и въ сердцахъ!“ Пьяный кучеръ Чичикова съѣхался съ встрѣчнымъ экипажемъ и начинаетъ ругаться—„русскій человѣкъ, прибавляетъ авторъ,—не любитъ сознаваться передъ другимъ, что онъ виноватъ!..“ Изображается городъ; фризловая шинель (необходимая принадлежность города, по мнѣнію автора) плетется по улицѣ, „зная только одну (увы!) слишкомъ протертую русскими забубеннымъ народомъ дорогу!“—Какіе-то купцы позвали на пирушку другихъ купцовъ—„пирушку на русскую ногу“, и „пирушка, прибавляетъ авторъ,—какъ водится, кончилась дракой“... *Спрашиваемъ, такъ-ли изображаютъ, такъ-ли говорятъ о томъ, что мило и дорого сердцу? Квасной патриотизмъ! Милостивые государи, мы сами не терпимъ его, но позвольте сказать, что квасной патриотизмъ все-же лучше космополитизма... какого-бы?.. да мы понимаемъ другъ друга!*“

Прочитавъ заключительныя фразы, напечатанныя курсивомъ, читатель можетъ счесть ихъ за инсинуацію въ духѣ Булгарина и Греча, тѣмъ болѣе, что послѣдній былъ соиздателемъ Полевого по „Русскому Вѣстнику“. Наше предположеніе тѣмъ болѣе основательно, что, благодаря страстнымъ, благороднымъ нападкамъ Вѣлинскаго на произведенія Полевого, писаннымъ послѣ запрещенія „Телеграфа“, у насъ давно составилось мнѣніе, что исторія съ „Телеграфомъ“ совершенно измѣнила нравственный характеръ Полевого, что онъ началъ угождать передъ Булгаринимъ, Гречемъ и т. д., писать псевдопатріотическія пьесы, говорить совершенно противоположное тому, что говорилъ въ „Телеграфѣ“. Мы уже видѣли, что эстетическія воззрѣнія Полевого остались въ

сущности прежними, что въ „Сынѣ Отечества“ онъ отнесся къ „Отечественнымъ Запискамъ“ Вѣлинскаго и къ произведеніямъ Гоголя точно такъ-же, какъ онъ отнесся-бы къ нимъ и въ „Телеграфѣ“. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ послѣдователенъ и добросовѣстенъ. Вліяніе редактора или соредактора не могло также вліять на измѣненіе его коренныхъ убѣжденій даже въ тѣхъ критическихъ обстоятельствахъ, въ той нуждѣ, въ какой находился онъ послѣ запрещенія „Телеграфа“. Въ это время Сенковскій начиналъ свою „Библіотеку для чтенія“. „Съ самаго начала сего журнала, говоритъ Полевой, — я былъ рѣшительно несогласенъ съ его цѣлью, планомъ, воззрѣніемъ, и отрекался отъ всякаго постоянного въ немъ участія, хотя неоднократно былъ убѣдительно приглашаемъ къ тому. Въ 1836 году, когда давно уже прекратился журналъ, мною издававшійся, я пріѣзжалъ въ Петербургъ, и—для чего скрывать? о подобныхъ поступкахъ надобно говорить во всеуслышаніе—добрый, благородный издатель „Библіотеки для Чтенія“, А. Ф. Смирдинъ, оказалъ мнѣ тогда безкорыстную и важную услугу въ моихъ тогдашнихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, — услугу, когда люди, называвшіеся моими друзьями, — люди, которыхъ я имѣлъ, быть можетъ, нѣкогда случай быть полезнымъ, отвергли меня, показали мнѣ себя въ самой темной краскѣ безчувственного эгоизма... Богъ съ ними, я давно простилъ имъ! тѣмъ съ большою признательностью вспоминаю о немногихъ, тѣмъ благодаритѣ былъ и всегда буду я доброму, благородному А. Ф. Смирдину, который за услугу свою требовалъ участія моего въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Отказаться я не могъ. Мы сошлись съ редакторомъ ея. Послѣ продолжительнаго съ нимъ переговора, я взялъ на себя отдѣленіе критики и библіографіи и началъ доставлять изъ Москвы статьи по обоимъ отдѣленіямъ. Съ перваго шага всѣ условія моего сотрудничества были нарушены редакторомъ. Не мое было дѣло отвѣчать за статьи самого редактора и другихъ сотрудниковъ; но, къ изумленію моему, редакторъ наложилъ право нестерпимаго цензора на всѣ мои статьи, передѣлывалъ въ нихъ языкъ по своей методѣ, переправлялъ ихъ, прибавлялъ къ нимъ, убавлялъ изъ нихъ, и многое являлось въ такомъ извращенномъ видѣ, что, читая „Библіотеку для Чтенія“, иногда вовсе я не могъ отличить, что такое хотѣлъ я сказать въ той или другой статьѣ...

Возраженія мои были тщетны, и, несмотря на все желаніе мое исполнить желаніе добраго А. Ф. Смирдина, я принужденъ былъ рѣшительно отказаться отъ всякаго участія въ „Библіотекѣ для Чтенія“...

Точно также не измѣнились коренныя воззрѣнія Полевого, когда онъ сошелся съ Гречемъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Выходки противъ космополитизма, подобныя вышеприведенной, и патриотическія сочиненія Полевого вовсе не были чѣмъ-нибудь новымъ въ его дѣятельности, вовсе не были результатомъ желанія поддѣлываться подъ тонъ большинства. Мы уже видѣли, что и въ своей молодости, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и въ цвѣтущую пору своей жизни, въ „Телеграфѣ“ и въ „Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ“, Полевой былъ русскимъ патриотомъ, хотя и насмѣхался надъ кваснымъ патриотизмомъ. Во вторую эпоху своей жизни эти насмѣшки прекратились и въ „Дагерротипѣ“, который въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ явился продолженіемъ телеграфскаго „Живописца“, вы уже не найдете ничего, что могло-бы озлобить такихъ патриотовъ, какъ Булгаринъ или Шевыревъ. Но при этомъ Полевой все-таки былъ искрененъ по-прежнему, рисовалъ-ли онъ въ „Градскомъ головѣ“ просвѣщеннаго отца и благодѣтеля города, прославлялъ-ли въ „Парашѣ Сибирячкѣ“ самоотверженность дочерней любви, восторгался-ли въ „Исторіи Суворова“ его подвигами, писалъ-ли своего „Ломоносова“ и „Дѣдушку русскаго флота“ или сочинялъ для русскаго народа „Сказку объ Иванушкѣ дурачкѣ“ и такія компиляціи, какъ „Столѣтіе Россіи съ 1745 по 1845 г.“. „Многія изъ этихъ пьесъ, рассказываетъ баронъ Вюлеръ,—какъ напр., „Ломоносовъ“, „Параша Сибирячка“, „Купецъ Иголкинъ“, имѣли огромный успѣхъ на сценѣ. За каждое изъ этихъ произведеній онъ получалъ брильянтовые перстни отъ покойнаго государя. Онъ продавалъ ихъ и вообще всегда нуждался“. „Многія изъ этихъ сочиненій написаны изъ-за куска хлѣба, но ни это обстоятельство, никакія другія условія не вліяли на характеръ ихъ содержанія. Полевой является въ нихъ такимъ-же патриотомъ, какимъ былъ и раньше. Но въ эпоху „Телеграфа“ главная задача Полевого заключалась въ борьбѣ за романтизмъ и въ пропагандѣ идеи прогресса, противъ которыхъ боролись классики, бывшіе въ то же время и квасными патриотами. Въ „Телеграфѣ“ патриотизмъ

Полевого умѣрлся и даже нѣсколько заслонялся его страстными романтизмомъ и просвѣщеннымъ европеизмомъ. Теперь-же обстоятельства измѣнились. Прежней пропагандѣ европейскихъ идей мѣшали и внѣшнія условія, и нравственное состояніе самого Полевого. „Западническое“ движеніе въ кружкѣ Бѣлинскаго зашло такъ далеко, что Полевой не могъ даже при условіи полной внѣшней независимости дойти до той-же точки. Поклонникъ Бузена не могъ думать такъ-же, какъ ученики Гегеля и Фейербаха; заклятый романтикъ не въ состояніи былъ понимать реализма Гоголя и Диккенса. Онъ встрѣтилъ ихъ враждебно, онъ отсталъ отъ вѣка, и эта отсталость, набросивъ свою тѣнь на упомянутыя произведенія, вмѣстѣ съ тѣмъ набросила тѣнь и на нравственный характеръ Полевого.

Защищая честность Полевого, мы вовсе не хотимъ сказать, что въ Петербургѣ онъ нисколько не измѣнился сравнительно съ Москвой. Напротивъ, обстоятельства очень измѣнили его. „На немъ, говорить Бюлеръ, — сильно тяготѣла катастрофа „Телеграфа“. Это былъ человѣкъ нравственно пришибленный; въ немъ были порванныя струны и придавленные порывы; онъ уже работалъ безъ увлеченія, но равномерно, какъ маятникъ, усидчиво, какъ труженикъ, озабоченный поддержаніемъ многочисленнаго семейства“. Особенно тягостное впечатлѣніе производилъ Полевой на тѣхъ своихъ бывшихъ поклонниковъ, которые по статьямъ „Телеграфа“ составили о его личности заочное понятіе, какъ о какомъ-то „рыцарѣ безъ страха и упрека“, какимъ Полевой не былъ да и не могъ быть при своемъ характерѣ, при томъ воспитаніи, какое онъ получилъ въ купеческой средѣ и подъ властью порядочнаго самодура-отца. Вотъ что, напр., рассказываетъ о немъ Панаевъ:

„По „Телеграфскимъ“ статьямъ я составилъ въ головѣ идеаль Полевого. Я воображалъ его человѣкомъ смѣлымъ и гордымъ, горячо и открыто высказывающимъ свои убѣжденія, — и увидѣлъ въ немъ какого-то робкаго, вялаго, забытаго господина, съ уклончивыми ужимками, всѣмъ низко кланявшася, со всѣми соглашавшася, какъ-будто не имѣвшаго ни малѣйшаго чувства достоинства, даже какъ-то оскорбительно, для почитавшихъ его, унижавшася передо всѣми... Разъ вечеромъ, когда я сидѣлъ у него въ кабинетѣ (онъ жилъ тогда на Пескахъ, въ домѣ, при-

наддежавшемъ нѣкогда Д. М. Бняжевичу), дѣти пришли съ нимъ прощаться. Онъ перекрестилъ ихъ и благословилъ, потомъ всталъ со стула, поклонился имъ и сказалъ: „Извините, Иванъ Ивановичъ,—ужь у меня такая привычка-съ...“ — Какое странное извиненіе! — Тяжело было смотрѣть на страшное паденіе человѣка, такъ смѣло и твердо державшаго свое знамя въ „Телеграфѣ“, — человѣка, который столько лѣтъ былъ грозою всѣхъ пошляковъ и рутинеровъ, бичемъ всѣхъ предрасудковъ, всего рабскаго и подлаго“. Въ своихъ отношеніяхъ къ *личностямъ* Полевой, дѣйствительно, измѣнился. Онъ боялся — и боялся совершенно основательно — и Булгарина, и Греча, и Воейкова, и даже частнаго пристава Штевена, писавшаго романы; чтобы гарантировать себя отъ ихъ интригъ, ему оставалось одно средство — жить въ ладу съ ними и хвалить ихъ сочиненія. Онъ такъ и дѣлалъ, дѣлалъ съ отвращеніемъ, съ горестнымъ сознаніемъ своей слабости, хвалилъ ихъ писанія, лобзался съ Воейковымъ, плясалъ трепая подъ пьяную руку съ Букольниковомъ. Но измѣнивъ свои отношенія къ упомянутымъ *людямъ*, Полевой не измѣнилъ своихъ чувствъ и основныхъ теоретическихъ *принциповъ* и имѣлъ полное право говорить въ предисловіи къ своей автобіографіи:

„Бладу руку на сердце и дерзаю сказать вслухъ, что никогда не увлекался я ни злобою — чувствомъ для меня презрительнымъ, ни завистью — чувствомъ, котораго не понимаю, — никогда то, что говорилъ и писалъ я, не разногласило съ моимъ убѣжденіемъ и никогда сочувствіе добра не оставляло сердца моего, но всегда сильно билось для всего великаго, полезнаго и добраго. Смѣю прибавить, что такое постоянное стремленіе доставляло мнѣ минуты прекрасныя, усладительныя, награждавшія меня за горести и страданія жизни моей. Сколько разъ слышалъ я искреннюю благодарность и привѣтъ юношей, говорившихъ, что мнѣ одолжены они нравственнымъ наслажденіемъ и вѣрою въ добро! Не скажетъ обо мнѣ, кто приметъ на себя трудъ познакомиться съ тѣмъ, что было мною писано, — не скажетъ, чтобы я чѣмъ-либо обезславилъ званіе, которое всегда высоко цѣню и цѣнилъ, — званіе литератора. Мои слова — не самохвальство, но искренній голосъ человѣка и литератора, который дорожитъ названіемъ честнаго. *Между тѣмъ, какъ человекъ, я платилъ горькую дань несовершенствамъ и слабостямъ человека...*

Пусть вернется за то въ меня камень тотъ, кто самъ не испыталъ обмана и разочарованія въ окружающемъ его и — что еще грустнѣе — въ самомъ себѣ! Если ты еще юнѣ, собратъ мой, — ты не судья мнѣ: дай пробиться сѣдинѣ на головѣ твоей, дай похолодѣть сердцу твоему, дай утомиться силамъ твоимъ отъ труда и времени, и тогда говори и суди меня!..“

„Я не судья самъ себѣ. Но никто не оспорить у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы. Мои опыты были несовершенны, неполны — скажутъ мнѣ — и послѣдователи мои далеко меня обогнали въ сущности и самомъ образѣ воззрѣнія. Пусть такъ, да и стыдно-было-бы новому поколѣнію не стать выше насъ, поколѣнія уже переходящаго, потому выше, что оно старше насъ, послѣ насъ явилось, продолжаетъ, что мы начинали, и мы должны быть довольны, если наши труды будутъ имѣть для него цѣну историческую... Самъ чувствую, перечитывая нынѣ, неполноту, несовершенство многого... Многое обновляетъ для меня въ настоящемъ чувство утѣшительное, но еще больше внушаетъ чувство грустное, сознание недостигнутой мечты, невыраженныхъ идеаловъ. Такое чувство, думаю, естественно каждому, кто жилъ сколько-нибудь и мыслилъ. Только невѣжество, только глупость получили на сей землѣ (впрочемъ, не знаю, счастливую-ли) участь самодовольства. Есть другая награда, болѣе драгоценная, которою благословляетъ насъ Провидѣніе: мысль, что если Богъ далъ намъ что-нибудь сильно горѣвшее въ душѣ нашей, сильно тревожившее насъ въ дни нашей юности, еще бессознательнымъ, теплымъ ощущеніемъ, мы не погубили его потомъ въ суетѣ и бѣдствіяхъ жизни, не зарыли таланта въ землю... Пусть мы не достигли исконыхъ нами идеаловъ, — по крайней мѣрѣ, порадуемся, что не бесплодно утраченная протекла жизнь наша“...

Въ этихъ трогательныхъ, благородныхъ словахъ лучшая характеристика личности Полевого. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ пору упадка своего таланта, истощая жизнь свою непосильною работою изъ-за куска хлѣба, Полевой все-таки неустанно заботился, чтобы быть хоть сколько-нибудь полезнымъ обществу и литературѣ. Редактируя сначала „Сынъ Отечества“, потомъ „Русскій

Вѣстникъ“, Полевой, правда, повторялъ въ нихъ зады, являлся защитникомъ того *нового*, которое успѣло уже сдѣлаться *старымъ*, но во всякомъ случаѣ эти журналы подъ его редакціей были честиѣ и интересиѣ, чѣмъ подъ редакціей Греча или Фурмана. Въ нихъ печатались: Одоевскій, Вельтманъ, Жуковскій, Жукова, Врангель и т. д. Независимо отъ журналистики, Полевой давалъ много матеріала для чтенія и своими отдѣльными изданіями. Такія книги, какъ, напр., его „Исторія Наполеона“, 1844 г., за неизмѣнимъ лучшихъ, были далеко не бесполезны. Главнымъ-же предметомъ дѣятельности Полевого въ это время былъ театр. Онъ написалъ и передѣлалъ для сцены множество драмъ, комедій, водевилей, романтическихъ, патріотическихъ, увеселительныхъ, — „Уголино“, „Павель и Виргинія“, „Ужасный незнакомецъ“, „Солдатское сердце“, „Мать испанка“ и т. д., и т. д. Полевой съ своею обычною самонадѣянностью задумалъ реформировать русскій театр, передѣлывая для сцены Шекспира („Гамлетъ“) и ставя собственныя произведенія, писанныя съ той-же цѣлью. „Все, что отдано мною на сцену, писалъ онъ, — я не считаю ничѣмъ другимъ, какъ только добросовѣстными опытами, игрою *va banque* на мою литературную извѣстность. Не мнѣ судить себя, но, признаюсь, не могу не порадоваться нѣкоторымъ успѣхамъ моихъ опытовъ“. Успѣхъ ихъ дѣйствительно былъ большой среди публики александринскаго театра, и этотъ успѣхъ поддерживалъ въ Полевомъ убѣжденіе, что его драматическая дѣятельность полезна. Въ этихъ пьесахъ Полевой еще разъ доказалъ свою способность браться за все и производить что-нибудь замѣчательное. Его драматическія пьесы ничѣмъ не хуже его романовъ, и если-бы онѣ явились въ одно время съ послѣдними, въ самый разгаръ романтизма, то имѣли-бы очень важное значеніе въ развитіи литературы. Но появляясь въ то время, когда на сценѣ были уже комедіи Гоголя, произведенія Полевого могли только держаться недолго при поддержкѣ публики съ отсталымъ, банальнымъ вкусомъ.

Чрезмѣрная работа и нравственныя страданія скоро истощили жизненныя силы Полевого. Онъ умеръ въ 1846 г., 48 лѣтъ отъ роду. „Когда на похоронахъ Полевого, рассказываетъ баронъ Вюлеръ, — при стеченіи множества сановниковъ и литераторовъ, Булгаринъ хотѣлъ-было ухватиться за ручку гроба, одинъ

изъ присутствовавшихъ, чуть-ли не П. А. Каратыгинъ, оттолкнулъ его, сказавъ: „ужь ты его довольно *поносила* при жизни!..“ Семейство Полевого осталось въ бѣдности; зная, что правительство готово помочь ему, Булгаринъ началъ хлопотать о пенсiи, и семейство получило ежегодную пенсiю въ 1,000 р. Булгаринъ сдѣлался покровителемъ и панегиристомъ мертваго Полевого, котораго онъ погубилъ при жизни!..

С. Ставринъ.

МОЯ ПѢСНЯ.

(И. Г. Воронину.)

Мнѣ доставались не легко
Моей души больные звуки:
Страдалъ я сердцемъ глубоко,
Когда слагалась пѣсня муки.

Я въ пѣснѣ жилъ не головой,
А жилъ скорбящею душою,
И оттого мой стихъ больной
Звучитъ душевною тоскою.

И. Суриковъ.

СЪ СЪВЕРА НА ЮГЪ.

РОМАНЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XIX.

Островъ Косъ-Аралъ.

Сыр-Дарья рѣка течетъ по дну песчаному, мѣстами илова-тому, берега обмываетъ глинистые, солончаковые; быстро бѣгущія воды много съ собою всего этого добра уносятъ, на заворотахъ рѣки широкія мели нагораживаютъ, съ мѣста на мѣсто ихъ перекачиваютъ, потому и называются здѣсь мели эти ползучими или перекатными.

Старыя мели, десятками лѣтъ накопившіяся, все ниже да ниже сползаютъ по теченію, на ихъ мѣста сверху новыя наваливаются, — и все это къ устьямъ движется, въ морѣ Аральское поровитъ спуститься и расплаться тамъ, по его дну глубокому.

А навстрѣчу этому подвижному песку и осадкамъ глинистымъ бьетъ вѣчнымъ прибоемъ морская волна неугомонная и назадъ все осаживаетъ, останавливаетъ. Не одолѣть рѣчному теченію этой волны, и скопляются здѣсь, на выходѣ какъ-разъ, всѣ эти отмели перекатныя, выше и выше выростаютъ, наслаиваются, вотъ уже изъ-подъ воды на свѣтъ Божій выглядываютъ, и раскидываются по всему устью новыя островки оголенные, плѣшины желтоватыя, приюты всякой крылатой твари, до воды очень ужъ охочей.

Мало-по-малу эти островки малютки вѣстѣ сплзаются, въ нѣскомъ сору сѣяна разныя, корешки уцѣлѣвшіе проростать начинаютъ, вверхъ гонять молодые, зеленые отпрыски, покрываютъ оголенные мѣста веселымъ, цвѣтистымъ коврикомъ. Мертвыя отмели жить тогда начинаютъ, получаютъ кличку свою собственную отъ кочевого человѣка, что по берегу шляется, въ раздѣль идутъ, словно путныя земли, а то такъ считаются вольными притопами, куда всякому человѣку дорога незапретная.

Вотъ такая-то отмель перегородила сырѣ-дарьинское устье длиною, низкою плотиною, сажень двѣсти шириною, да длиною съ версту, если не побольше. Два прохода эта отмель въ море оставила: одинъ пошире, правый, другой узенькій—лѣвый.

Съ западной стороны отмели прозрачная, ярко-зеленая морская волна набѣгаетъ, на желтомъ пескѣ бѣлоу, серебристою пѣною разсыпается; хлебнешь этой волны, ротъ инда сведеть, такая соленая; съ восточной-же стороны мутная, глинистая, прѣсная вода сырѣ-дарьинская тихо плещется, въ проходахъ „на Барѣ“ и та, и другая межъ собою смѣшиваются. Съ моря вѣтеръ дуетъ, морская вода вверхъ беретъ, вокругъ острова норовитъ обойти; со степи нахвѣтъ посильнѣе—прѣсная одолеваетъ, „сырая“ „зеленую“ осаживаетъ.

Самая эта отмель и называется островомъ Косъ - Араломъ. Островъ этотъ главнымъ притономъ рыбацкимъ по всему низовью считается, и весь низовый народъ, рыбою промышленяющій, сюда сходится, свозитъ свои снасти рыболовныя, строятъ свои шалаши жилые и разныя промысловыя заведенія.

Правая половина острова, если отъ рѣки на нее глядѣть, вся густо кустами да камышами заросла, по окраинамъ песокъ желтѣетъ, бѣлые солонцы инда глаза слѣпятъ на солнцѣ. Лѣвая-же сторона, та давно вся вытоптана, почти сплошь застроена; люди на ней копошатся съ утра до ночи, скотина бродитъ по близости, лодки качаются у берега на привязяхъ или вверхъ килами лежатъ, перевернутыя, на песокъ горячій выволоченныя. Посудины эти все больше изъ киргизскихъ канковъ передѣланы, на нашъ ладъ оснащены; сами лодки отъ воды низко борты несутъ, чуть не черпаютъ, а съ обоихъ концовъ носы одинаковыя, сверху загнутыя, не разберешь, гдѣ корма, гдѣ передъ, обѣ стороны одинаковы. Къ первой перекладинѣ, что борты стягиваютъ,

„бинсу“, по-матросскому, кое-какая мачта прикручена, жердь здакая аршинъ въ пять длиной; на эту мачту парусъ косою поднимають, на случай перехода далекаго да вѣтра попутнаго, а то все больше на шестахъ, „пехомъ“, да греблю идуть, когда снасть рыболовную обирають или растагивають.

Ближе всего къ берегу стоять печи съ котлами салотопенными; немудренныи манеромъ печи эти устроены: низенькая стѣнка глинобитная кольцомъ выведена, въ это кольцо котель чугунный ввязанъ, на запличкахъ своихъ держится. Съ одной стороны внизу дыра продѣлана, самое жерло печное; въ него камни сухой подваливають для топки, а для дыму особый выходъ продѣланъ, а то и за-просто, самъ уже дымъ дорогу себѣ прокладываетъ, въ щели между котломъ и стѣнками печными пробивается. Котлы безъ крышекъ стоять, открытые, валять въ нихъ потроха рыбы, цѣликомъ рыбу, которая на солнцѣ протухнуть успѣла, къ другому употребленію уже не годится, сомовья головы, всякую дрянь... Все это въ котлахъ кипитъ, распаривается, жиръ съ пѣною наверху скопляется; его снимають большими ковшами на длинныхъ рукояткахъ, черпаками, значить, и въ нѣхъ турецкіе сливають; тамъ онъ и стынетъ; все, что въ котлѣ осталось, къ дѣлу непригодное, вываливають тутъ-же, на берегъ. Въ зимнее время еще ничего, съ паль-горя, а лѣтомъ, въ жару, когда солнце шибко припекаетъ, и близко къ этимъ котламъ да кучамъ гнѣющимъ не подступишься: вонь стоитъ такая, продохнуть путемъ невозможно! Счастье, коли вѣтеръ съ берега на море, ну, тогда ничего, проносить, а когда въ жилию сторону пахнетъ — и не приведи Господи! Ну, да здѣшній народъ привычный, ихъ такъ и называютъ въ городѣ: „носн-де ваши дубленне“.

Много этого сала, жиру рыбьяго, здѣсь готовится, да сбн-ту ему нѣтъ настоящаго. За безцѣнокъ отдають на базарѣ городскомъ, киргизы тоже скупають малость, для сказки своей сбруи конской, а то больше все забирають скунщики и везуть къ Орску или на сибирскій трактъ; большую, говорятъ, выгоду съ того имѣють, — купать за рубль, продадутъ за восемь.

За печами этими большія мѣста оставлены свободныя; здѣсь столбы врыты съ перекладинами, на нихъ снасти сушатся, чиятся. Снасти эти не богъ-вѣсть какія: въ другихъ мѣстахъ, на Дону да на Волгѣ, за такіа снасти рыбаковъ не хвалять, въ

„тепльнѣ мѣста“ сажаютъ, а у насъ сторона вольная, присмотру не полагается; у насъ, окромъ такихъ снастей запретныхъ, другихъ и въ поминѣ нѣту. Длинные, толстые канаты протянуть по водѣ, съ поплавами деревянными, на канаты понавѣшаютъ крючковь острыхъ, желѣзныхъ, на бичевкахъ, а бичевки эти разной длины: которая въ аршинъ, которая въ два, а которая и побольше, — на всякую глубину достаетъ. Часто эти бичевки одна отъ другой перевязаны, стѣна стѣною течение перегораживаютъ. Какъ пойдетъ туда рыба, непременно на эти крючья попадаетъ. Зацѣпится сомъ головастый или осетеръ — „шипъ“, по-здѣшнему — двух-аршинный, начнетъ биться сейчасъ, метаться; съ крючка-то и сорвется съ перваго, да десятокъ другихъ въ него вцѣпится; такъ и мается рыба пойманная, пока ее не снимутъ рыбаки, два раза въ сутки снасти свои осматривающіе. Иной рыбинѣ посчастливится, сорвется; только недолго она своей волѣ порадуется: крючья въ тѣлѣ у ней раны подѣлаютъ, сдохнетъ отъ нихъ рыба, и все-же-таки на берегъ ее волною выкинетъ. Послѣ каждаго вѣтра морского, съ сильнымъ прибоемъ, много такой рыбы порченой на берегу валяется. Только въ котлы салотопные и годится эта рыба; а въ котлахъ этихъ мѣста немного, одной развѣ изъ сотни найдется; все остальное такъ зря и пропадаетъ, никому, ни къ чему непригодное, птицамъ развѣ морскимъ въ пользу. Много и мелочи, молодой рыбы, тоже безъ пользы портится. Неведомъ-бы захватило эту молодежь, всю-бы можно назадъ въ воду покидать, пусть ее живетъ, подрастаетъ, послѣ наша-же будетъ, съ прибылью, а съ крючка рыбу назадъ не кинешь. Куда она годится, дохлая?

Много ужъ очень рыбы здѣсь, а народу мало; какую хочешь ловлю устраивай, все ее не выловишь въ сто лѣтъ, пожалуй; что послѣ будетъ, о томъ не думаютъ, потому нашъ человекъ, русскій, то-есть, онъ такъ норовитъ, чтобы про его вѣкъ только хватило; такое ужъ у него хорошее правило.

Разъ Саввѣ Вуколычу говорилъ про это баринъ заѣзжій, ученный, сказывали. Чучела онъ все набивалъ изъ всякой птицы, что ему попадалась, гадинъ разныхъ собиралъ да въ баночки складывалъ.

Осмотрѣлъ все баринъ на Косъ-Аралѣ, плечами пожалъ, въ книжку записалъ, да и говоритъ Бородину (онъ тогда у него въ домѣ останавливался):

— А надо-бы къ вамъ ревизію настоящую, потому, говорить, шибко вы очень съ своимъ рыболовствомъ безобразничаете. Распустили васъ, безъ пристрастна, научить васъ некому.

Сталъ онъ тутъ подробно да толково такъ разсказывать: какъ, что, да почему, да какъ слѣдуетъ; долго слушалъ его Савва Вуколычъ, и струсилъ мужикъ, какъ насчетъ пристрастна казеннаго дѣла коснулось.

— То-есть, безпримѣнно, говорить, все такъ и сдѣлаю, какъ ваше высочайшее изволеніе свазывать. Извѣстно, мы — мужики, вы — чиновники ученые, значить мы должны васъ слушаться, уму разуму набираться. Такъ вотъ все сейчасъ и сдѣлаю. Другой разъ пожалуете, все уже будетъ по-новому.

Ухалъ тогда этотъ баринъ, осетрины, балыковъ новоготовленныхъ, тешки вяленой, икры свѣжей, клею рыбьяго — всего забралъ съ собою, что по его наукѣ требовалось, для пробы, значить.

— Помни-же ты, говорилъ онъ тогда Саввѣ Вуколычу, — помни-же мои совѣты и твои обѣщанія.

— Будьте ужъ благонадежны, ваше, моль, превосходительство, все будетъ исполнено какъ слѣдуетъ.

— То-то-же, улынулся баринъ, не обидѣлся, что тотъ его въ превосходительные пожаловалъ. — Ну, прощай, за хлѣбъ, за соль спасибо; заходи, когда ежели приведетъ Богъ побывать у насъ въ Питерѣ.

Много-ли вотъ времени прошло съ его отъѣзду, — да какъ, безъ малаго семь годовъ, — все идетъ дѣло по-прежнему. Савва Вуколычъ только въ бороду себѣ подсмѣивается, особливо какъ вспомнить про приглашеніе барина побывать у него въ Питерѣ.

Чудной то же народъ бываютъ эти чиновники ученые! Жаль только, что рѣдко они сюда показываются. Важно-бы отъ скуки, для времяпрепровожденія.

За мѣстомъ для снастей стоятъ сараи, гдѣ лари помѣщаются для просолу. Сараи эти изъ камышу сплетены, въ углахъ столбы деревянные врыты, крыша плоская, то же изъ камышу, на жерди насланнаго; все это, и стѣны, и крыша, кое-какъ глиною смазаны, чтобы дожда не пропускали. Лари эколочены изъ толстыхъ

досоеъ, въ щеляхъ проконопачены, снаружи осмолены. Въ ларяхъ „тузлукъ“ *), вѣчный, безсмѣнный разсолъ держится; въ него-то рыбу распластанную и укладываютъ. Въ этихъ ларяхъ рыба и лежитъ до тѣхъ поръ, пока не просолится какъ слѣдуетъ, потомъ вѣнимаютъ ее оттуда и провѣшиваютъ на солнцѣ, чтобы лишняя жижѣ стечь могла и обвѣтрило-бы ее, какъ слѣдуетъ. Между сараями веревки протянуты и жердки тонкія, и все это сплошь провѣсною рыбою занято: краснѣютъ на солнцѣ жирныя балковья полосы, янтарный жиръ слезится, словно золотомъ все обливаешь; духъ такой отъ него идетъ хорошій, особенно ежели на тощій желудокъ приходится.

Тутъ-же по близости и жилия строенія находятся. Домики сложены изъ кирпича, сырца необожженнаго; по два и по три окошечка на улицу продѣлано. Тѣсно такъ въ этихъ домикахъ, повернуться негдѣ, да и тамъ всѣ мѣста свободныя товаромъ заняты. Живутъ въ этихъ домикахъ хозяева, когда наѣзжаютъ, а то больше приказчики, а народъ рабочій—тѣ, какъ знаютъ, помѣщаются. Настроятъ себѣ кое-какихъ шалашей, пологовъ отъ комаровъ наставятъ, да подъ ними и прячутся. Сидѣть-то имъ въ своихъ шалашахъ по-долгу, впрочемъ, не приходится — работы много, не оберешься. Дни иногда не хватаетъ, всю ночь треплются, особенно ежели попадется хозяинъ до чужой работы, дешевой, завистливый. Вотъ, поди, погуляй у такого, какъ Бородинъ, Савва Вуколовичъ!

XX.

„Харчи хозяйскіе: и крупою, и мукою, а рѣвы — такъ вдоволь“.

Сладко пришлось нашимъ рыбакамъ, бывшимъ пахарямъ: даровая рыба и прочіе харчи хозяйскіе. Работою ихъ тоже, нечего сказать, не нудили.

Какъ переправились они тогда, по ранней веснѣ, съ материка

*) Тузъ—по-киргизски соль; тузлукъ—значить разсолъ.

на островъ, Савва Вуколычъ милостивый сейчасъ имъ помѣщеніе отвелъ, просторное такое, чистое.

— Вотъ, говорить, ребятушки, самъ рукою показываетъ, — это самое мѣсто, отъ кустовъ вправо, вплоть хоть до самаго берега занимайте.

— А жить-то гдѣ-же мы будемъ? пытаются мужики. — Теперича, вишь ты, холодно, да и мокро; отъ дождя куда скоронишься? укажи, родимый, будь милостивъ.

— Что я вамъ, гостинницу заводитъ обязанъ, „рестарацию“ ставить? смѣется хозяинъ. — Какъ хошь, такъ и стройся. Время пока довольно, я васъ цѣльную недѣлю не потревожу работою, а матеріалу строевого во сколько!

Указалъ онъ имъ на камыши, что уцѣляли на островѣ, кое-гдѣ по окраинамъ.

— А не хватить, говорить, — на материкъ спашайте; дѣло, чай, привычное.

Понарыли себѣ норъ, кроты кротами, сверху позавалили кое-какъ, ладно вышло; изъ ребятъ взятыхъ четверо на той-же недѣлѣ померло, да баба одна, а мужики ничего, слава те Господи, подобрались, точно, порядочно, а все-же живы остались; крѣпкій народъ были.

Пріѣхалъ тутъ бородинскій прикащикъ съ сыномъ хозяйскимъ. Люди готовить велѣлъ, снасти собирать; началась работа на островѣ, зацопошились и прочія артели.

Передъ другими тоже хозяевами послѣтъ надо, времени терять не приходилось.

Чуть свѣтъ, — только по часамъ хозяйскимъ онъ и полагается, свѣтъ-то этотъ, а глазамъ его не видно, — всѣ изъ своихъ норъ-землянокъ вылѣзутъ. Съ моря вѣтеръ идетъ холодный, несетъ съ собою сырой туманъ, льдистый, пробираетъ насевозъ дрявье полусубки. Смолятъ, сколачиваютъ, строгаютъ, веревки сучать, кручья выковываютъ въ походной кузницѣ. Солнце взойдетъ, завтракать дадутъ: похлебку сварятъ изъ сомовины, съ крупой, а хлѣба не полагается, потому нукою, по положенію, выдаютъ на руки, а печь негдѣ, нивагого нѣтъ на то приспособленія; спасибо бабы изловчились, у киргизовъ лепешки печь научились: намѣсятъ теста, раскатаютъ его блинами да на стѣнки пустого котла накаленного и налѣпятъ.

Послѣ завтрака опять за работу, вплоть до полудня; тамъ отдохъ дають на часъ,—обѣдай, какъ знаешь, чѣмъ знаешь, потому тоже провіантъ натурою полагается. Говядины хошь не дають, за то рыбы соленой вволю. А рыбу дають ту, что съ прошлаго года осталась несбытая; дѣвать ее больше некуда, все одно очищать тузлуки для новаго лова требуется. Дають, нечего грѣха брать на душу, не скупятся, вволю отрѣзываютъ.

Только и пріѣлась-же рабочимъ людямъ эта рыба, особливо сомовина. Просто и глядѣть на нее не хочется, не то что ѣсть. Съ души претъ, какъ только ложку ко рту подносить станешь. Недѣли не прошло, только хлѣбомъ да кашницею и пробавляться начали, за рыбою и въ кладовую ходить перестали къ прикатику.

— Ишь ты какинъ добромъ да брезгають, пожалуй только плечами Савва Вуколычъ, когда ему докладывали.—Что-жь, пушай какъ хотять; больно лакомы стали, какъ поразѣлись; мнѣ имъ не покупать скотину, еще на мясо путемъ не наработали. Сластены какіе выискались!

Пришло время переметы ставить; вывели снасть на лодкахъ, не приноровились къ дѣлу какъ слѣдуетъ, нутають только. Однако, съ хорошей науки хозяйской (попало имъ тутъ не мало отъ дюжихъ рукъ Саввы Вуколыча) скоро съ дѣломъ справились. Тутъ-бы и шабашъ, потому какъ снасти на своихъ мѣстахъ, одно дѣло—обирать ихъ остается, два раза въ сутки объѣзжать на лодкахъ, только и всего. Такъ нѣтъ, благо рукъ рабочихъ стало достаточно, такъ-то расширилъ Бородинъ свое заведеніе, Мандельберга, Абрама Монсенча, превзошелъ, все устье одинъ поровнлѣ захватить; то-и-дѣло, что новые да новые переметы городить. Подъ конецъ столько наставилъ, что и объѣхать-то ихъ всѣхъ, обобратъ по одному разу въ день не поспѣваютъ.

Присмотръ начался тутъ за работниками самый строгій; стали замѣчать нащи, будто кто, пока они на взморьѣ за переметами валандаются, всѣ ихъ шалаши переворачиваетъ, всякую одежду переглядываетъ, съ мѣста на мѣсто перекладываетъ. Что, думаютъ, за диковина?

А началось это съ того случая, какъ барана разъ у нихъ увидѣли киргизскаго. Поѣхали наши на лодченгѣ вдоль по бе-

регу; верстахъ въ трехъ атара паслась овечья; киргизы-пастухи спали, должно полагать, и не слышали, какъ наши изъ-за камышу на ладѣ вѣдвинулись; собаки тоже, чай, съ той стороны по степи за кугнами рыскали. Пасутся овечки да барашки курчавые на травкѣ зелененькой, жирненькіе такіе, надо полагать, отиѣнно вкусные. Давно уже наши скоромятины не пробовали, глаза разгорѣлись, зубы просто защелкали.

„Что за важность, думаютъ, — у киргиза этого добра много, онъ и счетъ, чай, потерялъ своей атарѣ, а въ писаніи тоже сказано: „подѣлись съ немущимъ отъ избытковъ своихъ, возрадуются за то тебѣ сторицею“. Ему же, киргизу, значить, выйдетъ изъ того выгода“.

Спапали они тогда барашка одного, порядочнаго-таки, голову отмахнули, чтобы не оралъ, да въ лодку, рогожею покрыли и прочь поскорѣе поплыли.

Стали его свѣжевать вечеромъ, прикащикъ и увидѣлъ, сразу къ допросу приступилъ.

— Гдѣ, говорить, взяли, голубчики, такого? откуда Господь послалъ милости?

— Гдѣ? отвѣчаютъ наши, совѣстно тоже стало маленько. — Извѣстно, гдѣ — купили...

— Много-ли у васъ „купила“-то этого припасено, что больно расходуетесь?..

— Про то, говорятъ, — наше дѣло, тебѣ нашихъ кошелей не считать, а красть тоже мы не согласны.

Отсталъ тогда отъ нихъ прикащикъ, сказалъ Саввѣ Вуюлычу на другой день.

— Извѣстно, фыркнулъ тотъ, — на рыбу мою промѣняли... Спрятали, подлецы, осетровъ штуки три, да и промѣняли ночью косоглазныиъ. Ты же самъ говоришь, что одна лодка въ отлучкѣ находилась долго.

И порѣшили на томъ, что мужики-работники хозяйское добро воруютъ да киргизамъ сбываютъ; съ того времени и присмотръ начался этотъ ваторжний.

И очень ужъ этотъ самый присмотръ, а пуще всего напраслина, обидны мужикамъ показались.

XXI.

„Повадился кувшинъ по воду ходить...“

Обидѣться-то они обидѣлись, только и мясо баранье имъ много вкусяѣ сомовины тухлой показалось. Такъ-то разохотились мужики съ этого куска легко добытаго. „Нельзя-ли еще?“ думаютъ.

— Опять нѣшто съѣздить? стали пытаться другъ друга.— Не смахать-ли, родимые?

А куда съѣздить, куда смахать, про то не сказываютъ, совѣстятся съ непривычки. Въ первый разъ, почитай, приходилось дѣло такое, такъ вотъ больше на намекъ только языкъ и поворачивается.

— Почему, въ самомъ дѣлѣ, не съѣздить? стало тамъ и сякъ слышаться. — Ничего!..

— При случаѣ нѣшто... Какъ-нибудь это мимо Господь идти приведетъ... тогда нѣшто.

— Такъ вотъ Онъ тебя и поведетъ на такое дѣло. Держи карманъ шире, разѣвай ротъ.

— На какое дѣло такое?..

— Извѣстно!

— Полагать надо, лучше это дѣло бросить, потому не хорошо. Одинъ грѣхъ выходитъ.

— Пословица есть, братцы мои: „повадился кувшинъ по воду ходить, тутъ ему и голову...“

— Тяни, знай, зря не болтай! Выбирай снасть-то!.. Эвоя какого-было шипа не уберегли. Подцѣпи его багромъ подъ хвостъ. Легче!.. лодку перевернешь... здѣсь глыбо!..

— Навались на весло! Что ровно ложкою въ котлѣ мѣшаешь. Ровнѣй загребай!

Поговорять эдакъ-то, кто стороной слышитъ, и не пойметъ путемъ, о чемъ рѣчь идетъ, да и пошабашутъ на одномъ разговорѣ, за работу горячѣ примутся.

Сталь тутъ праздникъ великій подходить, „Петровъ день“; въ ихнемъ селѣ, въ лѣсной сторонѣ, храмовой праздникъ, „престоль“, значить, полагается. Какъ тутъ возможно, чтобы безъ говядины?

— Нѣшто ужь съѣздить? опять началась старая пѣсня, потихоньку эдакъ, вполголоса.

— Тьфу ты, чтобы вамъ пусто было, сомустители! На грѣхъ наталкиваютъ.

— Нѣ-ѣтъ, это дѣло надо бросить! Это дѣло, братцы мои, такое, что...

— Неужли-же мы ради праздника „почтарину“ *) энту тухлую лопать станемъ!.. завзли бабы, да не одна, не двѣ, а всѣмъ какъ есть таборомъ заголосили сердечныя.

Въ тотъ-же вечеръ четверо стали сговариваться, нежь собом перешептываться.

— Гляди, не разбиваться, какъ какки занимать начнемъ, вмѣстѣ держись! Лишняго народу не надоть, потому отъ него только сумятица выходитъ.

— „На дальніе переметы“, подь, сважи прикащику, — „къ сизої оттели, значить, на ночь“.

— Ему что? Ему все единственно: что на тѣ, что на энти. Отъ него препятствія нѣту.

— Опять, гляди, черти догадливые, сважутъ: на рѣбу хозяйскую смѣняли...

— А ну ихъ!

Подошелъ тутъ къ нимъ прикащикъ ихній, Иванъ Митричъ, посмѣивается самъ легонько въ бородеку, пальчикомъ паренька, что поближе стоялъ, подманиваетъ.

— Подь сюда, землячекъ, подь, любезный другъ, на два слова. Да ну, иди! Не съѣмъ... чего упираешься!

— Чего намъ упираться! Мы ничего, что-же. Мы тутъ о своемъ дѣлѣ домашнемъ...

— Да ладно, ладно! Иди знай, не бойся. Ну, какъ Господь-Богъ милуетъ?

— Помаленьку, слава те Господи. Твоими, надо полагать, молитвами...

*) Осетры, зашедшіе далеко въ рѣку для метанія икры, сильно истомленные тамъ въ борьбѣ съ теченіемъ, теряютъ жиръ и отличаются отъ выгулявшихся, отдохнувшихъ въ морѣ, цвѣтомъ своего мяса, пепельно-сѣрымъ; эти осетры называются „почтарями“ загнанными и считаются самымъ дурнымъ, почти неимѣющимъ цѣны товаромъ.

— Куда, братцы, собираетесь, сговариваетесь, на ночь гляючи, ась?..

— На работу, известно, куда! На дальніе переметы, къ „сизой“ отмели, въ-куда!

— И это чудесно вы вздумали. Тамъ окромя рыбины и другое что на крюкъ ловится.

Инда въ жаръ кинуло парня отъ этихъ словъ пригващичьихъ. Провалиться радъ-бы, да некуда.

— Такъ! пристально глядитъ ему прямо въ глаза Иванъ Митричъ.

— Идти мнѣ, что-ли? Аль еще разговоръ какой будетъ? Робята, вишь ты, дожидаются...

— Погодать, не спѣшно. Мѣсто у насъ больно чудесное: вонъ травочка зелененькая выбивается, все равно, какъ лужкомъ выходитъ. Глазу смотрѣть пріятствіе одно, погляди-ко.

— Это точно, что зеленью сквозь песокъ прошибаетъ. Дѣло, значить, Божье.

— Парочку махонькихъ-бы очень хорошо было по этому мѣсту. Будутъ это они бѣгать, рѣзвиться. А то что путнаго? Кормъ хорошій, даръ Господень, пропадаетъ. Ни себѣ, ни людямъ.

— Не разумію я, Иванъ Митричъ, о чемъ рѣчь твоя выходитъ? Какая такая парочка?

— Какую Богъ пошлетъ вамъ на счастье. Хорошо-бы, кабы барашка да ярочку. Размноженіе пошло-бы у насъ на островѣ. Все не такъ скучно, когда безъ дѣла, опять-же хозяйственно...

— Мы не за такимъ дѣломъ... догадался, наконецъ, парень. — Что ты это, Иванъ Митричъ!

— Ври больше. Мое дѣло связать тебѣ, что мнѣ требуется, ты своимъ оповѣсти, а тамъ какъ ужъ знаете. Съ Богомъ, ребята!

Почесалъ парень за ухомъ, пошелъ своимъ сказалъ, о чемъ рѣчь шла, все въ подробности.

— Что-же, говорятъ ребята, — коли на знатѣ пошло, такъ на знатѣ. Онъ не вѣдаетъ, съ его стороны это все одно, какъ за благословеніе родительское почитать надо. Тащи, ребята, багры въ лодку, да топорики бросьте на дно, на всякъ случай. Эхъ, кабы теперь водки!..

Повезло нашимъ рыбакамъ въ эту ночь, шибко повезло. Еще не разсвѣло путемъ, какъ уже вернулась лодка. Не доходя до общей пристани, въ камыши съ морской стороны причалили, выгружаться стали. Трехъ большихъ выволобли; курдюки у нихъ такіе здоровенные, по пуду сала въ каждой безъ малаго, а сало это замѣсто масла ѣсть можно, потому вкусъ у него самый отиѣнный, нѣжный. Про наказъ Ивана Митрича тоже не позабыли, привезли ему парочку, только оба барашки вышли.

— Ничего, другой разъ когда стѣздите, можетъ дѣло поправите, сказалъ имъ Иванъ Митричъ утромъ, глядя, какъ на травѣ рѣзались привезенные, „травку, даръ Господень“, пощипывали.—А пока и за этимъ спасибо. Ужъ не поднести ли по стаканчику, вѣрные мои работнички, Божьи охотнички?

Шутникъ, право, этотъ Иванъ Митричъ, однако, ничего, мужикъ обходительный. Ребята наши всею, какъ есть, артелью порѣшили тогда, что съ такимъ дѣломъ вести ничего, можно.

— Не жалуются на довольствіе? спрашивалъ разъ послѣ того Савва Вуколычъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ жаловаться, усмѣхался приващикъ.—Шибко даже благодарны хозяину, во какъ отъѣдаются. Попривыкли къ рыбинѣ, говорятъ: „что твоя баранина—одно слово!“

Всякое дѣло спервоначалу, безъ привычки, какъ-то чудно кажется, а потомъ ничего, справляются лихо, надъ собою даже смѣются, какъ про прежнее вспомянуть. Такъ вотъ и насчетъ совѣсти тоже. Товаръ это уступчивый, податливый, знай только съ нимъ настоящее обращеніе.

И завелось у нашихъ съ той поры такое положеніе. Въ недѣлю чтобы два раза безпремѣнно. А дни чтобы мѣнять, потому орда приноровиться можетъ. Насчетъ народу, чтобы наблюдать очередь, а заправилой всему, все одно, какъ за атаманомъ, Макаръ Сысоевъ избранъ былъ, тотъ ужъ каждый разъ ѣздилъ, приноровился хорошо, опять-же смекалка у него на этотъ предметъ отиѣнная оказалась. Способный былъ мужикъ.

— Дядѣ Василю не уступить, ей-богу, говорили про него одни, кто попроще.

— Нѣтъ, братъ, до дяди Василя ему еще далеко... говорили другіе, кто поумнѣе.

— Погоди поживеть, поработаетъ. Не хуже его навострится. Нельзя, чтобы сразу.

Такъ и зажили наши мужики на хорошихъ кормахъ. Другіе, глядя на нихъ, даже завидовать начали.

Простой народъ киргизы, да насчетъ воровства, „баранты“ поихнему, тоже догадливы: запришѣтили, наконецъ, нашихъ рыболововъ, вплоть до Косъ-Арала выслѣдили, незамѣтнымъ образомъ, втихомолочку; послали сейчасъ гонцовъ въ городъ, къ уѣздному начальнику съ жалобою.

— Мы, говорятъ, сторожимъ вокругъ острова, ничего съ него нельзя увести; что украли, все тамъ должно остаться, а спрятать некуда, потому великъ-ли островъ; только допусти—все обшаримъ и розыщемъ. Намъ не жалко барана-другого, да напередки чтобы конецъ былъ этому, потому обидно. Шутка-ли, въ мѣсяцъ времени слишкомъ триста штукъ головъ продало. Это хуже волковъ выходитъ дѣло.

Послалъ уѣздный офицеръ казачьяго на Косъ-Араль, произвестя слѣдствіе, самое чтобы строжайшее, обыскъ сдѣлать. Взялъ съ собою офицеръ понятыхъ изъ городу да киргизовъ человекъ тридцать къ нему приспособилось. Походъ военный, да и полно!

— Ужь я ихъ накрою, хвастался его благородіе, — я ихъ накрою. У меня не вывернутся, ни-ни...

— Это безпремѣнно покончить надо, говорилъ тутъ и самъ Иванъ Митричъ.— Больше никому, какъ мандельберговскіе шалать, потому я самъ видѣлъ, какъ они баранину лопали. Ишь вѣдь народъ какой, а на всѣ другія прочія артели отъ нихъ одна мараль выходитъ.

Мандельберговскіе, точно, пробавлялись мясцомъ, — земляки вѣдь тоже, изъ одной волости, какъ не подѣлиться отъ избытковъ своихъ; ну, наши и дѣлились.

Струхнули маленько на островѣ, какъ про нашествіе вражеское услышали.

— Небойсь, говоритъ Иванъ Митричъ: — шкуры всѣ жгли, какъ

я приказывалъ? Ни одной не утаили? Говори правду, все равно какъ на духу, потому такъ требуется.

— Парочка есть. Больно хороши! На полшубки хотѣли, для починки.

— Вали подъ котель, нечего тутъ разговаривать! А мясо все сюда волоки, живо!

Пріѣхалъ слѣдователь, офицеръ казачій, опѣшили островъ спервоначалу, обыскъ начали. Ничего, то-есть, не нашли такого, что-бы уликю служить могло. А ужъ какъ искали, какъ искали! Во всѣ лари заглядывали. Весь песокъ перерыли, кусты повыворачивали.

— Ну, ловей-же! махнулъ рукою его благородіе. Къ допросу приступилъ.

„Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ“ — только и всего было ему показанія для записи, окромя какъ насчетъ мѣсторожденія, какой волости, сколько, моль, лѣтъ, бываетъ-ли у исповѣди и у святого причастія. Насчетъ примѣтъ особыхъ проходились тоже. Ничего не помогло. Такъ ни съ чѣмъ и уѣхали.

Ужъ и смѣху-то сколько было, какъ на другой день обѣдать съѣли наши, баранины утаенной цѣлне котлы наварили. Ъдать такъ, инда за ушами потрескиваетъ.

— Съ солониною, ребѣта, честь имѣю поздравить! вымолвилъ имъ Иванъ Митричъ.

— А что, рыбою не шибко пахнетъ? полюбоществовалъ и Савва Вуколычъ.

Онъ тоже пріѣзжалъ вчера вмѣстѣ со слѣдователемъ, да тутъ и остался денька на два, для распоряженія по своему дѣлу хозяйскому. Самоваръ привезъ съ собою и хозяйку свою захватилъ тоже. Буликовъ капитанъ тоже съ ними пріѣхалъ, „инс грюнъ“, говорить по-нѣмецкому, значить — на дачу.

А какъ ему, мясу-то, рыбою не пахнуть, когда больше сутокъ, почитай, въ ларяхъ на самомъ днищѣ подъ осетрами распластанными пролежало...

Не то щи вышли мясные, не то солѣнка рыбная, и не разберешь съ первой-то ложки, однако, ничего, вкусно; какъ новинка, такъ даже въ охотку, по зубамъ пришлась.

XXII.

„...Тутъ ему и голову сломить“.

Отдохнули съ недѣльку послѣ осмотра. Никуда по ночамъ не вѣднли. Пускай, думаютъ, позабудется дѣло нѣмного, поуспокоятся косоглазые, а то вишь какъ они осерчали съ неудачи своей; зорко, чай, стерегутъ таперь сгоряча, не подступишься.

Иванъ Митричъ тутъ имъ хорошей рыбы выдавать сталъ, тайкомъ отъ хозяина; ждать пока можно. А Ивану Митричу тоже расчесть былъ мужикамъ потакать, потому триста штукъ по киргизскому счету въ мѣсяцъ пропало, а куда-же столько съѣсть одной артели, въ двадцать животовъ; тоже, значить, приващивъ самъ не мало пользовался.

— Вы, говорить, ребята, таперь осторожно, съ оглядкою; слышалъ я, въ ордѣ всполошились, говорятъ: „Если мы настоящей указною дорогою ничего не добились, такъ ужъ теперь, не прогибайся, своимъ обычаемъ обойдемся“. До свалки дойти дѣло можетъ, вотъ что.

На счастье наше, ночи стали хоть и не больно длинныя, да за то темныя, за два шага ничего не видать; вѣтры съ моря туманъ нагонять стали на берегъ, стѣна стѣною туманъ этотъ подступаетъ, не то, что не видать сквозь него, а даже голосъ много глуше слышится, звука не даетъ настоящаго. А это для таковскихъ дѣловъ первая благодать, очень ужъ сподручно становится.

— А не съѣздить-ли? пришелъ тутъ Макаръ Сысоевъ къ самому Ивану Митричу.

— Миѣ-то что?.. сказалъ тотъ громко.— Въ туманѣ осторожнѣе, снасти не порвите, приглядывайтесь къ вѣшкамъ.— Погоди еще денька три, добавилъ онъ уже много потише; только и слышалъ эту добавку тотъ, кому надлежало слышать.

— Слушаю, Иванъ Митричъ, твое дѣло приващичье, какъ укажешь; наше дѣло сполнять, чтобы въ акуратъ... я такъ думаю, что далеко; можетъ два дня проваландаемся, спросу-бы какого не было.

— Развѣдаю напередъ, что тамъ... Сбирай артель, какъ большой смолить, разохся.

Дня черезъ три вышла лодка съ нашими. Опять поѣхало четверо. Выбрались часа черезъ три послѣ полудня, взяли напрямикъ въ море, чтобы всѣмъ видно было: за дѣломъ, молъ, люди поѣхали. На переметахъ до ночи провозились. Стало туманомъ задерживать, отъ воды паръ подниматься началъ, будто каждая волна сама собою задымилась. Не видать стало острова, не видать даже вѣхи его большой, что для парохода поставлена, въ случаѣ тому въ море выбираться надо будетъ. Коли нашимъ ничего этого не стало видно, значить и оттуда тоже нашихъ замѣтить не могутъ.

Снялъ тутъ шапку Макарь Сысоевъ, перекрестился три раза, подпоясался поплотнѣе.

— Что-же, братцы, куда тапера? Въ аманджуловы хутора, аль на кураму *) побережную?

— Твое атаманское дѣло, куда велишь, туда и грестъ станемъ. Куда хошь!..

— За „сизую“ отмель лучше и не суйся, тамъ ужь, вѣрно, стерегутъ; нѣшто подалѣе куда?..

— А что-же, на двое сутокъ ушли, вернуться поспѣемъ.

— Въ аманджуловы лучше, тамъ, можетъ, коровенку сцапать приведетъ Господь.

— Ишь глазъ-то у тебя завистливый: „коровенку“! жеребца не хочешь-ли взять на лодку?

— Зачѣмъ жеребца?.. жеребца не надоть, его не втащить... опять-же живого.

— Держи просто вдоль берега, тамъ увидимъ. Прислушивайся только, гдѣ собаки лаятъ.

— Ладно; навались, ребята, дружно, эй, дружно, эй, разомъ, еще разъ, еще разикъ... ну!

Только борозда потянулась за лодкою зубчатою змѣйкою; веслами такъ грестъ изловчились, что и не слышать совсѣмъ, потому изъ воды не выхватываютъ ихъ, плеску не дѣлаютъ.

— Вычерпывай ковшомъ, гляди съ носу набирается; легче выливай, что словно изъ лохани помоями, осторожнѣй!..

*) Курама—сбродъ. Аулы, составленные изъ нѣсколькихъ родовъ.

— И чудится мнѣ, братцы мои, что насъ теперь безпрепятственно сплавляютъ.

— А чтобы тебѣ языкъ скоряжило! Не въ добрый часъ бѣду навликаешь. Дружно! разомъ!..

— Чу-ко-сь!..

Весла разомъ всѣ изъ воды выхватили, сама собою лодка шла разогнанная.

— Никакъ песь голосить?..

Стали прислушиваться. Макаръ Сысоевъ къ самой почти водѣ ухомъ прилегеъ, черезъ бортъ наклонившись; много такъ сподручнѣе слушать выходитъ, явственнѣе.

— Волки, братцы; тутъ, значить, жилья близко нѣту... Гребни! Дѣвѣе держи, камыши впереди.

Словно тѣнь легкая впереди мелькнула; взяла лодка влѣво, пропала эта тѣнь изъ виду.

Дальше да дальше все идутъ. Загорѣлось въ туманѣ красноватое пятнышко, мигающее.

— Аулы, надо полагать; это тѣ, что по пяти кибитокъ стоятъ, у озера.

— А можетъ, такъ огни пастухи разложили; свѣту больно много, изъ кибитки меньше бываетъ.

— Держи легче къ берегу...

Свернули. Эка темъ стала, воды просто не видать подъ лодкою; только и слышно, какъ Макарка шепчетъ: „легче, легче!“

Зашуршали камыши, о борта затерлись, по лицу хлещутъ мокрые стебли; рукою ихъ отстраняютъ, а глазами не видать; рой комаровъ обступили, звонъ такой слышенъ въ туманѣ; рыба гдѣ-то большая плещется. Птица слетѣла съ воды, лодки испугавшись.

— Щупай шестомъ впереди, шепчетъ ребятамъ Макаръ Сысоевъ.— Глубко передъ носомъ?

— Аршина полтора есть. Кому спуститься—по поясъ будетъ, не больше.

— Отселева пѣшкомъ, дальше нѣтъ ходу. Двое на лодкѣ оставайся, а то одинъ. Раздѣвайся проворно, ребята!.. Кто останется?

— Я ужъ не пойду, у меня вередъ подъ колѣнкомъ, водою размочить, прикинется, вымолвилъ тотъ, кому худой конецъ ихнаго дѣла мерещился.

Разулись ребята, тихонько ползли въ воду. Первымъ Макаръ Сысоевъ спустился.

— Ничего, говорить, — дно чудесное, мягкое... нога не глубоко вязнетъ, всего по щиколотку.

Взялъ онъ за одинъ конецъ багоръ длинный, другой парень посредниѣ схватился, третій за другой конецъ, гдѣ кругъ самый пришелся; пошли гуськомъ. Макаръ впереди палкою дно щупаетъ.

Тихо шли такъ наши. Парень въ лодкѣ долго слушалъ, какъ камыши шелестили, вода плескалась за ними; потомъ все смолкло. Только комары неутомимые пуще прежняго звонить начали, густымъ роемъ надъ лодкою слетѣлись, дохнуть не даютъ, да и полно. Завернулся парень кошмою да рогожею; сонъ одолеваетъ, а спать нельзя, потому долженъ голосъ подать, когда его окликнуть съ берега, а то какъ-же имъ найти лодку, въ какомъ она мѣстѣ ихъ дожидается.

Долго-ли, коротко-ли время прошло, только слышитъ парень — окликають.

— О-го-го-го!..

„Никакъ Макареинъ голосъ?“

— О-го-го-го!.. еще ближе слышится.

— Здѣсь!.. рывнуль мужикъ. — Держи, братъ, прямо на голосъ. А-у!..

Тукъ!.. Чужая лодка съ размаха ударила его лодку въ бокъ, чуть мужикъ въ воду не свалился. Съ другой стороны еще каинъ сквозь камышъ протискивается.

— Кто такіе?

Схватился парень за топоръ. Дѣло-то, виднѣть, неладное выходитъ: чужіе!..

— Эге! джаманъ-баракъ! (поганый воръ) слышатея чужіе голоса, веревка его опутала сразу, и по рукамъ пришлось, и за шею прихватила для прочности.

— Братцы, пустите душу на покаяніе, взмолился мужикъ. — Въ другой разъ николи не буду. Вотъ на крестъ закаюсь и другимъ закажу... не губите только... голубчики, милостивцы...

— Вязи его да въ лодку, говорить кто-то по-киргизски. — Одинъ онъ только здѣсь, что-ли?

— Одинъ; тѣ, что на берегу теперь, не уйдутъ — не на чемъ. Мы васъ уже давно тутъ караулимъ, волки паршивые. Много-ли васъ всёхъ пришло сюда, сказывай?..

А тѣ трое съ Макаркою выбрались-таки на берегъ, какъ-разъ супротивъ огней; стали приглядываться: ничего, мѣсто знакомое, разокъ здѣсь уже побывали, это вотъ второй привалъ Господь. На знакомомъ мѣстѣ словно какъ - будто вольготнѣе становится.

— Я таперь пойду одинъ, туда вонъ, обходомъ, собакъ отмаивать, а вы отсюда. Пока лаю не услышите, ни Боже мой, ни одной штуки не трогать. Лежи смирно, не дыши!

— Знаемъ тоже, бывалые!..

Залегли двое. Макарь ушелъ, и не слышать его совсѣмъ, какъ онъ это босыми ногами по травѣ шагаетъ: гдѣ приляжетъ, гдѣ на четверенькахъ проползетъ; кошка кошкою пробирается.

— Это такъ-то разъ лежали мы... началъ одинъ что-то рассказывать.

— Молчи, знай, слушай.

— Что больно долго? давно пора-бы голосамъ слышаться. Полчаса прошло.

— Порядочно.

— Эдакъ-то, оборони Богъ, свѣтать начнетъ. Долго мы на водѣ поваѣшкались.

— Чего добраго, слушай-ка: вонъ опять... эва... это что, слышалъ?..

— Конь топочеть... на лошади кто-то стороною погналъ... вонъ еще одинъ!

— Бросилъ-бы уже лучше Макарь, вернулся-бы, право. Не ладно что-то дается.

— Богъ милостивъ. Лежи смирно, дождайся. Таперь, ужъ это вѣрно, скоро.

Полежали еще съ полчаса; невтерпѣжъ пришлось мужикамъ, времени много уходить.

— А это что?..

— Ась?..

На самомъ низу сквозь туманъ полосочка свѣтлая протанулась. Кусты были около нихъ, черные сплошь казались прежде, не разберешь путей, что такое, а теперь явственно отличаются отъ прочаго; гнѣздышко маленькое въ серединѣ, и то замѣтно стало. Неподалеку въ высокой травѣ птичка чиркнула, другая ей тотчасъ отделинулась, а тамъ и третья.

— Свѣтаетъ.

— Да, братъ.

— Не выгорѣло!.. пятася ракомъ назадъ къ берегу, пока туманъ не разогнало.

— А Макарка?

— Тю-тю твой Макаръ! надо полагать — влопался... сопить, чай, носомъ, съ забитою глоткою... они всегда въ ротъ вляпъ забиваютъ въ такомъ случаѣ.

— Слышно-бы было, если-бы что. Тоже, чай, просто въ руки не дался, все-бы повозился маленько.

— Они, братъ, не таковскіе, чтобы въ огласку шло; они всёхъ насъ поштучно переловить норовятъ.

— Пятася, что-ли... а то махнемъ бѣгомъ, живо до воды добѣжимъ; здѣсь недалеко.

Полѣзли наши старою дорогою, въ обратный путь, не солоно на этотъ разъ похлебали. Думаютъ: можетъ, Макаръ ихній и не влопался, а видѣлъ неустойку, назадъ раньше ихъ повернулъ, въ лодкѣ теперь съ Яшкою дожидается.

Добрались наши до береговыхъ камышей, приглядываются, окликнули.

— Здѣся!.. отзывается имъ Яшка, только голосъ хриплѣе много сталъ, отъ туману да сырости, надо полагать.

Ближе, должно быть, подтянулся парень, потому вонь совсѣмъ у берега сквозь камышъ лодка видѣется, край ея одинъ только. Вонь и багоръ торчитъ.

— Дѣло наплевать вышло... домой надоть аль въ морѣ выждать; Макарка здѣсь, что-ли?

Говорить это мужикъ, захывшись, самъ, не глядя, въ лодку лѣзетъ.

— Это теперь трое ихъ, говорятъ тамъ верблюжьи халаты

и арканы готовить. — Четвертый на берегу; если не попался, такъ попадется. Весь „курдакъ“ *) теперь попался. Погодите-же!

XXIII.

ВЪ КИРГИЗСКОМЪ СТАНОВИЩЪ ГОСТИ ПРИВЪЖИЕ, ХОТЬ ОДНОГО РОДУ, ДА ПОЧЕТЪ ИМЪ НЕОДИНАКОВЫЙ.

— Никонъ дона, что-ли? вбѣжалъ Степанъ-Малышъ въ избу. Запыхался парень, красный такой.

— Что ты, Степа? обернулась къ нему Марина;—что случилось такое?

Ворочала она горшки въ печи ухватомъ, поставила теперь инструментъ свой въ уголь, смотритъ на парня, побѣлѣла въ лицѣ, надо полагать, чего обезпокоилась.

— Никона надеть, говоритъ Степанъ; — не приходилъ еще домой? а то я въ поле побѣгу.

— Да что такое? Зачѣмъ надеть? случилось что? говори ты толкомъ, шальной!..

— Наши напакостили, бѣда стряслась... оповѣстить Никона надоть.

Сказалъ это Степанъ-Малышъ, да не долго думая, времени не теряючи, въ поле махнулъ, черезъ заборъ перелѣзъ, напрямикъ чтобы. Бѣгомъ пустился.

Въ полѣ тоже не нашелъ Никона; говорилъ тамъ ему мужичекъ одинъ, что видѣлъ, какъ онъ къ водоподъему своему шелъ. Степанъ туда, тоже нѣту. „Только-что вотъ передъ тобою ушелъ“, киргизы сказываютъ.

„Эка пропасть, право!“ рубаха вся инда смокла у Степана, снимай хоть сейчасъ да выжимай воду. Сбросилъ онъ тутъ сапоги, швырнулъ ихъ въ шалашикъ къ старику. Босикомъ-то ловчѣ бѣгать.

*) „Курдакъ“—киргизское слово. Волки выходятъ большею частью вереницею, по нѣсколько штукъ, и, нападая на стадо, дѣйствуютъ согласно заранее обдуманному плану: одни приманиваютъ на себя пастуховъ и собакъ, другіе въ это время юрютъ. Такая вереница называется „курдакомъ“.

„Негдѣ ему быть теперь, какъ либо у батюшки, либо у Ивана Александровича“, смекаетъ парень. Поѣхалъ напередъ къ отцу Ивану. — „Безиренѣнно, думаетъ, у него ставни прилажкуютъ“.

Однако, у отца Ивана тоже не оказалось обознаго выборнаго. Нашелъ его Степанъ, наконецъ, поддя пробѣжавши, у Габина, въ саду, на грядкахъ, гдѣ тутовникъ, шелковица была у него разсажена. Самъ Иванъ Александровичъ показывалъ что-то Никону, какъ червякъ шелковую нитку прядеть, рассказывалъ.

— Вѣда стряслась!.. кричитъ Степанъ еще издали, только сквозь заборъ увидѣлъ.

Пошли ему тутъ на встрѣчу и гость, и хозяинъ. Степанъ шапку было снять хотѣлъ, взялся за голову, а шапка-то у него дома осталась, простоволоснѣй обѣгалъ все время.

— Наши влопались, говорятъ:— поѣхали въ аулы барановъ воровать, ихъ тамъ и накрыли, связали, всѣхъ покрутили. Маметка оттуда, со мною встрѣлся, сказывалъ.

— Кто такіе наши-то? спрашивалъ Никонъ, а у самого брови сдвинулись, кулаки сжались.

— Кость-аральскіе. Макарка, да Яшка, да еще Долбилнѣй Трифонъ, а еще...

— Тѣфу ты! я думалъ, и впрямь изъ нашихъ. Что-жь, пущай на доброе здорovie, намъ какое дѣло.

— Зазорно тоже, все-жь-таки они земляками считаются; вручить надо, Никонъ Денисьичъ.

Инда слеза въ голосъ Степановомъ слышится, совсѣмъ парень разобидѣлся.

— А что-жь, это онъ правду говоритъ, вымолвилъ тутъ отъ себя и Иванъ Александровичъ. — Привезли ихъ или тамъ еще, въ аулъ, сидятъ? У кого въ аулъ-то?

— Въ аманджуловскомъ. Къ ночи привести хотѣли, Маметка сказывалъ; „такъ, говоритъ, связанныхъ и проведуть по всему городу и въ руки уѣздному предоставятъ, со всѣми, то-есть, уликами“. Въ запрошлую ночь еще спанали, сутки продержали безъ корму, а таперь сдавать хотятъ. Поѣхали это они...

— Съѣзди ты, Никонъ, туда, говоритъ Иванъ Александровичъ,—отвези записку отъ меня Аманджулу, бію тамошнему, да онъ кстати и самого тебя хорошо знаетъ; потолкуй съ нимъ;

можетъ, какъ-нибудь миромъ дѣло поладите, а то что поворитесь! Они, можетъ, съ этой науки перестанутъ такими дѣлами заниматься, ну, а не уйдутся, тогда ужъ пушай какъ хотять. Такъ все это и скажи ты бѣю. Онъ человекъ мягкій, податливый. Скажи, что я, молъ, тоже прошу его объ этомъ.

— Спасибо тебѣ, Иванъ Александровичъ, батюшко, спасибо, родимый! низко, чуть не въ ноги, поклонился Степанъ-Малышъ.

— Надоть идти, порѣшилъ тутъ и Никонъ; — что-жь, пиши записку-то.

Далъ тутъ имъ Габинъ лошадь свою да телѣжку, записку написалъ.

— Тамъ, говорить, есть одинъ мальчикъ, по-русски обученъ, онъ ему прочтетъ и переводъ сдѣлаетъ. Съ Богомъ отправляйтесь. Дай Богъ успѣха... Дорогою если встрѣтите, все равно верните, если Аманджула самого не будетъ съ ними, а то и на дорогѣ, все равно, порѣшить дѣло можно.

— Домой завернуть на минутку надо, одежду захватить... я, вишь ты, въ одной рубахѣ.

Ударили по лошади, шибко до дому догнали. Марина въ воротахъ стоитъ, дожидается. Пока Степанъ рассказывалъ ей все, что случилось, Никонъ одѣлся, подпоясался, бумажку въ шапку запряталъ.

— Готово, говорить. Прощай, я ѣду; къ завтраму, раньше не ждите.

— Прощай, Никонъ Денисьичъ, вымолвила Марина, вся зардѣлась и въ землю потупилась.

Поглядѣлъ тутъ на нее мужикъ, потомъ на Степана поглядѣлъ; тотъ тоже нагнулся, пальцемъ въ завалинѣ ковыряетъ. Букашка тамъ ползала красненькая, такъ онъ ей все дорогу перегораживалъ, въ сторону своротить заставлялъ.

— Ты что-же, со мною поѣдешь, аль тутъ, дома, съ нею останешься? спрашиваетъ Никонъ, садясь въ телѣгу.

— Я тутъ... это... коли что, ежели по дому потребуется... ободья, вишь ты, разохлись. Таперича, если ихъ въ воду положить, они намокнутъ... замололъ Степанъ.

— Ну, оставайся.

Тяжко вздохнулъ Никонъ и отвернулся, сталъ возжи разбивать.

— Поѣзжай, сказала тутъ Марина, жескоа взглянувъ на парня.

Тихо сказала, сквозь зубы, почитай. Слыхалъ-ли Никонъ это ея слово, про то невѣдомо, а только Степанъ такъ къ толгѣмъ метнулся, что забылъ обуться и шапку взять, полѣвъ снѣжно.

Подала ему тутъ Марина армякъ, сапоги новые и шапку, поклонилась.

— Я тутъ и одна по дому всѣ порядки справлю, поѣзжайте. Дай Богъ вернуться счастливо.

Поѣхали наши. Долго имъ обоимъ вслѣдъ дѣвка смотрѣла, пока за косогоромъ не пропали изъ виду, пыль, что изъ-подъ колесъ клубилась, вѣтромъ не развѣяло.

Шибко такъ ѡбжитъ сивый меренокъ Ивана Александровича, толгѣвка по кочкамъ подпрыгиваетъ; Никонъ лошадей править, глядитъ впередъ, не оборачивается; Степанъ позади сидитъ, къ нему затылкомъ, ноги съ градемъ свѣсивши. Молчатъ мужики, а меренокъ сивый знай-себѣ на бѣгу пофыриваетъ.

Часа три гнали степью, много еще до вечера на мѣсто прибыли. Издали видно, какъ кибитки киргизскія разстановлены, все порознь, по всей дощинѣ раскинулись. Вонъ одна побольше, бѣлый верхъ кошеинный, красными ткаными тесьмами накрестъ перетянуть; у входа по бокамъ коврики пестрые повѣшены. Много народу толпится у этой кибитки; лошади посѣдланныя стоятъ въ кучѣ, десятка два, мордами вмѣстѣ, хвостами врознь, знать куда-то ѣхать собираются; въ сторонѣ, немного поодаль, еще кучка стоитъ, обступили что-то, не видать за народомъ. Бабы ихнія, въ синихъ рубахахъ, въ бѣлыхъ джавлукахъ, на головѣ навороченныхъ, снуютъ между кибитокъ, кричатъ что-то, хохочутъ звонко; ребятнишки скачутъ совсѣмъ голые, чумазые такіе, восичками на бритыхъ головкахъ потрахиываютъ. Верблюды паршивый лежатъ на боку, должно быть больной, ореть сердечный. Около него двѣ старухи возятся, ногу ему тряпками оборачиваютъ; другой верблюдъ стоитъ навьюченный, по два барана зарѣзанныхъ приторочены къ его сѣдлу съ обоихъ боковъ; пятый поверхъ лежитъ, тоже везти хотять куда-то.

— Это воть *они самые*, догадался Никонъ и кнутомъ въ ту сторону указываетъ.— Мы, братъ, въ самое время поспѣли, не опоздали. Тамъ вонъ, надо полагать, и *ты* сидятъ, обаянные.

Остановилъ онъ лошадь, слѣвъ. Тутъ къ нему двѣ дѣвки подошли, румяныя такія, толстомясыя; отдалъ имъ Никонъ возжи, самъ со Степаномъ пѣшкомъ пошелъ, прямо къ большой кибиткѣ гдѣ народъ толпился. Разступились киргизы, дали дорогу прѣзжимъ.

Вій Аманджулъ принялъ нашихъ мужиковъ ничего, ласково. Стала орда перешептываться.

Подаль тутъ Никонъ записку габинскую; распечаталъ ее старый бій, бережно расправилъ.

— На, читай, говоритъ мальчику лѣтъ четырнадцать, что подлѣ сидѣлъ.— Какъ здоровье, спрашиваетъ, почтеннаго Ивана Александровича, семейство его, домашніе всѣ здоровы-ли?

— Благодарствуемъ, ничего, слава-богу, всѣ здоровы, тебѣ кланяются.

— Дорога ваша легка-ли показалась, благополучно-ли доѣхали?

— И это слава те Господи! далеко-ли тутъ... рукою подать, все едино.

— Такъ...

Сталъ тутъ читать киргизенокъ, глаза слезилъ, прищурился, самъ пальцемъ по бумагѣ водить, читаетъ не спѣша, слово за слово. Прочтетъ малость, по-своему расскажетъ.

Сидитъ Аманджулъ старый, слушаетъ внимательно, глаза въ землю опустилъ. На бритой головѣ у него тибетечка надѣта малиновая бархатная, стеганая, галуномъ золотымъ обложена; такъ онъ ее все приподнимаетъ, потъ съ головы шелковымъ платкомъ вытираетъ.

Никонъ ждетъ, сидитъ молча, лицомъ пасмуренъ, словно гнѣвается. Степана и въ жаръ, и въ холодъ попеременно бьдаетъ. Сомнѣлъ парень, ждетъ не дождется, какое такое рѣшеніе отъ Аманджула выйдеть по ихнему дѣлу.

— Это онъ за воровъ просить? поднявъ голову старикъ и на Никона взглянулъ пристально.

— Извѣстно, за нихъ самыя, окаянныя этия, сердито вымолвилъ Никонъ.

— И ты тоже за нихъ просишь?

— Затѣмъ пріѣхали.

— Просишь ты какъ-будто нехотя, а потому тебя и спрашиваю.

— И какъ это можно, чтобы нехотя... будь ты родимый... началъ-было Степанъ.

— Коли-бы моя воля да не при людяхъ было, а бы самъ ихъ, своими руками, какъ слѣдъ отработалъ-бы за эвти дѣла, заговорилъ Никонъ.—Только сраму такого передъ людьми чужими трудно выдержать, потому на всю волость позоръ пойдетъ: „экихъ работниковъ хорошихъ намъ изъ Рассей Богъ послалъ“, скажутъ; не возьмутъ того въ толкъ, что они словно какъ чужіе стали. „Все, скажутъ,—одной волости, съ одного села, земляки; у васъ тамъ и всѣ, чай, такіе“. Покончимъ дѣло промежъ себя; не пушай его совсѣмъ чтобы въ огласку, не доводи до начальства, сдѣлай милость такую...

— Будь ты отцомъ родимымъ, милостивымъ, а ны за то первое за тебя молещички!

Вултыхнулся тутъ Степанъ въ ноги старому Аманджулу, тотъ усмѣхнулся.

— Не надоть этого! толкнулъ Степана Никонъ кулакомъ подъ бокъ,—не требуется.

— Такъ! вымолвилъ бій, да и задумался.

Тихо стало въ кибиткѣ, никто слова не говоритъ, не шепчутся даже. Всѣ ждуть. А кругомъ снаружи гомонъ идетъ глухой, слышно, какъ народъ навалился на стѣны, во всѣ щели да прорѣхи глядятъ; за Никоновой спиной горячо дышетъ кто-то; кошма отъ напора вздулась. Потрескиваютъ рѣшетки кибиточныя.

— Акрыни! (тише, значить) обликнули изнутри,—осторожиѣ!

— Мы-бы не жаловались, коли-бы люди они были не такіе, началъ говорить бій;—коли-бы у нихъ хоть что-нибудь было-бы, хоть какое-нибудь добро, скотина-бы велась... Они у насъ украли, мы-бы къ нимъ на баранту народъ выслали, свое съ кабаромъ вернули-бы, а то что съ нихъ взять? Внаю я этия, что на

Косъ-Аралъ сидятъ,—съ нихъ взять нечего. Опять-же зазнались они очень, не по сану своему руки протягиваютъ... поучить ихъ надо бы... уши обрѣзать или пальцы на рукахъ, по прежнимъ нашимъ порядкамъ. Теперь этого нельзя; за это сами отвѣтить можемъ. Что-же намъ дѣлать остается? Вотъ посмотри, что вашъ судъ для насъ сдѣлаеть?

— Извѣстно, продержатъ года два въ острогѣ, а то сошлютъ куда...

— То-то вотъ: сошлютъ. Коли-бы изъ вашихъ „полевыхъ“ кто, мы-бы у васъ скотиною убытки свои вернули-бы, а то хлѣбъ сняли-бы съ поля.

— Пушай моихъ воловъ заберутъ себѣ, шепнулъ тихонько Степанъ.—Скажи ты имъ это, Никонъ Денисьичъ: я свою пару отдамъ.

— Да я-то не возьму, громко вымолвилъ Аманджуль;—ишь ты какой щедрый!

Чутокъ тоже на ухо старей, не по лѣтамъ своимъ; на что тихо говорилъ парень, а все до слова услышалъ. Оробѣвъ Степанъ, думаетъ: проврался что, неладно.

— Для Ивана Александровича да для тебя, потому я тебя давно уже знаю, хоть мы и мало знакомы, я все сдѣлаю. Что ко мнѣ въ гости не заѣзжаешь?

Степанъ и не понялъ сразу, къ чему дѣло пошло, такъ-то круто повернулъ Аманджуль, бѣи старей. У Никона въ глазахъ словно какъ-будто свѣтлѣе стало немного.

— Сегодня у меня прогостите, а завтра я вамъ на руки дамъ „тѣхъ-то“; что хотите, то съ ними сами и дѣлайте. А ежели еще разъ попадутся, то ужъ лучше и не прѣзжайте. Такъ и Ивану Александровичу скажи: пусть онъ мнѣ лучше и не писать такой бумаги, а то перестану быть съ нимъ пріятелемъ, рассорюсь... такъ и передай.

— Спасибо, вымолвилъ Никонъ.—Коли до меня дѣло будетъ какое, присылай: твой работникъ.

— Экіе дни Аллахъ посылаетъ намъ жаркіе! Что-же, поди погляди на „своихъ“.

— Ну ихъ къ...

— Завтра утромъ дамъ я ихъ тебѣ на руки, опять повторилъ Аманджуль.—Отведи ихъ самъ на Косъ-Аралъ, Расскажи имъ „Дѣло“, № 7.

все, что слышалъ здѣсь; скажи: зорко ны теперь свое добро бережешь, пусть лучше и не суются, а сунутся, пусть на себя пеняютъ, будетъ плохо. Такъ плохо, пожалуй, что и къ начальству доставлять ихъ не потребуется, сами всѣ концы скроютъ, не разищутъ; ваши на нихъ сильно озлобились, меня и не послушаютъ, да я и знать, пожалуй, не буду, коли ежели что случится; понять?

— Какъ не понять!

— Чтобъ послѣ всего такого да опять... Ахъ, Господи! да что-же это за люди будутъ такіе!

— Бываетъ, сказала Аманджуль и велѣлъ принести кунису большую чашку деревянную.

Выручили *своихъ* Степанъ съ Никономъ, погостили тотъ день у Аманджула, а на другой день чуть свѣтъ выѣхали. Сдали имъ рыбаковъ косъ-аральскихъ, а тѣ и идти не могутъ, рукъ поднять не въ силахъ, такъ ихъ арканами намяло, трое сутокъ на привязи просидѣвши. Усадили ихъ въ телѣгу, отвезли на Косъ-Араль; до берегу доѣхали, а оттуда лодку выкликали. Еще день прошелъ даромъ съ этою поѣздкою.

— Сколько времени потратили только, страсть! ворчалъ Никонъ, въ обратный путь собираясь со взморья. — На великѣ-ли срокъ бумаги ваши написаны? Много-ли осталось еще? спрашиваетъ.

— Какіе наши сроки! вздохнули мужики; — сказывается онъ: „деньгами впередъ много забрали“.

Назадъ дорогою ѣхали, опять Никонъ слова не выполнилъ, знай погоняетъ лошадь, торопится. Пробовалъ-было Степанъ съ нимъ заговаривать: и то начнетъ, и другое—молчитъ мужикъ да и шабашъ. Запѣлъ-было парень со скуки. „Ну!“ крикнуть Никонъ, и не разберешь толкомъ, на кого: на него-ли или на мерена.

— Заждались, чай, насъ дома-то, шутка-ли, четвертые сутки! брякнулъ простоватый парень.

Взглянулъ на него исбоса Никонъ, лошадь на-отмашъ ударилъ, сплюнулъ даже.

— Оставь ты разговоры эти, сдѣлай милость божескую, оставь, промолвилъ онъ.

Ну съ того слова Степанъ и оставилъ его, самъ молчить всю остальную дорогу.

А къ городу стали подъѣзжать они, уже давно стемнѣло, одиннадцатый часъ ночи пошелъ, и темь стояла такая, что чуть только дуга впереди чернымъ полукругомъ маячила.

XXIV.

„Закопошились черви въ гниломъ волотъ.“

Пришла купчиха Антонида Евлампьевна къ „черноусому“, шумить у него на кухнѣ юбкою канаусной, пытитъ, отдувается, на стульчикъ присѣла... Сопрѣла баба съ жару-то да съ ходьбы спѣшной.

— Дома самъ-отъ? спрашиваетъ казачка-мальчика, Симию прозывается.

— Еще не вставалъ, манежится послѣ вчерашняго. Голосъ подалъ уже... разокъ выругалъ...

— На дому что-ль вчера былъ аль въ гости ходить?.. Налейка плешечку.

— На дому. Въ карты играли до свѣту. Личницу съ ветчиною дѣлалъ имъ, на четыре персоны.

— Такъ доложь поди, Симушка, ужъ онъ знаетъ, зачѣмъ... скажи, моль...

— Доложу.

Взялъ это казачокъ поднось, сталъ дверь отворять, обернулся, а Антонида Евлампьевна руку запустила уже въ сахарницу, всю пятерню, цѣликомъ, потнуд.

— Э, не годится, купчиха, зачѣмъ баловать... съ меня спрашиваютъ...

— Кусочекъ одинъ только... Что-же... нѣшто тебѣ жалко... я чуточку...

— Горстѣй-то чуточку?

— А... Зови ее сюда! Эй, Кулебяка Евлампьевна, шагай прямо; съ чѣмъ пожаловала?

Подобралась акуратно вупчиха,—въ кухнѣ-то было налито на полу,—въ дверь прошмыгнула, прошла, поскрипывая, черезъ первую комнату, глянула мелькомъ на столъ карточный, раскрытый, замѣленный, весь окурками папиросными засыпанный, заплеванный... Тутъ, налѣво сейчасъ, другая дверь, въ спальню ведетъ. Темно тамъ, ставни-то еще заперты, свѣтъ въ щели пробивается, полоскою дотянулся до самой кровати, клѣтки по черному красныя на одѣялѣ обозначились. Не то локоть голый видѣнь, не то колѣнко...

— Садись, рассказывай, говорить черноусый,—а я пока одѣваться стану. Симка!..

— Какое почивать извоили, батюшка? что во снѣ хорошаго видѣль?

— Садись ближе... Вотъ сюда. Да ну, двигайся, чего упираешься, не молодежькая!

— Озорникъ... Ну-у... Симка услышитъ. А я въ тебѣ съ вѣсточкой. Что дашь?

— По вѣстямъ глядя...

— Ужъ такая-то вѣсть, такая вѣсть... Да ну, не балуйся, а то говорить не стану.

— Симка, водки! Да не осталось-ли рэдисочки отъ вчерашняго? Погляди тамъ, въ шкафикѣ.

— Коли не въ это время, такъ ужъ я и не знаю, когда, вздохнула Антонида Евлампьевна.

— А что?

— Оба уѣхали—и самъ покати въ габинской телѣжкѣ, и нтотъ съ нимъ поперъ. Одна теперь одишешенка въ дому осталась. Заходила я это, пытала стороною; сутокъ на двое отлучились, сказывала, а то и поболѣ. Въ орду за дѣломъ какимъ-то услалъ ихъ *садоводъ* этотъ.

— Ну, такъ какъ-же?

— Да уже теперь какъ знаешь... А полагать надо, изъ нашихъ рукъ не вывернется. Коли на корысть не пойдетъ, такъ мы другое что подстроимъ... дѣло, по здѣшнему мѣсту, бывалое.

— Слушай, коли правду тебѣ говорить, откровенно, ста рублей не пожалѣю. Поняла?

Инда вскочилъ на кровати черноусый. Подаль тутъ ему Симка графинчикъ на подносикѣ, подзакусочки солененькой на блю-

дечкѣ; освѣжился натошакъ баринъ, сталь еупчиху подчивать, та тоже выпила, поломалась сначала, для порядку больше, говорить: „охъ, ужь не рано-ли?“ Сижку въ лавку услали и стали прожежь себя разговаривать.

Пошелъ гулять черноусый въ тотъ день, передъ вечеромъ этапъ, когда прохладѣе стало.

Заходилъ кое-къ-кому изъ знакомыхъ, у отца Ивана посидѣлъ на его стройкѣ новой, съ уѣздны мѣ на дрожкахъ къ пристани сѣзидилъ, саксаулъ повѣрять казенный; солдатика встрѣтили сильно выпившаго, на гауптвахту сейчасъ его спровадили.

— Ужь очень много питейныхъ домовъ завелось у меня въ городѣ, говоритъ уѣздный.

— Не такъ, чтобы много, однако достаточно, по числу жителей, говоритъ черноусый.

— Думаю я: не убавить-ли ихъ на половину? смотреть на него уѣздный.

— Не мѣшало-бы, смотреть на него черноусый; — отъ нихъ, говоритъ, одна безнравственность.

— Ущербъ казнѣ какъ-бы не вышелъ, потому они всѣ патенты свои оплачиваютъ...

— Нравственность прежде всего. Что тутъ жалѣть какою-нибудь тысячу рублей, другую, а впрочемъ...

— Вчера шесть прошеній поступило ко мнѣ, сегодня три... Морозовъ еще просить.

— Что-же вы?

— Разрѣшилъ.

Вдохнулъ тутъ тяжело уѣздный, черноусый тоже вдохнулъ, для компаніи.

Уѣздный къ себѣ поѣхалъ, повернулъ изъ воротъ налѣво, эсплонадою; судья къ базару потянулся, прямикомъ; папирсочку закурилъ, идетъ, хлестикомъ себя по ногѣ пощелкиваетъ; шагу прибавилъ.

Встрѣтился тутъ ему аптекаръ, изъ кармана оттопыреннаго торчить что-то, въ бумагѣ завернутое... Прихрамываетъ легонько, на палочку опирается.

— Что это, со вчерашняго осталось? спросилъ его черноусый.

— Да, со вчерашняго. Глядѣть — было не высоко, а соскочить — порядочно. Ступень, должно быть, не ладно.

— Бывастъ. А тебѣ во дѣлѣ: не таскайся неуказаннымъ путемъ, знай дорогу настоящую.

— Куда идешь?

Махнулъ тутъ рукою черноусый — туда, воль, а самъ подсаживается.

— Ну, полно врать! А нашу вари срокъ подходитъ, ты что скажешь на это?

— Скажу, что изволь къ расшатѣ приготовляться, вотъ что, — не ожидалъ?

Ослаблился тутъ аптекарь.

— Ладно, говорить, чѣмъ докажешь? На слово тоже не повѣрять.

— И докажу. Зачѣмъ на слово вѣрить... на дѣлѣ докажу... вотъ увидишь.

— Докажи.

Нагнулся тутъ на ухо къ нему черноусый, обнявъ одною рукою, шепчетъ...

— Сегодня ночью, можетъ... Да даже и навѣрное... Приходи съ сотникомъ въ слободу, станьте такъ, чтобы не видно было... Ровно въ два часа пополуночи я отъ нея выйду... А ужъ какъ войду, то мое дѣло; что, развѣ это не доказательство?

— Идетъ, пожалуй... это похоже будетъ на дѣло... Такъ мы придемъ, непременно придемъ.

— А теперь проваливай, — тебѣ туда дорога, мнѣ — сюда; до пріятнаго свиданья.

Подержались за руку; черноусый пошупалъ, что это въ карманѣ у аптекаря.

— „Коньячеусъ дель шампанія“? спрашиваетъ.

— Въ родѣ того... Адіо дель пасата... Бонъ нуи. Однако ты шельма ловкая... ха, ха!

— Прощай!

Разошлись пріатели, каждый своею дорогою: аптекарь къ крѣпости заковылялъ, черноусый мимо базара, къ слободѣ, заданъ пошелъ, не улицемъ, свернулъ въ поле для этого.

А время-то становилось позднее, солнышко сѣло и темнѣть начало... Судья коричневое пальто надѣлъ, догадался, и штаны

черныя; совѣтъ его не видать, только шапка одна бѣлѣтъ... Снялъ и ту на всякій случай, снялъ, въ карманъ засунулъ, идетъ дальше. Заборъ дорогу ему перегородилъ—перелѣзъ. Пропшелъ еще шаговъ съ десятокъ — опять стѣнка; перелѣзъ и черезъ эту... Только было разошелся, опять... Тьфу ты, чортъ мѣхъ деря, сколько они тутъ понагородили! Градки стали попадаться ему подъ ноги, въ яму чуть не свалился... Эхъ, жаль, не захватилъ съ собою фонарика!

Покончила все съ дневною работою по дому Марина Денисьевна, убрала, сѣла къ окошечку, на улицу поглядываетъ, чинить ветошь какую-то, мурлычетъ пѣсенку вполголоса... Разбираетъ ее одну-одинененьку скука смертная...

Совѣтъ никого народу нѣтъ на улицѣ, пустырь-пустыремъ стала слободка и глядѣть-то не на что... Въ полѣ-то все лучше было, веселѣе какъ-то... Уныло глядеть заборы да стѣны разнытны, торчатъ съ концовъ крышъ жерди оголенные... Золотить все это, жаромъ обливаетъ заходящее солнышко, а все не красить, еще тошнѣе отъ того становится!..

Думается Маринѣ, передумывается... Сердце щемитъ начало, а чего—и сама не знаетъ, не догадывается... Чего, дѣвка безстрашная, совѣстью чистая, покойная, а словно робость какая нападаетъ... Мышь заскреблась подъ печкою—задрожала вся; разсмѣялась потомъ, громче пѣть стала... Видитъ: идетъ мимо купчиха, по той сторонѣ, улицу переходитъ, словно къ ней норовитъ; подошла, кланяется на ходу...

— Здравствуй, говорить, красавица; что не весела сидишь, по комъ скучаешь?

— А по комъ мнѣ скучать! вымолвила Марина;—здравствуй, Евлампьевна...

— Что ваши, дома? спрашиваетъ купчиха, сама будто не знаетъ, прикидывается...

— Никого нѣту, уѣхамши... одна я... Куда Богъ несетъ? сюда забрела изъ городу?..

— Да такъ, думаю: „дай провѣдаю“. Къ тебѣ, родимая, къ тебѣ, пустынь, что-ли?

— Заходя, что же. Сейчасъ дверь отворю... приходи во дворъ, верота не заворти...

„Побегала, сѣтъ скуки, дунуть дѣвка; — Никому она не во праву, пустая баба; да ничего, что отъ разговорѣ подѣлка? Она, вещь ты, жалитя...“

Вонизъ Антоида Еланильона, повалилась въ уголь, сѣвъ, угоничь изъ-вудъ шилъ выволочка, на столъ повалилась; ступнула что-то въ носъ, слово какъ-будто посудина...

— Что это ты!

— Да вотъ угоничь кое-какое... во наизну бабелю дѣлу самое настоящее, не побрегутъ...

— Зачѣмъ расходовалась? Съ свонгъ хлѣбонъ въ гости ходишь!...

— Что за расходость! Пустое дѣло. Уже очень-то я люблю съ хорошихъ человеконъ, для кончалн... Одной-то въ думу найдоть, а ежели въ общество—равнобездное самое дѣло... Это слабенькая, сла-адкая, ровно медъ. Самоварчикъ-то есть? съ чайконъ горяченькихъ чу-у-дсно!

— Самоваръ эвона на колкѣ, пожалуй, сейчасъ поставлю. Не долго это.

— О-хо-хо! грѣхи наши тяжкіе! Простить, чай, Господь, но моему, но вдовьену положенью...

Внесла Марина самоваръ въ сѣнцы, гостя тоже за носъ взглянула... Видитъ Марина: дверь отперта настежь, на крыльцо ведетъ которая; притворила ее плотнѣе, задвижку задвинула на всякій случай.

— Это хорошо! замѣтила купчиха,—чтобы не зашелъ кто не-пароконъ... Время позднее...

Сама зорко глядитъ; увидала, что Марина къ самоварному жерлу нагнулась, дуешь; легонько пальцемъ по задвижкѣ этой толкнула, въ обратную сторону... Не замѣтила дѣвка этого, знай раздуваетъ, и щепочекъ подбрасываетъ.

— Закипитъ скоро, сказываетъ;—погоди, я молочка принесу да пирожка нарѣжу; сегодня пекла, свѣжій!

— Хозяйка ты, я вижу, привѣтливая... Нако-ся тебѣ подарочекъ, получиай.

— Что это? отступила Марина, нахмурилась, смотреть на гостью неласково.

Платокъ та вынула шелковнй, цвѣтами затканнй, дорогой платокъ, рублей двадцать стоить, и то купить дешево... Развернула его Антонида Евлампьевна, такъ и загорѣлся узоръ разноцвѣтнй на лиловомъ полѣ.

— Прикинь-ка его на голову.

— Отъ кого это? пытается Марина.

— Не отъ меня, глупая, не отъ меня... все отъ него, отъ красавца-то этаго... знаешь?

— Слушай, говорить Марина, — коли ты опять объ этомъ-же рѣчь вести хочешь, то вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и порогъ отседова. Хочешь гостемъ чтобы тебя почитали, лучше и разговоръ этотъ брось... уговоръ — первое дѣло... какъ теперь знаешь.

— Ну, ну, полно! экая ты, право, лебедка, сердитая... Ну, сказала я, что-жъ тутъ такого? отъ слова ничего не можетъ статья, что за важность...

— Не таковская, чтобы даже въ помыслахъ *онъ* что имѣлъ, про меня зарился-бы...

— И ничего, то-есть, нѣтъ тутъ обиднаго, ни, то-есть, вотъ сколько нѣтъ...

— Мое дѣло...

— Какъ знаешь... Только я то скажу, что и не таковскія отъ него не бѣгали, не отворачивались. Въ запрошломъ вотъ годѣ полковницкая дочка не брезгала... Браслетъ онъ ей тогда презентовалъ, сто сорокъ въ Ирбитѣ заплатилъ, на ярмаркѣ; синій азамрудъ, а кругомъ это красные камни самоцвѣтные, звѣзда звѣздой горѣлъ... На платьѣ еще трико дамскаго и зонтикъ.

— Ну, и этотъ платокъ пушай туда-же пошлетъ, ко всему наряду чтобы...

— Да полно тебѣ куражиться, красавица ты, полно... говорю я тебѣ отъ всего, то-есть, сердца...

— Отстань, сказано!

Такимъ-то голосомъ зычнымъ крикнула Марина, что та взглянула на нее да и смолчала.

— Не хочешь, не стану... о другомъ о чемъ поговоримъ... Милости просимъ, прикушай этаго.

Налила она тутъ изъ бутылки съ ярлычкомъ пестренъкинъ, раззолоченнъ, въ стаканчикъ, подаетъ ей, кланяется...

— Раскипятила ты меня только по-пусту... бормочетъ Мари-

на.— „Ужъ зачѣмъ я тебя впустила? думаетъ.— Неравно Никонъ подѣдетъ, опять вытурить, на меня прогнѣвается...“

— Слабенькая, одно слово— вода сахарная; прикушай, прихлебни только...

„Отъ нея не отвяжешься... Что-жъ, съ одного ничего не будетъ— выпью, думается дѣвкѣ.— Аль ужъ выпить, побаловаться... Простую пробовала— тоже ничего, а эта ишь ты какая, красная...“

Прихлебнула изъ стаканчика, посмаковала, еще разъ прихлебнула... Выпила...

— Вотъ хорошо, вотъ любо! На доброе здорovie, красавица! Дайко-сь и я, старушка, съ тобою...

Выпила и Антонида Евлампьевна; пирожкой стала закусывать...

Стукнуло что-то въ сѣняхъ и по полу покатилося; дверь словно отворилъ кто-то.

— Чуко-сь!.. привстала съ лавки Марина;— вошелъ кто-то... Чудное дѣло!

— Ничего, это котъ шалить, можетъ, либо крыса, говорить гостя.— „Ишь, равно медвѣдь косопланный, неловкій какой“, думаетъ про себя.

Вышла Марина поглядѣть, за нею и Евлампьевна тащится... Никого въ сѣняхъ нѣту, тихо, дверь на задвижку изнутри приперта, какъ слѣдуетъ... Темно въ сѣняхъ, чуть только изъ слухового окна просвѣчиваетъ...

— Видишь, говорила я: такъ что-нибудь... Либо котъ, либо крыса... эвоя горшечекъ опрокинулся...

— Свѣчу зажгу... Все виднѣе будетъ... сказала Марина, вернулась въ избу, стала доставать спички съ полки, а Антонида Евлампьевна у двери стоять, къ притолкѣ прислонившись...

— Съ кѣмъ это ты шепчешься? быстро обернулась къ ней Марина и похолодѣла вся.

— А ни съ кѣмъ, родимая, съ кѣмъ ниѣ шептаться... только мы двое тутъ съ тобою, никого больше нѣту.

— Ты будто „погоди еще“ сказала?

— А это я насчетъ свѣту... Что свѣчу жечь понапрасну, мимо рта не пронесемъ, а разговаривать и въ сумеречкахъ можно... Оно еще вольготнѣе въ сумеречкахъ-то, въ мысляхъ словно

какъ-будто простору больше... Покойникъ мой завсегда, бывало, любилъ въ потемочкахъ... сидеть онъ это...

— Ты зачѣмъ это пришелъ? Вонъ! на всю избу крикнула Марина.

Визгомъ звѣриницъ, не голосомъ человѣческимъ крикъ этотъ у ней вырвался...

Только черкнула она спичкою, стоитъ передъ нею черноусый, подступитъ ближе собирается...

А тѣмъ временемъ аптекаръ съ казачьимъ сотникомъ давно уже по улицѣ бродили, ждали, какъ это черноусый изъ дому Никонова выходить будетъ.

Ходили это они, ходили, курили папирсы свои, курили, промежь себя потихоньку разговаривали. Прежде все въ темнотѣ, у стѣночекъ держались, да надоѣло потомъ, ближе на улицу вышли, у самого, почитай, дома толкутся.

— Который часъ? спрашиваетъ сотникъ аптекаря; — забылъ захватить свои съ собою.

— Половина перваго, говоритъ аптекаръ, папирскою на часы посвѣтивши.

— Долго...

— Долгонько!..

Помолчали, опять ходить стали да прислушиваться. Любопытные тоже.

— Начинается, начинается... засуетился сотникъ, къ окошкѣмъ бѣгомъ бросился.

Заковылялъ за нимъ и аптекаръ, прихрамываетъ сердечный, торопится.

Вздѣзли оба на приступку, проковыряли пальцами бумагу въ оконныхъ рамахъ, присматриваются...

— Стонетъ, шопотомъ заговорилъ сотникъ, — слышишь? ничего только я не вижу.

— Уйдемъ лучше, ну его къ чорту съ его пари, неприятность можетъ выйти.

Струсилъ аптекаръ, на утекъ собрался было, заблаговременно чобъ.

— Какая неприятность? пустяки, что за важность, пуст....

XXV.

Грѣхъ великій.

Шибко шли домой Никонъ со Степаномъ-Малышомъ, послѣ-
шали оба.

Лошадь-то они у Габина оставили, заѣхали къ нему перво-
началу, замѣшкались. Вотъ и въ слободку пришли, идутъ улицю.

— Стой! разомъ осадилъ Никонъ и сталъ пристально впередъ
вглядываться.

Согнулся весь, съежился, словно звѣрь какой припалъ, гото-
вый кинуться.

А на бѣлой стѣнѣ явственно такъ двѣ спины выдѣляются,
пошевеливаются.

— Воры! шепчетъ Степка. Хотѣлъ было на нихъ бѣгомъ
броситься.

— Какъ-бы чего хуже не было, глухо выговорилъ Никонъ,
сжалъ въ рукѣ топориче, задрожалъ весь, да мимо этихъ спинъ
прямо въ избу.

Шарахнулись господа отъ окошка. Хотѣлъ-было одного изъ
нихъ сцапать Степанъ, вывернулся, на казака попалъ.

Аптекарь нашъ, даромъ-что хромой, ходко зарыснулъ такъ
по улицѣ.

— Караулъ! оретъ въ догонку имъ Степанъ.—Караулъ! воры!

А тутъ купчиха Антонида Евлампьевна изъ калитки выката-
лась.

— Убили, убили! визжить баба,—до смерти убили! Охъ, ба-
тюшки! охъ, голубчики!

— Пыпалъ! оретъ Степанъ и на нее сверху навалился, не
выпускаетъ.

Сталъ народъ со всѣхъ концовъ сбѣгаться: кто съ фонарями,
кто съ дубемъ, кто съ чѣмъ. Обѣздные казаки, слышно, ска-
чутъ съ базара; топочутъ кони, все ближе да ближе подвигаются.
Дрожки ѣдутъ, тоже въ эту сторону, гонять шибко, должно
быть самъ уѣздный.

— Горитъ гдѣ, что-ли? кто-то спрашиваетъ.—Народъ скорѣе
скликайте..

Вышелъ изъ избы Никонъ.

Попытывается мужикъ, словно хлѣбень сталъ шибко. Весь въ крови перепачкался; въ рукахъ ничего нѣту, самъ безъ шапки; волосы на лбу поправилъ—слѣдъ кровавый остался.

— Вязи его! командуетъ сотникъ. Вернулся тоже съ народомъ, не побоялся.

Никто къ Никону не подступается. Стоять да смотреть.

Базакъ слѣзъ было съ лошадей, сунулись, да взглянули на Никона—и попятились.

Фонарями свѣтатъ ему прямо въ лицо — блѣдный сталъ мужикъ, глаза глядятъ чудно такъ,—должно быть, отъ свѣта этого такъ кажется.

— Вязите его, ребята, чего стоите. Аркановъ сюда! Вязите разбойника!

— Нечего его вязать, вымолвилъ Никонъ,—разбойникъ-то въ избѣ лежитъ; а я и такъ пойду, несвязанный... Ступай, Степанъ, въ избу... Мнѣ туда, чай, уже не ворочаться болѣе... шабашъ...

Бросилъ Степанъ купчиху, пошелъ въ избу; повалилъ народъ за нимъ, волною хлынулъ.

Лежитъ черноусый ничкомъ посреди избы. На земляномъ полу размокшемъ грязь стоитъ отъ крови. Между лопатовъ топориче торчитъ, а желѣзо все внутрь ушло, по обухъ по самый.

Марина на лавкѣ сидитъ. Воротъ у нея вплоть до пояса разодранъ, косы разметаны.

Сидитъ дѣвка прямо, глядитъ покойно.., Свѣтло такъ въ глазахъ у нея, ясно. Лицо только бѣлѣе стѣны стало и руки чуть-чуть вздрагиваютъ.

— Что такое сдѣлалось? потушился Степанъ.

— Грѣхъ случился великій, вымолвила Марина Денисьевна, встала и начала на образа креститься...

Забрали тутъ Никона, обознаго выборнаго старосту, забрали и Степана-Малыша, забрали и Марину: „главная, говорятъ, всему зачинщица, причина самая“.

Всѣхъ троихъ забрали, рассадили порознь, въ арестантскія, подъ караулъ строгій, и послали ихъ каждый день допрашивать да передопрашивать.

Заходили толки да переговоры по всему городу и пригородахъ, по стени слухъ пробѣжать.

Началось дѣло судное.

XXVI

Подъ замками.

Вотъ уже мѣсяць къ концу подходитъ, какъ сидятъ по арстанскимъ конурамъ. каждый порознь, всѣ по дѣлу тому забранные.

И въ присутствіе-то ихъ водили „показанія отбирать“, и на мѣстѣ ихъ допрашивали, справки наводили, писали да переписывали... Въ лѣсную сторону, на Волгу, и туда запросы посылали... Тянуть дѣло, да и полно.

„И чего только за душу волокутъ, думаютъ всѣ трое.—На-чистоту совѣмъ дѣло выходить, никто ни въ чемъ не запирается, показываютъ все по совѣсти, безъ всякой утайки... Чего-же имъ еще? Хоть-бы рѣшали судьбу нашу поскорѣе, что-ли. Не мали-бы по-пусту...“

Антониду Евлампьевну тоже притянули; засадили спервоначалу, а потомъ отецъ Иванъ на поруки взялъ ее, по христіанскому своему сердцу доброму, ну, и выпустили.

Иванъ Александровичъ тоже было-сунулся за нашихъ хлопотать, да его сразу осадили...

— Ужъ не за одно-ли вы тоже съ ними, что такую горячку порете? говорятъ ему.—Съ покойникомъ-то вы, знаемъ мы, шибко не ладили. Гмъ, подозрительно что-то...

Многіе по этому дѣлу сильно любопытствовали; глядѣтъ это ходили на „убійцу“. Показывали имъ его черезъ окошечко дверное, а внутрь не пущали, говорятъ: опасно...

Крѣпокъ мужикъ Никонъ былъ, а захирѣлъ отъ этого... Злость у него подступала каждый разъ подъ сердце, какъ увидить въ окошкѣ баринъ разряженныхъ, господъ съ лорнетками, на него уставленными,—а наружу эта злость не выпускается, крѣпко ее Никонъ въ себѣ таятъ, ничѣмъ не выказываетъ... Ну, и стало ломать его; такъ-то подѣйствовало, что и на себя съ лица не похожъ сталъ, пожелтѣлъ весь, а глаза какъ у волка забѣгали...

Пуше всего господа насчетъ Марины любопытствовали. Каждый день кто-нибудь да и повидается; допросы съ нея тоже снимались, самыя долгіе выходили. Написано-то этихъ допросовъ не много было, а разговору было достаточно, подробно обо всемъ спрашивали.

Степана-Малыша меньше прочихъ трогали. Загрустили бѣдняга, все плачетъ. Въ *общую* просится, а то о другихъ печалится. Его про дѣло спрашиваютъ, а онъ самъ норовитъ спросить: „каково Никону да что съ нимъ? Марина здорова-ли, не захворала-ли съ горя, съ несчастья неожиданнаго?“ Чудной такой сталъ парень. Много тоже надъ нимъ господа забавлялись...

Стало тутъ было слѣдствіе къ концу подходить. Судъ составили, цѣлую комисію. Въ головѣ этой комисіи судной самого майора, командира батальоннаго, назначили, а кромѣ него семеро господъ, все изъ военныхъ... Одного чиновника имъ тоже для шведского поствавили, такого, что всѣ порядки зналъ, — по всей формѣ. Отцу Ивану тутъ тоже предписаніе вышло, чтобы присутствовалъ въ засѣданіи, въ эпитрахили и съ крестомъ, неравно что насчетъ присяги потребуется.

Сумка съ бумагами у слѣдователя на четверть вздулась. „Вотъ, говоритъ, еще на полвершечка прибавится, можно будетъ и кончить. Все предоставлю, и дѣйствуйте тогда, какъ знаете“.

Назначили даже время, когда судить, день и часъ даже; приходилось это какъ-разъ черезъ три недѣли и два дня. Оповѣстили подсудимыхъ объ этомъ, порадовали ихъ чуточку, дали вздохнуть вольготнѣе, въ баню сводили съ солдатами, съ своими кое-съ-къмъ повидаться допустили.

— Таперича, говорятъ, скоро.

И нужно-же было тутъ случиться оказіи, да такой, что опять все вверхъ дномъ перевернулось, опять началось новое слѣдствіе, а старое перепуталось.

XXVII.

ШАКАЛЯ ВАЛГА.

Приѣхалъ въ городъ киргизъ-посыльный, джигитъ простой, сталъ Василя Іонича розыскивать; нашелъ скоро, потому купецъ въ ту пору дома былъ, нивкуда не отлучался.

— Что тебѣ надоть, другъ любезный? спрашиваетъ Василій прѣвжаго киргиза.

— Салтыкъ за тобою прислалъ, говорить джигитъ. — Сейчасъ чтобы непременно прѣхалъ, большое дѣло есть, а какое дѣло— про то ты самъ долженъ знать, мнѣ-же ничего не связано.

— Да развѣ онъ еще не уѣхалъ къ себѣ, здѣсь все гостить, Салтыкъ-то?

— Уѣзжалъ, да опять вернулся...

— У Аманджула гостить, что-ли?

— Нѣтъ, теперъ самъ пришелъ по себѣ; своихъ людей привелъ и особнякомъ, на вольныхъ земляхъ, свои кибитки поставилъ: двѣ большихъ да одна юломейка, а народу шестеро.

— Далеко стоять?

— Въ полдня доѣдешь, коли лошади хороши. Я вотъ со вчерашняго вечера выѣхалъ.

— Кое мѣсто?

— Самъ увидишь; я провожу тебя куда слѣдуетъ, а говорить здѣсь про то мнѣ не велѣно.

Задумался немного дядя Василій... Дѣло какъ-будто неладное, темноватое выходило.

— Коли къ завтраму не прѣдешь, говорилъ Салтыкъ, онъ самъ сюда будетъ, только не у тебя гостемъ остановится, хоть ты и кунакомъ ему считаешься, а прямо, говорить, къ самому уѣздному. Самъ ежели не поѣдетъ, джигита пришлетъ съ бумагою, а въ бумагѣ той...

— Маметка, сѣдлай коней, что тутъ съ нимъ разговаривать! Поспѣешь-ли ты на своей за моимъ? чай, отдохнуть, повормяться требуется, ась?

— Аллахъ поможетъ, поспѣю, говорить джигитъ. — Моя хорошо ходить...

Живо собрались въ дорогу. Долго-ли тутъ возиться! Одѣлся Василій, въ сѣдло пистолетъ засунулъ, другой— за поясъ... Сѣли на коней; передъ вечеромъ всѣ трое изъ городу выбрались.

Не по себѣ было Василю Ионычу; всю дорогу ѣхалъ задумавшись, мозгами все ворочалъ, съ Маметкою не разговаривалъ, съ провожатнымъ тоже; самъ впереди ходкингъ поѣздомъ по степи дуетъ, Маметка съ киргизомъ отстали маленько, стороною, сзади держутся...

— Вонъ въ Аманджуловы хутора сюда дорога, показывается по-гайкою татаринъ.

— Такъ! говорить киргизъ провожатый, а самъ и не смотритъ въ ту сторону.

— Хорошій человѣкъ мулла-Аманджуль, и домъ у него хорошій, и люди его хорошіе...

— Такъ! говорить киргизъ, а больше ничего не добавляетъ... Неразговорчивъ что-то.

— Ты самъ здѣшній? пытается Маметка и пристально въ него всматривается.

— Такъ! бурчитъ тотъ, да и только.

— Не видалъ я тебя что-то прежде, а здѣшнихъ всѣхъ я хорошо знаю, и старыхъ, и новыхъ.

— Такъ...

Силхунуль Маметка, осердился даже. Онъ въ человѣку по душѣ, разговориться съ нимъ хочетъ, скучно тоже ѣхать да въ молчанку играть, а тотъ все: „такъ да такъ“.

— Языкѣ-то у тебя ничего больше говорить не умѣетъ, эй ты, „малахай красный“?

— Аллахъ далъ одинъ языкъ, а глазъ и ушей по двое, отвѣтить, наконецъ, джигить, подогналъ лошадь плеткою и поравнялся съ дядею Василиемъ, увидавъ, что тотъ вправо забралъ слишкомъ, такъ своротить его на настоящую дорогу.

— Да ты что вправо да влѣво меня ворочаешь? прямо говори, куда; самъ мѣста здѣшнія знаю, найду безъ тебя дорогу! осерчалъ и тотъ.

— Къ утру прїѣдемъ, самъ увидишь, говорить киргизъ.—Иди за моею лошадейю. Не хочешь—домой ворочайся.

Посердился маленько дядя Василій, однако, все-таки ѣдетъ, домой не ворочается...

Струсилъ что-то и Маметка, купецъ хивинскій, поравнялся съ своимъ хозяиномъ.

— Эй, слушай, Василь, а Василь... послушай, по-русски заговорилъ Маметка, чтобъ тотъ, чужой, не понялъ.

— Ты что еще?

— Нехорошіе люди, дурной человѣкъ. Пойдемъ домой, пожалуйста!

— Молчи, дуракъ!..

„Дѣло“, № 7.

— Зачишь дуракъ? Пуйдемъ домой... ми два, онъ одна — пуйдемъ теперь; мы будемъ два, онъ будить многа,—нелзя ходить домой будетъ...

Ничего не отвѣтилъ ему дядя Василій, махнулъ рукою, усмѣхнулся...

— Теперь скоро, словно про себя вымолвилъ чужой человекъ. — Ге-ге-ге-гей!..

— Чего разорался? то молчалъ, а то на всю степь гикаешь, аль волковъ свликаешь?

Темная степь передъ ними видѣлась, небо впереди освѣтлѣе обозначалось; хорошо видѣнь былъ киргизъ провожатый, такъ на небѣ и вырѣзывался, а то вдругъ исчезъ, съ виду пропалъ, будто провалился куда или, словно сила нечистая, въ воздухѣ развѣялся.

Проѣхалъ еще шаговъ десятокъ дядя [Василій, и его конь храпнулъ, вытянулъ шею, уши насторожилъ, слегка пятится... Обрывъ крутой впереди — умная лошадь степная, тропу легонько ногою ощупываетъ. Пустилъ поводья Василій, далъ жеребцу волю; тотъ лучше человекъ въ такомъ случаѣ путь разыскиваетъ.

— Легче! оврикнулъ купецъ, услыхавъ, какъ за его спиною храпнуть и фыркаетъ лошадь Маметкина. — Не навъзжай, легонько! „Шавалья бажка“ никакъ; таперича оглядѣлся; должно, это самое мѣсто и есть...

— Эй, вы! кричить киргизъ впереди (теперь ужъ его совсѣмъ не видно), — держи на голосъ.

Проѣхали еще съ версту днищемъ „шакальей балки“, вода впереди засвѣтилась, взморье никакъ. Надъ водою, на самомъ берегу, три кибитки видѣются, двѣ круглыя большія, а одна съ острою верхушкой; словно етогъ сѣна впереди чернѣется. Въ двухъ темно, а изъ третьяго тандюка *) свѣтъ лучемъ выходитъ красноватымъ, дымокъ клубится легонькій.

Ближе стали подѣвзжать, кони заржали у кибитокъ, наши имъ отвѣтили, переключнулись.

Слѣзли съ лошадей прѣвзжіе, расправили ноги. Василій къ кибиткѣ пошелъ, Маметка при лошадяхъ остался, по обыменовенію; оглядывается вокругъ да обнюхивается, „хвостъ бережетъ“.

*) Тандюкъ—верхнее круглое отверстіе для прохода дыма.

— Сюда зови! слышится въ кибиткѣ голосъ Салтыка Аблаевича.—Двое ихъ, ты говоришь?

Что ему провожатый отвѣтилъ, того не слышно. Окликнулся Василій по обычаю, приподнял кошку входную. Салтыкъ ему на встрѣчу ступилъ, поддержались за руки пріятелями, сѣли на коверъ; о дорогѣ да объ здоровьи справились; замолчалъ Салтыкъ, сталъ дядя Василій оглядываться.

Пусто было въ кибиткѣ, видно налегкѣ сюда Салтыкъ пріѣхалъ; одинъ коверъ всего лежалъ на землѣ, а въ прочихъ мѣстахъ густая, сочная трава пробивалась, знать недавно кибитка поставлена, не притоптали еще; по рѣшоткамъ ружье виситъ, двѣ шапки, куржунъ переметные, къ верхнему кругу веревка подвѣшена, на веревкѣ обручъ виситъ, въ обручѣ соволъ дремлетъ, покачивается. Салтыкъ сидитъ въ одной тюбетейкѣ шелковой, а шапка хивинская, большая черная, барашковая, лежитъ около. Въ кибиткѣ еще сидятъ двое чужихъ людей, тоже по-хивински одѣты, молодые оба джигиты, чуть только бороды пробиваются. Дорожный калянь стоитъ, совсѣмъ заправленный; отъ угольевъ сирадъ идетъ, должно быть сейчасъ на нихъ что-нибудь жирное жарили. Свѣту въ кибиткѣ немного, чуть-чуть только люди отъ стѣнъ отдѣляются; чтобъ видѣть что-нибудь надо взглядываться, да и то глаза надо имѣть привычныя.

— А ты забылъ про уговоръ нашъ? вымолвилъ Салтыкъ Аблаевичъ.—Не хорошо это, не ждалъ я.

— Не забылъ я, говорить ему Василій,—а дѣло это не легкое, не сразу сдѣлаешь.

— Будто? По-нашему выкрасть бабу изъ аула—плюнуть труднѣе... пустое дѣло; а по-вашему нелегко. Не могу я этого понять, какъ ты тутъ хочешь. Дурачишь ты меня, правда?

— Убравъ недолго, а только концы схоронить надо, чтобъ послѣ самому быть чистому, вотъ въ чемъ хитрость. Тебѣ хорошо: получилъ да и ушелъ, а я-то...

— Значить, не можешь?

— Надо-бы для тебя это сдѣлать, человекъ-то ты хорошій, а пуще всего—нужный.

— То-то... Не хотѣлось-бы мнѣ выдавать тебя русскимъ головою, по *тому дѣлу*, а придется, пожалуй. Какъ ты объ этомъ, пріятель, думаешь?..

— Погоди, дай срокъ.

— Много и такъ ждалъ. Вотъ, видишь, опять за тѣмъ-же пріѣхалъ... Недѣлю ждать еще буду.

Помолчали оба немного. Салтыкъ въ землю смотритъ, Василій тоже потупился, прочіе двое кальянъ другъ дружкѣ передаютъ... Хрипять, бурлятъ этотъ кальянъ, словно захлебывается.

— Она человѣка убила? спросилъ тутъ Салтыкъ Аблаевичъ и голову поднялъ.

— Ты почему знаешь?

— У насъ по степи все извѣстно. Сидитъ въ ямѣ теперь. Что, ее скоро рѣзать за это будутъ?

Тоска такая въ голосѣ батыря слышалась, дрогнуло въ горлѣ какъ-будто-бы.

— У насъ не такъ. Да она и не виновата... ее, чай, выпустятъ, не скоро, а выпустятъ.

— А если не выпустятъ, если не выпустятъ... если... Самъ ты видишь теперь, что торопиться надо. Я сюда съ своими людьми за тѣмъ и пріѣхалъ, безъ нея и не уѣду, такъ и знай. Ты человѣкъ умный, хитрый, я тебя знаю... ты не сдѣлаешь, другому некому; а не сдѣлаешь, не поможешь мнѣ, пропадешь какъ собака, обо всемъ напишу вашему уѣздному... говорилъ я тебѣ ужъ объ этомъ...

— Дай срокъ... повторилъ опять дядя Василій. — Оглядѣться дай хорошенько... надо...

— Недѣлю даю, больше нѣту. Завтра-же утромъ назадъ поѣдешь, а я за тобою слѣдить буду.

— Ладно!..

— Обо мнѣ, что я тутъ стою, никому не сказывай; ни аманджуловскимъ, ни городскимъ дороги сюда не показывай.

— Зачѣмъ болтать зря; я не изъ таковскихъ.

— Спать будешь?..

— Нѣтъ, кони отдохнутъ, со свѣтомъ назадъ уѣду; коли что, вѣсть пришло съ Маметкою.

— Пошли Аллахъ хорошую... Такъ недѣлю, не позже? Денегъ надо? бери... бери, сколько требуется.

Вытащилъ Салтыкъ кожаный кошель изъ-за пояса, протягиваетъ Василью.

— Не надоть, послѣ сочтемся, коли расходоваться надо будетъ; прячь назадъ, не надо!

— Зачѣмъ не берешь денга... бери! просунулъ голову Маметка, — бери денга...

— Коней готовь ступай, скоро въ дорогу. Прощай!.. Ну, за-даль-же ты мнѣ работу.

— Люди мои нужны будутъ, бери... мало шестерыхъ, я еще достану, сколько нужно...

— И людей твоихъ не нужно. Что мы, баталію, что-ли, съ каза-линскимъ гарнизономъ зачнемъ, страженіе какое?.. ухмыльнулся дядя Василій, хотя ему было шибко невесело въ ту пору. — Базалин-скую крѣпость штурмомъ брать станемъ... Чудной, право!..

— Въ недѣлѣ только семь разъ солнце восходить, заговорилъ Салтыкъ Абдаевичъ, — помни, я считать буду. Видишь, вонъ свѣ-татъ начинается?.. тамъ оно взойдетъ первый разъ, а вотъ и от-мѣтка готова.

Вынулъ ножъ Салтыкъ и на верхней перекладнѣ, куда кошма дверная подвѣшивается, сдѣлалъ глубокую и длинную вырѣзку.

XXVIII.

О чемъ думалъ и передумывалъ дядя Василій, влечи въ городъ Казалинскъ изъ Шакальей балки обратною до-рогою.

„Попался разъ Дабуй барантачъ. Долго на него наши зарились, шибко досадить успѣлъ. Поймали, наконецъ, изловчились, обра-довались.

„Ну, думаютъ, за все теперь выместимъ. Припомнимъ тебѣ всѣ твои пакости.

„Заперли его въ казематку крѣпостную, часовыхъ приставили, а онъ въ первую-же ночь и убѣгъ.

„Стали тюрьму оглядывать: анъ подъ стѣнку ходъ прорыть, словно нора лисья, прямо взади казематки, къ обрыву береговому. И чудно, право, какъ: земли даже не видать вывороченной.

„Вотъ онъ, значить, какимъ манеромъ удралъ — подрылся.

„Въ Яны-курганѣ, въ большомъ русскомъ лагерѣ, въ передо-вомъ самомъ, тоже такое дѣло было: посадили въ крѣпость че-тырехъ ухумцевъ, тѣхъ, что солдатъ нашихъ, часовыхъ задремав-

шихъ, перерѣзали. Присудили ихъ всѣхъ, чтобы повѣсить, съ барабаннымъ боемъ, со всякимъ приспособленіемъ, другимъ прочимъ на страхъ и впередъ науку.

„Висѣлицу поставили, бумагу написали по всей формѣ, палача подыскали, а вѣшать-то было ужь некого. Тоже подрылись ухумцы подъ стѣну, да и были таковы, часового еще одного увели съ собою. Солдатикъ-то оказался изъ татаръ казанскихъ, годовѣрещъ.

„Много осторожнѣе стали наши послѣ этого. Байтака, лазутчикъ, что черезъ цѣпь проползти хотѣлъ, собакою прикинулся, того поврѣиче спрятали, часовыхъ кругомъ всей сакли поставили.

— Смотрите, ребята, въ оба, наказываютъ часовымъ, — какъ ежели что, голова, что-ли, изъ-подъ земли покажется въ какомъ мѣстѣ, валия ее прикладомъ, пова назадъ подъ землю не спрячется.

— Ладно.

„Стоять часовые солдатикъ, другъ съ дружкою переключаются; башлики отъ непогоды нахлобучили. А ночь-то была темная да вдобавокъ шибко ненастная.

„И видить это одинъ солдатикъ, какъ оволо него, шагахъ эдакъ въ трехъ, не болѣе, кусточекъ колючій зашевелился. Лѣзеть это изъ-подъ земли что-то круглое, мохнатое, голова Байтакова, знать, высовывается. Высунулась по плечи, поглядѣла, да и опять спряталась... Земля, слышно, осыпается.

„Онъ туда; притаился, словно кошка надъ щелью, замахнулся ружьемъ, ждечь... опять это показываться начинаетъ. А молодой тоже солдатикъ попался, неопытный, заорать сразу:

— Караулъ, братцы, лѣзеть! — да и ну молотить по головѣ этой прикладомъ.

„Встревожилъ этимъ крикомъ онъ всю караулку; съ огоньемъ бросились къ саклѣ. Часовые, хотя и всѣ на своемъ мѣстѣ находились, да глядѣть-то стали всѣ въ одну сторону. Кто внутрь пошелъ, кто ухватился за голову Байтакову, измолоченную, тащить стали, выволокли.

„Тьфу ты, Господи!.. Одни только сапоги киргизскіе, въ халатъ верблужій заворочены, чучело эдакое сдѣлано, а самого Байтака нѣту, знать отлучился куда не надолго; не думается тоже, чтобы назадъ домой захотѣлъ вернуться. Удралъ совсѣмъ значить.

„Тутъ онъ двѣ дыры прорыть успѣлъ: одну для себя, настоя-

шую, а другую для отвода, часовымъ солдатикамъ позабавиться чтобы надъ чѣмъ было.

„Тоже, подрывшись подъ стѣнку, и изъ Иргиза ушли ордынцы, что пять лѣтъ тому назадъ степь противъ насъ волновали, откочевывать въ хивинскую сторону подбучали.

„Ну тѣ вольготно себѣ выходъ устроили, шибко разобрали стѣну, ворота-воротами сдѣлали, хотъ на лошади выѣзжай, пригнись только маленько, коли шапка высокая.

„А въ третьемъ годѣ Майдановъ горнисть, что за убійство бабы судился и за искалѣченіе ундера капральнаго, какъ ушелъ?.. Тоже выбралъ четыре кирпича изъ-подъ оконницы, середку стѣны выцарапалъ мало-по-малу, землю подъ койку да по полу раскиды валь, плотно утаптывалъ. Къ каждому утру, какъ обходъ по казематамъ начинался, ночную свою работу акуратно кирпичами выбранными закладывалъ.

„Семь ночей работалъ труженикъ честный, на восьмью выползъ. Да еще записку, чудаекъ, на стѣнкѣ мѣломъ оставилъ. Пишетъ:

„Прощайте, братцы! Иду въ генералы къ хивинскому хану. Онъ мнѣ дивизію цѣлую препоручаетъ... Дастъ Богъ, когда встрѣтимся, увидимся... Ушелъ-бы раньше, да скорпионъ проклятый за палець укусилъ; много онъ помѣхи этимъ въ работѣ сдѣлалъ... Шутка-ли, за эдакою-то тюрмою семь ночей провозился!.. Починить прикажите скорѣе, чтобы не убѣгъ кто ненарокомъ“...

„Подписано: горнисть Корнѣй Майдановъ, генералъ хивинскій...

„Изъ Самарканда тоже какъ арестанты разбѣжались? Опять-же таки подрылись. Мѣряли проходъ ихній: въ семь сажень съ аршиномъ вышелъ...

„Способъ-то этотъ, подрываніе, самый, по здѣшнимъ мѣстамъ, подходящій, по здѣшней стройкѣ.

„Конечно, коли изъ жженаго кирпича стѣна выведена, да на извести кладена, ну тогда шабашъ, невозможно. Ломомъ не скоро дыру продолбишь, не то что руками голыми, а здѣсь какая стройка: намнуть, намѣсать глины съ саманомъ (рубленую мелко соломкою), перемѣшаютъ, налѣпятъ кирпичей изъ этого да на солнышкѣ ихъ посушатъ немного. Такъ и строятся. Замѣсто извести идетъ та-же глина, только пожиже немного. Дождемъ стѣну такую снаружи мочить, а сырость насквозь просачивается.

„Скреби теперь голыми пальцами, подаваться будетъ. Иную землю рыть много труднѣе, чѣмъ стѣну изъ кирпича этого саманнаго. Господа инженеры, строители, воздушнымъ такой кирпичъ называютъ. И точно, что онъ воздушный, коли отъ дождя да вѣтру самъ собою подчасъ валится.

„Опять ежели безъ кирпичей стройка идетъ, а прямо стѣна изъ сырой глины лѣпится, глинобитная, значить, тоже опять не велика прочность.

„И могутъ-ли такія стѣны удержать человѣка, особливо коли человѣкъ этотъ на волю просится, свою шкуру оберегаетъ?.. Да въ такомъ положеніи ину пору запоры желѣзные, стѣны каменные, высокія, рвы водяные, глубокіе, цѣпи кованыя не выдерживаютъ, а не то что...

„Таперича Казалинскъ крѣпость нѣшто иначе строена? Все такъ-же, самымъ подходящимъ манеромъ, насчетъ ежели уходу... Приспособленіе чу-удесное!..

„Уйти, значить, только тотъ не можетъ, кто самъ не захочетъ... Ну, такихъ и запираетъ не для чего... Самъ себя сторожить будетъ; а такого человѣка, чтобы на свѣтъ выволочь, мало будетъ проковырять стѣну, надо еще силкомъ протащить его въ дыру эту, да съ оглядкою, а то самъ „караулъ“ заоретъ, солдатовъ часовыхъ позоветъ къ себѣ на выручку...

„Въ такомъ положеніи надо будетъ другой еще фортель придумать, къ своему времени приготовить... Одурачить, значить, какъ-нибудь заключенника, потому силою тутъ ничего не подѣлаешь...

Такъ-то вотъ всю дорогу обратную, изъ Шакалей балки домой, думалъ да передумывалъ Василій Іоничъ.

Задалъ тоже ему другъ его Салтыкъ Аблаевичъ работу тяжелую, никакихъ-бы денегъ нельзя взять за такую... Только развѣ для друга и можно, для пріятеля, потому человѣкъ-то онъ ужъ очень хорошій, самый распрекрасный... чтобъ ему сдохнуть скорѣе распрекрасному!.. Змѣя-бы, что-ли, цапнула его какая ядовитая... Тамъ, въ Шакалей балкѣ, такія водятся, что разъ укусятъ, черезъ три часа человѣка скорчить... Верблюдъ намедни живо издохъ отъ этого самага... Эхъ, хоть-бы глазъ-на-глазъ, безъ сви-

дѣтелей, гдѣ-нибудь встрѣтятся. Кажется, попадись онъ мнѣ такъ-то, съ живого сдеру шкуру зубами, измочало всего, право слово!..

„Таперича одну зарубку положилъ на дверяхъ, завтра дру-гу, тамъ опять третью... Не обочтется, каторжный!.. Седьмую рѣзать начнетъ — пропадетъ моя голова, не вывернешься. И надо-же было мнѣ его въ дѣло свое впутывать!

„Ну, дасть Богъ, исполню ему его порученіе, обдѣлаю его дѣло, удружу, сосчитаюсь, и квитъ, значить, на чистоту... Ишь ты какое *калау* *) запросилъ! Надо отдать, дѣлать нечего. — Чего отсталъ, Маметка, гони проворнѣе.

XXIX.

На крышѣ съ фронтономъ.

Немного народу было на пристани за крѣпостью, гдѣ стоятъ суда аральской флотилии.

Да и кого выгонишь изъ дому въ такую пору жаркую, самую, почитай, полуденную?

Уныло стояли вербы развѣсистыя, опустивъ свои запыленные вѣтви плакучія, уныло плескалась рѣка, подмывая ихъ корни, да-

*) Между киргизами существуетъ такой обычай: входятъ другъ съ другомъ въ особенную дружбу — братаніе. Побратавшіеся называютъ другъ друга тамиромъ (прітелемъ). Желающіе потамириться обнимаются черезъ обнаженную саблю, держа оружіе на груди. Цѣлуются и даютъ при этомъ обѣщаніе быть всегда друзьями.

Первымъ признакомъ этой дружбы служитъ выборъ „калау“, т. е. предметовъ, особенно понравившихся другъ у друга. Если одинъ тамиръ увидѣлъ у другого что-нибудь особенно приглянувшееся ему, онъ объявляетъ объ этомъ, указываетъ на этотъ предметъ и говоритъ: „калау“, тогда тотъ обязанъ тотчасъ-же отдать ему выбранное. Въ противномъ случаѣ, если послѣдовалъ отказъ, дружба разрывается безъ всякой возможности возобновиться снова. Въ результатъ такого разрыва — страшная, постоянная месть, баранта, угонъ скота, ограбленіе аула и даже убійство.

Выборъ калау падаетъ преимущественно на предметы роскоши и особаго удовольствія, напр. на бѣгунцовъ, иноходцевъ, дорогіе мѣха, собакъ, охотничьихъ соколовъ и ястребовъ, украшенія и т. п. Обратное получить разъ отданное калау, указавъ на него въ свою очередь, — нельзя; предоставляется за то право взять что-нибудь въ обмѣнъ, а потому, кромѣ исключительныхъ случаевъ, калау для обѣихъ сторонъ не очень обременителенъ.

(Изъ моихъ этнографическихъ записокъ о киргизахъ большой, средней и малой орды.)

леко во всѣ стороны расплзшіся. Уныло, не то пѣли, не то жаловались на что-то матросы-маляры въ засаленныхъ кожанныхъ передникахъ, лѣниво шаркая обтертыми помазками по боку барказа, на берегъ выволоченнаго. Ярко свѣтились на солнцѣ бока этой лодки, только-что выераленной за-ново.

Солдатикъ гарнизонный купаться-было пришелъ, сѣлъ на песокъ, разувается; сниметъ одинъ сапогъ, позѣваетъ, почешется, подождетъ чего-то, тамъ за другой примется, опять зѣваетъ да почесывается нехотя, словно по службѣ каковой. Скука одолеваетъ смертная...

Баба бѣлье принесла комендантское, на плоту полоскать собралась, съ кузнецомъ Тихономъ слово за слово переговаривается. А отъ кузнеца Тихона только ноги видны, на песокъ протянутыя, разутыя; самъ за колодою лежитъ, въ тѣнь, подъ лопушникъ широкій головою забрался.

— Что, тетка? скажетъ кузнецъ и зѣвнетъ, ротъ перекрестить, будто усы оботреть.

— Ничего! отвѣтитъ баба, тоже зѣвнетъ, валькомъ раза два шлепнетъ, призадумается...

Докторскій вучеръ дрожки на себѣ приволокъ на берегъ мыть, брякнулъ объ землю оглоблями, плюнулъ, выругался и сѣлъ на эти-же дрожки, трубочку сталъ набивать, покурить захотѣлось видно...

Пароходъ „Араль“ стоитъ на причалахъ у берега; матросы на немъ удочки на борту развѣсили, сами спать въ повалку на палубѣ, благо тѣнь тамъ легла отъ парусовъ, для просушки развѣшенныхъ. Торчитъ къ верху труба пароходная, черная, закопченная, жерло тряпкою обвязано. Торчатъ мачты тоненькія. Лоскуточекъ виситъ на одной красенькій, отрепанный, не шелохнется... Не шелохнется ни одна веревочка, не покачнется; словно нарисовано все это на сѣромъ небѣ дымчатомъ... Только тѣни рѣзкія чуть-чуть все подвигаются, и все-то въ одну сторону.

Съ того берега, съ огородовъ казенныхъ, голоса ето-то, лодку требуетъ... Чуть только голосъ этотъ зовущій слышится...

Приглядѣлось все это всякому казакину, опротивѣтъ успѣло даже; чего-бы, важется, приходитъ сюда человѣку разглядывать, особенно ежели дѣла нѣтъ никакого? А дядя Василій вотъ уже полчаса скоро, бродитъ здѣсь, прокладается... То на рѣку по-

смотреть, прищурившись, то съ матросами-малырами рѣчь заведеть, то на стѣну крѣпостную ненарокомъ будто-бы взглянуть...

Стоитъ теперь Василій Іонычъ на пригорочкѣ. Къ берегу этотъ пригорочекъ отлого спускается, весь бурьяномъ густымъ заросъ, лопушникомъ да крапивюю, а къ стѣнѣ крутымъ обрывомъ спускается, вплотную приходится. Самая стѣна къ нему прислонилась, а къ стѣнѣ той казарма, сабля такая длинная пристроена.

Видна отсюда, сверху-то, дядѣ Василю крыша ея плоская, травою заросшая; двѣ трубы печныя изъ нея выглядываютъ: одна дымится легонько, другая гнѣздомъ аистовымъ занята, значить такъ, для счету только поставлена. Съ передней, лицевой стороны крыша фронтономъ глинянымъ огорожена, чтобы видъ съ фасаду былъ получше, если глядѣть на казарму съ площади крѣпостной, съ самаго того мѣста, откуда всю стройку и все, что есть въ крѣпости хорошаго, пріѣзжимъ генераламъ два раза въ годъ показываютъ. Имъ-то, можетъ, и хорошо все съ той стороны видно, да дядя Василій изъ-за этого фронтона ничего не видитъ, что въ крѣпости дѣлается. Только и видна ему самая крыша да труба, да мусоръ, на крышу наваленный...

И очень это все ему, должно быть, понравилось. Пробрался это онъ черезъ бурьянъ, шагнулъ прямо на крышу, обернулся, руку къ глазамъ приставилъ, все-то какъ-будто за рѣку приглядывается... И видитъ онъ: глядѣть это на него кучеръ докторскій, ужъ теперь не сидитъ онъ на дрожкахъ, а вовсе разлегся, забылъ про мнѣе, должно быть...

— Чей экипажъ-то? спросилъ его Василій Іонычъ. — Однако, того, припекаетъ...

— Хозяйскій, сплюнулъ кучеръ съ трубочки. — Дождаетесь кого, али такъ, для прогулки?

— Человѣка тутъ жду. Послалъ его за рѣку, а онъ, ишь ты подлець какой, застрялъ тамъ, не видать что-то...

— Такъ!

То не сырѣ-ли боръ шумить,
Амиръ съ арміей катить...

— Не идетъ, да и только! должно быть, у огородниковъ сидѣть... Говорилъ ему, чтобы скорѣе...

— Замѣшался, надо полагать...

Онъ катить, катить, катить,
Самъ поватываетъ...

— Знать, ужъ не дожидаться! Экій глѣшій, право... Стану я его тутъ ждать на солнцепекѣ самогъ... Сколько времени потерялъ... Тьфу ты, право!

Говорить это словно про себя дядя Василій, однако громко. Рукою махнулъ и прочь пошелъ, не сталъ дожидаться болѣе; да оно, кстати, и ждать-то было некого...

Спустился внизъ дядя Василій, прошелъ мимо барказа, прямо въ ворота крѣпостныя. Обогнулъ склады съ сухарями казенными, запагалъ мимо казармы той самой... Двѣ двери выходятъ изъ нея на площадь, у каждой двери по солдату торчитъ, съ ружьемъ и при всей амуниціи. За дверями коридоръ идетъ длинный, вдоль всей казармы, плитнякомъ вымощенъ; съ того коридора еще нѣсколько дверей выходятъ; по коридору мимо всѣхъ этихъ дверей еще часовой взадъ и впередъ шагаетъ; соскучился, смѣны себѣ дожидается...

Идетъ Василій Ионычъ, поспѣшаетъ, шагъ даже прибавилъ, по сторонамъ не зѣваетъ, потому нѣтъ ему до всего этого никакого дѣла.

Только вышелъ вонъ изъ крѣпости, на городскую сторону, верховой ѣдетъ ему на встрѣчу, по одеждѣ — киргизъ. Поравнялись; задержалъ верхникъ коня своего, приостановился.

— Аманъ! говорить. — Сказалъ мнѣ твой Маметъ, что ты сюда пошелъ, я и поѣхалъ тебя розыскивать.

— Что надо? досадливо такъ спросилъ Василій Ионычъ, инда крикнулъ.

— Салтыкъ велѣлъ узнать, что новаго, хорошо-ли дѣло идетъ, а больше ничего...

— Скажи Салтыку своему, чтобы завтра къ намъ выслалъ людей въ указанное мѣсто. Съ Богомъ теперь! что здѣсь все людямъ на глаза мечешься!.. Ишь ты, бій твой четвертой зарубки положить не успѣлъ, а второй разъ повидаться посылаешь.

Повернулъ киргизъ лошадь, прочь погналъ; дальше пошелъ дядя Василій къ городу.

XXX.

О К А З І Я.

Сидитъ Марина Денисьевна теперь одна-одинешенька.

Саклюшка отведена ей просторная: въ ширину четыре аршина, въ длину восемь. Одна дверь всего только, въ коридоръ ведетъ, надъ нею оконце въ три стекла продѣлано, а больше нѣтъ... Въ самый полдень даже и то мало свѣту сквозь это оконце пробивается, а какъ на закатъ пойдетъ солнышко, тогда совсѣмъ темно въ саклѣ дѣлается. Ночью-же совсѣмъ хоть глазъ выколи... Поставлена тутъ Маринѣ койка деревянная, солдатская, и мѣшокъ соломою набитый замѣсто тюфяка. Просила она, чтобы ей одежду какую дозволили взять изъ дому, да теперь нельзя уже было, потому, говорятъ, что домъ заперли и ко всѣмъ дверямъ печати припечатали, часового тоже сторожить приставили.

Стѣны штукатуренныя, глиняныя; штукатурка вся давно уже потрескалась и валяться начала. Сороканожки по этимъ стѣнамъ другъ за дружкой въ перегонку бѣгаютъ, съ виду мохнатя такія, страшныя, а ничего—не опасныя. Отодвинула, впрочемъ, кровать заключенница на всякій случай, посреди сакли, подалше отъ стѣны поставила.

Потолокъ наверху четырьмя толстыми балками перегороденъ, а между балками этими все брусочки строганые, палочки такія, часто наложены, на нихъ сверху плетенки камышевыя настланы, а поверхъ плетенокъ земля толстымъ слоемъ насыпана. Трава, что на крышѣ выросла, пустила внизъ корешки глубокіе, длинныя; проложили себѣ дорогу эти корни сквозь весь слой, сквозь плетеники даже, и между палочекъ бахромою внутрь сакли выглядываютъ. Въ дождливую пору вода тоже просачивается, только теперь это пока не бѣда—пора стоять сухая, лѣтняя, объ дождѣ и думать-то позабыли.

Каждое утро приходилъ къ Маринѣ унтеръ дежурный, не то ефрейторъ, ѣсть приносилъ и саклю оглядывалъ; офицера заходили, чаю подчасъ присылали, хлѣба бѣлаго. На прогулку выпускали во дворъ арестантскій черезъ день, только прогулки эти шибко Маринѣ не нравились... Народу обступить много, глазѣютъ

это на нее; кругомъ солдаты торчатъ. И рада-рада была дѣвка назадъ къ себѣ, въ свою конуру, вернуться.

Думала она прежде на выводахъ этихъ со Степаномъ-Малишомъ или съ Никономъ встрѣтиться, словомъ перемолвиться, да тѣхъ порознь, въ особое время водили; слѣдователь такъ приказалъ, чтобъ сговориться не могли, для показаній стакнуться-бы.

Тосковала Марина шибко въ первое время, волчицею по саклѣ металась, думала даже на переводѣ (балкѣ потолочной) повѣситься, да одумалась (оно, кстати, и балка-то высоко была, не достанешь); потомъ улеглось у ней сердце, такъ грустить начала, по днямъ сидѣла, передумывала... И все-то ей припоминалось тутъ, на досугъ, все съ той самой поры, какъ дѣвочкою маленькою, при дѣдушкѣ Денисѣ, покойникѣ, состояла, по самое послѣднее, когда грѣхъ этотъ въ ея домѣ приключился...

Съ той думы, должно быть, успокоилась она, попривыкла къ своему одиночеству мало-по-малу... Стала время считать, день за днемъ отгвѣчать черточкой на стѣнкѣ. Думаетъ такъ:

„Кончится-же все это когда-нибудь. Присудятъ, можетъ, къ чему, а все-же въ концѣ концовъ на волю выпускаютъ. Только-бы поменьше къ допросамъ этимъ таскали, по людямъ не водили-бы“.

И чудно, право! сама она себя считала во всемъ виноватою... Не сообразила дѣла какъ слѣдуетъ, себѣ самаго большого ждала наказанія, Никону поменьше, а Степану и вовсе никакого... Да и не знала она путемъ, сидитъ-ли еще Степанъ въ острогъ или давно ужъ на волю выпущенъ.

Засвѣтился на потолкѣ красноватый четырехугольникъ—это, значить, фонарь со свѣчей повѣсили въ коридорѣ; развели уже по мѣстамъ свѣну ночную. Положила Марина обычную черточку на стѣнкѣ (а черточекъ этихъ много у ней уже нагорожено—рѣшотка рѣшоткою), помолилась Богу, легла на свою койку и дремать стала...

Долго-ли, мало-ли спала, вдругъ брякъ ей на лицо кусокъ чего-то твердаго. Такъ и вскочила Марина, приглядывается; ничего-то не видно ровнехонько, а слышно, что съ потолка на то-же самое мѣсто еще что-то валится, будто земля съ потолка осыпается... Что за диковина?

Подождала еще минуточку дѣвка, стала прислушиваться: парпаются наверху, между балками, плетенку словно кто руками от-

дираетъ; пуще земля сыплется, палочка одна даже вывалилась и со стукомъ объ койку ударилась...

И не страшно ничего Маринѣ... Видитъ она, слышитъ ясно, что черезъ потолокъ къ ней добьраются, а ничего... Подошла только къ двери потихонечку, думаетъ: ежели недоброе что, постучусь только; часовой-то эвона гдѣ, близко; вонъ, слышно, по плитному полу шагаетъ.

Блеснула наверху звѣздочка и потухла, словно заслонило ее чѣмъ-то... Вонъ опять блеснула... другая рядомъ съ той заискрилась. Воздухъ свѣжій ночной въ душную саялю врывается, снизу севознякъ потянуль, изъ-подъ двери...

— Марина, шепчетъ наверху голосъ,—а Марина! откликнись, голубка, только тише, легонько.

— Кто тамъ? тоже шопотомъ спросила Марина, отошла отъ двери, стала на койку...

— Никонъ убѣгъ, таперича далеко отсюда; въ одномъ мѣстѣ тебя дожидается, и Степка съ нимъ; за тобою прислали... Вотъ тебѣ веревку мы спустили, обвяжись вокругъ пояса да выльзай проворнѣе... Лови арванъ-то...

— Кто такой? пытается Марина, а голосъ у ней въ горлѣ дрогнулъ, перехватило чѣмъ-будто, ноги подкашиваться начали, голова завружилась, койка изъ-подъ ногъ уходитъ стала куда-то.

Скользить у ней по шеѣ петля веревочная, ползетъ ниже... Вотъ еще кушакъ спустили, широкій такой, мягкій... Уцѣпилась за все это Марина, а силы у ней нѣтъ; таеъ вотъ всю и покачивается.

— Берись, обвязывайся проворнѣе... Никонъ, слышь ты, дожидается... время уходитъ... Не робѣй, что-ли!

Какъ сказали это наверху: „Никонъ дожидается“, крѣпко взялась Марина за веревку, обѣими руками, зубами даже прихватилась, натянула... И чувствуетъ она, какъ ноги ея отдѣлились отъ койки, въ воздухѣ болтнули, руки чьи-то подъ мышки ея подхватили... Сильно пахнуло въ лицо вольнымъ воздухомъ, свѣтла такъ лѣтняя ночь показалась.

Дядя Василій одинъ стоитъ передъ нею; никого нѣтъ около, тихо кругомъ. Гдѣ они, въ какомъ мѣстѣ? Не въ догадѣ дѣвкѣ, что такое это съ нею дѣлается.

— Накинь вотъ это, на всякъ слѣчай; ползи за мною; не по-

дѣнайся, какъ-бы не увидали, говорить Василій.—То-то Никонъ твой теперь обрадуется! самого-то его выволокли мы, а тебя-то, поди, и не чаяли.

Ползеть за нимъ Марина Денисьевна... Лопухи да бурьяна кругомъ кусты какіе-то колючіе; прохладю спереди вѣтъ, волна бѣгъ о берегъ; птица ночная кричить далеко, на томъ берегу, должно быть.

Проползли они шаговъ эдакъ двѣсти, встали на ноги... Стѣна крѣпостная вправо осталась, впереди чуть домики городскіе чернѣются, влѣво дорога пыльная тянется... Узнала Марина мѣсто, какъ-будто опомнилась.

— А ты не обманываешь меня, Василій Іоничъ? глупо спросила она и остановилась.

— Это грѣхъ тебѣ, Марина Денисьевна; ужъ вотъ пріѣдемъ, самой станеть совѣстно. Человѣкъ это для тебя жизни не жалѣеть, самъ норовитъ въ острогъ попасть, всѣхъ васъ вотъ на волю по-вытаскивалъ, а она его обманщикомъ считаетъ... Поспѣшай, родимая, иди проворнѣе.

Дернулъ ее за руку Василій и влѣво потащилъ; свистнулъ не громко, ему другимъ свисткомъ откликнулись; колесо скрипнуло будто-бы, лошадь, слышно, хвостомъ отъ комаровъ отмахивается... Опять посвистываетъ кто-то, куда путь держать, указываетъ.

— Сажай въ телѣгу ее, Маметъ, говорить Василій,—я васъ провожу за городъ; а ты съ нею дальше гони, къ указанному мѣсту, на берегъ. Тамъ смотри, на глаза тѣмъ не показывайся до моего прихода, а я пока здѣсь останусь: надо, чтобы меня тутъ видѣли.

Посадили Марину въ телѣжку, сѣномъ набитую, Маметка рядомъ сѣлъ; покатила повозка по дорогѣ, взаскачъ погналъ коня татаринъ чебоксарскій.

А въ густой осоѣй прибрежной, за камышевою чащею, стоитъ какіе рыбачій, на водѣ покачивается. Отъ рѣки его за камышемъ не видать, съ берегу тоже обрывъ глинистый все заслоняетъ; сидятъ въ каякѣ трое людей, самъ Салтыкъ Аблаевичъ съ двумя хивинцами; четвертый на обрывѣ лежитъ, на брюхѣ, смотреть въ даль, дожидается.

Давно уже засѣли здѣсь хивинцы, по указу Василія Іоныча; онъ имъ и лодку приспособилъ, и мѣсто это выискалъ.

— Сидите только смирно; Боже васъ оборони, это увидить! Носу отсюда не высовывайте, наказывалъ онъ имъ, а Салтыку въ особенноти. — Боли сегодня ночью не представляю, тогда ужъ какъ знаешь, все одно, значить, влопался.

И сидѣли они смирно, дожидались терпѣливо. Только Салтыкъ всѣ губы искусалъ себѣ до крови отъ этого терпѣнія... Въ лихорадку его даже ударило... То-и-дѣло самъ на обрывѣ лазилъ и въ даль изъ-подъ шапки своей черной приглядывался.

Еще много до свѣту приходилось, заторохтала въ степи колеса телѣжныя; у Салтыка душа замерла. Другіе даже всѣ изъ лодки повывскавали.

Н. Карзининъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПОГРЕБЕНИЕ НИЩЕЙ СТАРУХИ.

(Изъ Николая Ленау.)

Четыре работника въ черныхъ костюмахъ,
Съ полнѣйшимъ безстрашьемъ на лицахъ угрюмыхъ,
Торопятся тѣло скончавшейся нищей
Въ носилкахъ скорѣй оттащить на кладбище.

Въ коробкѣ гнилой этой, наскоро сбитой,
Ты будешь въ холодную землю зарыта...
Старуха, весь вѣкъ свой ты муки сносила—
Такъ пусть приголубить тебя хоть могила...

Твой гробъ проводить никому нѣтъ охоты,—
У всякаго есть и дѣла, и заботы...
И только нужда, твой товарищъ безсмѣнный,
Осталась до гроба тебѣ неизмѣнной.

Безъ пѣнья и звона тебя похоронятъ
И люди надъ прахомъ слезы не уронятъ.
Въ ихъ черствыхъ сердцахъ не найдешь состраданья,
Имъ чужды твои всѣ былия страданья...

Не вслѣдствіе-ль скупости ихъ безобразной
Прикрыта какой-то ты ветошью грязной
И крестъ почернѣвшій, поломанный, мѣдный,
Положенъ на гробъ твой некрашенный, бѣдный?...

Господь пусть ихъ судить!... Ты вѣжды сомкнула,
Ты сномъ непробуднымъ на вѣки уснула —
И этой людскою насмѣшкой безбожной
Тебя оскорбить ужъ теперь невозможно!...

Петръ Выковъ.

ЭПОХА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

ВЪ

НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ.

I.

Въ одной изъ своихъ рѣчей, обращенной къ бывшимъ на кораблѣ боярамъ, Петръ, сравнивая переходъ наукъ изъ одной страны въ другую съ теченіемъ крови въ человѣческомъ тѣлѣ, указалъ на то, что „просвѣщенные теперь народы находились нѣкогда въ такомъ-же невѣжественномъ состояніи, какъ и русскіе, и вышли изъ него только благодаря трудамъ и усиліямъ съ ихъ стороны“ ¹⁾. Эти-то „труды и усилія“ онъ задумалъ возложить на русское общество, и задумалъ сдѣлать это такъ, какъ онъ дѣлалъ всѣ реформы,—широко, быстро и круто, не принимая во вниманіе ни состоянія, ни стремленій общества, ни имѣющихся подъ руками средствъ. Въслѣдствіе этого, при чтеніи его многочисленныхъ указовъ относительно народнаго образованія, при видѣ его энергическихъ и постоянныхъ хлопотъ объ этомъ дѣлѣ, ожидаешь увидѣть блестящіе результаты; когда-же читаешь отчеты лицъ, занимавшихся народнымъ образованіемъ, или записки современниковъ, говорящихъ объ этомъ предметѣ, тогда передъ глазами появляется обратная сторона медали, — сторона на-столько плачевная, что приходишь къ заключенію о томъ, что указовъ было гораздо болѣе, чѣмъ результатовъ отъ этихъ указовъ. Ко-

¹⁾ Записки Вебера. Русскій Архивъ, 1872 г., стр. 1074—5.

нечно, это такъ и должно было случиться, хотя вопросъ о народномъ образованіи и былъ уже на очереди въ это время.

Заботы объ образованіи со стороны ближайшихъ предшественниковъ Петра, появленіе такихъ дѣятелей, какъ, напр., Лихуды, исправленіе священныхъ книгъ, показавшее необходимость развитія грамотности, вліяніе кievскихъ ученыхъ,—все это говорило о современности заботъ о народномъ образованіи. Но едва-ли кто-нибудь мечталъ о такомъ образованіи, какое стремился развить Петръ I, и ужь, конечно, никому не приходили въ голову тѣ мѣры и средства, которыя употреблялъ онъ для привитія этого образованія. Петръ стремился не усилить образованіе, но измѣнить его, дать ему другое направленіе и потому его время можетъ быть по-преимуществу названо эпохою преобразованій въ народномъ образованіи.

Прежде, чѣмъ говорить о реформахъ Петра въ дѣлѣ народного образованія, мы должны сказать о его собственномъ развитіи.

Петръ остался-бы очень малосвѣдущимъ человѣкомъ, если-бы ему, подобно его предшественникамъ, пришлось ограничиться только тѣмъ образованіемъ, которое давалось царевичамъ. Полный курсъ начальнаго обученія, существовавшій у нашихъ предковъ до начала XVIII столѣтія, заключалъ въ себѣ: 1) словесное, т. е. чтеніе, 2) письмо и 3) пѣніе. Этотъ курсъ ученія былъ распространенъ съ совершеннымъ однообразіемъ по всѣмъ сословіямъ московскаго государства, начиная съ грамотнаго земледѣльца и восходя къ первому боярину ²⁾. Въ народномъ быту первоначальное ученіе оканчивалось псалтиремъ, въ быту-же государей дѣти послѣ псалтиря учили апостольскія дѣянія и, наконецъ, евангеліе ³⁾. Начальное обученіе царскихъ дѣтей пополнялось знакомствомъ, посредствомъ картинокъ, съ родною исторіею, съ разнообразными обденными занятіями селянина, ремесленника и т. п. Отечественную исторію дѣти узнавали изъ царственныхъ книгъ, которыя заключали въ себѣ изложеніе отечественныхъ лѣтописей, составленное преимущественно для картинокъ и украшенное ими во множествѣ, такъ-что самый текстъ царственныхъ книгъ въ сущности составлялъ только подписи къ рисованнымъ изображе-

²⁾ Отеч. Запис. № 12, 1858 г. Отд. Научн и худож., стр. 106. Ст. „Домашній бытъ русскихъ царей“ *Забьлина*. ³⁾ Ibid., стр. 98.

нiямъ 4). Свободныя художества въ полномъ ихъ составѣ не были у насъ водворены и, большею частью, предки наши знали ихъ только по именамъ. Кроме того, иныя науки или художества смѣшивались въ тогдашнихъ понятiяхъ съ эллинскими языческими таинствами, да и вообще слово „эллинскiй“ обозначало все языческое, а свободныя художества шли отъ эллиновъ, слѣдственно были языческiя. По свидѣтельству иностранцевъ, науки не были приняты въ этомъ составѣ и въ царскомъ быту, то-есть въ первоначальномъ образованiи царскихъ дѣтей. Рейтенфельсъ дѣлаетъ слѣдующiй очеркъ первоначальнаго образованiя въ царскомъ быту: „Изящными (то-есть свободными) науками царскiя дѣти не занимаются, кроме энциклопедическихъ познанiй о предметахъ политическxъ; за то весьма тщательно (кроме чтенiя и письма на отечественномъ языкѣ) изучаютъ состоянiе своего государства и сосѣдственныхъ державъ, духъ и потребности подвластныхъ народовъ, различающихся языкомъ и нравами; приучаются любить и уважать отечественныя обычаи и неуклонно слѣдовать правиламъ религiи. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что этотъ скромный и, повидимому, простой образъ воспитанiя царскихъ дѣтей въ Россiи даетъ имъ прекрасное направление и гораздо полезнѣе, нежели изученiе всѣхъ тайнъ философи и уроки самыхъ глубокомысленныхъ учителей“ 5). Въ отношенiи иностранныхъ языковъ, Кошкинъ говоритъ положительно, что кроме русскаго „никакимъ инымъ языкомъ наученiя въ российскомъ государствѣ не бываетъ“ 6). Дѣти государя начинали учиться грамотѣ рано, съ пяти лѣтъ. Въ это время царевичи съ рукъ мамы поступали на попеченiе дядьки, или, по древнему выраженiю, кормильца-боярина „честью великаго, тиха и разуна“. Ему поручалось береженiе и наученiе царевича, то-есть главный надзоръ вообще за воспитанiемъ. Въ учителя государю выбирали, по выраженiю Кошкина, „людей учительныхъ, тихихъ и не бражниковъ“. Выборъ падалъ почти всегда на подъячихъ или дьяковъ; въ то время они, конечно, были лучшими учителями чтенiя и лучшими каллиграфами 7).

4) Ibid. 5) Журн. Министер. народ. просв., 1839, июль, стр. 10. 6) Отеч. Зап. № 12, 1858 г. Отд. „Науки и худож.“, стр. 119—120, ст. *Забьлина*. 7) Ibid., стр. 92.

Образованіе Петра было не лучше. Въ пятое лѣто возраста царевича, пишетъ Голиковъ, царь Федоръ Алексѣевичъ поручилъ боярину Федору Соковнину прискаты достойнаго царевичу Петру учителя; и бояринъ сей представилъ за способнаго къ тому челолюбитеннаго приказа дьяка, Никиту, Моисеева сына, Зотова. Царь повелѣлъ духовнику и учителю своему Синеому Полоцкому свидѣтельствовать его въ правильномъ писаніи и чтеніи и въ прочемъ до должности учителя касающемся, и по одобреніи сего ученаго мужа, его величество и опредѣлилъ его къ царевичу учителемъ; а 12 марта того-же 1677 года, по благословеніи святѣйшаго патріарха, и вступилъ онъ въ важную должность сію⁸⁾. Есть предположеніе, что Петръ началъ учиться даже нѣсколько ранѣе⁹⁾. Ученые Петра, какъ и всякаго другаго въ то время, началось съ азбуки. „О составѣ этихъ рукописныхъ азбукъ трудно сказать что-либо положительное, говоритъ г. Забѣлинъ. — Нельзя не согласиться только съ тѣмъ, что грамотность на-столько казалась нужна русскому челоубку, на-сколько этого требовало изученіе вѣры. Чтобъ научиться читать по тогдашнему способу, приводилось выѣсть съ тѣмъ и выучивать наизусть азбуку отъ постоянного повторенія задовъ. Читали по-церковному, вслухъ и нараспѣвъ. Отъ азбуки переходили къ часовнику и потомъ псалтири. Всѣ эти книги, обыкновенно, выучивали наизусть“¹⁰⁾. Обученіе письму началось, кажется, на восьмомъ уже году, на что указываетъ извѣстіе о переплетѣ въ червчатый бархатъ царевичевой буквари (прописи) 15 марта 1680 года. Читать и писать царевичъ учился на особомъ учительномъ наложѣ. Кромѣ Зотова въ современныхъ расходныхъ запискахъ упоминается еще учитель Афанасій Алексѣевъ Нестеровъ, который, можетъ быть, былъ учителемъ пѣнія. Обыкновенный курсъ ученія значительно пополнялся при руководствѣ Зотова другими средствами образованія. Въ праздное время царевичъ съ любопытствомъ слушалъ исторіи, дѣла храбрыхъ и премудрыхъ царей, любилъ смотрѣть книги съ кунштами, т. е. ри-

⁸⁾ Дѣянія Петра Великаго. Соч. Голикова, томъ I, изд. 2, Москва, 1837 г., стр. 3 — 5. ⁹⁾ Я. Гротъ. Петръ, какъ просвѣтитель Россіи. Читано въ собраніи импер. акад. наукъ 31 мая 1872 г., Сиб., 1872 г., стр. 2 — 5. ¹⁰⁾ Забѣлинъ: Опытъ изученія русскихъ древн. и истор., ч. I, Москва, 1872 г. Дѣтскіе годы Петра Великаго, стр. 33 — 42. ¹¹⁾ Отеч. Зап., № 12, 1858 г., стр. 98, ст. Забѣлина.

суннами, съ которыми онъ былъ уже знакомъ еще до начала обученія грамотѣ ¹¹⁾. Книги эти, составляемыя для забавы дѣтей, назывались обыкновенно потѣшными. Умный учитель обратилъ на это особенное вниманіе и представилъ царицѣ, что такимъ легкимъ и занятнымъ способомъ можно познакомить царевича со многими полезными знаніями. Онъ просилъ, чтобъ были избраны искусные художники для составленія подобныхъ книгъ и училищъ, т. е. иллюстрированныхъ тетрадей. Государыня обрадовалась этому предложенію, велѣла выдать изъ домашней царской библіотеки всѣ историческія „книги съ кунштами и всея Россіи книги съ рисунками градовъ и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ“. При помощи тогдашнихъ живописцевъ Зотовъ составилъ значительное собраніе разныхъ кунштовъ, приказавъ написать лучшимъ, драгимъ мастерствомъ, красками: грады, палаты, зданія, дѣла военныя, великіе корабли и вообще исторіи лицевныя съ прописями, т. е. съ текстомъ, и распредѣлилъ всѣ эти книги и училища по разнымъ покоямъ царевичевыхъ хоромъ. Когда царевичъ въ ученіи книжномъ слишкомъ утруждался, Зотовъ бралъ изъ рукъ его книгу и въ увеселеніе связывалъ „о блаженныхъ дѣлахъ родителя его царя Алексѣя Михайловича и царя Ивана Васильевича, храбрныя ихъ и военныя дѣла и дальніе нужные походы, бои, взятые городовъ, и koliko претерпѣвали нужду и тяготу больше простого народа, и тѣмъ количія благополучія государству приобрѣли, и государство російское распространили. Такъ повѣдалъ дѣла вел. кн. Дмитрія Донского и дѣла князя Владиміра и Александра Невского и о прочихъ“. А чтобъ представить все это наглядно, показывалъ ему изображеніе рассказанныхъ исторій и подвиговъ и, переходя изъ комнаты въ комнату, знакомилъ его съ различными науками, присовокупляя, что безъ нихъ державнымъ монархомъ невозможно быть. Такимъ образомъ курсъ обученія былъ по-преимуществу практической, болѣе увеселительный или „потѣшный“, какъ тогда говорили. Ученье продолжалось не долго. „По немногомъ ученіи и трудахъ богодарованною премудростію все совершенно обучи, зашѣчаетъ Крещинъ,—а книжное ученіе только имѣ въ твердости, что все евангеліе и апостоль наизустъ или памятью остро про-

¹¹⁾ Голицовъ, Дѣянія Петра Великаго, т. I, изд. 2, Москва, 1837 г., стр. 3—5.

читаль... Егда сѣмя благихъ ученій вкоренися въ сердце юнаго отрока, тогда разжегся любовію, еже бы вся, предлагаемая во ученіи, дѣйствомъ исполнить, созидать грады, и таяжде брать, полки водить и дѣйствіе боевъ и морское плаваніе видѣть, и красная зданія созидать“¹²⁾.

Эти слова Брекшина крайне знаменательны: дѣйствительно, немногому могъ научиться ребенокъ у своего учителя, но за то все то, чѣмъ его занимали, не могло не распалить его впечатлительнаго воображенія. Мальчикъ долженъ былъ мечтать о созиданіи городовъ, о взятіи ихъ, о походахъ съ полками, о битвахъ.

Понятно, что при такомъ настроеніи воображенія Петръ отдался всею душою военнымъ играмъ съ своими сверстниками. Эти игры существовали и при прежнихъ царевичахъ, но ни одинъ изъ нихъ не отдавался имъ съ такою страстью, съ такою серьезностью. Въ военныхъ играхъ съ своими сверстниками Петръ не хочетъ пользоваться преимуществами своего положенія: онъ ставитъ себя на одну линію съ товарищами, несетъ съ ними равную службу, начинается съ нижнихъ ея степеней, участвуетъ вмѣстѣ со всѣми въ черной работѣ и для повышенія подчиняется требованію дѣйствительной заслуги; посреди забавъ привыкаетъ къ труду и лишеніямъ. Постепенно, съ каждымъ годомъ онъ расширяетъ кругъ своихъ военныхъ потѣхъ и все болѣе и болѣе развиваетъ ихъ значеніе¹³⁾. Среди этихъ игръ и потѣхъ онъ учится военному дѣлу и кораблестроенію, узнавая все, что можно. Такъ въ Москвѣ жилъ втеченіи двадцати пяти лѣтъ голландецъ Францъ Тиммерманъ. Петръ сошелся съ нимъ. Только онъ одинъ въ Москвѣ могъ объяснить пятнадцатилѣтнему Петру астролобію. Тиммерманъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ при Петрѣ безотлучно: училъ его арифметику, геометрію, фортификацію, составлялъ планы потѣшныхъ крѣпостей и пр. Подъ Азовомъ онъ доказалъ, что былъ плохой инженеръ и что торговые барыши прельщали его болѣе, чѣмъ служба великому царю. Черезъ

¹²⁾ „Опытъ изученія русск. древностей и исторіи“ *И. Забѣлина*. Ч. 1, Москва 1872 г., ст. „Дѣтскіе годы Петра Великаго“, стр. 33—42. ¹³⁾ „Петръ Вел., какъ просвѣтитель Россіи“—чит. въ собран. Имп. Ак. Наукъ 31 мая 1872 г. *Я. Гра-то-мъ*. 1872 г., стр. 2—5.

него-же узналъ Петръ голандскаго матроса Карштень-Бранта, добывавшаго въ нѣмецкой слободѣ кусокъ хлѣба столярною работою; онъ былъ учителемъ царя въ кораблестроеніи, также какъ и инженерный офицеръ Кортъ ¹⁴⁾. Отъ всѣхъ подобныхъ людей Петръ что-нибудь да заимствовалъ, хотя сами эти люди были далеко несвѣдущими, необразованными. Такъ Лефорть не отличался знаніемъ военнаго искусства; Гордонъ зналъ этотъ предметъ едва-ли лучше Лефорты, получивъ воспитаніе въ простой сельской школѣ въ Шотландіи. Чтобы запасть свѣденіями отъ этихъ людей, нужно было много и усиленно работать самостоятельно. Петръ привыкъ къ этой работѣ, и если кто-нибудь могъ сказать, что онъ всѣмъ хорошимъ въ своемъ развитіи обязанъ только себѣ, такъ это именно Петръ. Такимъ образомъ, среди неутомимыхъ трудовъ изъ него выработывался человекъ, который можетъ перенести всякія лишенія и который, въ то-же время, не терпитъ, чтобы другіе отговаривались невозможностью исполнить то или другое дѣло. У него была желѣзная воля и онъ требовалъ, чтобы и другіе отличались такою-же волею, а между тѣмъ другимъ личностямъ тѣмъ труднѣе было исполнять всѣ его планы и предназначенія, что онъ отличался широкими требованіями, сильно развитымъ воображеніемъ и очень часто желалъ невозможнаго.

Рядомъ съ этими вліяніями на развитіе характера Петра мы видимъ еще одно вліяніе: онъ росъ почти при тѣхъ-же условіяхъ, при какихъ росъ Иванъ Грозный. Петръ остался по смерти отца трехъ лѣтъ и съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата подвергся удаленію, гоненію, вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Передъ его глазами была постоянно печальная мать, тоскующая съ ближними людьми о своей невзгодѣ, о ссылкѣ братьевъ, благодѣтеля Матвѣева. Это должно было раздражать пламеннаго, воспримчиваго ребенка семейною враждою. То, что другія дѣти узнаютъ изъ нянькиныхъ сказокъ, какъ родственники гонятъ невинныхъ дѣтей, какъ послѣднія или гибнутъ, или торжествуютъ, то маленькій Петръ испытываетъ въ дѣйствительности; онъ уже герой драмы, дѣйствующее лицо, онъ ненавидитъ гонителей настоящею, дѣйствительною ненавистью, и сочувствіе

¹⁴⁾ С. Соловьевъ: „Исторія Россіи, XIV т., 107 стр.

его къ героямъ посильнѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей къ ихъ ска-
зочнымъ героямъ, ибо эти герои онъ самъ, его мать, дядя ¹⁵⁾.
Петру оканчивался десятый годъ, когда умеръ царь Феодоръ.
Петра выбрали въ цари; но этотъ выборъ повелъ къ стрѣлец-
кому бунту. До сихъ поръ удаленіе, гоненіе раздражали ребенка;
теперь передъ его глазами были страшныя, кровавыя сцены, му-
чительная смерть родныхъ, отчаяніе матери, похищеніе власти,
переходъ ея въ руки прежнихъ гонителей ¹⁶⁾. Первой жертвой
стрѣльцовъ былъ Долгорукій. Они сбросили его съ крыльца на
подставленный копьѣ и полумертваго изрубили бердышами. У
толпы помутилось въ глазахъ отъ первой крови, а тутъ изъ сѣ-
ней Грановитой палаты вбѣгаютъ другіе стрѣльцы и бросаются
на Матвѣева. Царица и князь Михаилъ Алегуровичъ Черкасскій
хотѣли было защитить его; но стрѣльцы вырвали у нихъ Матвѣ-
ева и сбросили его на площадь противъ благовѣщенскаго собора;
тутъ изрубили его на мелкія части. По другимъ извѣстіямъ,
Матвѣевъ, чтобъ защитить себя, схватилъ подъ руку царя Пет-
ра, но стрѣльцы вырвали его изъ-подъ руки царской. Можно
себѣ представить, какія чувства должна была пробудить од-
на эта сцена въ душѣ ребенка. Зная, что Петръ пережилъ
подобное потрясеніе въ дѣтствѣ, мы не удивимся его позд-
нѣйшей жестокости въ отношеніи къ стрѣльцамъ. Оставшіеся
господами во дворцѣ, стрѣльцы бѣгали всюду по комнатамъ ца-
ревенъ, заглядывали подъ кровати, перетряхивали перинны, ры-
лись въ чуланахъ, забѣгали въ церкви, въ алтари, ошупывали
престолы и жертвенники, тыкали подъ нихъ копиями, думая, что
тамъ скрылся кто-нибудь изъ Нарышкиннхъ. Стольникъ Федора
Петровича Салтыкова приняли за Афанасія Кириловича На-
рышкина и убили; потомъ, увидя ошибку, отвезли тѣло къ отцу,
боярину Петру Михайловичу Салтыкову, съ извиненіями; старикъ
отвѣчалъ: „Божья воля!“ и велѣлъ угостить убійцъ виномъ и
пивомъ. Въ комнатѣ царицы Натальи нашли карла, прозвищемъ
Хомяка, и спросили, гдѣ спрятались Нарышкины? Хомякъ ука-
залъ имъ въ сѣнной церкви Воскресенія подъ престоломъ мѣсто
убѣжища Афанасья Нарышкина: стрѣльцы вытащили его на па-
перть, разсѣкли и выбросили на площадь; Ивана Фомича На-

¹⁵⁾ Ibid., стр. 102. ¹⁶⁾ Ibid., стр. 103.

рышенина отыскали въ домѣ его за Московою рѣкою и убили; убили и знаменитаго воеводу двухъ послѣднихъ царствованій, князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, на котораго были злы со времени чигиринскихъ походовъ; любимецъ покойнаго царя Федора, бояринъ Языковъ, скрылся было у духовника своего при церкви Николаи на Хлыновѣ, но былъ преданъ холопомъ; стрѣльцы привели его къ Архангельскому собору и изрубилъ на части; убили думнаго дьякона, управлявшаго посольскимъ приказомъ, Ларіона Иванова, и нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ людей. Всѣ эти убійства сопровождались криками: „любо-ли?“ обращенными къ окружающему безоружному народу, отъ котораго стрѣльцы требовали одобренія своимъ поступкамъ; надобно было кричать: „любо!“ и махать шапками; кто-же не хотѣлъ кричать: „любо!“ или показывалъ видъ сожалѣнія, тѣхъ били. Убивши кого-нибудь, волокли въ Спасскія или Никольскія ворота, на Красную площадь; передъ тѣломъ шли стрѣльцы, какъ будто для почета, и кричали: „вотъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ! вотъ бояринъ князь Ромодановскій, вотъ Долгорукій, вотъ думный ѣдетъ! дайте дорогу!“¹⁷⁾ Послѣ приближенныя къ Петру люди рассказывали иностранцамъ, что во время стрѣльческаго бунта маленькій Петръ сохранилъ удивительное спокойствіе, нисколько не измѣнился въ лицѣ, и указывали на это, какъ на признакъ будущаго величія. Но какъ-бы ни держалъ себя Петръ во время стрѣльческаго бунта, кровавыя сцены не могли остаться безъ вліянія, и чувства, возбужденныя ими, должны были дѣйствовать разрушительно, хотя-бы и сдержаны были на-время¹⁸⁾. Дѣйствительно, и безъ того сильный по самой своей натурѣ, подготовленный воспитаніемъ къ широкимъ замысламъ о славныхъ дѣлахъ, привыкшій осуществлять практически свои замыслы, Петръ, вслѣдствіе горькихъ сценъ, пережитыхъ имъ въ дѣтствѣ, сдѣлался жестокимъ къ противникамъ его воли. Когда Ромодановскій писалъ ему о новомъ возмущеніи стрѣльцовъ, онъ отвѣтилъ: „только крѣпостью можно угасить сей огонь“, и эти слова, говоритъ историкъ, „уже показываютъ сильное раздраженіе, которое внушало убѣжденіе въ необходимости крайнихъ мѣръ

¹⁷⁾ Ibid., томъ XIII, Москва, изд. 1870 г., стр. 332—333. ¹⁸⁾ Ibid., томъ XIV, изд. 1871 г., стр. 103.

для уничтоженія зла. Привести въ ужасъ противниковъ, кровью залить сопротивленіе—эта мысль обыкновенно приходитъ въ голову революціоннымъ дѣятелямъ въ разгарѣ борьбы, при сильномъ ожесточеніи отъ сопротивленія, при опасеніи за будущность свою и за будущность проводимаго начала. Зловѣщій отвѣтъ Ромодановскому обѣщалъ Москвѣ „терроръ“¹⁹⁾. Терроръ начался: Петръ началъ кровавый розыскъ противъ стрѣльцовъ. Въ Преображенскомъ, въ 14 застѣнкахъ, начались пытки съ 17 сентября—печальный день именинъ Софьи, когда, 16 лѣтъ тому назадъ, безъ суда, казнены были Хованскіе. Пытки отличались неслыханною жестокостью²⁰⁾. Пытали мужчинъ и женщинъ. По словамъ Корба, виновныхъ постоянно водили въ застѣнокъ; ихъ пороли кнутомъ, вздергивали надъ огнемъ, обжигали и коптели, точили изъ нихъ по каплямъ кровь, сожигали кожу. Въ то-же время дѣлались страшныя приготовленія къ казнямъ: ставили висѣлицы по Вѣлому и Земляному городамъ, у воротъ подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и у четырехъ сѣзжихъ набѣзъ возмущившихся полковъ. Патріархъ вспомнилъ, что его предшественники въ подобныхъ случаяхъ становились между царемъ и жертвами его гнѣва, печаловались за опальныхъ, утоляли кровь; Адрианъ поднялъ икону Богородицы и отправился въ Преображенское къ Петру. Но Петръ расхотѣлся, ничто не могло его удержать; увидѣвъ патріарха, онъ закричалъ ему: „Къ чему эта икона? Развѣ твое дѣло приходитъ сюда? Убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ“²¹⁾. Первая казнь происходила 30 сентября: стрѣльцовъ, числомъ 201 человекъ, повезли изъ Преображенскаго въ телѣгахъ къ Покровскимъ воротамъ; въ каждой телѣгѣ сидѣло по двое и держали въ рукѣ по зажженной свѣчѣ; за телѣгами бѣжали жены, матери, дѣти съ страшными криками²²⁾. По прочтеніи сказки осужденныхъ развезли вершить на указыя мѣста; но пятерымъ, связано въ дѣлѣ, отсѣчены головы въ Преображенскомъ; 11 октября по-

¹⁹⁾ Ibid., стр. 255. ²⁰⁾ Ibid., стр. 258. ²¹⁾ Ibid., стр. 259. ²²⁾ Ibid., стр. 259.

вны казни: вершено 144 человекъ; на другой день — 205; на третій—141; семнадцатаго октября — 109; осьмнадцатаго—63. девятнадцатаго—106, двадцать перваго—2,195 стрѣльцовъ повѣшено подѣ Новодѣвичимъ монастыремъ, передѣ кельею царевны Софьи; трое изъ нихъ, повѣшенныя подлѣ самыхъ оконъ, держали въ рукахъ челобитныя, „а въ тѣхъ челобитныхъ написано противъ ихъ повинки“. Въ Преображенскомъ происходили кровавыя упражненія: здѣсь 17 октября приближенные царя рубили головы стрѣльцамъ: князь Ромодановскій отсѣкъ четыре головы; Голицынъ, по неумѣнью рубить, увеличилъ муки доставшагося ему несчастнаго; любимецъ Петра, Алексашка (Меншиковъ) хвалился, что обезглавилъ 20 человекъ; полковникъ Преображенскаго полка Блюмбергъ и Лефортъ отказались отъ упражненій, говоря, что въ ихъ земляхъ этого не водится ²³). Корбъ рисуетъ ужасающую картину казней, а Щербатовъ насчитываетъ до 700 человекъ казненныхъ въ эти дни ²⁴). Тотъ-же безпощадною жестокостью отличался Петръ и въ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ семейства Монсовъ.

Таковы были главныя черты, развитыя въ Петрѣ воспитаніемъ. Эти черты сказались и въ его отношеніи къ дѣлу народнаго образованія, какъ мы увидимъ это ниже: широкіе, часто несбыточные планы, стремленіе осуществить тотчасъ на практикѣ все, что создало его горячее воображеніе, и суровость въ отношеніи противящихся исполнять эти планы.

II.

Петръ придавалъ громадное значеніе образованію: онъ всегда съ горечью говорилъ о томъ, что ему самому не удалось получить сколько-нибудь сноснаго научнаго развитія. Однажды императрица Елизавета Петровна, вошедши въ комнату племянника своего Петра Федоровича, который занимался черченіемъ, поцѣловала его и сказала со слезами: „Не могу на словахъ рассказать того удовольствія, какое я чувствую, когда вижу, что ты хорошо употребляешь свое время, и вспоминаю, какъ батюшка, заставъ однажды

²³) Ibid., стр. 260. ²⁴) *Н. Я. Аристова*: Разбойники и бѣглые времяя Петра В. Биб. д. чт., окт. и нояб. 1864 г., 5—6.

меня съ сестрою за уроками, сказалъ со вздохомъ: „Ахъ, если-бы я въ моей молодости былъ внученъ, какъ должно!“²⁵⁾ Недостаточность своего образованія онъ старался пополнить при каждомъ удобномъ случаѣ: Тиммерманъ не успѣвалъ бѣгать за любознательнымъ юношею, не успѣвалъ отвѣчать на его вопросы; за-границей Петръ не упускалъ ничего изъ виду, справлялся обо всемъ; онъ старался приобрѣсти не только чисто-научныя свѣденія, но и практическія познанія: онъ самъ плотничалъ, самъ строилъ корабли. Уже въ Кенигсбергѣ онъ изучилъ въ теоріи и на практикѣ артилерію и сдѣлался, по словамъ своего учителя, „благоискуснымъ огнестрѣльнымъ мастеромъ и художникомъ“. Его пребываніе въ Голандіи, Англіи и Франціи было постоянномъ школою, въ которой державный ученикъ изумлялъ весь міръ прилежаніемъ и успѣхами; позднѣе, во время шведской войны, при его свиданіи съ польскимъ королемъ, присутствовавшіе замѣтили, что Петръ очень свѣдуецъ въ географіи, черченіи и рисованіи и усердно занимается этими предметами. Вслѣдствіе этой неустанной работы ему удалось сдѣлаться человѣкомъ, стоявшимъ по развитію выше многихъ и многихъ людей, получившихъ полное и серьезное образованіе.

„Дивно всякому было легко разсуждающему, говорить Ф. Пропоповичъ, — гдѣ Петръ и отъ кого тако умудренъ былъ, понеже ни въ какой школѣ, ни въ какой академіи не учился. Но академіи были ему грады и страны, республики и монархіи, и дома царскіе, въ которыхъ гостемъ бывалъ; учителя были ему, хотя и сами про то не вѣдали, и къ нему приходящіе послы, и гости, и его угощающіе potentаты и управители. Гдѣ ни быти, съ кѣмъ ни побесѣдовати случалось ему, то едино было, дабы не отйти и не разойтиса безъ нѣкія пользы, безъ нѣкоего ученія. Много-же еще ко всему пособило ему, что изучився нѣкихъ европейскихъ языковъ, во историческихъ и учительскихъ книгахъ частнымъ чтеніемъ упражнялся; и отъ таковыхъ-то ученій происходило, что разговоры его, о коемъ-либо дѣлѣ, изобиліи, хотя не многорѣчивіи были, и о чемъ ни произошло слово, тотъ часъ слышати было отъ него разсужденія тонкая, и доводы сильныя, и между тѣмъ, повѣсти, притчи, подобія со услажденіемъ купно

²⁵⁾ Исторія Россіи, *Соловьева*, т. XIV, стр. 106.

и удивленіемъ всѣхъ присутствующихъ. Но и въ разговорахъ богословскихъ и другихъ слышати и самъ не молчати, не тожко, какъ прочіа обывли, не стыдился, но и съ охотою тщался, и многихъ въ сумнительствѣ совѣсти наставлялъ, отъ суевѣрія отводилъ, къ познанію истины приводилъ, что не тожко съ честными дѣлалъ, но и съ простыми, и худыми, наипаче-же когда случалось съ раскольниками: и готовое ему на то, аки всеоружіе было, изученное отъ священныхъ писаній догматы, наипаче Павлова посланія, которая твердо себѣ въ памяти закрѣпилъ“²⁶⁾.

Феофанъ нисколько не преувеличиваетъ, говоря о всесторонности познаній Петра. Въ этомъ отношеніи согласны съ нимъ всѣ современники Петра. Веберъ пишетъ: „Что-же касается до ходячаго въ свѣтъ мнѣнія, будто-бы самъ царь обладаетъ множествомъ знаній, то это совершенно справедливо, и никто, хорошо знающій этого монарха, не станетъ оспаривать, что онъ первѣйшій и разумѣйшій министръ, искусѣйшій генералъ, офицеръ и солдатъ своего царства, ученѣйшій изъ всѣхъ русскихъ богослововъ и философовъ, хорошій историкъ и механикъ, искусный кораблестроитель и еще лучшій мореходъ; но во всѣхъ знаніяхъ имѣетъ онъ очень лѣтнихъ и изъ-подъ палки дѣйствующихъ учениковъ“²⁷⁾. То-же говоритъ Лейбницъ, который съ самаго вступленія Петра на престолъ, зорко слѣдилъ за его преобразованіями, а впослѣдствіи старался быть ему полезнымъ своими идеями въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Послѣ бесѣды съ Петромъ Лейбницъ былъ пораженъ всею его личностію, былъ, по собственному выраженію въ письмѣ къ пріятелю, „удивленъ обширными свѣденіями и быстрымъ соображеніемъ могущественнаго государя“²⁸⁾.

Современная ученая иностранная литература была знакома Петру и онъ зорко слѣдилъ за нею, заказывалъ переводы иностранныхъ книгъ, указывалъ, какъ ихъ слѣдуетъ переводить, самъ исправлялъ переводы. Такъ пишетъ онъ Зотову: „книгу о фор-

²⁶⁾ Слово и рѣчи *Ф. Прокоповича*, изд. 1761 г. Слб. Часть II, стр. 160—161. Слово на похвалу Петра. ²⁷⁾ Записки *Вебера*. Русскій Архивъ 1872 г., стр. 1078. ²⁸⁾ Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи.—Читано въ собран. Имп. Ак. Наукъ 31 мая 1872 г. *Я. Гротомъ*. Слб. 1872 г. стр. 2—5.

тификаціи, манера Бланделова, которую вы перевели, мы оную прочли, и разговоры зѣло хороши и внятно переведены; но какъ учить фортификаціи дѣлать, также въ табели мѣра не именована, рутыль или тоузъ, то зѣло темно и непонятно переведено, который листъ переправа вклеили въ книгу, а старшій вырѣзавъ при томъ-же посылаемъ, гдѣ сами увидите прегрѣшеніе или невнятность; и того ради надлежитъ въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остеречься въ томъ, дабы внятнѣе перевести, а особливо тѣ мѣста, которыя учать, какъ дѣлать, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіе вырази́въ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть“ ²⁹⁾.

Сознаніе необходимости образованія уже видно изъ его „наказа“ объ образованіи его сына. Въ этомъ наказѣ, между прочимъ, говорится: „Самое ученіе и образъ онаго далѣе къ возращенію его высочества надлежитъ нынѣ первоначально тако управлять и учреждати: чтобъ его высочество непрестанно въ читаніи и писаніи русскаго, яко сего государства языка, а особливо въ читаніи всякаго письма рукъ въ часы пополудни обучаешъ былъ. Тако-жь дабы его высочество по утру до начатія своего ученія и ввечеру по окончаніи онаго, всегда по двѣ главы изъ библіи явственно и съ прилежаніемъ прочитывалъ. И притомъ тотъ порядокъ употребляти, что егда всю библію совершитъ, тогда Новшій Заветъ паки повторитъ, и тако при окончаніи библіи Ветхой Заветъ единожды, Новшій-же двоекратно прочитать. И понеже первые труды, яже паче всѣхъ вещей безъ потерянія времени начинать надлежитъ, сіе суть, чтобъ его высочество такого языка научиться могъ, которымъ-бы его ко отправленію всѣхъ принцу потребныхъ вѣдѣній понятно сочинити возможно, и къ тому нынѣ въ разсужденіи его высочества лѣтъ, паче всѣхъ иныхъ языковъ французскій легчайшій и потребнѣйшій есть, и тако возможно Дофинову Граммаире (граматику), того ради, понеже оная такую властность имѣетъ, что чрезъ латинской ко французскому языку достигнути возможно; но нынѣ надлежитъ оную тако учредити, чтобъ чрезъ русской къ французскому язы-

²⁹⁾ Дѣянія Петра Великаго, *Голицына*, томъ IV, изд. второе, Москва, 1838 г., стр. 349.

ку достигнуть мочно, и къ тому-же уже учрежденіе учинено. И надлежитъ паче всѣхъ вещей на то смотрѣти, чтобъ тогда и внѣ ученія никако инако кромѣ французскаго языка говорить, и чтобъ нѣкоторыхъ служителей ко двору его высочества присовокупить, которые французскаго языка искусны и съ которыми-бъ его высочество обучаться могъ, ибо языкъ ни чрезъ что иное лучше, какъ чрезъ повседневное обходительство изученъ быти можетъ. При изученіи французскаго языка, а именно: егда его высочество оному научится читать, надлежитъ тотчасъ разцвѣченные маппы ³⁰⁾ географическія (къ чему я Ямловъ изданной Атласъ предлагаю) предвозпріяти, и внѣ обыкновенныхъ учебныхъ, при забавныхъ часахъ оныя разложить, и по изображеніи генеральнаго намѣренія о четырехъ частяхъ вселенныя, а особливо европейскія королевства, земли и государства показывать, и его высочеству чрезъ разговоры познаніе внушати, кому тѣ земли принадлежать, какой народъ въ нихъ живетъ, какія правила и обычаи въ житіи оныя имѣютъ, какіе великіе случаи и переибы въ оныхъ бывали и какой интересъ или пользу россійское государство при оныхъ имѣтъ; и сіе толь долго продолжати, пока при влцшемъ преуспѣянніи во французскомъ языкѣ, къ подлиннѣйшему отправленію приступити возможно будетъ. Тако-жъ при забавныхъ часахъ возможно его высочество ко употребленію циркуля по малу приучати, изрядство и пользу геометріи представляти, и послѣди, равно яко играя, сперва фигуры научить знати, потомъ-же оныхъ сложеніе и силу показывать, пока его высочество во французскомъ языкѣ сильнѣе станетъ, и тогда возможно будетъ геометрію и арифметику, яко основаніе математическаго вѣденія, основательнѣе предвозпріяти. Однакожъ, надлежитъ уже и нынѣ, безъ потерянія времени, начало высокопотребнымъ принципу экзерциціямъ, яко-же штурманью, танцванью и конской ѣздѣ, учинить. И дабы его высочеству непрестаннымъ ученіемъ и трудами чувствъ не наскучить, и того ради надлежитъ къ его забавѣ... ³¹⁾ игру трунъ-тафель и балгаузъ (мячевой дворъ) во умѣренное употребленіе привести. Чрезъ такое обученіе возможно его высочество въ шесть мѣсяцевъ къ тому привести, что онъ французскимъ языкомъ по нуждѣ не только возможетъ говорить,

³⁰⁾ Карты. ³¹⁾ Недостаетъ слова въ подлинникѣ.

„Дѣло“, № 7.

но и авторовъ отчасти разумѣть; и тогда надлежитъ основаніе къ настоящему дѣлу послѣдующимъ образомъ положить, а именно: чтобъ тотчасъ исторіи дѣйствовать начать, и къ такому предложенію надлежитъ Вунонову идею, исторіи общей, съ продолженіемъ на французскій языкъ перевести и въ Голандіи напечатать велѣть и тако съ его высочествомъ дѣйствовать. Далѣе Пуфендорфово введеніе къ исторіи главнѣйшихъ государствъ въ Европѣ употреблять, и притомъ по вся почтовныя дни французскіе куранты (вѣдомости), при томъ съ полумѣсячными Меркуріями историческими прилежно читать, и купно о томъ политическія, географическія, историческія и правоучительныя напоминанія въ разговорахъ его высочеству представлять и къ лучшему дѣйствованію географіи и науки сферическія добраго автора избрати, дабы его высочество въ исторіи и географіи, яко истинномъ основаніи политики, благо обученъ быти могъ. Тако-жь возможно къ ближайшему дѣйствованію геометріи, теоретики и практики Вланделеву геометрію, которая къ Дофинову ученію изображена есть, или наипаче труды Озенамовы употреблять, и купно арифметику, какъ логику, такъ децималу, купно со иными его высочеству нужными частями изъ математики научати и къ дѣланію чертежей удобно наставлять. Притомъ надлежитъ тако-жь его высочество къ стилю, то-есть, слогу приводить; и на каждые два дни предложеніе, по его чину и времени случаевъ учрежденное, къ составленію грамоты задавать, и при исправленіи оной всѣ способы и вымыслы къ стилю основательно объявить, и добраго автора въ послѣдованіе тому избрать, и на то смотрѣть, дабы, елико возможно, его высочество чистую и поспѣшную руку или попись писать научился. Тако-жь возможно заранѣе Пуфендорфову малую книжицу о должности чловѣка и гражданина на французскій языкъ перевести, и въ Голандіи напечатать велѣть, дабы оное употреблять, яко введеніе въ право всенародное, и яко преддверіе Гроція или Пуфендорфа-жь о правѣ естественномъ и народномъ, изъ котораго основаніе всѣхъ правъ, а особливо право о войнѣ и мирѣ, которое межъ потентатами въ почтеніи, изучити возможно. И потомъ взять книгу, имянуемую де-Друа сивиль данъ л'ордръ натурель ⁸²⁾, весьма потребно, ибо въ ней

⁸²⁾ Le droit civil dans l'ordre Naturel.

суть основанія общихъ правилъ (какъ), учить и дѣйствовать. Паче-же всѣхъ Симбалы Савѣдровы, и въ свѣтѣ знатнаго Телемака къ наставленію его высочества рекомендуется, дабы оныя яко зеркало и правило предбудущаго его правительства во всю жизнь употребляли. Тако-жь надлежитъ потомъ и военныя экзерциціи, и сначала токмо приѣмны ручныя и премѣны строевыя, учены быть. При семъ надлежитъ паче всего во осмотрѣніи имѣть, чтобъ часы въ наукѣ и чтобъ прочее съ его высочествомъ дѣйствовать, благо опредѣлить и будетъ способно, дабы геометрію, географію и какъ военныя, такъ и нынѣ экзерциціи послѣ полудня предлагать. Всѣ сіи труды возможно въ два года удобно отправить, и потомъ его высочество въ наукахъ его къ совершенству приводитъ, елико такому принцу потребно, а именно: дабы онъ далѣе въ малое время ко основательному извѣстію достигнути могъ: 1) о всѣхъ политическихъ дѣлахъ въ свѣтѣ; 2) о истинной пользѣ сего государства...³³⁾ и что ко онаго благосостоянію, процвѣтанію и приращенію доходити можетъ. 3) О интересѣ всѣхъ потентатовъ въ Европѣ, первоначально-же о пограничныхъ съ симъ государствомъ областей и ихъ мочи. 4) О всѣхъ премудрыхъ правительствахъ за благо признанныхъ государственныхъ правилахъ. 5) О всѣхъ потребныхъ военныхъ искусствахъ, яко-же фортификаціи, артилеріи, о атакахъ или нападеніяхъ и оборонахъ крѣпостей, о бояхъ, воинскихъ правилахъ и вымыслахъ и прочая, тако-жь о архитектурѣ гражданской, новигациі, или къ чему, впрочемъ, его высочество тогда свою склонность покажетъ. И того ради надлежало-бы заранѣе начать его высочества комнатную бібліотеку сочинять, ибо о всѣхъ сихъ частяхъ и хитростяхъ изряднѣйшія книги на французскомъ языкѣ въ Голандіи и Франціи легко собрать возможно, которыя его высочество съ великою пользою можетъ употреблять, и искуснѣйшій принцъ въ Европѣ быти можетъ, еже-бы къ наивысшей его царскаго величества радости и облегченію въ тяжкомъ правительственномъ бременіи, и подданнымъ сея земли къ безконечной пользѣ и приращенію доходити могло, тако-жь и къ полученію всѣхъ христіанскихъ и иныхъ потентатовъ высокаго

³³⁾ Говорятъ Голиковъ, что не могъ разобрать, а кажется: и его исторію.

почитанія и удивленія, и ко устраненію всѣхъ государственныхъ неспрїятностей и потомъ послѣди къ собственной его высочества безсмертной славѣ, а послѣдовательно и къ похвалѣ въ потомство произошло. Сіе нынѣ учителю въ наказъ запасной дано есть, которой по изобрѣтенію премѣнати и умножити возможно, и, впрочемъ, на его поступки и истину надежду полагаемъ, что онъ при управленіи того, еже ему здѣсь предложено, всегда по чину своему и должности оказываться будетъ, дабы предписанная наука къ намѣренію своему достигла“³⁴⁾.

Эта програма обученія царевича далеко уже не походила на тѣ програмы, по которымъ обучали предшественниковъ Петра и его самого. Реформа въ образованіи царевича дѣлалась полная: его отецъ заботился о томъ, чтобы сынъ могъ достойнымъ образомъ занимать то мѣсто, которое предназначалось ему судьбой.

III.

Такимъ образомъ, придавая громадное значеніе образованію, стремясь пріобрѣсти гдѣ возможно новыя научныя свѣденія, видя, что никакія начинанія не могутъ идти впередъ безъ ученыхъ помощниковъ, Петръ неизбѣжно долженъ былъ позаботиться объ образованіи народа. Это было какъ нельзя болѣе современно. Попытки въ этомъ направленіи предшественниковъ Петра оказались или крайне неудачными, или крайне осторожными, робкими и неполными, а между тѣмъ общество нуждалось въ развитіи. Это ясно уже изъ того, что, съ одной стороны, всѣмъ бросалось въ глаза, напримѣръ, невѣжество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жалкое нравственное состояніе духовенства, а съ другой — появлялись люди или самостоятельно стремившіеся образовать себя, или говорившіе о необходимости образованія для народа, для духовенства.

Дѣйствительно, духовенство находилось въ это время въ крайне жалкомъ состояніи, хотя именно въ это время ему, болѣе чѣмъ когда-нибудь, нужны были силы для борьбы съ сильно развивавшимся расколомъ. Во взглядѣ на тогдашнее духовенство

³⁴⁾ „Дѣянія Петра Великаго“ Голицева, томъ III, изд. втор. Москва, 1837 годъ, стр. 101—106.

сходятся всё: иностранные писатели, Феофанъ Прокоповичъ, Дмитрій Ростовскій, Посошковъ, самъ Петръ.

„Монахи, пишетъ Петрей,—ужасно неприличны, неучены и не умѣютъ ничего отвѣтить; когда ихъ спросишь что-нибудь изъ библіи, или изъ св. отцовъ, или объ ихъ вѣрѣ, орденахъ и жизни, они говорятъ, что не могутъ отвѣчать на это, потому что должны держать себя въ простотѣ и невѣжествѣ, и не умѣютъ ни читать, ни писать. А тоже напиваются до-пьяна и держатъ себя точно какія свиньи; говорятъ, что патріархъ, митрополиты и епископы—ихъ духовные защитники, передъ ними они и будутъ отвѣчать, потому что не сдѣлали ничего, кромѣ того, что имъ велать они дѣлать“ ³⁵⁾. „Одна часть духовенства, духовенство высшее, обладаетъ огромными богатствами, а другіе, живущіе въ деревняхъ, до того бѣдны и жалки, что иногда едва имѣютъ насущный хлѣбъ для утоленія голода, потому что получаютъ съ крестьянъ очень немного. Имъ нейдетъ ни муки, ни десятины деньгами, а только когда крестьянъ у крестьянъ дѣтей, вѣнчаютъ ихъ, хоронятъ покойниковъ, получаютъ съ нихъ не больше гроша, да еще большой бѣлый хлѣбъ изъ ячменной крупы“ ³⁶⁾. „Чѣмъ шибче и громогласнѣе выкрикиваетъ священникъ, тѣмъ выгоднѣе о немъ мнѣніе: полагаютъ, что онъ ученъ и можетъ хорошо исправлять свою должность. Если-же онъ зачинается и не можетъ продолжать скоро и бойко, слушатели до того разсердятся, что нажалуются на него патріарху, и иногда онъ лишается мѣста“ ³⁷⁾. Не лучше отзывы Корба о тогдашнемъ духовенствѣ. „По истинѣ, говоритъ онъ, — замѣчательно, сколько слабо у москвитянъ знаніе религіи и съ какою гордостью гнушаются они пользоваться какой-бы то ни было наукой иноземцевъ. Такимъ образомъ, стыдясь выйти изъ мрака невѣжества, они и потомкамъ своимъ застилаютъ свѣтъ“ ³⁸⁾. „Въ постѣ русскіе монахи и монахини до того умерщвляютъ свое тѣло, что даже больные не принимаютъ лекарствъ; но какъ скоро кончился постъ, они погружаются во всякаго рода безпутство, причѣмъ болѣе на гулякъ, чѣмъ на монаховъ, похожи, пьяные шалать на

³⁵⁾ „Опис. в. княж. рус.“ II. *Петрей-де-Эрлезунда*, пом. въ Чт. Общ. Ист. и др., кн. 2, 1867 г., стр. 418. ³⁶⁾ Ibid., стр. 420. ³⁷⁾ Ibid., стр. 421. ³⁸⁾ *Дневникъ Корба* въ 1698 г., пом. въ Чт. Общ. Ист. и др., за 1867 г., кн. 3, стр. 266.

улицяхъ и, лишившись всякаго стыда, нерѣдко предаются такъ же сладострастію“ ³⁹⁾. „Сами священники едва-ли степеннѣе черни; поведеніе ихъ отъ частаго шатающаго въ пьяномъ видѣ, на перекресткахъ улицъ, является болѣе предосудительнымъ, чѣмъ поведеніе прочихъ людей, такъ-какъ, по самому уже своему званію, попы должны-бы собственнымъ примѣромъ наставлять другихъ на путь добродѣтели и благочестія. Безъ креста поны и шагу нигдѣ не дѣлаютъ, хотя иногда попадаетса онъ и подъ ноги“ ⁴⁰⁾.

Наши духовные и свѣтскіе писатели подтверждаютъ эти мнѣнія. Дмитрій Ростовскій пишетъ: „во градѣхъ и селѣхъ обитающіе священники не просвѣщены суще, не токмо званію своему не внимаютъ, но ниже знаютъ, что есть санъ священства и въ чемъ состоитъ должность священническая и духовническая, и како оную проходить надлежитъ, отъ нихъ-же нѣкоторые гордятся священствомъ, обличаютъ и убораютъ дѣтей духовныхъ при иныхъ людяхъ во грѣхахъ, объявленныхъ имъ на исповѣди“ ⁴¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, въ письмѣ къ Стефану, митрополиту разянскому, Дмитрій пишетъ: „помню, что въ нашей малороссійской сторонѣ трудно сыскать біблію славянскую: весьма мало гдѣ оныя обрѣтаются; и купити едва достанетъ кто, и рѣдко кто изъ духовнаго чина вѣдаетъ порядокъ исторій біблейныхъ, что когда происходило. Игуменъ одинъ тамошній спросилъ мене: когда Ілія пророкъ былъ, по Рождествѣ-ли Христовомъ или предъ Рождествомъ? И пакы: Маккавей жили послѣ апостоловъ, ибо учитель ихъ Елизаръ на судищи предъ мучителемъ апостольскія и евангельскія приводилъ словеса, якоже напечатано въ прологу московскомъ, августа въ 1 день. И инныя многія въ разговорахъ между чиномъ духовнымъ слышалъ смѣху достойныя рѣчи. Якоже и сіе: которымъ ножемъ святой Петръ усѣче Малхови ухо, тѣмъ послѣде святой Ілія перерѣзалъ жрецовъ Вааловыхъ. О, несмысленны Галати!“ ⁴²⁾. То-же подтверждаетъ Посошковъ. „Нынѣ, пишетъ онъ,—истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ,

³⁹⁾ Ibid., стр. 269. ⁴⁰⁾ Ibid., стр. 270. ⁴¹⁾ Лѣтоп. Дмитрія, митр. ростовскаго, часть I, стр. 23, Москва, 1799 г. ⁴²⁾ Лѣтоп. Дмитрія, митр. ростов., часть 2, стр. 406—407, Москва, 1799 г.

что то есть рѣченіе вѣра, и не до сего ста, но есть таковыя, что и церковныя службы, како прямо отправить, не знаютъ; да и знать не почему: печатнаго двора справники отъ многого питья и отъ роскошнаго житія утѣли, и не хотятъ яснаго изъясненія о всякомъ церковномъ служеніи напечатать, чтобы всякій могъ разумѣть, какъ что отправляти“⁴³⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „прежнее архіерейское слушаніе ставленичье велики ми не понравилось; понеже архіерейскіе служителие у новоставленниковъ пріемлютъ дары, дадутъ ему затвердить по псалтири нѣкоторые псалмы, и заложя дадутъ при архіерей тому ставленику прочести; архіерей, видя твердо и разумно читающа псалтирь, якобы и по всякомъ чтеніи таковъ, благословитъ его въ пресвитерство“⁴⁴⁾. „Въ Новѣгородѣ видаль я прошлаго 720 года новоставленника такова въ діаконствѣ на литургіи, не могъ единныя страницы во евангеліи прочести, еже-бы разовъ пяти-шести не помятатися. Служилъ онъ въ подначальствѣ въ соборѣ Николая Чудотворца, иже на дворищи; и такъ онъ и отпущенъ во-своаи“⁴⁵⁾. Недовольные вотчиннымъ управленіемъ архіерейскимъ, злоупотребленіями суда церковнаго, — низшее духовенство и посадскіе роптали и отказывались отъ повиновенія духовнымъ судьямъ. Въ 1685 году на имя Іоанна и Петра Алексѣевичей писалъ псковскій митрополитъ Маркеллъ, что „церквами владѣютъ мужики, а церкви всё вотчинныя: о чемъ указъ пошлемъ, не слушаютъ и безчестятъ, на счетъ нейдутъ, многая церковная казна за ними пропадаетъ отъ давнихъ лѣтъ“⁴⁶⁾.

Но громче всѣхъ этихъ свидѣтельствъ говорятъ о такомъ положеніи тогдашняго духовенства историческіе акты. Здѣсь дѣло говоритъ само за себя и то или другое освѣщеніе его не зависитъ отъ болѣе или менѣе пристрастныхъ взглядовъ на него со стороны современниковъ. Такихъ актовъ очень много. Въ одномъ актѣ говорится: „1678 года, октября во 2 день, архимандриту Варсонофію съ братією, на соборѣ, билъ челомъ словесно пришедъ изъ хлѣбной службы старецъ Манасей, весь въ кровѣ, чтобы на немъ рѣзанныхъ ранъ досмотрѣть, а рѣзалъ-де его той-

⁴³⁾ Книга о скудости и богатствѣ, *Иа. Посошкова*, изд. Погодина, Москва, 1842 г., стр. 13. ⁴⁴⁾ *Ibid.*, стр. 18—19. ⁴⁵⁾ *Ibid.*, стр. 19. ⁴⁶⁾ *Н. Я. Аристовъ. Разбойники и бѣглые времяя Петра В. Биб. для чт., окт. и нояб. 1864 г., 6 стр.*

же хлѣбной службы старецъ Игнатей невѣдомо за что; а какъ-де его онъ Игнатей рѣзалъ, то видѣлъ черной священникъ Тарасей. Къ сему челобитью попъ Варламъ, вмѣсто старца Манасей, руку приложилъ. И того-жъ числа, по указу архимандрита Варсонофья съ братьею, судебной старецъ Іовъ у него старца Манасей рѣзанныхъ ранъ досматривалъ; а по досмотру, рѣзанъ онъ старецъ Манасей въ голову повнше лба немного, а другая рана на грудѣхъ близко горла, а больши того на немъ нигдѣ рѣзанныхъ мѣсть нѣтъ; а у старца Игнатей у правыя руки персты внутрѣ обрѣзаны. И священника Тарася допрашивалъ-же; а въ допросѣ онъ Тарасей сказалъ, по священству: шель-де онъ Тарасей въ хлѣбню къ старцу Симеону, и въ хлѣбенныхъ-де сѣняхъ стоитъ старецъ Манасей, а Игнатей старецъ, вышелъ изъ сѣннаго чюлана съ ножемъ, и его старца Манасею ножемъ колоть, а самъ-де онъ Игнатей говорилъ, будто-де его онъ Манасей покралъ. Къ сей сказки черной попъ Тарасей руку приложилъ. 187 г. октября въ 3 день, архимандритъ Варсонофей съ братьею, на соборѣ, сего челобитья и досмотру слушавъ, приговорили: старца Игнатя за то, что онъ пьянскимъ обычаемъ старца Манасею рѣзалъ ножемъ, смирать плетми⁴⁷⁾. Въ 1697 году въ царской граматѣ говорилось: „государю стало извѣстно, что Игнатій ближняго стольника и воеводу Андрея Нарышкина съ семействомъ отлучилъ отъ церкви и церковь Вознесенія заперъ. А на Тюмени-де десятильникъ, софейскаго дому сынъ боярскаго Иванъ Захаровъ, чинить всякихъ чиновъ людямъ разореніе и налоги, и обиды великія: беретъ на Тюмени у всякаго чину людей сестеръ и дочерей и ихъ бьетъ и пытаетъ плетми, винныхъ и невинныхъ, безъ оговору, и велитъ дѣвкамъ и вдовамъ говорить на людей добрыхъ и богатыхъ напрасно, и велитъ дѣвкѣ или вдовѣ говорить челоуѣкъ на пять и больше; и котораго они сговорятъ, и онъ десятильникъ беретъ себѣ съ тѣхъ людей рублевъ по-десяти и больше, и взявъ съ нихъ взятокъ, ихъ выпускаетъ; а буде который челоуѣкъ ему десятинику бить челоуѣкъ станеть, чтобъ тое дѣвкѣ или вдову взять за себя, и онъ десятильникъ такихъ дѣвокъ и вдовъ никому не выдаетъ и продаетъ на сторону за такихъ, за которыхъ-бы ни-

⁴⁷⁾ Юридическіе Акты, Сиб., 1888 г., стр. 109, № 70.

кто дочери своей не далъ; и какъ бываетъ приведена которая дѣвка или вдова, и онъ десятильнигъ руками своими давить титки и выдавливать изъ титекъ кровь, и говорить имъ, будто у нихъ были дѣти полгода и больше, и бабамъ, которымъ велить досматривать, по-неволѣ велить говорить тѣ-же рѣчи; а отцамъ и матерямъ тѣхъ дѣтей не отдають, а иныхъ дѣвокъ и вдовъ онъ десятильнигъ продаетъ въ холопи⁴⁸⁾. „Въ прошломъ, государи, во 182 (1682) году, говорится въ одной челобитной, — прїѣхаль на усолья Саввы сторожевскаго монастыря соборный старецъ Леонтей и чинилъ намъ, сиротамъ вашимъ, многія налоги и обиды; и своимъ насильствомъ и озорничествомъ, забывъ страхъ Божій, женъ отъ мужей у насъ сиротъ вашихъ отлучилъ насильствомъ; да онъ старецъ у многихъ нашихъ братьи, для блуднаго воровства, дѣвицъ у отцевъ отнявъ и потомъ выдаетъ замужъ насильствомъ; да онъ-же старецъ у многихъ нашихъ братьи насильствомъ, безвинно, отнимаетъ лошадей и емлетъ съ насъ многія взятки, посуды и поминки безпрестанно, и многихъ бьетъ и мучитъ напрасно. Да онъ-же старецъ бобыля Кондрашу Микитина, и съ женою его, да мужнею женою Авдотьицу Онисимову, всѣхъ троихъ, привязавъ къ санямъ и воза по улицамъ, билъ вкнутъ на смерть, а не на животь, для блуднаго же воровства. Да онъ-же старецъ вынисломъ своимъ у меня, сироты вашего Микитки, хочеть отнять насильствомъ дочеришку мою къ себѣ и меня сироту бьетъ и мучитъ, и заставляеть работать всякую работу безденежно. Да онъ-же старецъ отнялъ у вдовы Агафьи Алексѣевой лошадь, да взялъ насильствомъ полтора рубли денегъ, а сына ея Федку билъ и мучилъ, и жену его Федкину отнялъ къ себѣ; и тотъ Федка отъ него старца ушелъ. Да онъ-же старецъ отлучилъ жену насильствомъ у Савостки Иванова, а дочь его Авдотьицу емлетъ къ себѣ безпрестанно, а его Савостку хочеть убить до смерти“⁴⁹⁾. Рассказывается также въ другомъ мѣстѣ про безчинства домовыхъ дѣтей боярскихъ митрополита Игнатія. „Они, говорится въ актахъ, — посылаемые для смотрѣнія въ слободы, дѣлають несносныя наглости, уѣздныхъ людей ложными нападеками разоряють, бьютъ и сверхъ того они-же ворчем-

⁴⁸⁾ Дополненіе къ Истор. Актамъ. Томъ XII, Спб. 1862 г., 391, № 86. ⁴⁹⁾ Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Томъ X. Спб. 1867 г., стр. 76—77, № 27.

ствують и торгуютъ заповѣдными товарами; и повелѣваетъ (Петръ) правителямъ сибирскимъ все сіе строжайше изслѣдовать, безъ всякаго пристрастія, подѣ страхомъ жестокаго наказанія⁵⁰⁾. Духовныя лица и ихъ дѣти не только просто безчинствовали, но и постоянно бѣжали въ разбойническія шайки и давали имъ притонъ, особенно съ 1700 года. Случалось, что и монахи дѣйствовали за одно съ разбойниками, и казначей монастырскіе принимали ихъ къ себѣ и водили съ нимъ хлѣбъ-соль⁵¹⁾. Вообще жалобы крестьянъ на духовенство были очень часты. Такъ въ 1694 году перваго августа крестьянинъ Федька Алексѣевъ подалъ челобитную дьяку Иванову за подписью старосты Леонтьева отъ лица 212 человекъ мирянъ пудожскаго погоста на поповъ: Петрова и Михѣева, что они попы къ нимъ, къ мирскимъ людямъ, къ болящимъ, для исповѣди и причащенія не приходятъ и не исповѣдываютъ и не причащаютъ, и многіе-де боляціе и родильницы безъ покаянія и безъ причащенія помираютъ; а которыхъ умершихъ тѣла они мирскіе люди къ церкви привозили, и они-де попы съ тѣхъ умершихъ имали отъ погребенія по два и три, и по пяти рублевъ, а съ иныхъ-де просили и по пятнадцати рублевъ, а дать-де было нечего, и тѣхъ умершихъ тѣла лежатъ безъ погребенія; ...а какъ они мирскіе люди приходили ихъ поповъ звать къ родильницамъ молитвы давать, и они-де попы ихъ, мирскихъ людей, не слушали, и забывъ страхъ Божій, пили и бражничали; ...да какъ-де попь Семенъ Петровъ тягался съ пономаремъ съ Ивашкомъ Матвѣевымъ и взялъ съ мирскихъ людей угрозами денегъ десять рублевъ; ...а въ прошломъ-де въ 201 (1693) году іюля въ 21 день собрались они, прихожане всѣ, съ женами и дѣтьми, въ пудожскомъ погостѣ, въ церкви Божіи, и молились Господу Богу, по общанію своему, для мороваго повѣтрія, три дни, неисходно, молебны и часы пѣли, святою водою образы въ церквахъ кропили, а попы-де Семенъ и Антипъ съ ними въ церкви не были, потому-что-де они ихъ поповъ отвазали, и они-де попы въ то время на кабацѣ пили и бражничали⁵²⁾. Дѣло, конечно, не всегда ограничивалось однѣми жалобами и крестьяне нерѣдко грубо расправлялись съ своимъ ду-

⁵⁰⁾ Голицыновъ: Дѣянія Петра Вел., т. I, изд. 2. Москва 1837 г., стр. 577. ⁵¹⁾ Н. Я. Аристовъ. Разб. и бѣглые при Петрѣ В., 6 стр. ⁵²⁾ Акты Историческіе, Томъ V, Спб. 1842 г., стр. 384—385, № 223.

ховенствомъ, потерявъ къ нему должное уваженіе. На такую расправу въ 1684 году жаловались новгородскому митрополиту священникъ Корнилій и нѣкоторые его прихожане. Священникъ писалъ: „въ прошломъ, государь, въ 191 году, іюля въ 11 день, билъ меня богомолца твоего Федоръ Сверчковъ смертнымъ боемъ до крови въ дому Ивана, Михайлова сына, Цыплетева; а того я дни божественную литургію служилъ; а естли-бы онъ Иванъ Цыплетевъ съ гостми своими не отнялъ, и онъ-бы Федоръ Сверчковъ меня богомолца твоего и до смерти убилъ. Да онъ Федоръ Сверчковъ, заѣхавъ напередъ отъ него Ивана Цыплетева, стерегъ на дорогѣ и хотѣлъ меня убить. И велѣлъ меня проводить до двора моего Иванъ, Михайловъ сынъ, Цыплетевъ людямъ своимъ; и какъ тѣ люди проводятъ меня богомолца твоего до двора и поѣхали домой, и онъ Федоръ Сверчковъ съ братьями своими въ домишко мое пришелъ съ дубьемъ и искалъ меня богомолца твоего онъ Федоръ Сверчковъ и хотѣлъ меня убить смертнымъ убойствомъ. Да въ нынѣшнемъ, государь, во 192 году, сентября въ день, дяди ихъ родного Ивана Михайлова сына Сверчкова сынъ его Офонасей, пріѣхавъ съ Москвы къ отцу своему въ домъ, и пріѣхавъ на погостъ, и пришелъ на паперть, и раздѣвалъ меня богомолца твоего дважды и хотѣлъ меня бить плетью; да въ то-же время того погоста дьячка и пономарка онъ Офонасей Сверчковъ билъ плетью до полусмерти, невѣдома за что, изгоняючи насъ изъ погоста напрасно; и я богомолецъ твой въ дома ихъ и къ крестьянамъ ихъ съ церковною потребою входить не смѣю, потому-что ходилъ я къ крестьянину къ Купрехи Иванову жены его молитву давать, и онъ ворота свои заперъ, и хотѣлъ меня коломъ до смерти прибить, кабы да не его жена, да бабка...“ Крестьяне добавляли къ этой просьбѣ: „въ прошломъ, государь, въ 191 году, іюля въ 11 день, племянникъ его (Сверчкова) Федоръ въ домъ у дяди своего родного у Ивана, Михайлова сына, Цыплетева убилъ до крови того нашего священника, поругавшися священническому чину, и отъ того его бою въ церкви Іліи пророка службы не было многое время“ и т. д., согласно поповскому доношенію, какъ „сынъ Сверчкова пріѣхалъ на погостъ и людямъ своимъ велѣлъ вязать священника, и приведши на паперть, и раздѣвалъ его дважды, и хотѣлъ его бить плетью; да въ то-же, государь, время, того-жъ

погоста дьячка и пономарка онъ Офонасей Сверчковъ билъ плетми до полусмерти“⁵³⁾). Впрочемъ, не всегда дѣло кончалось жалобами. Тогдашнее духовенство иногда даже и не гналось за возмездіемъ за обиды. Это ясно видно изъ мировой записи чернаго попа Никанора съ крестьянами, убившими сына священника. „Съ язь, чернѣй попъ Никандръ, Никитинъ сынъ, Поповъ, пишетъ пострадавшій, — туибажскія волости курьюской постриженникъ, и своими съ дѣтми, съ попомъ съ Федотомъ туибажскія волости Николы-чудотворца, да съ сыномъ съ Онаньемъ да съ Васильемъ, дали еси запись мировую на себя и дѣтей своихъ, въ томъ: что, въ вынѣшнемъ въ 148 году, априля во 23 день, послѣ обѣдни у Николы-чудотворца, послѣ канона мирского, учинился споръ у вдоваго попа сына моего Луки, туибажскія-жь волости, съ Михайловни Кулибакина крестьяны, съ Омросомъ съ Семеновымъ да съ Кирилою съ Ермолаевымъ, да съ Третьякомъ Сидоровымъ, и тотъ Омросъ сына моего вдоваго попа Луку съ товарищи зарѣзаль до смерти, и я было старецъ Никандръ вшелъ на разнижку, и тотъ Омросъ Семеновъ и меня старца Никандру ножемъ-же рѣзаль. И я старецъ Никандръ своими дѣтми его Омроса и съ товарищи, въ своемъ ножевомъ рѣзаньѣ и сына своего вдоваго попа Луки въ рѣзаньѣ, во всемъ простилъ; и впредь мнѣ старцу Никандру своего рѣзанья и сына своего убійства на Омросимъ, и на Кирилъ, и на Третьякъ не пѣтати и не отыскивати и въ головныхъ денгахъ, ни въ похоронахъ на нихъ государю не бити челомъ, окромѣ государевыхъ пенныхъ, а пени что будетъ государь уважетъ и въ томъ его царская воля, а язь старецъ Никандръ и съ своими дѣтми то дѣло отдали Богу судити все“⁵⁴⁾).

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неурядицъ правительство должно было прибѣгать къ увѣщаніямъ и строгимъ мѣрамъ. Въ дѣлахъ общихъ духовнаго регламента говорится: „смотрятъ исторій святыхъ, не суть-ли нѣкія изъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія чего не было или и христіанскому православному ученію противныя или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти... Собственно-же и прилежно розыскивать подобаетъ оныя вымыслы, которые чело-

⁵³⁾ Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Томъ XI, Спб. 1869 г., стр. 25—26.

⁵⁴⁾ Дополненія къ Актамъ Истор. Т. II, Спб. 1846 г., стр. 172, № 70.

вѣка въ недобрую практику или дѣло ведутъ и образъ ко спасенію лестный предлагаютъ. Напримѣръ, не дѣлать въ пятокъ и празднованіемъ проводить, и сказуютъ, что пятница гнѣвается на непрасднующихъ и съ великимъ на оныхъ-же угроженіемъ наступаетъ. Тако-жъ постится нѣвѣихъ имянныхъ дванадесять пятницъ, а то для многихъ тѣлесныхъ и духовныхъ приобрѣтеній; тако-жъ собственно, аки важнѣйшія паче иныхъ временъ, службы почитать, обѣдню благовѣщенскую, утреню воскресенскую и вечерню пятидесятницъ... Могутъ обрѣстися нѣвѣя и церемоніи непотребныя или вредныя. Слышится, что въ малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ Пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (есть-ли то по истинѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдастъ народъ съ дары и съ упованіемъ нѣвѣя пользы. Тако-жъ на иномъ мѣстѣ поны съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба пощъ народу раздастъ на благословеніе. Розыскать, такъ-ли дѣется, и вѣдаютъ-ли о семъ мѣстѣ оныхъ епископи. Аще бо сія и симъ подобныя обрѣтаются, ведутъ людей въ явное и стыдное идолослуженіе. Далѣе—о мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся бытъ сумнительныя, розыскать: много бо и о семъ наплутано. Берутся въ примѣръ иностранныя обманы относительно этого. Еще сіе наблюдать, чтобъ какъ дѣялось, впредь-бы того не было: понеже сказуютъ, что нѣцки архіереи, для вспоможенія церковей убогихъ или новыхъ построенія, повелѣвають проискивать явленія иконы въ пустынь или при источницѣ, и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствовать быти чудотворную. Вельми срамное и сіе обрѣталоса (какъ сказуютъ), молитвы людямъ, далече отстоящимъ, черезъ посланниковъ ихъ въ шапку давать. Для памяти сіе пишется, чтобъ иногда отвѣдать, еще-ли сіе дѣется⁵⁵⁾. Въ прибавленіи въ духовному регламенту мы читаемъ: „прочее не токмо наблюдать надлежитъ, не безчинствуютъ-ли священники и діаконы и прочіи церковники, не шумятъ-ли по улицамъ пьяни, или, что горше, не шумятъ-ли пьяни въ церквахъ, не дѣлаютъ-ли церковнаго молебствія двоегласно, не ссорятся-ли по мужичью на обѣ-

⁵⁵⁾ Духовный регламентъ, гражд. перв. тисненіемъ изд. въ Москвѣ, въ Синод. тип., 1804 г., стр. 20—25.

дахъ, не истязуютъ-ли въ гостяхъ потчиванія (а сіе нестерпимое безстыдіе бываеъ), не храбрствуютъ-ли въ бояхъ кулачныхъ, — и за такія вины жестоко ихъ наказивати. Но и сіе прилично имъ заповѣдать епископъ долженъ, чтобъ хранили на себѣ благообразіе, а именно, чтобъ одѣаніе ихъ верхнее, хотя убогое, но чистое было, и единой черной, а не иной краски, не ходили-бъ простовласн, не ложилися-бы спать по улицамъ, не шли-бъ по кабакамъ, не являли-бы въ гостяхъ силы и храбрости къ нитію, и прочая снмъ подобная. Таковая бо неблагообразія показуютъ ихъ быть яржннми; а они поставлены пастырьми и отцами въ народъ“ ⁵⁶). Эти строгости приходились не по душѣ духовенству и причетникамъ. Такъ въ 1709 году, въ Вологдѣ, дьячекъ Яковъ Михайловъ за драву и пьянство сдѣлалъ на цѣпи въ архіерейскомъ домѣ. Обыкновеніе сажать на цѣпь за пьянство и буйство было принято вездѣ: и у помѣщиковъ, и у военныхъ, и у духовенства, и въ приказахъ. Это было домашнее исправленіе, сопровождаемое иногда батогами, и, въ рѣдкихъ случаяхъ, бучерскимъ кнутомъ. Дьячокъ проснулся, отрезвился и спросилъ сторожа домашней архіерейской тюрьмы: за что его посадили? Сторожъ нашелъ самымъ приличнымъ отвѣчать: по государеву указу. „А въ чорту его государевъ указъ“, отвѣчалъ взбѣшенный на цѣпи дьячекъ. На этотъ разъ неуважительный отзывъ дьячка о государевомъ указѣ остался безнаказаннымъ, потому что сторожъ не нашелъ нужнымъ сдѣлать доносъ, и дьячка „по исправленіи“ выпустили изъ тюрьмы. Черезъ нѣсколько дней дьячокъ за что-то въ ссорѣ побилъ сторожа. Сторожъ сталъ угрожать дьячку, что донесетъ на него „въ порицаніи указа“. Дьячокъ, съ своей стороны, грозилъ прыгнуть сторожа ножомъ; подрались опять, ихъ розняли и посадили на цѣпь обоихъ. Сторожъ объявилъ „слово и дѣло“. Ихъ отправили изъ Вологды въ Преображенское. Сторожъ объявилъ Ромодановскому о „порицаніи указа“ дьячкомъ. Князь Федоръ Юрьевичъ приказалъ дьячка бить плетью нещадно и отпустилъ домой ⁵⁷).

Нечего и говорить, что народъ находился въ еще большемъ невѣжествѣ. „Одинъ евангелическій проповѣдникъ о Россіи раз-

⁵⁶) Полн. собр. закон., томъ VI, стр. 707. ⁵⁷) Русская рѣчь, 1861 г., № 72, стр. 303—304, ст. Б. Есипова.

сказывалъ мнѣ, говоритъ Веберъ, — что когда онъ разспрашивалъ нѣкоторыхъ простодушныхъ русскихъ крестьянъ объ ихъ вѣрѣ и о томъ, что должны они дѣлать, чтобы достигнуть блаженства, то они отвѣчали ему, что и не слыхивали о томъ, что могутъ попасть на небо, и полагали всегда, что оно назначено только царямъ и знатнѣйшимъ боярамъ“ ⁵⁹⁾.

Немудрено, что при такомъ невѣжествѣ общества передовые люди сильно задумывались о необходимости просвѣщенія. Какъ смотрѣли подобные люди на это дѣло—это лучше всего видно изъ произведеній умнаго и симпатичнаго Посошкова:

IV.

Посошковъ былъ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей въ обществѣ петровскаго времени. „Чѣмъ далѣе я читалъ, замѣчаетъ о его сочиненіяхъ г. Погодинъ, — тѣмъ болѣе удостоивался, что не было ни одного государственнаго вопроса, до котораго-бы Посошковъ не коснулся, о которомъ-бы не подумалъ и не дошелъ до положительнаго мнѣнія. Многія важныя политическія мѣры, коими прославились царствованія Екатерины II и Александра I, были предлагаемы уже Посошковымъ. Скажу болѣе: тѣ великіе вопросы, кои занимаютъ теперь правительство, судя по разнымъ его дѣйствіямъ, напр., о кодификаціи, о размежеваніи, объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ, были за сто лѣтъ предметомъ размышленій великаго русскаго политическаго самоучки; иныя представляются еще будущему времени, какъ-то: обезпеченіе духовенства, торговля обществами и пр.; съ другой стороны, многія злоупотребленія, кои старается искоренить благодѣтельное правительство, предупреждались его мѣрами, напримѣръ, черезполосность. Родясь лѣтъ за пятьдесятъ до политической экономіи въ Европѣ, Посошковъ постигалъ живо ея правила и училъ своихъ соотечественниковъ, только не отвлеченными положеніями системы, а по дѣйствительнымъ явленіямъ жизни“ ⁵⁹⁾. Дѣйствительно, нѣкоторые взгляды Посошкова замѣчательны по своей

⁵⁹⁾ Записки Вебера. Русскій Архивъ, 1872 г., стр. 1426. ⁶⁰⁾ Погодинъ: въ предисл. къ сочин. Посошкова, изд. 1842 г., стр. VIII.

трезвости и ясности. Посошковъ, какъ видно изъ его свидѣтельствъ о себѣ, происходилъ изъ крестьянъ: „ей неученный есмь человекъ, въ сему-же еще и земледѣлецъ есмь ⁶⁰⁾, убогій мирянинъ села Покровскаго крестьянинъ званъ Посошковъ“ ⁶¹⁾. По приблизительному вычисленію Погодина, Посошковъ родился въ 1665 году, а умеръ въ Петропавловской крѣпости въ 1726 г., февраля 1 дня, заключенный чуть-ли именно не за свой бессмертный трудъ ⁶²⁾. Жилъ онъ около Новгорода, верстахъ во 100 отъ него. Сносился со многими извѣстными лицами своего времени, а иногда даже употребляемъ былъ правительствомъ. Побывалъ во многихъ мѣстахъ Россіи. Въ послѣдніе годы имѣлъ порядочное состояніе, какъ это видно изъ „отеческаго завѣщательнаго поученія“: онъ могъ давать сыну по 100 ефимковъ (около 1,000 рублей по-тогдашнему). Семейство его состояло: изъ жены, сына и родственниковъ. Въ 1719 году просилъ Голицына о позволеніи построить заводъ винокуренный. Посошковъ открылъ гдѣ-то сѣру и сообщилъ объ этомъ князю Борису Алексѣевичу, который обѣщалъ за это наградить его такъ, что ни дѣтямъ, ни внучатамъ его просить-бы не довелось, а между тѣмъ далъ всего 50 рублей, къ сильному огорченію Посошкова. „И у меня вымысловъ пять-шесть было пожиточныхъ, а покормиться мнѣ не дали, и всё мои вымысли пропали ни за-что ⁶³⁾. Будучи не изъ послѣднихъ людей, онъ въ то-же время никогда не пользовался большою значительностью, а часто претерпѣвалъ даже грубыя оскорбленія. Сочиненіемъ своимъ о скудости и богатствѣ онъ занимался три года, „утаенно отъ зрѣнія людскаго“, и кончилъ его 24 февраля 1724 года. Читая Посошкова, видишь во всякой страницѣ, что онъ уважалъ книжное ученіе, то-есть просвѣщеніе, образованіе, и почиталъ его главнымъ условіемъ всѣхъ гражданскихъ успѣховъ. Относительно своего образованія онъ говорилъ: „азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоинъ писать ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самой протестъ есмь“. Это повторено и во многихъ другихъ мѣстахъ. Впрочемъ, онъ свѣ-

⁶⁰⁾ Соч. Посошкова, изд. Погодина, 1842 г. Москва, стр. 316. ⁶¹⁾ Ibid., стр. 317.

⁶²⁾ О скудости и богатствѣ, соч. Посошкова, изд. Погодина. ⁶³⁾ Соч. Посошкова, изд. Погодина, 1842 г., Москва, стр. 142.

душъ въ книгахъ священнаго писанія и вообще слишкомъ любознательнѣе, такъ-что не оставлялъ безъ вниманія и разсужденія ни одного предмета, который ему представлялся ⁶⁴⁾. Посошковъ придавалъ большое значеніе благосостоянію народа. „По моему мнѣнію, писалъ онъ, — царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи; понеже помѣщики владѣютъ имъ временно, а царю они вѣковны, и крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянска — оскудѣніе царственное“ ⁶⁵⁾. „Страшенъ ми сей глаголь, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ писати, но презельная моя горячестъ понудила мя на сіе дѣло: Богъ бо ми свидѣтель, что не ради какого помсканія или прибытка желаю себѣ, но тако само ради любви, уже имѣю къ е. им. вел. самодержавію. Ибо я отъ юности своея бѣхъ таковъ, и лучше ми какову-либо пакость на себя понести, нежели видя, что бесполезно, умолчати ⁶⁶⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежація казны много, ниже то царственное богатство, еже синелить царскаго величества въ златотканныхъ одеждахъ ходить; но то самое царственное богатство, ежели-бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самими домовыми, внутренними своими богатствы ⁶⁷⁾. Эти взгляды очень вѣрны и они не разъ высказывались болѣе образованными и болѣе развитыми экономистами во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка. Смотра съ этой точки зрѣнія на значеніе народнаго благосостоянія, Посошковъ не могъ не желать развитія народа. Онъ видѣлъ, какъ невѣжественны вокругъ него массы. Онъ говоритъ: „наипаче ми, россияне, носимъ на себѣ зазоръ, понеже ми вѣрны своея, какова она есть, ни благочинія духовнаго, ниже естественнаго добронравія, ни гражданства добраго, какъ надлежитъ жить, не разоумѣемъ-же, но живемъ чюуть не подобны безсловеснымъ“ ⁶⁸⁾. „Ей, государь! замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — вамъ непочесому знать, какое въ народѣ нашемъ обильное и застарѣлое безумство содѣвается. Я еще и не бывалъ въ иныхъ окрестныхъ государствахъ, обаче не чаю нигдѣ такому безумству обрѣтися. Не скарденое-ли сіе есть дѣ-

⁶⁴⁾ Погодинъ: въ предисл. къ соч. Посошкова, изд. 1842 г.; стр. XVIII—XIX.

⁶⁵⁾ Соч. Посошкова, изд. 1842 г., стр. 189. ⁶⁶⁾ Ibid., стр. 215. ⁶⁷⁾ Ibid., стр. 1—2. ⁶⁸⁾ Доношеніе Посошкова митр. Ст. Яворскому, изд. Погодина, 1842 г., Москва, стр. 308.

ло, яко аще младенець не научится какъ и хлѣба называть или чего иного нарещи, или попросить, до чего ему нужда какая есть, а родителіе въ началѣ научаютъ его сквернословить и грѣхотворить? чемъ было въ началѣ младенца учить, какъ Бога называть, и указывать на небо съ рѣченіемъ, что тамъ Богъ. И тако младенець-бы отъ самыхъ пеленокъ научился Бога знать, а родителіе вѣсто такова ученія отецъ учить мать бранить сяде: мама кака, мама бя, бя; а мать учить отца бранить подобіе: тятя бя бя; и какъ младенець станетъ блякать, то отецъ и мать тому радуются и понуждаютъ младенца, дабы онъ непрестанно ихъ и постороннихъ людей блякалъ. Въ сему-же злѣ и еще злѣ поущаютъ младенца; отецъ учить матку по щекамъ бить, а мать такожде учить отца бить, а иные и такіе отцы есть, что и сами себя поущаютъ бить и за бороды драть... И тако родителіе токмо плоть смертную рождатъ, а безсмертную душу погоубляютъ: и за самою свою хоудою и маловременную утѣху дѣтей своихъ вѣчно смерти предають; понеже егда кой отрочищъ изъ младенчества своего чесому не выитеть, то съ тѣмъ правомъ и до смерти пребудеть. Слышалъ я, что крымскіе татарове дѣтей своихъ ни за какія вины не бьютъ, дабы они были буяны и безстрашны; и сему вѣрять мочно, что сіе есть правда. Буде кой младенець въ грозѣ возрастаетъ, той будеть и до старости боязливъ, понеже страхъ въ намѣ заростеть и не изидеть изъ него даже и до старости, и тако чесово не навывлетъ изъ младенчества, съ тѣмъ и пребудеть. И по сему явно, отъ сего въ насъ всякое безстрашіе и безуміе рождается, что изъ младенчества намѣ ученія доушепользнаго не бываеть... Все-му-же тому начало, еже священники у насъ въ Роуси не учине: естли-бы они были всѣ ученые, или и не ученые, да вся-бы сія разоумѣли, то всячески-бы дѣтей своихъ доуховныхъ на всякое благо наставляли, а о непотребствахъ-бы запрещали; а то ни сами разоумѣють, ни насъ учать. А се и знать имъ и самимъ не по чему, понеже въ книгахъ о семъ изъясненія полнаго и явнаго нѣтъ. И сего ради вельми, вельми надобно о семъ пощитатися, дабы отъ неразоумія люди Божіи напрасно не погибали“⁶⁹⁾. Указывая на духовенство, какъ на виновника народной

⁶⁹⁾ Ibid., стр. 312—314.

грубости и дикости, онъ говоритъ: „отъ пресвитерскаго небреженія уже много нашего російскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось; большая-бо часть склонилась въ погибельный путь, въ древнѣе-же благочестіи уже малая часть остается; ибо въ великомъ Новгородѣ едва и сотая часть обращается-ли древняго благочестія державшихся. Духовенство не только не печется объ этошь, но есть еще и такіе пресвитеры, что и потаиваютъ имъ, и того ради церкви всеъ уже запустѣли, и такъ было до нынѣшняго 728 года въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день человѣкъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ не обрѣталось. А нынѣ архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало-по-малу начинаютъ ходить ко святой церкви... А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ люторскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправдати себя, а ихъ-бы обличить и научить, какъ имъ жить и отъ пропасти адскія како имъ избѣгнуть, но и запретить крѣпко не разубиють, или не смѣють, или за деньги склоняются, и не брезгуютъ о семъ... Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что-же можетъ рещи сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаеть“)¹⁰.

Согласно съ своими взглядами на развитіе народа черезъ духовенство, Посошковъ возлагаетъ надежду не на заморское образованіе, не на нѣмцевъ. Онъ даже совѣтуетъ опасаться ихъ. „Вѣрить имъ, говоритъ онъ, — вельми опасно: не пріиме они намъ доброхоты, того ради и ученью ихъ не вельми надобно вѣрить. Мнѣю, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки“)¹¹). Онъ даже не видитъ въ нихъ особнхъ преимуществъ передъ русскими. Онъ замѣчаетъ: „иноземцы не отъ небеси пришли, но такіе-жъ люди, яко и мы; всему тому навнучка да добрая расправа“)¹²). „А за благодатию Вошею у великаго государя есть всякихъ людей разумныхъ. Много нѣмцы насъ умнѣе науками, а наши остроумъ,

)¹⁰) Книга о скудости и богатствѣ, Ив. Посошкова, изд. Погодина, Москва, 1842 г., стр. 9—10.)¹¹) Донесеніе Головину Посошкова, изд. Погодина, Москва, 1842 г., стр. 273.)¹²) Ibid, стр. 282.

по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно“ ⁷³⁾. Планъ его обученія высказывается довольно ясно: „и ради такого исправленія пресвитеровъ мнѣ ся мнитъ е. нпч. вел. надлежитъ постаратися о грамматикѣ, чтобъ принудить ее выправить добрымъ расположеніемъ и самымъ добрымъ истолкованіемъ, и тако дробно разобрать, чтобъ всякія скрѣпности ясно откровенны были, и чтобъ и безъ учителя можно назвать всякіе надежи и склоненія, и тако, исправя оную, напечатать-бы ихъ тысячь пять-шесть или и десятокъ. Нынѣ есть напечатано въ Москвѣ тысячь пять-шесть грамматикъ, да Богъ вѣсть какія; на печатномъ дворѣ командиры напечатали ее толь просто, что безъ учителя и орфографіи не можно растолковать и научитися, чтобъ по ней право писаніе разумѣть. Бъ тому-жъ еще и бумагу положили въ нихъ самую плохую, какъ никуда, кромѣ черныхъ писемъ по нуждѣ, что развѣ на такой бумагѣ календари печатають, потому что они на одинъ только годъ печатаются, грамматика — дѣло высокое и прочное: и того ради и печатають ее надлежитъ на самой доброй бумагѣ, чтобъ оно прочно было“ ⁷⁴⁾. „И во всѣхъ епархіяхъ построятъ-бы школы пространныя для церковническихъ дѣтей отъ десятилѣтнихъ даже до двадцати-пятилѣтнихъ; и буде которые отцы добромъ ихъ въ школы отпустить не похотятъ, то брать-бы ихъ неволею, и учить грамматикѣ и всякаго книжнаго разума“ ⁷⁵⁾. „Не учившихся въ школахъ въ поны не ставитъ-бы, и если причетники пожелаютъ пресвитерства, то будутъ и тридцатилѣтние въ школы и безъ понужденія прихода учитися и ученіемъ своимъ будутъ поспѣшать. И таковыя люди годы въ два-три научитися могутъ, понеже себя ради будутъ поспѣшати и съ охотою учитися имуть. И который изъ нихъ ученіе грамматическое твердо принметъ, а лѣтами своими еще младъ, то таковыхъ надлежитъ и риторикѣ подчить, или и философіи; и тѣмъ не токмо во пресвитерскій санъ, но и во архіерейство будутъ годны и учителями могутъ застати“ ⁷⁶⁾. „Равно не ставитъ во архимандриты и во игумены небывшихъ въ школьномъ ученіи. Въ состроенныя школы послать учителей иноческаго чина и мірскаго, кои грамматическаго ученія искусны и другихъ учительныхъ книгъ, кіи книж-

⁷³⁾ Ibid., стр. 273. ⁷⁴⁾ Книга о скудости и богатствѣ И. Посошкова, изд. Погодина, Москва, 1842 г., стр. 11. ⁷⁵⁾ Ibid., стр. 11—12. ⁷⁶⁾ Ibid., стр. 12.

наго разумѣнія искусни и церковнаго круга навичны, и кѣи въ божественномъ писаніи учинятся знающіе, еже непоемныя рѣченія могли рассуждати“⁷⁷⁾. „И граматическіе-бы учителя учили своего ученія граматическаго до обѣда, или рещи — до полудни; а съ полудни-бы тѣ другіе учителя, иже божественнаго писанія искусни, учили-бы ихъ страху Божию и книжному чтенію и церковному обученію, паче-же того, какъ Бога знать и какъ его почитать, и какъ къ нему молитвы своя приносить, и божественная литургія съ каковымъ страхомъ служить, и въ дѣйствіяхъ той святыя литургіи какъ къ Богу умъ свой возводить, и дѣтей своихъ духовныхъ пасты, чтобы отъ паствы ихъ адскіе волки не расхитили, и сверхъ того ученія давали-бы имъ книги читать духовныя и гражданскія и бытскія. И того ради надлежитъ библии напечатать не малое число и во всѣ школы книгъ по пяти-шести разослать; тако-же Маргаритовъ, соборниковъ учительныхъ, евангеліевъ толковыхъ и апостольскихъ бесѣдъ, четыхъ-миней, а ради церковнаго служенія мѣсячныя миней и прочихъ, кѣи въ церковномъ служеніи употребляются, дабы въ школь будучи научилися прежде пріятія священства всего церковнаго служенія и управленія здраваго⁷⁸⁾. И всѣ школьники читали-бы книги не слѣшно, но съ самымъ вниманіемъ, дабы чтимое могъ разумѣти и памятовати, и кой ученикъ невнятно будетъ читать, то той учитель, кой ко чтенію и вразумленію книжному представленъ, непрестанно ихъ понуждалъ и вразумлялъ, какъ имъ разумительно читать, и, чего не знаютъ, толковалъ-бы имъ, и кои книги ето читаетъ, отъ тѣхъ-бы книгъ спрашивалъ ихъ по одному, и внималъ-бы, каково ето понятно сказываетъ, и той учитель въ памятную книгу записывалъ, ето каковъ есть. И буде кой ничего сказать не помнитъ, и тому-бы чинилъ наказаніе, и велѣлъ-бы ему въ другой разъ прочести; и буде въ другой разъ прочтетъ, а что читалъ, не помнитъ, то явѣ есть, еже тотъ въ пресвитерство не будетъ годенъ. А кѣи внятно и памятно будутъ читать, тѣмъ надлежитъ давать книги церковнаго круга, мѣсячныя миней и тріуды и осьмигласныя, и протчія, иже во святой церковной службѣ управляются, а чаю, не худо-бы и лѣтописныхъ книгъ давать имъ почитать, чтобы обо всемъ знали, что

⁷⁷⁾ Ibid., стр. 14: ⁷⁸⁾ Ibid., стр. 14—15.

доселъ бывало. И ты школьники по чтеніи книжномъ подь вечерь, по часу мѣста, учились-бы писать, чтобы все школьники читать и писать добръ умѣли скорописью и уставомъ. А въ день недѣльной велѣли-бы имъ чинить между собою диспутации отъ священныхъ писаній, а учителя оба-бы слушали и внимали“ ⁷⁹⁾. „И послать ко всемъ архіереямъ, чтобы ни одного ставленника безъ свидѣтельства учительскаго во пресвитерство не посвящали“ ⁸⁰⁾. „И священники о семъ всехъ-бы своихъ дѣтей духовныхъ увѣщевали, чтобы они дѣтей своихъ юныхъ, не томо градскіе, но и поселяне учили-бы грамотѣ, и всякому-бы благоправію научали, а по улицамъ играть и безъ дѣла шататься не попускали съ великимъ и твердымъ запрещеніемъ“ ⁸¹⁾.

Этотъ взглядъ Посошкова на образованіе можно назвать отголоскомъ мѣвній большинства тѣхъ людей, которые тогда уже сознавали необходимость образованія. Они желали усиленія, количественнаго распространенія образованія, преимущественно среди духовенства, чтобы оно могло наставлять на путь душеспасенія народъ. Но они отнюдь не думали о коренной и радикальной перемѣнѣ въ самой системѣ образованія. Грамотность и духовное образованіе—вотъ все, что представлялось имъ необходимымъ. Далѣе этого они не идутъ и не могутъ идти. Правда, Посошковъ совѣтуетъ своему сыну изучать нѣмецкій или французскій языкъ и математическія науки. Но для чего? Для того, что, приобрѣтя эти познанія, его сынъ можетъ поступить на царскую службу: „понеже великая есть и трудная преграда между вѣденіемъ и невѣденіемъ; сего ради дрожащее время твоихъ юныхъ лѣтъ попеченіемъ родительскимъ ти совѣтую ни единого часа во тщетныхъ и непотребныхъ дѣлахъ или играхъ туне погубляти, разсуждая, яко ничтоже драгоцѣннѣе есть времени, его-же часть, день или часъ къ тому во вѣки не возвратится, и тѣмъ временемъ не точію вся красная міра сего получилъ, но и грядущую блаженнѣйшую вѣчность вѣрою и благими дѣлами достигаемъ. Того ради всякій день и часъ, не съ надсаднымъ утружденіемъ, но, по возможности, чинно и благоговѣнно въ наукахъ провождати да потщитишися. Скорѣйшаго-же ради и удобнаго полученія наукъ, совѣтую ти нѣмецкій, или

⁷⁹⁾ Ibid., стр. 16—17. ⁸⁰⁾ Ibid., стр. 18—19. ⁸¹⁾ Ibid., стр. 22.

наипаче чистой французской языкъ учить, и въ началѣ въ томъ языкѣ, его-же изберешь, учить арифметику, аже всѣмъ математическимъ наукамъ дверь и основаніе есть; потому сокращенную математику, аже въ себѣ содержитъ геометрію, архитектуру и фортификацію, еже вѣденіе земного глобуса, тоже искусство земныхъ и морскихъ чертежей, компаса, теченіе солнца и знамяныхъ звѣздъ, не ради того, дабы ты сотворити инженеромъ или корабельщикомъ; но егда соизволеніемъ самодержавнѣйшаго монарха нашего по случаю къ такимъ дѣламъ будешь приставленъ, егда по нуждѣ тебѣ востребуется то⁸²⁾.

Иныя цѣли, иныя задачи были у Петра и потому онъ не могъ ограничиться тою программю народнаго образованія, которую приняли-бы съ распростертыми объятіями люди, подобно Посошкову. Можетъ быть, если-бы Петръ принялъ ихъ программу, то ему не пришлось-бы выдержатъ той борьбы съ обществомъ, которую онъ выдержалъ, и общество не отнеслось-бы къ его школамъ съ тѣмъ ропотомъ, который раздавался со всѣхъ концовъ при его нововведеніяхъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

V.

Петръ, говоримъ мы, не могъ ограничиваться программю образованія, которая существовала до сихъ поръ и которую излагалъ въ своихъ сочиненіяхъ Посошковъ. Петру нужно было строить корабли, основывать города, возводить крѣпости, водить войска на войну, и для всего этого нужно было имѣть подъ рукою знающихъ людей. Вслѣдствіе этого создаваемое имъ народное образованіе, главнымъ образомъ, должно было получить характеръ практическій, реальный. „Петръ Великій, какъ геніальный государь, основатель имперіи, говоритъ г. Щаповъ, — смотрѣлъ на науки чисто съ государственно-усмотрительной точки зрѣнія, какъ на средство для уясненія, распространенія и осуществленія его идей объ имперіи, о разныхъ его нововведеніяхъ и учрежденіяхъ для имперіи. Онъ не заботился собственно объ образованіи народа, земства для его частной и общественной жизни, а

⁸²⁾ Соч. Посошкова, изд. Погодина, Москва, 1842 г., стр. 295.

заботился объ образованіи искусныхъ слугъ имперіи, исполнителей его идей. Онъ не заботился о просвѣщеніи, образованіи русскаго человѣка, а ему нужно было образоватъ себя изъ русскаго прежде всего служилаго человѣка, напр., инженера, морехода, мастера, дѣла, служащаго церковника, медика, счетчика, и т. д., — всѣхъ для службы. Съ этою цѣлью имъ основаны были всѣ элементарныя школы: духовныя для образованія церковниковъ въ надежду священства, для службы церковной; инженерная школа, основанная въ 1712 г. въ С.-Петербургѣ, для образованія изъ дворянскихъ дѣтей инженеровъ; цифирныя школы для обученія цифири и нѣкоторой части геометріи дворянскихъ и приказнаго чина дѣлчихъ и подѣлчихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, oprичъ однодворцевъ, для образованія служащихъ счетчиковъ, бухгалтеровъ и чиновниковъ; медицинскія и хирургическія школы для образованія медиковъ, преимущественно военныхъ, полковыхъ. Для изученія этихъ-же наукъ, и съ тѣмъ-же служебными государственными цѣлями, Петръ посылалъ молодыхъ людей за границу⁸³⁾. Это направленіе было ново и не могло не показаться подозрительнымъ обществу, не возбудить сомнѣній и опасеній.

„Совершенно неизвѣстно, говоритъ Забѣлинъ, — входили-ли въ составъ прежняго первоначальнаго образованія грамматика, счетная или цифирная мудрость, называвшаяся также арифмо-словіемъ. Что она была извѣстна нашимъ предкамъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: они дали имя ей — счетная мудрость, и позднѣе — цифирь; но что предки наши обучались арифметикѣ въ школахъ наравнѣ съ часословомъ и псалтырью, что она входила въ начальное школьное образованіе, — въ этомъ мы крѣпко сомнѣваемся... Припомнимъ исторію о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева, гдѣ такую важную роль играетъ книга черная — лечебникъ, что писаны многія статьи цифирью... Но еще ярче выразились понятія нашихъ предковъ о математическихъ свѣденіяхъ въ московскомъ преданіи о Сухаревой Башнѣ, въ которой при Петрѣ были устроены первыя въ Россіи математиче-

⁸³⁾ Щановъ: Земство и расколъ. „Отечественныя Записки“ 1861 года, № 11, стр. 522 — 529, 801.

скія, цифирныя школы. Сухарева Башня отъ пребыванія въ ней математиковъ, учителей и учениковъ, получила въ то время нарицательное имя; Сухарева Башня значила то-же, что математическій факультетъ, академія. На Сухаревой Башнѣ дѣлались астрономическія наблюденія, физическіе опыты и т. п.; отсюда распространялись въ народъ астрономическія предсказанія — все это вмѣстѣ съ преподаваніемъ математики, съ мудреными выкладками, съ геометрическими линіями, съ непонятными цифрами и буквами,—все это, чудное для толпы простыхъ людей, образовало постепенно понятіе о Сухаревой Башнѣ, какъ о мѣстѣ колдовства, чернокужія. Рассказываютъ, что тамъ и до сихъ поръ оберегаются злыми духами черныя книги, закладенныя въ стѣну. Особенно видное мѣсто въ этомъ преданіи принадлежитъ графу Якову Валимовичу Брюссю, знаменитому въ то время ученому, математику и физику, а потому и знаменитому чернокужнику. Его именемъ названъ даже одинъ старинный календарь съ предсказаніями и т. п., пользующійся въ народѣ до сихъ поръ необыкновеннымъ авторитетомъ. Таковы были понятія нашихъ предковъ о математическихъ свѣденіяхъ,—понятія, порожденныя тою боязливостію ума, которая съ древняго времени считала науки математическія и физическія, геометрію, астрологию, астрономію и пр., науками отреченными, проклятыми⁸⁴⁾. Такимъ образомъ, новыя школы должны были казаться и опасными, и подозрительными для общества.

Не могло быть довольно ими и духовенство, на долю котораго выпадали теперь болѣе значительныя расходы. Въ духовномъ регламентѣ говорится: „вельми ко исправленію церкви полезно есть сіе, чтобъ всякъ епископъ имѣлъ въ домѣ или при домѣ своемъ школу для дѣтей священническихъ или прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ. А въ школахъ той былъ-бы учитель умный и честный, который-бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно по книгамъ честь (что хотя нужно, обаче еще недовольное дѣло), но училъ-бы честь и разумѣть. И есть-ли мощно, и наизустъ читать двѣ

⁸⁴⁾ Опыты изученія русскихъ древностей и пр. Часть 1. Москва, 1872 г. Ст. И. Забыина: Характеръ начальнаго образованія въ допетровское время, стр. 74 — 77.

книжницы: одну о догматахъ вѣры, а другую о должностяхъ всякихъ чиновъ, когда таковыя книжницы изданы будутъ. А который-бы ученикъ былъ крайне тупъ, или хотя и остроуменъ, да развращенъ, и упрямъ, и непобѣдимой лѣности, таковыхъ-бы, по дальномъ искушеніи, отпускать изъ школы, отнявъ имъ всю надежду чина священническаго“ ⁸⁵). На духовенство возлагалось содержаніе учителей, покупка книгъ и проч. „Дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ за великій онѣхъ комтъ на учителя онаго, и на покупаніе книгъ, тако-жь и на прочитаніе своихъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся, подобаетъ, чтобъ ученики и корилены, и учены были туне, и на готовыхъ книгахъ епископскихъ. А что сіе могло статься, о семъ разсужденіе есть таковое: отъ знатѣйшихъ въ епархіи монастырей брать великаго хлѣба двадцатую долю, да отъ земель церковныхъ, гдѣ суть, всякаго-же хлѣба брать тридцатую долю. И на-сколько-бы человекъ стало хлѣба онаго въ прочитанію и инымъ нуждамъ (одѣяніе не въ числѣ), толикое-бы число учителей съ потребными служителями было. А самого учителя или учителей довольствоваль-бы епископъ кормомъ и денежною ругою изъ архіерейской казны, какъ по разсужденію мѣста опредѣлить духовное коллегіумъ“ ⁸⁶). Къ этому прибавляется въ то-же время: „а чтобъ епископы не взроптали, будто имъ убыточно будетъ ружить учителя или учителей, указывается имъ, чтобъ лишнихъ служителей не держали, ненужныхъ строеній не дѣлали (развѣ строенія прибыльныхъ, напримѣръ, мельницы и прочая); тако-жь священнаго себѣ одѣянія и своего платья надъ подобающею чести своею потребу не умножали“ ⁸⁷). Но не роптать на эти расходы, на эту необходимость отпускать своихъ лишнихъ служителей, не строить лишнихъ строеній, не нашивать себѣ парадныхъ одѣяній,—высшее духовенство не могло.

Но было обстоятельство, которое должно было оттолкнуть общество отъ этихъ школъ еще сильнѣе. Мы говоримъ о способѣ привлеченія въ школы учениковъ.

Петру нужно было, чтобы изъ школы „во всякія потребы

⁸⁵) Духовный регламентъ, Москва, изд. 1804 г., стр. 34—35. ⁸⁶) Ibid., стр. 36. ⁸⁷) Ibid., стр. 37.

люди происходили, въ церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строеніе и врачебное искусство“,—и онъ не оставивался ни передъ чѣмъ, ни передъ какими мѣрами при вербовкѣ учениковъ. Онъ повелѣлъ, безъ всякаго отношенія къ родителямъ и не требуя предварительнаго ихъ на то согласія, брать въ школы дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ и учить ихъ предметамъ, входившимъ въ планъ тогдашняго воспитанія. Въ случаѣ сопротивленія родителей, они сажаемы были подъ караулъ или содержимы въ тюрьмахъ, а дѣти высланны были по распоряженію мѣстнаго начальства и оставались въ училищахъ до окончанія полнаго курса наукъ. Безъ этого они не могли поступать на службу, ни даже вступать въ брачныя обязательства⁸⁸⁾. Отъ 8 августа 1707 г. Стрѣшневу пишетъ Петръ: „по полученіи сего извольте выбрать неподволь къ змиѣ изъ недорослей ребята добрыхъ въ (математическую) школу человекъ до ста, или больше, и повѣстить, чтобъ недоросли къ змиѣ были все къ смотру, также и тѣ, которыхъ я самъ смотрѣлъ“⁸⁹⁾. Среди переѣздовъ своихъ, въ ожиданіи прибытія грознаго непріятеля, Петръ издалъ 15 января 1708 г. указъ объ отдаваніи въ школу греческую и латинскую для ученія дѣтей священническихъ и дьяконовскихъ, съ такимъ предписаніемъ, что кто изъ сихъ дѣтей не захочетъ обучаться, тѣхъ на отцовы мѣста не посвящать, въ подъячіе и ни въ какіе чины не принимать, кромѣ только солдатскаго⁹⁰⁾. 1 сентября 1723 г. Петръ указалъ поповскихъ и дьяческихъ, причетническихъ дѣтей, которыя въ подушный окладъ будутъ не влючены, и къ школьному ученію по лѣтамъ ихъ потребны, набирать въ школы всѣхъ тѣхъ, которыя учиться могутъ; а которыя въ ученіи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы неволемъ, и учить ихъ въ надеждѣ лучшаго священства, какъ духовнымъ регламентомъ опредѣлено⁹¹⁾. Въ 1714 и 1716 годахъ, говоритъ Голиковъ, великій государь повелѣлъ во всѣхъ губерніяхъ обучать цифири и части геометріи дѣтей секретарскихъ и

⁸⁸⁾ „Очеркъ народнаго образованія въ Россіи до конца XVIII столѣтія“, ст. Арсеньева, пом. въ „Ученыхъ Запискахъ Ак. Наукъ“, 2 отд., 1 книга, 1854 г., стр. 10—11. ⁸⁹⁾ Голиковъ: Дѣянія Петра Великаго. Томъ III, изд. втор., Москва, 1837 г., стр. 247. ⁹⁰⁾ Ibid., стр. 278—279. ⁹¹⁾ Указы Петра Великаго. Изд. при Акад. Наукъ. 1777 г., стр. 728.

подъяческихъ, и всякаго другаго званія людей; но какъ сіи званія точно не были тогда означены, въ семъ году (1719) именно описаны оныя, то-есть сверьхъ подъяческихъ, купеческихъ, церковническихъ слугъ монастырскихъ и прочихъ чиновъ людей, кромѣ только дворянскихъ дѣтей, для коихъ особня учреждены училища; послѣду-же немногіе отцы отдавали въ сію ученіе дѣтей своихъ, то и повелѣно, не взирая на волю отцовъ, высылать въ тѣ школы дѣтей на основаніи предписанныхъ о томъ указовъ ⁹²⁾. Конечно, подобнымъ указамъ повиновались неохотно и ихъ приходилось повторять. Въ журналѣ Петра отъ сентября 14 д. 1713 года говорится: „тогда прѣехали изъ Москвы въ Петербургъ сенаторы и предложили его величеству, что по указу, данному имъ въ 1711 году, дворянъ молодыхъ, и кои кроются отъ службъ, по многимъ объявительнымъ указамъ собрать всѣхъ не могутъ, того для сентября въ 26 день выданъ новый указъ, дабы всѣ дворяне сами и ихъ дѣти и сродники, которые отъ 10 до 30 лѣтъ возрастъ имѣютъ, явились въ наступающую зиму на смотръ нарочно къ тому опредѣленному сенатскому члену“ ⁹³⁾. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „а нынѣ въ поданномъ въ сенатъ полковника Скорнякова-Писарева доношеніи написано: писали-де къ нему изъ московской школы учителя, что по присылкѣ прошлыхъ и 1720 годовъ, изъ губернской канцеляріи во ученіи ихъ обрѣтается учениковъ всякихъ чиновъ людей семдесятъ человекъ, а другихъ провинцій изъ городовъ къ нимъ учениковъ никого не прислано, а въ иныхъ губерніяхъ и въ провинціяхъ-же обрѣтается учениковъ малое число, и дабы о посылкѣ въ подтвержденіе въ губерніи и въ провинціи о тѣхъ ученикахъ указовъ въ сенатъ указъ учинить. И по е. и. в. указу, и по сенатскому приговору, велѣно потому его полковника и отъ бомбардиръ капитана-поручика Скорнякова-Писарева доношенію, о высылкѣ въ школы для ученія цифири и нѣкоторой части геометріи дьячыхъ и подъяческихъ и другихъ чиновъ людей дѣтей (опричь дворянскихъ), по прежнимъ е. и. в. имяннымъ указамъ, рассмотрѣніе и указъ учинить въ адмиралтейской кол-

⁹²⁾ Голицковъ: Дѣяніи Петра Великаго, часть VII, Москва, 1789 г., стр. 28—29.

⁹³⁾ Журналъ Петра Великаго, Спб., 1770 г. Часть 1, стр. 375.

легіи, для того въ 1720 году, по опредѣленію въ сенатѣ, велѣно тѣхъ учениковъ вѣдать во всемъ въ той коллегіи“⁹⁴). Людми вообще распоряжались, какъ безответными машинами, перемѣняя ихъ съ мѣста на мѣсто. Въ одномъ изъ указовъ говорится: „понеже хотя въ генеральномъ регламентѣ въ 36 главѣ напечатано; ежели удобные люди впредь при канцеляріяхъ и конторахъ служить пожелають, по препорціи каждого коллегіа, позволено заранѣе допускать и обучать въ письмѣ и арифметикѣ, дабы при случающейся ваканціи, ежели они къ дѣлу способны и доброй натурн, употреблены быть могли, къ чему изъ шляхетства допускать, и фамиліямъ знатымъ и шляхетнымъ въ укоризну того не ставить и прочее, какъ о томъ въ той главѣ напечатано, тако-жь и въ табели о рангахъ напечатано-жь, чтобъ при всякой коллегіи имѣть коллегіи юнкоровъ по шести или семи человекъ, однакожь по се время въ коллегіяхъ для вышеозначеннаго обученія изъ шляхетства мало что находится, а въ нѣкоторыхъ нѣтъ и по одному человекъ; того ради по содержанію тѣхъ е. и. в. указовъ правительствующій сенатъ приказали, въ коллегіи-юнкеры для произвожденія вышеозначеннаго по регламенту ученія, выбрать изъ шляхетскихъ дѣтей изъ обрѣтающихся въ наукахъ во академіяхъ 100 человекъ, и разослать въ коллегіи въ каждую по препорціи, и чтобъ оныя во обученіи приказныхъ порядкахъ поступали, и надъ ними коллежскіе члены того смотрѣли накрѣпко подѣ штрафомъ, какъ о томъ въ прежнемъ е. в. указѣ о коллегіи юнкоровъ написано; и для того оныхъ шляхетскихъ дѣтей въ Москвѣ изъ академіи поставить къ смотру въ правительствующій сенатъ, также и изъ городовъ, въ которыхъ школахъ шляхетскія дѣти обрѣтаются, изъ тѣхъ для выбору поставить-же въ сенатъ“⁹⁵). Всѣ эти постановленія вызвали ропотъ и неудовольствіе. „Напрасны и издержки, и труды твои, государь, сказалъ Петру одинъ изъ приближенныхъ бояръ его:—головѣ и уму русскаго не доступны ученіе и науки“⁹⁶). Это мнѣніе, говоритъ г. Арсеньевъ, —отголосокъ большин-

⁹⁴) Указы Петра Великаго, изд. 3 при Акад. Наукъ, 1777 г., стр. 273. ⁹⁵) Ibid., стр. 926 — 927. ⁹⁶) „Очеркъ народнаго образованія въ Россіи до конца XVIII вѣка“ Арсеньева, пом. въ уч. зап. 2 отд. И. Ак. Наукъ, книга I, 1854 г., стр. 10.

ства тогдашнихъ русскихъ. Въ 1720 году посадскіе люди Вологды, Устюга, Баргополя, Калуги и многихъ другихъ мѣстъ представляли сенату, что отторженіе дѣтей изъ круга семействъ подрываетъ торговлю, останавливаетъ успѣхи въ промышленности и разрушаетъ благосостояніе домовъ, дотолѣ богатыхъ и цвѣтущихъ ⁹⁷⁾. Посадскіе люди также вошли въ сенатъ съ просьбою, что дѣти ихъ занимаются торговлею, и иные въ дальнихъ мѣстахъ, а ихъ принуждаютъ поступать въ школы, причемъ многихъ держать въ тюрьмахъ и за карауломъ ⁹⁸⁾. Василій Васильевичъ Головинъ въ своихъ „запискахъ бѣдной и суетной жизни человѣческой“ говоритъ, что въ лѣто отъ воцлещенія Сына и Слова Божія 1712-го, въ мартѣ мѣсяцѣ высланы изъ всѣхъ малолѣтнихъ дверие на смотрѣ изъ Москвы въ Петербургъ, съ прочими всѣми и я грѣшникъ... И того-же маія въ послѣднихъ числахъ билъ намъ всѣмъ смотрѣ, а смотрѣлъ самъ е. и. в. и изволилъ опредѣлить насъ по разбору на трое: первыхъ, которые лѣтани постарѣ въ службу въ солдаты, а среднихъ за море въ Голландію для морско-навигацной науки, въ которыхъ числѣ и я грѣшникъ „въ первое мое несчастіе опредѣленъ“, а самыхъ малолѣтнихъ въ городъ Ревель въ науку“ ⁹⁹⁾. Нечего и говорить, что при такомъ положеніи дѣла люди начали спасаться отъ школъ, отъ ученья. Директоръ московской синодальной типографіи писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „учители греческіе росписъ бѣглимъ ученикамъ въ сенатскую канцеларію послали, числомъ на 40 человекъ, и что будетъ по ней, доносить не уеделю. Обаче сонявзвись, дастся-ли позволеніе своевольникъ наука? Глаголетъ бо Назіамза свѣтъильникъ:

Пастырѣ, аще похощеть, можетъ донѣтъ возлиця;

Но вмѣсто млека источить кровь изъ его сырница“ ¹⁰⁰⁾.

Отъ службы спасались въ школы, отъ заграничной школы уходили въ монахи, и тоже пенанраезу: вологодскій мѣщанинъ Иванъ Марковъ, посланный въ Венецію для навигацной науки, ушелъ оттуда въ Россію и ностригся; но Петръ велѣлъ взять его изъ монастыря въ Петербургъ, несмотря на то, что онъ

⁹⁷⁾ Ibid., стр. 10—11. ⁹⁸⁾ Наука и литература при Петрѣ—Пекарскаго, томъ I, Спб. 1862 г., стр. 125—126. ⁹⁹⁾ Родословная Головинныхъ—Казанскаго, Москва, 44—45. ¹⁰⁰⁾ Русскій-Архивъ, 1868 г., 1047—1048.

уже былъ не Иванъ Марковъ, но іеродіаконъ Іоасафъ. Въ 1723 г. было подтверждено, чтобы ученики въ цифирныя школы поступали не старѣе 15-ти лѣтъ, а выше тѣхъ лѣтъ отнюдь не принимать, дабы подѣ именемъ той науки отъ смотровъ и опредѣленія въ службу не укрывались ¹⁰¹⁾. Жалобы слышались со всѣхъ сторонъ; неповиновенія оказывались повсюду, и вотъ среди этого положенія Петръ рѣшается на самую крайнюю мѣру. Приказывая людямъ отъ 10 до 30 лѣтъ явиться на смотръ, Петръ пишетъ: “а буде кто сей указъ преслушаетъ и до марта мѣсяца 1714 года не явится и кто на такого извѣститъ, тому всѣ пожитки укрывающагося и деревни отданы будутъ, какова-бъ доноситель чина ни былъ, или хотя слуга укрывающагося“ ¹⁰²⁾. Это была ужасная мѣра: людямъ приказывалось доносить и за это донощику отдавались всѣ пожитки и деревни укрывающагося...

Что-же мудренаго, что новое образованіе дѣлалось пугаломъ для массъ?

А. Михайловъ.

¹⁰¹⁾ Пезарскій: Науки и литер. при Петрѣ, томъ I, Спб., 1862 г., стр. 125—126.
¹⁰²⁾ Журналъ Петра Великаго. Спб., изд. 1770 года. Часть I, стр. 375.

В Ъ Л Ъ С У

(На память А. Н. Плещееву.)

Я рано, рано утромъ всталъ,
Надѣлъ суму и посохъ взялъ,—
И изъ родимаго гнѣзда
Пошелъ искать уму труда.

Иду: болота да тростникъ,
Да темный лѣсъ надъ головой;
И холодъ въ сердце мнѣ проникъ...
Не воротиться-ль мнѣ домой?

Но былъ великъ на этотъ разъ
Во мнѣ душевныхъ силъ запасъ:
Не воротился я домой—
Пошелъ дорогою глухой.

И долго темнымъ лѣсомъ я
Ходилъ, блуждая безъ пути,—
Грудь надрывалася моя,
Не могъ я выхода найти.

И много горя, много слезъ
Въ лѣсу я этомъ перенесъ
И много я душевныхъ силъ
Въ его глуши похоронилъ.

Все лѣсъ, да лѣсъ, да мракъ густой...
И я, какъ тѣнь, ходилъ, блуждалъ,—
И лучъ надежды золотой
Въ моей груди ужъ угасалъ.

Душа измучилась моя
И былъ готовъ погибнуть я,
Вдругъ слышу голосъ я въ лѣсу:
„Дай руку, я тебя спасу!“

Я руку далъ, и онъ повель...
И я увидѣлъ небеса,
Вдали, какъ рой гудящихъ пчель,
Я слышалъ чьи-то голоса...

И вывелъ онъ меня на путь,
Сказавъ: „иди и не грѣши,
Работай, другъ, и честенъ будь,
И не черни своей души!“

И. Суриковъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НЕХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РОМАНЪ.

(„Въ Новомъ Свѣтѣ“, русскій романъ изъ американской жизни. Выпускъ 1. Соч. Н. Муромскаго. Спб., 1875 г.)

I.

Романъ г. Муромскаго нельзя назвать „художественнымъ“, и насъ это даже радуетъ, потому что даетъ случай поговорить еще разъ о „художественности“.

Странная вещь: „нехудожественный“ романъ г. Муромскаго читается съ удовольствіемъ, а художественныя произведенія не только современныхъ русскихъ романистовъ средней руки, но даже свѣтилъ сороковыхъ годовъ, не возбуждаютъ особеннаго желанія читать ихъ. Отчего-бы это?

Припомните нашъ недавній медовый мѣсяцъ. Съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ получалась тогда всякая новая книжка журнала и какъ глотались романы Тургенева! Съ какой жадностью накидывалась интеллигентная Россія на Гончарова, ломилась въ театръ смотрѣть Островскаго и обазывала вниманіе даже г. Писемскому.

Критика точно также пользовалась необыкновеннымъ сочувствіемъ и вниманіемъ, а сами критики представлялись читателямъ боговдохновенными пророками, избранныками, одаренными даромъ провидѣнія, носителями священнаго огня, наставниками, руково-

дителями, бойцами, ведущими Россію... но куда? Ахъ, читатель, кто-же зналъ, куда мы идемъ и куда мы придемъ, хотя въ то же время каждый счелъ-бы себя оскорбленнымъ, если-бы ему напомнить о Езопѣ. Езопъ никогда не зналъ, куда онъ идетъ, и полицейскій, арестовавшій его, долженъ былъ со стыдомъ сознаться, что ничего не смыслить въ исторіи. Да, мы тогда вѣрили, надѣялись, думали и шли; мы вѣрили, что Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Писемскій укажутъ намъ насъ самихъ, а поймавъ свою душу и ухватившись за ариаднину ниточку критики, мы непременно придемъ куда-то, гдѣ очень хорошо, гдѣ вѣчно свѣтитъ солнце и чиркаютъ воробы и гдѣ люди живутъ какъ нѣжныя лиліи и не заботятся ни о чемъ, какъ птицы Божіи. Да, это былъ истинно медовый мѣсяцъ! Люди шестидесятихъ годовъ хорошо помнятъ это время; люди семидесятихъ его не знали. Первымъ бываетъ пріятно его вспоминать; а второе или относятся ко времени „увлеченій“ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, или-же вовсе имъ не интересуются. Но почему-же вы относитесь съ высокомѣріемъ къ исторіи или, еще хуже, не хотите ее знать?

Исторія „отцовъ“ и „дѣтей“ повторяется только въ Россіи и вѣчно она одна и та-же. Сначала „отцы“ руководятъ дѣтьми и держатъ ихъ на веревочкѣ; потомъ дѣти, сорвавшись съ веревочки и обрадовавшись, что ихъ никто не держитъ, начинаютъ бѣгать, кружиться, кувыряться въ поляхъ и на лужайкахъ, топчутъ пашни, рвутъ цвѣты и вообще ведутъ себя очень неразумно. Натѣшившись, поуставъ и надѣлавъ неизбѣжныхъ глупостей, „неразумные“ пріобрѣтаютъ извѣстную степенность, неразлучную со всякимъ опытомъ, провозглашаютъ себя „отцами“ и подвязываютъ на веревочку „дѣтей“. Новыя дѣти только и думаютъ о томъ, какъ-бы имъ сорваться съ веревки, и, сорвавшись, бѣгутъ, по примѣру „отцовъ“, въ поля и луга, продѣлываютъ подобныя-же невинныя шалости, поуставъ — становятся „разумными“, и... опять та-же связка „о бѣломъ бычкѣ“.

Въ этомъ кувырканьи „дѣтей“ литература всегда принимала самое дѣятельное участіе; можно даже сказать, что она бѣжала впереди всѣхъ и производила самый большой шумъ. Но не ехидствуйте, читатель, и не радуйте заранѣе. Литература, дѣйстви-

тельно, принимала участіе въ движеніи, въ общемъ шумѣ и бѣготнѣ, но сама она не кувырчалась. Она всегда имѣла строгій тонъ, она всегда была *à la fix'*омъ интеллигенціи, въ ея шуткахъ и смѣхѣ, въ ея ироніи и сатирѣ была всегда торжественность; она и смѣялась, и сердилась, и шутила только съвозъ слезы. Конечно, этимъ строгимъ, серьезнымъ тономъ отличалась только передовая критика и публицистика, но не повѣсти и не романъ: да простятъ мнѣ русскіе романисты рѣзкую истину — ихъ романы и повѣсти никогда не стояли на высотѣ русской критики.

Съ тѣхъ поръ, какъ русская критика шагнула дальше Бѣлинскаго, она всегда являлась комментаторомъ беллетристическихъ произведеній; она уясняла ихъ не только читателямъ, но и самимъ авторамъ; нерѣдко она говорила то, что авторы и не думали говорить. Такъ Добролюбовъ въ „Темномъ царствѣ“ повторилъ басню объ „Орлѣ и паукѣ“ и унесъ съ собой на облака г. Островскаго, который никогда не располагалъ улетѣть такъ высоко. Критика, во имя практическихъ требованій, объявила войну „художественности“ и начала цѣнить литературныя произведенія не по талантливости ихъ исполненія, а по ихъ содержанию, по ихъ идеѣ, по ихъ прогрессивнымъ мыслямъ. И за это обиженные беллетристы объявили критику войну во имя „художественности“.

Въ спорахъ о художественности не было недоразумѣнія; въ нихъ было большею частію намѣренное непониманіе. „Художники“ обвиняли критику въ томъ, что она отрицаетъ форму, тогда какъ она ея никогда и не думала отрицать. Но если приходится выбирать между художественной формой, нежелающей знать практическихъ требованій жизни, и между нехудожественностью, содержательной по идеѣ, ужъ, конечно, содержательную нехудожественность нужно было предпочесть безсодержательной художественности. Демосфенъ былъ великъ не краснорѣчіемъ, а тѣмъ, что краснорѣчіе служило ему только средствомъ сдѣлать болѣе доступными и убѣдительными его доводы и факты. Главная сила Демосфена заключалась въ его замѣчательныхъ, гениальныхъ познаніяхъ, безъ которыхъ никакое краснорѣчіе не сдѣлало-бы его первокласснымъ ораторомъ. Краснорѣчіе не спасло Берка, когда

онъ изъ великаго патриота превратился въ защитника тѣхъ идей, которыя въ пору силъ онъ испровергалъ. Въ чемъ-же споръ о художественности, если вопросъ такъ ясенъ? О, лицеѣры! Никогда, можетъ быть, талантъ не оказываетъ такой плохой услуги человечеству, когда онъ пытается отдать свои силы отжившимъ или отживающимъ интересамъ. Въ такихъ случаяхъ онъ сладкогласная сирена, обольщающая неопытныхъ пловцовъ; онъ паукъ, выплетающій свои искусныя сѣти, чтобы ловить неопытныхъ и незнающихъ мухъ.

Отъ белетриста никто не требуетъ специальной учености; ученость и сухое, формальное развитіе мысли можетъ даже идти во вредъ его чувству образности. Но нельзя-же съ однимъ чувствомъ образности явиться проповѣдникомъ и ораторомъ и выдавать себя за пионера. Вообразите Демосфена, который съ однимъ чувствомъ образности выступилъ передъ разсудительными и практическими афинянами. Развѣ его стали-бы слушать, развѣ онъ могъ-бы научить чему-нибудь? Если жизнь — борьба, если въ этой борьбѣ только нравственная сила даетъ перевѣсъ и создаетъ счастье народовъ, то какъ же проповѣдывать средства безсилія и не учить тому, что создаетъ силу! Демосфенъ это и дѣлалъ. Онъ учалъ тому, что давало афинянамъ перевѣсъ надъ ихъ врагами, что создавало имъ величіе, силу, славу, а не то, что могло вести къ безчестию, къ ослабленію патриотизма и чувства свободн, къ паденію и безславію.

Большинство нашихъ белетристовъ хотѣли быть русскими Демосфенами и вождями, обладая познаніями седьмого класса гимназій или бывшихъ кадетскихъ корпусовъ, и эти познанія считали вполне достаточными для выполненія своей передовой миссии. Мы помнимъ, какъ одинъ романистъ, недавно праздновавшій свой двадцатипяти-лѣтній юбилей, говорилъ съ ожесточеніемъ противъ уничтоженія принудительнаго курса; мы знаемъ другого, который приходилъ въ великое затрудненіе, если одному изъ изображаемыхъ имъ героевъ приходилось вести социальный или экономическій разговоръ, и совѣтовался съ людьми компетентными въ этихъ вопросахъ; мы знаемъ третьяго, и не третьяго, а и четвертаго, пятаго и шестого, которые съ запасомъ одного художественнаго чувства взялись совершить учено-литературное путешествіе по

Россіи, и печатныхъ результатовъ ихъ путешествій не дождались читатели и до сихъ поръ. „Годъ на сѣверѣ“ г. Максимова, кажется, единственный печатный результатъ этихъ учено-литературныхъ путешествій. Сравните этотъ единственный печатный результатъ съ путешествіями хотя-бы Диксона — и вамъ будетъ ясна разница между европейскимъ и русскимъ литераторомъ-белетристомъ. Мы и до сихъ поръ вѣримъ въ непосредственное творчество, въ силу вдохновенія, и ссылаемся на Гомера, Эврипида, Софокла, Шекспира, Байрона и Пушкина. Да, и у Гомера, и у Эврипида, и у Софокла, и у Шекспира, и у Байрона была непосредственно и сильно воспринимающая душа и громадный запасъ творческихъ силъ. Но, во-первыхъ, это были писатели съ глубокимъ психологическимъ анализомъ, знатоки чловѣческаго сердца и чловѣческихъ страстей; во-вторыхъ, всѣ они были патріотами въ политическомъ смыслѣ, а въ-третьихъ, вопросы общественные и экономическіе, составляющіе нынче центральное знаніе для всякаго мало-мальски образованнаго чловѣка, были тогда вовсе неизвѣстны. Ссылки на Пушкина и на Лермонтова годятся лишь для доказательства того, на-сколько даже люди съ первоклассными творческими силами приходятъ къ ничтожнымъ результатамъ и не могутъ встать на высоту, если они не видятъ дальше своихъ ногъ. Сколько и у Пушкина, и у Лермонтова есть произведеній, которыхъ они не написали-бы никогда, если-бы знали больше и съ байроновскою непосредственностью соединяли-бы его англійское образованіе. Непосредственное творчество только созидаящая сила; но чтобы строить, нуженъ матеріалъ. Изъ дрянного матеріала нельзя сдѣлать ничего порядочнаго; изъ старыхъ щеповъ и мусора величайшій архитектурный геній не создастъ храма Аполлона одной сѣрой краской не нарисуетъ Венеры даже самъ Аппелесь.

Белетристы, изобидѣвшіеся на критику, отстаиваніемъ своей боговдохновенности оправдывались собственно противъ обвиненія ихъ въ незнаніи и узости кругозора. „Вамъ-ли, людямъ прозы и сухого ума, судить насъ, помазанниковъ Аполлона!“ говорили они. Но помазанниковъ все-таки судили... и осудили. Самъ Аполлонъ отказался, наконецъ, защищать своихъ дѣтей, самъ Аполлонъ, наконецъ, убѣдился, какъ бесплодно вдохновлять русскихъ рома-

нистовъ, и граціи и музы покинули русскій Парнасъ. Теперь не только гг. Писемскій, Островскій, Гончаровъ стоятъ, подобно суховершиннымъ яблонямъ, не производя уже никакихъ плодовъ, но даже самый популярный, самый даровитый, самый симпатичный, самый чуткій и самый знающій изъ русскихъ белетристовъ — г. Тургеневъ живетъ только старой славой и тѣтено манитъ къ себѣ боговъ Парнаса. Одна художественность не помогаетъ, и когда писатели не понимаютъ жизни, имъ о ней сказать нечего.

Но, должно быть, каждый долженъ погибнуть отъ собственнаго оружія. Художниковъ погубила ихъ художественность, оказавшаяся золотой скорлупой безъ ядра, а смѣнившихъ ихъ писателей погубила болѣзненно-настоящая мысль и однопредметность мышления, оказавшаяся тоже безъ ядра. Художники въ этомъ отношеніи были, конечно, счастливыѣ. Передъ ними стояла живая жизнь и имъ было нетрудно создавать живые образы; но передъ новыми белетристами стояли только идеи, а формы для ихъ воплощенія не существовало. И повторилась исторія, о которой рассказываетъ Гейне. Художники, подобно механику-англичанину, создавали кожаныхъ людей безъ души, а новые романисты создавали душу безъ тѣла. Въ такомъ положеніи вопросъ стоитъ и по сихъ поръ. Общественная мысль бесплодно ищетъ своего воплощенія, но никто не можетъ создать ей тѣла, и живой человекъ, живой идеалъ, этотъ пока только предчувствуемый русскій человекъ будущаго все еще остается искомой величиной. Вотъ почему теперешнихъ людей не могутъ удовлетворить ни произведенія старыхъ белетристовъ, составляющія уже матеріалъ для исторіи литературы, ни произведенія новыхъ писателей, идеализмъ которыхъ ушелъ слишкомъ далеко, чтобы воплощаться въ живомъ, современномъ типѣ. Русская мысль слишкомъ поспѣшила и осѣлась; и практическая жизнь выработала изъ стараго матеріала только отрицательные типы, которые не могутъ удовлетворить новаго белетриста, потому что онъ, подобно Діогену, ищетъ „человѣка“. Такимъ образомъ, читатель остается ровно не при чемъ.

Но въ пустотѣ жить нельзя. Чтеніе вовсе не праздная роскошь незанятаго ума, а потребность знанія, потребность мысли, ищущей новой пищи. Человѣческая мысль по существу своему

всегда реальна и практична. Вотъ почему художественность должна быть очень высокаго сорта, въ родѣ шекспировской, и той же глубины, чтобы могла удовлетворить читателя. Если же въ ней нѣтъ этого, она является скучной претензіей на что-то, какой-то тѣнью жизни и правды, и не имѣетъ поэтому захватывающаго интереса. Лучше читать нехудожественную правду, чѣмъ полухудожественное измышленіе, въ которомъ чувствуешь одну фальшь. Можно сильно сомнѣваться въ томъ, что теперешняя русская жизнь нуждается только въ сильномъ талантѣ, чтобы увидѣть себя въ зеркалѣ. Если-бы только въ этомъ заключался весь вопросъ—таланты-бы явились; люди оттого и не выступаютъ въ область белетристики, что занялись другими дѣлами, не находя интереса быть романистами. Безсодержательность русской жизни всегда влекла насъ къ иностранной литературѣ; но теперь, можетъ быть, больше, чѣмъ когда-нибудь, мы къ ней тянемся. Не говоря уже про отдѣльныя изданія иностранныхъ романовъ, что оставалось-бы отъ толстыхъ журналовъ, если-бы въ нихъ не было переводныхъ романовъ? Конечно, чтеніе романовъ не есть времяпровожденіе безупречное; литературный пуристъ-художникъ былъ-бы болѣе удовлетворенъ, если-бы читался Шекспиръ, Байронъ и вообще „вѣчные“ писатели. Но такое требованіе слишкомъ „художественно“. Теперь романъ вѣтшилъ всякое другое чтеніе не потому, чтобы читатели были безнадежно ограничены, а потому, что романъ—самое практическое чтеніе; хорошъ или худъ теперешній романъ, но только въ немъ одномъ и можно найти отвѣты на единоличные вопросы; а какъ этихъ частныхъ вопросовъ миліоны, то и романы являются миліонами. Теперешній читатель по-преимуществу практикъ; онъ вышелъ изъ того слоя, который еще недавно, можетъ быть, ничего не читалъ. Ему не нужны ни Ричарды третьи, ни Гамлеты, ни короли Лиръ; это слишкомъ грандіозно и отвлеченно, и хотя шевелить душу очень возвышенными чувствами, но житейскихъ, практическихъ вопросовъ не разрѣшаетъ; а читателю нужно находить самого себя, иначе онъ и читать не станетъ. Конечно, подобная демократизація не особенно способствуетъ процвѣтанію „высшаго искусства“ и не помогаетъ появленію Шекспировъ, но мы говоримъ не объ этомъ, а констатируемъ фактъ и

хотимъ только найти причину, почему романъ „Въ Новомъ Свѣтѣ“ представляеть для обыкновеннаго, а можетъ быть и „необыкновеннаго“ читателя больше интереса, чѣмъ „художественные“ романы изъ современной или недавней русской жизни.

„Художники“ по поводу Рѣшетникова придумали для того рода произведеній, къ которымъ принадлежитъ и „Въ Новомъ Свѣтѣ“, прозваніе— „этнографическіе“. Конечно, было-бы лучше, если-бы та-же самая „правда жизни“ являлась въ болѣе художественной формѣ, потому что она дѣйствовала-бы тогда неизмѣримо сильнѣе. Но если этого нѣтъ и ни Рѣшетниковъ, ни романъ г. Муромскаго не удовлетворяеть эстетиковъ, они все-таки своимъ неудовлетвореніемъ не объясняютъ, почему „этнографическій“ романъ не только появился, но и желаетъ продолжаться. Правды намъ нужно, живой жизни, практическаго, ближайшаго, непосредственнаго и—что самое главное—новаго! вмѣсто тѣла безъ души и души безъ тѣла, вмѣсто бесплоднаго идеализма назадъ или впередъ, требуется дѣйствительная жизнь. Не находимъ мы ея у насъ—беремъ изъ иностраннаго; художественное творчество удовлетворить насъ не можетъ—мы обращаемся къ этнографическому.

II.

Каждый нравственно здоровый, свѣжій, съ неспорченными воображеніемъ человекъ простить скорѣе автору нехудожественность въ правдѣ, чѣмъ художественность въ пустомъ, ненужномъ вымыслѣ. Читателю, пожалуй, даже удобнѣе имѣть дѣло съ нехудожниками, потому что онъ самъ своей душой можетъ отнискать именно ту художественность въ жизни, какую въ ней чувствуетъ, не подчиняясь чужому давленію. Жизнь сама по себѣ, со всеми ея мелочами, такой художественный фактъ, что неугнѣлая художественность скорѣе ослабляетъ ея впечатлѣніе, чѣмъ концентрируетъ его. Поэтому простой рассказъ, безъ притязаній на авторское творчество, производитъ иногда неизмѣримо болѣе глубокое впечатлѣніе и научаеть большому, чѣмъ многотомный романъ автора-художника, пытающагося поддѣлаться подъ жизнь и создать художественные тѣны.

Вотъ нѣсколько человѣкъ переселенцевъ, едва прибывшихъ въ Америку, ѣдутъ на „Западъ“. На одной изъ стоянокъ разговоръ коснулся американскихъ впечатлѣній и кто-то вспомнилъ послѣдній общественный праздникъ, на которомъ, между прочимъ, уражались въ стрѣльбѣ.

— „Однако, ловко стрѣляютъ эти американцы! сказалъ Р.;— что значить вѣчно носить револьверъ въ карманѣ: пулю въ пулю сажаютъ!

— Да и револьверы сдѣланы не европейскіе, перебилъ другой:— бьютъ вѣрно и сильно.

Тогда первый вынулъ свой револьверъ, осмотрѣлъ его и пожалѣлъ, что купилъ въ Европѣ. Пистолетъ былъ не совсѣмъ хорошій и системы Лефосе. Р., чтобы вынуть патронъ, подавилъ собачку, курокъ поднялся, но не на-столько, чтобы барабанъ могъ свободно повернуться; Р. началъ дергать... Раздался выстрѣлъ...

— Вотъ штука-то! сказалъ Р., изумленный неожиданнымъ выстрѣломъ.

— Да, штука! отвѣчалъ совершенно спокойно Кооп,— выстрѣлъ... въ меня... попалъ...—И бѣдняга зашатался и упалъ. Пуля прошла ему на четыре пальца выше праваго соска.

На выстрѣлъ сбѣжались фермеры, осмотрѣли убитаго и сказали: „нужно взять телѣгу, отвезти покойника въ городъ, а васъ, граждане, въ судъ“.

Въ Канзасѣ за умышленное убійство—смерть.

До города было около пяти миль. Когда арестованные приѣхали, къ нимъ подошелъ рослый, сильный мужчина, въ кожаномъ фартукѣ, съ засученными рукавами.

— Я шерифъ, граждане, сказалъ онъ; — именемъ закона — ваши имена.

Арестованные назвались. Шерифъ записалъ.

— Откуда и куда ѣхали и зачѣмъ?

Отвѣтили. Шерифъ записалъ.

— Умышленное или неумышленное убійство?

— Неумышленное.

— Кто признаетъ себя невольнымъ виновникомъ?

— Я, отвѣчалъ убійца, и лицо его выражало столько внут-

ренного страданія, что даже шерифъ, какъ природный американецъ, рѣдко выдающій свои впечатлѣнія, взглянуть на него съ участіемъ.

— Во имя закона, граждане, вы арестованы до суда... судъ соберется черезъ часъ; обязанность надзора лежитъ на гражданахъ города; прощайте, граждане!—И шерифъ удалился.

Арестованные были свободны, могли ходить, гулять, но за ними слѣдило бдительное око гражданъ. Въ сто разъ легче бѣжать изъ самой неприступной крѣпости, чѣмъ изъ-подъ такого надзора.

Черезъ часъ явился опять шерифъ и объявилъ, что судъ готовъ.

Засѣданіе суда совершалось очень просто. За рѣшоткой, по лѣвую руку отъ судьи, сидѣло двѣнадцать присяжныхъ, а по правую — прокуроръ общины. Всѣ были въ шляпахъ, съ сигарами во рту, съ газетами или бумагами въ рукахъ; многіе сидѣли, откинувшись стульями назадъ и задравъ ноги на край стола.

Весь судъ происходилъ такъ-же просто, какъ просто держали себя его члены и присяжные; ни торжественности, ни напыщенности, ни громкихъ фразъ, ни декламации. Съ нетерпѣніемъ ожидала публика приговора; наконецъ судъ вышелъ и объявилъ, что смерть убитаго всякій долженъ объяснить волей Провидѣнія или непредвидѣннымъ, случайнымъ стеченіемъ нечеловѣческихъ обстоятельствъ. Громкіе крики и рукоплесканія публики заглушили голосъ судьи, пожавшаго руку оправданному; за нимъ пожали ему руку всѣ присяжные и прокуроръ.

Но не эта простота подѣйствовала на судившихся переселенцевъ, а необыкновенное общее участіе, которое было выражено имъ совершенно незнакомыми людьми. Каждый напрашивался своимъ вниманіемъ, каждый приглашалъ ихъ къ себѣ — тотъ закутить, другой — выпить водки, третій — переночевать. Для „неугомонныхъ искателей долларовъ“, всегда спокойныхъ и сдержанныхъ, было достаточно видѣть людей въ несчастіи, чтобы впрямить имъ всю свою душевную теплоту, и всё это дѣлалось просто, безъ вздоховъ, безъ слезъ, безъ причитаній, точно обычное дѣло.

Что вы скажете? Вы скажете, что въ этомъ разсказѣ нѣтъ ни искры художественности? Справедливо. Ея не было и въ под-

линномъ разсказѣ, и оказывается еще меньше въ настоящемъ, сокращенномъ изложеніи. Но можете-ли вы отрицать художественность въ самомъ фактѣ, художественномъ въ томъ, что убійство, о которомъ вамъ сообщаютъ, дѣйствительное, настоящее убійство, обвиняемые—живые люди, судьи—живые люди, народъ, принимающій участіе, — живые люди, и отчаяніе убійцы, застрѣлившаго своего друга, и его нѣмое горе, поразившее шерифа, — все это живое, настоящее, дѣйствительное. И потому, что вы убѣждены, что все это живое, дѣйствительное, въ васъ совершаются не иллюзіи чувства, вашу душу терзаютъ не продуеты воображенія, какъ при разсказѣ о событіи, которое могло и не быть, а живыя и дѣйствительныя ощущенія. Вотъ почему всякій этнографическій романъ или разсказъ производитъ полное и, можетъ быть, болѣе усиленное впечатлѣніе, даже при малой художественности, и романы съ такими, или, еще хуже, съ идеальными героями, даже у Шиллера являются не рѣдко претящими. И это-бы еще ничего, если-бы подобныя романы не дѣйствовали какъ гашишъ, пріучая къ разслабляющему здоровую мысль идеализму. Романъ долженъ пріучать къ реальному мышленію, какъ учить ему жизнь; если-же онъ этого не достигаетъ—онъ чтеніе вредное и опасное. Онъ не укрѣпляетъ, а разслабляетъ душу, вмѣсто энергіи активности онъ создаетъ пассивную мечтательность, онъ бередитъ, а не учитъ, онъ убиваетъ характеръ. И въ этомъ отношеніи мы опять отдаемъ предпочтеніе этнографическому роману, съ его стихійнымъ, реальнымъ характеромъ, съ его гармоническими людьми, у которыхъ рефлектирующій умъ не беретъ перевѣса надъ чувствомъ и не колеблетъ энергіи, а вся жизнь имѣетъ какой-то строгій, торжественный и въ то-же время неуклонный ходъ. Въ художественныхъ романахъ первое мѣсто отводится всегда психологическому анализу и человекъ является отдѣльной, самостоятельной, независимо дѣйствующей единицей, чуть не царемъ природы. И такой анализъ, положимъ, нуженъ, но въ романѣ этнографическомъ лицо является міровой единицей, связанной съ другими единицами общимъ единствомъ; вмѣсто отдѣльнаго человека вы видите общую громаду, чувствуете жизнь, множество, связь; и горе, и радости, и счастье, и несчастье получаютъ генеральный характеръ и вамъ, можетъ быть, станетъ стыдно за

свое эгоцентрированіе, станетъ стыдно за излишне нѣжныя чувства, которыя вы питаете къ своей драгоценной особѣ. Художественный, психологическій романъ дѣйствуетъ болѣе на личное чувство; этнографическій—на общее.

Романъ г. Муромскаго подходитъ не совсѣмъ подѣ сдѣланное нами опредѣленіе, потому что онъ не вполнѣ этнографическій. Общее вы читаете въ немъ скорѣе между строками, чѣмъ въ строкахъ; но въ цѣломъ вы выносите все-таки общее впечатлѣніе о новомъ для васъ мірѣ, о новыхъ людяхъ, о новыхъ отношеніяхъ, совершенно непохожихъ на тѣ, къ которымъ вы привыкли и на которыхъ выросла ваша мысль при чтеніи европейскихъ романовъ. Въ свѣжести, новизнѣ впечатлѣній основное достоинство лѣтописи г. Муромскаго.

Романъ г. Муромскаго есть исторія любви; вы читаете какъ-бы американскій „женскій вопросъ“; но вотъ что значитъ иная страна, иные люди, иные нравы и живая жизнь: вы не спѣшите ни съ своимъ критическимъ анализомъ, ни съ поправками на помощь американскому сужденію; вы относитесь съ нѣкоторымъ почтеніемъ къ факту, берете то, что вамъ нужно, и проходите мимо того, что вамъ не нужно. И эта почтительная объективность понятна: вамъ не исправить ошибокъ американцевъ, а полезное не взять нельзя.

III.

Да, Америка страна свободы, но съ логикой этой свободы какъ-то не скоро свыкается европейское мышленіе. Американская свобода даетъ, на примѣръ, право свободно бранить другъ друга и даже клеймить честное имя, и журналисты пользуются этой свободой самымъ широкимъ образомъ. Горе тому, про кого они могутъ узнать что-нибудь! Черезъ нѣсколько дней онъ находитъ свое имя, прописанное полными буквами, въ замисловатомъ и извращенномъ разсказѣ и часто съ самыми площадными прилагательными. Ни честное имя, ни высокое положеніе, ни званіе, ничто не ограждаетъ отъ подобныхъ нападковъ. Даже президента обызвляютъ печатно извѣтникомъ, мошенникомъ, пьяницей. Печально! Европейецъ возмущается, что въ странѣ, огра-

ждающей вполне личность, можно въ то-же время оскорблять ее. Что-же это такое? Не больше, какъ разрѣшеніе практикой жизни закона, что частная жизнь всякаго человѣка должна быть открыта и знакома всѣмъ. Но какъ-же отплатить за ложь и оскорбленіе? Дратся на дуэли? Но журналисты на дуэль въ Америкѣ не выходятъ. На вашъ вызовъ они вамъ отвѣтятъ, что на то они и журналисты, чтобы васъ критиковать, и что критика не состоитъ въ одной похвалѣ. Если взбѣшенный европеецъ вдумаетъ прибѣгнуть къ насилию, у его противника найдется револьверъ, потому что законъ не даетъ никому права расправляться самому, и человѣку, находящемуся въ опасности быть изувѣченнымъ, позволено защищаться чѣмъ пошло, не отвѣчая за послѣдствія такой защиты. Остается или привлечь оскорбителя къ суду, что сдѣлаетъ бѣольшую огласку, или не обращать никакого вниманія и оставаться съ журналистами въ хорошихъ отношеніяхъ.

Нашему соотечественнику стоило большого труда выработать въ себѣ американскую обыкновенность. Сначала его личное чувство оскорблялось на каждомъ шагу. Его пропечатали въ газетахъ и сказали, что онъ по своимъ замашкамъ и гордому, сухому обращенію принадлежитъ, очевидно, къ числу тѣхъ чванливыхъ и никуда негодныхъ туеядцевъ, которыхъ въ Европѣ массы; что онъ человѣкъ очень обыкновеннаго ума и заурядныхъ дарованій. Съ прислугой и извожниками онъ на каждомъ шагу наткнулся на неприятности, а разъ заподозрили его даже въ мошенничествѣ. Проснувшись послѣ бала, съ котораго начался его сердечный романъ, соотечественникъ заикнулъ, что его сапоги и платье не вычищены и что они лежатъ въ томъ-же извѣстномъ безпорядкѣ, въ которомъ онъ ихъ оставилъ вечеромъ. Соотечественникъ тычетъ пальцемъ въ бѣлую пуговицу электрическаго звонка, съ полнымъ убѣжденіемъ, что лакей предстанетъ передъ нимъ немедленно. Но этого, однако, не случилось. Послѣ долгаго ожиданія, во время котораго нашъ соотечественникъ сидѣлъ на постели, свѣсивъ ноги, дверь съ трескомъ отворилась и вошелъ слуга.

— Вамъ что надо? прокричалъ онъ, войдя въ комнату, но не затворяя двери.

— Затворите сначала дверь! возражаетъ ему соотечественникъ.

— Миѣ нѣтъ времени ждать; что вамъ нужно?

— Зачѣмъ вы вчера вечеромъ не убрали моей комнаты? Посмотрите, даже платье и сапоги не убраны; не самому-же миѣ ихъ чистить!

— Такъ вотъ зачѣмъ вы меня звали! У насъ, и-рѣ иностранецъ, принято только разъ въ день, утромъ, убирать комнаты; а платье и сапоги, когда желаютъ ихъ имѣть вычищенными, кладутъ въ коридоръ, у порога своихъ дверей; вы этого не сдѣлали, такъ можете теперь ихъ сами чистить!—И слуга вышелъ, хлопнувъ дверью.

Нечего дѣлать, герой принялся самъ чистить свое платье и сапоги, и чтобы успокоить свое глубоко оскорбленное чувство, взялъ ванну. Но этимъ не кончилось. Когда соотечественникъ сошелъ внизъ завтракать, на него вся прислуга поспрашивала съ улыбками, а лакей, отказавшійся чистить сапоги, спросилъ нахально:

— Ну что, господинъ иностранецъ, научились вы чистить сапоги?—И за этими словами раздался дружный хохотъ всей прислуги; зачѣмъ разыгралось предисловіе къ дракѣ. Послѣдовали угрозы кулакомъ, пролетѣла тарелка, на шумъ явился главный слуга гостиницы и оскорбленная сторона направилась въ контору искать удовлетворенія. Конторщикъ выслушалъ все и сказалъ: „Если-бы вы не подняли на слугу руки, то онъ-бы не нападалъ на васъ; вы-же его вызвали, да еще и поболтали. Кому-же слѣдуетъ жаловаться—вамъ или ему?..“ Нашъ герой машетъ дилижансу, кучеръ подъѣзжаетъ. „Онъ ѣдетъ совсѣмъ не по тому направленію, по которому намъ нужно“, замѣчаетъ пріятель героя и говоритъ кучеру:— „Повѣжайте, повѣжайте, намъ не нужно“.— „Для чего-же, чертъ возьми, звали вы меня, проклятые дураки“, отвѣчаетъ на это кучеръ. Герой ѣдетъ въ общественной каретѣ и курить сигару; одинъ изъ пассажировъ, вошедшій вмѣстѣ съ нимъ, не вытерпѣвъ, наконецъ, говоритъ ему суровымъ, хриплымъ голосомъ:— „Да скоро-ли вы кинете вашу сигару?“ Или сцена на балу: въ уединенной, боковой комнатѣ сидитъ влюбленная пара; въ сосѣдней комнатѣ послышались торопливные шаги, и любовники засуетились. Вошелъ мужчина.

— Вы что тут дѣлаете? сказалъ онъ грубо; — вѣчно куда-нибудь въ уголъ вмѣстѣ забьетесь...

— А вамъ до этого какое дѣло! вы-бы лучше занимались своими дѣлами, отвѣчалъ застигнутый врасплохъ галантный кавалеръ.

— У... какой сердитый! насмѣшливо продолжаетъ вошедшій. — Какъ вы, миссъ, не боитесь находиться постоянно въ обществѣ такого звѣря?

— Сама вы звѣрь, да еще съ длинными ушами, отвѣчаетъ противникъ.

— Я вамъ совѣтую быть скромнѣе въ вашихъ выраженіяхъ, а не то я васъ угомоню.

— Что? меня угомонить? Да вы пьяны!.. Извольте выйти вонъ...

— Я пьянъ? ожесточенно рычитъ оскорбленный и кидается на своего противника.

— Goddem, you lye, you lye (врете, врете), кричитъ осажденный.

А что-же нѣжная миссъ? Она держитъ себя, какъ истая американка. „Господа, вы съума сошли, говоритъ она противнику. — Какъ вамъ не стыдно... передо мною... Я васъ прошу замолчать, обращается она къ драчуну. — Вашу руку, говоритъ она своему возлюбленному. — Пойдите и не смѣйте больше браниться.

— Нѣтъ! я его прибую, убью... Приди, приди только, отвѣчаетъ на это неукротимый возлюбленный, — я тебѣ распишу твою ослиную рожу!..

Сотечественникъ, бывшій невольнымъ свидѣтелемъ этой сцены, по своимъ европейскимъ понятіямъ, ожидалъ поединка. И когда онъ высказалъ влюбленному юношѣ, что безъ секундентовъ это дѣло едва-ли удастся уладить, американецъ вытаращилъ глаза и отвѣтилъ: — „Будемъ мы драться изъ-за такихъ пустяковъ эдакъ придется убивать другъ друга ежедневно. Нѣтъ, я надѣюсь, эта ссора не будетъ имѣть послѣдствій: развѣ онъ захочетъ привести въ исполненіе свою угрозу — о, тогда, прибавилъ онъ съ свирѣпымъ выраженіемъ лица, — тогда ему придется узнать, чѣмъ я заряжаю свой револьверъ“.

Или соотечественникъ и влюбленный герой, о которомъ мы сейчасъ говорили, нанимають карету. Кончивъ ѣзду, они платятъ извознику 5 долларовъ.

— Этого мало, мнѣ нужно больше, отвѣчаетъ извозникъ.

— Если считать по таксѣ, вамъ слѣдуетъ всего 3 доллара, а вамъ даютъ пять! возражаетъ американецъ.

— Сегодня воскресенье, таксы нѣтъ; да я съ вами и не ридился; какъ хотите считайте, а вы мнѣ еще доплатите 2 доллара.

— Такъ и было!..

Кучеръ взбѣсился.— „Вы ѣздите по-джентльменски, а платите, какъ шаромыжники!“ сказалъ онъ, подходя къ американцу, и поднесъ къ его носу свой громадный, мозолистый кулакъ.

Американецъ отскочилъ, мгновенно засучилъ рукава и принялъ академическую позу боксера. Извозникъ немедленно принялъ вызовъ... Чтобъ не оскорблять чувствъ прекрасныхъ читательницъ мы опускаемъ вуаль на эту грубую американскую сцену и только скажемъ, что ловкій, молодой американецъ нанесъ три такихъ молодецкихъ удара грубому возницѣ, что только вѣштательство полиціи спасло бѣдняка отъ трагическихъ послѣдствій, если-бы ему пришлось получить еще нѣсколько подобныхъ ударовъ... Публика ликовала, и ликовала она вовсе не по какимъ-нибудь тенденціознымъ или аристократическимъ побужденіямъ; ее просто умилило торжество боксернаго искусства. Всѣ непрерывъ жали руку молодому Горацію, цѣловали его, качали его на рукахъ, кричали „ура“, точно онъ оказалъ имъ какую-нибудь необыкновенную услугу, и въ заключеніе повели-бы его сдѣлать отличную выпивку, если-бы молодой Горацію отъ нея не отказался.

Эти и цѣлый рядъ подобныхъ-же уроковъ не пропали даромъ—сѣмя упало на хорошую почву. Нашъ соотечественникъ очень хорошо понялъ, что въ Америкѣ нужно быть или объективнымъ, или драться. Послѣ того, что его такъ оскорбили въ „Herald'ѣ“, онъ счелъ необходимымъ объясниться съ авторомъ оскорбительной замѣтки; но тотъ съ истинно-американскимъ цинизмомъ отвѣтилъ: „вѣдь я васъ очень мило раскритиковалъ. И что-же тутъ дурного?“ На это соотечественникъ назвалъ журналиста

„лгуномъ“ и „человѣкомъ безъ всякой совѣсти“. Журналистъ въ отвѣтъ показалъ кулакъ и сказалъ, что проучить за дерзость. „А я вамъ скажу, что вы негодяй!“ возразилъ соотечественникъ и хлопнулъ бичемъ въ сторону журналиста, такъ, что тотъ долженъ былъ отскочить. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой сцены нашъ соотечественникъ забрался съ своимъ другомъ, молодымъ Гораціемъ, въ квартиру журналиста и тамъ произошло настоящее побоище; дѣйствовали необыкновенно усердно и пиньками, и кулаками, и револьверами. Журналистъ былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ, поваленъ на землю, избитъ, обезоруженъ и съ него еще взяли подписку: „Я, такой-то, позволилъ себѣ въ совершенно пьяномъ видѣ напасть на такого-то джентльмена; когда же онъ пришелъ требовать отъ меня удовлетворенія, я выстрѣлилъ въ него, безоружнаго; наконецъ, когда мы встрѣтились на мѣстѣ поединка, я отказался съ нимъ драться и предпочелъ просить у него прощенія при такихъ-то и такихъ свидѣтеляхъ, въ чемъ и подписуюсь“.

Съ тѣхъ поръ, какъ соотечественникъ отбросилъ свою европейскую щепетильность, онъ увидѣлъ, что быть американцемъ во все не трудно. Приходить онъ, на примѣръ, нанимать экипажъ для прогулки; хозяинъ сидитъ, развалившись, въ креслахъ, въ шляпѣ, задравъ ноги, и курить. Соотечественникъ немедленно садится тоже въ кресло, такъ же задираетъ ноги, надѣваетъ шляпу и суетъ себѣ сигару въ ротъ. Американецъ приходитъ въ восторгъ, жметъ русскому руку и уступаетъ ему экипажъ за полцѣны. Нужно ему имѣть дѣло съ кучерами, прислугой и имъ подобными людьми, онъ сейчасъ же начинаетъ съ грубости, показываетъ, что готовъ запустить каждому тарелкой въ лобъ, а не то и побить, и американцы немедленно начинаютъ обнаруживать необыкновенную симпатію и готовность на услуги.

Но вотъ что нужно сказать въ оправданіе американскаго кулака и револьвера, вѣчно готовыхъ на помощь своему владѣльцу. Кулакъ и револьверъ возведены въ Америкѣ въ теорію, они не результатъ грубой силы или насилія, они не средство подавленія сильнаго слабымъ,—они не больше, какъ выраженіе сознательнаго общественнаго принципа, который называется „Help yourself“. Можетъ быть, американцы не нашли полного равновѣсія

лица въ обществѣ, но кто-же нашелъ это равновѣсіе и кто примирить эти два непримиримыхъ элемента исторіи, безъ борьбы которыхъ не было-бы жизни?

Когда соотечественникъ приходилъ въ безысходное отчаяніе, сознавая свое личное безсиліе въ такомъ странномъ обществѣ, гдѣ, повидимому, все спасеніе лица въ кулакѣ и револьверѣ, его пріятель, уже жившій нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ, изложилъ ему теорію американской личной свободы. Съ европейскими возрѣніями на неприкосновенность личности въ Америкѣ нельзя прожить и недѣли. Представьте себѣ, что вы находитесь въ обществѣ людей, не только во всемъ равныхъ вамъ, но и живущихъ большое превосходство надъ вами, потому что они не стѣснены правилами добпорядочности, приличія и внѣшней чести, которыми по-преимуществу руководятся европейцы и для которыхъ *казаться* гораздо важнѣе, чѣмъ *быть*. Американцы хотятъ *быть*, а не *казаться*. Конечно, американецъ готовъ вступить въ бой съ каждымъ встрѣчнымъ; но, во-первыхъ, эту готовность не слѣдуетъ обобщать на-столько, чтобы воображать, что американцы больше ничего не дѣлаютъ, какъ только тузять другъ друга да палать изъ револьверовъ. Когда наученный горькимъ опытомъ соотечественникъ сталъ держать себя какъ равный съ равными, ему уже никто не подставлялъ подъ носъ кулака. Отчего? Чтобы найти себѣ мѣсто въ американской природѣ, вовсе не нужна физическая сила, — нужно нравственное вліяніе, нужно сознаніе въ себѣ достаточныхъ средствъ защищать самого себя, не рассчитывая на постороннюю помощь. Когда эта увѣренность есть въ человѣкѣ, она отразится въ твердости и рѣшительности его словъ и дѣйствій и сообщить ему такой видъ, что каждый сразу будетъ чувствовать, что на права такого человѣка посягать нельзя. Сила американца не въ одномъ кулакѣ или револьверѣ. Но если надъ вами заноситъ свой кулакъ извощикъ, не смотря на ваше нравственное сознаніе, тутъ ужъ не мѣсто для нравственной аргументаціи, а нужна аргументація болѣе понятная и убѣдительная.

Первый урокъ простѣйшей формы *help yourself*'а взялъ соотечественникъ за ужиномъ на балу. Когда соотечественникъ вошелъ въ столовую, то увидѣлъ, что нѣсколько рядовъ кавале-

ровъ тѣсно обхватили столъ и, протягивая руки другъ черезъ друга, доставали тарелки и кушанья. Тарелки съ разными яствами перелетали черезъ головы стоявшихъ впереди и не разъ, задѣвая за что-либо, опорожнялись на шумѣвшую толпу. Не зная, какъ пройти къ столу, соотечественникъ стоялъ сзади всѣхъ, ожидая очереди. Тогда чья-то рука грубо отстранила его и господинъ пробрался къ столу. Вскорѣ другой послѣдовалъ его примѣру. Соотечественникъ сейчасъ-же смекнулъ, въ чемъ обчяй, и безцеремонно схватилъ впереди стоявшаго господина, извинился, всталъ на его мѣсто, потомъ сдѣлалъ то-же съ слѣдующимъ, и, несмотря на ихъ сопротивленіе и опасность, грозившую его туалету, достигъ, наконецъ, обѣтованнаго стола. Таковъ американецъ и въ жизни. Онъ во все не желаетъ знать теоріи Мальтуса и убѣжденъ, что для каждаго найдется приборъ на ширу природы, если занять мѣсто за столомъ, а не ожидать, что кто-нибудь проведетъ васъ подъ ручку. Такая предупредительная вѣжливость до сихъ поръ еще не практиковалась и люди придерживаются больше совѣта Сафира: каждый беретъ себѣ лучшій кусокъ, потому-что иначе возьметъ его сосѣдъ.

Типъ янки, по представленію европейца, судящаго по внѣшней сторонѣ фактовъ, не отличается особенной симпатичностію. Янки представляется какимъ-то цивилизованнымъ дикаремъ, который всегда грозно вертитъ двухъ-аршинной дубиной, высовываетъ свои ноги изъ оконъ, жуетъ съ шумомъ огромную жвачку табаку и отличается самымъ несноснымъ любопытствомъ. Онъ старается выпытать у человѣка, котораго видитъ въ первый разъ, — кто онъ, откуда, куда ѣдетъ и зачѣмъ, чѣмъ занимается, сколько у него денегъ, женатъ или холостъ, сколько имѣеть дѣтей, какого они образа мыслей, жива-ли его бабушка? Американецъ вѣшшивается въ вашъ разговоръ, говоритъ обо всемъ, чего даже самъ не знаетъ, свиститъ вамъ въ уши, и въ заключеніе, обидѣвшись чѣмъ-нибудь, вытягиваетъ револьверъ и стрѣляетъ въ васъ, какъ въ мишень. Но вотъ что говорятъ о себѣ порядочные американцы. Конечно, въ американскомъ обществѣ есть нѣкоторая рѣзкость и даже грубость въ обхожденіи, но на это нужно смотрѣть проще. „Мы, американцы, народъ молодой, неуспѣвшій еще выработать себѣ общества, но большая часть

изъ насъ добрые ребята — good fellows — и даромъ муки не обидятъ*.

IV.

Женская свобода Америки показалаея европейцу еще болѣе непостижимой, а женская душа — полной загадкой. И дѣйствительно, этотъ вопросъ нѣсколько потрудиѣ.

На первомъ-же балу нашъ туристъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ любовной сцены, въ которой его другъ, мужественный Горацій, поколотившій извозчика, былъ дѣйствующимъ лицомъ. Чтобы отдаться пріятнымъ мечтамъ объ одной, поразившей соотечественника дамѣ, о которой рѣчь будетъ дальше, онъ ушелъ въ боковую комнату, въ родѣ будуара, полуосвѣщенную таинственнымъ фонаремъ зеленаго цвѣта, и завалился въ огромныя вольтеровскія кресла, окруженныя цвѣтами и растеніями. Но его пріятному, мечтательному забытю скоро помѣшали: слышались шаги. Я не стану описывать вамъ любовную сцену. Всѣ онъ одинаковы, потому что всѣ люди любятъ одинаково. Наговоривъ множество нѣжныхъ словъ, влюбленный Горацій всталъ, наконецъ, на колѣни, а дѣвица тихимъ, дрожащимъ голосомъ сказала ему: „Вы отъ меня слишкомъ много требуете“. — „О, скажи, что ты меня любишь“, упорно настаивалъ мужественный Горацій. — „Неблагодарный, да развѣ вы не видите, что я чувствую то, что не смѣю сказать?“ прерывисто прошепталъ нѣжный голосъ. — „Oh, Rebecca, darling!“ воскликнулъ Горацій, и затѣмъ послышался быстрый, стремительный шорохъ и все замерло на минутку. „Казалось, они цѣловались, замѣчаетъ соотечественникъ, — но навѣрно сказать этого не могу: я не видѣлъ“.

Ну, что-же, сцена какъ сцена, все въ порядкѣ вещей; и Европа въ подобныхъ случаяхъ поступаетъ такъ-же. Но позвольте. Ровно черезъ недѣлю или даже меньше та-же самая божевественная Ревекка ѣхала съ нашимъ соотечественникомъ къ одной американкѣ. Ему хотѣлось ѣхать вовсе не съ Ревеккой и не для нея занималъ онъ лошадей. Злой, недовольный и надутый, онъ мучилъ и дрессировалъ вожжами лошадь; наконецъ, Ревекка не выдержала и сказала: „Зачѣмъ вы мучите лошадь, оставьте ее

въ покоѣ“. Соотечественникъ оставилъ лошадь въ покоѣ, но молчаніе продолжалось. Потомъ молчаніе было прервано; потомъ кавалеръ замѣтилъ, что у его спутницы прекрасныя голубыя глаза, хорошенькое, почти дѣтское лицо и великолѣпныя, пепельнаго цвѣта, волосы, которые падали локонами на ея красивыя плечи и изящно путались въ ея голубомъ вуалѣ. Такая подробная, до мелочей, наблюдательность не могла остаться ненаказанной и... я вамъ приведу подлинныя слова г. Муромскаго. „Темный покровъ ночи разстился надъ природою и все затихло, замерло, заснуло... Лошадь лѣниво бѣжала, чуть-чуть вода по сторонамъ ушами, и коляска, плавно раскачиваемая ресорами, какъ-бы задремала (?)... Я былъ страшно возбужденъ въ эту минуту присутствіемъ и разговоромъ моею прекрасною собесѣдницею. Образъ г-жи Джемсъ (героини романа) покрылся облакомъ; сильное чувство мое къ ней какъ-будто заснуло и какая-то страшная, одуряющая нѣга охватила меня и не давала думать и размышлять. Я чувствовалъ возлѣ себя прекрасное созданіе, полное пыла и страсти, которое тоже стремилось ко мнѣ своими необузданными желаніями... Я видѣлъ въ окружающемъ насъ полумракѣ, какъ ея изящный станъ лѣниво колебался, опираясь на задокъ экипажа, какъ ея грудь высоко поднималась, какъ ея глаза были томны и какъ горѣли, сжигаемыя внутреннимъ огнемъ, ея страстныя, сочныя губы...“

— Если-бы въ Европѣ, сказалъ соотечественникъ, — женщина имѣла такіе чудесныя глаза, какъ ваши, и такъ чудесно смотрѣла ими на меня, я-бы подумалъ, что ея кокетство не остановилось-бы на этомъ...

— Чѣмъ-же оно продолжалось-бы?

— Послѣ глазъ—губами.

— Или, иначе сказать, поцѣлуемъ?..

Соотечественникъ молчалъ.

— А у насъ развѣ не такъ? шопотомъ почти спросила сирена.

— Не знаю, но очень желалъ-бы...

— Попробуйте.

Соотечественникъ выпустилъ возжи, охватилъ мягкій станъ сирены и страстно прильнулъ къ ея губамъ; она немного отки-

нула голову и томные глаза ея стали какъ-будто пылливо наблюдать за впечатлѣніями, производимыми поцѣлуемъ.

— Вы съума сошли! Перестаньте...— Сколфуженный соотечественникъ хотѣлъ даже извиниться, но дѣло объяснилось проще. „Вы воображаете себя, прерывисто выговаривала сирена, — что если вамъ позволили поцѣловать себя, то нѣтъ уже проградъ вашимъ желаніямъ...“ Что-же это такое? Только недѣлю назадъ полное объясненіе въ любви съ Гораціемъ, а теперь... Но сирена истинно по-американски отвѣчаетъ: „Одного можно любить, съ другимъ—кокетичать“. Конечно, на языкъ строгой морали есть для такого поведенія не совсѣмъ лестное слово, но я его не повторю. Я не морализирую, но констатирую факты и хочу только показать читателю, на-сколько Америка думаетъ несогласно съ Европой.

Въ Европѣ дѣвушка, проводящая такъ свое время и дразнящая свое воображеніе, рѣдко кончаетъ порядочными, прочными чувствами. Въ извѣстныхъ слояхъ общества занятіе поцѣлуями съ своими двоюродными братьями, которымъ, въ качествѣ родственниковъ, гораздо легче доступъ до нѣжныхъ и невинныхъ губокъ своихъ сестрицъ, очень практикуется. Затѣмъ эта практика идетъ не останавливаясь, и сладострастно раздражаемые нервы очень печально отражаются на дѣятельности головного и спинного мозга. У медицины есть особое, техническое названіе для подобнаго поведенія. Понятно, на-сколько европеецъ, и особенно русскій, возмущается подобнымъ поведеніемъ американскихъ дѣвушекъ.

Каждая дѣвушка-американка имѣетъ своего Sweetheart (обожателя), и обожатели мѣняются, какъ перчатки. Она ѣздитъ съ нимъ вдвоемъ гулять, даже по ночамъ, и, конечно, бесѣдуютъ не о политикѣ; въ дѣвушкѣ смолоду развивается страсть къ обманчивому свѣтскому разговору, къ таинственнымъ объясненіямъ и поэтическимъ похождениямъ, и все это называется очень красивымъ и звучнымъ именемъ „flirtation“. Флиртешишь просто обращается въ привычку, и любовныя нашептыванія, ночныя свиданія, сорванные поцѣлуи составляютъ необходимость въ жизни американской дѣвушки. Въ Европѣ флиртешишь не существуетъ и практикуется только контрабандно. Вотъ въ чемъ и разница въ послѣдующемъ раз-

вѣтъ американской и европейской женщины. Европейская дѣвушка, практикуя свой флиртенъ контрабандно, прежде всего пріучается ко лжи, къ изворотливости и обману, тогда-какъ американской лгать не въ чемъ и не нужно обманывать ни маму, ни папу. Не упражняясь въ обманѣ дѣвушкой, она не будетъ обманывать и женщиной; у нея просто нѣтъ привычки ко лжи. Но европейской дѣвушкѣ, занимающейся флиртенемъ, уже нужно умѣть обманывать, чтобы скрыть свои шалости, ей нужно умѣть, не сморгнувъ, глядѣть прямо, зная, что она лжетъ. Европейскія дѣвушки, какъ истинныя потомки Евы, дѣлаютъ то, что имъ не дозволено; американки ведутъ свой родъ отъ другой грѣшницы; тѣ и другія поступаютъ не хорошо, но европейки хуже. Можетъ быть, мой выводъ не будетъ невѣренъ, если я скажу, что американскій флиртенъ кончается ничѣмъ и служить, такъ-сказать, школой чувства и пробой любви, тогда-какъ европейскій флиртенъ кончается всегда чѣмъ-нибудь, сопровождающимся сожалѣніемъ, раскаяніемъ и т. д. Пробы европейской дѣвушки нѣсколько энергичнѣе, рѣшительнѣе, но за то и легкомысленнѣе; пробы американки основаны на лучшемъ знаніи природы человѣка; ей позволяютъ перебѣситься и искать своего мѣста въ природѣ, чтобы, найдя его, уже потомъ не перестраивать жизнь.

Европейцы обыкновенно относятся порицательно къ поведенію американокъ, и другъ Муромскаго, Череповъ, нѣсколько по личнымъ причинамъ, порицая поведеніе дѣвушекъ, доказывалъ г-жѣ Джемсъ, что положеніе женщины въ Америкѣ безвыходнѣе положенія ея въ Европѣ. Вотъ его аргументація. Въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ, жена вполнѣ зависитъ отъ мужа и во всемъ должна ему подчиняться; она отдаетъ ему свое имя и передаетъ все свое имущество, она дѣлается принадлежностью мужчины. Положимъ, что въ этомъ отношеніи европейскій законъ не лучше американскаго, но Америка сложила себѣ иной обычай и поставила свою женщину въ положеніе болѣе безвыходное. Въ Америкѣ свѣтская дѣвушка, выйдя замужъ, преобразовывается въ затворницу, потому что кругъ ея дѣйствій ограничивается домашнимъ очагомъ; а мужъ продолжаетъ вести свой холостой образъ жизни: онъ бѣгаетъ по дѣламъ, проводитъ свои вечера въ

влубѣ, пьянствуетъ и веселится, не допуская мысли, чтобы жена его могла выйти изъ дому безъ него или искать себѣ развлечения. Во многихъ городахъ Америки не принято даже приглашать женщинъ на вечера и балы. Наконецъ, американскій законъ, если жена измѣнитъ мужу, даетъ ему право жизни и смерти надъ нею, тогда-какъ женѣ, въ подобномъ-же положеніи, дозволяется только просить развода. „Гдѣ-же ваша хваленая свобода женщины! декламировалъ Череповъ.—Гдѣ-же равенство женщины съ мужчиной? И вы-же говорите, что положеніе женщины въ Европѣ хуже, чѣмъ въ Америкѣ! Развѣ не умѣе предоставлять свободу замужней женщинѣ, уже понимающей значеніе и цѣль жизни, чѣмъ ребенку или неопытной дѣвицѣ? Въ моемъ отечествѣ, сказалъ съ гордостью Череповъ,—женщина дѣвицею готовится къ замужеству и уже только женою пріобрѣтаетъ себѣ нѣкоторыя права и значеніе. У насъ, въ Россіи, выйти замужъ—значитъ получить свободу; у васъ-же, напротивъ, значить закабалить себя, въ то время, когда чувствуешь въ себѣ всего болѣе силъ и желанія дѣйствовать. Я не хочу этимъ сказать, что американская или европейская свобода вела-бы къ чему-нибудь,—нѣтъ, женщины нигдѣ не свободны и еще менѣе равны мужчинамъ; но положеніе ихъ въ Америкѣ все-таки хуже, потому что американцы даютъ дѣвицамъ какую-то поверхностную свободу, не ведущую ни къ чему хорошему, а замужней женщинѣ—никакой!“ Когда на эту желчную тираду Муромскій замѣтилъ, что Америка стоитъ во главѣ прогреса, и если допустить даже, что женщина въ ней не свободна, то можно быть увѣреннымъ, что она первая объявитъ эмансипацію женщинъ,—Череповъ отвѣтилъ: „Куда имъ быть во главѣ прогреса: они дали свободу неграмъ, а женъ своихъ держатъ, какъ турки своихъ любовницъ!“

Г-жа Джемсъ вспыхнула...

Г-жа Джемсъ—героиня романа. Въ тургеневскомъ анализѣ она вышла-бы облачнѣе, обаятельнѣе, поэтичнѣе, воздушнѣе, тоньше, онъ вставилъ-бы ее въ какую-нибудь особенно душистую атмосферу, окружилъ-бы лиліями, заставилъ-бы васъ почувствовать ея страданія и несчастіе гораздо глубже, чѣмъ она сама чувствуетъ, и необыкновенно васъ измучилъ-бы. Г. Муромскій не художникъ и потому даетъ больше внѣшнее описаніе, не забираясь

въ тайники души г-жи Джемсъ; онъ просто рассказываетъ, даетъ почти голые факты изъ ея жизни, и именно поэтому вы чувствуете въ г-жѣ Джемсъ болѣе живого, чѣмъ теоретическаго человека, хотя въ то-же время этотъ живой человекъ для васъ болѣе личное явленіе, чѣмъ типъ. Обобщеніе исчезаетъ, но отношеніе къ дѣйствительному лицу сильнѣе, правдивѣе, практичнѣе, активнѣе. Вы не хотите вдаваться въ теоретическія разсужденія о положеніи американской женщины вообще, хотя, конечно, подумаете и объ этомъ, но вамъ захочется помочь страдающему человеку теперь-же, предоставляя времени рѣшить общій вопросъ.

Описанію героини, г-жи Джемсъ, г. Муронскій посвящаетъ не мало строкъ, даже нѣсколько страницъ. Онъ описываетъ и ея каріе, большіе глаза, лучившіе сѣвось длинныя рѣсницы спокойно и тепло, и ея лицо, дышавшее чѣмъ-то необъяснимо-привлекательнымъ и искреннимъ, и ея движенія, полныя женственности и непринужденности. Должно быть, и художественная, и нехудожественная школа одинаково разогрѣваются только красивыми женщинами. О, бѣдныя, некрасивыя женщины, васъ пока не хочетъ знать никакая школа! Съ точки зрѣнія художественности это послѣдовательно, а съ точки зрѣнія менѣе идеальной и болѣе практической нехудожественности еще послѣдовательнѣе.

Итакъ, г-жа Джемсъ не типъ, она только извѣстный фактъ, и фактъ даже не чисто-американскій, а общечеловѣческій, потому что передъ читателемъ является женщина, пожертвовавшая собою, чтобы спасти брата, и сдѣлавшаяся женою негодяя. Тутъ, кромѣ Америки, есть и Европа. Мы не станемъ говорить, какъ въ подобномъ положеніи поступила-бы Европа, но расскажемъ, какъ поступила Америка.

Вотъ исторія г-жи Джемсъ, какъ рассказала нашему влюбленному соотечественнику очаровательная сирена, разсердившаяся, что онъ велъ себя, какъ бѣлый медвѣдь. Въ самый разгаръ послѣдней войны Генріета (Джемсъ) жила въ Джорджъ-Тоунъ съ матерью и братомъ. Джорджъ-Тоунъ, по своему положенію, хотя и принадлежалъ сѣверянамъ, но большинство жителей его симпатизировало южанамъ, и съ самаго начала войны почти вся молодежь предвѣстья бѣжала на службу въ армію южанъ.

Братъ Генриеты, только-что кончившій курсъ въ медицинской академіи, увлекся также, какъ и другіе, и въ одно прекрасное утро пробрался, съ опасностью жизни, въ южную армію и поступилъ на службу докторомъ. Правда, не одни политическія убѣжденія влекли его на югъ—его манила туда любовь къ дѣвушкѣ, родители которой были южанами и по убѣжденію, и по мѣсту жительства. Имя бѣжавшаго было немедленно опубликовано во всѣхъ газетахъ, какъ извѣстника, и онъ уже не могъ явиться въ свой родной городъ.

Мать дезертира и Генриета были съ нимъ въ перепискѣ, доставлявшей ему черезъ нѣкоего Смитвика. Этотъ джентльменъ, подобно и европейскимъ шпионамъ, служилъ обѣимъ сторонамъ и, считаясь на службѣ у сѣверянъ, получалъ жалованье у южанъ. Этого благороднаго джентльмена рекомендовалъ Генриетѣ Джемсъ теперешній ея мужъ. Онъ помогъ брату Генриеты бѣжать въ армію, добылъ отсюда-то Смитвика, утѣшалъ мать и сестру бѣжавшаго, оказывалъ имъ всевозможныя услуги и вообще велъ себя, какъ самый достойный и преданный человѣкъ.

Но для матери, сестры и брата, нѣжно привязанныхъ другъ къ другу, была слишкомъ тяжела разлука. Пошли предположенія, какъ устроить свиданіе; наконецъ, общими силами былъ разработанъ планъ встрѣчи. Назначили день, мѣсто, и родные увидѣлись. Свиданіе обошлось имъ, однако, дорого. Неожиданно явились солдаты и несчастный молодой человѣкъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Приближается день суда и юношѣ грозила смертная казнь, потому что американцы держались тогда системы застраиванія. Уже что ни дѣлала Генриета, чтобы спасти брата,—она валилась въ ногахъ вліятельныхъ людей, молила, плакала, но не выиграла ничего, кромѣ недоброжелательнаго равнодушія. Разъ Джемсъ является съ торжествующимъ лицомъ и объявляетъ, что онъ нашелъ средство спасти брата Генриеты. Тюрещикъ согласился помочь ему бѣжать за 20,000 долларовъ; нужно было рѣшиться въ три дня. Генриета и ея мать продали все, что у нихъ было, заняли, что можно было занять, но увы! двадцати тысячъ далеко не набралось. Что дѣлать? Оставался всего одинъ день. И тутъ ангеломъ-хранителемъ явился опять Джемсъ. Онъ пришелъ наканунѣ роковаго дня и безъ всякихъ

объясненій положилъ на столъ пукъ асигнацій, съ лаконической надписью „20,000“.

Произошла трогательная сцена великодушія и благодарности... Генриета была горда и честна; она вспомнила, что Джемсъ дѣлалъ ей предложеніе; конечно, она не чувствовала особенной симпатіи къ этому человѣку, но сердце ея было свободно. На мольбы Джемса взять деньги, чтобы спасти брата, Генриета отвѣтила, что она можетъ взять ихъ только отъ мужа. Въ тотъ-же вечеръ они обмѣнялись кольцами; на слѣдующій вечеръ братъ Генриеты бѣжалъ, но попалъ въ засаду и былъ убитъ. Мать злополучнаго юноши умерла съ горя...

Во время самаго вѣнчанія Генриета получила письмо... Когда молодая чета осталась наединѣ и Джемсъ подошелъ къ своей женѣ съ ласками, она назвала его убійцей и измѣнникомъ, она сказала ему, что знаетъ все, знаетъ, какъ онъ подготовилъ арестованіе ея брата, чтобы потомъ имѣть случай великодушно спасти его; знаетъ, какъ онъ и погубилъ его, чтобы скрыть всѣ свои преступленія; она объявила Джемсу, что будетъ носить его имя и считаться для свѣта его женой, пока не уплатитъ ему двадцати тысячъ долларовъ, за которые онъ ее купилъ; послѣ-же уплаты она потребуетъ разводной и тогда между ними все будетъ кончено... Живя своимъ трудомъ и пустивъ въ оборотъ свои ничтожныя деньги, Генриета начала копить капиталъ освобожденія...

При обыденномъ способѣ мышленія, по своей, а не по чужой совѣсти, г-жѣ Джемсъ можно-бы предложить цѣлую массу вопросовъ; но въ томъ-то и дѣло, что всѣ эти вопросы были-бы неумѣстны. Если-бы можно было предвидѣть все и устранить все, не было-бы драматическихъ положеній и жизнь cadaго человѣка уподобилась-бы свѣтлому празднику. Генриета выходитъ замужъ за человѣка, не любя его; но вѣдь этотъ человѣкъ спасъ жизнь ея брата; Генриета такъ спѣшитъ отблагодарить его своею рукою за двадцать тысячъ долларовъ; но опять этотъ человѣкъ спасаетъ жизнь ея брата, и ей нечѣмъ больше отблагодарить его; но почему она не беретъ денегъ въ долгъ; вѣдь копить-же она теперь капиталъ освобожденія? Зачѣмъ она не разоблачаетъ негодя и щадитъ его, не выставляя его на позоръ обще-

ственного мнѣнія? Зачѣмъ она позволяетъ ему ревновать себя, когда она ему не жена? Зачѣмъ она не разведется теперь-же, когда любить другого? Почему и зачѣмъ?.. Конечно, если-бы не случилось того, что случилось, не пришлось-бы сдѣлать ни одного изъ этихъ вопросовъ. Героиня „Злобы дня“ оказалась тоже недостаточно предусмотрительною, и потому, что она была не предусмотрительна, она застрѣлилась. Можетъ быть, это было слишкомъ сильное средство; можетъ быть, нашелся-бы другой выходъ; можетъ быть, она поступила слишкомъ неразумительно... Конечно, неразумительно. Но вѣдь поступила! А что-же дальше? Ну, придумайте. Разумѣется, можно-бы заняться флиртешеномъ; а если, по своимъ понятіямъ, женщина заняться имъ не можетъ? Если у нея есть извѣстныя и твердыя представленія о долгѣ, о совѣсти; если будущее казалось ей въ болѣе возможномъ и менѣе безысходномъ видѣ? Развѣ г-жа Джемсъ знала, что ея будущій мужъ—негодяй? Развѣ героиня „Злобы дня“, кидаась въ супружество какъ въ колодезь, знала, что у нея очень маленькія нравственныя силы и что, не справившись съ обстоятельствами, она упадетъ духомъ? Но зачѣмъ она упала? Зачѣмъ?.. Можно-бы предложить только одинъ вопросъ. Зачѣмъ женщины такъ легко смотрятъ на любовь и на супружество, что онѣ готовы выходить замужъ за всякаго и по поводу всякихъ причинъ? Нерѣдко, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, онѣ кидаются въ супружество, но всѣ ихъ мечтательныя предположенія сдуваются суровой дѣйствительностью, какъ карточные домики, и затѣмъ... Затѣмъ или флиртешенъ, съ его ложью, обманомъ, вѣчнымъ страхомъ и безнравственными отношеніями къ обманываемому мужу, или откровенный и прямой разрывъ.

Г-жа Джемсъ поступаетъ прямо, честно и открыто. Не чувство долга руководитъ ею, а чувство гордости и достоинства. Крошъ денежнаго долга, у нея по отношенію къ г. Джемсу другихъ долговъ нѣтъ. Она выходила за него замужъ, какъ за великодушнаго спасителя, и за великодушіе платила великодушіемъ, но человѣкъ оказался не тѣмъ, чѣмъ онъ казался. Конечно, и тутъ была ошибка, потому что Джемсъ поступилъ не изъ великодушія, а по любви, слѣдовательно ему нужно было и отплачивать той-же монетою, а ея у Генриеты не было. Вотъ гдѣ

весь и узелъ. И долгъ, и обязательство были сдѣланы фальшивой монетою съ обѣихъ сторонъ. Но какъ-же держать себя гордая американка?

Когда Череповъ, послѣ запальчивой тирады о положеніи женщины въ Америкѣ, придалъ вопросу личный отгѣнокъ и сказалъ: „Я васъ зналъ веселою, счастливою дѣвушкою, я васъ зналъ, когда вы не понимали, что значитъ неисполнимое желаніе, когда не было человѣка, который не преклонялся передъ вами, — вы-ли это теперь? Васъ-ли я вижу въ этой зависимой и несчастной женщинѣ, безъ надеждъ и безъ желаній, въ этой тихой и грустной затворницѣ, уже непринадлежащей ни къ обществу, ни къ вѣку своему?.. Вѣдь вы были свободны и равны мужчинѣ, вѣдь вы могли выбрать себѣ мужа безъ вмѣшательства вашихъ родителей—и что-же? Вы выбрали существо, которое недостойно дотронуться даже до платья вашего, потому что это не человѣкъ, а извергъ, вы-же—его послушная раба, его покорная жертва“. Всякая слабосильная женщина поникла-бы, подобно невинной лилии, головой и нашла-бы, что Череповъ не только правъ, но что на его руку, какъ на руку преданнаго друга, слѣдуетъ опереться; но американка поступила не такъ. Г-жа Джемсъ гордо подняла голову, устремила на Черепова холодный и пристальный взглядъ и сказала съ достоинствомъ, хотя голосъ ея дрожалъ: „Я не привыкла, милостивый государь, чтобы люди забывались въ моемъ присутствіи, а тѣмъ болѣе извращали подробности, касающіяся меня; поэтому, я надѣюсь, вы уволите меня впередъ отъ такого общества, въ которомъ могутъ повторяться подобныя неприличныя выходки“. А когда г. Муромскій или русскій герой, отъ имени котораго онъ пишетъ, сдѣлалъ ей объясненіе въ любви, Генриета ему отвѣтила: „Меня зовутъ миссисъ Джемсъ. Я ношу имя человѣка, который мой мужъ передъ Богомъ и передъ людьми... Вы это, вѣроятно, забыли... Все сказанное вами до меня не относится...“ И затѣмъ она укоряетъ въ лицѣ Муромскаго всѣхъ молодыхъ людей Европы, которымъ достаточно видѣть красивый обликъ лица и инстинктивно понять, что женщина, обладающая такою внѣшностію, не нашла въ жизни опоры и не охраняется взаимностію чувствъ, чтобы воображеніе мужчины, извращенное легкими побѣдами въ

извѣстной средѣ, возбуждалось до крайности и указывало-бы на несчастную, страдающую женщину, какъ на предметъ легкой побѣды. И въ то-же время Джемсъ любить его; но люди рѣшительно не могутъ понять другъ друга. Соотечественникъ не можетъ понять, что Генриета, несчастная, страдающая и любящая другого женщина, не бросается немедленно въ объятія этого другого, послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ ей декларацію; а она не можетъ понять послѣдней торопливости человѣка, неумѣющаго уважать чужихъ рѣшеній, и потому чувствуетъ себя оскорбленной. Конечно, г-жа Джемсъ не разсуждала такъ дѣвушкой; можетъ быть, тогда она понимала-бы и европейскихъ молодыхъ людей; но теперь... теперь... да это вѣчно старая и вѣчно новая и вѣчно повторяющаяся исторія, исторія о бѣлкѣ, которой не удалось видѣть ни одного орѣха, пока у нея были зубы, и получившей изумительно вкусный орѣхъ, когда его нечѣмъ было разгрызть. Конечно, и у г-жи Джемсъ, и у г. Муромскаго были еще зубы, но вопросъ о человѣческой опытности отъ этого не мѣняется.

Если-бы мы писали теоретическую или критическую статью по поводу „художественнаго“ произведенія, мы-бы вдались въ болѣе подробный психологическій анализъ душевныхъ процессовъ запутавшейся г-жи Джемсъ. Но передъ нами не теоретическій, а жизненный фактъ, передъ нами не европейская женщина, какими мы ихъ привыкли видѣть и въ романахъ, и въ жизни, — женщина, необыкновенно легко идущая на всякіе компромисы, выходы, перестройки жизни, пока у нея, какъ у бѣлки, притупятся въ старости зубы; передъ нами американка, и вотъ какой мы ее понимаемъ, какъ типъ и какъ психологическій продуктъ.

Американки отличаются вообще изяществомъ и одѣваются съ большимъ вкусомъ, преимущественно въ темные цвѣта; онѣ носятъ съ большимъ умѣньемъ самыя невозможныя парижскія моды и обладаютъ какии-то особеннымъ шикомъ. Нигдѣ не встрѣтите такого множества красивыхъ и пригожихъ женщинъ, какъ въ Америкѣ, и въ этомъ отличительная черта возрождающагося американскаго типа. „Немного длинное лицо этого типа, говоритъ г. Муромскій, съ правильнымъ, красивымъ профилемъ и пышными волосами, замѣчательно хорошо обрисованный подбородокъ и тон-

кія губы, прямой, тонкій носъ, пронизательные глаза—все это указываетъ на силу воли и характера. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что американки отличаются зубами идеальной бѣлизны, благодаря особенной о нихъ заботливости, ибо для американки зубной врачъ — домашній докторъ. Всѣ американки чрезвычайно стройны, высокаго роста и цвѣтъ лица ихъ необыкновенной бѣлизны. Американки очень граціозны въ движеніяхъ, ходятъ легко и красиво, съ нѣкоторою рѣшительностію въ поступки; онѣ отлично и изящно ѣздятъ верхомъ, даже фехтуютъ и стрѣляютъ“. Этотъ красивый типъ началъ нарождаться уже давно и теперь все больше и больше становится общимъ. И не одна американская природа, съ ея атмосферическими и климатическими особенностями, создала американскій типъ. Онъ созданъ учрежденіями, нравами, обычаями, складомъ всей американской жизни, перестроившими весь душевный аппаратъ американки по иному камертону.

Свободная и независимая съ дѣтскихъ лѣтъ, американка привыкаетъ скоро опредѣлять мѣру своихъ силъ, только въ нихъ искать опоры, и чувство самостоятельности развивается въ ней поэтому очень рано, а съ нимъ и чувство личности, чувство чести и гордости. Американка въ этомъ случаѣ какъ-бы облагороженная и болѣе художественная сторона того-же *help yourself*, ради котораго американецъ смѣло смотритъ въ глаза всякой опасности и бѣдѣ, нравственные препятствія ломитъ нравственными средствами, а противъ грубой физической силы сейчасъ-же вытаскиваетъ револьверъ или засучиваетъ рукава. Женщина въ подобныхъ положеніяхъ не бываетъ, да и по физическимъ условіямъ не можетъ въ боксѣ искать средства самообороны. Вотъ почему она развивается преимущественно въ нравственную энергію, и кто рѣшитъ, у кого ея больше—у американскаго мужчины или у американской женщины? Мужской душевный аппаратъ, конечно, тоже долженъ отличаться большой нравственной силой, но самозащита мужчины имѣетъ болѣе дѣловой и военный характеръ; поэтому-то американецъ и грубъ. У американца и на это есть своя теорія. Можно-ли, говоритъ онъ, требовать отъ народа, имѣющаго два главныхъ двигателя: свободу и равенство, хорошихъ манеръ? Съ одной стороны, равенство не допу-

скаетъ возможности имѣть привилегированное общество, которое есть, было и будетъ хранилищемъ идей о свѣтской наукѣ. Съ другой стороны, свобода, какъ ее понимаютъ американцы, есть первый врагъ всѣхъ законовъ свѣтскаго приличія. Можетъ-ли американецъ, позволяющій себѣ гласно выражать свое личное мнѣніе обо всѣхъ и обо всемъ, который ставитъ себя, собственною властію, судьей и карателемъ всѣхъ и всего,—можетъ-ли этотъ американецъ подчиняться въ обществѣ законамъ приличія, требующимъ прежде всего сдержанности въ сужденіяхъ и выраженіяхъ? Истинный американецъ, юный Горацій, о которомъ мы упоминали нѣсколько разъ, сказалъ на балу французекѣ, укорявшей его въ дурныхъ манерахъ: „Вы, европейцы, только и думаете о манерахъ; видно, вамъ нечего дѣлать другого; мы-же, американцы, не имѣемъ времени учиться этому. Мы знаемъ одинъ законъ и не переступаемъ его, остальное намъ все равно! Если-бы мы пшли по той тропѣ, по которой шли всѣ европейскія государства, устроили-бы себѣ общество, нашли-бы себѣ аристократію, выдумали-бы моды и обычаи, употребляли-бы дарованіе своихъ великихъ людей на поэзію, литературу и искусство, то мы не были-бы тѣмъ, чѣмъ мы теперь“. И Горацій былъ, конечно, правъ. Если цивилизація—Молохъ, требующій громадныхъ жертвъ и громадныхъ силъ, то при теперешнихъ силахъ человѣчества, немогущихъ снести всего и удовлетворить всѣмъ требованіямъ прогресса, цивилизація можетъ быть только односторонней. Вотъ почему въ Европѣ она такая, въ Америкѣ — другая, и почему европейцу такъ трудно понять логику американца, а американцу—логику европейца. Но юный Горацій въ то-же время меньше всего врагъ умягчающаго элемента, что онъ и доказалъ нѣжною сценой, свидѣтелемъ которой былъ нашъ соотечественникъ. Этимъ умягчающимъ элементомъ является американская женщина, формирующая собою новый женскій типъ.

При необыкновенно симпатичной внѣшности, американка отличается стойкостію, энергіей, прямизной и открытой, отважной, смѣлой честностію. Природа ея широка и нѣжна, въ ней есть стремленіе возвысить и облагородить жизнь; но въ то-же время она не дѣлаетъ изъ себя, какъ американецъ, судью всего и всѣхъ. Поэтому она относится къ людямъ съ большею мягкостію и гу-

манностию, она не судитъ и осуждаетъ, а извиняетъ и сочувствуетъ. Съ такимъ строемъ души она не чужда идеализма, способна къ преувеличеніямъ, и при нравственной энергіи придаетъ своему идеализму даже суровыя, спартанскія черты. Г-жа Джемсъ только потому и несетъ свой крестъ съ такою концентрированной и гордой энергіей, что она американка новаго типа. И она хочетъ жизни, и она хочетъ любви, и она хочетъ выхода; она даже и полюбила, но... у ней составился извѣстный планъ поведенія, поведенія съ отбѣнкомъ даже упрямства, по которому она будетъ женою того, кого полюбила, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполнитъ и свой нравственный долгъ по отношенію къ г-ну Джемсу. Она предалась ему, и какъ-бы она ни обижалась словами Черепова, она сама это хорошо чувствуетъ, и вотъ почему ея гордая, независимая душа еще болѣе возмущается. Но она можетъ быть свободной только откупившись, выплативъ свой долгъ, а до тѣхъ поръ она все считается г-жею Джемсъ „и передъ Богомъ, и передъ людьми“.

Не знаемъ, будетъ-ли понятенъ характеръ г-жи Джемсъ людямъ европейскаго міровоззрѣнія. Череповъ, говоря наболѣвшей душой за г-жу Джемсъ, которую онъ боготворилъ, сказалъ немножко рѣзко, что въ Америкѣ дѣвушка свободна, а женщина раба, а въ Европѣ, напротивъ, дѣвушка, чтобы сдѣлаться свободной, выходитъ замужъ. Теоретически въ этихъ двухъ положеніяхъ громадная разница и на сторонѣ американской теоріи болѣе психологической правды, чѣмъ на сторонѣ европейской. Никто, ни мужчина, ни женщина, не найдутъ сразу своего мѣста въ природѣ и не узнаютъ мѣры своихъ силъ, не испытавъ ихъ. Всякая молодость мечется прежде, чѣмъ найдетъ свое устойчивое положеніе и дѣло по себѣ. Дѣвушкѣ въ Америкѣ позволено метаться до замужества, а замужество является уже ея твердымъ мѣстомъ въ природѣ. Европейская теорія, напротивъ, сдерживаетъ дѣвушку и открываетъ дорогу женщинѣ. Въ этой теоріи есть, неоспоримо, свое вѣрное основаніе; но, къ сожалѣнію, практика жизни дала правильной теоріи нѣсколько иное толкованіе, и вотъ почему такъ часты факты перестраиваемыхъ жизней,—факты, которые, по послѣднимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, во всѣхъ большихъ городахъ Европы становятся все чаще и чаще.

Нашъ соотечественникъ, сдѣлавшій себя героемъ въ Америкѣ, въ моментъ безнадежнаго отчаянія рѣшился ѣхать на западъ; правда, это было и желаніемъ г-жи Дженсъ. Когда онъ хотѣлъ садиться въ вагонъ, кто-то съ быстротою молніи пробился сквозь толпу зѣваекъ, стоявшихъ на платформѣ, и гигантскимъ скачкомъ очутился рядомъ съ нимъ. Это былъ опять тотъ-же Гораций. Онъ всунулъ соотечественнику конвертъ въ руки и такимъ-же скачкомъ моментально вернулся на платформу, закричавъ оттуда: „счастливой дороги“. Въ конвертъ былъ портретъ Генриеты, а внизу, на бѣлой закраинѣ портрета, ровнымъ и твердымъ женскимъ почеркомъ написано: „Forget me not. Н...“

На романѣ г. Муромскаго стоитъ: „конецъ I-го выпуска“. Подождемъ второго.

Н. Языковъ.

БЕЛЕТРИСТЫ-ЭМПИРИКИ И БЕЛЕТРИСТЫ-МЕТАФИЗИКИ.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ.)

IV.

Правда, г-жа Смирнова появилась въ нашемъ литературномъ вертоградѣ съ своимъ первымъ романомъ „Огонекъ“ въ такое время, которое было весьма неблагопріятно для успѣха тенденціознаго романа. Пора на него прошла; тенденціозные белетристы (либеральнаго, конечно, направленія) сошли или сошли со сцены; отъ ихъ произведеній всѣ отворачивались и даже либеральная критика занесла на нихъ свою руку. Наши сатирики и юмористы добывали ихъ своими насмѣшками и пародіями. Но г-жа Смирнова не убоилась всѣхъ этихъ нападеній, не убоилась, что ее запишутъ въ число вышедшихъ изъ моды белетристовъ. Однакожь, ея „Огонекъ“ не зажегъ новымъ свѣтомъ ихъ потухавшаго свѣтильника. Гоненія на тенденціозный романъ съ каждымъ днемъ все возрастали и возрастали, но г-жа Смирнова выдерживала характеръ и во второмъ своемъ произведеніи („Соль земли“), по-прежнему, ни на іоту не отступила отъ „пріемовъ“ шеолы ¹⁾. По этому

¹⁾ Эти „пріемы“, впрочемъ, обнаруживаются только въ ея первыхъ двухъ романахъ. Въ третьемъ (и пока послѣднемъ) романѣ (Попечитель учебнаго округа) она старается какъ можно тщательнѣе воздерживаться отъ проведенія какихъ-бы то ни было тенденцій. Въ „Попечитель“, однакожь, не обнаружилось никакихъ особнхъ достоинствъ: переставъ быть тенденціознымъ, онъ не сдѣлался ни на волосъ художественнѣе. Метафизическое построеніе характеровъ бросается въ немъ еще рѣзче въ глаза, чѣмъ въ предшествующихъ романахъ; въ послѣднихъ вниманіе читателя обращалось не столько на самый характеръ, сколько на воплощенія въ немъ и черезъ

второму роману, во всем повторяющему достоинства и недостатки первого, можно составить себе довольно верное понятие о свойствах этих приемов; вот почему мы на нем одном только и остановимся.

Белетристы этой школы всегда отличались большою разборчивостью по отношению к идеям и стремлениям окружающей их жизни: для своих „воплощений“ они выбирали обыкновенно только такие идеи и стремления, которые должны были, по их мнению, служить как-бы руководящими принципами, нравственным идеалом человеческой деятельности вообще. Поэтому все их произведения запечатлены характером поучительно-догматическим и в этом отношении ничем не отличаются (как я уже заметил в первой статье) от произведений старых романистов-метафизиков дореформенной эпохи. Но не говоря уже о содержании идеалов, самое отношение к ним новых романистов совсем уже не таково, какое было у старых. Последние черпали свои нравственные сентенции не из реальных потребностей окружающей их жизни, а из каких-то давным-давно выверших архаических преданий,—преданий, немивших в современной им действительности ни малейшаго практического значения. Никто, да и они сами, не верил в приложимость этих своих сентенций и если они проповедывали их, то только потому, что „такъ было принято“, такъ требовалъ установившійся обычай. Тотъ-же обычай требовалъ, чтобы белетрист не только проводилъ в своих романахъ „высшую мораль“, но чтобы онъ и проводилъ ее не просто, а тоже возвышенно. Онъ обязанъ былъ обставить свои поучения такими идеальными условиями, окружить ихъ такимъ ореоломъ свѣта, чтобы читатели съ первого-же взгляда понимали, съ кѣмъ и съ чѣмъ они имѣютъ

него тенденция; здѣсь-же, наоборотъ, въ анализѣ и обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ сосредоточивается весь интересъ разсказа, а потому вслѣдъ за частію „анализа“ и „обрисовки“ невольно навязывается вниманію читателей. Въ изъясненіяхъ-же по этой частію у г-жи Смирновой недостатка нѣтъ. Конечно, она несравненно лучше подмѣчаетъ душевные движенія, она глубже ихъ анализируетъ и рельефнѣе воспроизводитъ, чѣмъ, напр., г. Боборыкинъ, но все-же... Впрочемъ, я воздержусь пока отъ произнесенія какого-бы то ни было рѣшительнаго сужденія объ общемъ характерѣ таланта г-жи Смирновой. Подождемъ—увидимъ.

дѣло, чтобы, проникаясь къ нимъ благоговѣйнымъ почтеніемъ, они въ то-же время не упустили изъ виду, что „мораль сія“ не отъ „міра сего“ и что міръ сей вмѣстятъ ея не можетъ. Поэтому старыя белетристы не только не видѣли никакой надобности въ томъ, чтобы ихъ герои, носители высшихъ нравственныхъ идеаловъ, походили на обыкновенныхъ людей, но, напротивъ, готовы были счесть подобное сходство за профанцію своей морали.

Новые романисты-метафизики были въ этомъ отношеніи совершенно не похожи на старыхъ: они черпали свои идеалы не изъ устарѣлыхъ преданій, а изъ потребностей окружающей ихъ дѣйствительности. Потому ихъ идеалы не казались и не могли казаться имъ практически-неудобопримѣнимыми. О, гдѣтъ, они вѣрили въ ихъ осуществимость; они старались ихъ приурочить къ потребностямъ и интересамъ самыхъ обыкновенныхъ, заурядныхъ людей. Если старыя белетристы изъ кожи вонъ лѣзли, чтобы только сдѣлать „героевъ“ какъ можно меньше похожими на простыхъ смертныхъ, то новые белетристы, наоборотъ, считали своею обязанностію превратить героя въ простаго смертнаго, отнять у него всякій ореолъ, сдѣлать его человѣкомъ массы. Нѣкоторые изъ нихъ даже прямо заявляли свое отвращеніе ко всякаго рода героямъ и чуть-ли не клятвенно удостовѣряли читателей, что они описываютъ только „самыхъ обыкновенныхъ“ людей,—людей, которыхъ можно встрѣтить на каждомъ шагу въ дѣйствительности. Разувется, для того, чтобы претворять свои воплощенія въ образы живыхъ людей, имъ нужно было при построеніи характеровъ какъ можно ближе держаться такъ-называемой психологической правды, имъ нужно было, чтобы ихъ дѣйствующія лица были, какъ говорится, „натуральны“, чтобы они по-возможности походили на настоящихъ людей.

Безъ сомнѣнія, одно уже это желаніе, одна уже эта попытка разжаловать героевъ въ обыкновенныхъ смертныхъ была большимъ шагомъ впередъ въ исторіи развитія нашей белетристики. Къ несчастію, одного желанія оказалось слишкомъ недостаточнымъ, и хотя „герой“ и былъ развѣнчанъ, но не сдѣлался черезъ это ни на волосъ реальнѣе. „Простые, хорошіе, заурядные люди“ были въ сущности такъ-же мало похожи на живыхъ людей, какъ и фантастическіе герои старыхъ романистовъ. Почему такъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, стоитъ только посмотреть,

какъ создается или характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи романы г-жи Смирновой весьма поучительны. Г-жа Смирнова,—быть можетъ, по неопытности, а быть можетъ, и по излишней откровенности,—весьма обстоятельно разъясняетъ намъ, зауряднымъ читателямъ и критикамъ, тѣ несложные приемы творческаго процесса беллетристовъ-метафизиковъ, которые писатели болѣе опытные или менѣе откровенные тщательно скрываютъ отъ глазъ „черни непросвѣщенной“. Для образца я приведу хоть слѣдующее, хотя немножко длинное, но весьма любопытное описаніе одного изъ дѣйствующихъ лицъ (непринадлежащихъ, однакожъ, къ героямъ романа) „Соли Земли“, Евы Балканшиной.

„Такихъ женщинъ, какъ она, приступаетъ авторъ къ описанію своей Евы,—у насъ десятки тысячъ. Почти въ каждомъ почтенномъ семействѣ есть своя Ева. Она и любопытна, и болтлива, и кокетка, и мотовка, и экономная хозяйка—все вмѣстѣ. Если эти Евы и различаются чѣмъ-нибудь, то это своими денежными средствами. Вы видѣли сотни такихъ женщинъ; вспомните, чѣмъ каждая видѣлась отъ другихъ. Эта вспыльчива, дерзка и любитъ говорить волкости, та сдержанна, умѣетъ владѣть собою и тѣмъ заслужила названіе дамы вполне свѣтской; эта играетъ на фортепіано и поетъ; та поетъ, но не играетъ; эта кокетничаетъ со всѣми безъ разбора, та—только съ избранными, а та, наконецъ, и совсѣмъ не кокетничаетъ, потому что года уже вышли. Но какіе-бы у нихъ ни были пороки замашки, манеры, зубы и волосы, у всѣхъ вообще одни стремленія, надъ всѣми паритъ одинъ общій духъ. Вотъ ихъ катехизисъ: 1) старайтесь, чтобы объ васъ говорили хорошо; 2) старайтесь про другихъ говорить дурно; 3) старайтесь поддерживать свое положеніе въ обществѣ; 4) ахайте надъ пустяками и никакихъ великихъ вопросовъ жизни, кромѣ новаго мѣста и прибавки жалованія мужу, не признавайте; 5) слѣдите за тѣмъ, что принято, и строго казните все то, чего-бы сами вы не сдѣлали... Наша Ева была живая копія остальныхъ...“ („Соль Земли“, т. I, стр. 118—119).

И, дѣйствительно, авторъ заставляетъ свою Еву всегда и во всемъ поступать сообразно пяти пунктамъ свинаго катехизиса, подгоняетъ ее подъ свою, заранѣе опредѣленную, мѣрку своей абстрактной характеристики. Прочтя только эти нѣсколько строкъ,

вы уже можете затѣмъ не читать объ Евѣ ни пол-слова, — больше о ней вы ничего не узнаете, и если у васъ, послѣ этой характеристики, осталось въ умѣ ясное, конкретное представленіе, то дальнѣйшее чтеніе романа не усилитъ его ни на волосъ. Но могло-ли у васъ составиться о ней какое-нибудь ясное, конкретное представленіе? Весьма сомнительно. Вы не видите передъ собою живого лица, рѣзко очерченной индивидуальности, вамъ просто высказываютъ нѣкоторое очень общее и весьма мало-опредѣленное мнѣніе о „десяткахъ тысячъ лицъ“, васъ увѣряютъ, будто *x* есть воплощеніе этого общаго мнѣнія и что въ этомъ-то именно и состоитъ весь его характеръ; частности, могущія въ дѣйствительной жизни отличать даннаго *x* отъ сотни подобныхъ ему *x*, васъ просятъ игнорировать, какъ ихъ игнорируетъ и самъ авторъ. Какъ вы станете смотрѣть на подобнаго *x*? Я думаю, какъ на ходячее общее мнѣніе, но отнюдь не какъ на реальнаго человѣка, съ плотью и кровью.

Вы видите, белетристъ-метафизикъ, создавая свои якобы „типическіе характеры“, слѣдуетъ совершенно иному пути, чѣмъ белетристъ-художникъ. Послѣдній идетъ отъ частнаго къ общему, первый — отъ общаго къ частному; одинъ бессознательно держится индуктивнаго, другой — дедуктивнаго метода. Истинно-художественный образъ всегда конкретенъ, онъ всегда поражаетъ своею рѣзко-очерченною индивидуальностью и производитъ на васъ впечатлѣніе живого, реальнаго человѣка. Но въ то-же время въ бессознательномъ процесѣ художественнаго творчества частное и единичное получаетъ такую типическую окраску, что въ нашемъ умѣ, безъ всякихъ подсказываній со стороны художника, самъ собою возникаетъ цѣлый рядъ воспоминаній о личностяхъ, въ томъ или другомъ отношеніи подобныхъ той личности, которую обрисовывалъ передъ вами белетристъ, возникаетъ представленіе объ общемъ типѣ. Типъ, который художникъ носилъ въ своей бессознательной душѣ, складывается и выясняется въ душѣ читателей вполне сознательно и самобытно. Между тѣмъ г-жа Смирнова, вѣрная традиціямъ школы, начинаетъ именно съ того, что является обыкновенно конечнымъ результатомъ истинно-художественнаго процесса творчества. Она бьется, что выводимые ею характеры не вызовутъ въ умѣ читателей никакихъ точныхъ и опредѣленныхъ представленій, и

снѣшить наклеить на нихъ этикетку съ подробнымъ описаніемъ свойствъ и особенностей даннаго характера; калю того, тутъ вы найдете даже и критику на него: авторъ, въ одно и то-же время, является и въ роли творца (этикетокъ), и въ роли судьи своихъ твореній. И судья она довольно строгій и справедливый, не даетъ потачки даже и своимъ излюбленнымъ героямъ. Напр., надъ главною героинею, Анною Корсаковою, она, съ первыхъ-же страницъ романа, произноситъ (не отъ своего, конечно, лица) такой, хотя и суровый, но „съ обстоятельствами дѣла“ вѣжливъ своеобразный приговоръ: „женщина съ огромнѣйшимъ запасомъ честолюбія, самолюбія, славолюбія и съ крошечнымъ характеромъ“ (ib., т. I, стр. 100). Еще раньше, въ прологѣ къ роману, авторъ заставляетъ свою героиню, въ бесѣдѣ съ возлюбленнымъ, раскрыть передъ читателями всю свою душу (ib., стр. 32—36), такъ-что, не приступая даже къ чтенію самаго романа, вы уже напередъ знаете, съ кѣмъ будете имѣть дѣло. Всѣ послѣдующія дѣйствія героини служатъ какъ-бы иллюстраціею напередъ составленной характеристики, не прибавляя къ ней ничего новаго, но и не противорѣча ей. Такъ поступаетъ она почти со всѣми дѣйствующими лицами. Понятно, что при такихъ архаическихъ приемахъ творчества читателю ни на минуту не приходится задуматься надъ характерами людей, изображенныхъ белетристами: белетристы весьма обязательно берутъ на себя всю работу, онъ и обобщаютъ, и разъясняютъ, и критикуютъ. Это, конечно, съ его стороны очень мило, но... но за то онъ оставитъ публику въ несчастное положеніе одного сказочнаго принца, родители котораго, въ суетной гордынѣ, умолили кѣмъ-то благодѣтельную фею даровать ихъ дѣтищу какъ можно больше ума и проникательности. Благодѣтельная фея, желая наказать родителей за суетную гордыню, исполнила ихъ просьбу; когда сынъ выросъ и ему стали выписывать отъ Вольфа, Исакова, Симашко, Фену и иныхъ разные дѣтскіе книжки и журналы, онъ оказался такимъ умнымъ и проникательнымъ, что какую-бы книжку онъ ни взялъ въ руки, будетъ-ли то произведеніе Разина или Чистякова, г-жи Ростовской или г-жи Самойловичъ, г-жи Цобриковой или г-жи Анненской, онъ уже напередъ знаетъ все ея содержаніе и безошибочно могъ предсказать, какъ въ данномъ случаѣ поступитъ Костя и какъ не поступитъ Маша,

что напроказить Вася и какою добродѣтелью отличится Вѣра и т. п. Разумѣется, результатомъ этой чрезмѣрной проникательности было то, что всѣ эти Чистяковы, Разины, Ростовскія, Цебриковы и проч., всѣ вообще книги надѣли ему до смерти, онъ не могъ прикоснуться къ нимъ, не испытывая гнетущей тоски и невыносимаго отвращенія. Наконецъ, онъ забросилъ ихъ подъ столъ, пересталъ читать, отвыкъ думать, забылъ не только склады, но и азбуку, и, достигнувъ зрѣлаго возраста, превратился въ чистѣйшаго идиота.

Наши белетристы-метафизики хотятъ, повидимому, и изъ насъ, своихъ читателей, сдѣлать нѣчто подобное. Но мы должны страдать не за свои грѣхи и не за грѣхи нашихъ родителей. Родители наши никогда не обращались къ благодѣтельнымъ феяль съ неуиѣстными просьбами о дарованіи намъ чрезмѣрнаго ума и проникательности, и феи не наградили насъ этими дарами. Мы совсѣмъ не отличаемся ни умомъ, ни проникательностью, но за то, увы, наши белетристы-метафизики такъ умны и проникательны, что едва въ ихъ умѣ начнетъ обрисовываться образъ какого-нибудь героя, какъ ужъ у нихъ сейчасъ готова его полная характеристика съ объясненіями, выясненіями и критическими замѣчаніями. И прежде, чѣмъ мы увидимъ героя въ дѣйствіи, они снѣшатъ познать насъ съ описаніемъ его характера и критической оцѣнкой, такъ-что при самомъ началѣ чтенія мы уже знаемъ героевъ и героинь ровно на-столько, на-сколько мы могли-бы ихъ узнать, прочтя романъ до конца. Такимъ образомъ, помимо нашей воли и противъ нашего желанія, белетристы навязываютъ намъ тотъ чрезмѣрный умъ и ту несчастную проникательность, за которые такъ дорого заплатился сказочный принцъ.

V.

Впрочемъ, художественная отдѣлка характеровъ и всякія психическія тонкости въ романахъ белетриста-метафизика не играютъ никакой существенной роли, и потому, во избѣжаніе судьбы несчастнаго принца, мы можемъ совершенно ихъ игнорировать. Главное—идея, тенденція. Важностью этой тенденціи, глубиной и жиз-

ненностью этой идеи опредѣляется характеръ, значеніе и достоинство ихъ произведеній. Говоря по правдѣ, при оцѣнкѣ ихъ и для критики, и для публики только одинъ вопросъ и существенъ: какова та мораль, тѣ общественныя стремленія, тѣ идеалы, которые воплощаются въ ихъ герояхъ или героиняхъ, соответствуютъ-ли они интересамъ данной минуты, выражаются-ли въ нихъ истинныя потребности данной среды.

Только съ этой точки зрѣнія о нихъ и можно разсуждать. Всякая другая точка, и въ особенности точка зрѣнія эстетическая, къ нимъ совершенно непримѣнима; да и сами ихъ авторы едва-ли претендуютъ на какое-нибудь другое значеніе своихъ произведеній, кромѣ значенія нравственно сентенціознаго. Я думаю, что они въ глубинѣ своей души не хуже всякаго эстетическаго критика понимаютъ, что они совсѣмъ не художники, не психологи, не поэты, что если они пишутъ повѣсти и романы, то единственно только потому, что находятъ белетристическую форму наиболѣе удобною для выраженія своихъ мыслей. Конечно, быть можетъ, я заблуждаюсь насчетъ ихъ скромности, но тѣмъ хуже для нихъ. Во всякомъ случаѣ, изъ того, что было уже сказано о художественныхъ способностяхъ г-жи Смирновой, несомнѣнно слѣдуетъ, что при разборѣ ея романовъ для критики несравненно важнѣе вопросъ: „что“ она изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ, чѣмъ вопросъ: „какъ“ она изображаетъ. Изображаетъ она почти такъ-же, какъ и большинство современныхъ нашихъ белетристовъ-метафизиковъ: немножко лучше однихъ, немножко хуже другихъ, но разница не существенна. Правда, она относится къ явленіямъ окружающей ее дѣйствительности съ большею серьезностью, чѣмъ... ну, хоть г. Боборыкинъ; правда, съ нѣкоторыми уголками нашего внутренняго міра, съ нѣкоторою группою душевныхъ чувствъ и волненій она, видимо, знакома гораздо основательнѣе большинства своихъ собратьевъ по метафизической белетристикѣ; но будь у нея въ десять разъ больше и наблюдательности, и знакомства съ внутреннимъ міромъ человѣка, и фантазіи, и желанія продумать и прочувствовать то, что она изображаетъ, все-таки, повторяю опять, ради однихъ этихъ зародышей художественнаго таланта ея белетристическія упражненія не заслуживаютъ пока серьезнаго вниманія эстетической критики.

Поэтому не станемъ долѣе и останавливаться на вопросѣ „какъ“

и на-сколько г-жа Смирнова удовлетворяетъ въ своихъ романахъ требованіямъ художественнаго творчества. Ограничимся вопросомъ, — вопросомъ единственно возможнымъ по отношенію къ белетристу-метафизику, — „что“ именно, какой именно матеріалъ даютъ ея произведенія для оцѣнки окружающей насъ дѣйствительности, каковы тѣ стремленія реальной жизни, которыя въ нихъ воплощаются, и какъ относится къ нимъ самъ авторъ?

Белетристы-метафизики (послѣреформеннаго періода) вдохновляются обыкновенно свою музу только тѣми явленіями окружающей ихъ жизни, въ которыхъ такъ или иначе, въ той или другой формѣ проявляется борьба новыхъ началъ, новаго міросозерцанія (обусловленнаго тѣми обстоятельствами, на которыя было указано мною въ первой статьѣ) съ противорѣчащими имъ началами и формами установившейся рутины. Эти явленія представляютъ для нихъ, а слѣдовательно и для критики, весьма драгоцѣнный матеріалъ, какъ для оцѣнки „новыхъ“ стремленій жизни, такъ и для опредѣленія ихъ относительной прочности и силы. Однако, наши белетристы, въ большинствѣ случаевъ, должны ограничивать свой кругозоръ однимъ только рядомъ, одною только группою этихъ явленій, — группою, непредставляющею большого разнообразія и въ наше время едва-ли даже имѣющею особое значеніе.

Обыкновенно имъ волею-неволею приходится останавливаться на такихъ только фактахъ, въ которыхъ проявляется борьба новыхъ началъ со старыми въ одной лишь сферѣ—въ сферѣ семейной, на почвѣ разныхъ родительскихъ, дѣтскихъ, супружескихъ и т. п. отношеній. Борьба новыхъ началъ со старыми вѣдъ этихъ отношеній, за предѣлами семейной сферы, или, въ крайнемъ случаѣ, за предѣлами того маленькаго, тѣсно-ограниченнаго кружка, въ которомъ вращается личность, эта борьба, а слѣдовательно и явленія ея порождаемыя, по многимъ причинамъ почти совершенно недоступны нашимъ белетристамъ. Но это причины, такъ-сказать, случайныя, а потому и несущественныя. Есть или, лучше сказать, были болѣе важныя. Постоянное и упорное воспроизведеніе въ белетристичѣскъ явленій борьбы, проявляющейся на почвѣ семейныхъ и кружковыхъ отношеній, и почти полнѣйшее игнорированіе явленій борьбы, проявляющейся въ болѣе широкихъ сферахъ общественной жизни, должно показывать, какъ мнѣ кажется, рѣшительное преобладаніе въ реальной дѣйствительности первыхъ

надъ вторыми. И, повидимому, въ періодѣ, непосредственно слѣдовавшемъ за началомъ нашего „возрожденія“, оно такъ и было. Провозвѣстниками новыхъ началъ явились дѣти, принадлежащія въ той средѣ, которая выросла на привилегіяхъ крѣпостного права, — средѣ, плотью и кровью связанной съ дореформенными порядками. Какъ ни тяжелы были эти порядки, но она дорожила ими (и имѣла, конечно, много причинъ дорожить), она сжилась съ ними, она впитала въ себя ихъ мудрость, ихъ принципы. Понятно, отцы этой среды не могли спокойно и безстрастно смотрѣть на своихъ дѣтей-отщепенцевъ, дѣтей, которыя вмѣсто того, чтобы защитить старое, помогали лишь разрушать его, которыя не только не скрывали, но, напротивъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ старались какъ можно рѣзче и громче заявить свои новаторскія стремленія. Отсюда роковая необходимость той борьбы, той бессмысленной, жалкой траты силы и энергій, того взаимнаго ожесточенія, всѣхъ тѣхъ траги-комическихъ „бурь въ ставангѣ воды“, черезъ которыя должны были проходить дѣти прежде, чѣмъ имъ удавалось дорваться до какого-нибудь „дѣла“, доплести до такъ называемой „арены общественной дѣятельности“. Нечего и говорить, что на эту арену они являлись, въ большинствѣ случаевъ, изрядно-таки попорченными и ослабленными, а потому никакихъ особыхъ подвиговъ на ней не совершали и уже почти ни съ кѣмъ никакой серьезной борьбы не затѣвали.

Говорять, борьба — прекрасная гимнастика, что въ борьбѣ закаляется человѣческій характеръ, вырабатывается энергія, что она вообще благотворно дѣйствуетъ на развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка. Все это, можетъ быть, и правда, да только вѣдь борьба борьбѣ рознь. Одна борьба, дѣйствительно, возвышаетъ и закаляетъ характеръ, другая — обезсиливаетъ и развращаетъ его. Одна борьба ведется открыто, грудь съ грудью, лицомъ къ лицу, другая — за спиною и изподтишка. Одна требуетъ силы, мужества, другая — лицемерія, хитрости и изворотливости. Нашимъ героямъ и въ особенности героинямъ по преимуществу приходилось вести борьбу второго рода. Ихъ лучшіе годы, ихъ лучшія силы растрчивались въ этой подготовительной борьбѣ, разбивались на мелкую монету семейныхъ дразгъ и домашнихъ междоусобій...

Посмотрите на Клавдію (героиня „Огонька“): сколько въ ней,

повидному, энергіи, сколько самоотверженія, сколько добрых желаній, сколько вѣры... и что-же изъ всего этого выходитъ? Высвободившись изъ-подъ опеки попечительной маменьки и заботливаго паненьки, завоевавъ себѣ свободу, она оказывается совершенно безсильною не только дѣлать „дѣло“, но даже просто поддержать свое существованіе. Она ищетъ опоры въ братѣ, а когда братъ отказывается ей въ помощи, впадаетъ въ отчаяніе и кончаетъ самоубійствомъ. На выручку ей является—слишкомъ, впрочемъ, поздно—ея тайный возлюбленный и старается снова возжечь въ ея разбитомъ сердцѣ потухающій огонекъ надежды и вѣры. Напрасно. „У меня были мечты, говорить она ему,—но теперь онѣ разлетѣлись...“ — „Ну, разлетѣлись однѣ, выберите себѣ, наконецъ, другія“, урезониваетъ онъ ее.— „Нѣтъ, мерси. Будетъ съ меня. Онѣ мнѣ уже надоѣли!“ — „Какъ это? въ восемнадцать лѣтъ?“ (Огонекъ, ч. III, стр. 443). Да, въ восемнадцать лѣтъ, еще не оу-нувшись даже какъ слѣдуетъ въ реальную жизнь, едва-едва переступивъ порогъ родительскаго дома, наша героиня съ безнадежнымъ отчаяніемъ опускаетъ руки и прямо заявляетъ, что теперь „ждать ей больше нечего“ (ib., стр. 444). Вы скажете, пожалуй, что подобная героиня совсѣмъ и не героиня, что это просто тряпка, кисейная барышня, что у нея нѣтъ ни энергіи, ни характера, что она дѣйствовала подъ вліяніемъ лишь женскихъ капризовъ, нервной раздражительности.

Нѣтъ, вы ошибаетесь. Клавдія, по словамъ автора, совсѣмъ не принадлежала къ числу тѣхъ слабодушныхъ, болѣзненныхъ и безхарактерныхъ натуръ, которыя вѣчно мечутся изъ угла въ уголь, за все хватаются и ничего, въ сущности, не дѣлаютъ, которыя ежесекундно и очаровываются, и разочаровываются, ищутъ себѣ „привзанія“ и то находятъ, то опять теряютъ, томятся и страдаютъ безъ причины, надѣются и вѣрятъ безъ всякихъ основаній.

Напротивъ, она была очень положительна въ своихъ стремленіяхъ и „очень скоро поняла свое призваніе“ (стр. 135). Она дѣйствовала не подъ вліяніемъ безотчетныхъ порывовъ,—ею руководили сознательныя „идеи“. „Если мысль однажды поразила ее, говорить авторъ,—то она уже неотступно ее преслѣдовала. Мысль (поразившая ее и неотступно преслѣдовавшая) заключалась въ томъ, что она можетъ найти себѣ дѣло и быть полезной... Она не мечтала, какъ Любочка (ея подруга), сдѣлаться мученицею труда и

для этого пойти хоть коровъ доить. Напротивъ, она искала себѣ такого занятія, которое-бы пришлось ей по душѣ и по возможности доставило-бы ей наслажденіе“ (ib). И она нашла такое занятіе въ устройствѣ дешевыхъ кухонь для народа. Мысль объ устройствѣ этихъ кухонь она лелѣяла въ своемъ умѣ нѣсколько лѣтъ, тщательно скрывая ее ото всѣхъ, кромя тѣхъ немногихъ, которые могли помочь ей въ ея предпріятіи. Денежную поддержку ей обѣщаль братъ; для устройства кухонь и для дальнѣйшаго развитія своихъ филантропическихъ замысловъ она хотѣла учредить особое общество. Но она понимала, что одной страсти и любви къ искусству еще слишкомъ мало для того, чтобы справиться съ такими трудными дѣломъ, какъ учрежденіе общества. Чтобы не играть въ немъ совершенно пассивной роли, чтобы принять въ его дѣлахъ не воображаемое только, а дѣйствительное участіе, она порѣшила пріобрѣсти спеціальныя знанія по части торговли, счетоводства и веденія хозяйства. Тайкомъ отъ родителей она достала себѣ учителя-бухгалтера изъ думы и цѣлыхъ два года прилежно штудировала бухгалтерію, изучала смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ, отчеты подрядовъ, частныхъ сдѣлокъ съ подрядчиками и т. п.; въ то-же время „усердно посѣщала кухню и входила во всѣ мелочи домашняго хозяйства“, — однимъ словомъ, самымъ серьезнѣйшимъ и добросовѣстнѣйшимъ образомъ подготавливала себя къ этой благотворительной дѣятельности, которую считала своимъ призваніемъ.

Когда все уже было почти готово, необходимыя знанія пріобрѣтены, денежные ресурсы обѣщаны, квартира для кухонь нанята и т. п., Влэдія прямо (сперва, впрочемъ, черезъ брата) заявила родителямъ о своемъ рѣшительномъ желаніи покинуть отчій домъ и посвятить себя народной кухнѣ. Родители, приведенные въ ужасъ этимъ скандальнымъ заявленіемъ, наотрѣзъ отказали въ своемъ согласіи. Героиня наша пустилась тогда на хитрость. Прикинувшись покорною дочкою и ничего непонимающею, наивною барышнею, она такъ скрутила влюбленнаго въ нее адвокатишку Любарскаго, что тотъ, не думая долго, взялъ да и сдѣлалъ ей предложеніе. А ей этого только и нужно было: она рассчитывала, что у влюбленнаго мужа она скорѣе и легче отвоюетъ себѣ свободу, чѣмъ у „любящихъ“ родителей. Однако, она не замедлила убѣдиться въ ошибочности своего расчета: нареченный женихъ былъ весьма мало

расположенъ потакать „сумасброднымъ идеямъ“ своей будущей супруги. Понявъ, съ какимъ гусемъ она имѣеть дѣло, Клавдія круто порвала съ нимъ всякія сношенія и... убѣжала изъ родительскаго дома. Съ первыхъ-же шаговъ на „свободѣ“ она надѣлала массу глупостей и недѣли черезъ двѣ уже на все махнула рукою и искала утѣшенія въ смерти.

Вы, можетъ быть, скажете, что въ такомъ случаѣ это характеръ невозможный, что человѣкъ, обнаружившій въ своей подготовительной дѣятельности столько упорства, энергіи и изворотливости, не могъ-же внезапно лишиться всѣхъ этихъ качествъ, едва только онъ добрался до настоящаго „дѣла“ (или того, что онъ считалъ „дѣломъ“). Одно изъ двухъ: или авторъ наклепалъ на героиню, или она совсѣмъ не была такъ предана своей *идеи*, какъ онъ увѣраетъ.

Вы думаете? Но не ошибаетесь-ли вы? Посмотрите попристальнѣе на окружающую васъ среду, припомните о судьбѣ, постигшей большую часть вышедшихъ изъ этой среды носителей и въ особенности носительницъ „новыхъ идей“. Конечно, немногіе изъ нихъ окончили свою жизнь такъ, какъ окончила Клавдія. Но многіе-ли не спасовали при первыхъ трудностяхъ, встрѣченныхъ ими на пути осуществленія своей „идеи“? Вы возразите, что это ровно ничего не доказываетъ, что эти люди не были достаточно энергичны, что они не имѣли характера, что, наконецъ, они не любили своей идеи. Вовсе нѣтъ. Безъ энергіи и характера они, и въ особенности онѣ, едва-ли могли выйти побѣдителями изъ семейной борьбы, едва-ли-бы были въ состояніи не только отказаться отъ домашняго спокойствія и комфорта, но и побороть въ себѣ тѣ привязанности и симпатіи, которыя такъ долго и нерѣдко такъ прочно связывали ихъ извѣстною жизненною обстановкою съ извѣстными близкими имъ людьми, съ извѣстными, бессознательно-воспринятыми привычками и понятіями. Они не любили своей идеи? Но что-же въ такомъ случаѣ могло заставить ихъ, этихъ выросшихъ на преданіяхъ крѣпостного права барышень и баричей, протестовать и бороться противъ тѣхъ „узъ“, которые, повидимому, давали имъ столько счастья или, по крайней мѣрѣ, столько матеріальнаго довольства? Вы, пожалуй, замѣтите, что это матеріальное довольство покупалось ими цѣною ихъ нравственной и умственной самостоятельности. Совершенно вѣрно. Но какъ они по-

нимали эту нравственную и умственную самостоятельность? Въ чемъ она для нихъ заключалась? Въ возможности осуществлять на практикѣ ихъ „идеи“. Слѣдовательно, они на-столько любили эти идеи, что отказаться отъ ихъ осуществленія было для нихъ равносильно потерѣ своей самостоятельности. Не очевидно-ли все это? Но если все это очевидно, то какъ-же объяснить то рѣшительное фіаско, которое они потерпѣли при первомъ-же своемъ вступленіи въ практическую жизнь, какъ объяснить ту замѣчательную импотенцію, которую они обнаружили при самыхъ первыхъ попыткахъ осуществить свои идеи? Иными словами, почему семейная борьба такъ быстро ихъ обезсилила, такъ скоро подвосила ихъ энергію?

Я указалъ уже на одну изъ причинъ этого страннаго явленія. Борьба велась, въ большинствѣ случаевъ, такимъ образомъ, что гораздо болѣе способствовала развращенію, чѣмъ укрѣпленію человѣческаго характера. Клавдія, напр., должна была прибѣгать къ цѣлому ряду хитростей, изворотовъ и обмановъ для того только, чтобы имѣть возможность тайкомъ отъ родителей учиться бухгалтеріи и посвѣщать своихъ пріятельницъ. Мало того, она рѣшилась даже продать себя нелюбимому человѣку за право принять участіе въ устройствѣ народныхъ кухонь.

Но хотя эта борьба, какъ я уже сказалъ, и должна была крайне неблагоприятно отзываться на характеръ юныхъ носителей и носительницъ „новыхъ идей“, хотя на нее было много и, быть можетъ, даже черезчуръ много потрачено молодой силы и энергіи,—однако, въ ней все-таки нельзя видѣть единственную причину той, если можно такъ выразиться, нравственной импотенціи, того слабодушія и той вялости, которыми зарекомендовали себя на поприщѣ гражданской дѣятельности дѣти господъ Ракитиныхъ, Хмѣлевыхъ, etc. Тутъ была и другая причина, едва-ли даже не болѣе важная и, во всякомъ случаѣ, болѣе общая, чѣмъ первая. Первая заключалась въ свойствѣ приготовительной борьбы „у домашняго очага“, вторая—въ свойствѣ самыхъ „идей“, ради которыхъ борьба велась, или, говоря точнѣе, въ отношеніяхъ этихъ идей къ насущнымъ, реальнымъ интересамъ хмѣлевскихъ и ракитинскихъ дѣтей.

Бѣда была въ томъ, что новыя-то идеи не только не вызывались этими интересами, не только не гармонировали съ ними, но, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, прямо имъ противорѣчили.

Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, ну, какой реальный интересъ заставлялъ Клавдію Васильевну Ракитину печься и хлопотать о какихъ-то народныхъ кухняхъ? Что могло быть общаго между этою раздраженною барышней и оборванными, отрепанными бѣдняками? Почему она такъ интересовалась ихъ желудками? Развѣ она была, развѣ она могла даже представить себя въ ихъ положеніи? Откуда явилась къ ней эта совершенно несообразная съ ея положеніемъ „идея быть полезной народу“? Откуда?

Почтенная Ульяна Максимовна—ея дражайшая родительница—знала это очень хорошо. „Я знаю, говорила она юной носителнице „новыхъ идей“,—я знаю, откуда у васъ эти идеи,—все изъ книгъ понабрались“ (стр. 53).

Совершенно вѣрно: изъ книгъ—изъ однихъ только книгъ.

„Мама, объясняетъ намъ самъ авторъ,—имѣла неосторожность позволить ей читать всякія книжки (или, лучше сказать, она позволенія не давала, но смотрѣла на это сквозь пальцы), а книжки, какъ извѣстно, имѣютъ странное свойство кружить голову молодымъ дѣвицамъ и внушать имъ „идеи“ (стр. 134). Идея, внушенная книжками, можетъ, конечно, глубоко запастъ въ человѣческую душу, человѣкъ можетъ полюбить ее, развивать ее въ своемъ умѣ, дѣлать изъ нея всевозможные теоретическіе выводы, но если эта идея не срослась со всѣмъ его нравственнымъ существомъ, если она не гармонируетъ съ его реальными потребностями, не питается и не поддерживается его насущными интересами,—она никогда не въ состояніи будетъ оказывать прочнаго и продолжительнаго вліянія на его практическую дѣятельность; на-время, пожалуй, она можетъ воодушевить его на какой-нибудь отважный подвигъ, возбудить его чувство, воспламенить его энергію, но лишь на-время, на минуту. Только въ очень экстренныхъ случаяхъ голосъ идеи можетъ подавить и заглушить никогда не умолкающій голосъ реальныхъ интересовъ и потребностей. И если послѣдніе влекутъ человѣка въ сторону противоположную той, куда влечетъ его первая, то можно почти навѣрное сказать, что въ нормальномъ состояніи онъ или предпочтетъ интересъ идеѣ, или, по крайней мѣрѣ, постарается какъ-нибудь примирить ихъ, какъ-нибудь сгладить и засыпать раздѣляющую ихъ пропасть.“

Теперь равитинскія и хмѣлевскія дѣти сходятъ со сцены, отодвигаются на задній планъ. На ихъ мѣсто или рядомъ съ ними

появляются другіе люди, другіе дѣятели, изъ другой среды, съ другими манерами и привычками, съ другимъ складомъ ума, съ другими интересами. У этихъ людей нѣтъ того противорѣчія между идеями и потребностями, которое парализовало энергію и обусловливало нравственную импотенцію ракинскихъ дѣтей. При томъ-же имъ почти и неизвѣстна та приготовительная борьба „у домашнего очага“, которая развращала и обезсиливала послѣднихъ. Они выходятъ на арену бодрыми, полными вѣры и надеждъ, ихъ не мучаютъ никакія сомнѣнія, для нихъ почти невозможны никакіе компромисы. Это ихъ важное преимущество передъ Клавдіями, Дожейками, Любарскими и иными. Но за то по части такъ-называемыхъ идейныхъ началъ они рѣшительно пасуютъ передъ своими предшественниками. У тѣхъ идея была все; ради нея только они и дѣйствовали, ради нея они и въ походъ собирались, и на какіе-то подвиги готовились, и бури „въ стаканѣ воды“ поднимали. У этихъ, напротивъ, идеи не играютъ никакой существенной роли; конечно, онѣ у нихъ тоже имѣются, но не онѣ ихъ двигаютъ, не онѣ питаютъ и поддерживаютъ ихъ энергію; въ нихъ говорятъ, ими руководятъ, въ большинствѣ случаевъ, чувство, интересъ, безотчетныя стремленія, не всегда сознательная, но всегда сильная, глубоко-реальная потребность. Идею-же они пользуютъ, главнымъ образомъ, лишь для оправданія своихъ стремленій, для объясненія своихъ потребностей. Она для нихъ не источникъ дѣятельности, а, если можно такъ выразиться, простая ширма. Первые были по-преимуществу резонеры, люди идей; вторые — по-преимуществу люди афекта. Оттого дѣятельность однихъ запечатлѣна была какииъ-то чрезчуръ идеалистическимъ характеромъ, тогда какъ дѣятельность другихъ стремится стать на почву реально-практическую.

VI.

Однако, хотя идейное начало и явилось главнымъ двигателемъ въ дѣятельности дѣтей той среды, въ которой вращалась Клавдія и ей подобныя, но все-таки крайне ошибочно было-бы утверждать, будто этотъ главный двигатель былъ и единственнымъ, во всѣхъ случаяхъ одинаково могущественнымъ двигателемъ, будто они, дѣти

этой среды, были сплошь и рядомъ резонеры и только резонеры. Нѣтъ, между ними (особенно между женскою ихъ половиною) весьма часто попадались личности, бросавшіяся на цивическую дѣятельность, мечтавшія о „подвигахъ великихъ“, совсѣмъ не потому, что въ ихъ головѣ гвоздемъ засѣла какая-нибудь „идея“ (извлеченная, разумѣется, изъ „хорошихъ книжекъ“), а просто подъ вліяніемъ такихъ чувствъ и аффектовъ, которые ни съ какими „идеями“ ничего общаго не имѣютъ. Ихъ томить такъ-называемая „жажда дѣятельности“, они хотятъ блеснуть, хотятъ приковывать къ себѣ всеобщее вниманіе; они безъ разбору готовы браться за всякое дѣло, лишь-бы оно давало возможность развернуться ихъ энергіи, лишь-бы оно давало занятіе ихъ рукамъ или ихъ головѣ. Это темпераменты страстные, быстро воспламеняющіеся и такъ-же быстро охлаждающіеся, постоянно чѣмъ-нибудь увлекающіеся и всецѣло отдающіеся предмету своихъ увлеченій. Изъ этихъ людей выходятъ иногда великіе борцы и преданные фанатики идеи, а иногда безпутные шалопаи, ни на чемъ неумѣющіе на долго остановиться, ежеминутно мѣняющіе предметы своихъ увлеченій, хватающіеся за все и недѣлающіе ничего. Все зависитъ отъ того, въ какой средѣ они выросли, при какой обстановкѣ развились. Если жизнь этой среды пронизана серьезными, глубокими, общечеловѣческими интересами,—интересами, способными поддерживать и питать „великія идеи“, дающими имъ реальную почву и внутреннее содержаніе,—тогда-то вотъ подъ давленіемъ этихъ интересовъ и вырабатываются изъ натуръ страстныхъ, увлекающихся, воспріимчивыхъ и энергическихъ тѣ фанатики, тѣ сильные и мужественные борцы, которые увлекаютъ за собою массы, которые удивляютъ міръ своими подвигами, которые ни передъ чѣмъ не останавливаются для осуществленія своихъ идей, жертвуютъ имъ своею жизнью, влагаютъ въ нихъ всю свою душу. Напротивъ, если эта среда живетъ лишь пошлыми, мелкими, эгоистическими интересами,—интересами, къ которымъ не можетъ пріурочиться, среди которыхъ не можетъ развиваться никакая другая идея, кромѣ идеи личнаго узко-эгоистическаго благополучія,—то понятно, что натуръ страстныхъ, энергическихъ и увлекающихся, поставленныхъ въ подобную среду, должны будутъ или исключительно устремить всѣ свои силы, всю свою энергію на погоню за осуществленіемъ идеи своего личнаго благополучія, или-же стануть безъ толку растрачивать

ихъ на разныя житейскія мелочи, на „бури въ стаканѣ воды“. Въ первомъ случаѣ изъ нихъ выходятъ опасныя, неукротимыя и непреклонныя хищники, во второмъ—искатели разныхъ приключеній и сильныхъ ощущеній, комическіе борцы изъ-за выѣденнаго яйца, рыцари житейской суеты. Иногда случается, что въ головѣ этихъ рыцарей, благодаря той или другой книжкѣ, тому или другому человѣку, западаетъ какая-нибудь хорошая идея; страстные и впечатлительныя, они набрасываются на нее съ такимъ-же азартомъ и увлеченіемъ, съ какимъ, быть можетъ, вчера еще они набрасывались на выѣденное яйцо. Разумѣется, этотъ азартъ и это увлеченіе не могутъ быть ни прочны, ни продолжительны: идея, невзначай попавшая въ сферу ихъ эгоистическихъ интересовъ, неимѣющая съ ними никакой органической связи, является лишь чисто-случайнымъ стимуломъ ихъ дѣятельности. Встрѣтятся они съ новыми людьми, наткнутся на новыя случайности, попадутся имъ въ руки инныя книжки,—и прежній стимулъ потеряетъ для нихъ всякое значеніе, онъ замѣнится другимъ. Вчерашній богъ забывается, вчерашній кумиръ повергается „въ прахъ“, на мѣсто его является новый богъ, новый кумиръ.

Спора нѣтъ, подобныя личности могутъ быть иногда очень полезны, могутъ оказать много важныхъ услугъ случайно заброшенной въ ихъ головы идейкѣ. Но гораздо чаще они вредятъ ей, профанируютъ ее своимъ непостоянствомъ и своимъ, если можно такъ выразиться, эгоистическимъ, себялюбивымъ отношеніемъ къ ней. Содержаніе идеи, ея жизненное значеніе—это для нихъ вопросъ второстепенный; имъ важно только то, чтобы она удовлетворяла ихъ „жаждѣ дѣятельности“. Разумно или неразумно ея содержаніе—имъ все равно; если она отвѣчаетъ послѣднему условію, они вполне довольны и счастливы. Поэтому-то ихъ никогда не слѣдуетъ смѣшивать съ настоящими рыцарями идей; рискованно возлагать на нихъ слишкомъ большія надежды и очень странно считать ихъ, какъ это дѣлаетъ г-жа Смириова, „солью“ нашей земли. Хороша „соль“, нечего сказать! Посмотрите-ка на тѣ ея пробныя образчики, которые рекомендуетъ вашему вниманію авторъ „Соли“, проанализируйте ея составныя частички—и вы сами увидите, на что она можетъ годиться.

Вотъ вамъ одна изъ самыхъ крупныхъ солинокъ—Анна Корсакова (урожденная Хмѣлева), героиня романа,—героиня, вполне

удовлетворяющая всѣмъ тѣмъ неизбѣжнымъ условіямъ, которыми должны удовлетворять герои „высокихъ“ драмъ и трагедій въ мѣщанскомъ вкусѣ. Прежде всего это женщина страстная, увлекающаяся, необыкновенно впечатлительная, — женщина преимущественно чувства. Интеллектуальная сторона, какъ тому и подобаетъ быть, культивирована весьма мало, но за то „жажда дѣятельности“ неутолимая, недовольство окружающею обстановкою, гордое сознание своего превосходства и жгучее, но совершенно неопредѣленное стремление къ чему-то такому, что-бы могло ее прославить. „На меня, рассказываетъ она сама своему первому возлюбленному, — находить иногда какая-то безумная страсть къ славѣ, къ блеску. Тогда я не знаю, что такое любовь. Для меня нѣтъ тогда никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ одного. Въ это время я не знаю препятствій...“ и т. д. (Соль земли, ч. I, стр. 34). Развѣ такая натура не самая подходящая для героинь мѣщанскихъ трагедій? И развѣ тамъ, гдѣ на сцену выступаетъ подобная героиня, дѣло можетъ обойтись безъ трагедій?

Конечно, нѣтъ. Трагедіи выходятъ очень чувствительныя, и сентиментальныя читательницы могутъ, пожалуй, проливать слезы надъ страданіями и муками героини. Но что общаго имѣетъ эта героиня съ „солью земли“, въ какомъ отношеніи находятся ея страданія, ея идеалы и стремленія съ страданіями, идеалами и стремленіями этой „соли“?

Начинается дѣло съ того, что наша героиня влюбляется въ нѣкоего невзрачнаго, очень бѣднаго, скромнаго (и совсѣмъ не блестящаго учителя — Корсакова. Корсаковъ, однако, несмотря на всю свою скромность и тихость, былъ истиннымъ „рыцаремъ идеи“. Онъ изобрѣлъ, видите-ли, такую машину, отъ которой ожидалъ самыхъ удивительныхъ результатовъ для промышленности и для человечества вообще. Онъ весь „безъ остатка отдался своей идеѣ, онъ жилъ ею, мечты о ней занимали всѣ его мысли, хлопоты и работы о ея практическомъ осуществленіи наполняли все его время“. Героиня, какъ подобаетъ натурѣ страстной и впечатлительной, немедленно увлеклась „идеєю“ своего возлюбленнаго. Возлюбленный, разувѣтается, вполне повѣрилъ этому увлеченію. „Вотъ, говорилъ онъ, — женщина, которая подвинетъ мое дѣло. Я въ ней увѣренъ больше, чѣмъ въ себѣ“. „Да, завѣряла его возлюбленная, — да, я вѣрю во всѣ твои мечты, онѣ для меня не пустая

фантазия, вѣтъ, это новое открытіе, новая эра въ наукѣ“. Прекрасно. Искренній, фанатически преданный своей идеѣ, но съ виду очень смѣливой и неуязвимой, рѣшительно неспособный имѣть успѣха „въ свѣтѣ“, чуждый всякаго славолубія и себялюбія уязвимый учительшка соединяется узами брака съ эффектной, блестящей провинціальной барышней, мечтающей о какой-то „широкой дѣятельности“, о „славѣ“, объ извѣстности, ищущей сильныхъ ощущений, жаждущей „бурь“, хоть и въ стаканѣ воды, но все-таки бурь. Вотъ вамъ и начало трагедіи; конецъ предугадать легко.

Барышня, поѣдаемая „славолубіемъ, себялюбіемъ и тщеславіемъ“ (это ея собственныя слова), не можетъ переварить черезчуръ ужъ скромной, бѣдной, преисполненной пошлыхъ мѣщанскихъ дразгъ семейной обстановки мужа. Послѣ нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ „счастливой“ супружеской жизни, она уже начинаетъ горько жаловаться на свою судьбу. „Я задыхаюсь въ вашемъ домѣ, говоритъ она брату своего мужа, — меня давитъ, меня гонитъ отсюда“. — „Вамъ скучно?“ спрашиваетъ ее братъ. — „Да, мнѣ скучно. Да такъ, что если-бы было куда бѣжать, я-бы убѣжала сейчасъ-же, не задумываясь. Борисъ (это ея мужъ) отличный человѣкъ. Онъ умнѣе, онъ лучше всѣхъ насъ, я это сознаю. Но можетъ-ли онъ наполнить всю мою жизнь? Ты не повѣришь, Глѣбъ, а я иногда жалю о своей деревнѣ. Тамъ я была занята, тамъ у меня работа была, а здѣсь...“ (ib., стр. 96). А идея-то?

Увлеченіе идеєю прошло, потому что оказалось, что она не можетъ дать никакого непосредственнаго матеріала для практической дѣятельности. Полюбить эту идею, сжиться съ нею, какъ ее любить, какъ съ нею сжился Борисъ, она не могла, по той простой причинѣ, что между ея интересами и тѣми интересами, съ которыми была неразрывно связана эта идея, никакихъ точекъ соприкосновенія никогда не существовало, и осуществится она или вѣтъ, ей отъ того не было-бы ни тепло, ни холодно.

Положеніе героини стало весьма критическимъ. „Вотъ, вослещаетъ она въ отчаяніи, — и ницъ теперь выхода! И пополни чѣмъ-нибудь свою жизнь! Мужъ цѣлые дни сидитъ за работой, а я... что я такое?“ (ib., 99). Весьма обыкновенный типъ провинціальной барышни. Въ головѣ торичеллева пустота, никакихъ идеаловъ, никакихъ сознательныхъ стремленій, никакихъ разумныхъ цѣлей, и, несмотря на это, страшная охота что-нибудь дѣлать, о

чемъ-нибудь хлопотать, чѣмъ-нибудь обратить на себя вниманіе. Полное отсутствіе всякаго внутренняго содержанія и въ то-же время самыя тщеславныя притязанія и гордое сознаніе своего превосходства надъ окружающимъ „болотомъ“. Ей кажется, какъ это кажется и всѣмъ провинціальнымъ барышнямъ ея пошиба,—ей кажется, будто въ ней сидятъ двѣ „силы“: „одна, влекущая ее въ даль, на высоту“, другая—танущая „книзу, въ болото“.

Что-же это за сила, влекущая ее „въ даль, на высоту“? Наша героиня видитъ эту силу „въ огромнѣйшемъ запасѣ чинѣющагося у нея честолюбія, самолюбія и славолубія“ (ib., стр. 100). Положимъ, самолюбіе, честолюбіе и славолубіе,—это дѣйствительно сила, но почему-же она воображаетъ, будто эта сила влечетъ ее куда-то „въ даль, на высоту“, а не тянетъ въ болото? Вѣдь то направленіе, въ которомъ она дѣйствуетъ на человѣка, тотъ путь, по которому она его влечетъ, всегда обуславливается самимъ человѣкомъ, степенью его нравственнаго и интеллектуальнаго развитія. Все тутъ зависитъ отъ того, что именно человѣкъ въ себѣ любитъ, въ чемъ онъ видитъ свою честь, какъ онъ понимаетъ свою славу. Если онъ видитъ свою честь и свою славу въ осуществленіи тѣхъ идеаловъ, которые возвышаются надъ идеалами болотной жизни, если его самолюбіе состоитъ въ удовлетвореніи высшихъ, челоѣчѣйшихъ побужденій его природы, тогда, конечно, онъ имѣетъ право сказать, что его славолубіе, честолюбіе и себялюбіе — сила и что эта „сила влечетъ его въ даль, на высоту“. Но если его идеалы, его потребности, его цѣли и задачи по существу своему ничѣмъ не отличаются отъ идеаловъ, цѣлей, задачъ и потребностей болотныхъ обитателей, то какъ-бы онъ ни раздувался своимъ „славолубіемъ, себялюбіемъ и честолюбіемъ“, а все-же подняться высоко ему не удастся и, вѣрный своей лягушечьей природѣ, онъ вѣчно будетъ квакать въ болотѣ.

Какіе-же идеалы были у Анны Корсаковой? Чего она хотѣла, что побуждало ее искать „блеска“ и успѣховъ въ свѣтѣ?

Сперва она увлекалась сельскимъ хозяйствомъ, но скоро ей это надоѣло; затѣмъ подвернулся Борисъ съ сжатымъ воздухомъ. Она ухватилась и за сжатый воздухъ. Но скоро, какъ мы видѣли, эта жизнь съ фанатикомъ идеѣ,—идеѣ, въ сущности, не мало для нея неинтересной,—опротивѣла ей до невыносимости. Ей наговорили,

будто „ея призваніе быть проповѣдницей *какой-нибудь* (какой-нибудь! содержаніе идеи для нея, видите, безразлично) идеи“, буд-то „она способна увлекать за собой людей“, и что поэтому ей нужно „какъ можно больше расширить кругъ своего знакомства“. Эта мысль ей очень прилась по вкусу и она немедленно начала приводить ее въ исполненіе. Какъ женщина энергическая, надъ средствами она не задумывалась; и вотъ съ помощью всякихъ правдъ и неправдъ ей удалось-таки пробить себѣ дорогу „въ большой свѣтъ“ провинціального городка; сама даже губернаторша снизошла до знакомства съ нею. Героиня наша попала въ свою сферу, объ ней говорили, за нею ухаживали, ее приглашали на благотворительные спектакли; она могла вдосталь хлопотать, суе-титься, выѣзжать, дома совсѣмъ почти не жила: суета свѣтской жизни поглощала все ея время. Ко всему этому подвернулась еще подъ руку кабая-то изъ ума выжившая старуха, богачка и аристократка. Анна сдѣлалась у нея чѣмъ-то въ родѣ компаньонки и домашняго секретаря. „Жажда дѣятельности“ была, казалось, удовлетворена. А мужъ, а сжатый воздухъ?

Хотя исканіе знакомствъ и началось якобы ради мужа и подъ весьма благовиднымъ предлогомъ—популяризировать его идею въ обществѣ, однако, заводя знакомства, очаровывая и плѣняя „свѣтъ“, она, повидимому, совсѣмъ забыла и о мужѣ, и о „благовидномъ предлогѣ“. Падалка занимала ее гораздо больше всякаго „сжатого воздуха“, дѣла послѣдней были для нея несравненно интереснѣе борисовыхъ дѣлъ. И чѣмъ-бы все это кончилось—неизвѣстно. Очень можетъ быть, что и эта жизнь скоро перестала-бы ее удовлетво-рять. Но тутъ, на ея счастье, подвернулся человѣкъ, который далъ ей новый стимулъ для дѣятельности, новый предметъ для увлеченія. Этотъ человѣчекъ убѣдилъ ее, во-первыхъ, въ томъ, что она „солъ земли“, съ чѣмъ она безъ труда согласилась, во-вто-рыхъ, что „у этой соли“, а слѣдовательно и у нея, можетъ и должно быть лишь одно призваніе: „устроить скромныя промыш-ленныя общества, скромнымъ образомъ научить крестьянъ, что вмѣсто отвратительнаго льна можно сѣять хорошій, что это бу-детъ гораздо выгоднѣе, что организовавши мало-мальски правиль-ный кредитъ, можно не терять десяти процентовъ при покупкѣ матеріала и двадцати при продажѣ товара“ и т. п., и хотя эти

мысли не блистали даже и тою умѣренной оригинальностью и весьма проблематической новизною, которыми отличалась изобрѣтенная Борисомъ машина, однако наша героиня усмотрѣла въ нихъ какое-то высшее откровеніе и... и, вы думаете, всецѣло и беззавѣтно отдалась „великому дѣлу“ устройства „скромныхъ промышленныхъ обществъ“, — „скромной проповѣди о вредѣ сѣянія дурного, пользѣ сѣянія хорошаго льна“? Вы радуетесь, что вотъ, наконецъ-то, ея безтолковая дѣятельность приурочится къ чему-нибудь полезному и разумному, что наконецъ-то она отыскала себѣ цѣль, которая хоть немножко возвыситъ ее надъ уровнемъ болотной жизни. Нѣтъ, подождите радоваться: „скромныя промышленныя общества“, „правильный кредитъ“, льняная культура, — все это ужъ чересчуръ прозаично и ни мало не эффектно. А она сама сознается, что „эффекты—это лучшее, что даетъ жизнь“ (ч. II, стр. 207). Какъ-же вы хотите, чтобы она могла всецѣло отдаться идеямъ, съ которыми у нея не было, повидимому, никакихъ точекъ соприкосновенія? Развивай ихъ передъ нею какой-нибудь неуклюжей и невзрачной субъектъ, въ родѣ Бориса Корсакова, она-бы, вѣроятно, и вниманія на нихъ не обратила; пожалуй, поняньчилась-бы съ ними нѣсколько деньковъ или недѣль, а затѣмъ ихъ постигла-бы та-же участь, какая постигла и сжатый воздухъ. Но на этотъ разъ проповѣдникъ пришелся нашей героинѣ какъ нельзя болѣе по вкусу. Красавецъ собою, однимъ своимъ взоромъ зажигавшій сердца женщинъ, умѣвшій всѣхъ и каждого очаровать, всюду втереться и всюду обратить на себя вниманіе, онъ совѣщаль въ себѣ всѣ качества, необходимыя для провинціального героя, и провинціальное общество носило его на рукахъ.

Передъ такимъ кавалеромъ, понятно, наша дама устоять не могла, и вотъ ему-то, а совсѣмъ не его идеаламъ, она и отдалась. Ни изъ одного ея разговора съ нимъ не видно, чтобы она особенно близко принимала къ сердцу его мечты и планы, а когда эти мечты и планы столкнулись съ ея личными, эгоистическими интересами, она не задумалась принести первыхъ въ жертву послѣднимъ. Обезсиленная любовью, ревностью и горькимъ сознаніемъ тѣхъ глупостей, которыя она надѣлала подъ влияніемъ своей эгоистической привязанности, она чуть-чуть совсѣмъ не погубила „великое дѣло“ своего возлюбленнаго. Если возлюбленный, со своею талей-

рановскою политикою, вышелъ чистымъ и сухимъ изъ грязной воды, если онъ и послѣ скандала, подстроеннаго ему „страстною женщиною“, сохранилъ свою прежнюю репутацію, репутацію прекраснѣйшаго, очаровательнѣйшаго, честнѣйшаго и умнѣйшаго человека, то въ этомъ, конечно, не вина Анны Корсаковой. Анна Корсакова сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы заклеить въ глазахъ общества предметъ своей любви, носителя „великихъ идей“, именемъ подлеца.

Эта финальная трагедія, кончившаяся, впрочемъ, довольно благополучно, бросаетъ весьма яркій свѣтъ на характеръ героини. Она сходитъ съ пьедестала—и вы видите передъ собою глупую и непослѣдовательную эгоистку, у которой всегда на первомъ планѣ стоитъ ея „я“, для которой ея личная жизнь, ея личные интересы, личное благополучіе и спокойствіе составляли все, а всякія тамъ отвлеченныя идеи, „возвышенныя стремленія“ и т. п. играли лишь роль аксесуаровъ, доставлявшихъ иногда минутное развлеченіе, но для полноты ея внутренняго міра совсѣмъ не необходимыхъ. Серьезно и всецѣло увлечься она могла только личнымъ чувствомъ, личною привязанностью. И дѣйствительно, когда она встрѣтилась съ человекомъ, сумѣвшимъ возбудить въ ней личную къ себѣ привязанность, она ввѣрилась ему беззавѣтно, она стала его рабою, его эхомъ, его alter ego. „Жажда дѣятельности“, мучившая ее прежде, теперь нашла себѣ удовлетвореніе въ исполненіи приказаній, желаній и предначертаній возлюбленнаго господина и владыки!

Такова обыкновенная судьба женщинъ этого сорта. Онѣ слишкомъ эгоистичны, интересы, среди которыхъ онѣ выросли, слишкомъ пошлы и мелочны, потому для нихъ, въ большинствѣ случаевъ, совершенно недоступны высшіе, не эгоистическіе мотивы дѣятельности. Онѣ слишкомъ страстны и впечатлительны, поэтому, увлекшись личнымъ чувствомъ, онѣ не останавливаются на полдорогѣ, онѣ отдаютъ себя сполна предмету своей эгоистической привязанности, отрекаются ради него отъ собственной воли, отъ собственнаго разума, отъ всякой инициативы. И это самоотреченіе продолжается ровно до тѣхъ поръ, пока говоритъ личное чувство; но чуть оно начинаетъ охладѣвать, „жажда дѣятельности“ снова пробуждается и, не находя себѣ удовлетворенія въ личной привязанности,

занности, снова начинают их мучить и томить, онъ снова начинают метаться изъ стороны въ сторону, пока опять не наткнутся на какой-нибудь предметъ, способный вызвать въ нихъ, съ прежною силою, эгоистическія увлеченія. И такъ проходитъ вся ихъ жизнь: онъ доволенъ и счастливъ, когда кто-нибудь беретъ ихъ на буксиръ и влечетъ за собою по волнамъ житейскаго моря. Онъ мучатся и страдаютъ, когда онъ видятъ себя оставленными на произволъ своей собственной судьбы. Онъ ломаютъ тогда себѣ руки и съ отчаяніемъ спрашиваютъ: что намъ дѣлать, гдѣ найти выходъ, какъ спастись отъ самихъ себя?

И эти-то барышни (впрочемъ, не однѣ барышни: среди мужчинъ подобныя личности попадаются такъ-же часто, какъ и среди женщинъ) имѣютъ смѣлость называть себя „солью земли“! Для какого-же соленья годится эта соль? Чтобы придать ей соляныя свойства, ей еще нужно смѣшаться предварительно съ настоящею солью. А такое смѣшеніе не всегда легко и совершается вообще не часто. Приходится ждать благоприятнаго случая, а случай-то этотъ иногда и во всю жизнь не представится.

Онъ не представился и Аннѣ Корсаковой; человекъ, взявшій ее на буксиръ, „запутавшій, заковавшій ее со всѣхъ сторонъ, лишившій ее воли и неоставившій ей даже надежды когда-нибудь освободиться“ (ч. II, стр. 316),—этотъ человекъ такъ-же мало имѣлъ права считать себя „солью земли“, какъ и его буксирный грузъ. Напрасно г-жа Смирнова возводитъ его на пьедесталъ, напрасно уграшаетъ его всѣми человѣческими совершенствами, начиная отъ блестящаго ума и кончая обворожительною наружностью, напрасно она выводитъ его гордымъ побѣдителемъ изъ разныхъ жизненныхъ дрязгъ и заставляетъ все и всѣхъ преклоняться передъ нимъ. Ея идеализація не введетъ въ обманъ никого, кромѣ самыхъ неопытныхъ. Гг. Черники, орѣшковскіе Талейраны, на виду теперь у всѣхъ: они витійствуютъ въ судахъ, засѣдаютъ въ разныхъ управахъ, комисіяхъ, комитетахъ и совѣтахъ, загребаютъ концесіи, орудуютъ на биржѣ, орудуютъ въ акціонерныхъ обществахъ; они пайщики всѣхъ банковъ и желѣзнодорожныхъ предприятий, столпы земства, двигатели туземной промышленности, они распорядительные администраторы, высокопросвѣщенные сельскіе хозяева,—однимъ словомъ, они—нервъ современной жизни, они „совре-

меннее дѣльцы“. Имъ со всѣхъ сторонъ курятъ фимиамъ, въ честь ихъ устраиваются обѣды, говорятся спичи, имъ присуждаются разныя преміи, ихъ наслаютъ, ублажаютъ, ихъ воспѣваютъ въ стихахъ и прозѣ. Къ чему-же вы хотите еще лучше ихъ идеализировать, къ чему вы трудитесь надъ созданіемъ имъ новаго пьедестала, и притомъ еще такого, въ которомъ они совсѣмъ не нуждаются?

П. Никитинъ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

24-го мая 1875 г.

Три недѣли уже весь Парижъ бѣгаетъ на годовичную выставку художественныхъ произведеній, открытую въ зданіи дворца Промышленности (въ Елисейскихъ поляхъ). По числу выставленныхъ картинъ и статуй она принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ выставокъ послѣдняго времени и своею обширностью въ нѣсколько разъ превосходитъ художественныя выставки въ Петербургѣ. Притомъ здѣсь выставлено далеко еще не все, что произвела Франція въ прошломъ году по отдѣлу художествъ. Существуетъ цѣлый рядъ трудовъ, недопущенныхъ экспертами и готовящихся образовать собою такъ-называемую выставку отказанныхъ (*Salon des refusés*). Обойти и осмотрѣть всѣ 3,862 номера, помѣщенные въ каталогъ, чрезвычайно утомительно; въ одинъ приемъ нечего и думать справиться съ самыми даже поверхностнымъ обзоромъ; а если посѣтитель желаетъ сознательно отнестись къ осматриваемымъ предметамъ, то во Франціи на обзоръ выставки онъ долженъ посвятить, по крайней мѣрѣ, недѣлю, бывая, однакожъ, только въ тѣ дни, когда назначена плата за входъ и когда публики бываетъ не особенно много и отъ времени до времени можно кое-гдѣ найти мѣсто, чтобы присѣсть. Посѣщать-же выставку по четвергамъ и воскресеньямъ, когда входъ даровой, становится уже физическимъ мученіемъ, — такая царствуетъ тамъ тѣснота и духота.

Опредѣлить общими чертами настоящее положеніе французской живописи весьма трудно; вѣрнѣе выражаясь, положеніе это слѣдуетъ признать чистѣйшею анархіею въ дѣлѣ изящнаго вкуса и

искусства. Говорятъ, что подобное впечатлѣніе выносятся посѣтителеми годовичныхъ выставокъ уже нѣсколько лѣтъ сряду. Напрасно искать какого-либо единства въ воззрѣніяхъ художниковъ. Каждый живописецъ какъ-будто старается тянуть вкусъ публики за собою, въ свою сторону, руководствуясь единственно желаніемъ идти, куда глаза глядятъ. Обобщить всѣ проявляющіяся тенденции, по ихъ разбросанности и разнообразію, такъ трудно, что газетные репортеры находятъ только одно средство привести свои наблюденія въ систему: перечислять картины по существующимъ родамъ живописи; нѣкоторые-же поступаютъ еще проще—предлагаютъ читателю свои замѣчанія въ томъ порядкѣ, въ которомъ картины расположены въ каталогѣ, т. е. по алфавиту.

Анархія эта представляетъ собою весьма характеристическое явленіе. Нѣтъ ни одного рода живописи, который не послужилъ-бы канвою для таланта здѣшнихъ художниковъ. Ничего подобнаго нельзя найти ни въ одной изъ предыдущихъ эпохъ; произведенія извѣстнаго времени всегда легко отличить по однообразію направленія и приѣмовъ исполнителей. Каждая школа имѣетъ свой типъ: одна держится исторической живописи, другая чертитъ картины домашняго быта, третья придерживается мифологическихъ сюжетовъ, съ улыбающимися амурами и напудренными красавицами, четвертая преслѣдуетъ веселыя и иногда нѣсколько чувственныя сцены трактирной обстановки, пятая, наконецъ, увлекается придворной и свѣтской жизнью. Теперь, напротивъ, живописецъ выхватываетъ свои сюжеты разомъ изъ всѣхъ слоевъ жизни, природы, человѣчества; все, что только можетъ онъ найти, перебѣгая по земному шару съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, — все служить для него предметомъ изученія и все возводится имъ въ эстетическій идеалъ увлекающаго его искусства. При этомъ онъ не довольствуется однимъ настоящимъ положеніемъ вещей: не меньшему преслѣдованію подвергаются воспоминанія и преданія прошедшаго, и всѣ рѣшительно вѣка вносятъ свое достоинство въ сокровищницу современнаго искусства, выставляютъ тайны своей общественной и частной жизни, начиная отъ фараоновъ, заснувшихъ въ каменныхъ склепахъ возведенныхъ ими пирамидъ, и кончая современными модницами, радующимися случаю показать свои прихотливыя туалеты.

Въ основаніи такого разнообразія въ выборѣ сюжетовъ лежатъ двѣ причины. Во-первыхъ, слѣдуетъ признать, что никогда чело-

вѣческая любознательность не доходила до такихъ предѣловъ, какъ въ современную намъ эпоху. Никогда изслѣдователь не проникалъ такъ глубоко въ тайны природы, никогда не успѣвалъ овладѣвать столь разнообразными сторонами мірового движенія. Но есть и другая причина неопредѣленности тенденцій современнаго искусства; она заключается, какъ мнѣ кажется, въ неумѣніи современныхъ художниковъ прискаты тотъ типъ живописи, который долженъ олицетворить въ своихъ проявленіяхъ переживаемое нами время. Если современное искусство бросается разомъ во всѣ стороны и выхватываетъ свои вдохновенія изъ столь разнообразныхъ сферъ, то не доказываетъ-ли это, что настоящее направленіе живописи нашего времени еще не открыто? Какъ скоро направленіе это окончательно опредѣлится, тогда прекратятся попытки къ воспроизведенію этихъ идеаловъ, — попытки, часто противорѣчивыя и бесплодныя. Современное искусство создастъ себѣ въ такомъ случаѣ тотъ типъ, который будетъ составлять его специальность, подобно типу старыхъ школь живописи итальянской, фламандской или испанской. Сложность-же тѣхъ усилій, которыми отличаются труды современныхъ художниковъ, доказываетъ только ихъ дѣйствительное безсиліе.

Въ этомъ безсиліи публика обвиняетъ представителей современнаго искусства, хотя, по правдѣ сказать, подобное обвиненіе переносится въ этомъ случаѣ „съ больной головы да на здоровую“. Художникъ можетъ предоставить тому міру, среди котораго живетъ, только тѣ идеалы, которые вырабатываются наблюденіемъ и изученіемъ этого самаго міра. Онъ выдѣланъ изъ той-же глины, изъ которой выдѣланы другіе люди; онъ живетъ одинаковыми съ современниками воззрѣніями, надеждами, чувствами, страстями; онъ прониануть ихъ-же вѣрованіями или увлекается ихъ-же скептицизмомъ. Если художникъ настоящаго времени не знаетъ, на какомъ родѣ эстетическаго созданія ему слѣдуетъ остановиться, то это доказываетъ только, что и публика не можетъ дать себѣ сознательнаго отчета, какого идеала она ищетъ. Публика требуетъ отъ исполнителей дѣйствительно художественныхъ произведеній, но въ чемъ должна заключаться эта художественная струна — того никакой знатокъ опредѣлить съ точностью не можетъ. Что-же приходится дѣлать художнику? Онъ мечется въ разныя стороны, онъ производитъ во всѣхъ родахъ, разсчитывая, что, можетъ быть, по-

падетъ какъ-нибудь въ тонъ требованій вкуса современной публики. Хотите картинку современныхъ нравовъ? Прекрасно, вотъ вамъ эта картинка. Хотите нагую женщину? Еще лучше, берите ее. А не то вотъ вамъ двѣ кисти винограда и разрѣзанный лимонъ. Пейзажъ-ли затѣмъ, или рыцарское вооруженіе, или какой-нибудь типъ изъ гаремной жизни, съ мавританскою обстановкою, или, наконецъ, охотничью сцену, съ лошадьми и собаками, среди лѣса, — все это найдете охотниковъ и почитателей.

Впрочемъ, есть одно руководящее начало, за которымъ нельзя не признать значенія начала направляющаго. Это — мода. Когда не хватаетъ вкуса, представляющаго собою осмысленное сочувствіе къ предмету, то выступаетъ на сцену мода, т. е. несмысленный капризъ. Кто рѣшится сознаться, что онъ не способенъ понимать произведеній искусства? Такой профанъ составляетъ свое мнѣніе по указанію сосѣда, котораго онъ считаетъ чловѣкомъ, нелишеннымъ вкуса. Художнику удалось выставить разъ порядочное произведение; друзья и знакомые, а иногда и газеты похвалили; толпа начинаетъ собираться у послѣдующихъ его твореній; большинство не обращаетъ никакого вниманія на то, по справедливости-ли заслужилъ онъ эти похвалы, а картины его продаются уже на расхватъ и люди, выдающіе себя за охотниковъ, набиваютъ цѣны; иногда случается, что труды моднаго живописца раскупаются равнѣе, чѣмъ онъ приступилъ къ ихъ выполненію. И художники подвергаются тому-же вліянію моды, какъ и любители: по тому-же табунному свойству, и они начинаютъ искать идеаловъ, однообразныхъ съ тѣми, которымъ удалось привлечь общественное вниманіе. И они не столько ищутъ изящнаго идеала для осуществленія его своею кистью или рѣзцомъ, сколько стараются найти себѣ сюжетъ, которымъ можно было-бы произвести впечатлѣніе на публику. Какъ только на выставкѣ какой-нибудь сюжетъ заставилъ говорить о себѣ и привлечь общее вниманіе, на слѣдующей навѣрное можно насчитать десятки подражателей. Всякій надѣется произвести еще большую сенсацію, чѣмъ тотъ, который открылъ ходъ по нетронутой до тѣхъ поръ дорожкѣ.

Успѣхъ художниковъ находится болѣе всего въ рукахъ эксплуататора и художническаго таланта, и любительскихъ фантазій — торговца картинами. Посмотрите, что расплодилось этого народа въ Парижѣ: по главнымъ улицамъ и бульварамъ на каждые три-

четыре дома навѣрное придется одинъ картинный магазинъ. Царство моды есть царство картинныхъ магазиновъ. Торговецъ — царь самой моды, потому-что онъ создаетъ ее. Онъ знаетъ, какъ надо взяться, чтобы пустить въ ходъ всякій родъ произведеній; его цѣль, конечно, не искусство, а нажива. У него въ распоряженіи находятся рецензенты, пишущіе въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ именно то, что онъ имъ прикажетъ; есть газеты и пустыя стѣны для распространенія объявленій и рекламъ о продажахъ. Ему близко извѣстно, какими способами можно поднять репутацію любого исполнителя, какими приемами достигнуть выгодной продажи художественной мастерской, какими средствами разгорячить празднопатающихъ посѣтителей аукціоновъ. Онъ-то и становится верховнымъ руководителемъ общественнаго вкуса, къ авторитету котораго обращаются любители и отъ доброй воли котораго зависитъ вся карьера художника. Онъ-то пользуется существующею анархіею во вкусъ и поддерживаетъ ее. Его прямой интересъ заключается именно въ томъ, чтобы вкусъ публики не развился и не получилъ опредѣленнаго направленія, чтобы ни одинъ типъ живописи не получалъ преобладанія, такъ-какъ разнообразіе направленій доставляетъ ему возможность спускать въ публику большее число картинъ, которыя иначе могли-бы залежаться.

Господство подобнаго положенія вещей имѣетъ, впрочемъ, и свои выгодныя стороны. При существованіи направленія, окончательно опредѣлившагося и могущественно вліяющаго на вкусъ публики, самостоятельности молодыхъ талантовъ трудно найти свободный исходъ. Авторитетъ признаннаго типа душитъ всякое своеобразное явленіе, клонящееся къ обновленію идеаловъ. Примеры подобной тираніи случаются довольно часто.

Переходя къ описанію тѣхъ произведеній, которыя на настоящей выставкѣ привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе, замѣчу, что французскіе живописцы и до сихъ поръ еще увлекаются обширными сюжетами; они рисуютъ громадныя картины, на темы историческія или мифологическія, изображая нерѣдко нѣсколько фигуръ въ ростъ, выставляющихъ на показъ свою наготу. Это здѣсь называется „великимъ искусствомъ“ (le grand art). Последователи этого рода живописи состоятъ подъ покровительствомъ директора изящныхъ искусствъ, который выхлопоталъ для нихъ годичную стипендію въ 4,000 франковъ. Получающій эту стипен-

дію отправляється на три года въ Италію, откуда обязанъ ежегодно присылать свои произведенія, написанныя на заданную програму. Приманка, разумѣется, оказалась обольстительная, и вотъ уже второй годъ, какъ на выставкахъ появляются большія картины, писанныя на соответствующіе „величію искусства“ сюжеты. Преданія монументальной живописи предстали во всемъ величіи предъ французскими художниками, вѣстѣ съ надеждою на получение преміи.

Эти жрецы величія въ искусствѣ, собственно говоря, представляютъ собою одну только претензію, жеманность, манерность и натянутость. Впрочемъ, громко этого никто не говоритъ, но намеками проговаривается рѣшительно вся журнальная критика. Если бы эта погоня за величіемъ въ искусствѣ давала въ результатъ талантливия, выдающіяся произведенія, тогда противъ нея нечего бы и говорить. Но дѣло въ томъ, что она кромя посредственности ничего не производитъ; она представляетъ только образцы пустой, безпредметной риторики.

Вотъ, наприимѣръ, „Самсонъ, освобождающійся отъ оковъ“. Предъ вами три голыя фигуры, среди которыхъ вы узнаете Самсона по его растрепаннымъ волосамъ. Въ этомъ произведеніи нѣтъ ни простоты, ни человѣчности, ни той обстановки, которая могла сопровождать происшествіе. Художникъ Легу, получившій правительственную стипендію въ прошедшемъ году, прислалъ эту картину на настоящую выставку изъ Рима. Выставленный имъ трудъ показываетъ, съ какимъ уваженіемъ относится онъ къ артистическому преданію, но, по какому-то злополучному инстинкту, онъ видимо предался изученію самыхъ опасныхъ представителей этого преданія и слишкомъ увлекся на этомъ скользкомъ пути.

Во второй половинѣ XVI столѣтія итальянская живопись переживала переходную эпоху. Микель Анджело, чувствуя приближеніе смерти, тосковалъ, что его собственная школа принимаетъ весьма странное направленіе. Даже тѣ художники, которыхъ онъ считалъ самыми лучшими своими учениками, перестаютъ понимать и усваивать себѣ его указанія. Вкусъ клонится къ преобладанію манерности и напыщенности. Интересуясь болѣе чисто-декоративною стороною искусства, исполнители все болѣе и болѣе отстраняютъ на второй планъ чистую, безусловную человѣчность создаваемыхъ типовъ: въ каждой фигурѣ художникъ видитъ какъ-

бы вариатиду, которую нужно подвести подъ общій архитектурный приѣмъ его созданія. Послѣдствіемъ такого воззрѣнія является неестественность позъ и натянутость выраженій. Однимъ словомъ, зарождается тотъ упадокъ искусства, который представляютъ собою флорентинская и римская школы, и изъ Италіи распространяется вездѣ.

Творецъ „Самсона“ — непосредственный ученикъ этой школы, умѣвшей вмѣсто дѣйствительнаго движенія представлять только натянутость и стремившейся исключительно къ изображенію какихъ-то неестественныхъ, разнузданныхъ позъ, напыщенныхъ типовъ и вывернутыхъ, исковерканныхъ положеній. „Самсонъ“ рѣшительно не обладаетъ нужною выразительностью.

Спускаясь по лѣстницѣ филистимлянскаго храма, онъ только что успѣлъ разорвать веревки, обвязывавшія его мощныя руки. Схвативъ одного изъ приставленныхъ къ нему стражниковъ поперегъ тѣла, онъ хочетъ окончательно придушить несчастнаго, который разводитъ ногами по воздуху, а другой стражникъ, получивъ, должно быть, сильный ударъ, уже отлетѣлъ въ самый уголокъ картины и, подобно первому, также дрыгаетъ ногами. Ученикъ въ неестественности превзошелъ своихъ учителей. Жеманные живописцы, которымъ подражаетъ Легу, имѣютъ несомнѣнно огромные, непростительные недостатки, но они сохраняютъ въ своихъ твореніяхъ тонкій вкусъ изящной орнаментации, они достигаютъ извѣстнаго общаго эффекта разумнымъ, округленнымъ расположеніемъ линий, они соблюдаютъ равновѣсіе въ допускаемыхъ крайностяхъ. Вводяны ими въ рисунокъ преувеличенія могутъ показаться неистовыми, но не идутъ въ разладъ съ общею гармоніею всей картины: зрителю никогда не придется встрѣтиться ни съ угловатою фигурою, ни съ рѣзкою позою сюжета. Легу усвоилъ самые выдающіеся недостатки этой школы, не воспользовавшись ни однимъ изъ ея достоинствъ. Его „Самсонъ“, выдѣлывающій какія-то странныя гимнастическія упражненія съ двумя акробатами, представляетъ рядъ линий, излишне выгнутыхъ; всѣ положенія неестественны и исковерканы. Первое путешествіе, сдѣланное французскимъ художникомъ въ Италію, на средства, доставленныя ему стипендіею, не привело, такимъ образомъ, къ цѣли, которою задалась академія.

Въ нынѣшнемъ году ту-же стипендію получилъ нѣкто Кормонъ. Онъ также прислалъ на выставку картину. Сюжетъ ея заимство-

вать имъ изъ древней индійской поэмы „Рамаана“. На картинѣ Кормона представлено поле битвы. Царь Раванна убитъ, и жены его сбѣжались, чтобы розыскать дорогое имъ тѣло. Одинъ изъ нихъ овружили покойника и подняли на рукахъ его голову, тогда какъ другія еще сбѣгаютъ, окруженныя своими невольницами. Кормонъ видимо не любитъ темные цвѣта. Не бывъ въ Индіи, трудно судить, насколько выставленное произведеніе соответствуетъ мѣстному характеру, но нельзя не отдать справедливости блестятельному колориту. Трупъ вполне освѣщенъ солнцемъ, блестящія одежды сбѣжавшихся женъ находятся въ полномъ соответствіи съ ихъ красотой.

Картина Кормона представляетъ собою единственный образецъ удачной большой картины, писанный на серьезный сюжетъ. Всѣ прочія произведенія этого разряда поражаютъ посѣтителя своею крайнею посредственностью, несмотря на поощренія, изысканія академіей для поддержанія вкуса художниковъ въ этомъ направленіи. Критику приходится выслушивать странную аргументацію, съ которою выступила академія. По мнѣнію этого почтеннаго учрежденія, *жанровая* живопись слишкомъ завладѣла общественнымъ вкусомъ, малый анекдотъ исторической или практической жизни замѣнилъ собою прежнее величіе сюжетовъ и совершенно отстранилъ гордые типы героическихъ произведеній; и поэтому обязанность академіи въ настоящее время опредѣляется всевозможными усиліями къ восстановленію сочувствія публики къ строго эстетическому стилю. Къ несчастію академіи, выставленные образцы неспособны увлечь собою никого. Перечислять всѣ неудачныя попытки, конечно, нѣтъ надобности, но нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ, отличающихся страннымъ выборомъ сюжета.

На первомъ планѣ входной залы посѣтителя поражаетъ картина, представляющая семь распятыхъ мертвыхъ тѣлъ. Надо отдать справедливость художнику, что если онъ задался пріисканіемъ заувѣчнаго сюжета, то не могъ наткнуться на болѣе соответственный фактъ. Сюжетъ этотъ взятъ изъ библіи. Ресфа, жена израильская, защищаетъ тѣла своихъ сыновей, распятыхъ габаонитами, отъ нападенія хищныхъ птицъ. Семь мертвецовъ на одной картинѣ! Надо было долго думать, чтобы додуматься до изысканія подобнаго сюжета! Тѣла качаются на огромной висѣлицѣ, составляющей собою весь задній планъ картины; голодный коршунъ под-

летаетъ къ нимъ въ надеждѣ воспользоваться жертвочиною, но Ресфа, въ красивой еврейской одеждѣ, вооруженная палицею, отгоняетъ жаднаго хищника. Творецъ этого произведенія — Бекеръ, артистъ не безъ таланта. Онъ обладаетъ широкою кистью, а въ исполненіи отличается тщательною отдѣлкою. Распятія тѣла даже слишкомъ тонко разрисованы, что совершенно излишне, потому что на той высотѣ, на которой они расположены, художникъ могъ-бы довольствоваться болѣе общими очертаніями, чѣмъ отдѣлкою мелочей. Фигура Ресфы поставлена неудачно: эта мать, пришедшая защищать своихъ дѣтей, уже погибшихъ, поражаетъ зрителя ужасомъ, но не величіемъ; ярость, выражающаяся въ ея позѣ, напоминаетъ собою пятый актъ любой трагедіи и представляется вполне театральною. Посѣтителя, конечно, поражаетъ оригинальность обстановки. Но этимъ интересъ, возбуждаемый картиною, и ограничивается. Картина скорѣе удивляетъ зрителя, чѣмъ производитъ на него впечатлѣніе. Причину подобнаго результата слѣдуетъ искать не въ одномъ только выборѣ сюжета. Самый колоритъ картины далеко не выгоденъ для эффекта. Бекеръ видимо задался тѣмъ убѣжденіемъ, что черный цвѣтъ болѣе всего соотвѣтствуетъ трагическому характеру избранной сцены: онъ не пожалѣлъ чернилъ и ваксы, чтобы зачернить фонъ своего произведенія. Это большая ошибка!

Однако, въ произведеніи Бекера нельзя еще не признать извѣстной талантливости. Но что сказать о художникахъ, обогатившихъ выставку произведеніями, въ родѣ „Смерти Сенеки“ или „Заговора молодыхъ римлянъ въ первыя времена республики“? Это представители самой крайней посредственности. Способъ смерти, избранный Сенекою, извѣстенъ каждому. Художникъ захотѣлъ представить тотъ страшный моментъ, когда философъ прорѣзалъ уже свои жилы и давалъ послѣднія наставленія своимъ ученикамъ, лихорадочно запоминающимъ и записывающимъ послѣднія слова наставника. Болѣе фальшиваго и некрасиваго исполненія трудно себѣ представить. Не менѣе странное впечатлѣніе производитъ вторая изъ названныхъ мною картинъ. Заговоръ относится ко времени первыхъ консуловъ, когда римская аристократія стремилась къ возстановленію изгнаннаго рода Тарквиніевъ. Чего ради названный хроникеръ примѣшалъ сюда Циперона и Катилину, остается загадкою. Заговорщики скрѣпляютъ свой союзъ страшною клятвою, сопровождавшеюся испи-

тіежъ крови только-что убитаго передъ тѣмъ человѣка. Снова мертвецъ и снова огромныя пятна крови! Странно, какъ это художнику не пришло въ голову вывернуть всё внутренности убитаго, для произведенія еще большаго ужаса. И снова вся картина черная!

Это все картины молодыхъ, начинающихъ художниковъ. Но вотъ и наставники. Кабанель, членъ академіи, профессоръ въ школъ изящныхъ искусствъ, одинъ изъ самыхъ опытныхъ и ловкихъ художниковъ, извѣстный по своему искусству въ расположеніи сюжетовъ, по добротности рисунка и по колориту, если и не особенно яркому, то, во всякомъ случаѣ, весьма пріятному для глаза. Къ его произведенію, представляющему Фамаръ и Авесалома, публика относилась съ особымъ любопытствомъ, но не находила ничего, стоящаго вниманія. Въ картинѣ Кабанеля колоритъ яркій, цвѣта подобраны хорошо, но въ общемъ она производитъ впечатлѣніе намазанной красавицы публичныхъ гуляній. По позѣ Фамари никакъ нельзя догадаться, что она сестра Авесалома, ищущая у него защиты... За то старательности въ отдѣлкѣ украшеній черезчуръ много.

А вотъ и еще имя, имѣющее европейскую репутацію. Густавъ Дорэ, извѣстный своими рисунками и иллюстраціями, выставилъ огромную картину, едва-ли не самую большую на всей выставкѣ, представляющую „Данта и Виргилія въ седьмой средѣ ада“. Дорэ пользуется репутаціею одного изъ талантливыхъ представителей современной французской школы. Въ эстампномъ искусствѣ онъ произвелъ революцію, настойчиво и успѣшно работалъ надъ обновленіемъ способа иллюстраціи книгъ, создалъ школу граверовъ и до сихъ поръ своими рисунками приводитъ въ восхищеніе всѣхъ знатоковъ дѣла. Къ несчастью, похвалы прессы и публики вскружили ему голову и онъ пренебрегъ серьезнымъ изученіемъ. Въмѣсто того, чтобы въ развитіи идти постоянно впередъ, Дорэ заботился только о спѣшномъ исполненіи массы заказовъ, съ которыми постоянно обращались къ нему издатели. Онъ спѣшилъ и поэтому рисовалъ подъ вліяніемъ легкихъ, поверхностныхъ впечатлѣній, не задавая себѣ труда изучить природу и людей. Подобный пріемъ можетъ еще быть терпимъ, пока рѣчь идетъ о картинкахъ и иллюстраціяхъ. Но приступая къ серьезной живописи, Дорэ приходилось подумать, можетъ-ли онъ на этомъ поприщѣ оставаться вѣрнымъ принципу замѣны качества количествомъ. Въ своей большой картинѣ Дорэ

явился ниже своего таланта. Въ седьмой средѣ ада Данте помѣстилъ грѣшниковъ, преслѣдуемыхъ массою злыхъ змѣй, обвивающихъ и искусающихъ этихъ страдальцевъ. Трудно передать словами, что сдѣлалъ изъ этого сюжета Дорэ. Картина мрачна; въ массѣ безформенныхъ очертаній трудно отличить что-нибудь опредѣленное: всматриваясь внимательно, видишь только массу и болѣе ничего; зеленоватяя линія представляютъ собою змѣй, а розоватяя — грѣшниковъ. И что за странный сюжетъ избралъ талантливый художникъ! Неужели цѣль искусства заключается не въ вѣрномъ изображеніи природы, а въ измысленіи разныхъ ужасныхъ сюжетовъ, дѣйствующихъ на больное воображеніе? Пусть-бы измысленіемъ такихъ сюжетовъ занимались жалкія посредственности, — имъ еще извинительно бить на грубый эффектъ, потому что настоящаго сюжета они измыслить не въ силахъ, — но досадно и больно, когда къ подобнымъ эффектамъ прибѣгаютъ такіе беспорно талантливые люди, какъ Дорэ.

Такимъ образомъ, величіе въ искусствѣ не далось французскимъ художникамъ. Но въ другихъ видахъ живописи: портретной, пейзажной и жанровой они выставили образцы, показывающіе несомнѣнный талантъ исполнителей.

Къ числу лучшихъ изъ выставленныхъ портретовъ критики относятъ произведеніе нашего соотечественника г. Харламова. Онъ выставилъ портретъ извѣстной пѣвицы г-жи Віардо. По своей отдѣлкѣ работа г. Харламова до извѣстной степени грѣшится, представляя иногда нашъ отечественный или, какъ выражаются здѣшніе критики, казацкій закалъ артиста, но сходство схвачено твердо кистью, освѣщеніе чрезвычайно удачно и характеръ срисованной личности выраженъ вполне, внѣ всякихъ исполнительскихъ прикрасъ.

Совсѣмъ другимъ пріемомъ выполненія отличается портретъ хорошо извѣстной Петербургу г-жи Паска. Отдѣлка этого портрета такъ хороша, что многіе были убѣждены, что Бонна, нарисовавшій его, будетъ удостоенъ почетной медали. Однакожь, ожиданія эти не сбылись. Правду сказать, портретъ не отличается поразительнымъ сходствомъ. За то всѣ аксессуары исполнены безукоризненно хорошо. Г-жа Паска представлена въ бѣломъ атласномъ платьѣ, отдѣланномъ жѣломъ; она подпоясана поясомъ кавказской работы. Особенно удалась художнику рука артистки, упадающая во всю

длину по бѣлому фону атласнаго платья. Голова отдѣлана превосходно и отличается особою живостью; кажется, что портретъ сейчасъ выйдетъ изъ рамки и заговорить. Но, повторяю, это скорѣе прекрасная картина, чѣмъ портретъ живого лица.

На ряду съ портретами слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ картинахъ, на которыхъ изображены въ портретную величину типы, срисованные если и не съ прямою цѣлью представить данную личность, то все-таки сняты съ живыхъ людей. Вотъ, напримѣръ, женская фигура, завернутая въ малиновый бархатный халатъ, названная въ каталогѣ „Мечтою“. Жакъ, написавшій эту картину, получилъ первую медаль вполне справедливо. Трудно представить себѣ, чтобы можно было вѣрнѣе придать рисуемой фигурѣ характеръ мечтательности. Передъ этою прелестною картиною всегда толпится масса публики.

А вотъ типъ совсѣмъ другого рода, названный г. Бланшаромъ „Куртизанкою“. Волосы у ней собраны и гладко закручены за висками, съ какою-то притворно дѣвственной красотой. Затылокъ прикрытъ гладкою голубою атласною накладкою, какія случается встрѣчать на старыхъ итальянскихъ портретахъ. Типъ итальянской красавицы, привыкшей увлекать и увлекаться, схваченъ чрезвычайно удачно. Темно-голубые глаза бросаютъ загадочный, небрежный взглядъ. Губы, отличающіяся нѣсколько насмѣшливымъ разрѣзомъ, грозятъ прельстительными обѣщаніями. Поза, общій видъ фигуры, выраженіе лица, наконецъ, отдѣлка костюма — все это имѣетъ нѣкоторый видъ таинственности, заставляющій предполагать, что и это портретъ, но портретъ такой личности, которая захотѣла перенести и себя, и наблюдателя въ отдаленное прошлое. Воображенію представляется Венеція, за нѣсколько столѣтій тому назадъ, и въ ней какой-нибудь бѣлый мраморный палаццо, служащій жилищемъ для красавицы; зритель чувствуетъ, что живетъ, страдаетъ страданіями этой красавицы... и, въ концѣ-концовъ, удивляется, что успѣлъ своею фантазіею пробѣжать такое громадное пространство, и все это изъ-за того только, что у художника хватило достаточно таланта, чтобы написать дѣйствительно живые, глубокіе глаза!

Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Одни бьютъ на величіе въ пріемахъ и въ исполненіи, другіе добиваются эффекта совсѣмъ другимъ путемъ. Нигдѣ цѣнителю не придется встрѣтить

такой конкуренціи, какъ въ стремленіяхъ художниковъ поразить публику, привлечь общественное вниманіе и заставить говорить о себѣ. Было-бы несправедливо упрекать исключительно художниковъ за это направленіе; той-же болѣзнію страдаютъ представители и другихъ родовъ общественной дѣятельности. Обратитъ на себя вниманіе—значитъ найти покупателя, получить вознагражденіе за трудъ, иначе самое талантливое произведеніе придется продать за грошъ и терпѣть нужду. Дурно поступаютъ художники, гоняясь за модой, но еще хуже дѣлаютъ тѣ, которые только въ такомъ случаѣ покупаютъ талантливое произведеніе, если имя художника стало моднымъ. И кто-же главные покупатели картинъ? Изъ десяти покупателей едва найдется одинъ сознательно оцѣнивающій произведенія художества; девять остальныхъ принадлежатъ къ разряду чванной, разжившейся буржуазіи, которая гонится не за дѣйствительнымъ талантомъ, а за именемъ и репутаціею художника. Пока артистъ не составилъ себѣ положенія, эти покупатели пожалѣютъ нѣсколькихъ сотъ франковъ, какъ-бы ни было талантливо его произведеніе, для того, чтобы впоследствии переплатить тысячи за ту-же картину, только потому, что художникъ заставитъ говорить о себѣ.

При такомъ состояніи художественнаго рынка, художникъ, готовя картину къ выставкѣ, часто задается не художественностью сюжета, а его оригинальностью, хотя-бы и вовсе не художественною. Какъ только любопытство публики возбуждено, какъ только заговорили о выставленномъ произведеніи, репутація артиста сдѣлана.

Изъ числа художниковъ, пожелавшихъ отличиться оригинальностью, особенную смѣлость выказалъ Мане. На его картинѣ изображены двѣ фигуры въ одеждѣ лицъ, забавляющихся ѣздою на лодкахъ по Сенѣ, что называется *des canotiers*. Одна фигура мужская, другая женская; обѣ уродливы, обѣ грязны, обѣ глупы; художникъ, очевидно, хотѣлъ посмѣяться надъ публикою; на его картинѣ вмѣсто воды, воздуха и лодки изображено нѣсколько разноцвѣтныхъ пятенъ. Оригинальность его приѣма такъ поразила экспертовъ, что они не посмѣли исключить съ выставки его картину и она, вѣроятно, попадетъ въ картинную галерею какого-нибудь эксцентрика, который будетъ хвастаться ею передъ пріятелями. Перелистывая журнальныя критики, мнѣ случилось на-

ткнуться и на такой отзывъ, что Мане — глава какой-то новой школы. Надо думать, что картина Мане представляетъ обращеніе живописи будущаго...

Самыя удачныя произведенія, которыми французская школа особо гордится и которыми можно дѣйствительно любоваться на настоящей выставкѣ, относятся къ тому виду живописи, который называется *жанромъ*. Онъ во Франціи рѣшительно господствуетъ надъ прочими видами, раскупается на расхватъ и привлекаетъ къ себѣ толпу любопытныхъ. Съ упадкомъ классическаго величія, талантовъ серьезныхъ исполнителей не было другого исхода, какъ жанровая живопись. Большія картины въ большихъ рамкахъ годятся только для музеевъ да картинныхъ галерей. Масса покупателей ищетъ картинъ небольшого объема, которыми можно-бы было украсить любительскія гостиныя; обладаніе картинами успѣло демократизироваться. Уже четверть столѣтія, какъ вкусъ публики сталъ отвращаться отъ исторической живописи. Публика пошла въ одну сторону, а академія въ другую; обѣ окончательно разошлись. А какъ исполнителямъ выгодно было льстить вкусу публики, чѣмъ академіи, то большія, сложныя, магистральныя композиціи сдѣлались достояніемъ новичковъ, а художники практическіе стали искать идеаловъ въ другихъ сферахъ. Публика требовала произведеній легкихъ и пріятныхъ. Отъ художника стали требовать тонкости исполненія, кропотливой и мелочной отдѣлки всѣхъ подробностей.

Тонкость отдѣлки, сдѣлавшись главною задачею художниковъ, доведена ими теперь до крайней степени совершенства; отдѣлка подробностей поразительна, всѣ предметы являются на полотнѣ, какъ натуральные; не хочется вѣрить, что какой-нибудь коверъ, плодъ или женское платье нарисованное, а не настоящіе.

На ряду съ отдѣлкою подробностей жанровая школа посвятила много труда и времени постепенному совершенствованію искусства изображать освѣщеніе. Въ началѣ нынѣшняго года умеръ французскій художникъ, достигшій въ этомъ отношеніи не меньшаго совершенства, какъ и нашъ г. Айвазовскій. Всѣ парижане, интересующіеся успѣхами искусства, убѣдились въ громадности его таланта, побывавъ на устроенной въ Парижѣ посмертной выставкѣ его произведеній. Часть молодости своей Фортуна провелъ въ Испаніи и Африкѣ и всѣмъ своимъ произведеніямъ придалъ блистательное освѣщеніе южнаго солнца. Тѣни, предназначавшіяся

прежде для достиженія большей рельефности нѣкоторыхъ красокъ, были имъ совершенно оставлены; онъ видимо старался достигнуть безусловной прозрачности, безусловнаго блеска. Красное на красномъ, голубое на голубомъ, желтое на желтомъ — вотъ приемы Фортуна. Онъ достигъ совершенства въ своемъ родѣ и на распродажѣ послѣ выставки его произведенія пошли за баснословно-дорогую цѣну.

Итакъ, отъ жанра требуется: тонкость отдѣлки мелочей и блистательность освѣщенія. На настоящей выставкѣ представлено нѣсколько замѣчательныхъ образцовъ. Къ лучшимъ картинамъ въ этомъ родѣ принадлежитъ: „Проходящій полкъ“ Дютайля. Тонкость отдѣлки превосходитъ въ этомъ произведеніи все, что можно себѣ представить. Полкъ проходитъ, съ музыкою и тамбуръ-мажоромъ во главѣ, по бульварамъ, мимо воротъ Сен-Дени и Сен-Мартенъ. Можно пересчитать солдатъ въ каждомъ ряду, равно какъ и мальчишекъ, бѣгущихъ подъ звуки музыки. Не только на вывѣскахъ сосѣднихъ домовъ, но даже на афишахъ, наклеенныхъ по стѣнамъ, можно прочесть все, что напечатано. Время представлено дождливое, и если-бы нашелся охотникъ, то могъ-бы, кажется, пересчитать даже количество капель, ниспадающихъ съ неба. Нельзя не отдать справедливости художнику, что онъ отчетливостью выполненія едва-ли не перецеголялъ самую фотографію. За то, вѣдь этой отчетливости, картина другого впечатлѣнія и не производитъ. Осмотрѣвъ ее, посѣтитель, можетъ быть, сказать: „Красивый въ этомъ полку тамбуръ-мажоръ!“ — и только.

Или вотъ произведеніе русскаго художника, г. Рѣпина, представляющее кофейню на бульварѣ въ вечернее время. Та-же отчетливость и та-же тонкость отдѣлки. Двойное освѣщеніе, со стороны кофейни и съ бульвара, отъ уличныхъ фонарей, схвачено превосходно. Представленные тины дышатъ жизнью: у женщинъ можно даже отличить пудру на волосахъ и румяна на губахъ. Но сильнаго впечатлѣнія, въ родѣ того, на примѣръ, какое производятъ „Бурлаки“ этого-же художника, — картина не производитъ.

Несравненно лучшее впечатлѣніе производятъ нѣкоторыя картины съ комическимъ сюжетомъ. Вотъ, на примѣръ, два монаха; одинъ брѣшетъ другому; это отецъ-брадобрѣй (le Frère barbier). Мысль, по своей оригинальности, привлекаетъ къ себѣ массу пуб-

лики; у этой картины вѣчная давка. Тутъ-же недалеко выставлена „Стрекоза и муравей“, изъ которыхъ первая представлена въ видѣ шарманщика съ гитарою, а второй въ видѣ жирнаго монаха, нагруженнаго собранною десятиною. Оба типа расположены въ сѣвѣжной обстановкѣ зимняго полудня, сопровождаемой изморозью. Художнику пришлось посвятить много труда, чтобы достичь вѣрнаго изображенія зимней погоды, и это удалось ему исполнѣ.

Иногда фантазія художниковъ, при выполненіи жанровыхъ произведеній, заходитъ за предѣлы того, что они могутъ почерпнуть изъ дѣйствительной, не фантастической жизни, представляющей главнѣйшіе сюжеты для ихъ труда. Въ подобномъ случаѣ избранный ими типъ, несмотря на хорошее вынолненіе, возбуждаетъ улыбку и сожалѣніе, что художникъ такъ неумѣло пользуется своимъ талантомъ. Къ такимъ негѣпнымъ твореніямъ принадлежитъ красиво написанная Дюраномъ картина „Окончаніе гѣта“. Онъ вздумалъ представить публикѣ подлюжину парижанокъ, совершенно нагихъ, и помѣстилъ ихъ въ саду, разведенномъ по всѣмъ правиламъ современнаго садоводства, съ дорожками, посыпанными пескомъ, мраморными статуетками и свамейками, выкрашенными зеленою краскою, подобными разставленнымъ въ Елисейскихъ поляхъ и на бульварахъ. Ну есть-ли въ подобной концепціи хоть капля здраваго смысла? Онъ нарисовалъ не какихъ-нибудь дріадъ или нимфъ, которымъ прилично быть безъ костюмовъ, а современныхъ парижанокъ, расчесанныхъ по послѣдней модѣ и раздвѣвшихся голыми передъ публикою. Между тѣмъ за Дюраномъ нельзя не признать таланта.

Въ заключеніе своего краткаго отчета о французской художественной выставкѣ замѣчу, что французскіе художники въ совершенствѣ владѣютъ кистью и въ этомъ отношеніи не имѣютъ себѣ соперниковъ, но приходится пожелать имъ, чтобы они были счастливѣе въ выборѣ сюжетовъ. Видя искусство французскихъ художниковъ, можно надѣяться, что они выйдутъ, наконецъ, изъ сферы начертанія нарядныхъ шелковыхъ матерій и удачнаго освѣщенія и представятъ міру сюжеты, дѣйствительно достойные вниманія.

6 іюня.

Побывавъ на знаменитыхъ лоншанскихъ скачкахъ, нагѣреваюсь подѣлиться моими впечатлѣніями съ читателемъ. Скачки здѣсь имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ рысистые бѣга на Не-

въ или скачки въ Царскомъ Селѣ. На лоншанскихъ скачкахъ проявляется весь характеръ націи, а потому эта сторона парижской жизни стоитъ не только мимолетнаго описанія, но даже серьезнаго изученія. Дѣло въ томъ, что скачки, въ качествѣ установленія, учрежденнаго для улучшенія лошадиныхъ породъ, составляютъ собою только предлогъ, которымъ увлекается относительно небольшое число знатоковъ и охотниковъ. Для массы притягательная сила заключается въ игрѣ, которая ведется на скачкахъ совершенно открыто.

Я присутствовалъ на главной скачкѣ, когда лошади скакали на самый значительный призъ, въ 130,000 франковъ. Этотъ призъ былъ важенъ еще потому, что скачка на него имѣла характеръ международнаго соревнованія. Всѣ классы парижскаго общества толпами съѣхались въ знаменитый ипподромъ Лоншана, что въ Булонскомъ лѣсу. Численность присутствовавшей публики довольно трудно опредѣлить точно. Говорятъ, что приблизительно было до 8,000 экипажей и болѣе 100,000 народу, присутствовавшаго при мирной борьбѣ между французскими и англійскими лошадьми. Не малую часть пріѣзжей публики составляли иностранцы, особенно англичане, которые цѣлыми массами переѣзжаютъ черезъ проливъ во время этого праздника. За нѣсколько дней до великаго событія всѣ подѣзжавшіе къ Парижу поѣзды были переполнены спортсменами, такъ-что трудно было добиться мѣста въ вагонѣ. Въ той мѣстности, гдѣ расположенъ скачковый кругъ, публика направляется самыми разнообразными способами. Большинство ѣдетъ по желѣзной дорогѣ, опоясывающей городъ, другая часть на пароходѣ по Сенѣ; въ экипажахъ пріѣзжаетъ только самая состоятельная часть населенія, или имѣющая своихъ лошадей, или рѣшающаяся платить громадные деньги фіакрамъ. Добиться въ этотъ день извозничьей кареты или коляски въ Парижѣ чрезвычайно трудно: около полудня за фіакръ приходилось уже платить не менѣе пяти золотыхъ, да и то онъ брался довести только до Лоншана, а тамъ выговаривалъ себѣ свободу, съ тѣмъ, чтобы пріѣхать за сѣдоками обратно только въ 5 часовъ. Ѣздятъ также въ старинныхъ дилижансахъ, которые на этотъ день выкатываются изъ-за стараго хлама, переполняющаго сарай, и служатъ средствомъ для добыванія значительныхъ заработковъ. Въ подобный Ноевъ ковчегъ насадеть человѣкъ сорокъ народу,

„Дѣло“, № 7. 2

если не больше, и только приходится удивляться, какъ какая-нибудь четверка лошадей находитъ силы передвигать весь этотъ персоналъ, притомъ-же весьма быстро. Остальная и, конечно, весьма значительная масса направляется пѣшкомъ, неся свои недѣльные заработки, чтобы попытаться счастье въ игрѣ. Играютъ, держа пари на ту или другую лошадь, представители всѣхъ рѣшительно сословій и положеній. Игра идетъ азартная.

Основателемъ существующихъ въ Парижѣ международныхъ скачекъ былъ извѣстный герцогъ Мориа, который, посвящая половину жизни политическимъ заботамъ о процвѣтаніи второй имперіи, проводилъ другую за биржевой игрой, а еще болѣе въ занятіяхъ лошадьми. Замѣтивъ успѣхи коннозаводства во Франціи, онъ вздумалъ установить правильную конкуренцію между лошадьми англійской и французской породъ. Въ вопросѣ о томъ, кто будетъ давать преміи, въ началѣ встрѣтились было серьезныя затрудненія, но съ ними сладили очень легко. Извѣстно, какъ безцеремонно обращалось правительство второй имперіи съ парижскимъ муниципалитетомъ; оно приказало ему ассигновать ежегодно по ста тысячъ франковъ на излюбленное могущественнымъ герцогомъ дѣло, и такимъ простымъ средствомъ устранило затрудненіе. Но этого оказалось мало. Такую-же сумму наложили на компанію сѣверной желѣзной дороги, польстившейся на усиленіе пассажирскаго движенія по эксплуатируемой ею желѣзной дорогѣ во время скачекъ. Затѣмъ представилось еще одно затрудненіе: французы не охотно жертвуютъ рабочими днями для празднествъ, поэтому международную скачку нужно было назначить непременно въ воскресенье; но извѣстное всему міру ханжество англичанъ заставляло опасаться, что они, пожалуй, не захотятъ пускать своихъ лошадей скакать въ воскресенье. Однакожь, англичане согласились и международная скачка стала производиться по воскресеньямъ.

Съ 1863 года было уже 12 международныхъ скачекъ, считая настоящую. Въ шести случаяхъ преимущество осталось за англійскими лошадьми, а въ шести другихъ, въ томъ числѣ и въ нынѣшнемъ году, за французскими. Популярность дѣла растетъ съ каждымъ годомъ, потому что количество публики продолжаетъ увеличиваться, и вскорѣ наступитъ время, когда придется или расширить скачковый кругъ, или ограничить число зрителей, что, разумѣется, немислимо. Уже и теперь мнѣ случилось видѣть много

экипажей, съ разряженными дамами, которые не могли вѣхаться въ скачковый кругъ, потому что все пространство, предназначенное для экипажей, было уже занято. Зная живой характеръ французской нации и принимая во вниманіе международную конкуренцію, можно себя представить тотъ шумъ и гамъ, которыми сопровождаются скачки. Здѣсь нѣтъ ничего общаго съ мертвеннымъ приличіемъ нашихъ царскосельскихъ скачекъ.

Приступлю теперь къ очертанію нѣсколькихъ типовъ, составляющихъ специальную принадлежность скачекъ.

Главное дѣйствующее лицо, разумеется, жокей. Всѣ разговоры сосредоточиваются на немъ. Онъ — герой дня; лошадь, идущая подъ верхомъ, играетъ роль сравнительно второстепенную. Проѣзжая своего коня, жокей серьезенъ, не улыбается; онъ видимо сознаетъ свое достоинство и видитъ себя рѣшителемъ

„... давнишняго, стараго спора“

между двумя сосѣдними націями. Не пытайтесь говорить съ нимъ — онъ отвѣчать не будетъ; онъ весь поглощенъ соображеніями, какъ достигнуть успѣха, точно драматическій авторъ предъ поднятіемъ завѣса на первомъ представленіи пьесы. Жюкей представляетъ собою особый типъ человѣческой породы въ современномъ обществѣ. Большая часть жокеевъ, если не всѣ, — англичане: всѣ фамиліи, которыя мнѣ пришлось слышать — Пратъ, Вагеръ, Карьеръ, — англійскія. Съ семилѣтняго возраста начинается конюшенное воспитаніе жокея; не легко изучить тѣ правила, которыми обуславливается ѣзда на избалованныхъ, кровныхъ скакунахъ. Достигнувъ семнадцати лѣтъ, жокей уже готовый человѣкъ, и только ждетъ случая, чтобы показать свое искусство на скачкахъ. Не думайте, чтобы англійскіе жокеи были похожи на нашихъ вучеровъ или наѣздниковъ. Я видѣлъ нѣсколькихъ изъ нихъ послѣ скачекъ: все это весьма нарядные джентльмены, которыхъ иностранецъ можетъ принять за людей весьма хорошаго общества; жокея не отличишь отъ любого страстного спортсмена! Одѣвается онъ съ особою изысканностью, ѣздитъ по желѣзнымъ дорогамъ въ первомъ классѣ и всегда возитъ съ собою камердинера, обязаннаго таскать за нимъ мѣшки съ костюмами и чистить сапоги съ лакированными отворотами, требующіе особо внимательнаго ухода. При всемъ этомъ жокей — самый дурной судья въ дѣлѣ скачекъ: онъ никогда не можетъ дать себя

отчета о причинахъ, почему ему удастся или не удастся взять призъ, и никогда не сознаетъ, на-сколько ему призъ этотъ легко достался, или, наоборотъ, съ какимъ трудомъ сопернику удалось перегнать его. Часто случается, что жокеи ѣздятъ на лошадяхъ не той конюшни, въ которой сами заинтересованы, и тогда они совсѣмъ не знаютъ лошадей, которыхъ имъ поручаютъ. Мнѣ рассказывали, что одинъ жокей, взявшій призъ, встрѣтивъ черезъ полгода того коня, на которомъ онъ ѣздилъ, выразилъ свое удовольствіе, что онъ былъ вороной. „Я убѣжденъ былъ, что онъ рыжій!“ Онъ даже не обратилъ вниманія на масть лошади, съ которою взялъ призъ.

Рядомъ съ жокеемъ стоитъ другой типъ—конюхъ. Не имѣя и тѣни жокейской нарядности, конюхъ, по основному характеру своему, человѣкъ, воспитанный и живущій на конюшнѣ. Лошадей, приготовляющихся брать тысячные призы, собственники ихъ, разумѣется, балуютъ. Съ юношескихъ лѣтъ имъ устраиваются особо удобныя конюшни, содержимыя съ безпримѣрною чистотою и роскошью. Эта-то чистота составляетъ всю цѣль дѣятельности и обязанность конюха. Человѣкъ спитъ и ѣсть рядомъ съ порученною заботамъ его лошадыю; онъ поставленъ для того, чтобы удовлетворять всѣмъ ея потребностямъ, предупреждать всѣ желанія, удовлетворять даже капризамъ. Конюхъ одного извѣстнаго скакуна, взявшаго нѣсколько призовъ, проводилъ большую часть времени въ томъ, что чесалъ ноздри своего товарища, что доставляло послѣднему ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе... На скачковомъ кругу, въ день скачекъ, конюхъ занимается только тѣмъ, что прогуливаетъ своего коня вплоть до той минуты, когда скакунъ поступаетъ въ распоряженіе своего жокея. Хозяева лошадей дорожатъ хорошими конюхами и ревниво относятся къ тѣмъ изъ нихъ, которые служатъ у ихъ противниковъ. Хозяева, конечно, особенно дорожатъ тѣми конюхами, которые заслужили репутацію людей, неподпадающихъ соблазну взятокъ и подкуповъ, и въ этой сферѣ имѣющихъ то-же разлагающее значеніе, какъ и въ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Долго-ли сочинить коню какую-нибудь незначительную ранку, которая, однакожь, заставитъ его сойти съ круга передъ самою скачкою! Хорошій конюхъ тѣмъ отличается отъ другихъ, что за нѣсколько времени до скачекъ онъ даже не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова или от-

вѣчаетъ на разспросы однѣми неопредѣленными фразами, чѣмъ устраняетъ поводъ ко всякой подозрительности.

Для скачки нужно готовить не однихъ скакуновъ, подвергая ихъ извѣстному систематическому уходу и баловству. Въ такой-же подготовкѣ нуждается и самъ жокей. За нѣсколько недѣль до наступленія скачекъ онъ начинаетъ заботиться объ облегченіи вѣса собственнаго тѣла. Онъ ѣстъ очень мало и по возможности избѣгаетъ говядины и рыбы. Пьетъ онъ только чай. Вечеромъ онъ никогда не ѣстъ. Послѣ утренняго завтрака онъ одѣвается какъ можно теплѣе, напяливая на себя иногда пять или шесть жилетовъ и нѣсколько паръ брюкъ. Въ этомъ костюмѣ онъ отправляется гулять по солнцу втеченіи часа или двухъ, стараясь добиться обильной испарины. Затѣмъ, вернувшись домой, онъ ложится, весь одѣтый, передъ зажженнымъ каминомъ, опять-таки для усиленія испарины... Такому томительному образу жизни подвергаютъ себя не одни жокеи—люди, по ремеслу своему къ этому обязанные,—но и охотники, тѣ, которые извѣстны подъ названіемъ „gentlemen-riders“... То-же самое дѣлаютъ охотники катанья на лодкахъ; и тамъ весь вопросъ также заключается въ достиженіи извѣстной худобы и уменьшенія вѣса.

Видѣ типовъ жокея и конюха, наблюдателю придется встрѣтиться на скачкахъ съ собственниками лошадей и дѣйствительными охотниками. Это также родъ людей, профиль которыхъ довольно ярко выступаетъ на фонѣ, представляемомъ массою публики. Ихъ легко можно узнать по небольшимъ, разноцвѣтнымъ, картоннымъ кружкамъ, которые они носятъ на шляпѣ или въ петличкѣ и которые свидѣтельствуютъ о правѣ ихъ проходить вездѣ, даже по такимъ мѣстамъ, куда прочую публику не пускаютъ. Эти господа знаютъ всѣхъ лошадей, всѣхъ жокеевъ, всѣхъ конюховъ. Они всегда или сами чѣмъ-то распоряжаются, или даютъ совѣты распорядителямъ. По всѣмъ ихъ приемамъ видно, что они сознательно относятся къ излюбленному дѣлу, и если-бы не возрастъ или общественное положеніе, то готовы были-бы сами поскакать вмѣсто жокеевъ...

Самая интересная сторона скачекъ—игра; до прошлаго года этою игрою завѣдывали спеціально устроившіяся два агентства, но, вѣрно, дѣла велись ими не совсѣмъ правильно, потому что оба учрежденія закрыты по судебному рѣшенію. Въ публикѣ, впрочемъ, тол-

кують, что безъ этихъ агентствъ скачки потеряли свой прежній характеръ. „Представьте себѣ, говорятъ они, — Бадень и Гомбургъ безъ рулетки. Это — воздушный пирогъ, который, поднявшись сначала, вслѣдъ затѣмъ подается къ столу опустившимся!“ Можно представить себѣ, какая бѣшеная игра велась въ прежніе годы, при дѣйствіи агентствъ, когда и теперь она ведется очень азартно.

Демонъ игры — это неуловимый протей, съ которымъ никакая полиція, никакая власть никогда не сладитъ. Среди самой нарядной публики мнѣ показали двухъ или трехъ „books-масаг'овъ“, т. е. такихъ господъ, которые держали пари за и противъ любой лошади съ кѣмъ угодно. Вокругъ нихъ толпа игроковъ, кричащая и размахивающая руками... ну, точно на биржѣ, въ „корзинѣ“ биржевыхъ маклеровъ... Господа эти поднимаютъ или опускаютъ цѣну предлагаемыхъ пари, отмѣчая это мѣломъ на черной доскѣ, смотря по тому, за какого скакуна въ публикѣ является болѣе охотниковъ. Book-масаг'ы извѣстны всей публикѣ, посѣщающей скачки; они пользуются большею или меньшею популярностью, смотря по той легкости и быстротѣ, съ которою они выполняли свои обязательства по игрѣ на предъидущихъ скачкахъ. Одинъ изъ нихъ — бывшій миліонеръ, успѣвшій проиграть состояніе на скачкахъ. Показывали мнѣ и такого, который пріѣхалъ на скачку въ коляскѣ со всѣмъ семействомъ; пока отецъ играетъ роль кассира и принимаетъ отъ желающихъ идущія въ пари деньги, супруга записываетъ имена охотниковъ въ кассовую книгу, а старшая дочь раздаетъ квитанціи. Коляска окружена толпою и деньги таеъ и сыплются въ кожаный мѣшокъ банкюмета (это названіе должно соответствовать, по смыслу своему, роли books-масаг'а). Сколько-бы потомъ онъ ни платилъ проигрышей, онъ никогда не останется въ убыткѣ, потому что онъ личный пріятель всѣхъ жокеевъ и конюховъ, черезъ нихъ знаетъ шансы каждой лошади, а подчасъ можетъ и руководить этими шансами; крупные пари почти всегда оказываются не въ пользу игрока! Такъ-называемыя пульки, т. е. складчины нѣсколькихъ игроковъ за или противъ извѣстной лошади, запрещены, но, разумѣется, полиція не постѣваетъ ловить всѣхъ охотниковъ по этой части; преслѣдованія ея приводятъ въ большей части случаевъ къ тому, что собравшій пульку успѣваетъ скрыться, унося съ собою и собранныя деньги.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о публикѣ. Самая со-

стоятельная часть пріѣзжихъ сосредоточена, разумѣется, въ ложахъ и трибунахъ. Тутъ можно встрѣтить все нарядное общество, посящающее обыкновенно первыя представленія театральныхъ пьесъ. Министры, депутаты, дипломаты, литераторы толпятся здѣсь, принимая участіе въ событіи, какъ обыкновенные смертные. Публика, заседающая въ трибунахъ, представляетъ собою блистательный и любопытный спектакль для другой публики, занимающей обширный лугъ, находящійся внутри круга, тогда-какъ послѣдняя служить увеселительнымъ развлеченіемъ для лицъ, средства которыхъ дозволили заплатить по 20 франковъ съ персоны, чтобы имѣть доступъ въ трибуны.

Другая половина нарядныхъ парижанъ или, лучше сказать, парижанокъ, находится на самомъ лугу, оставаясь въ своихъ роскошныхъ экипажахъ. Это, въ большей части случаевъ, верхній слой международного полусвѣта. Только изрѣдка можно встрѣтить здѣсь какое-нибудь великосвѣтское, а чаще богатое купеческое семейство, пріѣхавшее пощеголять туалетами, экипажами и лошадьми, наравнѣ съ разжившимися коботками. Въ ту минуту, когда пускаютъ лошадей въ ходъ, вся эта публика подымается съ мѣста и наблюдателя поражаетъ не столько изысканность костюмовъ, сколько единодушіе говора и восклицаній. Но пока скачущіе еще не тронулись, экипажи положительно осажены букетчицами, шныряющими между лошадьми и лакеями, прыгающими на экипажныя подножки; онѣ съ особою ловкостью держатся то на ресорѣ, то на колесѣ, и во всѣхъ этихъ положеніяхъ надобѣдаютъ публикѣ предложеніемъ цвѣтовъ... Нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе рѣшительныя, бросаютъ букеты въ коляски, въ убѣжденіи, что всегда найдется у пріѣзжихъ золотая монета, чтобы отплатить за подобную любезность.

Но такой дорогой платы букетчицы могутъ добиться только отъ экипажныхъ сѣдоковъ. Прочая публика, находящаяся внутри скакового круга, далеко не падка на цвѣты и безъ церемоніи гоняетъ отъ себя пристражающихъ букетчицъ. Здѣсь думаютъ только о томъ, какъ-бы пробраться къ веревкѣ, окружающей кругъ. Для достиженія этой цѣли каждый готовъ пустить въ дѣло всѣ ухищренія краснокожаго и предается самымъ разнообразнымъ волнистымъ движеніямъ, напоминающимъ движенія змѣи или ящерицы. Здѣсь вы встрѣтите всѣ парижскіе типы, выведенные въ романахъ Бальзака и Поль-де-Кова.

Вотъ, во-первыхъ, парижскій ротозѣй, являющійся на скачки, какъ на всякое другое зрѣлище, стоющее недорого. Онъ радъ, что нашелъ средство за какой-нибудь франкъ особн сочинить себѣ прогулку за-городъ, дать дочери случай надѣть новый лѣтній туалетъ и при всемъ этомъ вдоволь насмотрѣться на лошадей, нарочно приведенныхъ изъ Англїи. Добывъ себѣ изрядное мѣстечко, этотъ господинъ терпѣливо остается до самаго конца скачки.

Если кто-нибудь успѣетъ воспользоваться минутою невниманїя и займетъ его мѣсто, то вы можете быть убѣждены, что это — игрокъ въ душѣ, прибывшій на скачку, чтобы попытать счастья. Этотъ типъ легко узнать по его особой раздражительности. Если онъ чему-нибудь радъ, то хохочетъ громко, не церемонясь; если онъ, напротивъ, недоволенъ, то рѣчь его ограничивается краткими, рѣзкими выраженїями; если его преслѣдуютъ опасенїя насчетъ участи того ѣздока, за котораго онъ держитъ пари, онъ ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы достигъ переднихъ рядовъ толпы. Сознательное равнодушіе дѣлаетъ его нечувствительнымъ къ ругательствамъ, а подчасъ даже и къ тумакамъ. Этотъ господинъ, въ большей части случаевъ, за нѣсколько времени до скачки сократилъ расходы на пищу, на всевозможныя жизненныя удобства и развлеченїя, вошедшія въ его привычку, и во всякомъ случаѣ на туалетъ, какъ свой, такъ и въ особенности женинъ, чтобы накопить ту небольшую сумму, которой онъ намѣренъ рискнуть въ скаковую пульку. И стоитъ-же онъ за выигрышъ съ особою, ему одному свойственною, настойчивостію! Съ ожесточенїемъ слѣдитъ онъ за переходами въ побѣгъ пущенныхъ лошадей, пронося проклятїя тому жокею, который скачетъ на избранной имъ лошади. Когда результатъ скачки опредѣлится и будетъ очевидно, что выигрышъ не на его сторонѣ, онъ и тутъ не успокоится, а станетъ протискиваться сквозь толпу къ тому мѣсту, гдѣ вѣсятъ жокеевъ. Надежда, что выигравшій призъ жокей не будетъ имѣть установленнаго вѣса, не покидаетъ его до послѣдней минуты.

Третій типъ—это военный, солдатъ. Сосѣдство казармъ доставило ему возможность добраться до веревки ранѣ всѣхъ. Но затѣмъ чисто-воинская любезность къ прекрасному полу побуждаетъ его шагъ за шагомъ отступаться отъ выгоднаго мѣста. Въ

концѣ-концовъ, онъ оказывается не у веревки, а за цѣлою толпою пробравшихся впередъ людей, и чтобы видѣть скачку, долженъ измышлять позиціи не воинскія, а скорѣе танцевальныя, стараясь держаться на носкахъ, чтобы наслаждаться зрѣлищемъ поверхъ дамскихъ шляпъ.

Но довольно наблюдать! Раздался звонокъ, одинъ изъ распорядителей махнулъ флагомъ и одиннадцать скакуновъ понеслись.

Въ первую минуту вся публика какъ-будто остолбенѣла. Магнетическая дрожь пробѣгаетъ по толпѣ. Всѣ поднялись съ мѣсто и одно слово, произнесенное всѣми разомъ, оглашаетъ вдругъ:

— Пошли!

Рѣшительный характеръ скачка принимаетъ только на третьемъ кругу. Ничего нѣтъ любопытнѣе, какъ обратить въ эту минуту вниманіе на толпу. На половинѣ круга въ воздухѣ зарождается какой-то гулъ, который увеличивается и раздувается съ приближеніемъ къ цѣли. Однимъ звукомъ, мало-по-малу подготовляющимся, выражается также и побѣда счастливаго скакуна.

— Сальваторъ! кричитъ толпа, называя имя выигрывающей призь лошади въ одинъ голосъ. Съ самаго начала третьяго круга онъ становится впереди другихъ, и французамъ остается только радоваться, что и на этотъ разъ они взяли верхъ надъ за-ламаншскими сосѣдями. Говорятъ, что когда призь достается англійской лошади, то и крики отличаются другимъ характеромъ и имѣютъ англійскій отгѣнокъ.

Анонимъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Нѣчто о конгрессахъ и ихъ значеніи для науки и для практической жизни.—Конгрессы прошлаго 1874 года.— Конгрессъ „Общества развитія наукъ“ въ Лиллѣ.— Конгрессы мира въ Женевѣ.— „Общество международного права“.— „Общество реформы и кодификаціи международного права“.— „Лига мира и свободы“.— Конгрессъ нѣмецкихъ экономистовъ.— Конгрессъ въ Гrefельдѣ.— Конгрессъ въ Эйзенахѣ.— Санитарная конференція въ Вѣнѣ.— Съѣздъ германскаго гигиеническаго общества въ Данцигѣ.— Конгрессъ членовъ „Social Science Association“ въ Глазговѣ.

Лѣто и въ особенности осень—сезонъ конгрессовъ. Въ это время года ученые, администраторы, политики, промышленники, вообще „двигатели“ (т. е. считающіе себя двигателями) разнообразныхъ отраслей практической и умственной жизни западно-европейскаго общества покидаютъ свои домашніе пенаты и спѣшатъ въ какіе-нибудь большіе или маленькіе центры для взаимнаго обмѣна мыслями, изслѣдованіями, прожектами и пр., и пр.; не проходитъ мѣсяца (съ мая до октября или ноября включительно), не проходитъ недѣли безъ того, чтобы то тамъ, то здѣсь не устраивалось какого-нибудь rendez-vous. И съ каждымъ годомъ эти rendez-vous повторяются все чаще и чаще, съ каждымъ годомъ потребность въ нихъ чувствуется все сильнѣе и сильнѣе, съ каждымъ годомъ они приобрѣтаютъ все больше и больше вліянія на теченіе нашей общественной жизни и все значительнѣе и, такъ-сказать, авторитетнѣе становится та роль, которую они играютъ въ ней. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ближайшемъ будущемъ значеніе конгрессовъ (особенно тѣхъ изъ нихъ, которые преслѣдуютъ не столько чисто-научныя, сколько практическія цѣли) должно еще болѣе усилиться и ихъ

резолуціи получать почти официальный, законодательно-принудительный характеръ. Уже и теперь ихъ работами пользуются для разныхъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій и нерѣдко сама власть предоставляетъ имъ въ извѣстныхъ сферахъ не только право совѣщательнаго, но и право рѣшающаго голоса. Последнее, правда, имѣетъ мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ конгрессахъ принимаютъ участіе или люди сами власть имѣющіе, или люди очень близко стоящіе къ власти имѣющимъ. Случаи эти, однако, повторяются теперь все чаще и чаще. Быть можетъ, этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется постоянно возрастающее практическое значеніе конгресса.

Протоколы и резолюціи ученыхъ съѣздовъ—лучшіе популяризаторы и лучшіе распространители научныхъ истинъ. Ихъ прочтеть всякій, кто читаетъ газеты, а много-ли на Западѣ грамотныхъ людей, которые не читаютъ газетъ? Нужды нѣтъ, что ихъ изложеніе отличается сухостью и какою-то официальнойностью; за то ихъ краткія и догматическія формулы легко запоминаются и импонирующимъ образомъ дѣйствуетъ на умы „профановъ“. „Ужь если къ такому-то или такому-то выводу пришелъ цѣлый ареопагъ ученыхъ и „свѣдущихъ людей“, разсуждаетъ профанъ,—значить, это правда“. Онъ не станетъ останавливаться на *considérant*'ахъ, онъ не чувствуетъ себя для этого достаточно компетентнымъ; ему важно лишь заключеніе, и онъ принимаетъ его почти всегда на вѣру. Благодаря этому обстоятельству, конгрессъ служитъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ, самыхъ дѣйствительныхъ средствъ руководить общественнымъ мнѣніемъ и готовить его къ практическому осуществленію всѣхъ тѣхъ истинъ (или якобы истинъ), которыя онъ скрѣпляетъ своею санкціею.

Что дѣйствительно именно таково преобладающее значеніе конгресса *), читатель легко въ этомъ убѣдится, ознакомившись съ характеромъ преній и резолюцій ученыхъ съѣздовъ, и преимуществен-

*) Мы имѣемъ здѣсь въ виду конгрессы, преслѣдующіе преимущественно чисто-практическія задачи въ области соціальной, торгово-промышленной и санитарной политики. Что-же касается до конгрессовъ, преслѣдующихъ цѣли отвлеченно-научныя (археологическія, антропологическія, этнологическія etc.), то, разумѣется, ихъ значеніе почти исключительно опредѣляется популяризаціею послѣднихъ научныхъ выводовъ, обобщеній и изслѣдованій. Другого значенія они не имѣютъ, да и по самому характеру своему имѣть не могутъ.

но тѣхъ изъ нихъ, которые собираются для рѣшенія экономическихъ, промышленно-торговыхъ, санитарныхъ и иныхъ вопросовъ, близко соприкасающихся съ нуждами и потребностями практической жизни.

Многіе, однако, думаютъ, будто значеніе конгресса не исчерпывается только однимъ этимъ: что онъ не только популяризируетъ извѣстныя истины, направляетъ въ извѣстномъ смыслѣ общественное мнѣніе и подготавливаетъ его къ извѣстнымъ законодательнымъ и административнымъ предпріятіямъ, но что, кромѣ того, онъ содѣйствуетъ „преуспѣванію“ науки, двигаетъ ее впередъ, и служа, такъ-сказать, нейтральною почвою для сближенія чистой практики съ чистою теоріею, вноситъ въ послѣднюю болѣе живой, реальный духъ, отнимаетъ отъ нея абстрактный характеръ, ставитъ ее на почву дѣйствительности.

Съ послѣднимъ, конечно, нельзя не согласиться. Дѣйствительно, конгрессы, ежегодно собирающіеся для обсужденія различныхъ вопросовъ изъ области политико-общественныхъ наукъ, всегда стараются сблизить или, лучше сказать, подогнать теоретическіе выводы и положенія послѣднихъ къ практическимъ требованіямъ будничной дѣйствительности. Однако, весьма сомнительно, чтобы отъ подобнаго сближенія наука выигрывала; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, ей приходится ради него дѣлать такіа отступленія отъ логики, соглашаться на такіе компромисы, которые едва-ли могутъ содѣйствовать ея „преуспѣванію“, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ прогрессивнаго развитія.

Само собою понятно, что мы говоримъ здѣсь только о тѣхъ ученыхъ rendez-vous, на которыхъ преслѣдуются цѣли болѣе или менѣе непосредственно-практическія. Понятно, что конгрессамъ, собирающимся для разрѣшенія какихъ-нибудь археологическихъ, антропологическихъ, геологическихъ и т. п. задачъ, въ большинствѣ случаевъ не представляется ни малѣйшей надобности прибѣгать къ преднамѣренной фальсификаціи научныхъ выводовъ и изслѣдованій. Но если нельзя сказать, чтобы они поддѣлывали науку, то нельзя также сказать, чтобы они и впередъ-то ее двигали, потому уже одному, что ученые rendez-vous всегда бываютъ крайне непродолжительны (всего какихъ-нибудь нѣсколько дней), отличаются крайне натянутымъ, такъ-сказать, офиціознымъ характеромъ, и въ большинствѣ случаевъ не представляютъ для собравшихся ученыхъ

ничего такого, чего-бы они и раньше не знали. Вообще каждый человекъ, слѣдящій за дѣятельностью и конечными научными результатами „съѣздовъ“, согласится съ нами, что они служатъ не столько средствомъ обмѣна новыхъ мыслей и новыхъ изслѣдованій, сколько средствомъ оповѣщенія „профановъ“ о тѣхъ мысляхъ и изслѣдованіяхъ, которыя могутъ казаться „новостью“, только имъ, профанамъ.

Но умаляя, такимъ образомъ, значеніе конгрессовъ, какъ „двигателей науки“, мы тѣмъ съ большею силою настаиваемъ на ихъ значеніи чисто-практическомъ, на той важной роли, которую они играютъ (или должны играть) въ развитіи и направленіи нашей общественной жизни. Само собою понятно, что важность этой роли должна быть прямо пропорціональна практической важности тѣхъ вопросовъ, для обсужденія которыхъ они составляются. Чѣмъ жизненнѣе эти вопросы, чѣмъ ближе касаются они реальныхъ нуждъ и потребностей будничной дѣятельности, тѣмъ большее значеніе должны имѣть резолюціи и пренія конгресса, тѣмъ большаго вниманія должны они заслуживать въ глазахъ каждаго, интересующаго общественною жизнью западной Европы.

Конечно, не всегда бываетъ то, что должно быть; гораздо чаще случается наоборотъ: именно того-то и не бываетъ, что должно быть. Читатель не замедлитъ убѣдиться въ этомъ, просмотрѣвъ итоги прошлогодней дѣятельности наиболѣе замѣчательныхъ конгрессовъ, собиравшихся во Франціи, Германіи, Англійи и Швейцаріи для обсужденія вопросовъ весьма, повидимому, практическихъ, весьма близко затрогивающихъ насущные потребности и интересы того или другого класса общества.

Мы постараемся представить ему эти итоги въ возможно-сжатой формѣ, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду познакомить его съ общимъ характеромъ и направленіемъ тѣхъ разнообразныхъ (разнообразныхъ, разумѣется, только повидимому, въ сущности-же весьма однообразныхъ) съѣздовъ, съ которыми ему придется снова встрѣтиться нынче осенью. Заручившись опытомъ прошлаго года, мы будемъ имѣть болѣе твердую и надежную точку опоры для оцѣнки и уясненія ихъ дѣятельности въ текущемъ году.

Съѣзды, имѣвшіе слишкомъ офиціозный характеръ (въ родѣ, напр., международнаго конгресса въ Брюсселѣ, по вопросамъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ международнаго права, дѣйствующ-

щаго во время войны, или международного почтового конгресса), будут исключены из нашего обзора, такъ-какъ они представляютъ собою не какіе-нибудь ученые конгрессы, не простые *gêneraux* партикулярныхъ „двигателей“ различныхъ отраслей умственной и практической жизни, а „властью облеченныя“ международныя правительственныя комисіи.

Начнемъ съ Франціи.

Въ августѣ (отъ 20 до 27 числа) собрался въ Лиллѣ конгрессъ „Общества для развитія наукъ“ (*Association française pour l'avancement des sciences* *). Конечно, мы не пойдемъ съ вами, читатель, въ тѣ отдѣленія, гдѣ Ландронъ (изъ Дюнкирхена) излагалъ свои „опыты акклиматизаціи“ чилийскаго растенія „*madia zativa*“, гдѣ Сабатье читалъ свой рефератъ объ анатоміи гиппокама, а Шатонъ сообщалъ нѣкоторые анатомическія подробности строенія глистовъ; гдѣ Чильи-Нарагто бесѣдовалъ о жителяхъ Канарскихъ острововъ, а Прюньеръ—объ искусственно пробуравленныхъ черепахъ до-историческихъ эпохъ; гдѣ солидно разсуждали о паралелограмѣ Поселье, о культивированіи свеклы, о *Viscerhalus Naimeanus*, о Бразиліи, о цытварномъ сѣмени и о иныхъ „матеріяхъ важныхъ“... Все это вопросы весьма почтенные и, вѣроятно, очень интересные, но только не для насъ, простыхъ смертныхъ, которые хотя и не прочь поѣсть иногда свеклы, а подчасъ воспользоваться и услугами цытварнаго сѣмени, но совершенно неспособны заставить себя интересоваться вопросами о составѣ почвы, наиболѣе благоприятствующей произрастанію этихъ полезныхъ продуктовъ растительнаго царства, о наилучшемъ уходѣ за ними и т. п. Хорошо это или дурно, но во всякомъ случаѣ не-

* Общество это основано еще очень недавно и всего только третій разъ съѣзжается на общій конгрессъ (первые два конгресса были: одинъ въ Лионѣ, другой—въ Бордо). Предсѣдателемъ его считается знаменитый Вюрцъ. Къ 15 декабря 1874 г. число членовъ равнялось 1,150; кромѣ того, 240 членовъ-основателей и 106 пожизненныхъ членовъ,—всего 1,496. Ежегодный доходъ общества превышаетъ въ настоящее время 10,000 фр.

Въ нынѣшнемъ 1875 году состоится четвертый конгрессъ общества. Мѣстомъ конгресса назначенъ Понтъ.

сомнѣнно, что мы (или, по крайней мѣрѣ, громадное большинство изъ насъ) интересуемся лишь такими вопросами, которые, во-первыхъ, могутъ оказывать непосредственное вліяніе на наше благополучіе, отвѣчать на насущныя потребности нашей практической жизни; во-вторыхъ, могутъ быть уяснены и поняты нами безъ всякой предварительной технической подготовки съ нашей стороны. Вопросы эти составляютъ по-преимуществу предметъ изслѣдованій такъ-называемыхъ прикладныхъ общественныхъ наукъ (политическая экономія, педагогика, гигиена и т. п.). Поэтому на нихъ-то мы и будемъ исключительно обращать наше вниманіе, и, не останавливаясь ни на „атомахъ вселенной“ (рѣчь Вюрца: *La theorie des atomes dans la conception générale des mondes*), ни на пробуравленныхъ черепахъ, ни на чилийскихъ растеніяхъ, ни на паралелограмахъ, ни на *Viscerphalus Haimecapus*, ни даже на свеклѣ и цытварномъ сѣмянѣ, мы прямо перейдемъ къ экономическому отдѣлу (хотя его правильнѣе было-бы назвать отдѣломъ общественныхъ наукъ) лилльскаго конгресса.

Но и тутъ, на первыхъ-же порахъ, мы, повидимому, сталкиваемся съ вопросомъ весьма теоретическимъ, отвлеченно-научнымъ, а потому для насъ, простыхъ смертныхъ, и не особенно интереснымъ,—съ вопросомъ о важности политической экономіи при данныхъ общественныхъ условіяхъ („*Sur l'importance de l'économie politique dans les conditions modernes*“, мемуары нѣкоего Ноталля). Однако, стоитъ только дослушать референта до конца, чтобы убѣдиться, что онъ совсѣмъ не абстрактный теоретикъ, а ловкій практикъ, способный въ интересахъ своего дѣла вымучить изъ „науки“ такіе выводы и умозаключенія, которые, вѣроятно, ни одному чистому теоретику и во снѣ-бы не приснились. Основную и едва-ли не единственную мысль реферата можно формулировать такимъ образомъ: въ настоящее время политика погрязла въ грубый эмпиризмъ (или, выражаясь словами референта: политика представляетъ собою „*les passions se mouvent dans l'empirisme*“); чтобы выйти изъ своего эмпирическаго состоянія, она должна во всемъ слѣдовать и подчиняться совѣтамъ и указаніямъ науки политической экономіи; совѣты-же и указанія этой науки сводятся къ тому, чтобы политики не вмѣшивались въ экономическую сферу народной жизни и твердо памятовали, что единственная ихъ обязанность относительно общества состоитъ въ неукоснительномъ преслѣдованіи

и караніи всякихъ посягательствъ на чужую собственность и на свободу обмѣна.

Мысль, конечно, не новая, но съ точки зрѣнія извѣстныхъ интересовъ весьма практическая.

Менье въ своей запискѣ объ образованіи богатства (*sur la formation de la richesse*) сдѣлалъ-было попытку поднять своихъ сотоварищей до уровня требованій „отвлеченной науки“. Во имя ея будто-бы непреложныхъ истинъ, онъ старался доказать, что единственно-раціональный налогъ—это налогъ на капиталъ; всѣ-же остальные виды налога (на трудъ, на потребление, на обмѣнъ и т. п.) и несправедливы, и убыточны, поэтому ихъ слѣдуетъ уничтожить и замѣнить первымъ. Собраніе вознегодовало; „чистая теорія“ пришлось ему не по вкусу и оно пожелало немедленно разжидить ее водою практическихъ соображеній. Менье не могъ устоять противъ этого всеобщаго негодованія и уважилъ желанія своихъ коллеговъ. Онъ извинился передъ ними за свое предложеніе и поспѣшилъ его смягчить такимъ заявленіемъ: хотя налогъ на капиталъ единственно раціональный, хотя онъ долженъ замѣнить собою всѣ другіе налоги, но... но онъ согласенъ съ Эйхталемъ (президентъ экономической секціи), что вводить его слѣдуетъ съ крайнею постепенностью и осторожностью, и притомъ лишь только тогда, когда онъ, не обременяя капитала, будетъ давать столько-же, сколько даютъ въ общей сложности всѣ существующіе въ настоящее время податные источники.

Примиривъ такимъ безобиднымъ образомъ теорію съ практикою по вопросамъ о налогѣ и объ отношеніяхъ политической дѣятельности въ экономической жизни, ревнители „преуспѣянія наукъ“ принялись примирять практику съ теоріею по вопросу объ эксплуатаціи и администраціи желѣзныхъ дорогъ. Господствующая практика, — практика, процвѣтавшая во времена второй имперіи съ такимъ блескомъ и съ такимъ явнымъ ущербомъ для интересовъ всего общества, — настоятельно требовала, устами едва-ли не большинства ревнителей, сохраненія старой системы эксплуатаціи, посредствомъ крупныхъ промышленныхъ компаній. При этомъ одни изъ ревнителей допускали возможность и даже полезность свободной конкуренціи между компаніями, другіе-же полагали, что все дѣло слѣдуетъ монополизировать въ немногихъ рукахъ. Представители теоріи, исходя изъ тѣхъ печальныхъ послѣдствій, въ котормъ при-

вела система второй имперіи, доказывали необходимость выкупить всѣ желѣзныя дороги изъ частныхъ рукъ и предоставить эксплуатацію ихъ самому государству. Спорили, какъ водится, и очень много, и не особенно толково. Ни представители практики, ни представители теоріи не могли убѣдить другъ друга въ справедливости своихъ точекъ зрѣнія до тѣхъ поръ, пока не явился нѣкій примиритель (Болье). Онъ разрѣшилъ всѣ мучившія ихъ затрудненія самымъ дипломатическимъ образомъ: съ одной стороны, нельзя не сознаться, рассуждалъ онъ, — что эксплуатація желѣзныхъ дорогъ посредствомъ частныхъ компаній имѣетъ свои выгоды и невыгоды, съ другой — должно признаться, что и эксплуатація ихъ посредствомъ государства или особнхъ частныхъ обществъ, спеціально для этой цѣли устраиваемыхъ, имѣетъ тоже свои выгоды и невыгоды, а потому самое лучшее: отъ каждой системы взять понемножку. Тогда и овцы будутъ цѣлы, и волки голодны не останутся.

Этими остроумными примиреніями практики съ теорією и теоріи съ практикою и ограничилась дѣятельность лильскихъ ревнителей по части экономическихъ вопросовъ. Читались еще и другіе рефераты, но о нихъ едва-ли стоитъ упоминать, такъ-какъ, кромѣ избытыхъ общихъ мѣстъ, жеванныхъ и пережеванныхъ мыслей, въ нихъ ничего нельзя найти *). Какъ на единственное исключеніе, можно указать на два реферата доктора Гузе о смертно-

*) Лефоръ прочелъ рефератъ „объ отношеніяхъ политической экономіи къ гражданскому праву“, гдѣ въ сотый разъ повторялъ избитую, никѣмъ не оспариваемую и на въ комъ не возбуждающую сомнѣній мысль о тѣсной связи экономическихъ отношеній и юридическихъ формъ, опредѣляемыхъ этими отношеніями. Г-жа Менье (читала о воспитаніи юношества) исписала нѣсколько страничекъ громкими и когда-то красивыми фразами, но теперь окончательно стершимися отъ частаго употребленія, и выразила благочестивое желаніе, чтобы научное образованіе было широко распространено среди трудящихся массъ, чтобы существующая система первоначальнаго воспитанія была согласована съ требованіями гигиены и чтобы вообще было открыто побольше школъ и мастерскихъ для того, чтобы могли закрыться тюрьмы и всякія иныя карательно-исправительныя заведенія. Затѣмъ она выразила мысль, что недурно было-бы дать бѣднякамъ средства къ существованію и предоставить имъ возможность возвышаться, посредствомъ труда, „до степеней извѣстныхъ“. Но какъ могутъ быть осуществлены всѣ эти прекрасныя мысли и благородныя желанія — объ этомъ г-жа Менье краснорѣчиво промолчала. Наконецъ, читался еще рефератъ „о вліяніи науки на развитіе богатства“. Но вы, читатель, уже напередъ знаете все, что можно сказать на эту тему, а потому излагать вамъ его содержаніе было-бы слишкомъ скучно.

сти дѣтей въ Лиллѣ и о „статистикѣ пауперизма и общественной благотворительности“. Изъ первой записки оказывается, что смертность дѣтей постоянно возрастаетъ и что съ 1853—1873 года 1 умершій ребенокъ приходился менѣе, чѣмъ на 5 родившихся. Изъ второй—что число пауперовъ, живущихъ въ Лиллѣ на счетъ общественной благотворительности, доходитъ до 23,724, т. е. 1 пауперъ на каждые 6,5 жителей (населеніе Лилля = 156,000 чел.). Изъ нихъ круглый годъ пользуются общественной благотворительностью 5,003 семейства, заключающія въ себѣ 19,046 чел. На каждую семью бѣдняковъ выдается въ годъ среднимъ числомъ 89 фр. 45 сент. Вообще на содержаніе пауперовъ тратится ежегодно около 600,000 фр. На 23,000 нищихъ считается людей способныхъ въ работѣ (фабричныхъ, ремесленниковъ, поденщиковъ) 12,159; остальные—дѣти, больные, сироты и женщины. Заработная плата, несмотря на вздорожаніе всѣхъ жизненныхъ припасовъ и квартиръ, осталась та-же, что была лѣтъ 15 тому назадъ; она не превышаетъ 2 фр. 75 сент. въ день; средняя плата отъ 2 фр. до 2 фр. 50 сент. Между тѣмъ для прокормленія и помѣщенія рабочей семьи (изъ трехъ только лицъ) нужно ежедневно издерживать до 4 фр. и болѣе.

Еще въ газетахъ не успѣли появиться отчеты о лилльскомъ конгрессѣ, какъ уже въ Женевѣ (въ сентябрѣ) начались знаменитые конгрессы мира. Провидѣнію было угодно, чтобы всѣ три международныя ассоціаціи, ревнующія о мирѣ, назначали свои гендез-вусы въ одномъ и томъ-же городѣ, въ одномъ и томъ-же мѣсяцѣ, почти въ одно и то-же число. Мирные женевскіе граждане не знали, какъ и выразить свой восторгъ при видѣ такой массы миротворцевъ, всѣхъ лагерей и партій, отовсюду съѣхавшихся въ ихъ городокъ для обсужденія „средствъ, могущихъ привести къ установленію между государствами такихъ-же опредѣленныхъ юридическихъ отношеній, какія существуютъ между индивидуумами“. Они задавали имъ банкеты, устраивали въ честь ихъ процесіи, показывали имъ свои достопримѣчательности и палили, съ утра до ночи, изъ своихъ игрушечныхъ пушекъ. Пальба изъ игрушечныхъ пушекъ—это, какъ кажется, высшая степень проявленія же-

невскаго восторга. Нѣтъ сомнѣнiя, что гости остались вполне довольны оказаннымъ имъ гостепрiимствомъ, однако, не къ чести женеццевъ нужно замѣтить, что гостепрiимство ихъ не на всѣхъ гостей распространялось въ одинаковой степени.

1) Наибольшiй почетъ выналь на долю членовъ конгресса „Общества международного права“ (L'institut du droit international) *). Правда, и члены-то эти все были особы почетныя: разные знаменитые юристы, администраторы и политики, вообще люди, достигшiе уже „степеней извѣстныхъ“ и пользующiеся нѣкоторымъ влiяниемъ въ высшихъ сферахъ. Само собою понятно, что такiе важныя и степенныя мужи собрались въ Женеву не для празднаго пустословiя, не для какихъ-нибудь пустыхъ излиянiй и либеральныхъ демонстрацiй. Женевцы сразу это поняли и при видѣ ихъ сановитыхъ, сѣдинами убѣленныхъ наружностей, восчувствовали къ нимъ глубочайшее уваженiе. И достопочтенныя юристы, чтобы оправдать это уваженiе, вели себя примѣрно: конгрессъ ихъ болѣе походилъ на нѣкiй законодательный ареопагъ, чѣмъ на простой съѣздъ партикулярныхъ людей, возжелавшихъ обмѣняться другъ съ другомъ мыслями и соображенiями по нѣкоторымъ интересующимъ ихъ вопросамъ. И, дѣйствительно, это были совсѣмъ не партикулярныя люди и съѣхались они совсѣмъ не для простаго обмѣна мыслями, а... какъ вы думаете, для чего? Для составленiя кодекса права (конечно, будущаго, но это все равно). Кодексъ составляется, разумѣется, мало-по-малу и, такъ-сказать, по частямъ. На съѣздѣ въ предшествующемъ 1873 году (въ Гентѣ) было постановлено изготовить проектъ правилъ для международныхъ третейскихъ судовъ и предложить его на разсмотрѣнiе настоящаго конгресса. Когда члены конгресса насладились чтенiемъ этого проекта (мало интереснаго, такъ-какъ въ немъ формулировалось съ нѣкоторыми измѣненiями лишь то, что уже начало входить въ практику), начались пренiя по поводу трехъ правилъ относительно морскаго

* Общество это основано года три тому назадъ въ Гентѣ (гдѣ и былъ въ 1873 г. его первый съѣздъ), по иниціативѣ редактора *Revue du droit international* (Rolin-Jacquemyns). Оно состоитъ преимущественно изъ юристовъ; число членовъ не превышаетъ, какъ кажется, 30 человекъ. Цѣль общества—содѣйствовать развитiю и усовершенствованiю международного права, а также его постепенному кодифицированiю.

нейтралитета, формулированныхъ въ вашингтонскомъ трактатѣ по алабамскому дѣлу *). Юристы, — какъ и подобаетъ юристамъ, — выразили свое полное одобрение совершившемуся факту, т.-е. скрѣпили эти правила своею высокою санкціею, но при этомъ нашли, однакожь (какъ опять-таки подобаетъ юристамъ), нѣкоторыя неточности въ ихъ редакціи. За недостаткомъ времени (конгрессъ за-сѣдалъ всего 2—3 дня), обсужденіе этихъ неточностей рѣшено было отложить до слѣдующаго конгресса; до слѣдующаго-же конгресса отложено обсужденіе и самаго интереснаго изъ всѣхъ поднятыхъ въ сѣздѣ вопросовъ, — вопроса о необходимости дать, при помощи международныхъ трактатовъ и союзовъ, обязательную для всѣхъ государствъ силу нѣкоторымъ общимъ правиламъ частнаго междуна-роднаго права. Конгрессъ опредѣлено созвать въ нынѣшнемъ (1875) году, въ Гаагѣ, въ августѣ мѣсяцѣ.

2) Второй конгрессъ тоже состоялъ по большей части изъ лю-дей солидныхъ и почтенныхъ, однакожь, тутъ среди овецъ чи-стоплотныхъ попадались и овцы паршивыя (въ родѣ, напр., Мор-коарту); впрочемъ, кромѣ овецъ на конгрессѣ присутствовало весьма значительное число ихъ пастырей, т.-е., по-просту, патеровъ, про-тестантскихъ и либерально-католическихъ. Такъ-что если сѣздъ членовъ „Общества международного права“ отличался офиціозно-юридическимъ характеромъ, то сѣздъ членовъ „Общества реформы

*) Напомнимъ читателю эти знаменитыя правила, какъ они были выражены въ вашингтонскомъ трактатѣ.

Нейтральное государство обязано:

1) Препятствовать всею силою своей власти вооруженію на своей территоріи кораблей, относительно которыхъ можно предполагать, что они предназначаются къ крейсерству или къ военнымъ дѣйствіямъ противъ той или другой изъ воюю-щихъ сторонъ.

2) Не дозволить воюющей сторонѣ пользоваться для военныхъ операцій водами и портами нейтральной державы.

3) Подъ страхомъ наказанія воспретить всѣмъ лицамъ, живущимъ на его тери-торіи и подлежащимъ его юрисдикціи, нарушать вышеозначенныя правила.

Конечно, эти постановленія вашингтонскаго трактата не имѣютъ никакого обя-зательнаго значенія для тѣхъ державъ, которыя къ алабамскому дѣлу привосновен-ны не были, и нѣтъ сомнѣнія, что для сильныхъ нейтральныхъ державъ они и ни-огда не будутъ обязательны.

и кодификаціи международного права“ (L'Association pour la reforme et le codification du droit international) *) носилъ на себѣ какой-то либерально-протестантско-церковный отпечатокъ. Преній въ этомъ благочестивомъ собраніи совсѣмъ почти не было; все дѣло ограничивалось больше произнесеніемъ торжественныхъ рѣчей-проповѣдей; единственно замѣчательнымъ и заслуживающимъ упоминанія событіемъ (если не считать замѣчательнымъ событіемъ присутствіе на конгрессѣ японскаго посла) было предложеніе испанца Артура Моркоарту. Моркоарту, исходя изъ той весьма вѣрной точки зрѣнія, „что десять кричащихъ производятъ больше шума, чѣмъ 100,000 молчащихъ“, убѣждалъ „миротворцевъ“ перестать „молчать“ и начать „кричать“. Настала пора, утверждалъ онъ, — когда, наконецъ, миролюбивые люди должны громко и открыто заявить, что никто не имѣетъ права вовлекать ихъ въ войну противъ ихъ воли. Заявление это, по его мнѣнію, должно составить слѣдующимъ образомъ:

„Принимая во вниманіе, что, въ интересахъ цивилизаціи и объединенія народовъ, международный судъ представляется учрежденіемъ въ высокой степени гуманнымъ;

„Принимая во вниманіе, что съ точки зрѣнія науки международный судъ представляется торжествомъ разума надъ грубою силою;

„Принимая во вниманіе, что съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ онъ представляется однимъ изъ самыхъ экономическихъ способовъ рѣшенія международныхъ распрій;

„Принимая во вниманіе, что съ исторической точки зрѣнія... и т. д., и т. д., —

„Во имя человечества, науки, во имя блага народовъ, общество „заявляетъ“ о пользѣ и практичности международныхъ судовъ, „думаетъ“, что каждое цивилизованное государство имѣетъ право и обязано прибѣгать къ нему и подчиняться его рѣшенію, и „рекомендуетъ“ всѣмъ націямъ держаться такой политики (какъ внутренней, такъ и внѣшней), которая дѣлала-бы совершенно невозможными международныя столкновенія“.

*) Общество это было основано въ Брюсселѣ, въ запрошломъ (1873) году, по инициативѣ Дудлея Фельда, автора „Международнаго кодекса“. Членомъ общества можетъ сдѣлаться всякій, желающій содѣйствовать достиженію преслѣдуемыхъ обществомъ цѣлей. Цѣли-же эти ясно и точно опредѣляются самымъ его названіемъ.

„Главные-же принципы этой политики должны состоять въ слѣдующемъ:

„а) въ укрѣпленіи и объединеніи международныхъ интересовъ;

„b) въ такомъ воздѣйствіи на общественное мнѣніе, которое склоняло-бы его отгонять отъ себя всякіе помыслы и отлагать всякіе толки о международной распрѣ, если въ данный моментъ нѣтъ надежды разрѣшить ее мирнымъ третейскимъ судомъ;

„с) вопросы о мирѣ и войнѣ должны рѣшаться общенароднымъ голосованіемъ; лица, вотировавшія за миръ, не могутъ быть привлекаемы къ отправленію военной службы“.

Пасторамъ предложеніе это показалось слишкомъ смѣлымъ, а юристамъ и экономистамъ — слишкомъ фантастическимъ; поэтому, не входя въ излишнія препирательства, его отослали въ комисію, т.-е. положили подъ красное сукно. Затѣмъ, найдя, вѣроятно, что разсуждать болѣе не о чемъ (что и было совершенно вѣрно), конгрессъ закрылъ свои засѣданія. Но такъ-какъ многихъ членовъ мучили, вѣроятно, вопросы: да зачѣмъ-же мы пріѣхали? что мы сдѣлали? какою толкѣ можетъ выйти изъ нашего съѣзда?—конгрессъ устроилъ на прощаніе огромный митингъ (присутствовало болѣе трехъ тысячъ) *), на которомъ японскій посланникъ удивлялъ женевацев своимъ краснорѣчіемъ, а господа Пасси, Фельдъ, Адисонъ, Миль и иные приводили ихъ въ восторгъ своими миролюбивыми намѣреніями.

3) Наконецъ, на третій конгрессъ съѣхались члены пресловутой „Лиги мира и свободы“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта лига надѣлала много шуму и навлекла на себя подозрѣнія не только въ неумѣренномъ радикализмѣ, но и въ преступномъ коветничаніи съ разными *измами*. Однако, послѣ того, какъ лига исключила изъ своей среды неблагонадежные элементы, подозрѣнія эти отпали сами собою и лига не только не сошла, но еще паче укрѣпилась на пути пустословія и пустомыслія. Нынѣшній конгрессъ доказалъ это „во-очію“. Пренія его отличались замѣчательною безсодержательностью и могли бы навести смертельную тоску, если-бы ихъ не разнообразила подчасъ живая фантазія сѣдо-

*) Въ „Salle de la Reformation“.

власыхъ ревнителей „мира и свободы“, мѣшавшая имъ неуклонно держаться той солидно-дѣловой точки зрѣнія, на которой такъ важно и торжественно вертѣлись юристы „общества международного права“. Какъ ни старались „лигисты“ подражать въ этомъ отношеніи „легалистамъ“, но имъ это никакъ не удавалось: дѣловое у нихъ постоянно переиживалось съ фантастическимъ. Начали они, какъ и достопочтенные юристы, съ обсуждения основныхъ правилъ международныхъ третейскихъ судовъ, но затѣмъ тотчасъ-же перешли къ фантазированію насчетъ „новыхъ условій политическаго равновѣсія Европы“. Но это фантазированіе, не слишкомъ удалявшееся отъ дѣйствительнаго положенія вещей, было еще довольно сносно, и, главное, совершенно невинно сравнительно съ фантазированіемъ престарѣлаго Гарнье-Паже. Гарнье-Паже представилъ собранію записку объ „Abolition de la course et la franchise du commerce même entre belligerants“. Въ ней онъ старался доказать ту мысль, что интересы человѣчества и цивилизаціи много выиграли-бы, если-бы воюющія державы взаимно согласились-бы признать нейтралитетъ торговли и промышленности; иными словами, чтобы буржуа-промышленники воюющихъ державъ были совершенно устранены отъ всѣхъ невыгодныхъ послѣдствій войны. Пусть солдатъ подставляетъ свой лобъ подъ непріятельскія пули, пусть непріятель убиваетъ нашихъ братьевъ и друзей, выжигаетъ наши города, топчетъ наши поля, позоритъ и унижаетъ нашу честь, — буржуа-промышленникамъ не можетъ быть до всего этого никакого дѣла. Они — нейтральная сторона!.. Они, въ интересахъ какой-то „цивилизаціи“, будутъ сохранять миръ и согласіе съ убійцами своихъ отцовъ и дѣтей, они по-прежнему будутъ заниматься своею торговлею и вступать въ коммерческія сдѣлки съ врагами своего отечества. Недурная идилія, не правда-ли? Но, по крайней мѣрѣ, она имѣетъ то достоинство, что откровенно высказываетъ тѣ сокровенныя побужденія, тѣ тайные мотивы, которые двигаютъ и вдохновляютъ ревнителей „мира и свободы“. О какой свободѣ они хлопчутъ? О свободѣ торговли даже и во время войны. О какомъ мирѣ они мечтаютъ? О томъ, подъ сѣнью котораго буржуа-промышленникъ могъ-бы спокойно наживаться и обдѣлывать свои дѣлишки, хотя-бы кругомъ лилась потоками человѣческая кровь, топтались въ грязь и приносились въ жертву грубой силѣ самые дорогіе интересы, самые лучшіе идеалы человѣчества...

Вотъ какъ разсуждаютъ и мечтаютъ члены „лиги мира и свободы“, и благо имъ! Они, по крайней мѣрѣ, спокойны и довольны.

Отъ женевскихъ миротворцевъ по части международныхъ отношеній перейдемъ къ нѣмецкимъ миротворцамъ по части экономическихъ отношеній. Антагонизмъ общественныхъ интересовъ, съ каждымъ годомъ проявляющійся все рѣзче и рѣзче въ западно-европейскомъ обществѣ, начинаетъ теперь серьезно заботить людей „науки“, людей „биржи“ и „лавки“. Но слишкомъ рѣзкія формы проявленія антагонизма смущаютъ ихъ. Имъ-бы лучше хотѣлось, чтобы всѣ непривлекательныя стороны экономической борьбы ступеивались и чтобы, по крайней мѣрѣ, снаружи повсюду царствовалъ вѣчный миръ, радостное спокойствіе и довольство. Чтобы достигнуть осуществленія этой цѣли, они стараются не о коренномъ, разумѣется, уничтоженіи, а о временномъ умиротвореніи враждующихъ экономическихъ интересовъ. При этомъ одни изъ нихъ въ точности держатся духа и буквы строго-экономическаго сгедо, другіе-же позволяютъ себѣ нѣсколько уклоняться отъ него. Какъ всегда бываетъ съ людьми, лавирующими между двухъ, взаимно другъ друга исключаящихъ крайностей, съ людьми „золотой середины“, желающими и овецъ спасти, и волковъ накормить, надъ примирителями этого сорта жестоко издѣваются въ Германіи и правовѣрные экономисты, и ихъ противники; друзья отверещиваются или, по крайней мѣрѣ, отверещивались (теперь, какъ мы увидимъ, дѣло нѣсколько измѣнилось) отъ нихъ, а враги отвергали всѣ ихъ успокоительно-примирительные рецепты. Несмотря, однако, на это, ряды ихъ не рѣдѣютъ, а, напротивъ, увеличиваются, и теперь уже въ нихъ стоитъ едва-ли не большинство умственныхъ „нотабилей“ объединенной Германіи,—ученые, профессора, юристы и даже нѣкоторые либеральные администраторы. Ихъ ученныя притязанія, ихъ педантская солидность и авторитетно-доктринерный тонъ ихъ писаній заслужили имъ кличку „соціалистовъ кафедръ“ (Kathedersozialisten). Сами-же они называютъ себя „соціаль-политиками“. Прошлый годъ, однако, показалъ, что между соціаль-политиками и строгими политико-экономами если и существуетъ разница, то болѣе фиветивная, чѣмъ реальная. Какъ выборъ предметовъ для занятій, такъ и окончательныя резолюціи конгрессовъ

объѣхъ партій отличались въ 1874 г. поразительною тождественностью. Одинъ духъ и одна мысль оживляла и вдохновляла эйзенахскихъ (соціалъ-политики) и грефильдскихъ (политико-экономы) ученыхъ: примирить „высшія соображенія“ науки, теорію съ будничною дѣйствительностью. Еще до послѣдняго эйзенахскаго съѣзда почтенные члены Volkswirtschaftlichen Gesellschaft'a начали смутно догадываться, что хотя эйзенахцы и любятъ кокетничать съ людьми и теоріями, незаслуживающими съ ихъ стороны ничего, кромѣ строгаго порицанія, однако, они совсѣмъ не такъ страшны, какъ сами себя малюютъ, а въ сущности лишь кость отъ кости, плоть отъ плоти „народно-экономическаго ферейна“. Подъ вліяніемъ этого, не для всѣхъ еще, впрочемъ, яснаго сознанія солидарности интересовъ соціалъ-политиковъ съ экономъ-политиками Бомертъ (бывшій цюрихскій профессоръ по кафедрѣ политической экономіи и одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Volkswirtschaftlichen Gesellschaft'a) внесъ въ распорядительную комисію, подготовлявшую грефильдскій съѣздъ, предложеніе о соединеніи конгресса экономистовъ съ имѣющимъ быть эйзенахскимъ конгрессомъ и о выработкѣ общей программы занятій и общихъ принциповъ дѣятельности объѣхъ партій. Предложеніе это найдено было, однако, нѣсколько преждевременнымъ и отложено. Экономисты, члены Volkswirtschaftlichen-ферейна *), собрались въ Грефильдѣ одни, но, собравшись, не замедлили выразить свое сожалѣніе по поводу того, что не видятъ „въ своей средѣ“ господина Нассе (боннскаго профессора), предсѣдателя бюро эйзенахскаго конгресса (1873 года). Президентъ заявилъ при этомъ, что, вѣроятно, „почтенное собраніе“ раздѣляетъ его желаніе видѣть въ своей средѣ эйзенахскаго спикера и „всѣхъ его друзей и единомышленниковъ“. Почтенное собраніе отвѣтило на это заявленіе громкими и единодушными рукоплесканіями. Затѣмъ оно перешло къ обсужденію очередныхъ вопросовъ.

*) Ферейнъ этотъ существуетъ съ 1858 года. Къ нему принадлежатъ масса профессоровъ, банкиры, политики-администраторы и разныя geschäftsmänner'н. Цѣль его—способствовать разработкѣ и практическому разрѣшенію экономическихъ вопросовъ, вызываемыхъ нуждами и потребностями данной дѣйствительности, а именно: вопросы, касающіеся монетной системы, банковаго дѣла, общественнаго воспитанія и здравія, таможенъ, налоговъ, положенія рабочихъ классовъ, нищихъ, кредитныхъ учреждений, торговли, флота, почты, телеграфовъ и вообще всѣ вопросы, входящіе въ область земледѣльческо-промышленно-торговой политики.

На первомъ планѣ стоялъ банковый вопросъ.

Читатели знаютъ уже изъ газетъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ рейхстагъ окончательно принялъ законъ о преобразованіи прусскаго банка въ центральный, имперскій, и предоставленіи ему различныхъ льготъ и монополій, направленныхъ, разумеется, къ тому, чтобы по возможности ограничить или даже совсѣмъ уничтожить всякую конкуренцію со стороны частныхъ банковъ.

Реформа эта имѣетъ цѣлью довершить, въ сферѣ финансовыхъ отношеній, то объединеніе Германіи, которое съ такимъ успѣхомъ осуществляется въ сферѣ полицейскихъ, таможенныхъ и милитарныхъ отношеній. Задумана она уже давно, но только въ прошломъ году планъ ея окончательно выяснился и опредѣлился. Два года тому назадъ германскіе политико-экономы не считали еще себя связанными (по этому, по крайней мѣрѣ, вопросу) волею „железнаго графа“ и безъ малѣйшихъ опасеній предавались нѣкоторому свободомыслию насчетъ „наиболѣе сообразнаго съ наукою устройства банкаго дѣла“. На своемъ конгрессѣ въ 1872 г. они рѣшили и постановили, что съ ихъ наукою наиболѣе сообразно такое устройство банковъ, при которомъ возможна полная и почти безграничная свобода конкуренціи частныхъ предпринимателей. Всякія монополіи въ этомъ дѣлѣ, всякія попытки государства регулировать его посредствомъ учрежденія какого-нибудь центрального банка и т. п., — все это, на точномъ основаніи духа и буквы экономической науки, было отвергнуто почти единогласно. Хотя съ 1872 г. по 1874 г. „духъ“ и „буква“ науки остались безъ малѣйшихъ измѣненій, но „практическія требованія“ жизни нѣсколько измѣнились: „железный графъ“, превративъ себя изъ прусскаго министра въ имперскаго канцлера, задумалъ произвести подобную-же метаморфозу съ прусскимъ банкомъ. Экономисты наострили уши, еще и еще разъ перелистали свои учебники, и, къ вѣщему своему удовольствію, отыскали въ нихъ нѣчто, какъ-разъ противоположное тому, что находили два года назадъ. Для простыхъ смертныхъ, непосвященныхъ въ таинства науки, подобный фактъ можетъ показаться немножко страннымъ и, пожалуй, даже неправдоподобнымъ, но тѣмъ не менѣе истинность его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

1) На грефиальдскомъ конгрессѣ (17—19 августа) нѣмецкихъ политико-экономовъ вопросъ объ имперскомъ банкѣ былъ рѣшенъ въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ рѣшенъ въ рейхсратѣ. Большинство ученыхъ мужей самымъ категорическимъ образомъ высказалось за устройство единого, центрального государственнаго банка и за уничтоженіе частныхъ банковъ. Государственному банку, по мнѣнію ученыхъ, забывшихъ свои прежнія резолюціи, должны быть предоставлены особыя (сравнительно съ банками частными) права и привилегіи; выпускаемые имъ билеты должны быть приравнены (по своему мѣновому значенію) съ государственными бумагами, причеиъ, однакожь, размѣръ выпуска долженъ регулироваться государствомъ.

Разрѣшивъ такъ удовлетворительно (по крайней мѣрѣ, для прусскихъ *geschäftsmänner*'овъ) банковый вопросъ, политико-экономы обратились къ другому, не менѣе важному вопросу, — къ вопросу о виѣшательствѣ государства въ желѣзнодорожное дѣло. Желѣзнодорожныя компаніи, пользуясь высокими покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ, старались и до сихъ поръ стараются извлечь какъ можно больше пользы изъ своего привилегированнаго положенія. Руководимыя таковымъ желаніемъ, онѣ съ поразительнымъ единодушіемъ стали возвышать цѣны за провозъ товаровъ и въ короткое время подняли ихъ болѣе, чѣмъ на 20%. Люди, непричастные къ компаніямъ, а особенно тѣ, которымъ часто приходится пересылать товары по желѣзнымъ дорогамъ, горько возроптали и затянули старую пѣсню о злоупотребленіяхъ и о необходимости ограничить ихъ при помощи государственнаго виѣшательства. Однако, такъ — какъ по этому вопросу ни Бисмаркъ, ни кто изъ высокопоставленныхъ людей опредѣленнаго мнѣнія не высказывали и такъ-какъ большинство членовъ конгресса имѣло несравненно болѣе поводовъ заботиться объ интересахъ компаній, чѣмъ объ интересахъ промышленниковъ и торговцевъ, то понятно, что ропотъ недовольныхъ мало въ комъ встрѣтилъ сочувствія. На сцену снова появились политико-экономическіе учебники и теперь они заговорили совсѣмъ другимъ языкомъ; когда шла рѣчь о банкахъ, они защищали монополію и не одобряли принципа свободной конкуренціи; когда-же дѣло коснулось обузданія хищническихъ инстинктовъ желѣзнодорожныхъ компаній, то тутъ вдругъ оказалось,

что принципъ обузданія антинаученъ, что онъ противорѣчитъ духу и буквѣ политической экономіи, что хищническіе инстинкты сами себя стануть обуздывать и нейтрализовать, если только имъ будетъ предоставлена полная, безграничная свобода конкуренціи, и что, наконецъ, попытки устраивать таксы и регулировать тарифъ ни къ чему иному привести не могутъ, какъ только къ созданію новыхъ монополій и привилегій.

Исходя изъ этихъ „научныхъ“ соображеній, конгрессъ принялъ слѣдующую замѣчательную резолюцію: „Всякія государственныя мѣропріятія, стремящіяся, въ ущербъ принципу свободной конкуренціи, регулировать тарифъ издержками (стоимостью) перевоза, неизбѣжно создаютъ преимущества и выгоды отдѣльнымъ отраслямъ промышленности и торговли. Правильный тарифъ можетъ установиться только тогда, когда самимъ предпринимателямъ (т.-е. въ сущности компаниямъ) будетъ предоставлено, безъ всякихъ ограниченій, право опредѣлять его“, какъ имъ вздумается.

Третій вопросъ, занимавшій членовъ конгресса, былъ вопросъ объ организаціи „вспомогательныхъ кассъ для рабочихъ“, на случай ихъ болѣзни, старости, смерти и т. п. Заботы о рабочихъ кассахъ доставляютъ большое удовольствіе политико-экономамъ. Рабочія кассы — это практическое приложеніе изобрѣтеннаго ими принципа самопомощи; а они такъ любятъ этотъ принципъ, что не прочь даже обязательно навязать его рабочимъ. На конгрессѣ вопросъ о внимательствѣ государства въ дѣло устройства кассъ для больныхъ и кассъ для погребеній обсуждался весьма подробно, но такъ-какъ „принудительная самопомощь“ — абсурдъ слишкомъ очевидный, то вопросъ этотъ рѣшенъ былъ отрицательно; отвергнуто также было и предложеніе союза рейнскихъ фабрикантовъ объ учрежденіи общей кассы для стариковъ, участіе въ которой должно быть обязательно для всѣхъ рабочихъ. Затѣмъ выражено желаніе, чтобы законодательная власть обратила свое вниманіе на выработку общаго устава (нормальнаго устава) для рабочихъ пенсіонныхъ кассъ (Arbeiter - pensionskassen) и чтобы вообще учрежденію этихъ кассъ было оказываемо возможное содѣйствіе.

Затѣмъ конгрессъ закрылся, а черезъ два мѣсяца (11 и 12 октября) открылось его второе изданіе, дополненное и исправленное господами эйзенахцами.

2) Эйзенахскій конгрессъ социаль-политиковъ былъ въ прошломъ году весьма многочисленъ; собралось болѣе ста человекъ, въ числѣ которыхъ были разныя свѣтила нѣмецкой науки (Зибель, Дункеръ и т. п.), нѣсколько представителей „заграничной“ науки и, между прочимъ, даже представители отъ русской науки.

Первый день засѣданій конгресса былъ посвященъ обсужденію весьма животрепещущаго вопроса—вопроса, который уже разрабатывается теперь законодательнымъ порядкомъ, который и для насъ, русскихъ, является „вопросомъ дня“,—вопроса о томъ, какими мѣрами слѣдуетъ гарантировать исполненіе рабочаго контракта со стороны рабочаго? Экономисты и нѣмецкіе законодатели, какъ люди практическіе, очень хорошо понимаютъ, что въ большинствѣ случаевъ нарушителемъ контракта всегда является не наниматель (какъ это почти всегда бываетъ у насъ, въ Россіи), а нанимающійся; что рабочій при каждомъ удобномъ случаѣ готовъ его нарушить. Чтобы парализовать въ немъ эту готовность, слѣдовало-бы, повидимому, поставить заключеніе контракта въ такія условія, чтобы ни той, ни другой сторонѣ не было основанія нарушать его. Но экономисты и социаль-политики, совершенно уклонившись отъ экономической стороны вопроса, сойдя съ той почвы, на которой имъ, по званію ихъ, неуклонно слѣдовало-бы держаться, пустились въ область уголовного права. Въ этихъ-то уголовныхъ предѣлахъ и вертѣлись пренія. Воспроизводить ихъ здѣсь цѣликомъ нѣтъ, разумѣется, надобности, достаточно привести ихъ резюме, выразившееся въ слѣдующихъ тезисахъ:

1) Нарушеніе рабочаго контракта, равно какъ и всякое прямое или косвенное подстрекательство къ тому, есть величайшее зло: трудно преувеличить тотъ вредъ, который оно наноситъ мелкой промышленности и сельскому хозяйству; съ нравственной точки зрѣнія оно представляется тяжкою несправедливостью; съ юридической—дѣйствіемъ, подлежащимъ карѣ законовъ. 2) Гражданскіе иски объ убыткахъ, въ большинствѣ случаевъ, оказываются недействительными для предупрежденія нарушеній контракта. 3) Поэтому совершенно необходимо подвергать какъ эти нарушенія, такъ равно и всякое подстрекательство къ нимъ, уголовному преслѣдованію. Уголовное преслѣдованіе должно, однако, имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда отъ нарушенія контракта послѣдовали убытки, а нарушитель не хочетъ, или и хочетъ, да

не въ состояніи вознаградить за нихъ. 4) Для того, чтобы условія контракта не возбуждали сомнѣній, контрагенты должны составлять ихъ письменно и по известной формѣ. Для удобства слѣдуетъ завести особныя контрактныя книги, въ которыхъ подъ опредѣленными рубриками должны быть обозначены: срокъ найма, величина вознагражденія, родъ службы, время, въ которое одна изъ договаривающихся сторонъ должна предупредить другую о своемъ желаніи выйти изъ договора. Только нарушеніе условій, занесенныхъ въ контрактную книгу, можетъ дать нанимателю право на уголовное преслѣдованіе рабочаго. 5) Уголовныя взысканія за нарушеніе контракта не должны ограничиваться одними лишь денежными штрафами; въ случаѣ несостоятельности рабочаго или вообще по опредѣленію суда онъ долженъ подвергаться лишенію свободы.

Слѣдующій день посвященъ былъ обсужденію вопроса „о кассахъ для рабочихъ“. И здѣсь, какъ на конгрессѣ въ Греффилдѣ, было высказано два мнѣнія: одни (референтъ Халли) настаивали на необходимости государственнаго вмѣшательства и на введеніи принудительныхъ кассъ, другіе (референтъ Дункеръ) видѣли въ такомъ вмѣшательствѣ посягательство на экономическую свободу рабочаго; государство, по ихъ мнѣнію, должно лишь содѣйствовать устройству кассъ и регулировать ихъ уставы. При этомъ предлагалось приступить къ выработкѣ нормальнаго устава, въ основѣ котораго долженъ быть положенъ принципъ самаго полнаго самоуправленія. Предложеніе Дункера было принято, мысль о государственномъ вмѣшательствѣ и о принудительныхъ кассахъ отвергнута. Въ виду того, что вопросъ о кассахъ рѣшенъ социаль-политиками совершенно въ томъ-же смыслѣ, какъ и греффилдскими экономистами, Энгель предложилъ конгрессу, чтобы къ выбору членовъ въ комисію, которой поручено будетъ выработать нормальный уставъ рабочихъ кассъ, приглашены были и греффилдскіе экономисты. Предложеніе это, встрѣченное вообще довольно сочувственно, передано было на обсужденіе особой комисіи; комисія, однакожь, отклонила его, какъ преждевременное.

Конгрессы нѣмецкихъ врачей и гигиенистовъ, конечно, не могли имѣть столь блестящихъ результатовъ, но за то они дали нѣ-

сколько практических указаний, нелишенных интереса. Къ числу этихъ весьма важныхъ постановленій безспорно слѣдуетъ отнести резолюцію прошлогодней международной санитарной конференціи, собиравшейся въ Вѣнѣ, въ началѣ августа. Главнымъ предметомъ занятій этой конференціи была холера. Насчетъ ея происхожденія ничего сказано не было. Конференція признала (признала единогласно), что, во-1-хъ, азіятская холера, способная становиться эпидемическою, зарождается сама собою (spontaneum) въ Индіи, и гдѣ-бы мы съ нею ни встрѣчались, мы всегда съ увѣренностью можемъ утверждать, что вышла она изъ Индіи; во-2-хъ, ни въ одной странѣ, кромѣ Индіи, она не имѣетъ и эндемическаго характера. Что-же касается до тѣхъ мѣръ, которыя современная практика считаетъ наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для предотвращенія распространенія болѣзни, то по этому вопросу конференціею была формулирована весьма важная резолюція, приводимая здѣсь почти буквально:

„Принимая во вниманіе, гласила эта резолюція, — что въ виду постоянно развивающихся путей сообщеній и расширяющихся сношеній, карантинныя мѣры и неосуществимы, и бесполезны, — принимая во вниманіе, что онѣ наносятъ существенный вредъ интересамъ торговли, конференція предлагаетъ всѣ карантинныя отмѣнить“.

Изъ 19 голосовъ 13 высказались за принятіе резолюціи, 4 — противъ, 2 — воздержались.

Отвергнувъ карантинныя мѣры, конференція признала крайнюю необходимость и цѣлесообразность учрежденія особой, постоянной, международной комисіи для всесторонняго изслѣдованія повальныхъ болѣзней и указанія средствъ, могущихъ воспрепятствовать ихъ распространенію. Комисія эта (Seuchen-Kommissionen), засѣдающая въ Вѣнѣ, должна состоять изъ докторовъ и делегатовъ отъ различныхъ правительствъ; изъ среды своей она выбираетъ бюро. Ея занятія, главнымъ образомъ, будутъ состоять въ этиологическихъ и профилактическихъ изслѣдованіяхъ относительно холеры. По мѣрѣ возможности, комисія учреждаетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Азіи и Африки метеорологическія станціи, содѣйствующія ей въ разрѣшеніи ея задачи. Собранный такимъ образомъ матеріалъ она подвергаетъ научной группировкѣ и тщательной разработкѣ.

Являясь какъ-бы центральнымъ бюро всѣхъ свѣдѣній, собираемыхъ относительно возникновенія и движенія холеры, комиси́я будетъ имѣть возможность своевременно принимать необходимыя мѣры для воспрепятствованія дальнѣйшему развитію заразы.

Резолюціи комиси́и, какъ извѣстно, встрѣчены довольно сочувственно въ административныхъ сферахъ и имѣ даянъ „надлежащій ходъ“. Выработанныя ею правила, судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, будутъ, по всей вѣроятности, одобрены и санкціонированы правительствами, приславшими на конференцію своихъ делегатовъ.

Вѣнская международная конференція хотя и имѣла несомнѣнно нѣкоторое практическое значеніе, хотя дебатировавшіеся на ней вопросы и не лишены были нѣкотораго общаго интереса, но, благодаря своему строго-офиціозному характеру, она отличалась порядочно-таки скукою и ея протоколы едва-ли находили себѣ много читателей внѣ тѣснаго круга специалистовъ и тѣхъ администраторовъ, которые по званію своему обязаны блюсти за пресѣченіемъ разныхъ заразъ и охраненіемъ народнаго здоровья. Публика и пресса (за вычетомъ, конечно, спеціально-медицинскихъ газетъ) почти совершенно игнорировали ее. Такова ужь, вѣроятно, общая судьба офиціозныхъ съѣздовъ. Въ слѣдующемъ-же мѣсяцѣ (отъ 12—15 сентября) былъ съѣздъ германскаго гигиеническаго общества въ Данцигѣ; съѣздъ этотъ, весьма многочисленный (въ немъ принимало участіе 209 членовъ), не имѣлъ никакого офиціознаго характера; на немъ не было правительственныхъ делегатовъ и его резолюціи едва-ли могли претендовать на какое-нибудь вниманіе со стороны „высшихъ сферъ“, и, несмотря, однакожь, на это, онъ возбудилъ несравненно больше интереса и отличался несравненно большею оживленностью, чѣмъ вѣнская конференція. Самый составъ его былъ крайне разнообразенъ: кромѣ специалистовъ—докторовъ и профессоровъ, тутъ были представители различныхъ городскихъ общинъ, купцы, фабриканты и промышленники, инженеры, архитекторы, учителя, чиновники и журналисты. Конечно, съ точки зрѣнія практиче-

ской, результаты, достигнутые съездомъ, нельзя считать особенно существенными, но за то тѣ матеріалы, тѣ статистическія данныя, которые были предложены на его обсужденіе, — они безспорно имѣютъ очень важное практическое значеніе, и господамъ, краснорѣчиво толкующимъ о „душевномъ спокойствіи“ и „силѣ любви“ (а такихъ господъ было не мало на създѣ), стоитъ надъ ними призадуматься.

Первымъ очереднымъ вопросомъ, обсуждавшимся съездомъ, былъ вопросъ о томъ, „чего въ правѣ требовать гигиена отъ строительной полиціи при застройкѣ новыхъ частей города, при проведеніи новыхъ улицъ и закладкѣ домовъ“. Референтомъ былъ докторъ Штральманъ изъ Берлина, санитарныя условія котораго онъ и имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду. Изъ его обширной и весьма обстоятельно составленной записки публика узнала слѣдующіе, не особенно утѣшительные для берлинцевъ факты. Во-первыхъ, за послѣднее десятилѣтіе состояніе жилищъ въ Берлинѣ, въ гигиеническомъ отношеніи, постоянно ухудшается; дворы во всѣхъ почти домахъ, даже на лучшихъ улицахъ, имѣютъ видъ темной, со всѣхъ сторонъ наглухо закрытой шахты, безъ всякой вентиляціи; застоявшійся, вонючій воздухъ, свободно проникая въ помѣщенія, выходящія окнами на дворъ, крайне вредно дѣйствуетъ на организмъ жильцовъ и способствуетъ развитію заразныхъ болѣзней. Во-вторыхъ, только квартиры въ 1, 2 и 3-мъ (по-нашему въ 2, 3 и 4-мъ) этажахъ сколько-нибудь удовлетворяютъ требованіямъ гигиены, квартиры-же подвальныхъ этажей, равно какъ и помѣщающіяся выше 3-го (по-нашему 4-го), съ гигиенической точки зрѣнія должны быть признаны совершенно неудобными для жилья. Между тѣмъ 16% всего населенія Берлина обитаютъ именно въ этихъ совершенно неудобныхъ для жилья помѣщеніяхъ. Въ-третьихъ, дома отапливаются изъ ружъ вонь плохо; помѣщенія, состоящія изъ нѣсколькихъ комнатъ и имѣющія печь лишь въ одной, составляютъ 49% общаго числа берлинскихъ квартиръ. И въ этихъ-то помѣщеніяхъ, совершенно непригодныхъ къ климатическимъ условіямъ Берлина, живутъ болѣе 290,000 человекъ.

Въ-четвертыхъ, болѣе чѣмъ въ 60,000 берлинскихъ квартиръ, на 1 комнату умѣренной величины приходится свыше 5 жильцовъ. Берлинскіе домовладѣльцы и содержатели квартиръ,

въ большинствѣ случаевъ, доводятъ до такого minimum'a количество воздуха, потребнаго для человѣка, при которомъ жизнь и здоровье ихъ жильцовъ неизбѣжно должны подвергаться весьма серьезнымъ опасностямъ. Въ-пятыхъ, дренажъ почвы крайне неудовлетворителенъ, а мѣры, принимаемыя для удаленія нечистотъ изъ города, противорѣчатъ основнымъ требованіямъ разумной гигиены. Всѣ нечистоты, какъ жидкія, такъ и твердыя, стекаютъ въ Шпре; отсюда, съ одной стороны, портится вода, съ другой—воздухъ заражается вредными испареніями. Атмосфера, въ которой живутъ берлинцы, постоянно бываетъ насыщена твердыми и жидкими продуктами гніенія. Въ-шестыхъ, въ связи со всѣми вышеприведенными антигигиеническими условіями берлинской жизни находится фактъ прогрессивной, изъ году въ годъ возрастающей смертности. Особенно сильна смертность между дѣтьми: такъ, напр., въ 1873 году на 27,600 умершихъ приходилось дѣтей моложе 1 года—11,000, т. е. дѣтская смертность относится къ смертности вообще, какъ 2:5.

Указавъ на эти неутѣшительные факты, Штральманъ предложилъ на обсужденіе собранія рядъ тѣхъ мѣръ, осуществленія которыхъ гигиена, по его мнѣнію, имѣетъ полное право требовать отъ строительной полиціи и которыя могутъ предупредить возникновеніе и развитіе ненормальныхъ условій берлинской жизни. Наибольше существенными изъ этихъ мѣръ онъ считалъ слѣдующія:

- 1) Необходимо заботиться о децентрализациі большихъ городовъ, поощряя выселенія изъ центровъ къ окраинамъ.
- 2) При проведеніи новыхъ улицъ или застроеніи новыхъ кварталовъ необходимо составить планъ такой канализациі, которая предупреждала-бы зараженіе почвы нечистотами.
- 3) Нужно противодѣйствовать скученію домовъ; необходимо, чтобы одинъ домъ отдѣлялся отъ другого болѣе или менѣе значительнымъ пространствомъ незастроенной земли.
- 4) По крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ мѣста, предназначаемаго для построекъ, должна оставаться свободною.
- 5) Высота домовъ не должна превышать ширины улицы, и домъ, предназначенный для жилыхъ помѣщеній, не долженъ имѣть болѣе 4-хъ этажей.
- 6) При постройкѣ новыхъ домовъ не слѣдуетъ дозволить устраивать жилыхъ помѣщеній въ подвальныхъ этажахъ. Для того-же, чтобы противодѣйствовать скученію населенія въ существующихъ уже подвальныхъ помѣщеніяхъ, необходимо все-

возможными мѣрами содѣйствовать и поощрять устройство здоровыхъ и дешевыхъ жилищъ для рабочаго класса.

Съѣздъ хотя въ принципѣ со всѣмъ этимъ и согласился, однако, не нашелъ почему-то возможнымъ придти къ какимъ-нибудь окончательнымъ, положительнымъ заключеніямъ. Рѣшено было отложить обсужденіе этого вопроса до будущаго съѣзда (въ нынѣшнемъ 1875 году).

Затѣмъ директоръ городского статистическаго комитета въ Берлинѣ, д-ръ Швабе, сдѣлалъ весьма интересное сообщеніе „О влияніи жилищъ на здоровье ихъ обитателей“. Въ немъ приведены были слѣдующія цифры о распредѣленіи смертности по этажамъ. На 1,000 жит. умираетъ *) въ подвалахъ 25,8‰; въ первомъ этажѣ—22,0‰; во второмъ 21,8‰; въ третьемъ 21,8‰; въ четвертомъ 22,8; въ пятомъ и выше 28,2‰.

Мертворожденные, число которыхъ вообще гораздо значительнѣе въ классѣ поденщицъ (1 мертворожд. на 123 живорожд.) и ремесленницъ (1 м. на 160 живор.), чѣмъ у домовладѣльцевъ и лицъ достаточныхъ, живущихъ рентою (1 мерт. на 500 жив.),—мертворожденные распредѣляются по этажамъ такимъ образомъ: на третій этажъ (соотвѣтствующій нашему второму) приходится 14‰; на четвертый 18‰; но жилища пятаго и выше этажа (равно и подвальные)—24‰.

Указавъ далѣе на чрезвычайное возрастаніе въ Берлинѣ, за послѣднія 14 лѣтъ, эпидемическихъ болѣзней, Швабе выразилъ мысль, что главную причину этого печальнаго явленія слѣдуетъ искать въ неудовлетворительной системѣ (англійской) канализаціи города,—системѣ, благопріятствующей увеличенію влажности почвы и развитію въ ней тѣхъ процессовъ гніенія, кото- рые, какъ извѣстно, служатъ источникомъ всевозможныхъ заразы.

Послѣ д-ра Швабе читалъ свой рефератъ д-ръ Зондеръ, по вопросу о томъ: можно-ли соединять въ одной больницѣ лицъ, страдающихъ различными болѣзнями, или слѣдуетъ пользоваться ихъ въ отдѣльныхъ больницахъ, специализированныхъ по роду болѣзней? Такъ-какъ вопросъ этотъ можетъ имѣть интересъ лишь для медиковъ, то мы пройдемъ рефератъ Зондера молчаніемъ.

*) Исслѣдованія д-ра Швабе относятся къ 1861, 1864 и 1867 годамъ.

Несравненно больше общаго интереса представлялъ рефератъ знаменитаго Гирта (изъ Бреслава): „О женской работѣ на фабрикахъ“. Референтъ говорилъ въ немъ собственно о томъ вредномъ вліяніи, которое фабричная работа должна оказывать на беременныхъ женщинъ и на ихъ потомство.

Какъ на особенно вредныя занятія, онъ указалъ на такія занятія, при которыхъ приходится употреблять ртуть, фосфоръ, свинецъ, амалинъ и мышьякъ.

Въ заключеніе онъ предложилъ собранію выразить желаніе, чтобы женская работа на фабрикахъ была-бы ограничена въ Германіи законодательными путемъ, подобно тому, какъ это уже сдѣлано въ Швейцаріи.

Послѣдній вопросъ, обсуждавшійся на сѣздѣ, былъ вопросъ: „О снабженіи населенія рѣчной и ключевой водою“. Читано было два реферата: профессора Рейхердта изъ Іены и инженера Шмита изъ Франкфурта. Оба референта отдали рѣшительное предпочтеніе ключевой водѣ передъ рѣчной. Преимущества первой сравнительно съ послѣдней состоятъ, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что она чище, имѣетъ постоянный химическій составъ и температуру; кромѣ того, по своему положенію (обыкновенно выше города), ее съ большимъ удобствомъ и меньшими издержками можно проводить въ высокіе дома.

Большинство говорившихъ по этому вопросу высказалось въ пользу заключенія референтовъ.

Затѣмъ засѣданія сѣзда, послѣ заключительныхъ рѣчей и взаимныхъ благодарностей, были объявлены закрытыми и члены разстались съ надеждою снова сѣхаться осенью нынѣшняго года.

СПИРИТИЗМЪ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

(ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.)

Спиритизмъ, заинтересовавшій русскую публику въ послѣднее время, заставилъ много говорить о себѣ весь Парижъ. Но здѣсь интересъ вызванъ не какими-нибудь новыми спиритическими опытами, а судебнымъ разбирательствомъ, продолжавшимся въ судѣ исправительной полиціи цѣлыхъ двое сутокъ, — разбирательствомъ, раскрывшимъ нѣкоторыя тайны спиритическаго волхвованія. Трудно было высидѣть во все время засѣданія въ душной залѣ, наполненной массою публики, въ настоящее жаркое время года, но интересъ, возбужденный процессомъ, былъ такъ обаятеленъ, что всякій, захватившій мѣсто, старался удержать его во что-бы то ни стало.

Вотъ что выяснилось на судѣ:

Однажды, еще въ началѣ зимы, между собравшимися гостями у доктора Гюге зашелъ разговоръ о нѣкоемъ медиумѣ, англійскаго происхожденія, по фамиліи Фирманъ. Между присутствовавшими нашелся одинъ послѣдователь спиритизма; онъ горячо отнесся къ предмету разговора, рассказалъ нѣсколько случаевъ удачныхъ спиритическихъ сеансовъ, при которыхъ ему удалось самому присутствовать, разгорячилъ своими рассказами воображеніе нѣкоторыхъ своихъ собесѣдниковъ, преимущественно дамъ. Въ числѣ гостей находился литераторъ Жяколіо, написавшій интересную книгу о спиритизмѣ въ Индіи. Этотъ господинъ сталъ доказывать, что европейскіе медиумы въ сравненіи съ индійскими факирами немногаго

стоятъ, что они по большей части весьма неловкіе шарлатаны, которыхъ весьма не трудно ловить на ихъ незамысловатыхъ фокусахъ.

Разговоръ на эту тему продолжался далѣе и кончился тѣмъ, что докторъ Гюге сговорился съ нѣкоторыми изъ своихъ близкихъ знакомыхъ поймать Фирмана и разоблачить его плутни передъ публикой. Жаколю, конечно, вошелъ въ число заговорщиковъ.

Достигнуть предположенной цѣли было не легко. Подозрѣвали что-нибудь Фирманъ или, дѣйствительно, былъ занятъ другими сеансами, но только цѣлыхъ четыре мѣсяца г-жа Гюге тщетно уговаривала его пріѣхать къ ней въ домъ для производства опытовъ. Чтобы уничтожить всякое сомнѣніе въ Фирманѣ, г-жа Гюге окружила себя цѣлымъ обществомъ убѣжденных спиритовъ и совершенно убѣдила ихъ, что и она готова присоединиться къ ихъ лагерю, только-бы ей были представлены очевидныя доказательства. Въ то-же время она сдѣлала всѣ нужныя приготовления. Рядомъ съ ея гостиною находится небольшой темный чуланъ, который можно было прикрыть драпировкой, и за ней усадить медіума; въ этомъ чуланѣ она устроила себѣ скрытое, совершенно незамѣтное убѣжище, гдѣ она могла спрятаться такъ, что ее не могли видѣть.

Наконецъ Фирманъ рѣшился принять приглашеніе и явился къ доктору Гюге въ назначенный день и часъ, въ сопровожденіи дамы, которую назвалъ своею женою. Въ этотъ вечеръ хитрый пройдоха былъ особенно серьезенъ и поражалъ публику торжественностью пріемовъ, напоминавшею жреца, приступающаго къ жертвоприношенію. Онъ разсадилъ присутствовавшихъ вокругъ стола и приказалъ потушить всѣ лампы, такъ-какъ духи, повидѣнному, вообще не охотники до освѣщенія. Затѣмъ онъ иросилъ присутствующихъ заняться пѣніемъ нѣкоторыхъ популярныхъ напѣвовъ, отличающихся будто-бы тою специальностью, что загробные гости при слушаніи ихъ легче подвергаются вліянію медіума. Названная жена Фирмана показала примѣръ и все общество занялось пѣніемъ мотивовъ изъ „Дочери г-жи Анго“ и другихъ музыкальныхъ произведеній того-же рода. Затѣмъ были произведены медіумомъ фокусы, обычные въ подобныхъ сеансахъ: опрокинутые стулья, звуки мѣднаго рожка, летающія по воздуху бубны и т. п. По окончаніи ихъ было приступлено къ вызову духовъ. Фирманъ уда-

лился въ темный чуланъ, за драпировку. Изъ гостиной вынесли остатки освѣщенія, такъ что гости остались въ совершенной темнотѣ. Столъ перенесли и поставили по сосѣдству съ драпировкою, за которую меѣдѣмъ только-что удалился. Черезъ десять минутъ портьера зашевелилась и изъ-за двери выскочила небольшая фигурка, съ чернымъ лицомъ, въ бѣломъ плащѣ. Фигурка заговорила дѣтскимъ голосомъ, и, произнеся нѣсколько словъ, исчезла за портьерою.

Вѣрующіе торжествовали. Хозяйка дома показала видъ, что вполне поддаются убѣдительности доказательства, и назначили вечеръ для слѣдующаго собранія; они сознавали необходимость внушить шарлатану довѣріе для того, чтобы вѣрнѣе уличить его.

Во время второго сеанса г-жа Гюге помѣстилась въ скрытомъ углу, въ чуланчикѣ, и оттуда ясно видѣла, какъ Фирманъ надѣвалъ на себя черную маску и бѣлое покрывало и какъ затѣмъ становился на колѣни, чтобы казаться малорослымъ. О своемъ открытіи она сообщила своимъ соучастникамъ и они рѣшили поймать обманщика на третьемъ сеансѣ.

Ихъ планъ, однакожь, едва не потерпѣлъ фiasco. На третьемъ сеансѣ, войдя въ темный чуланъ, Фирманъ, услыжавъ легкій шорохъ за драпировкою, сталъ ощупывать и обстукивать стѣну, чтобы убѣдиться, что ему, вѣрно, послышалось. Г-жа Гюге задержала дыханіе. Фирманъ успокоился—и черный индѣецъ появился, какъ обыкновенно. Но едва успѣлъ онъ заболтать заученную рѣчь, какъ женская рука внезапно сорвала съ него маску, и г-жа Гюге торжественно проговорила:

— Надѣюсь, г. Фирманъ, что больше вамъ не удастся обманывать легковѣрныхъ людей!

Въ то-же время гостиная освѣтилась и присутствующіе на сеансѣ увидѣли Фирмана въ самомъ комическомъ положеніи; онъ старался освободиться изъ рукъ поймавшей его хозяйки дома и никакъ не могъ этого сдѣлать, такъ-какъ совершенно растерялся. Жена его ломала руки въ отчаяніи. Конечно, милая чета поспѣшила оставить домъ, гдѣ ее изобличили въ обманѣ. Всѣ присутствовавшіе на сеансѣ составили протоколъ, который и подписали всѣ, даже горячіе приверженцы спиритизма.

Плутня Фирмана ничто въ сравненіи съ продѣлкой фотографа Бюге, вызвавшей судебное разбирательство.

Въ парижскомъ судѣ исправительной полиціи, на столѣ вещественныхъ доказательствъ стоитъ длинный ящикъ чернаго дерева съ музыкальною машинкою. Рядомъ съ этимъ ящикомъ—большой сундукъ, наполненный массою самыхъ разнообразныхъ фотографическихъ портретовъ. Посреди стола поставлена большая кукла, руки и ноги которой можно приводить въ движеніе посредствомъ особаго механизма; кукла обвернута прозрачнымъ газомъ; куклѣ недостаетъ головы, которая замѣнена фотографическимъ снимкомъ, наклееннымъ на картонъ.

На скамьѣ подсудимыхъ сидятъ трое обвиняемыхъ. Одинъ—знакомый намъ Фирманъ, другой—редакторъ спиритической газеты Лемари, третій—фотографъ Бюге, выдававшій себя за медиума и воспроизводившій фотографическіе снимки съ лицъ, давнымъ-давно умершихъ и похороненныхъ. Это дѣлалось очень просто. Фотографъ-медиумъ приглашаетъ васъ произнести извѣстную спиритическую молитву, наводитъ на васъ свой приборъ, и черезъ полминуты подноситъ вамъ доску, на которой воспроизведена, разумеется, прежде всего ваша физіономія, а за нею, сбоку или позади, какая-то неопредѣленная фигура, неизмѣющая ясныхъ очертаній, въ которой вы, послѣдователь спиритизма, непременно узнаете ту особу, которую желали видѣть.

Первые фотографическіе портреты духовъ явились въ Америкѣ. Первая мысль ввести эту фотографію во Франціи принадлежитъ Лемари, редактору спиритической газеты. Случай свелъ его съ фотографомъ Бюге, дѣла котораго были не въ блестящемъ положеніи. Онъ охотно согласился принять на себя роль фотографа-медиума. Первые опыты воспроизведенія духовъ были не совсѣмъ удачны. Бюге снималъ духовъ съ служившаго у него лакея и дамы, занимавшейся счетоводствомъ; при такомъ недостаточномъ числѣ оригиналовъ, натурально, репертуаръ типовъ оказался слишкомъ ничтожнымъ для удовлетворенія многихъ охотниковъ имѣть фотографическіе портреты своихъ умершихъ друзей и родственниковъ.

Придумывая, какъ-бы выйти изъ затруднительнаго положенія, Бюге сочинилъ тотъ способъ воспроизведенія загробныхъ тѣней, въ которомъ главную роль играла выставленная на столѣ вещественныхъ доказательствъ кукла.

Эту куклу Бюге и его сообщники ставили въ ту позицію, которая наиболѣе подходила къ каждому данному случаю, заверты-

вали весь корпусъ ея въ прозрачный газъ, а вмѣсто головы представляли фотографическій портретъ, наклеенный на картонъ. Подобныхъ портретовъ Бюге имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣскольکو сотенъ; они хранились въ особой шкатулкѣ, которая на фамиллярномъ языкѣ компаніи называлась „ящикомъ съ предками“. Этотъ ящикъ помѣщался также на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Когда къ Бюге являлся заказчикъ, то первымъ дѣломъ дама, завѣдывавшая кассою, спѣшила разспросить его о лѣтахъ и характерѣ той особы, портретъ которой онъ желалъ получить. Соображаясь съ указаніями заказчика, дѣлался выборъ подходящаго къ описанію портрета изъ ящика съ предками. Избранный портретъ вмѣсто головы приставлялся къ туловищу куклы; въ секретномъ кабинетѣ снимался съ нея портретъ и вставлялся въ камеру-обскуру, для снятія на этомъ негативѣ портрета съ заказчика. Но прежде фотографъ вызывалъ того духа, котораго заказчикъ желалъ имѣть на своемъ портретѣ. Затѣмъ совершался обычный процессъ снятія фотографическаго портрета и чрезъ пол-минуты заказчику представляли вышедшее на стеклѣ изображеніе собственной его особы, а рядомъ съ нею или позади—снимокъ съ духа.

Портретъ загробнаго обитателя, разумѣется, не всегда оказывался похожимъ. Однажды, наприимѣръ, заказчикъ пожелалъ имѣть портретъ только-что умершаго сына, молодого человѣка, а вмѣсто того явилось изображеніе весьма почтеннаго старца!

Впрочемъ, Бюге прямо заявлялъ, что онъ не принимаетъ на себя отвѣтственности за сходство вызываемыхъ тѣней. Спиритамъ извѣстно, говорилъ онъ, что духи капризны; часто случается, что медиумъ вызываетъ одного, а является другой. Противъ такой неудачи существуетъ одно средство—повторить опытъ въ другой разъ; причину неудачи Бюге приписывалъ обыкновенно недостаточному усердію кліента къ молитвѣ, неправильному направленію магнетическаго тока и т. под.

На судѣ Бюге искренно разъяснилъ всѣ эти подробности, занесенныя въ обвинительный актъ. Съ примѣсью нѣкотораго добродушія онъ объяснилъ, что обладалъ массою самыхъ разнообразныхъ типовъ: въ ящикѣ предковъ у него хранились головы и бритвы, и бородатныя, и молодныя, и старыя, и курносыя, и длинноносыя. Впрочемъ, запирается Бюге рѣшительно не могъ: улыбка была на лицо.

— Вы вполне сознательно обманывали свою публику? заштыгилъ предсѣдатель суда.

— Никогда, отвѣчалъ подсудимый.— Мои кліенты сами себя обманывали. Никакими средствами я не могъ-бы убѣдить ихъ въ ошибочности ихъ ожиданій. Какъ-бы ни убѣждалъ я ихъ, они итѣ не повѣрили-бы.

Дама, завѣдывавшая кассою въ фотографіи Бюге и спрошенная въ качествѣ свидѣтельницы, рассказала, какъ она старалась вывѣдывать у закащиковъ различныя свѣденія, необходимыя для опредѣленія общаго очертанія фізіономіи того лица, котораго приходилось вызывать.

— Не было никакого труда, прибавила она, — вызывать закащиковъ на откровенность. Они сами высыпали все, что у нихъ было на душѣ.

Остальные служащіе въ домѣ Бюге подтвердили факты, добытые предварительнымъ слѣдствіемъ. Съ ироніей и насмѣшкой отзывались они объ излишней довѣрчивости закащиковъ.

Самой интересной частью процесса былъ допросъ свидѣтелей, сдѣлавшихся жертвой обмана со стороны Бюге. Первымъ введенъ былъ графъ Б., человекъ почтенныхъ лѣтъ, бывшій военный, съ энергическою фізіономіею, сѣдыми усами, глубокимъ и настойчивымъ взглядомъ настоящаго сектанта и краткою, рѣзкою рѣчью, изобличающею человека глубоко вѣрующаго. Б. заплатилъ четырьмя тысячами франковъ и подарилъ Бюге музыкальный ящикъ.

— Къ чему служилъ этотъ ящикъ? спрашиваетъ предсѣдатель свидѣтеля.

— Онъ помогаль вызову духовъ, отвѣчаетъ Б.

Тогда предсѣдатель обращается къ Бюге, требуя отъ него разъясненія, по его-ли требованію графъ подарилъ ему этотъ ящикъ.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ фотографъ.— Графъ убѣжденъ въ силѣ музыки надъ духами. Я заводилъ подаренную имъ машинку только съ цѣлью сдѣлать ему пріятное.

Графъ Б. явился къ Бюге въ первый разъ, желая добыть фотографію только-что похороненной сестры.

— Что-же, получили вы этотъ портретъ? спрашиваетъ предсѣдатель.

— Получилъ.

— И узнали сестру?

— Узналъ.

— Однако, мы имѣемъ въ рукахъ ту карточку, возражаетъ предсѣдатель,—которая послужила къ воспроизведенію образа вашей сестры. Вы можете найти ее въ ящикѣ предковъ, на ней выставленъ № 305-й. Вотъ она!

— Все это въ моихъ глазахъ ничего не доказываетъ, отвѣчаетъ графъ.

При этомъ отвѣтѣ въ публикѣ проносится шопотъ, выражающій удивленіе. Предсѣдатель выясняетъ свидѣтелю, какимъ способомъ Бюге добывалъ фотографическіе снимки съ тѣней. Подсудимый подтверждаетъ слова предсѣдателя. Свидѣтель слушаетъ молча, на его лицѣ незамѣтно никакого волненія.

— Вы видите, заключаетъ предсѣдатель,—что васъ безобразно обманывали.

— Таково ваше мнѣніе, возражаетъ графъ Б.—Позвольте мнѣ остаться при моемъ собственномъ.

— Однакожъ....

Но свидѣтель не даетъ предсѣдателю докончить пачатую фразу. Онъ съ гордостью поднимаетъ голову, и голосомъ, проникнутымъ убѣжденіемъ и вѣрою, произноситъ слѣдующія слова:

— Я шестнадцать лѣтъ занимаюсь спиритизмомъ, милостивый государь, и буду имъ заниматься до конца дней моихъ. Оставьте каждому присущія ему убѣжденія, выработанныя жизнью.

Чѣмъ прикажете убѣдить подобнаго человѣка? Ему съ поразительной очевидностью доказываютъ, что онъ былъ обманутъ, а онъ не хочетъ вѣрить!

А вотъ и другой примѣръ подобнаго-же ослѣпленія. Свидѣтельница—18-лѣтняя дѣвушка, очень красивой наружности; она получила отъ Бюге портретъ умершей пріятельницы.

— Итакъ, вы вѣрите въ духовъ? спрашиваетъ судья.

— Вѣрю.

И вслѣдъ затѣмъ она рассказываетъ, какъ на одномъ сеансѣ спиритовъ волосы ея были расплетены какою-то сверхъестественною силою и потомъ сплетены опять въ косы.

— Вы убѣждены, все это было совершенно сверхъестественною силою? спрашиваетъ предсѣдатель.—Значитъ, Бюге былъ въ сношеніи съ подобными силами?

— Разумѣется.

За эту дѣвицею слѣдуетъ ея отецъ. Свидѣтель видѣлъ фокусъ Фирмана и задавалъ вопросы черненькому индѣйцу. Предсѣдатель объясняетъ ему, какъ этотъ медіумъ былъ пойманъ г-жею Бюге на самомъ преступленіи; свидѣтель въ отвѣтъ произноситъ рѣчь въ защиту спиритизма. Въ публикѣ раздаются рукоплесканія; аплодируютъ, конечно, спириты. Нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ отвѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ, а одна барыня, въ синемъ шелковомъ платьѣ, сидящая подлѣ меня, съ ужасомъ шепчетъ:

— И они еще смѣются! Не вѣдаютъ бо, что творять!

Судебный приставъ вводитъ женщину лѣтъ сорока, торгующую табаконъ. Эта успѣла убѣдить и себя, и многихъ вѣрующихъ спиритовъ, что обладаетъ магнетическимъ токомъ, которымъ можетъ возстановлять упадающія силы медіума въ случаѣ его усталости.

— Бюге не нуждался въ возстановленіи магнетическаго тока, говоритъ предсѣдатель, — потому что, какъ видите, съ своихъ заказчиковъ онъ снималъ портреты тѣмъ-же способомъ, какъ и прочіе фотографы.

— Я не препятствую вамъ имѣть подобное воззрѣніе на вещи, возражаетъ табачница.

Предсѣдатель обращается съ вопросомъ къ подсудимому, зачѣмъ онъ подвергся магнетизированію свидѣтельницы.

— Это ей доставляло удовольствіе, говоритъ Бюге, — мнѣ-же было все равно.

— Слышите вы это? обращается предсѣдатель къ свидѣтельницѣ.

— Подсудимый можетъ говорить, что хочетъ, отвѣчаетъ она, — а я знаю, что мнѣ слѣдуетъ знать.

— Садитесь, заключаетъ предсѣдатель. — Мнѣ остается дать вамъ одинъ совѣтъ — занимайтесь лучше вашими табачными дѣлами, а прочее бросьте.

Публика смѣется.

А вотъ приводятъ бакалейнаго торговца, лишившагося десятилѣтняго единственнаго сына. Друзья направили его къ Бюге, чтобы добыть снимокъ съ духа покойника. Простякъ платитъ условленные двадцать франковъ, но негативъ вмѣсто сына воспроизводитъ ему портретъ семидесятилѣтняго старца.

— Недостаточно усердно молились, замѣчаетъ ему фотографъ.

Опечаленный отецъ не покидаетъ своего желанія и приходитъ въ другой разъ. Опять 20 франковъ и опять неудача.

Бавалейщикъ направляется тогда къ Лемари, редактору спиритической газеты. Благодаря внесенной денежной платѣ, въ этой газетѣ появляется воззваніе, которымъ всѣ спириты приглашаются присоединиться къ молитвамъ огорченнаго отца, въ ту минуту, когда онъ приступитъ въ третій разъ къ вызову духа.

И въ третій разъ—та-же неудача... Бюге снова получаетъ свои 20 франковъ.

Слѣдуетъ допросъ вдовы Аллана Кардекъ, извѣстнаго столпа спиритизма. Свидѣтельница, старуха лѣтъ 70, пришла къ Бюге съ цѣлью добыть портретъ отца. Но Бюге зналъ, что она вдова основателя французскаго спиритизма, и воспроизвелъ портретъ ея мужа. Когда-же г-жа Кардекъ выразила удивленіе, что вмѣсто духа отца на ея призывы явился духъ мужа, Бюге замѣтилъ ей, что привязанность ея къ мужу, вѣроятно, побуждаетъ ее сосредоточивать свои мысли на немъ даже въ то время, какъ она желаетъ думать о комъ-нибудь другомъ.

— Посмотрите, прибавилъ Бюге,—мужъ вамъ даже пишетъ.

И дѣйствительно, севозъ лупу г-жа Кардекъ прочла на клочкѣ бумаги, находящемся въ рукѣ у тѣни мужа, слѣдующія слова:
„Довѣрься Бюге. Я люблю его по-прежнему.

Алланъ Кардекъ“.

На судѣ выясняется, что записка эта, по порученію Бюге, была написана дамою, принимавшею заказы, и всунута въ руку извѣстной намъ вуклы.

— Пусть себѣ говорятъ они, что хотятъ, возражаетъ г-жа Кардекъ.—Напрасно только подсудимый отрицаетъ свою медіумическую способность. Я знаю, что онъ обладаетъ ею, и ничто не можетъ убѣдить меня въ противномъ...

Въ такомъ-же духѣ отвѣчаетъ большая часть изъ сорока свидѣтелей. Приводить ихъ показанія излишне, потому что всѣ они были повтореніемъ одно другого. Предсѣдатель суда видимо томился и платкомъ отиралъ выступавшій на лбу потъ. Послѣ допроса трехъ военныхъ полковниковъ, оказавшихся столь-же непоколебимыми въ своихъ спиритическихъ убѣжденіяхъ, какъ и прочая братія, предсѣдатель обратился къ прокурору и адвокатамъ съ вопросомъ, слѣдуетъ-ли продолжать судебное слѣдствіе,

такъ-какъ показанія обманутыхъ лицъ до чрезвычайности однообразны. Адвокаты вызвали еще двухъ-трехъ свидѣтелей; та-же исторія. Становилось тошно слушать всю эту дребедень. Адвокаты, судьи, публика одинаково терпѣли.

Обслѣдованіе дѣятельности Фирмана отвлекло вниманіе въ другую сторону. Фирманъ объявилъ о своемъ незнаніи французскаго языка, хотя нѣкоторые изъ его знакомыхъ показали, что онъ не разъ говорилъ съ ними на этомъ языкѣ. Потребовали переводчика. На каждый дѣлаемый Фирману вопросъ онъ отвѣчалъ удивленіемъ и подымалъ глаза къ небу.

— Не понимаю, о чемъ говорить... не помню, я никогда не говорилъ ничего подобнаго...

Выслушавъ терпѣливо длинныя рѣчи защитниковъ, судъ вынесъ обвинительный приговоръ всеѣмъ тремъ подсудимымъ и приговорилъ: Лемари и Бюге къ годовому, а Фирмана къ полугодовому заключенію въ тюрьмѣ.

Раскрытія мошенничества, какъ выяснилось на судѣ, спиритовъ не поколебали: они остались при своихъ убѣжденіяхъ. Очень возможно, что даже осужденные не потеряютъ своего авторитета въ спиритическомъ стадѣ, и когда ихъ освободятъ изъ тюрьмы, они снова примутся за прежнія мошенничества: Бюге опять станутъ снимать портреты съ привидѣній, а Фирманъ вызывать своего маленькаго индѣйца... Адепты спиритизма будутъ по-прежнему сыпать золотомъ въ ихъ пользу, пожалуй, чего добраго, возведутъ ихъ въ рангъ мучениковъ отъ спиритизма...

А.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

САЛОНЪ И ОБЩЕСТВО ВО ФРАНЦІИ.

Ростъ большихъ городовъ. — Значеніе ихъ въ наше время. — Характеристическое отличіе Парижа. — „Весь Парижъ“. — Управляющіе классы во Франціи. — Элементы, входящіе въ составъ управляющихъ классовъ. — Ихъ численность. — Причины упадка салона. — Масса расходуемой энергіи. — Упадокъ драматическаго искусства. — Раутъ. — Стремленіе къ наживѣ, овладѣвшее французскою буржуазіей. — Искусство развлекаться. — Исчезновеніе обжорства. — Стремленіе возстановить его. — Современная молодежь. — Ководесы. — Непомѣрная роскошь туалетовъ свѣтскихъ дамъ. — Г-жа Монсэ. — Великій маэстро портного искусства Вортъ. — Экстренный поѣздъ желѣзной дороги для бальнаго платья. — Графиня Рапъ. — Герцогиня Кастильоне. — Описаніе баловъ въ парижскихъ газетахъ. — Блескъ и роскошь баловъ во время второй имперіи. — Костюмированный балъ у графа Валевскаго. — Маленькій Фаустъ. — Гравюра: путь маленькаго Фауста черезъ Шарантонъ.

I.

Приступая къ изложенію нашей статьи, спѣшимъ оговориться, что мы просимъ читателей смотрѣть на нашъ трудъ, какъ на трудъ натуралиста, а не адвоката. Мы пишемъ не обвинительный актъ противъ французской національности вообще и французскихъ управляющихъ классовъ въ частности; мы только желаемъ начертать возможно-вѣрную картину нравовъ и жизни этихъ классовъ въ послѣдней трети XIX вѣка. Мы будемъ имѣть дѣло только съ фактами, и тамъ, гдѣ нельзя дѣлать очевидныхъ выводовъ, мы станемъ воздерживаться отъ нихъ. Въ послѣднее время изслѣдователи, а въ особенности туристы, слишкомъ злоупотребляютъ обобщеніями, которыя дѣлаютъ зря, подобно путешественнику, провозгласившему, что „въ Турѣ всѣ женщины рыжія“; по-

чтенный турист разговаривалъ только съ одной женщиной въ Турѣ; волоса у нея были морковнаго цвѣта; эта случайность подала ему поводъ заключить, что всѣ женщины въ Турѣ обладаютъ такимъ-же цвѣтомъ волосъ. Подобными обобщеніями отличаются нѣкоторые корреспонденты извѣстныхъ газетъ, напримѣръ, парижскій корреспондентъ самой богатой въ Соединенныхъ Штатахъ газеты „New-York-Herald“. Собирая свои впечатлѣнія въ отелѣ, гдѣ онъ квартируетъ, и въ ресторанѣ, гдѣ онъ обѣдаетъ, корреспондентъ на основаніи ихъ дѣлаетъ самыя произвольныя выводы о Парижѣ и даже о цѣлой Франціи. Ничего нѣтъ удивительнаго, если онъ приходитъ иногда къ самымъ чудовищнымъ по своей нелѣпости выводамъ. Точно также и нѣмецкіе журналисты, возвратясь съ бала парижской оперы или другихъ увеселительныхъ мѣстъ, усталые, съ тяжестью на желудкѣ, принимаютъ строчить свои статьи, наполненныя проклятіями Паризу, этой „безстыдной проституткѣ, одѣтой въ пурпуръ, униженнойъ драгоценными камнями, и призывающей легкомысленныхъ обитателей земли въ свои объятія, чтобы виѣсть съ нею упиваться искрестымъ виномъ, бросаться въ пучину сладострастія и погрязать въ болотѣ порока“. Въ заключеніе они обыкновенно раздражаются подобной тирадой: „Но эта вавилонская блудница склонилась уже подъ ударами нашихъ Бисмарка и Мольте, и если не перестанетъ быть олицетвореніемъ всевозможныхъ пороковъ и беззаконій, будетъ стерта съ лица земли...“ и т. д. въ такомъ-же родѣ.

Такіе выводы дѣлать очень легко; для этого не требуется ни изученія, ни даже подбора фактовъ. Нечего и говорить, что они могутъ убѣдить только людей, ослѣпленныхъ ненавистью, или же простенькихъ дурачковъ, вѣрящихъ безусловно всему, что пишетъ газета, которую они имѣютъ обыкновеніе читать.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что между современными Парижемъ и императорскимъ Римомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существуетъ сходство. Но вопросъ въ томъ, представляютъ ли эти сходственныя черты главнѣйшій признакъ характеристикъ Парижа или-же онѣ имѣютъ второстепенное значеніе и составляютъ только болѣзненный наростъ на здоровомъ организмѣ? Еще Руссо утверждалъ, что всѣ столицы развращены, что онѣ не заслуживаютъ другого имени, какъ проститутки. Развратъ силенъ

какъ въ Парижѣ, такъ и въ Лондонѣ, Нью-Йоркѣ, Пекинѣ, Калькутѣ, Вѣнѣ и въ самомъ Берлинѣ, этомъ, по словамъ нѣмецкихъ либераловъ, „убѣжищѣ благочестивыхъ нравовъ и богобоязненности“; въ Берлинѣ, какъ доказываютъ новѣйшія, *нѣмецкія-же* изслѣдованія, развратъ даже шире, грубѣе и циничнѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой столицѣ. Не надо забывать, что въ каждой изъ столицъ развратъ проявляется своеобразно, что обуславливается народнымъ характеромъ и потому можетъ показаться, что въ одной онъ несравненно сильнѣе, въ другой слабѣе, между тѣмъ разница въ сущности не велика. Жительница Лондона въ развратѣ свирѣпа, ненасытна, точно людоедка, аппетитъ которой раздраженъ запахомъ свѣжей человѣческой крови; парижанка весела и остроумна; берлинка, подъ влияніемъ пива и водки, отъ которыхъ она никогда не отказывается, грязна и цинична; вѣнка, менѣе всѣхъ испорченная, добродушна, и такъ далѣе.

Мы переживаемъ теперь эпоху поразительнаго роста большихъ городовъ, представляющихъ собою политическіе, экономическіе и социальныя центры. Мы почти не замѣчаемъ, какъ эти города растутъ съ каждымъ днемъ. Нашъ вѣкъ, по всей справедливости, долженъ именоваться вѣкомъ желѣзныхъ дорогъ и роста большихъ городовъ. По мѣрѣ улучшенія путей сообщенія и удешевленія проѣзда, населеніе стремится въ такіе центры, гдѣ легче и пріятнѣе жить. Во Франціи, несмотря на прогрессъ земледѣлія и усиленіе производительности почвы, сельское населеніе остается въ одной численности, даже нѣсколько уменьшается; слѣдовательно, все естественное приращеніе народонаселенія, происходящее отъ превышенія числа рожденій надъ числомъ смертности, усиливаетъ собою численность городского населенія; собственно эмиграція изъ Франціи до сихъ поръ не особенно велика и отчасти покрывается переселеніемъ другихъ національностей во Францію. Съ каждымъ годомъ жизнь въ небольшихъ городахъ дорожаетъ, а средства заработка уменьшаются. Естественно, они не могутъ привлекать эмиграцію и сами доставляютъ контингентъ эмигрантовъ въ большіе города, которые сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ средства для труда и развлеченій.

Какъ все живущее, человекъ находится въ прямой зависимости отъ окружающей его среды; онъ измѣняется сообразно съ преобразованіями, въ ней совершающимися. Физиологическія и

психологическія условія, въ которыхъ поставленъ горожанинъ большого города, различны отъ условій, вліяющихъ на бытъ жителей сель и небольшихъ городовъ. По изслѣдованіямъ натуралистовъ оказывается, что виды, населяющіе огромный континентъ Азіи, больше ростомъ соответствующихъ видовъ, живущихъ въ Африкѣ и Европѣ. Для большихъ рыбъ необходимы океаны, моря и очень большія рѣки. И въ царствѣ микроскопическихъ животныхъ дѣйствуетъ тотъ-же законъ. Извѣстный ученый Пуше, наблюдавшій инфузорій, говоритъ, что болѣе рослые экземпляры ихъ могутъ родиться и расти только въ сосудахъ большей емкости, напримѣръ, въ стаканѣ, но не въ рюмкѣ. Дамы, забавлявшіяся золотыми рыбками, хорошо знаютъ, что очень маленькія рыбки, помѣщенные въ маленькой стеклянной вазѣ, производящія крошечныхъ экземпляровъ, начинаютъ производить болѣе рослыхъ, какъ только ихъ переведутъ въ вазу большей величины. Точно также извѣстныя человѣческія личности, характеры и темпераменты чувствуютъ себя въ своей сферѣ только при извѣстной окружающей обстановкѣ. Людей честолюбивыхъ, съ выдающимися способностями, людей талантливыхъ естественно притягиваетъ къ себѣ большой городъ, такъ-какъ только здѣсь они находятъ возможность примѣнить свои знанія, свою ловкость. Все, выдѣляющееся изъ ряду, все первосортное въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ — артисты, ученые, государственные люди, теологи, профессора, адвокаты, авантюристы, самые ловкіе мошенники, кокотки, всякія чрезмѣрные физиологическія уродливости, въ родѣ овцы о двухъ головахъ и барана о шести ногахъ, — все это стремится въ столицы и очень большіе города. Высшее дарованіе и крайній порокъ могутъ проявляться только въ столицѣ. Не надо забывать, что столицы далеко еще не достигли того положенія, какое онѣ могутъ занимать. Теперь онѣ пока еще столицы національныя; что-же будетъ, если нѣкоторыя изъ нихъ обратятся въ международныя? До какой непомерной цифры можетъ дойти тогда ихъ населеніе?

Но является вопросъ: съ увеличеніемъ общей цифры населенія города увеличивается-ли въ той-же соразмѣрности число людей выдающихся, людей, пользующихся извѣстностью, значеніемъ и авторитетомъ? Оно увеличивается, но въ несравненно меньшей пропорціи, чѣмъ численность толпы. Лондонъ населенъ уже тре-

ми миліонами людей, но руководителями, какъ и нѣсколько лѣтъ назадъ, остается знаменитая десятитысячная (Upper Ten Thousand) кучка, за которой слѣпо идетъ лондонская буржуазія. „Весь Парижъ“ (Tout Paris) состоитъ приблизительно изъ этого-же числа, нѣсколько меньшаго, конечно. Еще меньшей численности, но въ той-же пропорціи къ остальному населенію, „весь Нью-Йоркъ“, „вся Вѣна“ и пр. Численность этой кучки счастливецъ, получившихъ въ общественной лотерей первые номера, съ теченіемъ времени очень слабо увеличивается. Введеніемъ обязательнаго обученія можно удвоить въ странѣ число людей, получившихъ новыя знанія, но нельзя удвоить числа ученыхъ репутаций.

II.

Каждая изъ современныхъ столицъ имѣетъ своеобразный типъ и свою спеціальность, которая болѣе всего способствуетъ ея процвѣтанію и обуславливаетъ ея возрастаніе. Достаточно прочесть одно сочиненіе Баджота, чтобы придти къ рѣшительному выводу, что Лондонъ пользуется подавляющимъ преимуществомъ на денежныхъ рынкахъ всего міра. Лондонъ представляетъ собою денежный сундукъ обоихъ полушарій. Уже во времена Наполеона I, Лондонъ былъ громаднѣйшей лавкой, имѣющей свои магазины въ разныхъ иновременныхъ странахъ; теперь число этихъ магазиновъ еще болѣе увеличилось. Въ прежнихъ своихъ занятіяхъ, — мировой торговлѣ сырыми и мануфактурными товарами, — Лондонъ присоединилъ теперь торговлю денежными цѣнностями и слѣлался еще всемірнымъ банкиромъ. „Парижъ отличается вкусомъ и искусствомъ выдѣлки своихъ произведеній“, провозглашается во всѣхъ курсахъ географіи. Поразительнымъ доказательствомъ правильности этого мнѣнія можетъ служить, наприимѣръ, постройка новаго опернаго театра; она производилась втеченіи 15 лѣтъ и стоила 15 миліоновъ рублей. И дѣйствительно, ни одинъ театръ въ мірѣ по своей красотѣ не можетъ идти въ сравненіе съ новой парижской оперой. Парижъ имѣетъ еще другое отличительное качество: нигдѣ въ мірѣ не забавляются такъ много, какъ въ столицѣ Франціи. Парижъ — это балъ свѣта и полусвѣта. Развлеченія и забавы — это ремесло и подчасъ очень

печальное ремесло Парижа. Мольеръ, одинъ изъ величайшихъ французовъ и, можетъ быть, самый глубокий изъ писателей комедій въ мірѣ, отличался весьма меланхолическимъ характеромъ. Очень многіе изъ людей, взявшихъ своей спеціальностью потѣшать парижскую публику, охотно промѣняли-бы свое *веселое* житье на работу въ полѣ и огородѣ. Недавно въ Парижѣ утопили известный танцоръ, любимецъ публики, которому она неистово аплодировала на всѣхъ публичныхъ балахъ и въ кафе-шантанахъ. По внѣшности это былъ весельчакъ, страстно привязанный къ своему ремеслу потѣшать публику, и никому не приходило на умъ, что каждый разъ, какъ этотъ любимецъ публики выкидывалъ свои знаменитыя колѣнца, у него сердце щемило отъ горя и отчаянія. Онъ не выдержалъ своей веселой жизни и бросился въ Сену.

Избранное парижское общество, состоящее, по нашему исчисленію, изъ 8 до 10 тысячъ человекъ, дающихъ тонъ Парижу, а черезъ его посредство и всей Франціи, принадлежитъ къ тому общественному слою, который мы называемъ *управляющими классами*. Представители этихъ классовъ находятся въ административномъ совѣтѣ столицы, въ числѣ директоровъ различныхъ акціонерныхъ компаній и банковъ, хозяевъ фабричныхъ и промышленныхъ заведеній и пр. Названіе „управляющіе классы“, данное имъ Тьеромъ, весьма удачно замѣнило „*Paus legal*“, изобрѣтенное Гизо. Выраженіе „управляющіе классы“ не слѣдуетъ признавать синонимомъ аристократіи. Богатство, конечно, играетъ значительную роль въ средѣ парижской аристократіи, но не меньшую, если еще не большую роль играетъ здѣсь развитіе и образованіе. Въ средѣ-же управляющихъ классовъ деньги составляютъ все, а развитіе и образованіе имѣютъ второстепенное значеніе. Всякій человекъ, обладающій богатствомъ, можетъ попасть въ число членовъ „управляющихъ классовъ“, въ этотъ политическій синедріонъ, двери котораго для всѣхъ открыты, или, лучше сказать, который вовсе не имѣетъ дверей. Но не такъ легко попасть въ составъ „всего Парижа“; для этого необходимо, чтобы лицо, претендующее на честь состоять въ рядѣ „избран-

ныхъ“, получило известность за что-бы то ни было, чтобы оно заставило о себѣ говорить. Какъ легко попасть въ избранные, такъ-же легко и быть исключеннымъ отсюда. Не существуетъ ни официального принятія, ни официального исключенія, но каждый, кто получаетъ обаяніе или теряетъ его, что даетъ ему право на входъ въ святилище или приводитъ къ изверженію изъ него, самъ чувствуетъ это. „Весь Парижъ“ нельзя видѣть, нельзя осязать, онъ нѣчто въ родѣ мифа, но каждый чувствуетъ на себѣ его подавляющее вліяніе. Отсюда понятно, что далеко не каждый изъ принадлежащихъ къ составу „управляющихъ классовъ“ получаетъ мѣсто во „всемъ Парижѣ“. „Весь Парижъ“—это избранные изъ числа избранныхъ.

Какъ велика численность управляющихъ классовъ? Въ моментъ паденія Карла X „*royal legal*“ состояла изъ ста тысячъ избирателей. Послѣ побѣды буржуазіи число избирателей возрасло до 225,000 человекъ, что явилось результатомъ пониженія ценса съ 300 на 200 франковъ прямыхъ налоговъ. Произведенная избирательная реформа, однакожь, не удовлетворила побѣдителей. Оппозиція, предводимая Тьеромъ, Барро и Бильо, требовала еще большаго пониженія ценса, требовала доступа къ избирательнымъ урнамъ людямъ „способнымъ“. Споръ за эту реформу продолжался во все царствованіе буржуазнаго короля. Оппозиція вполне удовлетворилась-бы требуемой ею избирательной реформой, черезъ что число избирателей увеличивалось до 300,000 человекъ. Но ни Гизо, ни Луи-Филиппъ не хотѣли и слышать о такой радикальной реформѣ, которая, по ихъ мнѣнію, только способна была разнуздать уходящіяся страсти. Кончилось тѣмъ, что раздраженная буржуазія соединилась съ республиканцами и произвела февральскую революцію. Республиканцы, побѣдивъ, тотчасъ-же предложили ввести всеобщую подачу голосовъ. Это было въ десять разъ болѣе, чѣмъ желала буржуазія; поэтому она сейчасъ-же встала въ оппозицію къ своимъ недавнимъ союзникамъ. Не имѣя силы уничтожить всеобщую подачу голосовъ, она постаралась разными дополненіями отнять отъ новаго закона всякій смыслъ. Результатомъ этого ослѣпленія буржуазіи было возстановленіе бонапартистской имперіи. Вторая имперія поняла, что въ ея расчетѣ поддерживать всеобщую подачу голосовъ, и взяла съ нея въ свою пользу все, что только можно было взять. Такъ-

то вообще идутъ дѣла во Франціи! Втеченіи 18 лѣтъ Луи-Филиппъ постоянно противился допуску къ избирательнымъ урнамъ новыхъ 75,000 избирателей, а тутъ однимъ почеркомъ пера сдѣлали 8,000,000. Луи-Филиппъ опасался признать политическую правоспособность за 10,000 професоровъ и вообще людей, принадлежащихъ къ либеральнымъ профессіямъ, но неимѣющимъ имущественнаго ценза, а теперь признали ее за нѣсколькими милліонами людей невѣжественныхъ, неумѣющихъ читать и неспособныхъ понимать прочитанное, если они сами удосуживались прочесть по складамъ, или прослушать чтеніе другихъ, болѣе грамотныхъ.

Съ уничтоженіемъ избирательнаго ценза прекратилось существованіе „*privilege legal*“. Право вота перестало быть привилегіей. Всѣ французскіе граждане были сравнены въ своихъ политическихъ правахъ. Тогда-то явилось выраженіе „управляющіе классы“ — выраженіе неопредѣленное, потому что его невозможно приписать ни къ какому официально существующему учрежденію. Между тѣмъ оно вошло въ языкъ и въ умъ каждого француза имѣетъ свой опредѣленный характеръ. Попытаемся опредѣлить его настоящій смыслъ.

Начнемъ съ опредѣленія, какіе именно элементы входятъ въ составъ управляющихъ классовъ. Ядро ихъ, конечно, составила старинная „*privilege legal*“. Затѣмъ поразительное развитіе промышленности съ 1830 по 1870 годъ создало во Франціи массу новыхъ людей состоятельныхъ; большинство изъ нихъ вошло въ составъ „управляющихъ классовъ“. Въ ихъ средѣ состоятъ теперь болѣе замѣтные представители духовенства, суда, администраціи, торговли, промышленности, всякой собственности; здѣсь аристократія соединилась съ высшей буржуазіей и привлекла къ себѣ болѣе выдающихся представителей средней буржуазіи. Здѣсь сошлись люди, живущіе въ довольствѣ, но не праздные (за нѣкоторыми исключеніями, конечно); напротивъ, многіе изъ нихъ работаютъ очень много. Жизнь въ довольствѣ совершенно опредѣляетъ характеръ ихъ дѣятельности; они желаютъ управлять другими, не допуская въ свою среду людей менѣе достаточныхъ, которые, по ихъ мнѣнію, должны оставаться въ средѣ управляемыхъ. Никогда не испытывая нужды, они, естественно, не могутъ вполнѣ понимать потребностей людей недостаточнаго состоя-

нія, а тѣмъ болѣе бѣдняковъ. Отсюда антагонизмъ между классами управляющими и классами управляемыхъ.

Современные „управляющіе классы“ во Франціи своей численности превосходятъ не только „*peux legal*“, но также и избирателей времени Луи-Филиппа, которыхъ было 225,000. Принимая, что семья каждаго изъ нихъ состояла среднимъ числомъ изъ $4\frac{1}{2}$ душъ, мы получимъ, что въ царствованіе Луи-Филиппа численность „управляющихъ классовъ“ простиралась до миліона душъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ.

Численность достаточныхъ людей во Франціи въ настоящее время значительно превосходитъ эту цифру. До открытія подписки на заемъ, дѣланный съ цѣлью уплаты нѣмцамъ контрибуціи, никто не подозрѣвалъ, что Франція такъ богата, какъ это оказалось. Конечно, и теперь еще нельзя съ математической точностію вычислить настоящую цифру дохода всѣхъ вообще французовъ, но мы очень мало ошибемся, если предположимъ, что онъ приблизительно равняется 24 миліардамъ франковъ; нѣкоторые статистики опредѣляютъ его даже въ 28 миліардовъ. Цифру дохода достаточныхъ классовъ опредѣлить легче, такъ-какъ для этого существуютъ болѣе точныя данныя. Оставляя въ сторонѣ огромныя богатства банкировъ, спекуляторовъ, крупныхъ собственниковъ и извѣстныхъ фабрикантовъ, доходъ которыхъ значительно превышаетъ 25,000 франковъ, мы находимъ, что во Франціи 40,000 семействъ получаютъ средній доходъ въ 24,000 франковъ; 60,000 семей въ 18,000 франковъ и 100,000 семей въ 12,000 франковъ. Итого 200,000 семей, заключающихъ въ себѣ 900,000 душъ, получаютъ коллективный доходъ въ 3 миліарда 240 миліоновъ. Этотъ доходъ позволяетъ имъ вести жизнь комфортабельную, пользоваться удовольствіями и пр. 1,000 франковъ въ мѣсяцъ составляютъ минимумъ дохода, дающаго право принадлежать къ составу крупной буржуазіи.

Люди, получающіе ниже этой нормы дохода, принадлежать къ второстепеннымъ классамъ общества. Переходную грань отъ низшихъ къ высшимъ классамъ составляетъ средняя буржуазія, заключающая въ своемъ составѣ наибольшій процентъ людей дѣятельныхъ. Средняя буржуазія крайне честолюбива; она употребляетъ всѣ усилія, чтобы пробиться вверхъ, въ крупную буржуазію. Половина ея тѣсно соединена съ высшими классами и по-

лучаетъ доступъ въ составъ „управляющихъ классовъ“. Средній доходъ этой половины равняется 10,000 франковъ и имъ пользуется 200,000 семействъ. Такимъ образомъ, весь составъ „управляющихъ классовъ“ можно почти безошибочно опредѣлить въ 400,000 семей или 1,800,000 душъ, или одна двадцатая всего населенія страны.

10,000 франковъ ежегоднаго дохода составляютъ во Франціи социальный Рубиконъ, отдѣляющій людей достаточныхъ отъ толпы.

III.

Было время, когда французскій салонъ пользовался громкой извѣстностью въ цѣломъ мірѣ,—лучше сказать, когда истинный салонъ былъ исключительной принадлежностью Франціи. Остроумныя, граціозныя, любезныя французкии конца XVIII вѣка возвели салонный разговоръ на степень искусства, науки. Тогдашнее высшее общество стремилось отбросить предрассудки всякаго рода; оно было искренно предано идеѣ реформы; оно являлось филантропомъ, философомъ; съ юношескимъ энтузіазмомъ оно составляло программу будущаго новаго общественнаго строя; оно вѣрило, что скоро должно наступить царство милосердія и разума. Но наступила революція; началась борьба, полилась кровь. Общество раздѣлилось на фракціи, непонимавшія другъ друга; многіе изъ вчерашнихъ энтузіастовъ внезапно охладѣли и присоединились къ лагерю противниковъ реформъ. Явилось озлобленіе, нежеланіе придти къ соглашенію по возникшимъ недоразумѣніямъ и, еще хуже, противники стали оскорблять и клеветать другъ на друга. Затѣмъ началась гражданская война; всѣ вооружились. Время-ли тутъ было предаваться любезнымъ разговорамъ? Салонъ закрылся. Онъ снова открылся, когда улеглись страсти и водворилось спокойствіе, но характеръ его значительно измѣнился и онъ никогда уже болѣе не достигалъ того блестящаго состоянія, въ какомъ онъ находился въ концѣ XVIII вѣка. Уже лѣтъ тридцать тому назадъ многіе изъ старичковъ, помнившихъ блескъ былаго салона, со вздохомъ говорили, что салонъ исчезъ во Франціи. Они были неправы. Салонъ существовалъ и существуетъ до сихъ поръ. Иначе и быть

не можетъ. Французы послѣ итальянцевъ самый соціабельный народъ въ мірѣ, и въ Парижѣ есть еще нѣсколько салоновъ, гдѣ разговариваютъ, гдѣ собираются люди интеллигентные, свободные мыслители. Но нельзя не признать, что вообще салонъ потерялъ прежнее значеніе, потерялъ прежнія увлекательныя качества, и потерялъ ихъ невозвратно. Въ наше время каждому занятому человѣку такъ много нужно употребить умственной энергіи втеченіи дня, что вечеромъ ему необходимъ отдыхъ отъ всякаго умственнаго напряженія и потому онъ предпочитаетъ болѣе грубыя развлеченія, чѣмъ салонный разговоръ, остроумный, имѣющій интеллигентный характеръ. Сто лѣтъ тому назадъ жизнь какаго-нибудь комерсанта или промышленника шла тихо, спокойно, рутинно; онъ, правда, пріобрѣталъ гораздо менѣе денегъ, но за то имѣлъ несравненно менѣе заботъ и употреблялъ очень мало энергіи. Поражаетъ, когда подумаешь, сколько энергіи и труда долженъ употреблять теперь ежедневно государственный человѣкъ, банкиръ, журналистъ, адвокатъ и др., какая требуется отъ него точность, быстрота. Нынче какой-нибудь кондукторъ omnibusа долженъ израсходовать ежедневно въ десять разъ болѣе ума и энергіи, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ расходовалъ крупный комерсантъ. Типомъ тогдашняго движенія служилъ дилижансъ, проѣзжавшій не болѣе 6—7 верстъ въ часъ; нынче приходится соперничать въ скорости съ желѣзными дорогами. То дѣло, на которое прежде употреблялись часы, теперь должно рѣшаться минутами.

Эта-то нервная поспѣшность, съ которою рѣшаются дѣла, это ежедневное расходованіе энергіи и составляютъ, по нашему мнѣнію, причину упадка драматической литературы, на который горько жалуются критики. Серьезное искусство, по ихъ словамъ, замѣнено теперь пластикой, декольтированіемъ, балетомъ, декораціями; однимъ словомъ, то, что прежде считалось второстепеннымъ, теперь стало главнымъ. Успѣхъ пьесы зависитъ теперь не отъ поэта и композитора, а отъ машиниста, рисовальщика декорацій, костюмера и бутафора. Говоря о новѣйшихъ французскихъ драмахъ, „Дѣло“ замѣтило, что Сарду пользуется успѣхомъ не ради драматической правды въ его произведеніяхъ, а ради умѣнья сдѣлать удачную выставку костюмовъ и бутафорскихъ вещей. Сарду—счастливый и ловкій выразитель того рода искусства, —

представляющаго радикальнѣйшій упадокъ настоящаго искусства, — въ которомъ нѣтъ ничего для ума и сердца и очень много для глазъ. Въ такихъ произведеніяхъ нечего искать правильно очерченныхъ характеровъ, за то ловко пригнаны костюмы, и или существуетъ балетъ съ канканомъ, или пьеса кончается убійствомъ или отравленіемъ. Если главную женскую роль въ кровавой пьесѣ играютъ Руссель или Круазетъ, успѣхъ пьесы вполнѣ обезпеченъ. Только такія пьесы или пьесы съ балетомъ и нравятся массѣ публики. Людямъ, утомленнымъ дневнымъ трудомъ, пріятно испытывать сильныя ощущенія; имъ не хочется думать и обсуждать достоинства пьесы; эффектъ, дѣйствующій на нервы, въ родѣ, напримеръ, убійства гугенотовъ въ оперѣ того-же имени, или смерти главной героини въ пьесѣ „Сфинксъ“, — вотъ все, чего они требуютъ. Иные, впрочемъ, еще менѣе требовательны и довольствуются кафе-концертами, гдѣ, глотая коньякъ и табачный дымъ, они наслаждаются пѣніемъ шансонетокъ комическихъ и сантиментальныхъ. Пишущій эти строки нѣсколько разъ пытался посѣщать эти кафе съ цѣлію ближе ознакомиться съ литературой и нравами этихъ „Beuglants“, какъ называютъ парижане кафе и кабачки, гдѣ распѣваются шансонетки, — но никогда не могъ въ нихъ долго высидѣть; на меня нападала скука и отвращеніе; атмосфера въ этихъ заведеніяхъ удушливая; воздухъ зараженъ винными, пивными и табачными испареніями. Главные посѣтители этихъ заведеній не рабочіе предмѣстій, которыхъ здѣсь бываетъ очень немного, а прикащики и сами комерсанты. Ихъ влечетъ сюда не экономія, потому что они издерживаютъ здѣсь болѣе, чѣмъ имъ стоилъ-бы театръ; они идутъ сюда потому, что здѣсь болѣе, чѣмъ въ театрѣ, удовлетворяется ихъ вкусъ, ихъ потребность въ развлеченіи, служащемъ отдыхомъ послѣ хлопотливой дѣятельности втеченіи дня. Нельзя сказать, чтобы въ числѣ посѣтителей кафе-шантановъ вовсе не было людей интеллигентныхъ; напротивъ, бываютъ тамъ и они и наслаждаются въ той-же мѣрѣ, какъ и полуразвитые представители прилавка.

Все сказанное достаточно поясняетъ причину упадка французскаго салона и разговорнаго искусства. Съ этимъ приходится примириться; но странно, почему рядомъ съ поразительнымъ успѣхомъ наукъ, цивилизаціи какъ-бы обращается сама противъ себя.

Салоны, открытые только для друзей и близких знакомых, въ Парижѣ съ давняго времени замѣняются *раутами*, англійскимъ изобрѣтеніемъ. Рауты, безтолковые балы, представляютъ одно изъ скучнѣйшихъ и разорительнѣйшихъ развлеченій. Ихъ даютъ, впрочемъ, не за тѣмъ, чтобы повеселиться; они даются по обязанности: отцу, имѣющему взрослыхъ дочерей-невѣстъ; человеку, ведущему широка дѣла, нельзя не дать раута. Главное, чтобы балъ стоялъ какъ можно дороже, и цѣль будетъ достигнута; выкиньте побольше денегъ за окно—и о васъ станутъ говорить; а для дѣлового человека самое важное, чтобы о немъ не молчали. Поэтому каждый хлопочетъ, чтобы на раутѣ у него было какъ можно больше гостей; чтобы въ числѣ гостей было нѣсколько вліятельныхъ личностей, официальнаго и не официальнаго міра, а также дамъ, носящихъ брилліанты. Мелочное тщеславіе и меркантилизмъ вторглись въ частную жизнь и простерли свое вліяніе на самыя развлеченія; за неимѣніемъ десяти умныхъ и развитыхъ друзей, дающій раутъ приглашаетъ къ себѣ сотню и болѣе людей полузнакомыхъ. Случается, что ни хозяйинъ, ни хозяйка не знаютъ и половины своихъ гостей и узнаютъ ихъ фамилію только послѣ провозглашенія ея лакеемъ, докладывающимъ о гостяхъ. Гости собираются на раутъ точно на ярмарку; мало знакомые другъ съ другомъ, они, естественно, не могутъ вести настоящаго разговора. Всѣхъ одолеваетъ скука и къ концу бала каждый думаетъ про себя: „ахъ, скорѣе-бы онъ кончился, чтобы можно было отправиться домой!“

Невольно спрашиваетъ себя, неужели-же французскіе управляющіе классы, обладая значительными денежными средствами, не могутъ найти себѣ развлеченій по душѣ, развлеченій болѣе разумныхъ, удовлетворяющихъ развитому вкусу? Стоило-ли наживать деньги, если за нихъ нельзя добыть ничего, кромѣ скуки и непріятнаго ощущенія? А нажива идетъ медленно, достается нелегко и требуетъ труда трехъ, четырехъ генерацій. Прадѣдушка скряжничаетъ, отказываетъ себѣ не только въ роскоши, но часто и въ самомъ необходимомъ, откладываетъ по грошамъ, и, умирая, оставляетъ своему наслѣднику мѣшки съ мѣдной монетой. Дѣдушка мѣняетъ мѣдъ на серебро, ведетъ шире комерцію и, тоже скряжничая, оставляетъ хорошій кушъ своему приемнику. Папаша имѣетъ дѣло уже не съ серебряною, а съ зо-

лотом монетою и бумажными цѣнностями; онъ становится банкиромъ; онъ точенъ въ своихъ дѣлахъ, бережетъ каждую свою копейку и если не ссражничаетъ, то все-же знаетъ цѣну денегамъ и зря ихъ не выдаетъ. Сынъ, получивъ значительное состояніе, не имѣетъ надобности, какъ его отецъ, заниматься дѣлами, дающими небольшой, но вѣрный доходъ. Онъ можетъ смѣло ринуться въ крупныя предпріятія и получить крупныя куши. И вотъ онъ директоръ въ разныхъ акціонерныхъ компаніяхъ, онъ успѣваетъ оказать услугу правительству, получаетъ крестъ почетнаго легіона, имя его гремитъ, а миліоны сыпятся въ кассу.

Умираетъ онъ — и его наслѣдникъ, молодой человекъ, представитель этой фамиліи въ наше время, въ одно прекрасное утро является обладателемъ нѣсколькихъ миліоновъ. Что дѣлать съ ними, неужели продолжать наживу, по-прежнему отылаживать рубль за рублемъ? Скучно! занятіе слишкомъ монотонное! „Если прадѣдушка, дѣдушка и папаша, думаетъ наслѣдникъ, — принесли такъ много жертвъ, чтобы доставить мнѣ громадное богатство, я имѣю право избавить себя отъ тягостнаго труда наживы и насладиться жизнью“. Къ несчастію, наслаждаться не такъ легко, какъ это кажется съ перваго взгляда. И здѣсь нужно умѣнье, иначе наслажденіе превратится въ мучительную скуку, которою страдаетъ большинство праздныхъ богачей, незнающихъ чѣмъ убить время.

Послѣ легко одержанной побѣды въ 1830 году, французская буржуазія во все царствованіе Луи-Филиппа съ поразительной энергіей гналась за богатствомъ. Любимые ея авторы въ своихъ произведеніяхъ толковали о миліонерахъ, поражали описаніемъ баснословныхъ богатствъ. Евгеній Сю открылъ сундуки іезуитскаго ордена и показалъ, какія баснословныя богатства собраны этими врагами развитія. Александръ Дюма повелъ своихъ читателей въ пещеру, гдѣ хранились необозримыя сокровища графа Монте-Вресто. Мери проникъ во дворецъ Великаго Могола и описалъ чудеса его роскоши и богатства. Бальзакъ поразилъ воображеніе описаніемъ денежной кладовой Гранде. Готье прельщалъ наглою роскошью своего Фортунію, предъ которою блѣднѣла пышность восточнаго сатрапа. Буржуазія зачитывалась этими произведеніями, усиливавшими ея похотливость къ наживѣ,

и окончательно потеряла голову, когда министр Гизо, во имя сурового доктринерства, твердилъ ей: „обогащайся, обогащайся!“ Эти слова сдѣлались знаменіемъ времени, и буржуазія, исполняя совѣтъ своихъ руководителей, пустилась въ погоню за наживой. Она наживалась во время правленія Луи-Филиппа, наживалась и при Луи-Наполеонѣ, который охотно позволялъ ей это, лишь-бы она не занималась политикой. Наконецъ, мечты ея осуществились, сундуки наполнились золотомъ. Что-же дѣлать дальше, куда употребить нажитыя деньги? Великій вопросъ, разрѣшеніе котораго не такъ просто, какъ кажется.

Для наслажденія жизнью требуется не мало. Прежде всего надо имѣть здоровый умъ и здоровое тѣло, обладать извѣстной степенью образованія и такимъ темпераментомъ, при которомъ человекъ можетъ удержаться въ необходимыхъ предѣлахъ умѣренности. Умѣть наслаждаться—одно изъ труднѣйшихъ искусствъ, доступное только достойнымъ ученикамъ Гельвеція или Эпикура. Дѣйствительно наслаждаться можетъ только тотъ, кто трудится. Наслажденіе должно служить отдыхомъ отъ труда, вознагражденіемъ за него. Людямъ празднымъ, имѣющимъ большія денежные средства, а слѣдовательно и возможность располагать широкимъ репертуаромъ развлеченій, хорошо знакомы скука и неудовлетворенность, разочарованность; они кончаютъ тѣмъ, что начинаютъ враждебно относиться ко всякому развлеченію.

Здѣсь кстати привести рассказъ о недавно умершемъ маркизѣ Алигрѣ, одномъ изъ богатѣйшихъ поземельныхъ собственниковъ и капиталистовъ во Франціи. Какъ-то случайно виноградное сѣмячко упало въ горшокъ съ цвѣтами, стоявшій на окнѣ въ парижскомъ домѣ маркиза Алигра, и пустило ростокъ. Ростокъ прежде всѣхъ былъ замѣченъ самимъ маркизомъ; онъ его пересадилъ и сталъ тщательно за нимъ ухаживать. Вскорѣ ростокъ вытянулся въ стволъ и пустилъ листья. Благодаря тщательному уходу, онъ развивался не по днямъ, а по часамъ, и представлялъ собой уже замѣчательный экземпляръ винограднаго куста. Маркизъ гордился имъ и нѣсколько разъ въ день подходилъ къ нему, чтобы полюбоваться имъ. Скоро всѣмъ знакомымъ маркиза стала извѣстна страстная привязанность его къ кусту, имъ самимъ выращенному. Всякій, кто имѣлъ нужду къ маркизу, прежде, чѣмъ приступалъ къ дѣлу, прочитывалъ панегирикъ знаменитому кусту, предвѣщая,

что на будущій годъ онъ непремѣнно покроется плодами. Но увн! одинъ изъ лакеевъ нечаянно столкнулъ съ окна знаменитый кустъ; онъ упалъ на кустовую измятый, истерзаный. Маркизь, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ ярость. Одинъ изъ его друзей, посѣтившій его въ эту минуту, желая успокоить его, сказалъ:

— Не сердитесь! У васъ есть прекрасные виноградники въ Бургунди, поѣзжайте туда и выберите лучший экземпляръ, который вы замѣните погибшій.

— Что мнѣ въ этихъ виноградникахъ, отвѣчалъ маркизь;— они процвѣтають благодаря моимъ деньгамъ, а погибшій кустъ выросли я самъ; своею жизнью и своимъ развитіемъ онъ обязанъ только моимъ попеченіямъ, моему труду.

Другой интересный примѣръ. Одинъ графъ, уставшій отъ развлеченій, которымъ онъ предавался не въ мѣру, впалъ въ глубокую меланхолію; жизнь стала ему въ тягость, все опротивѣло. Пользовавшій его маркизь посоветовалъ ему катанье верхомъ, но это упражненіе его утомляло. Охота ему опротивѣла до того, что онъ не могъ безъ отвращенія говорить о ней. Докторъ, однакожь, рѣшительно сказалъ ему, что только физическій трудъ можетъ избавить его отъ смерти. Графъ махнулъ рукою. Разъ, проходя по улицѣ, онъ замѣтилъ огромное вертикальное колесо, прикрѣпленное къ механизму, съ помощью котораго каменотесы въ окрестностяхъ Парижа рѣжутъ и шлифуютъ камень. Графъ рѣшилъ, что эту машину можно утилизировать для гимнастическихъ упражненій. Извѣстный механикъ сдѣлалъ ему машину, и графъ, ежедневно упражняясь, возвратилъ потерянное здоровье и снова получилъ способность находить удовольствіе въ развлеченіяхъ.

IV.

Въ чести нашего времени, гомерическія попойки и обжорство совершенно вывелись, по крайней мѣрѣ, въ мало-мальски образованномъ обществѣ. Остались они еще въ глухой провинціи, гдѣ отъ давящей апагії и страшнаго однообразія жизни прибѣгаютъ къ излишествамъ ѣды и питья. Но пьянство и обжорство современной провинціальной буржуазіи ничто по сравненію съ тѣми

пирами, которыми богаты героическіе, т. е. варварскіе вѣка. Однимъ изъ подвиговъ Геркулеса признается, что онъ ударомъ булава убилъ быка и сожралъ его сырымъ. Средневѣковые рыцари отличались обжорствомъ; въ рыцарскихъ поэмахъ отводится очень много мѣста описанію чудовищныхъ пировъ, на которыхъ для услады гостей подавались цѣлые быки и боровы, десятки различныхъ кушаньевъ, груды хлѣба и бочки и боченки съ пивомъ и виномъ. Крестьяне и теперь еще пользуются всякимъ предлогомъ для обжорства: церковными праздниками, свадьбами, крестинами, погребеніями. Страсть къ обжорству особенно бываетъ развита у тѣхъ, кому приходится часто голодать. Во время гражданской войны въ Соединенныхъ Штатахъ рабовладѣльцы могли голодомъ попавшихъ къ нимъ въ плѣнъ сѣверянъ. Несчастные, сидя въ тюрьмѣ и испытывая ужасы голода, постоянно видѣли во снѣ и на яву, въ галлюцинаціяхъ вальтазаровы пиры. Сервантесъ, самъ испытавшій муки голода, заставляетъ голодающихъ героевъ своихъ произведеній мечтать о гомерическихъ пирахъ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ голодъ всегда сопровождался непомернымъ обжорствомъ, точно также, какъ насильственное воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ приводило къ безобразному пьянству. Развѣтіе большого благосостоянія въ рабочихъ классахъ во Франціи послѣ первой революціи значительно уменьшило пьянство, хотя потребление спиртныхъ напитковъ пропорціонально не уменьшилось, а увеличилось; но теперь пьютъ чаще и умереннѣе, тогда-какъ прежде пили рѣдко и упивались до безчувствія. Тѣмъ не менѣе, недостатки, завѣщанные былыми временами, не скоро совершенно стираются и много еще поволаѣній должно пройти, пока они станутъ незамѣтными. Мы замѣтили выше, что во французской провинціи временами еще опиваются и обжираются; въ особенности отличаются этими недостатками жирные католическіе патеры и нѣкоторые старики, сохранившіе память о пирахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нашего столѣтія. „Обжорство! Не презирайте его! сказалъ одинъ изъ такихъ стариковъ. — Обжорство—это послѣдній порокъ, оставшійся неприкосновеннымъ отъ былыхъ временъ“.

Въ Парижѣ, въ средѣ управляющихъ классовъ, обжорство не въ модѣ, оно даже презирается. Этимъ современный Парижъ отличается отъ Рима временъ упадка, когда обжорство считалось

добродѣтелю между римскими патриціями, владыками міра. Однакожь, въ Парижѣ существуютъ гражданскіе органы печати—газеты „Figaro“ и „Gaulois“, — употребляющіе ревностныя усилія для возрожденія этого порока варварскихъ или устарѣвшихъ обществъ.

Вотъ, напримѣръ, съ какимъ омерзительнымъ нафосомъ описываетъ „Figaro“ предлагаемое имъ блюдо изъ соловьевъ:

„Многіе питаютъ предубѣжденіе къ этому рѣдкому и изысканному блюду. Между тѣмъ римскіе гастрономы, кормившіе рабами многъ, предназначенныхъ къ ихъ столу, считали самымъ роскошнымъ и изысканнымъ блюдомъ кушанье изъ соловьиныхъ языковъ. Сколько требовалось охотниковъ, чтобы добыть количество соловьевъ, необходимое для этого кушанья, такъ-какъ на торжественныхъ обѣдахъ всегда пировало нѣсколько десятковъ гостей!

„Оперившійся соловей почти не имѣетъ мяса, онъ очень худъ. Если его употреблять въ кушанье безъ предварительнаго подготовленія, въ натуральномъ видѣ, придется ѣсть однѣ кости. Но откормивъ его систематически, можно получить изъ него деликатное, вкусное жаркое. Откормленный, онъ получаетъ мясо бѣлое, жирное, нѣжное и болѣе пріятное на вкусъ, чѣмъ мясо овсянки.

„Чтобы имѣть возможность откормить его, нужно прежде поймать его, а это сдѣлать очень не трудно. Соловей питаетъ особенную страсть къ мучнымъ червямъ. Они послужаютъ приманкой, на которую онъ легко пойдетъ и попадетъ въ разставленную сѣть.

„Лучшее время для ловли соловья—отъ восхода солнца до десяти часовъ утра. Въ это время очаровательный теноръ ощущаетъ сильный голодь послѣ своего пѣнія втеченіи цѣлой ночи. Его желудокъ требуетъ пищи. Онъ долженъ набраться новыхъ силъ, чтобы, послѣ дневного сна, снова приступить къ ночной серенадѣ“.

Далѣе въ томъ-же родѣ. Надобно полагать, что чудакъ, описанный въ томъ-же „Figaro“, принадлежитъ къ числу тѣхъ обжоръ, которые, слѣдуя рецепту вильмесановской газеты, приготовляли себѣ въ пищу соловьевъ.

„Въ одномъ изъ пале-роаяльскихъ ресторановъ можно ежедневно встрѣтить одну странную личность. Этого среднихъ лѣтъ муж-

чина всегда носить черной, изношенный, потертый сюртукъ, лоснящіяся отъ ветхости панталоны, рыжую шляпу и изорванный, высокій галстукъ, заколотый весьма цѣнной бриліантовой булавкой. Въ десять часовъ утра онъ приходитъ въ ресторанъ и остается за завтракомъ до часу пополудни. Обычный въ этомъ ресторанѣ завтракъ въ 1 фр. 75 сантим. онъ замѣняетъ изысканными блюдами и пьетъ разныя вина, что обходится ему отъ 12 до 15 фр. Заплативъ, онъ медленными шагами идетъ въ садъ, гдѣ садится на кресло и дремлетъ. Въ 5 часовъ онъ возвращается въ ресторанъ и садится обѣдать; обѣдъ составляетъ второе изданіе завтрака; за обѣдомъ онъ проводитъ до 9 часовъ. Этотъ чужакъ никогда ни съ кѣмъ не разговариваетъ, кромѣ прислуживающаго ему лакея, которому передаетъ свои приказанія попотомъ“.

Въ отношеніи ѣды и питья современная генерация управляющихъ классовъ значительно отличается отъ своихъ предшественницъ. Въ вопросахъ о пищѣ и питьѣ современная парижская золотая молодежь держится позитивистскихъ воззрѣній. Она очень заботится о своемъ здоровьѣ, ѣсть хорошо, питательныя блюда, но излишества, вредно-дѣйствующаго на желудокъ, не допускаетъ. Самыя оргіи ея отличаются болѣе умѣреннымъ характеромъ, чѣмъ оргіи прежнихъ временъ и даже во время оргій она не забываетъ о своемъ драгоценномъ здоровьѣ. Какая разница съ молодежью временъ реставраціи, меланхолической, спиритуалистской, жившей идеалами и страдавшей грудными болѣзнями! Во время іюльской монархіи „юная Франція“ была романтична, принимала на себя сатанинскій видъ и въ то-же время была либеральна, ультра-либеральна, была предана гуманитарнымъ идеямъ и съ энтузіазмомъ твердила объ освобожденіи народовъ; она обожала Виктора Гюго и Жоржъ-Зандъ. Молодежь, выступившая на сцену послѣ декабрьскаго государственнаго переворота, хвасталась скептицизмомъ и пресыщенностью; она носила характеристическое имя „petits crevés“. Казалось, что хуже этихъ господъ нельзя было ничего придумать. Но создалась еще худшая раса. Кокотки второй имперіи создали паралельныхъ себѣ мужичковъ, *кокодесовъ*, въ особенноти ярко проявившихъ свою негодность въ 1871 году. Эта

преlestная молодежь, передъ послѣдней войной кричавшая вмѣстѣ съ „Figaro“: „въ Берлинъ, въ Берлинъ!“ — послѣ седанскаго погрома бѣжала въ Бельгію. Въ то время, какъ парижане отсиживались въ осажденномъ городѣ, бѣжавшіе кокодесы вели самую разсѣянную жизнь въ Брюсселѣ. По заключеніи мира они вернулись въ Парижъ. Полные, краснощекіе, они казались какъ-нибудь то анахронизмомъ въ Парижѣ, гдѣ на каждомъ шагѣ виднѣлись слѣды осады и встрѣчались люди съ блѣдными, истомленными отъ голода лицами. Вернувшихся кокодесовъ парижане прозвали „маленькими толстяками“. Прозваніе было вполне характеристично. Большинство этихъ господъ напоминали собой фигуры Силень или Санхо-Панчи; эти дон-Жуаны гораздо болѣе походили на откормленныхъ поросятъ, чѣмъ на народнаго испанскаго героя, покорителя женскихъ сердецъ.

Эти жирные младенцы (несмотря на свой не дѣтскій возрастъ, они остаются дѣтьми по уму и развитію) не любятъ такъ-называемаго порядочнаго общества. Собранія у ихъ папенокъ и маменокъ, по ихъ словамъ, ихъ совершенно *одураютъ* и они бѣгутъ къ кокоткамъ, гдѣ находятъ вполне въ своей сферѣ. Впрочемъ, правду сказать, кокодесы отчасти правы. Большинство изъ нихъ принадлежатъ къ фамиліямъ, душою и сердцемъ преданнымъ іезуитамъ и ультрамонтанству. Въ ихъ собраніяхъ царить нестерпимая скука, монотонность; главный стимулъ ихъ дѣятельности—лицемеріе. Снаружи все чинно и прикрито, но приподнимите занавѣсъ—и откроются картины такой распущенности, предъ которой поблѣднѣютъ буржуазныя излишества. Самое видное мѣсто во всѣхъ этихъ картинахъ занимаетъ, разумѣется, католическій патеръ; безъ него семья, въ особенности представительницы женскаго пола, не смѣютъ сдѣлать ни шага; онъ наставникъ и утѣшитель, онъ партнеръ въ вистъ; онъ женитъ сына, онъ сватаетъ дочь, онъ хлопочетъ объ избраніи депутатомъ отца или сына и пр., и пр. Дочки, обыкновенно получившія воспитаніе въ монастырѣ, выглядятъ чистыми ангелами, но... Однакомъ о воспитаніи въ католическихъ женскихъ монастыряхъ и послѣдствіяхъ этого воспитанія такъ много писано, что мы не находимъ нужнымъ распространяться болѣе объ этомъ предметѣ. Замѣтимъ только, что невинныя барышни охотно заимствуютъ у своихъ братьевъ парижскій жаргонъ, который тѣ усвоили въ своихъ сноше-

нiяхъ съ коготками. Такимъ образомъ и въ этой средѣ демократизація сдѣлала замѣтные успѣхи.

V.

Роскошный туалетъ представляетъ такую приманку для женщины, что высокоставленная дама такъ-же страстно желаетъ имѣть его, какъ и представительница крупной буржуазии. Существуетъ мнѣнiе, что дамы аристократическаго происхожденiя одѣваются очень просто; можетъ быть, это и вѣрно, но вѣрно также и то, что онѣ тратятъ на свой туалетъ непоимѣрныя суммы.

Два года тому назадъ въ Брюсселѣ, который можно назвать преддѣльемъ Парижа, умерла нѣкая Клементина Монсэ. Она оставила столько платьевъ, бѣлья и разныхъ предметовъ женскаго туалета, что ими можно было-бы нагрузить цѣлый корабль. Елизавета англійская, умирая, оставила 5,000 платьевъ. Наряды императрицы Евгении требовали для своего помѣщенiя многихъ комнатъ и перевозились въ ея будуаръ по нарочно устроенной чрезъ всѣ гардеробныя комнаты желѣзной дорогѣ. Монсэ могла смѣло соперничать съ поименованными коронованными особами количествомъ своихъ платьевъ и бѣлья. Ея гардеробъ продавался съ публичнаго торга; большинство платьевъ были совершенно новыя. Покойница любила порядокъ: къ каждому платью былъ прикрѣпленъ ярлычекъ, объясняющій, сколько стоило платье и гдѣ его шили. Но какъ ни много было платьевъ, бѣлья и другихъ предметовъ туалета оказалось еще больше. На публичной распродажѣ однѣ мантильи, ретонды и тому подобныя были проданы за 100,000 франковъ; по всей вѣроятности, онѣ стоили г-жѣ Монсэ не менѣе полумилiона франковъ.

Женщины желаютъ быть красивыми или, по крайней мѣрѣ, казаться такими. Для этого, по ихъ словамъ, необходимо какъ можно болѣе разнообразить туалетъ: одинъ и тотъ-же покрой платья надобѣдаетъ мужчинамъ и они начинаютъ находить женщинъ слишкомъ обыкновенными. Чтобы избѣжать этой обыкновенности, женщины отдають себя въ рабство капризной модѣ. Мода не заботится объ изяществѣ и красотѣ; ей нужна новизна, нужно, чтобы костюмъ бросался въ глаза, и потому она быстро перехо-

дить отъ тяжелого и закрытаго платья къ легкому и почти совершенно открытому.

Кстати объ открытомъ платьѣ. Въ настоящее время во французскихъ романахъ и драмахъ безпрестанно выводятъ костюми время директоріи, когда женщины ходили почти обнаженными. Сарду, написавъ „Merveilleuses“, постарался, чтобы актрисы, исполняющія роли въ его пьесѣ, являлись на сценѣ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ времени директоріи. И они, дѣйствительно, разнообразны. Сарду, однакожъ, не рискнулъ вывести одного костюма, который надѣлалъ въ свое время страшнаго шума. Въ одинъ прекрасный день къ палерояльскому саду подъѣхала роскошная карета и изъ нея вышли двѣ дамы, одѣтыя въ костюмъ праматери. Измѣненіе было небольшое, на нихъ было надѣто узкое прозрачное панье, ленты въ волосахъ—и болѣе ничего. Обѣ женщины были молоды и прекрасны. Дерзко, не краснѣя, онѣ прошли между гуляющими, которыхъ было множество; публика встрѣтила ихъ съ улыбками и только одна дѣвушка, бросившись въ объятія своей матери, проговорила: „мама, какая мерзость!“ На двѣ тысячи женщинъ, бывшихъ въ то время въ саду, нашлась только одна, которую возмутило подобное безстыдство!

Но возвратимся къ современному туалету. Шляпи, редакторъ газеты „Sport“, весьма популярной въ фешенебельномъ кругѣ, говорить, что истинно свѣтская женщина должна какъ можно чаще мѣнять платья, потому что самое изящное платье можетъ потерять всякую цѣну въ глазахъ знатоковъ, если оно надѣто нѣсколько разъ къ ряду. Другая подобная-же газета, „La Vie Parisienne“, замѣчаетъ, что элегантная дама, на морскихъ купаньяхъ, должна мѣнять костюмъ четыре раза въ день: 1) идя на купанье; 2) для завтрака; 3) дневной; 4) вечерній, въ казино. Вечеромъ нельзя имѣть при себѣ тотъ самый вѣеръ, который былъ утромъ; также шляпку, башмаки, перчатки и пр.; всѣ отдѣльныя части костюма должны гармонировать между собою въ цвѣтахъ и оттѣнкахъ.

Слѣдуя этому правилу, свѣтская дама должна имѣть очень много платьевъ. Каждое платье должно быть образцомъ искусства: „une creation“, какъ говорятъ въ парижскомъ свѣтѣ; оно только тогда можетъ назваться хорошимъ, если за фасонъ заплачено не менѣе 500 франковъ. Извѣстно, что въ Парижѣ платятъ за

фасонъ платья по 1,500 франковъ и болѣе. Впрочемъ, во время второй имперіи дамы всегда могли сослаться на то, что мужчины за свой нарядъ платятъ еще дороже; известный портной Дюссотта бралъ за парадный костюмъ сенатора второй имперіи 3,295 франковъ. Вортъ, известный дамскій портной, самую низшую плату за платье назначалъ въ 500 франковъ, — за какое-нибудь кисейное платье, гладкое, безъ особенной отдѣлки. Вортъ считался гениемъ своего искусства; въ глазахъ женщинъ онъ былъ полубогомъ; въ его квартиру онъ входили какъ въ нѣкое святилище. Попасть къ нему въ кабинетъ было не легко; иной дамѣ приходилось ожидать по часу и по два; она терпѣливо ждала и, являсь предъ свѣтлыя очи авгура, не смѣла раскрыть губъ, не смѣла выразить своего желанія; фасонъ платья, матерію и цвѣтъ ея опредѣлялъ самъ Вортъ; онъ не терпѣлъ противорѣчій; онъ требовалъ, чтобы его приговоръ считался безапелляціоннымъ.

Вортъ—англичанинъ. Одна изъ его соотечественницъ описала его загородный замокъ. Описание такъ интересно, что мы считаемъ нелишнимъ привести изъ него отрывокъ.

„Въ десяти километрахъ отъ Парижа, по дорогѣ въ Версаль, подлѣ маленькаго городка Сюрена, напротивъ мон-Валерьяна и Булонскаго лѣса, среди прекраснаго сада, обнесеннаго каменной стѣной, возвышается величественный замокъ, резиденція Ворты, знаменитаго портного. М-ръ Вортъ благосклонно пригласилъ насъ посѣтить его въ его лѣтней резиденціи. Насъ ввелъ величественный лакей по лѣстницѣ въ небольшой фарфоровый музей. Кромѣ стульевъ и фонтана, бьющаго посрединѣ комнаты, здѣсь все было изъ фарфора. Не успѣли мы оглядѣться вокругъ себя, какъ появился второй лакей и чрезъ множество комнатъ, поражающихъ своей роскошью и великолѣпіемъ, довелъ насъ до кабинета м-ра Ворты.

„— Это дворецъ Аладина! прошептала мнѣ на ухо моя подруга въ то время, какъ я щипала себѣ руку, чтобы убѣдиться, что все это происходитъ на яву, а не во снѣ. Я посѣщала дворцы королей въ Австріи, Германіи и Италіи, я не была новичкомъ, но первый разъ въ жизни была поражена такимъ великолѣпіемъ, которое превышало все, что я могла воображать себѣ подлѣ вліяніемъ чтенія книгъ, описывавшихъ баснословныя, фантастическіе дворцы. Мы еще не пришли въ себя отъ востор-

га и удивленія, когда къ намъ подошелъ и-ръ Вортъ, одѣтый въ весьма изящный халатъ.

„— Какъ, вы вспомнили о своемъ обѣщаніи посѣтить меня и исполнили его, сказалъ онъ усталымъ голосомъ. — Къ моему великому огорченію, я не могу въ этотъ часъ оставить моихъ рабочихъ. Теперь я заваленъ работой... Но если вы позволите, мой сынъ будетъ имѣть честь показать вамъ мои оранжереи.

„Молодой человекъ провелъ насъ черезъ прекрасно разбитыя садь въ роскошную оранжерею, обильно наполненную самыми рѣдкими тропическими растеніями. Тутъ были собраны всѣ чудеса тропическаго міра, все, что можетъ расти въ нашихъ оранжереяхъ. Центральный гротъ съ великолѣпнымъ фонтаномъ поражалъ своимъ великолѣпіемъ...

„Потомъ мы посѣтили конюшни. Кровныя лошади стоятъ въ полированныхъ, какъ зеркало, стойлахъ; ясли мраморныя; рядомъ съ конюшней лазаретъ для заболѣвающихъ лошадей... Такъ-же великолѣпно устроена и псарня... Но птичникъ—просто заглядѣнье. Здѣсь собраны замѣчательные экземпляры со всѣхъ пяти частей свѣта. Птичникъ украшенъ зеркалами, вдѣланными во всю вышину стѣнъ. Пѣвчія птицы, принимая граціозную позу, садятся передъ ними и распѣваютъ, смотрясь въ зеркало; онѣ, видимо, любятъ себя...“ и т. д.

Вортъ гордится своимъ замкомъ; онъ вложилъ въ него очень много денегъ. Во время послѣдней войны нѣмцы пошадили эту лѣтнюю резиденцію знаменитаго портного. Опустошивъ городъ Сен-Блу, они ничего не тронули въ замкѣ Ворты. Надо полагать, что за него сильно хлопотали знатныя нѣмецкія дамы, которныя, въ бытность свою въ Парижѣ, находились въ числѣ клиентокъ могущественнаго портного. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить себѣ снисходительность, выказанную нѣмцами въ отношеніи собственности, принадлежащей французскому гражданину.

Вортъ, какъ мы сказали, однакожь, не французъ, а англичанинъ изъ Линкольншэира. Отецъ его, адвокатъ, велъ свои дѣла не совсѣмъ удачно. Дѣтямъ его приходилось самимъ подумать объ устройствѣ своей участи. Одинъ изъ нихъ, Чарльзъ, едва достигнувъ 20 лѣтъ, отправился искать счастья на чужбину. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ поступилъ въ ученье къ портному. Счастье ему улыбнулось и онъ вскорѣ получилъ мѣсто заврой-

щика въ магазинѣ модъ Гажлюи; здѣсь онъ сошелся съ конторщицей и женился на ней. Вскорѣ послѣ своей женитьбы молодые люди открыли свое собственное заведеніе, занимающее теперь болѣе тысячи работницъ и работниковъ и пользующееся всемірной извѣстностью.

Вортъ нажилъ громадное, миллионное состояніе своей мастерской женскихъ нарядовъ. Наживался въ Парижѣ отъ женской пустоты и суетности не одинъ Вортъ; можно-бы было упомянуть десятки именъ модныхъ портныхъ и портнихъ въ Парижѣ, дѣла которыхъ идутъ блистательно, а состоянія считаются сотнями тысячъ. Чтобы показать, какъ великъ долженъ быть заработокъ этихъ законодателей и законодательницъ моды, расскажем слѣдующее вполне достоверное происшествіе.

Одна изъ извѣстныхъ парижскихъ модистокъ получила отъ своей постоянной парижской кліентки, находящейся въ Гаврѣ, заказъ дорогаго бальнаго платья, которое должно было послѣть къ балу, дававшемуся въ Гаврѣ. Создавъ „чудо искусства“, модистка сама явилась на желѣзную дорогу, чтобы отвезти свое произведеніе. Она подѣхала къ вокзалу въ ту самую минуту, какъ поѣздъ ушелъ. Ѣхать на слѣдующемъ было уже поздно. Не долго думая, модистка подходитъ къ начальнику станціи.

— Что будетъ стоить экстренный поѣздъ до Гавра?

— Тисячу франковъ.

— Давайте мнѣ его сейчасъ.

Черезъ полчаса экстренный поѣздъ мчалъ въ Гаврѣ модистку съ ея драгоценной кладью, состоявшей изъ платья и букета искусственныхъ цвѣтовъ, вѣсавшихъ 2—3 фунта. Конечно, она была принята въ Гаврѣ съ восторгомъ и счастливая обладательница новаго платья, красотой котораго она могла поразить своихъ соперницъ, приняла большую часть путевыхъ издержекъ на свой счетъ.

Во время второй имперіи парижскія женщины издерживали на свой костюмъ баснословныя суммы. Стоитъ вспомнить процессъ извѣстной графини Рапъ съ ея модисткой. Модистка представила графинѣ счетъ въ 380,000 франковъ; правда, въ него вошли расходы за три года. Графиня, слѣдовательно, издерживала на

свои наряды въ годъ 127,000 франковъ, въ день 350 фр. По счету оказывалось, что средняя цѣна платья была 800 фр. Графиня безпрекословно заплатила 290,000 франковъ, но противъ остальныхъ 90,000 сдѣлала возраженіе и начала процѣсь.

Вопросъ о туалетѣ составляетъ главнѣйшую заботу свѣтскихъ дамъ; онѣ тратятъ на свой туалетъ большую часть своихъ доходовъ и своего времени. Нѣкоторыя изъ нихъ доводятъ свою страсть къ туалету почти до помѣшательства; кромѣ него ничего не видятъ, употребляютъ на него весь свой умъ и свои способности. Представительницей такого типа женщинъ можетъ служить красавица герцогиня Кастильоне. Она пріѣхала въ Парижъ по просьбѣ Кавура, который, сблизивъ ее съ Наполеономъ III, рассчитывалъ, пользуясь ея вліяніемъ на французскаго императора, побудить его скорѣе начать войну за Италію. Вѣроятно, очаровательная герцогиня успѣла-бы, но въ это время мадзинисты задумали похитить Наполеона III. Герцогиня была непричастна къ этимъ замысламъ, однакожь, подозрительный Бонапартъ удалилъ ее изъ Парижа. Кажется, изгнаніе ея продолжалось недолго.

Герцогиня Кастильоне въ дни своей молодости была очаровательнѣйшимъ существомъ; трудно было не любоваться ею, такъ она была прелестна. Она въ совершенствѣ постигла тайны туалета; она постоянно являлась передъ толпой своихъ обожателей въ различныхъ обликахъ: то недоступная богиня, сопедшая съ Олимпа, то простая смертная, сантиментально вздыхающая при каждой любезности галантнаго кавалера; то сладострастная вакханка, то наивная, веселая хохотунья, дѣвочка, ничего несмыслящая въ свѣтской любовной наукѣ. Одному изъ своихъ знакомыхъ разъ она явилась смѣлкой, въ юбочкѣ изъ газа, въ атласныхъ башмачкахъ, съ цвѣтами въ волосахъ. Для того, чтобы еще болѣе поразить этимъ костюмомъ, она сказалась больной и приняла гостя, лежа въ постели. Дождавшись, когда ея собесѣдникъ увлекся какими-то разсказомъ, она внезапно сбросила съ себя одѣяло и явилась передъ нимъ очаровательной богиней.

Подъ ея искусными пальцами каждая ленточка превращалась въ очаровательную наволку: изъ ночного колпака она могла сдѣлать изящный чепчикъ; она занималась собой, какъ куклой, безпрестанно переменяя костюмы и любуясь собой въ зеркало. Она

гордилась своими маленькими ножками и питала почти благоговѣйную любовь къ своей обуви. Разъ ей вздумалось собрать въ дорогія стеклянныя витрины всю старую обувь, которую она носила в теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ послѣдніе годы второй имперіи въ одинъ прекрасный день она написала записку къ министру иностранныхъ дѣлъ принцу Латуръ д'Оверню, прося его придти тотчасъ на площадь Инваллидовъ. Министръ пришелъ туда и нашелъ герцогиню драпированной въ плащъ на манеръ Фра-Діаволо и обутой въ албанскіе сапоги, какъ неаполитанская королева во время осады Гаэты. За поясомъ у нея былъ заткнутъ кинжалъ въ богатыхъ ножнахъ.

— Къ чему этотъ арсеналъ? спросилъ министръ.

— Для защиты отъ разныхъ наглцовъ, мой любезный принцъ, отвѣчала она.

Несмотря на то, что герцогиня Кастильоне была создана для свѣта, несмотря на свои поразительные успѣхи въ свѣтѣ, она любила иногда уединеніе. По цѣлымъ мѣсяцамъ она запиралась у себя дома, никого не принимала и все время проводила въ томъ, что примѣрала платья и изъ кучи матерій, лежавшихъ передъ ней, изобрѣтала различные костюмы. Она переходила отъ зеркала къ зеркалу, любуясь собой и рѣшая вопросъ, какія переиѣны необходимы въ примѣряемомъ костюмѣ.

Уединеніе герцогини Кастильоне напомнило намъ о другой женщинѣ, отягчавшейся своими странностями. Она разорила своего мужа мотовствомъ на туалетъ. Онъ принялъ рѣшительныя мѣры: заперъ весь ея гардеробъ. Бѣдная дама тайно наняла комнату и тамъ по нѣскольку часовъ ежедневно занималась примѣркой платьевъ, отпущенныхъ ей въ кредитъ. Развѣ это не мономанія?

VI.

Скука! Скучно! — только и слышишь на каждомъ шагу въ Парижѣ. Эти ужасныя слова произносятъ по-преимуществу свѣтскія дамы и дѣвицы.

„Съ чего онѣ скучаютъ — непонятно! говорить свѣтская-же женщина, умѣющая изъ каждаго цвѣтка извлечь столько меда,

сколько онъ содержитъ его въ себѣ. — Мы можемъ веселиться сколько душѣ нашей угодно. Въ прекрасное весеннее утро мы ѣдемъ въ Булонскій лѣсъ одинъ, потому что сопровождающаго насъ груна нечего принимать въ расчетъ. Въ тѣнистыхъ аллеяхъ изъ акацій мы наталкиваемся случайно — а можетъ быть, и не случайно — на пріятную встрѣчу. Вечеромъ въ коляскѣ мы дѣлаемъ длинную прогулку черезъ Елисейскія поля, бульваръ Императрицы и вокругъ озера. Лѣто мы проводимъ на водахъ или морскихъ купаньяхъ; за нами всѣ ухаживаютъ, мы торжествуемъ на каждомъ шагу. Осенью мы ѣдемъ въ наши замки; собираются охоты, на которыхъ насъ провозглашаютъ царями. Ведя здѣсь тихую и спокойную жизнь, мы приготовляемся къ зимней кампаніи, составляющей наше торжество. Зимой... но зимнихъ наслажденій такъ много, что ихъ не перечестъ: мы ѣдимъ по магазинамъ, выбираемъ матеріи, кружева, золотныя и бриллиантовыя вещи; потомъ заѣзжаемъ къ портнымъ и модисткамъ примѣрять наряды; тамъ настаютъ время визитовъ; а то заѣзжаемъ въ церковь слушать проповѣдь молодого, красиваго іезуита или мужественнаго, длиннобородаго капуцина... потомъ концерты, драматическій театръ, опера буффъ, лирическая опера; мы аплодируемъ Фору, Капулю и Вилларе; потомъ балы частныя и съ благотворительною цѣлью; мы декольтируемся и танцуемъ для доставленія помощи ближнимъ, для собранія денежныхъ средствъ великому ватиканскому узнику, спящему на соломѣ и питающемуся впроголодь. Мы ѣдимъ въ маскарады; любительскіе спектакли и живыя картины—наше торжество. Мы украшаемъ свое тѣло всѣми лучшими, что можетъ дать намъ природа и искусство... Мужчины съ восторгомъ любятъ нами; когда мы танцуемъ, когда нашъ корпусъ граціозно колыхнется, когда наши костюмы отражаются различными оттѣнками, мужчины слѣдятъ за каждымъ нашимъ шагомъ, за каждымъ нашимъ движеніемъ. Отъ нашихъ одеждъ, отъ нашихъ причесокъ, отъ нашихъ жгучихъ взглядовъ исходитъ тонкій аромать, волны электричества—это симфонія чувствъ, поэма желаній и страсти. Мы облекаемся постоянно въ новыя формы; мы осуществляемъ всѣ фантазіи сна въ жаркую лѣтнюю ночь. Мы принимаемъ имена заманчивыя или ироническія; прелестныя или насмѣшливыя; судящія надежду или обольщающія ложью. Мы олицетворяемъ или мистическія существа, или раз-

личные символическіе атрибуты. Сегодня Зеновія или Зулейка; завтра Аспазія или Клеопатра. Мы олицетворяемъ лилію, гвоздику, бальзаминъ и др. Мы щебечемъ, какъ колибри или жаворонокъ; мы искрися, какъ шампанское, мы жжемъ, какъ крѣпкій пуншъ; мы подаемъ надежду, мы приводимъ въ отчаяніе. Мы являемся въ образѣ перы, вились, русалокъ и нимфъ... И это не весело!.. Воображаю, какъ завидуютъ намъ разныя швейки, зарабатывающія десяти-часовымъ трудомъ какой-нибудь франкъ съ четвертью... Нѣтъ, скучать намъ некогда“.

Вотъ съ какимъ пафосомъ и съ какими подробностями нѣкоторыя парижскія газеты, спеціально этимъ занимающіяся, описываютъ извѣстные зимніе балы:

„Третьяго дня, пишутъ въ одной изъ такихъ газетъ, — въ отелѣ Эмиля де-Жирандена данъ былъ блестящій костюмированный балъ, конечно, въ честь невѣстки знаменитаго писателя, супруги Александра Жирандена. Самыми богатыми и оригинальными костюмами на этомъ балу были слѣдующіе: чрезвычайно изящный костюмъ „Діаны“; прелестный нарядъ „султанши Валлиде“; далѣе „легкая, граціозная ласточка“; „Геба“, сошедшая съ Олимпа и ослѣпляющая своей красотой и граціей простыхъ смертныхъ; потомъ костюмы „дивныхъ“, щеголихъ времени директоріи; костюмы „альме“, итальянскіе и испанскіе и, наконецъ, восхитительный мотылекъ московитской колоніи... Изъ мужскихъ: „свобода“ — мужественный и бородатый; суровый „Карль I“, „Воззваніе къ народу“ и „Плебисцитъ“. Балъ былъ великолѣпенъ и продолжался до половины восьмого утра...

„Изъ костюмовъ, замѣчательныхъ своею эксцентричностью, особенно выдавался костюмъ виконтесы Бримонъ. Онъ изображалъ „лѣсъ“; птицы, ящерицы, бабочки и другія насѣкомыя, наконецъ, бѣла были расположены въ вѣтвяхъ и листьяхъ, украшавшихъ платье прелестной вдовы. Богаче всѣхъ былъ костюмъ г-жи Жиранденъ — костюмъ „царицы“, весь унизанный жемчугомъ, бриліантами и другими драгоценными каменьями, стоимостью не менѣе, какъ миліонъ франковъ“...

Рядомъ съ такими пространными описаніями забавъ и развле-

ченій господа журналисты очень кратко сообщаютъ о печальныхъ событіяхъ. Въ томъ-же номерѣ, гдѣ помѣщено описаніе этого пышнаго бала, мы находимъ описанія слѣдующихъ происшествій.

1) Въ субботу одинъ бѣднякъ, торгующій окурками сигаръ, завязавъ себѣ глаза платкомъ, бросился съ колокольни на мостовую и разбился до смерти.

2) Въ улицѣ Принца, въ домѣ № 7, застрѣлился медицинскій студентъ, оставивъ слѣдующую записку: „я умираю, побѣжденный борьбою и нищетою. Я одинъ на свѣтѣ; нѣтъ у меня ни семьи, ни друзей“. Подписано: „Жанъ Белуа“.

3) Вчера, въ часъ утра, патруль изъ четырехъ человѣкъ, проходя по бульвару Маджента, услышалъ страшные крики и стоны. Придя въ Дюнкирхенскую улицу, патрульные нашли на землѣ Жозефину Пуарье, ремесломъ прачку. Несчастная распоролась себѣ животъ ножомъ, что, по ея словамъ, она сдѣлала съ голоду. Ее перенесли въ больницу, гдѣ она и умерла черезъ нѣсколько часовъ.

Читая описанія парижскихъ баловъ, каждый можетъ подумать, что избранное парижское общество веселится по-прежнему. „Какое веселятся! отвѣчаютъ люди, видѣвшіе бывшее веселье Парижа. — Веселость исчезла изъ Парижа съ того момента, какъ Наполеону III пришла несчастная мысль сдѣлать опытъ съ либеральной имперіей. Развѣ могутъ идти въ сравненіе теперешніе ничтожныя балки съ роскошными балами въ Компьенѣ и Тюльери, когда императрица Евгенія была царицею модъ и удовольствій; когда ее окружали такія затѣйницы, какъ принцесса Анна Мюратъ, княгиня Меттернихъ и герцогиня Персиньи; когда король турфа и ландскнехта былъ Грамонъ Кадерусъ, а его любовница, Гортензія Шнейдеръ, танцевала въ „Герцогинѣ Герольштейнской“ такой вавканъ, предъ которымъ блѣднѣли всякіе танцы, а восхищенная публика задыхалась отъ восторга? Да! тогда было счастливое время! Въ Тюльери по недѣльникамъ давались маленькіе балы, а по средамъ большіе. На большіе балы приглашенные мужчины должны были являться въ придворныхъ костюмахъ и мундирахъ, а на малень-

кіе во фракахъ и въ черныхъ панталонахъ. Приглашенія на маленькіе балы разсылала сама императрица; его получали обыкновенно только люди, умѣющіе веселиться. Самъ императоръ былъ очень благосклоненъ къ весельчакамъ; онъ платилъ за нихъ долги, а судьи Даво и Девьенъ, чтобы угодить императору, спасали весельчаковъ отъ когтей правосудія. Можетъ-ли забыть тотъ, кто видѣлъ знаменитый праздникъ, когда императрица, одѣтая въ очаровательную тунику, отдѣланную тростникомъ, однимъ словомъ, въ костюмъ царицы наядъ, вошла въ залу, окруженная своими фрейлинами, одѣтыми въ нарядъ наядъ,—это было нѣчто волшебное, неподдающееся описанію! А балы въ префектурѣ, которые можно сравнить развѣ съ валтазаровыми пирами? Или костюмированный балъ въ 1857 году у графа Валевскаго, тогда министра иностранныхъ дѣлъ! Сколько работы и хлопотъ задалъ этотъ балъ Вурту, но великій художникъ показалъ, что онъ дѣйствительно можетъ производить чудеса. Императоръ и императрица, не желая быть узванными, вошли тайно; они были въ домино и капюшонахъ, закрывавшихъ лица, но, конечно, ихъ всѣ узнали. Боже мой! какіе очаровательные, ослѣпляющіе глаза костюмы явились въ этотъ вечеръ. Хозяинъ, графъ Валевскій, напудренный, былъ одѣтъ въ костюмъ министра Людовика XV. Дюпенъ, самый знаменитый и самый безобразный изъ трехъ Дюпеновъ, министръ при Луи-Филиппѣ, а въ то время генералъ-прокуроръ касационнаго суда, былъ одѣтъ въ домино, безъ капюшона, и широкополой шляпѣ; правда, онъ нѣсколько походилъ на возницу погребальныхъ дрогъ... Какъ прелестна была графиня Валевская въ костюмѣ Діаны, напудренная, съ обнаженными ногами и съ золотымъ колчаномъ въ рукахъ. Княгиня Трубецкая явилась въ костюмѣ, изображавшемъ „изморозь“: платье было отдѣлано черными кружевами и горностаевыми лапками; серебряныя нити должны были изображать иней. Ея восхитительные волосы, перевитые чистыми золотыми нитями, густо падали ей на плечи; на шеѣ ея были надѣты пять брилліантовыхъ нитокъ, игравшихъ самымъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Г-жа Перейра была въ костюмѣ „бабочки“; м-ль Эразу изображала „огонь“. Она, Морни и Жекеръ вовлекли Францію въ мексиканскую экспедицію. Княгиня Лобанова была одѣта „продавщицей букетовъ въ царствованіе Людовика XV“; м-ль Бургоинъ—„городомъ Страсбургъ“.

гомъ“; г-жа Потесда — „лучемъ луны, пронизывающимъ лѣсъ“; и-ль Зебахъ — „опрокинутой корзиной цвѣтовъ“; г-жа Галифе — „тюльпаномъ“. Ея мужъ былъ одѣтъ въ костюмъ „краснаго спектра“, въ каскѣ, украшенной рогами быка и когтями пѣтука. Копенсъ былъ удивительно ловокъ въ костюмѣ „невообразимаго“. Юный виконтъ Амело-де-Шалю, одѣтый „тряпичникомъ“, несъ въ рукахъ зажженный фонарь. Подобно Діогену, онъ искалъ чelовѣка; каждаго встрѣчнаго онъ освѣщалъ своимъ фонаремъ и потомъ отходилъ съ восклицаніемъ „нѣтъ!“ Наконецъ, онъ подошелъ къ императору (всѣ показывали видъ, что не узнаютъ его), освѣтилъ его и радостно закричалъ: „нашелъ!“ Потомъ всѣ пошли ужинать“...

Кстати о Галифе. Этотъ ужасный чelовѣкъ, прославившійся жестокостью съ плѣнными парижанами, разстрѣлявшій массу ихъ безъ всякаго суда, недавно присужденъ судомъ къ уплатѣ 13,476 франковъ, неправильно отнятыхъ имъ у одного брилiантщика.

Вторая имперія, имѣвшая своихъ трехъ грацій: Ригольбошъ, Терезу и Шнейдеръ; своихъ трехъ государственныхъ людей: Морни, Персины и Руэра; вторая имперія, начавшая войну въ Мексикѣ съ цѣлю пораженія Соединенныхъ Штатовъ; раздувавшая биржевыя спекуляціи и сквозъ пальцы смотрѣвшая на крупныя мошенничества, — твердила Роберу Мавэру, Вертрану и К°: „веселитесь, мои милые, веселитесь!“ Эта въ корнѣ испорченная и развращенная имперія уже съ первыхъ дней своего существованія показывала всѣ признаки разложенія и Викторъ Гюго, въ своихъ „Chatiments“ и „Napoléon le Petit“, съ пророческимъ предвидѣніемъ предсказалъ ей ея постыдный конецъ. Но имперія сама, конечно, считала себя сильной. Она успѣла поссориться въ одно время и съ папой, и съ Италіей; она поставила на сцену комедію парламентарнаго либерализма. Въ это самое время въ театрѣ Folies Dramatiques поставили на сцену пьесу „Le petit Faust“. Авторъ этой пьесы, Герве, поэтъ, композиторъ и актеръ, желалъ произвести впечатлѣніе грубыми эффектами; онъ довелъ абсурдъ до крайней степени и превзошелъ всѣ уже извѣстныя еунштюки Офенбаха. Только большое и разстроенное обще-

ство могло восхищаться подобной умопомрачительной нелѣпостью, какъ „Le petit Faust“. Между тѣмъ онъ нашелъ много читателей, а это показываетъ болѣзненное состояніе тогдашняго парижскаго общества.

Черезъ нѣсколько времени появилась гравюра съ подписью: „Походъ маленькаго Фауста. Дорога въ Шарантонъ“. Эта картина была символомъ бонапартистской имперіи, которая, казалось, сама спѣшила дойти до конца, т. е. до своего разрушенія.

Фаустъ, Валентинъ, Маргарита и Мефистофель выходятъ изъ отдѣльнаго кабинета въ „Maison Dorée“. Они взялись подъ руки, идутъ покачиваясь, потому что въ головахъ у нихъ бушуютъ винные пары.

Мефистофель въ видѣ граціозной, обворожительной Ван-Гель, изображающей эту роль въ театрѣ, одѣтъ въ извѣстный театральнй костюмъ. Фаустъ — самъ Герве — имѣетъ на головѣ шляпу, которую носятъ обыкновенно члены Жюкей-клуба, и костюмъ средневѣковаго франта; этимъ костюмомъ живописецъ хотѣлъ сказать, что въ головахъ новѣйшихъ франтовъ изумительно перемѣшаны новѣйшія идеи съ средневѣковыми доктринами. Точно также и въ костюмѣ Валентина пестрота и смѣшеніе различныхъ типовъ военныхъ одеждъ: на каску налѣплена польская конфедератка; мундиръ на половину желтый, на половину красный; шпага волочится между ногами; на широчайшемъ ремнѣ за спиной торчитъ крошечный патронташъ, — однимъ словомъ, полнѣйшее олицетвореніе того безпорядка по части экипированія и вооруженія во французской арміи, который существовалъ во время министерства маршала Лебефа. Съ своей стороны, Маргарита (Бланшъ д'Антиньи), здоровая, красивая женщина, декольтированная до полнѣйшаго безстыдства, аппетитная, кокетка отъ головы до пятки, изображаетъ экс-невинную Гретхенъ, бросившую свою прялку для бульварныхъ приключеній. Она блещетъ своей молодостью, своимъ безстыдствомъ, своимъ роскошнымъ платьемъ, своими брилліантами, наконецъ папскою медалью, которую вручилъ ей благочестивый пилигримъ вмѣстѣ съ индульгенціей, разрѣшающей ее отъ грѣховъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ.

Куда идутъ они? Маргарита придерживаетъ приподнятый хвостъ своего платья; она такъ подняла его, что видны подвязки, точно ей надо переходить черезъ воду.

Буда идутъ они съ такимъ рѣшительнымъ видомъ? Буда?

Мефистофель (кричить): Въ Берлинъ, чортъ возьми, въ Берлинъ!

Маргарита (тоже кричить): Кто меня любить, пусть слѣдуетъ за мной!

Фаустъ: Мнѣ кажется, надо идти черезъ Шарантонъ (сумасшедшій домъ).

Валентинъ (кричить): Мщеніе! Мщеніе!

И затѣмъ поетъ слѣдующій куплетъ патріотической пѣсни:

Marie, trempe ton pain,

Marie, trempe ton pain,

Marie, trempe ton pain

Dans le vin.

Такимъ-то образомъ кутилы второй имперіи, нагло вызвавшіе сосѣда и мечтавшіе попасть въ Берлинъ, застряли въ Седанѣ...

Мишель Триго.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОДИНЪ ИЗЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ВОПРОСОВЪ, СТОЯЩИХЪ НА ПЕРВОЙ
ОЧЕРЕДИ *).

Въ 1868 году въ Москвѣ вышла небольшая книжечка съ нѣскольکو страннымъ заглавіемъ, отзывавшимся не то рекламою, не то воззваніемъ, но воззваніемъ, обращеннымъ почти исключительно къ „крестьянамъ-рыбакамъ и промышленникамъ“ и въ то же время трактовавшимъ о предметахъ исторической важности. По страстности изложенія, хотя нѣсколько сдержанной, по тону, нѣсколько проповѣдательскому, наконецъ, по самому колориту рѣчи, которою авторъ, повидимому, владѣлъ не совсѣмъ свободно и не совсѣмъ литературно, воззваніе это если и не напоминало собой страстныхъ рѣчей Петра-Пустынника, призывавшаго Европу идти на спасеніе гроба Господня, тѣмъ не менѣе имѣло неоспоримый смыслъ проповѣдническаго обращенія къ слушателямъ. Въ какой мѣрѣ эта странная книжечка обратила на себя вниманіе русскаго общества—сказать трудно; но едва-ли она была многими замѣчена, тѣмъ болѣе, что имя автора ея говорило за себя очень не-

*) Приглашеніе прибрежныхъ жителей, а особенно крестьянъ-рыбаковъ и промышленниковъ, взяться за дѣло русскаго мореплаванія. Изд. X. Вальдемаръ, М. 1868.—Уставъ общества для содѣйствія русскому торговому мореходству. 1873.—Докладная записка по дѣлу высочайше утвержд. общества для сод. рус. тор. мор., М., 1874.—Предварительныя извѣщенія по дѣлу о мореходныхъ классахъ. Бюлетени I, II, III, IV и V, М., 1874.—Доклады обществу сод. рус. торг. мор. объ улучшеніи каботажнаго судоходства и быта моряковъ при-азовскаго края. А. и Н. Журавлевы, М., 1874 и 1875.—Доклады объ организаціи и дѣятельности общества сод. рус. тор. мор., Н. А. Шавровъ и X. М. Вальдемаръ, М., 1874—75.

„Дѣло“, № 7.

многимъ: фамилія г. Вальдемара въ русской литературѣ не была почти совсѣмъ извѣстна, а если и оглашалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ печати, то развѣ только потому, что имя и самая даже личность г. Вальдемара, сколько извѣстно, попали, такъ-сказать, между остзейской наковальной и русскимъ молотомъ, которыми въ шестидесятихъ годахъ ковалось русское дѣло въ нашихъ прибалтійскихъ провинціяхъ. Сколько намъ помнится, иныя, кому попадалась на глаза эта маленькая книжечка, взглянули на нее съ недовѣріемъ или недоумѣніемъ; другіе, болѣе равнодушныя, видѣли въ ней московскую затѣю съ патріотическими заигрываніями дурного тона; третьи, наконецъ, говорили, что это чужонское тренканье на русской балалайкѣ, которая только и можетъ быть краснорѣчива подъ перстами веселаго россиянина; только весьма немногіе отнеслись къ книжечкѣ съ той долей благоразумнаго вниманія, котораго она заслуживала.

Г. Вальдемаръ поднималъ вопросъ очень старый, очень радовой, повидимому, заброшенный нашею исторіею; это вопросъ о томъ, должно-ли существовать у русскаго народа торговое мореходство, какъ оно существовало когда-то у всѣхъ наиболѣе даровитыхъ народовъ древняго міра, — у финикійянъ, египтянъ, грековъ карфагенянъ, римлянъ, а потомъ у народовъ, проявившихъ свою даровитость въ болѣе новыя времена, — у португальцевъ и испанцевъ, у венеціянцевъ и генуэзцевъ, послѣ у голландцевъ и англичанъ, и, наконецъ, въ новѣйшее время — у сѣверо-американцевъ; или-же, подобно азіатскимъ и африканскимъ народамъ, русскіе въ великой семьѣ современныхъ цивилизованныхъ народовъ должны ограничиться обидною ролью бездарности въ человѣчествѣ, ролью „глупаго сына“, которому невпроезъ отцовское богатство? А ргіогі, г. Вальдемаръ рѣшалъ вопросъ въ пользу первой послылки; а posterіогі — рѣшить его должна исторія, и — кто знаетъ? — можетъ быть, въ пользу послѣдней. Рѣшенію вопроса г. Вальдемаръ придаетъ дидактическую форму, безъ сомнѣнія вслѣдствіе того, что самый процессъ рѣшенія излагаетъ преимущественно передъ „крестьянами-рыбаками“, передъ народомъ, къ которому, какъ къ ребенку, принято относиться учительски. Онъ начинаетъ свою рѣчь тѣмъ, что читатели его, конечно, знаютъ кое-что о городѣ Осташковѣ, находящемся на озерѣ Селигерѣ, „на самомъ верху рѣки матушки-Волги“, стало быть на мѣстѣ, весьма отдаленномъ отъ

моря; что ошашковцы давно уже стали заниматься рыболовствомъ, не только на своихъ озерѣхъ и на ближайшихъ озерахъ своей губерніи, но и по всѣмъ озерамъ сѣверо-западной Россіи; что, мало того, въ преслѣдованіи своего промысла они дошли до самаго Балтійскаго моря и стали промыслять рыбою въ петербургской, эстляндской, лифляндской и въ нѣсколькихъ финляндскихъ губерніяхъ, отчасти отгѣсня тамъ отъ рыболовнаго промысла мѣстныхъ эстовскихъ и финляндскихъ жителей; что эта побѣда ошашковцевъ надъ конкурирующими съ ними чухонцами, нѣмцами и шведами является слѣдствіемъ того, что ошашковцы, какъ русскіе, имѣютъ непосредственный сбытъ рыбы по всей Россіи, между тѣмъ какъ инородцы, недостаточно знакомые съ русскимъ языкомъ, должны ограничиваться сбытомъ рыбы только въ своемъ краѣ или же отдавать ее оптомъ русскимъ торговцамъ за дешевую цѣну. На этомъ примѣрѣ г. Вальдемаръ основываетъ всѣ свои дальнѣйшія рѣшенія вопроса относительно даровитости или бездарности русскаго народа, т.-е. долженъ-ли онъ навсегда остаться въ положеніи „глухого сына“, которому умные братья будутъ привозить изъ-за моря плоды цивилизаціи по собственному усмотрѣнію, или-же онъ на-столько выростетъ, что самъ будетъ срывать съ европейскаго и американскаго дерева эти вкусныя яблоки и ѣздить за ними на своихъ собственныхъ корабляхъ. Онъ говоритъ, что патка бываетъ въ исторіи роль того народа, который, сидя у моря, не имѣетъ своего торговаго флота и долженъ ждать, пока иноземцы привезутъ ему того, чего ему недостаетъ, и возмуть у него то, чего у него много: такой народъ долженъ за все платить этия обязательнымъ иноземцамъ—и за чужое, и за свое, т.-е. возвышать цѣну всего чужого и понижать цѣну всего своего. Послѣдствіемъ этого явилось то, что Россія, при всей громадности своей территоріи, которая составляетъ—страшно сказать—шестую часть всего земного шара, при своемъ почти стомилионномъ населеніи, при безспорныхъ естественныхъ богатствахъ, которыхъ, при умѣломъ ими пользованіи и добываніи, хватило-бы на остальные пять шестыхъ частей земного шара,—эта Россія ведетъ относительно ничтожную внѣшнюю торговлю, собственно морскую, такъ что обороты ея составляютъ среднимъ числомъ не болѣе 4 р. на каждаго русскаго, тогда-какъ въ Англіи, напр., внѣшняя морская торговля составляетъ болѣе 100 р. на каждаго че-

ловѣна, въ Голандіи 100 р., во Франціи 30 р., въ Германіи 25 р. и даже въ обиженой природою Швеціи до 20 рублей. Но и это горе было-бы не великое горе: можно торговать въ своей земли и на 4 р., да ни въ чемъ не нуждаться внутри своей земли. Но вотъ гдѣ наше великое горе: мы отдаемъ иностранцамъ то, что сами производимъ; производимъ-же все это посредствомъ рабочихъ рукъ, посредствомъ тѣхъ рукъ, которыя управляютъ сохой и бороной, которыя жнутъ и косятъ, молотятъ и вѣютъ, которыя крючьями таскаютъ кули на суда, которыя треплютъ ленъ, добываютъ смолу и деготь; наработаютъ они кучу добра, и это добро берутъ у нихъ торговцы съ тѣмъ, чтобы продать за море; а за море продать — надо нанять морского извозчика, надо нанять корабль, потому что своихъ кораблей у насъ нѣтъ; а нанять чужой корабль — надо деньги; и вотъ берутъ у производителя деньги на наемъ чужого корабля, т.-е., другими словами, понижаютъ цѣну труда, цѣну заработка. И оказывается, что весь сложный механизмъ виѣшней торговли, всё эти невѣдомые мужику фрахты, хитрые курсы, дисконты, куртажи, ажіотажи, аваріи, лажи, валюты, ластовныя, портовныя, таможенныя, страховныя, маклерскія—вся эта неисчислимая масса платежей идетъ изъ мужичьяго кармана, изъ кармана производителя.

Вотъ въ сущности та простая мысль, которую г. Вальдемаръ положилъ въ основу своей маленькой книжечки, въ свое время незамѣченной русскою критикою. Да и что было замѣчать ея? Книжечка говорила о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, доказывала почти азбучныя истины, въ родѣ той, напр., что „нѣтъ другой статьи народной промышленности, которая была-бы такъ доходна, какъ промыселъ морской, т.-е. перевозъ товаровъ моремъ изъ одной страны въ другую“; что „всемирная исторія показываетъ, какъ всякій народъ, который брался быть морскимъ извозчикомъ, обогащался въ самое короткое время“; что въ нынѣшнее время англичане, американцы и голландцы, владѣющіе наибольшими торговыми флотами, уже собрали баснословныя богатства; что „одинъ только народъ еще не участвуетъ въ этомъ выгоднѣйшемъ изъ всѣхъ промысловъ, а это самый важный, самый многочисленный въ Европѣ народъ—это великій русскій народъ, населяющій шестую часть всего міра, съ неизмѣримыми богатствами занимаемой имъ почвы“. Развѣ это не азбучныя истины? Но вѣдь и „быть

добрымъ“, и „быть честнымъ“ — азбучныя истины; но ихъ твердятъ лучшіе люди въ человѣчествѣ, твердятъ цѣлыя тысячелѣтія и долго еще будутъ твердить, пока люди не достигнутъ идеала совершенства. Эту-же избитую истину твердилъ и Петръ Великій, доказывая, что безъ флота Россія немыслима, какъ европейское государство, т. е. государство цивилизованное. Чтобы приблизить насъ къ Европѣ, онъ завоевалъ для русскаго народа море, создалъ флотъ, разумѣется, военный, для цѣлей государственныхъ. Но онъ не могъ создать торговаго флота — это уже дѣло самого народа. Но и русскій народъ не создалъ своего флота. Что-же мѣшало ему?— Вотъ вопросъ первой исторической важности. Вопросомъ этихъ задается и г. Вальдемаръ, но не рѣшаетъ его. „Почему, спрашиваетъ онъ,—прошло уже полтораста лѣтъ, а желаемая Петромъ Великимъ цѣль (созданіе русскаго торговаго или народнаго флота) еще не достигнута? Почему огромный городъ Петербургъ имѣетъ и теперь меньше собственныхъ парусныхъ, т. е. перевозящихъ грузы морскихъ судовъ, чѣмъ иное, лежащее у моря англійское, шведское или германское сельцо, уже не говоря о главныхъ центрахъ морской торговли? Что мѣшало русскому человѣку заниматься этихъ доходнѣйшимъ изъ всѣхъ промысловъ? Суровость климата — не мѣшаетъ: это мы видимъ изъ того, что финляндцы, хотя имъ мѣшаетъ незнакомство съ языками большихъ городовъ, все-таки успѣшно занимаются мореплаваніемъ, несмотря на то, что Финляндія лежитъ болѣе къ сѣверу, нежели Петербургъ. Нравы русскаго народа также не виноваты въ этомъ, ибо Россія населена разными племенами, часть которыхъ за границую блистательно доказала свою способность къ мореплаванію. Не только славянскій русскій народъ на Бѣломъ морѣ доказываетъ особенную склонность къ мореплаванію, но и казаки у Азовскаго моря; славяне Адриатическаго моря всякому извѣстны, какъ отличные моряки; отмеченный теперь славянскій народъ на южномъ берегу Балтійскаго моря даже преимущественно тамъ отличается, гдѣ несмѣшанное происхожденіе его изъ славянскаго корня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Итакъ, способность славянскихъ народовъ къ мореплаванію есть неоспоримый фактъ. Нельзя оспаривать также, что у насъ есть больше, чѣмъ достаточный, лѣсной, пеньковный и желѣзный матеріалъ, что, наконецъ, нашъ рыбацкій сельскій народъ

былъ-бы весьма доволенъ, если-бы онъ при службѣ матроса получалъ, кромѣ хорошей пищи корабельщиковъ, до 10 руб. въ мѣсяцъ жалованья, между тѣмъ какъ англійскій матросъ требуетъ 30—40 руб. въ мѣсяцъ, кромѣ превосходной пищи, а нѣмецкій 15—20 руб.“ (Приглашеніе, стр. 3, 9, 10).

Но почему при всемъ этомъ русскій народъ не создалъ своего флота—г. Вальдемаръ отвѣта не даетъ. Неужели явленіе это должно быть объяснено безнадежной бездарностью русскаго народа? Неужели почти при безпримѣрной въ исторіи вѣхъ вѣковъ и народовъ многочисленности своей (вѣдь только Индія и Китай превосходятъ Россію многочисленностью) русскій народъ долженъ оставаться какимъ-то межеумкомъ, какою-то должинностью въ великой семьѣ цивилизованныхъ народовъ? Финикияне, греки, римляне, испанцы, голландцы, англичане, американцы — каждый изъ этихъ народовъ въ свое время выдавался, подобно даровитымъ личностямъ между людьми, своимъ хотя-бы то временнымъ, но почти мировымъ преобладаніемъ, своею нравственною гегемоніею между другими народами. А русскіе все еще ждутъ своей очереди. Но придетъ-ли она? На это отчасти отвѣчаетъ прошедшая исторія Россіи, а будущая должна дать окончательный отвѣтъ на этотъ роковой вопросъ. Г. Вальдемаръ, напротивъ, думаетъ, что рѣшеніе вопроса возможно теперь-же, неотложно; что народы, при дружномъ усиліи, сами въ состояніи опережать медленный поступательный ходъ своей исторіи; что для этого нужны только энергія и знанія; что русскій торговый флотъ можетъ быть созданъ русскимъ народомъ немедленно, когда народъ пойметъ, что въ этомъ дѣлѣ—его личныя выгоды, его заработная копейка, его насущный кусокъ хлѣба; что когда онъ пойметъ свои выгоды, то ему останется только приобрести знанія—научиться морскому судостроенію и первымъ, самымъ простымъ свѣденіямъ въ морскомъ дѣлѣ. Практическую возможность этого г. Вальдемаръ доказываетъ наблюденіями и опытами своей собственной жизни. Г. Вальдемаръ, сколько намъ извѣстно, латышь по рожденію. Для него море составляетъ отчасти родную стихію, какъ и для его земляковъ, прибалтійскихъ латышей. Эти приморскіе крестьяне-рыбаки, говоритъ г. Вальдемаръ, не далѣе, какъ десять лѣтъ тому назадъ, стали заниматься мореходствомъ, и притомъ сначала каботажнымъ, которое состояло изъ короткихъ рейсовъ на небольшихъ морскихъ

судахъ между Ригою, Перновымъ, Ревелемъ и Петербургомъ. Судовладельцами въ этомъ случаѣ явились тоже крестьяне, только болѣе зажиточные, а матросами стали рыбаки. Примѣръ, и притомъ весьма выгодный, былъ очень заразителенъ: въ нѣсколько лѣтъ содался маленькій латышскій торговый флотъ. „Сначала, говоритъ г. Вальдемаръ, — первые судовщики-рыбаки весьма опасались, что коль-скоро ихъ сосѣди также построятъ морскія суда, то не будетъ грузовъ для нихъ всѣхъ. Но теперь они уже вполне убѣдились въ томъ, что не только съ удешевленіемъ фрахтовъ, но и при современномъ увеличеніи торговли и, главное, при расширеніи морскихъ рейсовъ въ болѣе далекіе города и края, недостатка въ грузахъ у нихъ никогда не будетъ. При войнѣ Пруссія съ Даніей случилось, что, наконецъ, у пруссаковъ оказался недостатокъ въ хлѣбѣ, и его по телеграфу выписали изъ Риги, гдѣ, правда, оказалось хлѣба много, но судовъ-то не было, кромѣ каботажныхъ. Тогда на крестьянскихъ каботажныхъ судахъ было отправлено много хлѣба и крестьяне получили почтенную сумму, какой они при старыхъ береговыхъ плаваніяхъ никогда не получали. Поэтому все прибрежное населеніе стало о томъ только и заботиться, чтобы какъ-нибудь перейти къ дальнимъ плаваніямъ. Но при этомъ стремленіи крестьяне нашли, что они не могутъ остаться такими безграмотными или полуграмотными, какими они были до сихъ поръ, что имъ надо изучить и понять много морскихъ картъ и нужно умѣнье, глядя на звѣзды, мѣрять съ помощію разныхъ инструментовъ мѣстность, гдѣ судно находится въ морѣ, если берегъ не видѣнъ. Отъ другихъ ученыхъ моряковъ они узнали, что изучить эти хитрости отнюдь не трудно, и стали заявлять пишущему эти строки о своемъ желаніи устроить у себя школы мореходства, между тѣмъ какъ они прежде о подобныхъ школахъ и слышать не хотѣли, и всѣ мои увѣренія, что подобныя школы весьма полезны для крестьянъ, сначала оказались тщетными. Наконецъ, однажды, находясь въ значительномъ числѣ съ своими судами въ Петербургѣ, они собрались у меня на квартирѣ и сложили до 500 рублей, какъ основную сумму для учрежденія одной такой латышской мореходной школы въ маленькомъ селѣцѣ Гайнажъ, гдѣ живетъ менѣе 150 мужскихъ душъ“.

Указаніемъ на эту маленькую латышскую общину, рядомъ съ

указаніемъ на предприимчивость останковцевъ, г. Вальдемаръ какъ-бы преподаетъ русскому народу программу, что ему дѣлать, чтобы, если можно такъ выразиться, не остаться великою дужинностью въ великой человѣческой семьѣ, подобно тому, какъ печать этой дужинности исторія наложила на два многочисленнѣйшіе народа въ мірѣ—на обитателей Китая и Индіи. Но взывая въ своей маленькой книжечкѣ къ русскому народу, г. Вальдемаръ справедливо замѣчаетъ, что русскій народъ едва-ли и узнаетъ о существованіи ея, а если кто и прочитаетъ, то не всегда повѣритъ тому, что въ ней говорится; еще менѣе повѣрятъ ей неграмотные люди, если священники и прочитаютъ имъ то, что въ этой книжечкѣ написано. „Образованные и ученые люди, прибавляетъ г. Вальдемаръ, — также не вполне вѣрятъ сразу, если имъ что-нибудь изъ *важныхъ* новостей *возвѣщается* въ какомъ-нибудь краткомъ и отрывочномъ, подобномъ настоящей брошюрѣ, изложеніи“. Одно, что остается послѣ этого, — твердить, твердить и твердить русскому народу, что онъ вѣчно будетъ данникомъ другихъ народовъ, если не скинеть съ себя цѣпой морского рабства, если не будетъ самъ рвать спѣлыя яблоки съ дерева цивилизаціи и предлагать Европѣ свои кисляи, незрѣлыя яблочки въ видѣ сырыхъ продуктовъ своей почвы, если, однимъ словомъ, русскій не сдѣлается такимъ-же народомъ-матросомъ, какимъ до сихъ поръ онъ былъ лишь народомъ-пахаремъ, народомъ-бурлакомъ, народомъ-батракомъ другихъ народовъ. А для того, чтобы быть народомъ-матросомъ, надо учить моревѣденію, надо заводить школы моревѣденія или мореходные классы.

И вотъ г. Вальдемаръ начинаетъ громко твердить русскому народу, чтобы онъ заводилъ мореходныя школы. Онъ выступаетъ съ своей проповѣдью при помощи нищенскихъ средствъ; на добровольныя пожертвованія онъ издаетъ маленькія брошюрки, въ родѣ цитируемой нами нынѣ, бесплатно раздаетъ ихъ и разсылаетъ всѣмъ желающимъ; изъ разныхъ концовъ Россіи къ нему начинаютъ идти мелкія пожертвованія на изданіе этихъ брошюръ — кто шлетъ рубль, кто два, а кто и десять, — и г. Вальдемаръ снова твердитъ на всю Россію свою азбучную истину, стучится, такъ-сказать, во всѣ двери, кричитъ и встрѣчному, и поперечному: „спасите русскій народъ отъ нищенства, отъ иноземнаго рабства“. И вотъ въ 1868 году онъ уже собираетъ 324 руб.

50 коп.—это основной капиталъ для освобожденія русскаго народа отъ иноземнаго рабства, отъ внутренняго нищенства... Не великъ капиталъ! Но едва-ли съ большимъ капиталомъ вышелъ на нижегородскую площадь въ 1612 году Козьма Мининъ для спасенія Россіи отъ поляковъ и шведовъ, а дѣло все-таки сдѣлалъ. Кромя того петербургское техническое общество выдало г. Вальдемару 200 р. на напечатаніе его брошюръ-воззваній. Наконецъ, министръ финансовъ пожертвовалъ ему 1,000 р. для совершенія нѣкоторыхъ поѣздокъ по Россіи и Швеціи.

Прошло пять лѣтъ послѣ первыхъ воззваній г. Вальдемара къ русскому народу. На воззванія эти откликались сочувственные голоса съ разныхъ концовъ Россіи, такъ-что въ 1873 году можно было ходатайствовать передъ правительствомъ объ утвержденіи „общества для содѣйствія русскому торговому мореходству“. И дѣйствительно, уставъ общества былъ высочайше утвержденъ 25 сентября 1873 года. Согласно этому уставу, общество ставило себѣ цѣлью способствовать развитію отечественнаго торговаго мореходства разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ вопросовъ, касающихся торговаго судостроенія и мореплаванія, содѣйствіемъ учрежденію мореходныхъ училищъ и соотвѣтствующихъ цѣли общества товариществъ и артелей, привлеченіемъ представителей внутренней торговли и промышленности къ участію въ торгово-мореходныхъ предпріятіяхъ и, наконецъ, собираніемъ и распространеніемъ практическихъ свѣденій по торговому мореходству.

12 декабря 1873 года послѣдовало открытіе общества и первое его засѣданіе въ такъ-называемой „Русской палатѣ“ „Славянскаго базара“, при участіи 33 членовъ. Въ этомъ засѣданіи предсѣдателемъ общества былъ избранъ графъ А. Е. Комаровскій, членомъ-дѣлопроизводителемъ г. Вальдемаръ, а членами правленія—А. В. Назаровъ, Е. И. Барановскій, А. А. Пороховщиковъ, профессоръ Г. Е. Щуровскій и кандидатами—В. Д. Аксеновъ и профессоръ И. К. Бабеть. Почетными членами избраны были: М. Х. Рейтернъ, Н. К. Краббе и К. Н. Посьеть. Первымъ дѣломъ организовавшагося общества было новое воззваніе къ русскому народу, изложенное въ докладной запискѣ члена-дѣлопроизводителя. „Извѣстно (говорить, между прочимъ, записка), что въ Европѣ одна только Россія не имѣетъ своего тор-

говаго флота, и вслѣдствіе сего извозный промыселъ въ русскихъ портахъ даетъ иностранцамъ ежегодно заработка отъ 60 до 70 миліоновъ рублей; по сооружеиіи-же новыхъ линій желѣзныхъ дорогъ эти наши издержки еще значительно увеличатся и непремѣнно поставятъ наши всемірные торговые интересы болѣе и болѣе въ невыгодное положеніе, а денежные рынки Запада сдѣлаются властителями нашихъ судебъ въ коммерческомъ и политическомъ отношеніяхъ“. Далѣе записка говоритъ, что „подобно азіатскимъ и африканскимъ государствамъ, Россія, обладая превосходными для торговли портами и прибрежьями, пренебрегаетъ самую выгоднѣйшую часть промышленной дѣятельности — мореходствомъ“; что между тѣмъ Россія „необходимъ вѣрный и дешевый слуга на морѣ“; что „наша пшеница изъ воронежской губерніи должна соперничать на лондонскомъ хлѣбномъ рынкѣ съ пшеницею штата Иллинойсъ сѣверной Америки“; что „на сколько копеекъ дешевле перевозится пудъ хлѣба изъ Америки, на столько теряетъ непремѣнно воронежскій землевладѣлецъ“ (и земледѣлецъ, прибавимъ мы); что „собственный торговый флотъ теперь есть у всѣхъ образованнѣйшихъ народовъ, кромѣ русскаго, единственнаго круглаго сироты на морѣ, единственнаго беззащитнаго страдальца во всемірной торговлѣ“. Записка откровенно поясняетъ, что русское „крѣпостничество, паспортная система и невѣжество простого народа, то-есть дѣйствительныхъ мореплавателей, мѣшали до сихъ поръ всякому развитію мореплаванія такъ безусловно, что только въ самое новѣйшее время этотъ промыселъ сталъ быть мыслимымъ и возможнымъ у насъ“. Далѣе записка высказываетъ не мало жесткихъ истинъ. „Равнодушіе публики, говоритъ она, — дошло у насъ до того, что, по общему мнѣнію, не только наше правительство можетъ односторонне разрѣшить вопросъ, слишкомъ затруднительный для всякаго другого правительства, но что и самые иностранные мореходцы-извозчики должны, могутъ и будутъ, вслѣдствіе каваго-то неслыханнаго добродушія, заботиться о пониженіи своихъ заработковъ при перевозѣ товаровъ внутренней Россіи“; что между тѣмъ отъ высоты фрахтовъ преимущественно страдаютъ не извозчики-мореходцы и не купцы, а производители и потребители внутри края“, что вслѣдствіе такого порядка вещей „воронежскій помѣщикъ (а еще болѣе воронежскій крестьянинъ), и только онъ, потеряетъ 10,000 рублей

каждый годъ, если онъ, отправляя черезъ Таганрогъ 10,000 четв. пшеницы моремъ въ Лондонъ, долженъ будетъ заплатить фрахта 4 рубля вмѣсто 3 рублей за четверть; мореходцы-же, чужіе или наши, все равно, отнюдь не пострадаютъ отъ неестественной высоты фрахтовъ и, конечно, не пожелаютъ понизить цѣну за провозъ товара, а, наоборотъ, пожелаютъ возвысить цѣны по возможности, пожелаютъ не допускать или затруднить конкуренцію и затемнить вопросы по этому дѣлу; „что и нашъ купецъ, оптовый торговецъ, черезъ посредство котораго хлѣбъ отправляется изъ Таганрога въ Лондонъ, въ сущности ничего не потеряетъ отъ высоты фрахтовъ, а вся тяжесть потери ляжетъ на производителя (т. е. на сѣрый зипунъ и лапти), объ интересахъ котораго заботятся съ немногимъ большимъ вниманіемъ иностранный морякъ-извозчикъ и русскій купецъ-комисіонеръ“. Отъ этого, говоритъ записка, „въ нашихъ городахъ жизнь дорога, не уютна“, „доходы землевладѣльцевъ (а еще больше крестьянъ) незначительны“, фабричная дѣятельность плоха, заграничный товаръ дорогъ. „Это, утверждаетъ записка, — все азбука морского дѣла; но неграмотному народу азбука непонятна, и онъ потому предпочитаетъ, во-первыхъ, терять ежегодно, по крайней мѣрѣ, половину изъ 70 миліоновъ рублей; во-вторыхъ, состоятъ въ унижительной зависимости отъ своихъ соперниковъ, и въ-третьихъ, не имѣтъ никакой надежды на лучшую будущность. Вотъ почему нашему обществу, между прочимъ, придется быть въ этомъ дѣлѣ азбучникомъ и испытывать всю тяжесть трудной задачи, состоящей въ томъ, чтобы доказать, что дважды два—четыре, а не три и не пять“.

3 апрѣля 1874 года состоялось постановленіе общаго собранія общества, коимъ открывалась вольная подписка на сборъ пожертвованій для открытія возможно-большаго числа мореходныхъ классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ общество начало печатать свои бюлети о ходѣ дѣла, — бюлети, наглядно рисующіе характеръ дѣятельности и самый процессъ роста и возмужанія общества. Въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ разсланы были циркулярныя письма къ разнымъ лицамъ, городскимъ главамъ, волостнымъ старшинамъ, сельскимъ старостамъ, станичнымъ атаманамъ и другимъ, проживающимъ въ мѣстностяхъ, гдѣ возможно развитіе судоходства. Вслѣдствіе этого втеченіи первыхъ мѣсяцевъ послѣ

разсылки писемъ стали поступать изъ разныхъ мѣстъ пожертвованія, разнаго рода заявленія и ходатайства объ учрежденіи мореходныхъ классовъ въ Ейскѣ, Акерманѣ, Астрахани, Аксайской станицѣ на Дону, Нижнемъ-Новгородѣ, Магнусофѣ близъ Риги, Перновѣ и при петербургскомъ яхтъ-клубѣ. По собраннымъ свѣденіямъ оказалось, что въ Россіи существовало до 1874 года всего только 16 мореходныхъ классовъ или школъ, и изъ нихъ всего только шесть въ русскихъ приморскихъ поселеніяхъ (въ Кемі, Архангельскѣ, Сумскомъ посадѣ, Херсони, Николаевѣ и Гурьевѣ) и десять въ остзейскихъ провинціяхъ (въ Либавѣ, Феликсбергѣ, Газау, Виндавѣ, Гинке, Рое, Ригѣ, Гайнажѣ, Венкювѣ и Лебяжѣ); затѣмъ въ 1874 году открыты были мореходныя школы въ Феодосіи и Таганрогѣ; наконецъ, въ виду закона, обезпечивающаго существованіе на казенный счетъ такихъ мореходныхъ школъ, которыя имѣютъ средства на первоначальныя издержки, въ размѣрѣ 200 р. на каждую школу, въ обществѣ состоялось постановленіе о немедленномъ открытіи новыхъ десяти школъ, на первоначальныя издержки для коихъ члены тотчасъ-же и подписали 2,510 р., т. е. болѣе даже, чѣмъ требовалось. Общество особенно настаивало на открытіи мореходныхъ школъ въ петербургской губерніи, но не находило для этого достаточно сочувствія въ торговомъ сословіи. Торгуя по масштабу временъ царя Алексѣя Михайловича, петербургское русское купечество предпочитало копошиться въ своемъ собственномъ муравейникѣ и находило внѣшнюю морскую торговлю для себя невыгодною. Одинъ изъ бюлетеней общества старается открыть глаза русскому торговому муравейнику, что, напротивъ, выгоднѣе будетъ торгъ, когда изъ муравейника выйдешь на общественный базаръ, чѣмъ торговать лежа на печкѣ. „Мы отправляемъ, на примѣръ, говоритъ бюлетень,—бревно, стоящее на устьяхъ рѣкъ Паши, Ояти, Свири 50—80 коп., въ Голандію, гдѣ судостроитель заплатитъ за него 5 руб., и, выстроивъ судно, отправляетъ его уже съ грузомъ и съ выгодой опять къ намъ-же въ Петербургъ, доставляя притомъ голандскому шкиперу, штурману и матросамъ барскія кушанья и большее жалованье, нежели наши каботажники могутъ требовать“. Но русскій петербургскій муравейникъ этимъ не убѣждается, и бюлетень съ горечью спрашиваетъ: „Неужели мы будемъ смотрѣть на Петербургъ, какъ на

естественный ключъ запиранія морей русскому народу?" А Петръ Великій думалъ, что Петербургъ будетъ не только ключемъ, запирающимъ Россію отъ Европы, и даже не ключемъ, отпирающимъ Россію, но цѣлымъ окномъ въ Европу, а мы окно-то захлопнули, чтобъ не сквозило изъ Европы къ намъ на печку, и отворили дверь для всякихъ ловкихъ хищниковъ. Общество чувствуетъ и видитъ, что ему предстоитъ не мало борьбы съ нашею древне-русскою неповоротливостію, апатіею, сонливостію, а главное — съ поголовнымъ, историческимъ невѣжествомъ, которое болѣе живуче, чѣмъ крѣпостничество, которое такъ непобѣдимо-могуче, что убить его не въ силахъ былъ-бы и такой законодательный актъ, какъ актъ 19 февраля 1861 года, убившій наше историческое крѣпостничество. Въ виду этой ужасной силы—невѣжества, общество въ своихъ порываньяхъ беретъ даже за такое оружіе, какъ памфлетъ. Говоря, что русскій морякъ боится Европы, одинъ изъ бюлетеней общества доказываетъ, что это — глупый медвѣдь боится своей громадной тѣни. Европа непременно должна побивать на своихъ моряхъ и во всѣхъ своихъ портахъ этого медвѣдя — русскаго торговца, который, при своемъ глубокомъ невѣжествѣ, суетъ иногда попытать торговаго счастья въ Европѣ. „Не усвоивъ себѣ ни въ школѣ, ни изъ русской литературы самыхъ необходимыхъ понятій о Западѣ, онъ, этотъ русскій медвѣдь, разоряется непременно, и, пріѣзжая домой, поддерживаетъ дикую басню невѣждъ, толкующихъ, что будто-бы всѣ западные народы составляютъ какой-то заговоръ противъ возникновенія русскаго торговаго флота. Между тѣмъ существуетъ лишь одинъ опасный заговоръ: русская неграмотность...“ Въ другомъ мѣстѣ памфлетъ-бюлетень говоритъ еще болѣе рѣзкія вещи въ глаза русскому невѣжеству. „Многіе у насъ увѣрены, замѣчаетъ онъ, — что великій русскій народъ на морѣ преслѣдуется англичанами, нѣмцами, французами, итальянцами, голландцами, датчанами, норвежцами, греками, турками, персіянами; слонъ жалуется, что его преслѣдуетъ муха! Мореходство-же наше представляется въ видѣ человѣка, ходящаго по снѣгу босикомъ и ужасно страдающаго отъ холода, а между тѣмъ одѣтаго въ самую цѣнную енотовую шубу и съ брилліантовыми перстнями на рукахъ“. А далѣе, сообщая во всеобщее свѣденіе, что великій князь Алексѣй Александровичъ удостоилъ общество подаркомъ,

состоящимъ изъ 20 экземпляровъ изданной въ Рио-Жанейро книги „Diccionario de marinha“, бюлетень прибавляетъ: „Итакъ, мы видимъ, что морскіе словари для мореходныхъ шкелъ и кораблей существуютъ, за исключеніемъ одной Россіи, не только повсюду въ Европѣ и сѣверной Америкѣ, но даже въ Бразиліи, а значительный объемъ книги свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Бразиліи существуютъ уже другія необходимыя для мореходцевъ книги, брошюры, карманныя книжки и проч.,—словомъ, что тамошнее мореходство нельзя сравнить съ страдающимъ босоногимъ богачемъ-великаномъ, плачущимъ, что его обижаетъ ребятишка“.

Дѣло общества, однако, двигалось замѣтно. Въ 15 сентября прошлаго года оно насчитывало уже своихъ членовъ и соревнователей болѣе 400 человекъ, а къ 1875 году составъ общества равнялся уже болѣе, чѣмъ 700 членамъ, изъ коихъ одинъ Петербургъ далъ болѣе 160 членовъ. Состоя подъ покровительствомъ великаго князя Константина Николаевича, оно удостоилось принятія въ число своихъ почетныхъ членовъ государя наследника цесаревича, государыни цесаревны и великаго князя Алексѣя Александровича. 8 октября общество могло уже открыть въ Нижнемъ-Новгородѣ особое отдѣленіе, и когда дошло объ этомъ до свѣденія своего покровителя, великаго князя Константина Николаевича, и виѣстѣ съ тѣмъ сообщило о томъ-же почетному члену своему, министру путей сообщенія, К. Н. Посьету, то получило отвѣтныя телеграммы отъ великаго князя и отъ генералъ-адъютанта Посьета, изъ коихъ въ первой выражено было: „Весьма благодарю за депешу и желаю дальнѣйшаго развитія и распространенія этому полезному дѣлу, столь близкому моему сердцу“. Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго года открыто было отдѣленіе общества и въ Петербургѣ, гдѣ предсѣдателемъ отдѣленія избранъ былъ вице-адмиралъ Лисянскій.

Виѣстѣ съ тѣмъ росла и популярность общества, и, что особенно важно, въ той именно части русскаго населенія, для которой самое существованіе и задачи общества были вопросомъ, такъ-сказать, жизни и смерти. Мы говоримъ о томъ населеніи, которое кормится отъ моря, для котораго вода и лодка служатъ источникомъ существованія, а всѣ остальные промыслы немыслимы.

Все населеніе азовскаго поморья, какъ и другіе наши поморцы, питается моремъ: часть этого населенія живетъ рыбнымъ

промысловъ, часть—судовою работою или каботажемъ. Все это, большею частью, тотъ сѣрый людъ, который, по разнымъ экономическимъ условіямъ, переставъ питаться отъ земли, сохи или другого сподручнаго промысла, могъ-бы всю жизнь остаться безземельнымъ и бездомнымъ батракомъ, если-бы у него не было подъ рукою моря, которое кормило когда-то финикіянина и карфагенянина, а теперь кормитъ архангельскаго поморца, балтійскаго латыша, азовскаго хохла и казака и т. д. Но въ послѣднее время этотъ сѣрый людъ началъ замѣчать, что море стало отпускать ему скудную пищу, что прежніе заработки хохла и казака стала пожирать какая-то невѣдомая сила, что море меньше и меньше даетъ привычнымъ рукамъ работы, а голодному рту—корма. И сѣрый людъ началъ доискиваться, кто пожираетъ его заработокъ, кто отхватываетъ у него подъ носомъ большую часть куска, который онъ уже подносилъ ко рту. Оказалось, что эта невѣдомая сила, пожиравшая у сѣраго люда его заработокъ, была конкуренція капитала и знанія съ безденежемъ и невѣденіемъ. Въ высшей степени замѣчательно своею наивною, безискусственною простотою и дѣтскимъ невѣденіемъ заявленіе, съ которымъ болѣе двухсотъ представителей этого сѣраго при-азовскаго люда, собственно каботажники и шкипера, обратились въ общество содѣйствія русскому торговому мореходству, взывая о защитѣ своего безденежья и невѣденія отъ капитала и знанія. „Нѣсколько лѣтъ, говорятъ они въ своемъ заявленіи, покрывтомъ подписями болѣе чѣмъ двухсотъ рукъ, — нѣсколько лѣтъ существовалъ русскій каботажъ и увеличивался сообразно времени; въ настоящее-же время русскій шкиперъ Чернаго и Азовскаго морей охладѣлъ къ своему промыслу, такъ что нѣкоторые разобрали свои суда и построили домишки, ибо ничего болѣе не оставалось ожидать отъ каботажа. Все это случилось потому, что, по добротѣ своей, наши приморскіе попечители о судоходствѣ допустили негоціантамъ, имѣющимъ коммерческія конторы для отправки разнаго зерна въ Европу, имѣть свой громадный каботажъ, на которомъ и шкипера соотвѣтствуютъ національности; этимъ всю коммерцію по портамъ Чернаго и Азовскаго морей, рѣкъ Днѣпра и Дона забрали негоціанты въ свои руки, завладѣвъ нашими правами каботажнаго судоходства, и единственно потому у нашего русскаго шкипера въ дѣлѣ мореходства связаны

руки назадъ...“ Сѣрый людъ въ своемъ невѣденіи жалуется, слѣдовательно, на какихъ-то „приморскихъ попочителей“, которые дозволили капиталу дѣлать то, что, по мнѣнію сѣраго люда, капиталу дѣлать не слѣдовало-бы. „Причина нашего упадка, говорить далѣе заявленіе, — едва-ли извѣстна нашему правительству. Она, кажется, болѣе свѣдома намъ, какъ наружная, такъ и внутренняя язва нашего промысла, и едва-ли кому, кромя насъ, приходится проникать въ тайны ея происхожденія“. Затѣмъ въ заявленіи говорится: „Втеченія полувѣка промыселъ сей процвѣталъ и увеличивался, суда наши никогда не гуляли, постоянно нагружались казенными провіантами въ разныя крѣпости, а также разными купеческими товарами, подвозили пшеницу, сало, ячмень, шерсть, ленъ и пр. на европейскія суда, которыя по случаю мелководья не могли грузить у нашихъ пристаней; товары всегда доходили благополучно и никто изъ купцовъ не помышлялъ о злоумышленности шкипера. Но прошли златныя времена. Каботажъ съ своимъ богатствомъ промысла отнять у бѣднаго русскаго шкипера; сотни тысячъ народа, питавшагося отъ сего промысла, остались заброшенными и вытѣсненными иностранцами; съ сожалѣніемъ всѣ разстанутся съ привычкой своего родного промысла. Но что дѣлать! Нужно привыкать искать себѣ другой промыселъ. Найти другой промыселъ — это легко сказать, а на дѣлѣ очень трудно для насъ, прибрежныхъ жителей, которые мереходствомъ промышляютъ“. Такъ плачется сѣрый людъ, но это не тотъ сѣрый людъ, который кормится отъ сохи и бороны, который и плакать-то красиво не умѣетъ, которому никогда не написать такого жалостнаго прошенія; это плачется морякъ, современный финикіянинъ, который, благодаря этимъ-же притѣснителямъ-иностранцамъ, уже успѣлъ понюхать облюдоустрой цивилизаціи. „Но кто виновенъ всему этому? спрашиваютъ сами себя современные наши финикіяне.— Кто отпаялъ у насъ единственный промыселъ? Вотъ важный вопросъ!“ Да, вопросъ дѣйствительно важный, ибо отнять у сотенъ тысячъ мѣстныхъ жителей изъ рукъ насущный хлѣбъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у такого-же числа приходящаго люда, который питался этимъ промысломъ. „Въ наши порты вселились иноземцы, отвѣчаютъ азовскіе финикіяне,—такъ что мало-по-малу весь морской промыселъ, вмѣстѣ съ каботажемъ, перешелъ совершенно въ ихъ руки“.

Указывая затѣмъ на Одессу, гдѣ грузится, по словамъ заявленія, около шести миліоновъ четвертой разнаго хлѣба, наши бѣдныя финикіане жалуются, что теперь весь этотъ громадный грузъ захватили иностранцы, а русскому каботажу не даютъ ничего. „Это, говорятъ финикіане, — конкуренты съ разныхъ концовъ Европы, которые временно приписаны въ русское подданство, пока набьютъ себѣ карманы, а потомъ удеруть за-границу, какъ это было въ севастопольскую войну, или-же и безъ приписки въ наше подданство, сдѣлавъ баржи и пароходы на имя какого-нибудь негодіанта, приписаннаго въ русское подданство, временно пользуются его фирмою. Этотъ купецъ, который беретъ на себя званіе временнаго хозяина, избавляетъ этимъ своего соотечественника отъ частныхъ и казенныхъ расходовъ, потому какой онъ есть патріотъ русскому народу!“ То-же почти говорится въ заявленіи и о каботажномъ промыслѣ въ Керчи. „Сотни пришельцевъ-неаполитанцевъ пришли судами и отбили сей промыселъ, хотя и не приписываясь въ русское подданство по нежеланію. Наймутъ они какого-нибудь грека или итальянца, русскаго подданнаго, я, сдѣлавъ на его имя судовые документы, сами находятся на суднѣ въ качествѣ пассажира, и такъ работаютъ“. Въ Бердянскѣ — то-же: „Здѣсь отправщики-негодіанты имѣютъ каждый свои отвозныя суда; еще англійская компанія съ пароходами и баржами, на которыхъ поднять, также на чужое имя, русскій флагъ, документы-же судна передѣланы временно на какого-то одесскаго купца, приписаннаго въ наше подданство, дабы онымъ избѣгнуться отъ предусмотрительности нашей таможи“. Въ Маріуполѣ — опять то-же: „И здѣсь отказъ нашему каботажу: въ Маріуполѣ, какъ и вездѣ, конторы, занимающіяся отправкою хлѣба, всё принадлежатъ грекамъ, итальянцамъ, французамъ, славянамъ и др., которые имѣютъ свои каботажныя суда и на оныхъ находятся шкипера той-же національности, какъ и хозяинъ судна; а другіе не русскіе подданные дѣлаютъ судовые документы на имя какого-нибудь матроса, русскаго подданнаго, а самъ шкиперъ находится въ качествѣ пассажира въ судовыхъ документахъ. Нашей таможнѣ можно-бы предусмотрѣть, по какому случаю одинъ и тотъ-же пассажиръ развѣзжаетъ цѣлую навигацію все на однихъ и тѣхъ-же судахъ; но этого не бываетъ. Иногда даютъ работу и нашему каботажу, только такую, которая у нихъ своевременно

сквозь пальцы проскочить“. Въ Таганрогѣ та-же бѣда нашимъ финикіянамъ: „Здѣсь также отправщики хлѣба имѣютъ свои каботажныя суда, находящіяся подъ управленіемъ итальянцевъ, грековъ или славунговъ, не не русскихъ — Воже сохрани!“ Впрочемъ, здѣсь иногда бываетъ работа и русскому каботажу, особенно когда иностранцы не успѣваютъ управиться съ перевозкой; тогда спѣшать на выручку наши финикіяне. „Бывало, бѣдныя (говорить заявленіе) какъ услышатъ, что въ Таганрогѣ иностранцы не управляютъ, то спѣшаютъ туда со всѣхъ портовъ; но тутъ негоціанты пользуются случаемъ: вмѣсто 25 коп. за четверть предлагаютъ 10 коп. бѣдныя русскимъ шкиперамъ“.

Но особенно замѣчательны заключительныя слова заявленія нашихъ финикіянь. Въ этихъ словахъ такъ много поэзіи, такъ много чувства, но... это поэзія невѣденія, поэзія младенчества. Говоря о Ростовѣ на-Дону, что и тамъ повторяется то-же, что во всѣхъ прочихъ портахъ Азовскаго и Чернаго морей, финикіяне прибавляютъ, что „если въ Ростовѣ ихъ суда еще и находятъ работу, то благодаря лишь русскимъ купцамъ, которые уже изъ состраданія къ своимъ соотечественникамъ чаще грузятъ каботажныя суда русскихъ шкиперовъ. А если со временемъ и это отобьютъ у насъ негоціанты, то тогда прощайте наши бѣлые лебеди! ужъ болѣе съ распущенными парусами, подъ нашимъ роднымъ флагомъ, не будете плавать по Черному и Азовскому морямъ, а также по рѣкамъ Днѣпру и тихому Дону. Вмѣсто васъ, родные, будутъ плавать ложные сыны Россіи, у которыхъ съ презрѣніемъ будетъ поднято наше трехполосное знамя, столь драгоценное для русскаго народа! Итакъ, все русское, родное, мало-помалу исчезнетъ по портамъ Чернаго и Азовскаго морей, поналетаютъ изъ чужихъ земель разнаго рода коршуны“...

Развѣ это не поэзія? Но, повторяемъ, это поэзія младенчества, поэзія невѣденія, какъ ниже и будетъ показано. Какъ-бы то ни было, наши азовскіе финикіяне, выложивъ все свое горе передъ обществомъ содѣйствія русскому торговому мореходству, въ то-же время предлагаютъ и средство, которымъ можно было-бы осушить ихъ гражданскія слезы. Сказавъ, между прочимъ, что иностранныя суда, отбивъ заработокъ у русскаго каботажу, въ то-же время засариваютъ и безъ того мелководное Азовское море, каждый годъ выбрасывая въ него по нѣскольку миліоновъ пудовъ

баласта, финикіане для искорененія зла и поддержанія русскаго элемента на южныхъ моряхъ предлагаютъ составить въ каждомъ портѣ „свой національный судъ или управу“ изъ русскихъ шкиперовъ и судовладельцевъ, а равно учредить для цѣлей развитія русскаго каботажна каботажную вспомогательную кассу. Для этого къ заявленію своему они прилагаютъ и проектъ устава этихъ учрежденій.

Докладъ по этому заявленію при-азовскихъ моряковъ берутъ на себя двое изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ общества, А. и Н. Журавлевы, и, при всемъ искреннемъ сочувствіи, какое докладчики показываютъ къ дѣлу поддержанія на югѣ русскаго каботажна и русскаго мореходства, они разоблачаютъ всю легкость поэзіи и всю глубину невѣденія финикіанъ. Докладчики говорятъ, во-первыхъ, что упадка каботажнаго судоходства на Азовскомъ морѣ не замѣчается, а что если въ послѣдніе годы каботажъ вообще работалъ сравнительно менѣе, то это—вслѣдствіе мѣстныхъ неурожаевъ, вообще уменьшившихъ отпускъ зерновыхъ хлѣбовъ за-границу черезъ южные порты. Во-вторыхъ, докладчики утверждаютъ, что паровое судоходство на Азовскомъ морѣ еще слишкомъ слабо развито, чтобы могло служить опаснымъ соперникомъ для каботажна; что отпускъ нашихъ произведеній за-границу, съ проведеніемъ къ южнымъ портамъ желѣзныхъ дорогъ, ежегодно увеличивается, такъ-что въ свободныхъ каботажныхъ судахъ, которыя притомъ работаютъ медленно, часто оказывается даже недостатокъ; что, поэтому, нечего бояться усиленія пароводства, этихъ страшныхъ для нашихъ финикіанъ „коршуновъ“, такъ-какъ ихъ „бѣлые лебеди“ плаваютъ очень лѣнливо. Въ-третьихъ, по случаю жалобы финикіанъ на то, будто иностранцы, владѣя судами подъ русскимъ флагомъ, нарушаютъ тѣмъ международное право, докладчики уличаютъ жалобщиковъ въ невѣденіи русскихъ законовъ, въ невѣденіи торговаго устава, который такъ мало гармонируетъ съ поэзіею финикіанъ. Поэтому докладчики весьма деликатно замѣчаютъ, что нашимъ добрымъ финикіанамъ недостаточно быть поэтами въ душѣ и любить своихъ „бѣлыхъ лебедей“, а слѣдовало-бы научиться и моревѣденію, и законовѣденію, и судостроенію, такъ-какъ добрые, поэтическіе финикіане, не зная ничего, и суда свои строятъ небрежно, и съ компасомъ не умѣютъ управляться, и имени своего подписывать не умѣютъ, а

часто вмѣсто подписи ставятъ на накладныхъ какіе-то чернильные кружки и кресты, словно первые крестоносцы. Такимъ образомъ, докладчики сводятъ вопросъ къ тому, что опять-таки для русскаго моряка-мужичка, для нашихъ финикіянъ необходимы мореходныя школы, въ которыхъ-бы они научились и имя свое подписывать, и компасомъ управлять, и морскія карты разбирать, и съ иностранными „коршунами“ не только объясняться на ихъ птичьемъ языкѣ, но и побуждать ихъ своими широкими лебедьными крыльями. Винить нашихъ добрыхъ финикіянъ за то, что они неграмотны или малограмотны—это все равно, что винить финикійскихъ братьевъ-пахарей, зачѣмъ они ходятъ въ лаптяхъ, а не въ сапогахъ, зачѣмъ они иногда ѣдятъ мякину вмѣсто крупчатыхъ хлѣбовъ, зачѣмъ лучиною портятъ себѣ глаза, а не освѣщаютъ своихъ избъ, курныхъ-то, фотогеномъ и стеариномъ и т. д., и т. д., и т. д., до безконечности. Что-же касается до заявленія азовскихъ моряковъ относительно злоупотребленій неаполитанскихъ лодочниковъ, образовавшихъ въ Керчи особую колонію и занимающихся перегрузкою кораблей, а также воровствомъ зерноваго хлѣба, то докладчики находятъ это заявленіе основательнымъ, такъ-какъ неаполитанскіе судохозяева извѣстны во всей Европѣ своею недобросовѣстностью и потому корабли ихъ не принимаются на страхъ въ первоклассныхъ страховыхъ обществахъ Лондона. Равнымъ образомъ докладчики находятъ справедливыми жалобы на нарушеніе правилъ о выгрузкѣ баласта, „который, несмотря на запрещенія, огромными массами выбрасывается въ воду, способствуя тѣмъ обмеленію азовскихъ портовъ и дѣлая ихъ недоступными для судовъ. Хотя въ законѣ за самовольную выброску баласта въ неуказанное мѣсто и определено взыскаіііе отъ 100 до 300 руб., а равно тюремное заключеніе, однако законъ этотъ не достигаетъ цѣли, съ одной стороны, потому, что корабельщикамъ выгоднѣе заплатить штрафъ, чѣмъ выгружать баластъ, съ другой—потому, что всегда есть возможность подкупить надсмотрщиковъ, которые и за половину штрафной суммы готовы дозволить завалить все Азовское море баластомъ. Наконецъ, докладчики находятъ основательнымъ и самое предположеніе азовскихъ судохозяевъ относительно учрежденія, какъ они выражаются, „національнаго суда“ или морской управы, но только съ нѣкоторыми измѣненіями въ самомъ строѣ этого учрежденія.

Докладъ этотъ, препровожденный ко всѣмъ членамъ общества и къ лицамъ болѣе или менѣе компетентнымъ въ данномъ вопросѣ, надѣлалъ много шуму. Литература также приняла участіе въ преніяхъ и разъясненіяхъ деталей вопроса. Самое жесткое слово въ этомъ случаѣ азовскимъ финикіанамъ пришлось выслушать отъ г. Терентьева, извѣстнаго въ нашей литературѣ весьма дѣльной статью — „Торговая политика Англіи“, напечатанною въ 3 книгѣ „Вѣстника Европы“ за прошлый годъ. Жесткое слово, много жесткихъ словъ бросилъ г. Терентьевъ нашимъ финикіанамъ въ частномъ письмѣ, присланномъ имъ въ общество содѣйствія русскому торговому мореходству. Такъ-какъ письмо это неизвѣстно въ литературѣ, ибо попало только въ докладъ гг. Журавлевыхъ, то мы и позволяемъ себѣ сдѣлать изъ него нѣкоторыя извлеченія, тѣмъ болѣе, что они весьма ярко освѣщаютъ данный вопросъ, ставшій теперь вопросомъ дня для русскаго народа, съ каждымъ годомъ все глубже и глубже падающаго экономически, падающаго въ тотъ глубокой, невылазній оврагъ, который можно назвать по-восточному оврагомъ недоимки, и падающаго потому собственно, что зарабатываемыя имъ потомъ и кровью копейки падаютъ изъ его дырявой мошны въ англійскіе и нѣмецкіе банкирскіе сундуки, въ видѣ безчисленныхъ нашихъ приплатъ Европѣ на курсѣ, на торговомъ балансѣ, на немѣннѣи торговаго флота, на акціонерныхъ и страховыхъ обществахъ, на всевозможныхъ банкахъ, наконецъ на нашемъ глубокомъ невѣжествѣ.

„Шкипера и судохозяева, говорить, между прочимъ, г. Терентьевъ, — вопять о томъ, что для нихъ насталъ часъ рокового вопроса: быть или не быть?

„Но если-бы мы захотѣли не ограничиться одними паліативами, способными поддержать на-время потухающую жизнь устарѣвшаго предпріятія, если-бы мы повели рѣчь о *дальнѣйшемъ развитіи*, о *преуспѣяніи* дѣла, то, конечно, послѣ пришлось-бы придумать и другія мѣры.

„Если старій организмъ не хочетъ рухнуть, онъ долженъ возродиться. Разныя подпорки въ видѣ ссудныхъ кассъ и тому подобнаго — поддержать не надолго.

„Азовскіе или, точнѣе, ростовскіе судохозяева и шкипера въ заявленіи своемъ горько жалуются на упадокъ своего ремесла, на

охлажденіе къ нему самихъ судохозяевъ, предпочитающихъ уже „разбирать свои суда, чтобы строить домишки“.

„Кто виновенъ всему этому? Кто отнял у нихъ единственный промыселъ“? спрашиваютъ сами себя донскіе казаки-мореплаватели и ростовскіе мѣщане.

„Отвѣтъ у нихъ давно готовъ: виноваты иноземцы...“

„Иноземцы вселились въ наши порта, составили компаніи, накупили баржъ и пароходовъ, выправили судовые документы на имя разныхъ временныхъ русскихъ подданныхъ или плохихъ патриотовъ, и такимъ образомъ не только забрали въ свои руки дальнія отправки, но захватили и каботажъ.“

„Французы, итальянцы, греки, „пришлецы изъ Дуная“, плуты неаполитанцы и даже какіе-то славунны — все это неодолимые конкуренты донскому казаку.“

„Даже и на судахъ русскихъ купцовъ, ведущихъ заграничную торговлю хлѣбомъ, шкиперами служатъ не наши казаки и мѣщане, а эти „пришлецы“.“

„Итакъ, мы знаемъ теперь, „кто виновенъ этому“.“

„Но вѣдь это, что называется, „съ больной головы да на здоровую“!“

„Виноваты не иноземцы, а сами русскіе. — Представимъ себѣ, что всѣ грузоотправители согласились (положимъ, хоть изъ патриотизма) ввѣрить свои грузы русскимъ шкиперамъ: и вотъ наши „бѣлые лебеди“, распустивъ паруса и гордо поднявъ нашъ родной флагъ, величаво и стройно двинулись въ путь...“

„Русскій шкиперъ изъ Ростова идетъ „на-глазъ“, пренебрегая такими хитростями, какъ компасъ... Въ попутныхъ портахъ онъ объясняется съ чужестранцами на международномъ языкѣ — знаками, такъ-какъ изустно умѣетъ объясняться только на російскомъ діалектѣ... Сдать по адресу грузъ, выполнить всю процедуру съ иностранными таможенными и выправить документы ему не хитро, такъ-какъ онъ всюду ставитъ свои два креста, прекрасно замѣняющіе подпись...“

„Но вѣдь такъ плавали еще финикіане, такъ плаваютъ и теперь... алеуты и отамтяне!“

„Не представляется-ли нашъ російскій шкиперъ первообразомъ мореплавателя съ его посудинной, которую онъ любовно зо-

ветъ „бѣлыми лебедями“ и которая въ сущности есть только археологическая рѣдкость, доставшаяся отъ праѣда финикійца?

„Смѣшно было-бы доказывать теперь кому-нибудь преимущества парового двигателя передъ парусомъ и компаса передъ глазоѣромъ, а между тѣмъ на эти доказательства сами напрашиваются ростовскіе мореплаватели!“

Далѣе авторъ говоритъ, какъ ростовскіе финикійяне прощаются съ „бѣлыми лебедями“, какъ налетаютъ на русскія моря „коршунны“ пароходы.

„Эта іереміада, продолжаетъ авторъ, — іереміада о послѣднихъ дняхъ паруса, этотъ скрежетъ зубовъ по поводу конкуренціи пара — нисколько меня не трогаютъ.“

„Еще громче стонали ямщики, когда строилась николаевская желѣзная дорога, мало того — они нападали на рабочихъ, портили дорогу, а вѣдь никому и въ голову не приходило поддерживать ихъ, хотя-бы какъ историческое воспоминаніе или изъ патріотизма!“

„Дѣло весьма простое: никакой карманъ не выдержитъ такой поддержки.“

„То-же самое и здѣсь: парусъ долженъ уступить пару, и поддерживать во что-бы то ни стало „бѣлаго лебедя“ — затѣя странная и убыточная.“

„Этотъ лебедь и въ Ростовѣ-то держится только *состраданіемъ* патріотовъ, для которыхъ, какъ видно, время еще не деньги, а срокъ — дѣло домашнее.“

Зло достается отъ немилостиваго автора и „златымъ временамъ“, о которыхъ говорятъ финикійяне, вспоминая казенныя поставки провіанта: и тогда, признаются финикійяне, отъ разныхъ „прицѣповъ“ чиновниковъ „подчасъ и судна не хватало для отвѣтственности“, за то иные крѣпко наживались.

„Итакъ, продолжаетъ немилостивый бичъ финикійянтъ, — даже и въ „златыя времена“ зарабатывали далеко не всѣ, а многіе изъ экспедиціи возвращались ни съ чѣмъ, точно прогорѣвшій чумаекъ; но чумаку при „пезадачѣ“ хоть кнутикъ оставался, а шкиперъ и этого утѣшенія не могъ унести домой!“

„Теперь казенная перевозка отдана русскому обществу пароходства и торговли и г-ну Посохову — это первые черныя коршунны, всполохнувшіе стаю бѣлыхъ лебедей!“

„Кто-же виновенъ всему этому“? повторимъ и мы роковой вопросъ.

— Виноваты сами ростовскіе лебеди.

„Кто имъ не велитъ и самимъ составить компанію, закупить парокордвъ, баржъ и научиться хоть россійской грамотѣ?“

„Бороться съ конкуренціей можно только при равныхъ силахъ, да еще развѣ при содѣйствіи самаго яраго покровительства, граничащаго съ запретомъ.

„Азовское и Черное моря должны быть извѣстны нашимъ шкиперамъ какъ свои пять пальцевъ; если эти шкипера ни въ чемъ другомъ не будутъ уступать иностранцамъ (то-есть будутъ имѣть парокорды, будутъ грамотны и знающы), то, конечно, всякій предпочтетъ нашего изъ-за одного ужъ знакомства его съ моремъ.

„Изъ этого вытекаетъ самъ собою тотъ выводъ, что если нашихъ шкиперовъ обѣгаютъ даже русскіе отправители и предпочитаютъ брать на свои суда грековъ, итальянцевъ и т. д., то, конечно, потому, что эти греки, итальянцы и т. д.—лучше“.

Наконецъ г. Терентьевъ разбиваетъ мечту нашихъ добрыхъ финикіянъ и относительно своего „національнаго суда“ надъ морьяками, относительно морской управы, относительно вспомогагельной кассы.

„Но достаточно-ли, спрашиваетъ онъ,—одной управы и кассы, чтобы „златне дни“ воротились?“

„Можетъ-ли управа заставитъ отправителей брать только русскыхъ шкиперовъ?“

— Нѣтъ и нѣтъ!

„Не должно забывать, что всякое стѣсненіе вывоза отражается на его количествѣ, а разъ что наши шкипера съ ихъ бѣлыми черепаками признаны несоотвѣтствующими современнымъ требованіямъ, то навязывать ихъ во что-бы то ни стало—будетъ, конечно, насиліемъ.

„Единственное средство помочь дѣлу—это организовать „азовскую артель“, извести бѣлыхъ черепахъ и замѣнить ихъ черными коршунами. Тогда и безъ притѣсненій иностранный каботажд перестанетъ заглядывать въ Азовское море.

„Понятно, изъ-за чего нынѣшніе шкипера такъ упорно держатся за свои посудины: во-первыхъ, паровую соорудитъ одинъ не въ силахъ, а во-вторыхъ, владѣть парусами — дѣло привычное, а съ паромъ и невдомекъ.

„На первое скажу: *сложись*.”

„А на второе: *учись*.”

„Вотъ и вся разгадка: сложись въ артель и подьчись. Для шенпера „дальняго плаванія“ необходимъ, конечно, и тотъ иностранный языкъ, какой употребителенъ въ конечномъ пунктѣ его плаванія, а еще лучше—и языкъ промежуточныхъ портовъ.”

„При соблюденіи всѣхъ этихъ условій за будущность русскаго каботажна въ Азовскомъ морѣ и даже за будущность нашего торговаго мореходства вообще опасаться будетъ нечего”.

Г. Терентьевъ не остановился на этомъ безжалостномъ избіеніи финикіянь и сокрушеніи ихъ „національнаго суда“, а перенесъ войну на публицистическое поле, гдѣ въ разныхъ органахъ завязалась довольно жаркая перестрѣлка: одни продолжали стрѣлять въ финикіянь и въ „бѣлыхъ лебедей“, другіе—въ черныхъ „коршуновъ“. Сами финикіяне не могли остаться равнодушными зрителями того, что говорилось и писалось во всѣхъ концахъ русской земли по поводу ихъ поэтическаго воззванія къ патриотизму, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ „бѣлыхъ лебедей“, повидимому, стояли нѣкоторые органы русской печати, какъ, напр., „Голосъ“ и „Кавказъ“. Послѣдній признавалъ утѣшительнымъ явленіемъ чуть-ли даже не безграмотность добрыхъ финикіянь, высоко ставя „безыскусственность“ и „теплоту изложенія“ ихъ протеста противъ пара и компаса и называя этотъ протестъ фактомъ „въ высшей степени утѣшительнымъ“.—„Изъ безыскусственнаго, но тѣмъ не менѣе теплаго изложенія заявленія, изъ подписей подъ нимъ и вообще изъ многихъ другихъ данныхъ видно (говоритъ эта газета), что заявленіе составлено корпораціею лицъ недостаточно образованныхъ и развитыхъ, чтобы свои нужды и желанія изложить въ красивой формѣ, и вотъ этотъ-то фактъ и кажется намъ особенно утѣшительнымъ“ (намъ, напротивъ, онъ кажется особенно грустнымъ, что мы и постараемся доказать впоследствии). „Корпорація неразвитыхъ людей (продолжаетъ та-же газета) является на сцену съ осмысленнымъ протестомъ противъ настоящаго положенія мѣстнаго русскаго каботажна, съ осмысленнымъ желаніемъ выйти изъ этого положенія, улучшить его и, путемъ ассоціаціи и извѣстныхъ денежныхъ средствъ, обезпечить дѣлу нашего каботажна будущность и тѣмъ облегчить или, такъ-сказать, раздѣлить съ правительствомъ труды и издержки по развитію мо-

реходства въ Россіи. Въ этомъ голосѣ, въ этомъ протестѣ противъ настоящаго видны богатые задатки будущаго“. Ясно, что воинственный „Кавказъ“ смотритъ на дѣло съ финикійской точки зрѣнія. Во всякомъ „протестѣ противъ настоящаго“ почти обыкновенно звучитъ надтреснувшій старческій голосъ, ибо большею частью настоящимъ бывають недовольны отживающія, затираемыя настоящимъ и забываемыя имъ силы. Если вы слышите голоса: „ахъ, какое нынче время! что за порядки! какая нынче молодежь! въ наше время лучше было“, и если не видите, кто говоритъ, то, навѣрное, по смыслу протестовъ, по слабости голосовыхъ органовъ и по беззубому шамканію протестующихъ вы непременно угадаете, что это кричатъ униженные и оскорбленные, обойденные временемъ, затираемые молодостью. Кто разъ закричалъ или со вздохомъ сказалъ: „ахъ, какое время!“ — тотъ уже не молодежь, тотъ уже отжилъ пору вѣры въ свои силы и въ силу будущаго. Въ то время, когда Цицеронъ въ своей бессмертной рѣчи противъ Катилины выкрикнулъ знаменитыя, потрясшія сенатъ слова: *o tempora! o mores!* — великій ораторъ древности былъ уже старъ, а иначе-бы онъ не сказалъ, оглядываясь на прошедшее, какъ на „златныя времена“, и съ ужасомъ указывая на настоящее: „о, какое ужасное время!“ Въ рѣчи Цицерона такъ и слышится финикійскій плачь: „прощайте, бѣлые лебеди, златныя времена! на священный Римъ поналетѣли черные коршуны — эти Катилины...“ Въ такомъ смыслѣ мы понимаемъ протестъ азовскихъ судовладельцевъ и шкиперовъ противъ пара и компаса; всего менѣе въ этомъ плачѣ о „бѣлыхъ лебедяхъ“ можно видѣть богатые задатки будущаго. Мы понимаемъ ихъ протестъ дѣйствительно какъ протестъ униженныхъ, оскорбленныхъ, затираемыхъ, отгоняемыхъ отъ ихъ привычнаго и наследственнаго промысла. Это бѣдные, забывавшіеся люди, которые пока несли кусокъ ко рту, не замѣтили, какъ протянулась болѣе сильная и цѣпкая рука и отвела этотъ кусокъ отъ ихъ рта въ своему рту. Эти бѣдные, забывавшіеся финикияне достойны всякаго сожалѣнія; но въ ихъ горѣ имъ помочь нечѣмъ, потому что воротить „златныя времена“ нельзя — время никогда не возвращается, а всего менѣе старыя времена могутъ побѣдить новыя, особенно когда въ союзъ съ послѣдними являются знанія и капиталъ. Правда, г. Айвазовъ, „маріупольскій житель и судовладелецъ“, одинъ изъ

первыхъ финикіянъ, подписавшихъ заявленіе, о которомъ идетъ рѣчь, отвѣчая на докладъ г. Журавлевыхъ, отрицаетъ всякія морскія познанія въ иностранныхъ шкиперахъ; онъ утверждаетъ, что иностранные шкипера, плавающіе у нихъ на работанныхъ судахъ, не то чтобы обладали морскими познаніями дальняго плаванія, по обыкновенно они почти всё народъ безграмотный, *изъ разныхъ дикихъ мѣстъ острововъ (?)*, люди безъ всякаго образованія“; при всемъ томъ это завѣреніе г. Айвазова едва-ли справедливо во всѣхъ отношеніяхъ, потому что эти дикіе островитяне, какъ ихъ называетъ г. Айвазовъ, въ своихъ плаваніяхъ руководствуются такими указаніями, какъ указанія компаса, а наши финикіяне, донскіе казаки, ростовскіе мѣщане и другіе потомки запорожскихъ казаковъ, въ своихъ плаваніяхъ по Черному и Азовскому морямъ руководствуются тѣмъ-же, чѣмъ руководствовались ихъ предки-запорожцы, когда на своихъ казачьихъ „човнахъ“, „чайкахъ“ и „байдангахъ“ выѣзжали въ море громить турецкія галеры и даже окуривать мушкетнымъ дымомъ стѣны Цареграда, т. е. когда ночью терялись въ морѣ безъ компаса, то глядя на небо, если оно было ясно, замѣчали, въ какомъ положеніи находились звѣзды, и говорили: „отъ дивиться, братьці запорозці, Візъ уже стоитъ до гори ногами — pewno теперь північъ (т. е. Большая Медвѣдица повернулась такъ-то, значитъ — полночь); или: „волаажари (плеяды) вже геть-геть піднялись“; или: „чапіча намъ у потилицю дивитьця — треба човни назадъ повертати“ и т. д. Эти потомки запорожцевъ и теперь вмѣсто барометра въ опредѣленіи погоды руководствуются тѣмъ, что, глядя на югъ, замѣчаютъ, каковъ цвѣтъ облаковъ при заходженіи солнца, и если цвѣтъ имѣетъ извѣстный оттѣнокъ, то говорятъ: „чорноморці бриються“, и на этомъ-то шаткомъ основаніи — „бріються“ или не „бріються черноморці“ — дѣлаютъ свои рѣшенія, т. е. готовятся въ путь или ждутъ, пока черноморцы не побріються. Ясно, когда предстоитъ срочная отправка грузовъ, а черноморцы на небѣ не успѣютъ избрать своихъ подбородковъ, то грузы должны стоять, „бѣлые лебеди“ прокладаются, а вмѣсто нихъ налетаютъ черныя коршуны и перехватываютъ грузы подъ носомъ у лебедей. Потомки запорожцевъ-финикіянъ, подписавшіе заявленіе, увѣряютъ, что такъ и должно быть и что никакихъ компасовъ и другихъ хитростей

имѣть не слѣдуетъ. Такъ, когда докладъ гг. Журавлевыхъ былъ разосланъ во все мѣста для сдѣланія по нему замѣчаній и дополненій, нѣсколько человекъ изъ подписавшихъ заявленіе прислали въ общество свои возраженія (это — Косьяненко, Черненко, Нецвѣтайленко и др.), въ которыхъ прямо говорятъ, что въ ихъ плаваніяхъ до Таганрога „компасъ имъ безъ надобности“, т. е. вовсе не нуженъ, а для плаванья по Дону финикіянамъ „нужно знать только фарватеръ Дона—вотъ ихъ и опытность!“

Впрочемъ, говоря вообще, возраженія нашихъ финикіянгъ на докладъ гг. Журавлевыхъ представляютъ до извѣстной степени самостоятельный интересъ по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу. Въ возраженіяхъ своихъ они продолжаютъ настаивать, что пароходы отбиваютъ у нихъ хлѣбъ и что жалкому каботажу бороться съ ними невозможно. Для этой борьбы и для народнаго торговаго флота нужны, какъ они выражаются, „сумма и сумма“. Чтобы получить эту сумму, они не перестаютъ просить о предоставленіи имъ $\frac{1}{4}\%$ сбора съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ, говоря не безъ горькой ироніи, что „деньги эти будутъ платить иностранныя конторы, которыя, благодаря простотѣ русскаго народа, обогатились въ Россіи торговлей прежнихъ временъ“, и что „теперь ихъ очередь платить и поддерживать насъ“. Законность своего требованія они подкрѣпляютъ указаніемъ на то, что вѣдь правительство дозволило-же русскому обществу пароходства и торговли установить помилбную плату для составленія запаснаго капитала и для дивиденда; а если это было возможно, говорятъ они, „то и мы просимъ, но не для дивиденда, а какъ помощь для поддержанія павшаго каботажа и для развитія русскаго торговаго флота“; тѣмъ помогаетъ казна, говорятъ они, а „мы находимъ источникъ въ комерціи“. Они утверждаютъ, что эта помощь дастъ имъ силу совершать далекія плаванія—не только въ Европу, но черезъ Суэзь въ Китай и Индію. Какъ финикіяне умѣли плавать въ своемъ первомъ заявленіи, такъ они умѣютъ требовать въ этомъ второмъ. „Въ то время, говорятъ они,—когда просили правительство объ утвержденіи сбора въ пользу герлового комитета, было также много возраженій; дѣйствія этого комитета успѣли принести свою долю пользы торговлѣ и правительству; теперь-же онъ спитъ, потому что его избираетъ комерческій совѣтъ, а не судо-

ховяева“. По отношенію къ тому мнѣнію доклада, гдѣ говорится, что для улучшенія русскаго каботажна, который не страшился-бы иностранной конкуренціи, необходимо поднять уровень образованія нашихъ мореходцевъ, современные финикіяне-запорожцы не отрицають пользы и необходимости образованія, „но, прибавляютъ,—только въ такомъ случаѣ, если утвердится нашъ проектъ, а то, явучивши теорію, придется ожидать неопредѣленной судьбы“. Вотъ тебѣ и на! Такого скептическаго отношенія къ наукѣ мы не ожидали даже и отъ истаго запорожца Нецвѣтѣйленка, подписавшагося подъ протестомъ своею „власною рукою“.

Было-бы въ высшей степени утомительно слѣдить за всѣми мелкими деталями преній, какія возбудилъ въ литературѣ вопросъ объ упадкѣ русскаго каботажна и о созданіи тѣмъ или другимъ путемъ русскаго торговаго флота. Изъ всѣхъ голосовъ, какіе раздавались въ пользу того или другого выхода нашего мореходства изъ его настоящаго печальнаго положенія, отчетливѣе всѣхъ выдавались, такъ-сказать, плаксивые голоса о томъ, что насъ, русскихъ, въ нашей землѣ притѣсняютъ иностранцы, и не то, чтобы могущественные сыны Альбіона или тѣ сыны и внуки битыхъ Наполеономъ І нѣмцевъ, которые побили Наполеона ІІІ, а какіе-то „славуны“, „пришельцы съ Дуная“ да „народъ безграмотный изъ разныхъ дикихъ мѣстъ и острововъ“, да греки, да, наконецъ, итальянцы. Газета „Кавказъ“ приводитъ жалобы русскихъ моряковъ, что иностранцы на корабляхъ своихъ обманомъ „выкидываютъ русскій флагъ и загребаютъ деньги, отбивая каботажъ у коренныхъ русскихъ“. Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ жалуются: „Въ портахъ одесскаго залива это ухищреніе примѣняется въ большихъ размѣрахъ, и вообще тамошнее каботажное судоходство съ его морскимъ населеніемъ въ послѣднее время поставлено въ исключительное, бѣдственное положеніе. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Восемьдесятъ русскихъ моряковъ съ семействами (болѣе 250 душъ) десятый мѣсяцъ хлопочуть о *равноправной* работѣ по укладкѣ грузовъ въ судахъ въ одесскомъ карантинномъ портѣ и не могутъ этого добиться. Между тѣмъ три-четыре иностранца составили монопольное товарищество для выгрузки и перегрузки судовъ и не допускають къ этому дѣлу русскихъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ семействъ послѣднихъ буквально голодаютъ. А между тѣмъ

приближается зима (это писано осенью прошлаго года), когда положеніе этихъ русскихъ моряковъ, состоящихъ изъ севастопольцевъ, отставныхъ военнаго флота, цеховыхъ и мѣщанъ, можетъ сдѣлаться еще затруднительнѣе“. Тамъ-же, въ корреспонденціи изъ Бердянска, жалуются, что тѣ-же иностранцы продолжаютъ самымъ нахальнымъ образомъ заваливать море баластомъ и русскіе не могутъ отстоять своего моря отъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ сотенъ тѣхъ-же дикихъ островитянъ и ужасныхъ „славяновъ“. Впрочемъ, бердянскій корреспондентъ предлагаетъ для этого самую остроумную мѣру—подкупить этихъ пришельцевъ, чтобы они не засорили нашего моря, а еще спасли насъ отъ нашей собственной непролазной грязи. „Дѣло въ томъ, говоритъ корреспондентъ, — что грязь и лужи на улицахъ и площадяхъ Бердянска пользуются всеобщей извѣстностью и привозимый на судахъ баластъ представляется наилучшимъ матеріаломъ для сыпки выбоинъ. Городу стоитъ только объявить, что онъ покупаетъ этотъ баластъ, и судовладельцы, конечно, предпочтутъ его продать за весьма недорогую цѣну, лишь-бы объявленная городомъ цѣна немногимъ превышала стоимость выгрузки. Баластомъ этимъ можно было-бы совершенно уничтожить существующую теперь непролазную грязь и цѣлыя озера въ самомъ центрѣ города“.

Не можемъ обойти молчаніемъ еще нѣсколько указаній, подтверждающихъ невѣроятное, повидимому, экономическое или, пожалуй, политическое уродство—забданіе русскихъ у себя дома иностранцами, т. е. кусанье хозяина на своей печкѣ чужими собаками. Г. Гавришевъ, командиръ парохода „Керчь“, положительно утверждаетъ, что прошедшею осенью въ Бердянскѣ онъ самъ былъ очевидцемъ, что когда къ этому городу приплыли русскія суда изъ Херсона и Таганрога съ грузами лѣса и другихъ товаровъ, въ то самое время, какъ тамъ шла горячая отправка зерна на рейдъ, и когда русскія суда для перевозки этого зерна заручились условіями съ отправителями, иностранные шкипера рѣшительно не допустили ихъ къ пристани и русскіе „принуждены были возвратиться съ пустыми судами во-своихъ“. Въ Керчи еще хуже: тамъ неаполитанцы и греки-каботажники знать не хотятъ русскихъ законовъ и не довольствуются однимъ давленіемъ русскаго каботажа, но и открыто „занимаются пиратствомъ“, точно

алжирскіе и тунисскіе пираты въ былыя времена. И замѣчательно, что все это совершается гостями въ русской землѣ, подъ прикрытіемъ русскаго-же флага. Въ виду этихъ экономическихъ и политическихъ безобразій, гг. Журавлевы во второмъ своемъ докладѣ обществу (въ мартѣ настоящаго года) говорятъ: „Таковой вопросъ, какъ охраненіе правъ русскаго флага,—вопросъ національный, на который должно быть обращено всеобщее вниманіе, и ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ обсуждаться только въ отношеніи къ Азовскому морю, а вообще ко всѣмъ русскимъ морямъ“... Они указываютъ въ этомъ случаѣ на Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты и на государства западной Европы, которые ревниво охраняютъ свой флагъ; Англія даже за всякое противозаконное присвоеніе чужими судами ея флага конфискуетъ эти суда и продаетъ съ аукціона.

Итакъ, что-же мы видимъ и слышимъ со всѣхъ сторонъ? Притѣсненіе... злоупотребленіе... невѣжество и непониманіе своихъ собственныхъ польвъ... жалобы на какую-то невѣдомую силу, на какое-то „ананка“, будто-бы насъ давящее и разоряющее... безсиліе общества... завѣдомое всѣмъ засореніе нашихъ морей... циническое потворство злоупотребленіямъ со стороны тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено наблюденіе за педопущеніемъ именно этихъ злоупотребленій... греки, неаполитанцы, славуны—все это стало силою, тѣми страшными зайцами, которые разъ ночью напали на чумацкій таборъ и, выхвативъ изъ рукъ оторопѣвшихъ чумаковъ ложки, которыми они хлебали свой вкусный съ саломъ кулишъ, начали преспокойно ужинать вмѣсто чумаковъ... „Да какъ-же они, вражьи дѣти, эти зайцы, держали ложки, когда у нихъ рукъ нѣтъ?“ спрашивали потомъ чумаковъ.— „Эге! отвѣчали чумаки,—мы такъ перелякались, що и очи заплющили“...

Такъ и мы всѣ со страху „очи заплющили“, когда на насъ напали греки, неаполитанцы и славуны.

Дѣйствительно, во всемъ, что мы видимъ и слышимъ, есть что-то комическое, напоминающее рассказъ о чумакахъ.

Вотъ какая картина представляется нашимъ глазамъ. Богатый поморскій югъ Россіи, на который исторія въ правѣ была возлагать широкія надежды, не обмануль этихъ ожиданій исторіи. Втеченіи съ небольшимъ одного полустолѣтія экономическія силы на югъ Россіи забили живымъ ключемъ. Европа угадала эти

силы и потянулась къ нимъ какъ желѣзо къ магниту. Все наше южное поморье стало европейскою факторіею, на территоріи которой зоркій европейскій глазъ отмѣтилъ самыя сподручныя мѣста для открытія на русскомъ тѣлѣ экономическихъ фонтанелей, черезъ которыя вытягивались-бы въ Европу излишніе экономическіе соки изъ громаднаго русскаго тѣла, повидимому ожирѣвшаго въ нижнихъ своихъ оконечностяхъ. Мѣста для экономическихъ фонтанелей были избраны европейскими врачами-экономистами въ Одессѣ, Керчи, Мариуполѣ, Бердянскѣ, Таганрогѣ, Ейскѣ, Ростовѣ. Излишнихъ соковъ въ ожирѣвшемъ тѣлѣ, повидимому, оказалось такъ много, что Европа за эти для насъ излишніе, а для нея питательные соки стала приплачивать намъ ежегодно до 50 и болѣе миліоновъ. Мы сказали „повидимому“ потому, что этихъ соковъ было въ сущности не такъ много, какъ казалось, по крайней мѣрѣ не до излишества. При всемъ томъ черезъ южныя моря Россія ежегодно извергала въ Европу болѣе чѣмъ на сто миліоновъ излишковъ своихъ продуктовъ, и если гдѣ Европа приплачивала намъ за переборъ нашихъ товаровъ и за недовозъ къ намъ своихъ, такъ это только на нашихъ южныхъ рынкахъ. Пункты, гдѣ открыты были фонтанели, стали самыми крупными торговыми центрами. Тутъ находили обогащеніе не только европейскіе врачи-негоціанты, поддерживавшіе своимъ экономическимъ искусствомъ и капиталомъ наши южныя фонтанели, но и наши русскіе фельдшера-негоціанты, комисіонеры, оптовые поставщики продуктовъ; жилились отъ здороваго и богатаго пациента ухаживавшія около фонтанелей всякія русскія, греческія, еврейскія и славянскія сидѣлки въ видѣ агентовъ, маклеровъ, страховщиковъ, цѣновщиковъ, ростовщиковъ и проч.; не уходили отъ фонтанелей безъ солидной наживы и нѣмецкія сестры милосердія; около пациента находили работу и поживу бывшіе запорожскіе казаки, нынѣ моряки-финикіане съ своими „бѣлыми лебедями“, выродившимися изъ казацкихъ черноморскихъ „чаекъ“; находилъ тутъ работу и черный людъ въ видѣ чумаковъ, дрягилей, подсыпщиковъ, вѣяльщиковъ, бабъ-мѣшечницъ и т. д. Все это, и крупное, и мелкое, и богатое, и бѣдное, въ этой счастливой полосѣ Россіи быстро обрастало пухомъ или шерстью, быстро „нагуливало жиръ“, подобно черкасскимъ воламъ на хорошемъ подножномъ корму, по крайней мѣрѣ несравненно бы-

стрѣе, чѣмъ нагуливали скудный жирокъ лапти, ходившіе за сохою, спины, гнувшіяся въ знойномъ полѣ съ серпомъ и косою. Лапти, уже тысячу лѣтъ ходящіе за сохою, и спины, тоже тысячу лѣтъ гнушіяся подъ знойнымъ солнцемъ и серпомъ срѣзываютшія золото для европейскихъ врачей-негоціантовъ и русскихъ фельдшеровъ-оптовщиковъ,—эти лапти живутъ въ соломенныхъ избушкахъ, построенныхъ изъ обросковъ золота, вывозимаго въ Европу, спятъ на соломѣ, а сапоги, трущіеся около пациента съ фонтанелями, простые казацкіе чоботы или мѣщанскіе „чиріки“ въ какіе-нибудь десятки лѣтъ понастроили себѣ каменныхъ палатъ, спятъ на пуховикахъ и даже на замгѣ съ пружинами, ѣдятъ уже даже не кулишъ съ саломъ и не борщъ съ куркою, а нерѣдко трюфели, устрицы, фазановъ, и заливаютъ все это тонкими французскими винами, тогда-какъ лапти продолжаютъ запивать свое горе „спотыкачемъ“, у кого еще есть обо что спотываться.

Но европейскіе врачи не остановились на экономическихъ фонтанеляхъ. Для нихъ этого было мало; тяга соковъ, была, по ихъ мнѣнію, недостаточно сильна. Тогда они припускаютъ къ нашему тѣлу пивокъ, которія сосали-бы уже и чистую кровь. Мало того, на нѣкоторыхъ оконечностяхъ тѣла они просто ланцетомъ пускаютъ кровь, отрывая артеріи и вены у своего пациента. Ослабленный потерей крови, пациентъ дѣйствительно начинаетъ захваривать (да не забываетъ читатель, что мы говоримъ иносказательно, языкомъ ветхозавѣтныхъ поэтовъ, и потому заболѣванье нашего экономического организма надо понимать въ смыслѣ иносказанія, какъ заболѣваніе экономическое, всѣми признанное). Признаки захвариванья слѣдующіе: на нынѣшнихъ южныхъ моряхъ является иносемный каботажъ, который тревожитъ сонъ больного, и больной не въ силахъ оттолкнуть его своею громадною, повидимому могучею ногою, которую иносемные врачи и хирурги начинаютъ уже считать „глиняною ногою“, со словъ какого-то европейскаго зубоскала: „глинянымъ ногамъ-де не больно, если ихъ и ампутировать у соннаго сѣвернаго колосса“, какъ это они было и сдѣлали въ 1856 году на парижскомъ консилиумѣ, ограничивъ права гиганта ходить глиняными ногами и имѣть на Черномъ морѣ свой флотъ; далѣе—изъ ослабѣвшихъ рукъ больного вываливается то-и-дѣло его торговый

національный флагъ, какъ увѣряютъ многіе доклады высочайше утвержденнаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, и флагъ этотъ подхватываютъ разные шатающіе греки, неаполитанскіе пираты, какіе-то выкидыши изъ славянскихъ братьевъ— „славуны“, словно-бы нашъ торговый флагъ, былъ тою ложкою, которую выхватили злые зайцы у оторопѣвшихъ чумаковъ (какъ-бы то ни было, а вашу все-таки ѣдятъ зайцы, а не чумаки, которые ее варили было для себя; еще далѣе—гигантъ, т. е. „сѣверный колоссъ“, ослабѣвшій отъ экономическихъ фонтанелей и потери крови, дремлетъ и не чувствуетъ, какъ на его глиняныя ноги наваливаютъ баласть—засоряютъ его моря, портятъ гавани, какъ это тоже подтверждаютъ доклады общества содѣйствія русскому торговому мореходству; еще, наконецъ, далѣе—у дремлющаго „сѣвернаго колосса“ начинаютъ снимать сапоги, точно у пьянаго запорожца, уснувшаго на дорогѣ,—и дѣйствительно, у современныхъ запорожцевъ, у нашихъ каботажниковъ, уже снимаютъ сапоги разные славуны, не позволяя имъ зарабатывать хлѣбъ на своихъ моряхъ и въ своихъ портахъ, и вмѣсто сапоговъ напяливаютъ на нихъ наши историческіе лапти.

Смѣшно? Дѣйствительно—

Все это было-бы смѣшно,

Когда-бы не было такъ... ужъ слишкомъ не умно.

Нельзя не отнестись съ глубокой благодарностью къ обществу содѣйствія русскому торговому мореходству, которое втеченіи своего кратковременнаго существованія уже успѣло ясно освѣтить своимъ народно-экономическимъ рефракторомъ наиболѣе язвенныя части нашего экономического организма. При помощи этого освѣщенія намъ не трудно будетъ обобщить наши народно-экономическія нужды и изъ ходячихъ фактовъ и явленій вывести практическія заключенія.

Что наиболѣе кажется бьющимъ въ глаза во всемъ сложномъ процесѣ нашего народно-экономическаго бытія, роста и уменьшенія, что наиболѣе отчетливо выдается въ немолкаемомъ говорѣ и гамѣ, которыми проявляется живая сила, либующая или страдающая, побѣждающая или побѣждаемая другими силами,—такъ это плачущая нота въ этомъ жизненномъ гамѣ. Мы постоянно на что-нибудь или на кого-нибудь жалуемся, плачемся, или, наоборотъ, хотя это бываетъ въ рѣдкихъ случаяхъ, занимаемся

самостоязіаніемъ, самозаушеніемъ, самооплеваніемъ, т. е. все свое— и свою исторію, и свой народный характеръ, народный темпераментъ, народную честь и совѣсть, нашъ умъ и наши знанія, наши порядки, нашихъ лучшихъ дѣятелей, наше прошедшее и настоящее, наконецъ, нашихъ недавнихъ друзей, недавнихъ даже куміровъ и боговъ, наши идеи и такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе—все это иѣшаемъ въ грязь, унижаемъ. Въ общемъ—мы больше жалуемся. Жаловаться—это наша историческая слабость. Въ самомъ дѣлѣ, богатый, молодой югъ, эта справедливо называемая Новая Россія, жалуется теперь, что ее обижаютъ, притѣсняють и обончательно заѣдаютъ чужеземцы, и притомъ тоже, повидимому, не опасные, какъ греки, неаполитанцы и славяны. Жалобы эти раздались не теперь только, когда начало свою дѣятельность общество содѣйствія русскому торговому мореходству. Жалобы эти слышатся уже десятки лѣтъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ громче раздаются эти жалобы. Странно подчасъ слышать эти жалобы: пришла кучка какихъ-то чужихъ людей—и русскому человѣку житья нѣтъ у себя дома отъ этой кучки; она ему ни заработать не даетъ, ни распорядиться своимъ добромъ не позволяетъ. Какъ-то не вѣрится даже, чтобы это была правда, а между тѣмъ все какъ-будто подтверждаетъ этотъ странный, аномальный фактъ. Точно въ самомъ дѣлѣ чумаки были правы, увѣряя, что у нихъ зайцы ложки отнимали и этими ложками ихъ кулишь хлебали. А оказывается, что чумаки были правы. Это подтверждается тѣмъ, что теперь со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы, будто русскому человѣку отъ еврея житья нѣтъ, что онъ не только захватилъ южныя и западныя наши окраины, т. е. угнѣздился на сапогахъ и на полахъ кафтана русскаго великана, но пробрался ему даже за пазуху, въ Москву и Петербургъ, и распоряжается тамъ, какъ у себя дома. Не смѣшно-ли это? Не дико-ли намъ слышать, будто, говоря словами г. Вальдемара, приведенными въ IV-мъ бюлетенѣ общества содѣйствія русскому мореходству, будто „слонъ жалуется, что его преслѣдуетъ муха“, или, говоря его-же словами, „босоногий богачъ-великанъ плачетъ, что его обижаютъ ребятишки“? Опять намъ вспоминаются чумаки, которые не только отдали безъ сопротивленія свои ложки зайцамъ, но даже со страху и „очи заплющили“. То-же можно сказать и относительно нашихъ стран-

ныхъ жалобъ на нѣмцевъ, не только на остзейскихъ, но и на всѣхъ у насъ живущихъ, будто они заѣдаютъ у насъ хлѣбъ: не споримъ, ѣдятъ они исправно, зарабатываютъ не въ примѣръ больше русскихъ, умѣютъ и властвовать, гдѣ придется; но вѣдь за то-же они и работать умѣютъ, и ужь если нѣмецъ работаетъ, то работаетъ какъ волъ; вѣдь гдѣ въ какомъ-нибудь городишкѣ не завелся одинъ-другой нѣмецъ, тамъ къ чаю сухаря не достанешь, хоть мукой прудъ пруди; часы у насъ стали, на заводѣ паровикъ испортился, у барыни зубъ сгнилъ, въ школахъ дѣти не учатся—все надо къ нѣмцу или къ еврею обѣжать за помощью, потому что эти люди не лѣнятся и ко всему дотошны: часы заводутъ и даже переведутъ, на заводѣ паровикъ починятъ и даже заводъ приберутъ къ своимъ рукамъ, барыни зубъ вставятъ, а барину еще и книжечку подарятъ, какъ дѣтей учить по Фребелевой методѣ. На что-же тутъ жаловаться и киснуть, какъ мы киснемъ?

Въ самомъ дѣлѣ, приведенная нами черта—одна изъ характеристическихъ чертъ нашего общества. А между тѣмъ жалобы наши едва-ли имѣютъ серьезное, законное основаніе: во всемъ томъ, что мы видимъ и слышимъ, кроется какое-то недоразумѣніе. Неосновательность жалобъ обнаруживается уже изъ того, что онѣ поднимаются именно въ тѣхъ углахъ нашей великой земли, гдѣ всѣ явленія жизни представляютъ несомнѣнные признаки наиболѣе быстрого поднятія нашихъ силъ, нашего экономического уровня и общаго благосостоянія. Жалобы эти несутся изъ прибалтійскаго, западнаго и южнаго края, именно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ нашу застоялую жизнь вошла оживляющая струя конкуренціи—конкуренціи капитала, труда физическаго и умственнаго, конкуренціи разныхъ національностей,—однимъ словомъ, та сила, которая сталкиваетъ между собою разнородные элементы и во взаимной борьбѣ, во взаимномъ соревнованіи дѣлаетъ эти элементы болѣе упругими, болѣе неподатливыми и подвижными. Эта конкуренція гонитъ всякую апатію: она—начало анализа своихъ силъ и силъ противника, начало разумной критики и самопознанія. Русскій человѣкъ, не разъ столкнувшійся съ нѣмцемъ или евреемъ на какомъ-нибудь дѣлѣ, предпріятіи или просто на всенедельной жизненной ярмаркѣ, уже становится осмотрительнѣе. Нѣмецъ и еврей заставляютъ наши инертные мозги

неведется живѣе. Вотъ почему тамъ, гдѣ не было этого столкновения элементовъ, русскій лапотъ продолжаетъ ходить за историческою сохою и спать подъ историческою соломенною крышею; а гдѣ этотъ лапотъ столкнулся съ нѣмцемъ или съ евреемъ, или даже съ грекомъ и славунѣмъ, тамъ ужъ онъ превращается въ сапогъ и ходитъ по мостовой, а спитъ въ каменныхъ палатахъ. Всякій разъ, когда, побывавъ послѣ Петербурга въ городахъ привислянскаго края, въ Варшавѣ, Вильнѣ, а потомъ у азовскаго поморья, мы пробираемся черезъ центральную, такъ-сказать, дѣвственную Русь, незапятнанную прикосновеніемъ ни нѣмецкой, ни еврейской, ни греческой, ни даже славунской ноги, обутой всегда въ сапогъ, мы испытываемъ тяжелое чувство чужака, попавшаго въ домъ, гдѣ всѣ спятъ, гдѣ ничто не прибрано, не вымыто, почти не приготовлено для жизни, гдѣ въ цѣломъ городѣ не найдешь порядочной булки или стаканъ чистой воды, гдѣ номера для проѣзжающихъ представляютъ какіе-то хивинскіе клоповники, а немощныя и неосвѣщенныя улицы точно всѣ изрыты волчьими ямами и уставлены капканами для ломки ногъ и экипажей, гдѣ въ городскихъ лужахъ булочки ловятъ головастики, а свиньи купаютъ своихъ новорожденныхъ,— и постоянно грѣшимъ преступною мыслью: „хоть-бы тутъ нѣмцевъ побольше завелось, хоть-бы пробралось сюда пять-шесть еврейскихъ семействъ да завелись греческія конторы, можетъ быть хоть они разшевелили-бы эту мертвую жизнь“.

И дѣйствительно, нѣмецъ, еврей и грекъ являются у насъ тѣмъ общественнымъ и экономическимъ комфортаивомъ, который возбуждаетъ оупѣлые общественныя нервы, и потому присутствіе этихъ чуждыхъ элементовъ въ русскомъ общественномъ тѣлѣ едва ли можно признавать вреднымъ, какъ это ошибочно старается иногда доказывать нашъ узкій, исключительный націонализмъ. И нѣмецъ, и еврей, и грекъ, и даже армянинъ, татаринъ и какой-нибудь славунъ является именно тамъ, гдѣ экономическое чутье указываетъ ему вѣрную наживу; а разъ, что экономическое обоняніе навело его, какъ собаку, на слѣдъ дичи или звѣря—на слѣдъ заработка, онъ разомъ сталкивается съ господствующимъ элементомъ и волей-неволей вызываетъ въ этомъ послѣднемъ чувство соревнованія, охраненія своихъ собственныхъ интересовъ—и вотъ начало борьбы, начало движенія, начало кон-

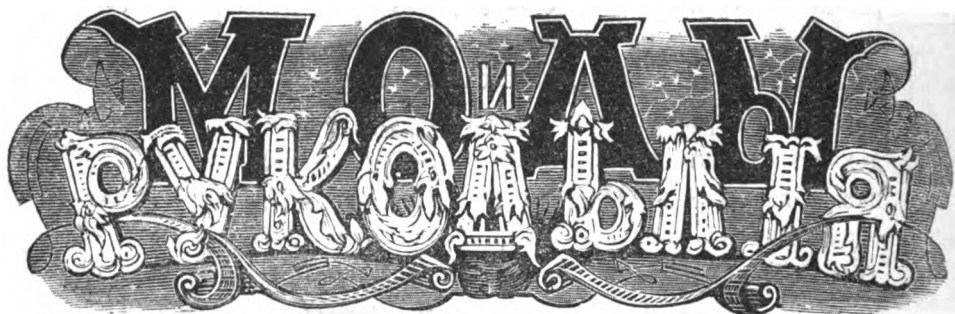
куренціи, той великой силы, которою держится міръ, ибо такою же конкуренціею между силою центробѣжною и центростремительною создается мировая гармонія, движеніе земли вокругъ солнца и луны вокругъ земли, движеніе всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ міровъ, которые мы называемъ звѣздами небесными, — однимъ словомъ, этою силою держится жизнь всего міра и человѣчества. И нѣмецъ, и еврей, и грекъ, и татаринъ, котораго мы видимъ то у Бореля и Дюссо съ подносомъ въ рукахъ и салфеткою на плечѣ, то на улицѣ съ платками и халатами, — все это притягивается непремѣнно къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ чувствуется присутствіе силы экономическаго и духовнаго тяготѣнія, гдѣ образуются крупныя центры нашей государственной и общественной жизни, и въ то-же время эти пришлецы — евреи, греки, нѣмцы, татары, армяне, чухонцы — служатъ не послѣдней творческою силою въ созданіи этихъ крупныхъ государственныхъ и общественныхъ центровъ. Только наша близорукость и историческая неопытность видятъ въ еврей или въ другомъ какъ-бы наносномъ элементѣ нѣчто вредное, мѣшающее намъ, эксплуатирующее насъ. Напротивъ, мы привѣтствуемъ появленіе еврея, нѣмца и проч. въ новомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ прежде не было, какъ піонеровъ развитія, какъ провозвѣстниковъ борьбы, движенія, а слѣдовательно богатства, прогресса и силы. Еврей — это ласточка, которая предвѣщаетъ весну. Если-же жизненная практика представляетъ намъ не мало дурныхъ и даже безобразныхъ проявленій, на которыя способны эти ласточки, то причины этихъ явленій лежатъ слишкомъ глубоко въ нашей исторической, экономической, общественной и государственной почвѣ, а раскапывать эту почву мы считаемъ теперь и неуѣстнымъ, и во всѣхъ отношеніяхъ неудобнымъ.

Что-же касается собственно вопроса о поддержаніи и скорѣе, о созданіи нашего народнаго мореходства, то, въ виду всего высказаннаго нами, мы считаемъ особенно утѣшительнымъ явленіемъ то, что жизненное движеніе въ этомъ случаѣ уже началось на нашихъ южныхъ моряхъ, и причиною его — тоже чуждые элементы, тѣ-же греки, итальянцы, англичане, тѣ-же черныя „коршуны“, которые клюютъ нашихъ „бѣлыхъ лебедей“. Не будь этихъ коршуновъ, бѣлые лебеди вѣчно или, по крайней мѣрѣ, очень долго продолжали-бы ползать, подобно бѣлымъ че-

репахамъ, по нашимъ южнымъ морямъ, и наши запорожцы-финикіане продолжали-бы въ своихъ экономическихъ предпріятіяхъ сообразоваться съ тѣмъ, „брѣются“-ли или не „брѣются черноморцы“. Но разъ, что на этихъ моряхъ появилось паровое судоходство, разъ, что пришлые элементы „возмутили воду“ въ нашей казацкой купели—запорожцы превратятся въ хорошихъ, образованныхъ капитановъ торговыхъ пароходовъ и такъ-же будутъ господствовать на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, какъ господствовали ихъ предки запорожцы, конкурировавшіе въ свое время не съ паровозами, а съ неуклюжими турецкими галерами, такими-же, какъ и ихъ „бѣлые лебеди“, неповоротливыми черепашками. Въ этомъ ручается и наша народная даровитость, и та честная энергія, съ которою отнеслось къ созданію народнаго торговаго флота высочайше утвержденное общество для содѣйствія русскому торговому мореходству, состоящее подъ августѣйшимъ покровительствомъ великаго князя генераль-адмирала Константина Николаевича.

Д. Мордовцевъ.

РЕДАКЦІЯ НОВАГО ДАМСКАГО ИЛЮСТРИРОВАНАГО ЖУРНАЛА

(Спеціальныи журналъ дамскихъ, дѣтскихъ модъ,
женскихъ рукодѣлій, бѣлья и куафюръ)

ОБЪЯВЛЯЕТЪ ПОЛУГODOVУЮ ПОДПИСКУ

съ 1 іюля 1875 г. по 1 января 1876 г.

Даетъ 24 №, съ 48 раскрашенными картинками модъ и дамскихъ работъ высокой парижской работы, до 2,400 гравюръ (модъ, бѣлья и куафюръ) и около 140 полныхъ вырѣзныхъ выкроекъ.

Цѣна 2 р. 50 к., съ доставкою 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к. (на годъ 4 р., 5 и 6 руб.); полный № со всеми приложениями и съ полными вырѣзными выкройками (числомъ отъ 4 до 9, какъ дамскихъ, такъ и дѣтскихъ, а также и бѣлья)—50 коп., съ перес. 60 коп.; отдѣльныя раскрашенныя картинки модъ и узоры 20—30 к. за экземп.

ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ, который заимствуетъ свое содержаніе не изъ одного, подобно другимъ, какаго нибудь нѣмецкаго журнала, а ИЗЪ НѢКОЛЬКИХЪ ЛУЧШИХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ, а именно: „Elegance parisienne“, „Mode artistique“, «Aquarelle mode», «Mode actuelle», «Lingère parisienne», «Arbeitsstube», «Quatre saisons», «Boite à l'ouvrage», «Moniteur des dames», «Journal des dames et des demoiselles», «Revue de la mode» и проч. (стоящихъ по подпискѣ каждый изъ нихъ отъ 6 до 21 рубля въ годъ).

PS. Желающіе выписывать матеріалы для работъ, а также швейныя машины и другіе предметы, благоволятъ обращаться прямо въ эту редакцію, которая выполняетъ всевозможныя порученія.

Изящный альбомъ рукодѣлій народной орнаментации, состоящій изъ 25 листовъ русскихъ и малороссійскихъ рисунковъ для вышиванія. Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Гг. подписчикамъ уступаютъ на 10% дешевле.

Редакція помѣщается: въ С.-Петербургѣ, по Невскому просп., уголъ Вольшой Морской, домъ бывш. Котомина, № 18—14 (при конторѣ объявленій и подписки).

РУССКАЯ СЕМЕЙНАЯ ШКОЛА ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ имѣетъ честь сообщить соотечественникамъ своимъ о томъ, что можетъ допустить въ учрежденную имъ семейную школу къ четыремъ, уже принятымъ, еще двухъ питомцевъ постоянно живущими въ его семьѣ. Могутъ быть приняты дѣвцы возрастомъ отъ 11 до 18 лѣтъ, обладающія удовлетворительно для возраста учебной подготовкой и практически владѣющія французскимъ и нѣмецкимъ языками, если родители ихъ обратятся къ барону Корфу, по возможности, лично, не позже 15-го августа новаго стиля текущаго года, по адресу: Genève, Rue de l'Athénée, № 6, Baron Nicolas Korff.

мореходныхъ классахъ. Бюлетени I, II, III, IV и V, М., 1874.—Доклады обществу сод. рус. торг. мор. объ улучшеніи каботажнаго судоходства и быта моряковъ при-азовскаго края. А. и Н. Журавлевы, М., 1874 и 1875.—Доклады объ организаціи и дѣятельности общества сод. рус. торг. мор. Н. А. Шавровъ и X. М. Вальдемаръ, М., 1874 — 1875.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“:

РОМАНЪ П. ЛѢТНЕВА:

ВНѢ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИНТЕРЕСОВЪ,

изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р.

РОМАНЪ ЛУИЗЫ АЛЬКОТЪ:

АМЕРИКАНКА.

Цѣна безъ перес. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

На всѣ изданія Редакціи журнала „Дѣло“ уступается подписчикамъ на этотъ журналъ 20%.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1875 году; 2) отъ редакціи дамскаго журнала „Моды и Рукодѣлія“; 3) о русской семейной школѣ въ Женевѣ.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1875 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по
Надеждинской улицѣ, д. № 39) и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова,
на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи
Ольхиной, и въ Книжномъ Магазинѣ
для Иногороднихъ, на Невскомъ, въ д.
Льсикова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева,
на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алек-
сѣева; а также въ книжномъ магазинѣ
А. Л. Васильева, на Страстномъ буль-
варѣ, въ д. Шамардина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества —
20 р.; Франція и Данія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція
и Греція — 22 р.; Швейцарія — 23 р.; Италія — 24 р.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

1000

SEARCHED
SERIALIZED

INDEXED

87

1000

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 162